БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ. ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС

Документальные свидетельства

Москва
2021

Федеральное архивное агентство

ПОИСКОВОЕ ДВИЖЕНИЕ РОССИИ

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ ФОНДА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ГРАНТОВ

СЕРИЯ
«БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ. ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ»

Редакционная коллегия серии:
Е.И. Пивовар, *доктор исторических наук, профессор, чл.-корр. РАН*
Б.Н. Ковалев, *доктор исторических наук, профессор*
Е.Ф. Кринко, *доктор исторических наук, профессор*
А.Л. Бормотов, *кандидат технических наук*
В.Г. Кузьмин, *кандидат исторических наук*
Е.П. Малышева, *кандидат исторических наук, доцент*
М.А. Пономарева, *кандидат исторических наук, доцент*
Е.М. Цунаева, *кандидат исторических наук*

Ответственные редакторы серии:
Е.П. Малышева, *кандидат исторических наук, доцент*
Е.М. Цунаева, *кандидат исторических наук*

Настоящее издание представляет часть серийной публикации и включает документы судебного процесса над японскими военными преступниками, проходившего в г. Хабаровске 25–30 декабря 1949 г.

УДК 94
ББК 63.3(2Рос-4Бел)
Х12

Редакционная коллегия сборника:
А. В. Васильев, А. Н. Залеева, Г. Н. Селезнева,
Р. Ш. Шхалиев
Ответственный редактор:
Л. Д. Шаповалова
Ответственный составитель:
А. И. Шишкин

Составители:
И. Е. Арачева, О. Ю. Афонина, Н. А. Иванов (ст.),
Н. А. Иванов (мл.), О. С. Смирнова
Вступительная статья:
С. В. Сливко

Х12 **Хабаровский процесс.** Документальные свидетельства : сборник документов / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева ; отв. ред. Л. Д. Шаповалова ; отв. сост. А. И. Шишкин ; вступ. статья С. В. Сливко. — М., 2021. — 352 с., ил.

ISBN 978-5-9990-0085-9
DOI 10.55297/9785999000859

Сборник содержит документы о подготовке и проведении судебного процесса, проходившего в Хабаровске 25–30 декабря 1949 г., над военнослужащими японской армии, занимавшимися разработкой, массовым производством и испытаниями бактериологического оружия в годы Второй мировой войны, в том числе экспериментами на живых людях.

В сборник включены документы Центрального архива ФСБ России, архивов региональных управлений ФСБ России, Архива внешней политики РФ МИД России, Государственного архива Хабаровского края и Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова.

Большая часть документов публикуется впервые.

© Центральный архив ФСБ России, 2021
© Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева, ответственные редакторы, 2021
© Фонд «Историческая память». Оригинал-макет, издание, 2021

Уважаемые читатели!

Вы держите в руках уникальное издание, в котором впервые публикуются многие недавно рассекреченные документы Хабаровского судебного процесса над японскими военными преступниками, проходившего 25–30 декабря 1949 г. в Хабаровске.

Хабаровский судебный процесс 1949 года — важное событие в истории Второй мировой войны и первого послевоенного десятилетия, требующее осмысления на основе документальных свидетельств.

В ходе Хабаровского процесса были представлены неоспоримые доказательства разработки и испытания милитаристской Японией бактериологического оружия, факты ее подготовки к нападению на нашу страну в кровопролитные годы Великой Отечественной войны.

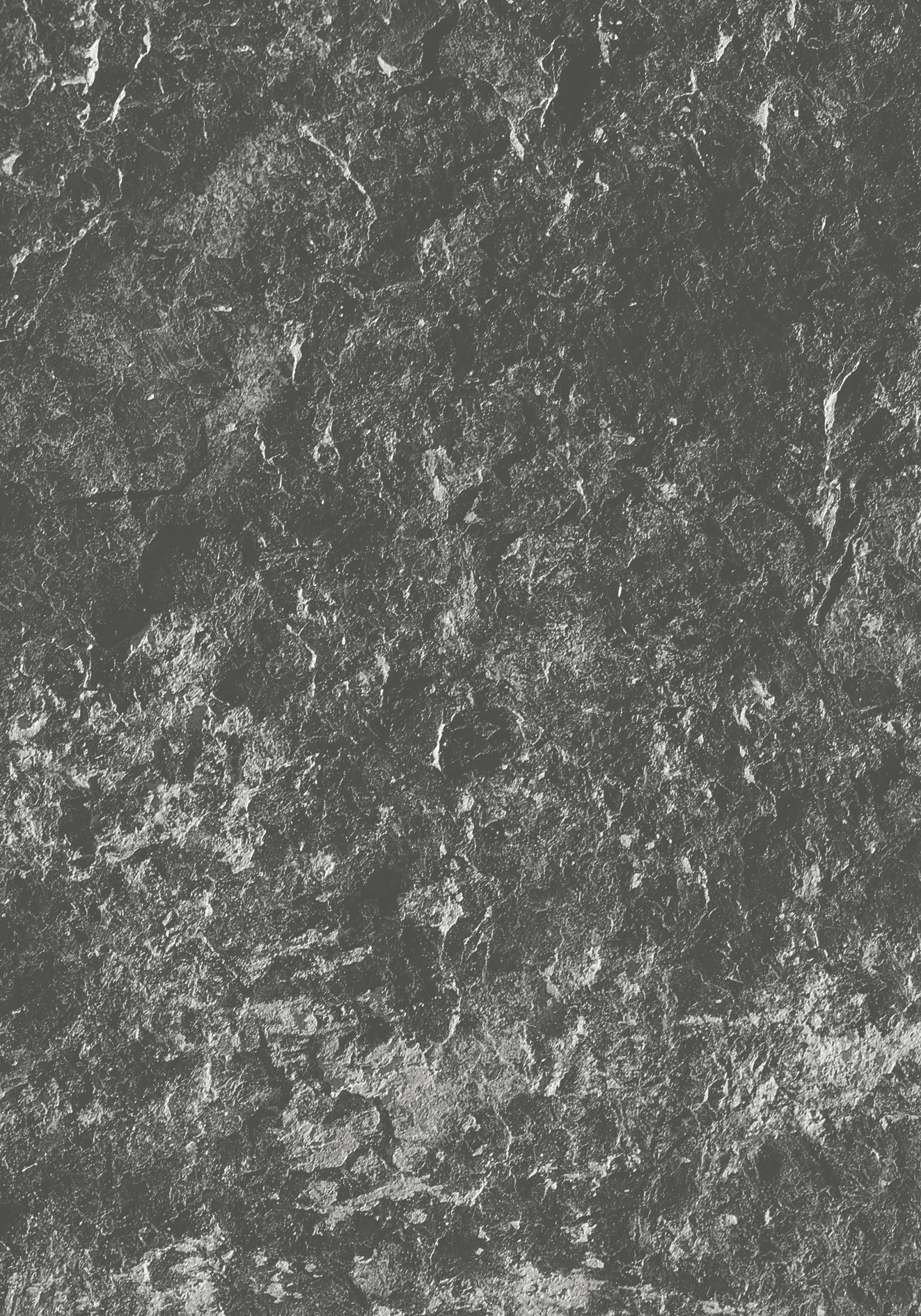
Благодаря большой работе, проведенной в рамках проекта «Без срока давности», документальные материалы Хабаровского процесса стали широко доступны для современных исследователей.

Значение Хабаровского судебного процесса должно быть актуализировано наравне с Нюрнбергским трибуналом и Токийским процессом. Юридически и морально Хабаровский процесс поставил точку в осуждении японского милитаризма как одной из военно-политических сил, развязавших Вторую мировую войну.

Важно помнить, что денонсация договора с Японией в апреле 1945 г. и дальнейшие боевые действия СССР в августе — сентябре 1945 г. — это выполнение союзнических обязательств нашей страны по отношению к странам антигитлеровской коалиции.

В 2021 году исполняется 72 года со дня проведения Хабаровского процесса. Публикуемые в настоящем сборнике документы свидетельствуют, что в 1945 году наша страна принесла мир всей планете, а в 1949 году встала на его защиту от новой бактериологической угрозы.

Губернатор Хабаровского края
М. В. Дегтярев



СОДЕРЖАНИЕ

Введение. Хабаровский процесс 1949 г. 15

Археографическое предисловие 38

Раздел I. Подготовка Японии к войне против СССР — нарушение договора о нейтралитете между СССР и Японией 43

№ 1. Оперативный приказ № 70 3-й Квантунской армии об усилении готовности японской армии к войне против Советского Союза. 9 августа 1938 г. 45

№ 2. Стенографическая запись 10-го заседания Центрального комитета обороны Японии о подготовке к диверсии. 10 июня 1942 г. 49

№ 3. Отчет начальника Муданьцзянского жандармского отряда о работе отряда с июня 1941 г. по июнь 1942 г. 20 июня 1942 г. 52

№ 4. Донесение начальника Дунаньского жандармского отряда о представлении материалов по истории жандармерии в Маньчжурии. 23 февраля 1943 г. 53

№ 5. Донесение начальника Муданьцзянского жандармского отряда о предоставлении материалов по истории жандармерии в Маньчжурии. 25 февраля 1943 г. 55

№ 6. Уведомление начальника отдела полицейской службы штаба Квантунской армии о категориях лиц, направляемых в порядке «спецотправок». 12 марта 1943 г. 56

№ 7. Основные положения допроса военнопленных (из Руководства по службе «секретной войны»). [1945 г.] 59

№ 8. Протокол допроса начальника Харбинского лагеря «Хогоин» майора японской армии Иидзима Иосио о проведении им разведывательной деятельности против Советского Союза. 30 июня 1948 г. 61

№ 9. Из приговора Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока по делу главных японских военных преступников. 1948 г. 63

№ 10. Протокол допроса военнослужащего японской армии Ясуй Такео о его службе в Харбинском лагере «Хогоин» в должности командира охранного взвода. 7 июня 1949 г. 72

№ 11. Протокол допроса генерал-полковника японской армии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямада Отозоо об усилении готовности японской армии к войне против Советского Союза. 10 декабря 1949 г. 73

Раздел II. Подготовка решения о предании суду бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия 75

№ 12. Докладная записка начальника договорно-правового отдела МИД СССР С. А. Голунского заместителю министра иностранных дел СССР В. А. Зорину о целесообразности проведения судебного процесса над группой японских военнопленных, принимавших участие в подготовке бактериологической войны. 2 августа 1948 г. 77

№ 13. Докладная записка А. Я. Вышинского В. М. Молотову о необходимости проведения открытого судебного процесса по делу в отношении японских военных преступников. 5 сентября 1949 г. 78

№ 14. Докладная записка С. Н. Круглова и А. А. Громыко И. В. Сталину с проектом постановления Совета министров СССР об организации в г. Хабаровске открытого судебного процесса над руководящими работниками японского «противоэпидемического отряда № 731». 30 сентября 1949 г. 79

№ 15. Постановление Военной прокуратуры Приморского военного округа о принятии к производству дела в отношении 12 бывших военнослужащих японской армии. 1 ноября 1949 г. 80

Раздел III. Судебный процесс по делу японских военных преступников (г. Хабаровск) 81

3.1. ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ И ПОКАЗАНИЯ ПОДСУДИМЫХ 83

3.1.1. Бактериологическое оружие — разработка и факты применения 83

№ 16. Протокол допроса Ямамото Сеоэй (Танака Массами) о его службе в должности военного врача в противоэпидемическом отряде № 731. 26 декабря 1947 г. 83

№ 17. Собственноручные показания Ямамото Сеоэй (Танака Массами) о его службе в должности военного врача в противоэпидемическом отряде № 731. 18 июля 1949 г. 84

№ 18. Протокол допроса Хотта Реончиро о его службе в должности начальника интендантской части в филиале № 543 противоэпидемического отряда № 731. 20 октября 1949 г. 87

№ 19. Протокол допроса генерал-полковника японской армии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямада Отозоо о деятельности противоэпидемического отряда № 731 и его филиалов. 17 ноября 1949 г. 90

№ 20. Протокол допроса генерал-полковника японской армии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямада Отозоо о деятельности противоэпидемического отряда № 731 и его филиалов и разработке бактериологического оружия. 1 декабря 1949 г. 96

№ 21. Протокол допроса Урабэ Курадзи о его службе в общем подотделе 2-го отдела противоэпидемического отряда № 731 и общем отделении филиала № 543 отряда № 731. 14 декабря 1949 г. 102

№ 22. Протокол допроса рядового японской армии Хатаки Акира о его работе в должности ассистента-лаборанта в отряде № 100. 10 января 1950 г. 105

№ 23. Протокол допроса Ямамото Сеоэй (Танака Массами) о его службе в должности военного врача в противоэпидемическом отряде № 731. 19 мая 1950 г. 107

3.1.2. Маньчжурия — центр разработки бактериологического оружия.....108

№ 24. Протокол допроса генерал-полковника японской армии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямада Отозоо о деятельности противоэпидемического отряда № 731. 27 февраля 1947 г.....108
№ 25. Протокол допроса Ямамото Сеоэй о его службе в должности военного врача в противоэпидемическом отряде № 731. 10 февраля 1948 г.....112
№ 26. Собственноручные показания Ямасита Киёси о его службе в должности санитара в филиале № 162 противоэпидемического отряда № 731. 6 августа 1949 г.....116
№ 27. Протокол допроса генерал-полковника японской армии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямада Отозоо о деятельности противоэпидемического отряда № 731. 10 марта 1949 г.....117
№ 28. Протокол допроса генерал-полковника японской армии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямада Отозоо о деятельности противоэпидемического отряда № 731. 3 ноября 1949 г.....120
№ 29. Протокол допроса поручика санитарной службы японской армии Урабэ Курадзи о его службе в общем подотделе 2-го отдела противоэпидемического отряда № 731 и общем отделении филиала № 543 отряда № 731. 23 ноября 1949 г.....123
№ 30. Протокол допроса солдата японской армии Иримадзира Минору о его службе в материальном отделении филиала № 162 противоэпидемического отряда № 731. 10 декабря 1949 г. 125
№ 31. Протокол допроса Ямамото Сеоэй о его службе в должности военного врача в противоэпидемическом отряде № 731. 17 января 1950 г.....127
№ 32. Протокол допроса Ямамото Сеоэй о его службе в должности военного врача в противоэпидемическом отряде № 731. 27 мая 1950 г.....130
№ 33. Протокол допроса военнослужащего японской армии Ямасита Киёси о его службе в должности санитара филиале № 162 противоэпидемического отряда № 731. 30 мая 1950 г.....133

3.1.3. Концлагерь для русских пленных «Приют» — путь в отряды смерти.....134

№ 34. Протокол допроса заместителя начальника лагеря «Хогоин» поручика японской армии Ямагиси Кендзи о его службе в лагере. 6 января 1948 г.....134
№ 35. Протокол допроса начальника лагеря «Хогоин» майора японской армии Иидзима Иосио о его службе в лагере. 25 июня 1948 г.....139
№ 36. Протокол допроса Ясуй Такео (Касаока Ригоди) о его работе преподавателем русского языка при разведывательной школе № 345, службе в должности начальника охраны лагеря «Хогоин» и участии в расстрелах советских граждан. 13 июля 1948 г.....141
№ 37. Протокол допроса Ясуй Такео (Касаока Ригоди) о его службе в должности начальника охраны лагеря «Хогоин» и участии в расстрелах советских граждан. 12 августа 1948 г. 145
№ 38. Собственноручные показания заместителя начальника лагеря «Хогоин», начальника следственного отделения поручика Ямагиси Кендзи о его службе в лагере. 3 сентября 1948 г.....149
№ 39. Собственноручные показания заместителя начальника лагеря «Хогоин», начальника следственного отделения поручика Ямагиси Кендзи о его службе в лагере. 6 сентября 1948 г. 157

№ 40. Собственноручные показания начальника лагеря «Хогоин» майора японской армии Иидзима Иосио о режиме в лагере и отправках советских граждан в отряд № 731. 30 сентября 1948 г. 159
№ 41. Протокол допроса Ясуй Такео (Касаока Ригоди) о его работе в должности преподавателя русского языка при разведывательной школе № 345, службе в должности начальника охраны лагеря и участии в расстрелах советских граждан. 9 июня 1949 г. 164
№ 42. Протокол допроса заместителя начальника лагеря «Хогоин», начальника следственного отделения поручика Ямагиси Кендзи о его службе в лагере. 21 октября 1949 г. 166

3.1.4. Опыты над людьми — преступления против человечности 168

№ 43. Протокол допроса генерал-майора медицинской службы, начальника Санитарного управления 1-го фронта Квантунской армии Кавасима Киоси о фактах применения бактериологического оружия японскими войсками на территории Китая. 8–20 декабря 1946 г. 168
№ 44. Протокол допроса подполковника медицинской службы, начальника учебно-просветительного отдела противоэпидемического отряда № 731 Ниси Тосихидэ о фактах применения биологического оружия в отношении граждан Китая и Советского Союза. 15–17 января 1947 г. 179
№ 45. Собственноручные показания начальника интендантской части филиала № 543 противоэпидемического отряда № 731 Хотта Риончиро о фактах применения бактериологического оружия и опытах над людьми. 18 июля 1949 г. 186
№ 46. Собственноручные показания военного врача Ямамото Сеоэй (Танака Массами) о проведении опытов над гражданами Советского Союза, Китая и военнослужащими Японии, попавшими в плен во время боев под Халхин-Голом. 23 июля 1949 г. 191
№ 47. Собственноручные показания Хатаки Акира о его работе в должности ассистента-лаборанта в отряде № 100. 4 октября 1949 г. 191
№ 48. Протокол допроса Какемидзу Кадзуёси о его службе в 1-м отделе филиала № 543 противоэпидемического отряда № 731 в должности помощника лаборанта по изготовлению питательной среды для культивации бактерий. 23 октября 1949 г. 192
№ 49. Протокол допроса Исии Такаясу о его работе в должности плотника на строительстве тюремных зданий на территории противоэпидемического отряда № 731 и его показания о проведении опытов над людьми. 29 октября 1949 г. 195
№ 50. Протокол допроса старшего унтер-офицера японской армии Митомо Кадзуо о его службе в противоэпидемическом отряде № 100 и участии в опытах над людьми. 16 ноября 1949 г. 197
№ 51. Протокол допроса генерал-полковника японской армии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямада Отозоо о деятельности противоэпидемического отряда № 731 по проведению опытов над людьми. 23 ноября 1949 г. 208
№ 52. Протокол допроса генерал-полковника японской армии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямада Отозоо о проведении опытов над людьми в противоэпидемическом отряде № 731 и его филиалах. 6 декабря 1949 г. 215

№ 53. Протокол допроса рядового японской армии Хатаки Акира о его работе в должности ассистента-лаборанта в отряде № 100 и проводимых в отряде опытах над людьми. 9 сентября 1950 г. 219
№ 54. Протокол допроса рядового японской армии Хатаки Акира о его работе в должности ассистента-лаборанта в отряде № 100 и проводимых в отряде опытах над людьми. 14 сентября 1950 г. 221

3.2. ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ — УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА 223

№ 55. Протокол допроса свидетеля Нагами Хачироо о работе Хатаки Акира в должности лаборанта в военно-бактериологическом отряде № 100. 13 октября 1949 г. 223
№ 56. Протокол допроса свидетеля, заместителя начальника лагеря «Хогоин», начальника информационно-следственного отделения Ямагиси Кендзи о порядке отправки советских граждан в отряд № 731. 21 октября 1949 г. 224
№ 57. Протокол допроса свидетеля Иинума Хиромото о его службе в должности командира батальона технического учебного отряда в г. Харбине и участии в разрушении сооружений и зданий отряда № 731. 22 октября 1949 г. 226
№ 58. Протокол допроса свидетеля Оосава Мацуо о его службе в Харбинском филиале отряда № 731 в должности санитара и проводимых опытах на людях. 23 октября 1949 г. 228
№ 59. Протокол допроса свидетеля Тамура Тадаси о его службе в должности начальника отдела кадров Штаба Квантунской армии и посещении отряда № 731. 31 октября 1949 г. 232
№ 60. Постановление Военного прокурора Приморского военного округа о назначении судебно-медицинской экспертизы по уголовному делу военнопленных японской армии, обвинявшихся в подготовке бактериологической войны против СССР. 1 ноября 1949 г. 235
№ 61. Заключение судебно-медицинской экспертизы по уголовному делу военнопленных японской армии, обвинявшихся в подготовке бактериологической войны против СССР. Не позднее 16 декабря 1949 г. 236
№ 62. Протокол допроса свидетеля, солдата японской армии Фуруичи Есио о его службе в противоэпидемическом отряде № 731 и проводимых опытах над людьми. 5 декабря 1949 г. 242

3.3. ИТОГОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ХАБАРОВСКОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА 245

№ 63. Обвинительное заключение Военной прокуратуры Приморского военного округа по делу военнослужащих японской армии, обвинявшихся в подготовке и применении бактериологического оружия. 16 декабря 1949 г. 245
№ 64. Докладная записка обвинителя от СССР на Токийском процессе А. Н. Васильева министру иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому о предоставлении Международному трибуналу в Токио материалов о подготовке Японией бактериологической войны против СССР. 27 декабря 1949 г. 262

№ 65. Приговор Военного трибунала Приморского военного округа по делу японских военных преступников. 30 декабря 1949 г. ... 264
№ 66. Письмо Генерального прокурора СССР государственного советника юстиции 1-го класса Г. Н. Сафонова министру иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому и список лиц, изобличенных по материалам Хабаровского процесса в подготовке и применении бактериологического оружия. 3 января 1950 г. ... 272
№ 67. Докладная записка заведующего 2-м Дальневосточным отделом МИД СССР Е. Г. Забродина министру иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому о мероприятиях в связи с окончанием Хабаровского процесса и список японских преступников, находящихся вне СССР. 3 января 1950 г. ... 276
№ 68. Письмо министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского И. В. Сталину с проектом ноты правительства СССР правительству США о выдаче Советскому Союзу для предания суду как военных преступников императора Японии Хирохито и 4-х генералов японской армии. 20 января 1950 г. ... 278
№ 69. Нота Правительства СССР Правительству США о предании международному суду как военных преступников императора Японии Хирохито и 4-х генералов японской армии. 1 февраля 1950 г. ... 286
№ 70. Письмо министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского министру юстиции СССР К. П. Горшенину о публикации материалов судебных процессов, проводившихся на территории СССР, по делам немецко-фашистских и японских преступников. 4 мая 1950 г. ... 294
№ 71. Нота Правительства СССР Правительству США о предании международному суду как военных преступников императора Японии Хирохито и 4-х генералов японской армии. 31 мая 1950 г. ... 294
№ 72. Докладная записка 1-го заместителя министра иностранных дел А. А. Громыко И. В. Сталину о направлении правительствам США и Великобритании третьей ноты по вопросу о предании международному суду как военных преступников императора Японии Хирохито и 4-х генералов японской армии. 6 декабря 1950 г. ... 295
№ 73. Нота Правительства СССР Правительству США о предании международному суду как военных преступников императора Японии Хирохито и 4-х генералов японской армии. 15 декабря 1950 г. ... 296

Комментарии ... 298

Именной комментарий ... 318

Список сокращений ... 332

Именной указатель ... 334

Географический указатель ... 342

Приложения ... 343

ВВЕДЕНИЕ. ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС 1949 г.

Масштабные социально-экономические преобразования в Японии, начавшиеся после реставрации Мэйдзи (1867 г.), привели к стремительной модернизации страны и выходу ее на первые роли в международных отношениях на Тихом океане. Формирование и развитие японских монополий происходило при активном участии государства, обусловив высокую степень переплетения интересов бизнес-элиты с интересами Японского государства.

Включение Японии в международное разделение труда побуждало японские правящие круги к проведению активной внешней политики, борьбе за источники сырья и рынки сбыта, подталкивало ее к конкуренции с мировыми державам и умелому использованию противоречий между ними для укрепления собственных позиций в регионе и на мировой арене. Индустриализация, широкое внедрение в экономику достижений науки и техники, создание современной регулярной армии по передовым европейским стандартам, сочетание проверенных традиционных способов управления со смелыми новациями стали важными факторами, которые позволяли Японии надеяться на успех в противостоянии с иностранными государствами.

К концу XIX — началу XX в. Япония оказалась единственным азиатским государством, которое сумело не только сохранить свою самостоятельность, но и приступить к активной внешней политике. Это привело к созданию концепций японского паназиатизма, которые прошли достаточно длительный путь эволюции от идей особого пути стран Азии и ведущей роли Японии в деле защиты самобытности азиатских стран, от «вестернизации» до идеологии создания «Великой Азии» под гегемонией Японии при подчеркивании расового превосходства японцев перед другими народами «желтой расы»[1].

Окончательное оформление идеологии японского милитаризма произошло в 1920–1930-е гг. Она складывалась под влиянием как традиционной, так и европейской общественно-политической мысли, в том числе и крайне правых идеологий — итальянского фашизма и германского национал-социализма. Идеология японского милитаризма включала в себя идею о превосходстве интересов японской нации и Японского государства перед интересами как частных лиц, так и других народов, а также перед нормами международного права. Огромная роль в реализации этих интересов отводилась японским вооруженным силам, которым развязывались руки для максимально эффективного достижения поставленной перед ними цели — завоевать для Японии «место под солнцем» и обеспечить ее господство в Азии, даже если это повлечет за собой массовое уничтожение мирного населения других стран.

В течение полувека правящие круги Японии последовательно реализовывали свои планы по установлению военно-политического господства в Азии. Японо-китайская война (1894–1895), Русско-японская война (1904–1905), оккупация Кореи (1910), японская интервенция на Дальний Восток России (1918–1925), оккупация Маньчжурии и со-

здание марионеточного государства Маньчжоу-го (1931), положившее начало японо-китайской войне вторжение в Китай, сопровождавшееся кровавой Нанкинской резней (1937), советско-японские конфликты у озера Хасан (1938) и у реки Халхин-Гол (1939) — таковы основные вехи на пути японского милитаризма к доминированию в регионе. Развязанные Японским государством войны и военные конфликты привели к гибели миллионов человек, оставив трагические следы в истории стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Масштабное осуществление военной экспансии сопровождалось массовым террором против мирного населения, военными преступлениями, геноцидом отдельных народов.

В 1931 г. Япония фактически оккупировала Маньчжурию и стала превращать ее в плацдарм для агрессии против СССР, что стало важнейшим шагом для воплощения военной доктрины Японского государства.

Квантунская группировка войск, размещенная на территории Маньчжурии и Кореи, в 1930–1940-е гг. постоянно усиливалась и получила боевой опыт в ходе пограничных конфликтов у оз. Хасан и р. Халхин-Гол, а также военных действий против китайских коммунистических партизанских соединений. Японскому командованию подчинялись вооруженные силы сателлитов Японии: армия Маньчжоу-го, армия Мэнцзяна (Внутренней Монголии), Суйюаньская армейская группа. Общая численность всех имевшихся в распоряжении японского командования войск к августу 1945 г. насчитывала порядка 900 тысяч — 1 млн человек. Уровень подготовки и оснащенности воинских частей был различным. Регулярные части японской армии в целом обладали высокой боевой выучкой, однако характеристики их вооружения и степень технической оснащенности к 1945 г. был ниже, чем у Красной армии. Войска марионеточных государств имели слабую боеспособность и вооружение. Тем не менее Квантунская армия представляла собой грозную силу и в случае начала войны имела такое важное преимущество, как 17 глубокоэшелонированных укрепленных районов на территории Маньчжурии, которые насчитывали более 4500 долговременных сооружений и прикрывали 800 км границы с СССР.

В Маньчжурии и Корее был создан мощный военно-промышленный комплекс, который не только удовлетворял потребности Квантунской армии, но и обеспечивал снабжение метрополии. Мощная энергетическая база обеспечивала его непрерывное расширение. Здесь Япония добывала 50 % угля и железной руды, 55 % синтетического горючего[2]. Вся занятая японскими войсками территория была покрыта густой сетью автомобильных и железных дорог, аэродромов, складов и казарм для размещения войск. Военный министр Тодзио имел все основания для того, чтобы заявить: «Если белые дьяволы осмелятся высадиться на наши острова, то японский дух уйдет в великую цитадель — Маньчжурию. В Маньчжурии нетронутая доблестная Квантунская армия, несокрушимый военный плацдарм. В Маньчжурии мы будем сопротивляться хоть сто лет». От обладания Маньчжурией в значительной степени зависела способность Японии продолжать боевые действия.

Поиски союзников на международной арене привели Японию к заключению в 1936 г. Антикоминтерновского пакта с нацистской Германией, что положило начало складыванию агрессивного блока «оси», окончательно завершившемуся в 1940 г. подписанием Берлинского пакта.

Несмотря на заключение 13 апреля 1941 г. Пакта о нейтралитете между СССР и Японией, на всем протяжении Великой Отечественной войны Япония не только систематически нарушала его, но и готовила нападение на Советский Союз. Известно как минимум 3 плана нападения на СССР, разработанные в период действия договора о нейтралитете, — «Кантокуэн» (1941), «Операция 51» (1942), план нападения 1943 г.[3]

Японская военная разведка передавала Германии добытые ею сведения о состоянии Красной армии и передислокациях ее частей с Дальнего Востока на советско-германский фронт. Советские пограничники зафиксировали несколько сотен случаев обстрелов советской границы японскими войсками. Японские самолеты систематически нарушали воздушное пространство СССР с целью аэрофотосъемки и иных разведывательных действий. Военно-морские силы Японии топили советские транспорты, следовавшие во Владивосток с грузами из США, полученными по ленд-лизу. Военная опасность со стороны Японии приводила к необходимости держать на Дальнем Востоке большую группировку войск, которая могла быть задействована на фронтах Великой Отечественной войны. Маршал Советского Союза А.М. Василевский отмечал: «Для борьбы с агрессором нам до зарезу нужна была каждая свежая дивизия, а мы держали и не могли не держать на Дальнем Востоке несколько армий в полной боевой готовности. Япония лишь выжидала момента для развязывания войны против Советского Союза».

«Победа над Японией может быть гарантирована лишь в том случае, если будут разгромлены японские сухопутные силы» — такого мнения придерживался главнокомандующий американскими вооруженными силами в бассейне Тихого океана генерал Д. Макартур. В течение всей войны на Тихом океане США и Великобритания настаивали на скорейшем вступлении СССР в войну с Японией, поскольку не имели достаточного количества сухопутных сил для разгрома основных сил японской армии и рисковали столкнуться с затяжной кровопролитной войной до 1947–1948 гг. СССР дал принципиальное согласие на вступление в войну против Японии на Тегеранской конференции (1943), четко обозначив свои государственные интересы. На Ялтинской конференции (1945) И. В. Сталин заверил союзников, что СССР вступит в войну с Японией через 2–3 месяца после капитуляции Германии. Несмотря на предпринятые после победы над Германией попытки Японии склонить СССР к посредничеству между ею и США в обмен на территориальные уступки, СССР твердо придерживался союзнических обязательств и поддержал требования Потсдамской декларации. Япония ответила категорическим отказом на принятие ее условий и отказалась капитулировать. Вступление СССР в войну стало неизбежным[4].

В ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции основные силы японской Квантунской армии и войск ее сателлитов были разгромлены в течение 10 дней (9–19 августа 1945 г.). 19 августа из Харбина был доставлен начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Хата с группой старших и высших офицеров. Маршал Советского Союза А.М. Василевский вручил ему ультиматум, содержавший подробные условия капитуляции. Они были переданы в японские соединения и части, которые начали складывать оружие. Несмотря на это, отдельные группы врага и гарнизоны его укрепленных районов еще длительное время не прекращали боевые действия. Только 22 августа завершилась ликвидация Гайцзяского и Хутоуского узлов сопротивления. 27 августа сдались в плен остатки Шимынцзяского узла сопротивления, и только 30 августа сложила оружие 8-тысячная группировка в районе Ходатунь. Известны случаи сопротивления японских войск и после подписания Японией акта о капитуляции 2 сентября 1945 г. Всего советским войскам сдались в плен 640 276 человек (вместе с 79 276 военнослужащими, сдавшимися в плен после 3 сентября 1945 г.)[5].

В ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции были развеяны надежды японского руководства на затяжную войну и долговременную оборону Японских островов. Недаром 9 августа японский премьер-министр Судзуки признал: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в без-

выходное положение и делает невозможным продолжение войны»[6]. А в рескрипте от 17 августа «К солдатам и матросам» император Хирохито говорил: «Когда в войну против нас вступил и Советский Союз, продолжать сопротивление... означает поставить под угрозу саму основу существования нашей империи»[7].

Решающий вклад советского народа в разгром милитаристской Японии и окончание Второй мировой войны изменил международную обстановку в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Подъем национально-освободительного движения стал одним из итогов Победы на Дальнем Востоке. 17 августа 1945 г. провозгласила независимость Индонезийская республика, 2 сентября — Вьетнам, 12 октября — Лаос. 9 сентября 1948 г. была создана Корейская Народно-Демократическая Республика. Освобождение Маньчжурии от японских войск, передача СССР трофейной военной техники китайским коммунистам существенно изменили баланс сил внутри Китая. Вновь развернувшаяся борьба между КПК и Гоминьданом окончилась победой китайских коммунистов и провозглашением 1 октября 1949 г. Китайской Народной Республики. Ликвидация последнего очага войны восстановила историческую справедливость — в состав СССР вошли Южный Сахалин и Курильские острова. Дальний Восток России избавился от угрозы военного вторжения и оккупации со стороны Японии.

Советский Союз выступил одним из инициаторов организации Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Он проходил в Токио с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. В его состав входили судьи от одиннадцати стран. Представителем СССР на этом процессе выступил член Военной коллегии Верховного Совета СССР генерал И. М. Зарянов. Кроме него, в качестве дополнительных обвинителей были назначены член-корреспондент Академии наук СССР С. А. Голунский, государственные советники юстиции А. Н. Васильев и Л. Н. Смирнов. Председателем трибунала был назначен представитель Австралии — Уильям Уэбб, главным обвинителем — американский адвокат Джозеф Кинан.

Продолжавшийся свыше двух с половиной лет Международный военный трибунал закончился вынесением приговора по делу 25 японских военных преступников. К смертной казни через повешение были приговорены 7 человек, 16 подсудимых были приговорены к пожизненному заключению, 1 — к 20 годам, 1 — к 7 годам лишения свободы. Ни один из подсудимых не был оправдан. Приговор над семью военными преступниками, осужденными на смертную казнь, был приведен в исполнение в ночь с 22 на 23 декабря 1948 г. во дворе тюрьмы Сугамо в Токио.

Изменение международной обстановки (провозглашение КНДР в 1948 г. и создание КНР в 1949 г.) вызвало изменения в политике американской оккупационной администрации в США. Прекратилось очищение административного аппарата от милитаристски настроенных служащих, были свернуты антимилитаристские меры. США стали рассматривать Японию в качестве важного союзника в противостоянии с социалистическим странами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В 1948 г. США изменили проводимую в отношении Японии политику, начав «обратный курс», выразившийся в свертывании демократических преобразований, ограничении деятельности левых политических партий, дискриминационных мерах против коммунистов и отмене репрессий в отношении милитаристских элементов. Изменилось также и отношение к японским военным преступникам. В конце декабря 1948 г. из тюрем были освобождены все подозревавшиеся в военных преступлениях лица, которым еще не были предъявлены обвинения. 7 марта 1950 г. главнокомандующий оккупационными войсками в Японии генерал Макартур издал «циркуляр № 5», согласно которому все военные преступники, отбывавшие на то время заключение по приговорам всех военных судов (в том числе и по пригово-

рам Международного военного трибунала для Дальнего Востока), могут быть досрочно освобождены[8].

Суд в Токио происходил на фоне начинавшейся холодной войны, что отразилось на ходе процесса. Советские представители отстаивали позиции привлечения к суду широкого круга лиц, виновных в развязывании Второй мировой войны на Тихом океане. Однако далеко не все главные военные преступники и организаторы войны Японии были посажены на скамью подсудимых, поскольку суд над ними мог привести к нежелательным последствиям для интересов США в Японии. Избежали наказания многие представители императорской фамилии во главе с императором Хирохито, ряд видных чинов японского генералитета и руководители японских монополий («дзайбацу»). В числе тех, кто не предстал перед трибуналом в Токио, были и японские военные, проводившие бесчеловечные эксперименты над людьми, разрабатывавшие бактериологическое оружие в секретных лабораториях на территории Китая и применявшие его как в ходе военных действий, так и в отношении мирного населения с экспериментальными целями. Предложения советских представителей рассмотреть совершенные ими военные преступления были отклонены американским руководством трибунала.

К началу работы Токийского процесса в распоряжении как американских, так советских военных имелись свидетельства о наличии у Японии бактериологического оружия. Советская военная разведка располагала информацией о секретных бактериологических, биологических и химических опытах, о трансплантации и удалении органов у подопытных, а также других античеловеческих экспериментах, проводимых японскими медицинскими специалистами и военными медиками на живых людях уже с начала 1940-х гг. Эти данные были получены от русских студентов Харбинского медицинского института, направляемых властями Маньчжоу-го для прохождения практики в японские военно-медицинские спецотряды[9].

Однако детальная информация как у СССР, так и у США отсутствовала, между тем как обладание сведениями об оружии массового поражения имело большое военно-стратегическое значение. С сентября по октябрь 1945 г. в Японии работала специальная группа по выявлению лиц, обладающих важной научно-технической информацией. Возглавлял работу этой группы эксперт военной базы США, где разрабатывалось биологическое и химическое оружие, Кэмп Детрик. Все 10 человек, опрошенных группой, утверждали, что занимались разработкой системы бактериологической защиты Квантунской армии, однако ничего не сообщили о разработке бактериологического оружия и проводившихся экспериментах над людьми.

В январе 1946 г. расследование в Японии возобновилось, поскольку к этому времени в руках США оказались генералы Китано и Исии — руководители отряда 731, являвшегося основной базой разработки бактериологического оружия. Незадолго до разгрома Квантунской армии и занятия Красной армией Маньчжурии Сиро Исии, являвшемуся основным вдохновителем и организатором работ по разработке бактериологического оружия, удалось эвакуироваться с большей частью сотрудников и секретной документацией в Корею, прихватив с собой архив. Всё оборудование, помещения отряда, а также остававшиеся в живых люди, на которых ставились медицинские опыты, были уничтожены. Из Кореи Исии перебрался в Японию, где его и обнаружили американцы. Допросы Китано и Исии продолжались до мая, но не дали результатов.

Советскими органами госбезопасности была проведена огромная работа по фильтрации японских пленных и выявлению среди них лиц, имевших отношение к японским исследованиям в области бактериологического оружия. Были выявлены даже

жандармы, занимавшиеся «спецотправками» и расстрелами подопытных людей. Важную роль в этой работе играл специалист-переводчик УВД Хабаровского края, участник Токийского процесса Георгий Георгиевич Пермяков, в совершенстве владевший китайским и японским языками. Он вел работу в особом лагере № 2045, где содержались особо важные высшие чины Квантунской армии.

По воспоминаниям Пермякова, «в 1946 г. из Москвы пришла шифровка — просили Хабаровский краевой центр МВД собирать материал о бактериологическом оружии, то есть допрашивать военнопленных и брать письменные показания. И тут мы “раскопали” 731-й отряд. И установили, что в нашем лагере для военнопленных находятся три генерала, которые руководили этой работой. Они стали давать показания. Но не сразу. Всего мы беседовали с 1000 военнопленных. От показаний рядовых солдат мы шли к допросам старших чинов и в конце концов с помощью очных ставок “раскололи” этих трех генералов. Мы выезжали в Харбин, опрашивали китайцев. Мы собрали огромный материал, которым гордились. Весь этот материал мы готовили для Токийского процесса — восточного “Нюрнберга”. Но там он не был использован»[10].

Первоначально американская сторона проявила заинтересованность в отношении находившихся в СССР японских военнопленных и собранных данных. 4 июня 1946 г. на Токийском процессе началась фаза обвинения, в ходе которого начальник следственного отдела Рой Морган обратился к советскому обвинению с просьбой организовать допрос Кадзицука Рюдзи — начальника санитарной службы Квантунской армии по вопросам подготовки японцами бактериологической войны. В начале августа 1946 г. генерал-лейтенант Кадзицука Рюдзи был допрошен в качестве свидетеля и подтвердил, что Управление по водоснабжению и борьбе с эпидемиями Квантунской армии находилось у него в подчинении, однако о разработке бактериологического оружия он умолчал. 11 августа 1946 г. был допрошен в качестве свидетеля генерал-майор Кавасима (с 1941 г. по март 1943 г. — начальник производственного отдела отряда 731). Уже на первом допросе он сообщил сведения, которые оказались чрезвычайно интересны советским следователям. Благодаря им удалось прояснить, что задачи и масштаб работ отряда № 731 выходили далеко за рамки эпидемиологической защиты японской армии и являлись преступными не только по отношению к китайцам, но и угрожали безопасности Советского Союза. По словам генерала, деятельность отряда преследовала цель изыскания эффективных средств бактериологического нападения на противника. Он заявил, что жертвами бесчеловечных экспериментов являлись не только китайцы, но и представители других национальностей, в том числе русские, монголы и др. На вопрос, «была ли направлена деятельность отряда на подготовку бактериологической войны против СССР», Кавасима ответил, что, «исходя из назначения Квантунской армии», не может отрицать этой возможности[11].

29 августа 1946 г. помощник американского обвинителя Дэвид Н. Саттон в своем выступлении на Токийском процессе сообщил об экспериментах над гражданскими лицами в медицинских лабораториях. Суд попросил американское обвинение предоставить более полные доказательства преступной деятельности японских военных медиков. Тогда американцы обратились к советской стороне, поскольку в сентябре начал давать свидетельские показания майор медицинской службы, бывший начальник отделения 4-го отдела отряда № 731 Карасава Томио. Во время допросов он довольно подробно рассказал о численности, структуре, основных направлениях и преступных методах деятельности отряда, о роли Исии в разработке биологического оружия[12].

Показания Карасавы были направлены советским военным специалистам — бактериологам санэпидотряда № 46 Забайкальского военного округа, которые высоко оценили уровень его профессионализма, а также логическую и фактологическую непротиворечивость в изложении сведений. Также они подтвердили его показания личным опытом пребывания в Маньчжурии в августе — сентябре 1945 г., когда заметили в распоряжении Квантунской армии наличие ряда бактериологических учреждений, хорошо оснащенных аппаратурой и необходимыми химикатами, причем их дислокация и масштаб значительно превосходили обычную потребность для противоэпидемического обследования.

Собранные в СССР материалы были предъявлены главному обвинителю Киннану, который выразил просьбу организовать доставку Кавасимы Киоси и Карасавы Томио в Токио для дачи свидетельских показаний. В результате мнения представителей МВД и МИД СССР разделились. Министр внутренних дел С. Н. Круглов не посчитал возможным отправку японских генералов в Токио, поскольку они были нужны для проведения дальнейших следственных действий на территории СССР, в том числе и по выявлению находившихся в советском плену военных преступников. Советский МИД настаивал на необходимости допроса Кавасимы и Карасавы в рамках Токийского процесса.

Однако в конце 1946 г. американское обвинение внезапно отказалось от идеи использования советских материалов, посчитав их недостаточными для поддержки своей линии обвинения. Пытаясь выяснить мотивы отказа, представители СССР одновременно предпринимали меры, чтобы поднять в трибунале вопрос о подготовке Японией бактериологической войны уже советским обвинением и использовать в нем показания разработчиков бактериологического оружия.

7 января 1947 г. советский обвинитель А. Н. Васильев направил в правовой отдел штаба Макартура письмо, в котором изложил сведения, полученные МВД СССР в ходе расследования о разработке и использовании Японией бактериологического оружия против русских и китайцев, а также о бесчеловечных медицинских экспериментах над людьми. На этом основании советская сторона просила выдать ей Исии Сиро «как военного преступника, совершившего преступления против СССР»[13].

США возобновили допросы попавших в их руки генералов, в результате чего американское командование вооруженными силами на Дальнем Востоке предоставило Исии и его бывшим подчиненным иммунитет от судебного преследования в обмен на передачу США всей имеющейся в их распоряжении информации о секретных бактериологических разработках. Опасаясь возмездия за совершенные преступления и полагаясь на освобождение от судебного преследования, 19 военных медиков, являвшихся ключевыми фигурами японской программы бактериологической войны, составили секретный доклад, в котором передали США уникальную информацию, полученную в ходе экспериментов в Маньчжурии.

Одним из результатов нового расследования стал доклад патологов Эдвина Хилла и Джозефа Уиктора, в октябре 1947 г. побывавших в оккупированной Японии, где они встречались с Исии. В подготовленном ими докладе, который привел в своем исследовании японский историк науки Кэйити Цунейси, подчеркивалась научная ценность японских экспериментов: «Свидетельства, собранные в ходе этого расследования, <...> представляют собой данные, которые были получены японскими учеными, затратившими миллионы долларов и годы работы. Была получена информация о восприимчивости человека к болезням, вызываемым определенными дозами инфекционных бактерий. Такую информацию невозможно получить в наших лабораториях из-за щепетильного отношения к экспериментам на человеке».

В феврале 1947 г. представители штаба Макартура обратились к генерал-лейтенанту К. Н. Деревянко, члену Союзнического совета для Японии от СССР, с просьбой о передаче им для предания суду находившихся в советском плену двух японских генералов — Икэтани и Китадзава Тэйдзиро. Они обвинялись в бесчеловечном отношении к военнопленным, а также совершении военных преступлений. Советская сторона согласилась пойти навстречу, но при условии выдать СССР Исии Сиро и Оота Киоси. 16 апреля 1947 г. К. Н. Деревянко получил ответ из штаба Макартура, в котором сообщалось, что Исии и Оота не могут быть переданы СССР, поскольку «...у Советского Союза, по-видимому, нет ясно выраженных интересов в военных преступлениях, совершенных японцами над китайцами и маньчжурами»[14]. Фактически американская оккупационная администрация в Японии дала понять советской стороне, что считает активность СССР в возбуждении вопроса о привлечении к суду виновных в подготовке бактериологической войны и проведении бесчеловечных опытов над людьми излишней.

Вместе с тем в американской прессе на протяжении 1946–1947 гг. появлялись публикации, которые недвусмысленно свидетельствовали о прямой заинтересованности США в разработке собственного бактериологического оружия. Представители научного сообщества США с восторгом высказывались о перспективах, которые может открыть использование бактериологического оружия против вероятного противника, начиная с возможности начала войны без ее формального объявления и заканчивая быстротой достижения военных целей при сохранении нетронутыми ресурсов страны-противника, которые достанутся победителю. «Доктрина Трумэна», провозглашенная президентом США в выступлении перед Конгрессом 12 марта 1947 г., вполне конкретно определяла наиболее вероятными противниками США Советский Союз и формирующееся вокруг него социалистическое содружество. Министр военно-морских сил США и первый министр обороны США Д. Форрестол 12 марта 1948 г. публично заявил, что в США проводятся исследования в области применения бактериологического оружия «в таких масштабах, чтобы можно было использовать бактериологическое оружие в будущем»[15]. Одна из ключевых ролей в этих исследованиях отводилась японским военным преступникам, которым США предоставили судебный иммунитет.

Американский исследователь послевоенной политики США в Японии Джон Дауэр, подробно изучивший расследование японских военных преступлений американцами, сделал волне определенный вывод: «Соединенные Штаты одновременно участвовали в разоблачении одних военных преступлений Японии и сокрытии других. После войны, как и в случае с нацистами, мы вовлекали на свою сторону фашистов и убийц, которые, как нам казалось, обладали навыками или знаниями, которые могут пригодиться в холодной войне». Между справедливым возмездием в отношении военных преступников и преданием гласности обстоятельств разработки ими оружия массового уничтожения, с одной стороны, и привлечением их на свою службу для продолжения исследований уже в интересах США, с другой стороны, американская сторона выбрала второй путь. В результате на Токийском процессе разработка Японией бактериологического оружия с целью ведения агрессивной войны и массового уничтожения населения стран — жертв агрессии не была обстоятельно рассмотрена и виновные в совершении военных преступлений не были наказаны.

Токийский процесс был главным, но не единственным в череде судебных процессов над японскими военными преступниками, организованных союзниками СССР по антигитлеровской коалиции. «Директива в отношении выявления, ареста и суда над лицами, подозреваемыми в совершении военных преступлений», направленная

правительством США генералу Макартуру, гласила, что «...военное командование любой нации, участвующей в оккупации Японии, может создать специальные военные суды для слушания дел военных преступников, которые не задержаны или не требуются Макартуру для разбора их дел международным судом или трибуналом». Параграф первый этого документа определял содержание понятия «военные преступления»: а) планирование, подготовка, начало и проведение агрессивной войны или войны, нарушающей международные договоры, соглашения и обязательства...; б) нарушение законов или обычаев войны; в) убийства, уничтожение, закабаление, депортация и пр. Негуманные акты, совершенные в отношении гражданского населения до или во время войны».

Советское руководство имело в виду эту директиву, когда принималось решение о проведении отдельного судебного процесса в Хабаровске. Оно учитывало факты проведения судебных процессов вне Международного трибунала в Токио. Суды над японскими военными преступниками (исключая главных) проводились в США, Австралии, Китае, Англии, Франции и Голландии[16]. В ходе судебных процессов меньшего масштаба, прошедших в Иокогаме, Сингапуре, Маниле и ряде городов стран Азии, пострадавших от японской агрессии, были рассмотрены судебные дела преступников класса «В» и «С» (зверства, жестокое обращение с военнопленными и т. п.). К смертной казни были приговорены 937, к пожизненному заключению — 358, к другим наказаниям — более 3 тыс. человек[17].

Отказ США рассматривать обвинения против японских разработчиков бактериологического оружия отнюдь не означал, что советская сторона прекратит расследование их деятельности. В советских лагерях продолжала проводиться активная работа по выявлению и допросу сотрудников «противоэпидемических» отрядов Квантунской армии. Сотрудник отряда № 731 подполковник медицинской службы Ниси Сюньэй (Тосихидэ) дал показания о применении японскими войсками бактериологического оружия в 1939 г. против советских и монгольских войск в р-не Халхин-Гола и в мае — июле 1940 г. в Центральном Китае в районе Нимбо. Применение на войне бактериологических средств было запрещено Женевским протоколом 17 июня 1925 г., который Япония подписала, но посчитала возможным нарушить.

В ходе расследования приобретали особое значение установленные ранее факты. Например, после занятия Красной армией г. Ванемяо на юго-западной границе города вблизи японского военного городка было обнаружено полусгоревшее каменное здание — единственное сожженное здание в этом городе. Рядом с ним находились склад химикатов и лабораторного оборудования, а также аптечный склад, рядом с которым валялись горы разбитой лабораторной посуды, причем большинство из них с питательными средами и ясно выраженными бактериальными культурами. В самом двухэтажном каменном строении были обнаружены аптека, клиническая лаборатория, пять комнат типа госпитальных палат, туалетные и душевые комнаты, операционная, автоклавная и другие помещения, характер которых свидетельствовал о том, что здесь размещалась крупная бактериологическая лаборатория. Ее документация была либо уничтожена, либо вывезена. Тогда же, в 1945 г., в Ванемяо была зафиксирована вспышка чумы.

Из допросов японских военнопленных и показаний свидетелей стала складываться картина разветвленной сети бактериологических лабораторий и их филиалов, которая не только разрабатывала бактериологическое оружие, но и производила его в промышленных масштабах с целью использования в военных действиях. Как было выяснено в ходе следствия, производственный отдел отряда № 731 был оснащен мощной аппаратурой для культивирования бактерий, которая давала возможность ежеме-

сячно изготавливать примерно до 300 кг бактерий чумы, или до 500–600 кг бактерий сибирской язвы, или до 800–900 кг бактерий брюшного тифа, паратифа или дизентерии, или до 1000 кг бактерий холеры. Эта же работа проводилась и в отряде 100. Генерал-лейтенант Такахаси, руководя практической деятельностью отряда № 100, давал указания о массовом изготовлении бактериологического оружия, в частности возбудителей остроинфекционных болезней: сапа, сибирской язвы, чумы рогатого скота, овечьей оспы и мозаики.

В ходе следствия был определен круг свидетелей — 36 военнопленных, в число которых вошли и будущие обвиняемые Хабаровского процесса.

Именно во второй половине 1947 г. появилась идея проведения в СССР самостоятельного судебного процесса над группой японских военнопленных бактериологов. Советские следственные органы обладали большим количеством убедительных доказательств, показывающих масштабную картину преступной деятельности бактериологических подразделений Квантунской армии и требовавших справедливого возмездия. Одновременно американская сторона ясно дала понять, что в рамках Токийского процесса рассмотрение вопросов, связанных с разработкой и применением бактериологического оружия, не состоится.

С инициативой проведения суда в СССР выступил министр внутренних дел С. Н. Круглов, направивший 19 февраля 1948 г. в МИД соответствующее письмо. В ответе, подписанном заместителем министра А. Я. Вышинским, выражалось принципиальное согласие с этой инициативой, однако окончательное решение вопроса о проведении процесса откладывалось до завершения следствия и внесения конкретных предложений об организации судебной процедуры.

Переписка органов МВД и МИД показывает, что внешнеполитическое ведомство откладывало проведение процесса на протяжении 1948 г. и первой половины 1949 г., считая его несвоевременным до окончания репатриации основной части военнопленных в Японию. 5 сентября 1949 г. министр иностранных дел А. Я. Вышинский направил заместителю Председателя Совета министров В. М. Молотову письмо, в котором сообщил, что вследствие окончания репатриации японских военнопленных в 1949 г. необходимо приступить к организации и проведения судебного процесса в ближайшее время. 7 сентября 1949 г. был подготовлен проект секретного постановления Совета министров СССР, в котором поручалось МВД, Министерству юстиции и прокуратуре СССР «...организовать в Хабаровске открытый судебный процесс над руководящими работниками так называемого “Противоэпидемического отряда № 731”, занимавшегося изысканием бактериальных средств и способов их применения в войне против Советского Союза и Китая». После согласований 30 сентября Сталину был направлен проект постановления ЦК ВКП(б) и Совета министров СССР, утвержденный затем на заседании Политбюро ЦК 8 октября 1949 г.

Первоначально предполагалось судить 7 человек в следующем составе:

1) Такахаси Такаацу — генерал-лейтенант, бывший начальник ветеринарной службы японской Квантунской армии;

2) Казицука Рюудзи — генерал-майор, бывший начальник санитарного управления Квантунской армии;

3) Кавасима Киоси — генерал-майор, бывший начальник производственного отдела отряда № 731 японской Квантунской армии;

4) Сато Сюиндзи — генерал-майор, бывший начальник санитарной службы 5-й армии японской Квантунской армии;

5) Ниси Сюньэй (Тосихидэ) — подполковник, бывший начальник учебно-просветительного отдела отряда № 731 японской Квантунской армии;

6) Оноуэ Масао — майор, начальник филиала № 643 отряда № 731 японской Квантунской армии;

7) Карасава Томио — майор, бывший начальник отделения производственного отдела отряда № 731 японской Квантунской армии.

После принятия решения на высшем уровне Министерство внутренних дел развернуло активную работу по организации трибунала в Хабаровске.

В двадцатых числах октября 1949 г. начались интенсивные допросы потенциальных обвиняемых. Предварительное следствие длилось более двух с лишним месяцев в форсированном темпе, следственные мероприятия проводились в том числе и в ночное время. При допросах обязательно присутствовал кто-то из членов приглашенной из Москвы группы ученых-микробиологов. Советские специалисты отмечали, что в своих бактериологических исследованиях японцы продвинулись достаточно далеко. В ходе следствия были собраны многочисленные доказательства преступной деятельности сотрудников отряда № 731 и его филиалов по созданию, испытанию и использованию в боевых действиях бактериологического оружия, проведению бесчеловечных медицинских опытов над людьми, неизбежно приводивших к их смерти. Подсудимые понимали, что у них мало шансов уйти от ответственности. Им, безусловно, было известно о решениях Нюрнбергского и Токийского трибуналов. Поэтому, когда они не имели возможности опровергнуть доводы следствия и обвинителей, они коротко соглашались. Их могла обнадеживать мысль о временном моратории на смертную казнь в СССР, а также снисхождение суда в ответ на сотрудничество со следствием[18].

30 октября 1949 г. вышеупомянутым подозреваемым, а также двум сотрудникам ветеринарного отряда № 100, поручику Хиразакуре и старшему унтер-офицеру Митомо, было предъявлено обвинение по статье 58.4 УК РСФСР: «Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности влечет за собой — лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела или объявления врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества»[19].

Все они свою вину признали, обвиняемый Сато — частично. В результате круг обвиняемых составил 9 человек.

Однако обвинение иностранных военнопленных по нормам УК РСФСР противоречило пределам действия кодекса, зафиксированным в ст. 4, поскольку они совершали военные преступления не на территории СССР и подлежали ответственности по законам места преступления. Передача подсудимых Китайской Народной Республике не входила в планы советского руководства по многим причинам, в том числе из-за того, что это неизбежно затягивало сроки проведения процесса, поскольку провозглашенная 1 октября 1949 г. КНР еще не имела своего развитого уголовного законодательства и ее борьба за признание на международной арене в качестве суверенного государства только начиналась[20]. Это делало уязвимой позицию обвинения, и в конце ноября 1949 г. министр внутренних дел С. Н. Круглов, министр юстиции К. П. Горшенин и генеральный прокурор Г. Н. Сафонов доложили В. М. Молотову о завершении следствия

и внесли предложение: переквалифицировать статью всем обвиняемым и судить их по Указу Президиума Верховного Совета СССР № 39 от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников», что и было сделано 2 и 5 декабря 1949 г. Как пояснялось, «…хотя в этом Указе японские военные и не упомянуты, однако их преступная деятельность аналогична преступлениям немецко-фашистской армии». Всех обвиняемых предлагалось приговорить к пребыванию в исправительно-трудовых лагерях на срок от 10 до 25 лет.

Был положительно решен вопрос о включении в список обвиняемых бывшего командующего Квантунской армией генерала Ямады, который «…в целях сокрытия следов деятельности отряда 731 дал приказ личному составу эвакуироваться в Южную Корею, а помещение уничтожить. Одновременно с уничтожением помещений отряда была уничтожена и тюрьма, в которой находилось до 500 подопытных заключенных»[21]. В начале декабря список обвиняемых пополнился еще двумя военнопленными — бывшим санитаром-практикантом исследовательского отделения филиала № 643 отряда № 731 ефрейтором Кикучи Норимицу и бывшим санитаром-лаборантом филиала № 162 отряда № 731 Курусимой Юдзи. Именно эти 12 человек и предстали перед судом на Хабаровском процессе.

Сроки проведения процесса несколько раз переносились, однако место оставалось неизменным — им должен быть стал Хабаровск, являвшийся административным центром Хабаровского края, включавшего в свой состав большую часть советского Дальнего Востока и в силу своего значения являвшегося его столицей. Изначально начать процесс планировалось 7 декабря и завершить не позднее 14 декабря. Из-за затянувшегося следствия и внесения в список обвиняемых лиц, не относившихся к руководителям японского проекта по разработке бактериологического оружия, срок был сдвинут на время с 17 по 25 декабря. Однако сроки были столь сжатыми, что провести процесс в это время также не удалось. По утверждению Пермякова, было необходимо закончить процесс до Нового года, поскольку «Москва торопила следователей. В высоких кругах МВД знали, что в следующем, 1950 году в СССР снова будет введена смертная казнь. Поэтому сверху было дано указание провести Хабаровский бактериологический процесс еще до конца 1949 года: в то время между Москвой и Токио шли нелегкие переговоры о судьбе японских военнопленных. И ясно, что Япония особенно беспокоилась о высших чинах Квантунской и Корейской армий»[22].

Хабаровский процесс начался в 12:00 по местному времени 25 декабря 1949 г. и продолжался до 30 декабря, в течение 6 дней. Он проходил в здании Окружного дома офицеров Советской армии (ОДОСА). Дело рассматривалось в открытых судебных заседаниях Военным трибуналом Приморского военного округа. Председателем судебного заседания был назначен генерал-майор юстиции Д. Д. Чертков, а членами — полковник юстиции М. Л. Ильницкий и подполковник юстиции И. Г. Воробьёв, секретарем — старший лейтенант юстиции Н. А. Коркин. Государственным обвинителем на процессе являлся советник юстиции 3-го класса Л. Н. Смирнов. Защитниками выступали адвокаты Н. К. Боровик, Н. П. Белов, С. Е. Санников, А. В. Зверев, П. Я. Богачёв, Г. К. Прокопенко, В. П. Лукьянцев и Д. Е. Болховитинов. Военный следователь — Н. А. Базенко.

25 декабря во время утреннего заседания было оглашено обвинительное заключение. На основе материалов проведенного предварительного расследования Хабаровский процесс вскрыл картину чудовищных злодеяний правящего преступного

правительства милитаристской Японии. В частности, обвиняемым вменялось в вину: создание в Квантунской армии специальных подразделений («отряд 731», расположенный вблизи г. Харбина, «отряд 100», расположенный вблизи г. Чанчуня), занятых разработкой бактериологического оружия — разведением бактерий чумы, холеры, сибирской язвы и других тяжелых заболеваний; проведение экспериментов над людьми (в том числе советскими военнопленными) по заражению их этими заболеваниями; использование бактериологического оружия против Китая и СССР. В ходе вечернего заседания состоялся допрос подсудимого Кавасимы Киоси.

На утреннем заседании 26 декабря были допрошены Ямада Отодзо и Карасава Томио, на вечернем — Ниси Тосихидэ. 27 декабря на утреннем заседании были допрошены Кадзицука Рюдзи, Сато Сюндзи, Хиразакура Дзенсаку, на вечернем — Такахаси Такаацу и Митомо Кадзуо. Утреннее заседание 28 декабря началось с допроса Оноуэ Масао, затем суд допросил Кикучи Норимицу и Курусиму Юдза, а потом перешел к допросу свидетелей — солдат и офицеров японской армии, сотрудников жандармерии, которые непосредственно не были причастны к деятельности бактериологических отрядов, но в своей работе сталкивались с ее осуществлением и результатами.

Допрос свидетелей продолжился на утреннем заседании 29 декабря. После его завершения действительный член Академии медицинских наук СССР И. Н. Жуков огласил письменное заключение судебно-медицинской экспертизы. На вечернем заседании состоялось выступление государственного обвинителя Л. Н. Смирнова.

В день окончания судебного процесса выступили адвокаты и были заслушаны последние слова подсудимых. Все они признали себя виновными и произнесли слова раскаяния в содеянном, признали преступной идеологию и преступления японского милитаризма, многие выразили признательность Советскому Союзу за гуманное к ним отношение, а подсудимые Хиразакура и Кикучи выразили сожаление, что в зале суда на скамье подсудимых отсутствуют основные организаторы и вдохновители создания бактериологического оружия, в частности император Хирохито, генералы Исии и Вакамацу. Заслушав последние слова подсудимых, суд удалился на совещание и по возвращении в зал заседаний огласил приговор.

Заключение по бактериологическим и медицинским вопросам давала на суде экспертная комиссия в составе действительного члена Академии медицинских наук СССР Н. Н. Жукова-Вережникова, полковника медицинской службы В. Д. Краснова, заведующего кафедрой микробиологии Хабаровского медицинского института, профессора Н. Н. Косарева, доцента кафедры микробиологии Хабаровского медицинского института Е. Г. Ливкиной, подполковника ветеринарной службы Н. А. Александрова, паразитолога О. Л. Козловской.

Процесс носил открытый характер, на заседаниях присутствовали представители трудовых коллективов, учебных заведений, воинских частей, среди которых распространялись билеты для прохода в зал заседаний. По свидетельству Пермякова, все дни заседаний зал ОДОСА был забит до отказа людьми. Заседания процесса транслировались по радио, в зале присутствовали журналисты местных и центральных изданий, освещавшие его ход на страницах своих газет. Об исключительной важности процесса свидетельствовал масштаб его освещения главными газетами страны: «Правда» и «Известия» информировали своих читателей о нем с 26 декабря 1949 г. по 2 января 1950 г., отводя для публикации материалов суда и репортажей журналистов целые газетные полосы.

Благодаря статьям корреспондента «Правды» в Хабаровске В.М. Малыгина мы можем судить о царившей в зале суда атмосфере и реакции присутствовавших на процессе неравнодушных граждан: «Зал судебного заседания заполнен рабочими и служащи-

ми города Хабаровска, солдатами и офицерами Советской Армии. Они с напряженным вниманием слушают обвинительное заключение, раскрывающее картину кошмарных преступлений, совершенных подсудимыми против человечества <...> Трудно сдерживаемый шепот возмущения раздается в зале, когда председатель суда читает те места обвинительного заключения, где сказано, что группы диверсантов с микробами чумы, холеры, тифа, сибирской язвы уже прокрадывались к нашей границе, заражали водоемы, чтобы посеять смерть. Нас, наших детей, матерей и жен, миролюбивые народы Монгольской Народной Республики и Китая они намечали первыми объектами своих дьявольских авантюр»[23].

Жители Дальнего Востока, на себе испытавшие японский террор в период интервенции 1918–1922 гг. (Северный Сахалин оставался под властью интервентов до 1925 г.) и помнившие приграничные конфликты с Японией, проецировали свой опыт на планы и действия японских милитаристов: «Присутствующие на судебном заседании ни на минуту не сомневаются в том, что посаженные на скамью подсудимых бандиты осуществили бы свой преступный план, принесли бы миллионам людей мучительную смерть. В зале — бывшие партизаны, пограничники, участники боев у Хасана и Халхин-Гола, знают их звериные повадки. Жители Хабаровска были жертвами и свидетелями разбоя, какой чинили самураи в наших городах и селах в годы интервенции, и они припоминают то ужасное время, когда вооруженные бандиты из той же шайки, которую представляют подсудимые, рыскали по нашей земле, как сорвавшиеся с цепи псы, жгли, насиловали, убивали <...>.

Находившиеся в зале зрители выражали свои эмоции репликами и возгласами с мест: «Сидящий рядом со мной партизан времен японской интервенции на Дальнем Востоке, потрясенный только что услышанным, взволнованно говорит:

— Они выполнили бы свои замыслы. Я их хорошо знаю.

В разных местах зала раздаются приглушенные возгласы:

— Подумать страшно, что ждало людей.

— Вовремя Советская Армия отрубила голову этому чудовищу»[24].

В газетных статьях приводилась портретная характеристика подсудимых, давались оценки их высказываниям и совершенным злодеяниям, восприятие военных преступников советскими людьми: «С выражением негодования, гнева и отвращения смотрят сотни глаз на скамью подсудимых, где, ежась от страха перед наступившим возмездием, пряча головы в плечи, как бы боясь быть узнанными, сидят неподвижно с оловянными лицами человеческие выродки, потерявшие право называться людьми. Бесчеловечность и жестокость их планов могут быть сравнимы только со злодеяниями гитлеровских палачей Майданека и Освенцима да с планами их современных подражателей — проповедников новой агрессивной войны»[25].

Внимание мастеров пера привлекали отдельные участники судебного процесса: «Ямада — маленький, подвижной, с мышиными глазами на смиренном земляного цвета лице старичок — один из вдохновителей подготовки бактериологической войны. Под маской благочестия скрывается оскал крупного хищника. <...> Когда-то окруженный почестями, наделенный высоким чином, главнокомандующий Квантунской армией выслушивал доклады командира отряда 731, давал ему указания форсировать производство бактериологических бомб. Теперь он по требованию суда поспешно вскакивает со скамьи, торопливо идет, на ходу подтягивая штаны, останавливается у микрофона и, притворяясь овечкой, лепечет: Обвинения? Да, он признает их правильными. Да, под его руководством готовилась бактериологическая война, он настаивал на изготовлении и применении средств массового уничтожения людей. Но главнокомандующий Квантунской армией не имел полномочий

нарушать приказы свыше. Ссылки на приказ Генерального штаба он делает, чтобы как-то смягчить свою вину»[26].

Похожий портрет Ямады приводит в своей статье писатель Н. М. Рогаль, присутствовавший на процессе: «Ямада — тщедушный с виду старичок, с его худощавым удлиненным лицом и короткими седыми усами напоминающий какого-то грызуна, — отчетливо представлял себе, во имя чьих интересов, увеличения чьих барышей была затеяна грабительская война»[27]. Обращает на себя внимание сравнение командующего Квантунской армией с грызуном, что не только отсылало к использованию японскими бактериологами крыс как переносчиков чумы и других болезней среди мирного населения, но еще и напоминало о связи японских военных преступников со своими союзниками в Европе — германскими фашистами, идеология и деятельность которых как в Европе, так и в СССР именовалась «коричневой чумой». Неспроста в советском плакатном искусстве фашисты и их пособники зачастую изображались в виде крыс, что соответствовало пропагандистской задаче дегуманизации противника и имело хорошо считываемый смысловой подтекст. Кстати, незадолго до Хабаровского процесса во Франции была опубликована книга А. Камю «Чума», где разносчиками смертельной болезни стали полчища крыс, олицетворивших носителей фашистской идеологии. Несмотря на то, что роман был впервые опубликован в СССР значительно позднее, использование идентичных сравнений и образов как в СССР, так и в западном мире весьма примечательно.

Карасава Томио изображается Малыгиным как профессионал, который сознательно поставил беспрекословное выполнение приказов начальства выше, чем долг врача. Описанная Карасавой процедура взрыва на полигоне осколочной бомбы с бациллами сибирской язвы рядом с привязанными к столбам живыми людьми, что повлекло их дальнейшую мучительную смерть, заставила зал застыть в оцепенении: «Тишина стоит в зале. Присутствующие представляют ужасы, на какие обрекли свои жертвы японские людоеды. Слушая рассказ об этом страшном зрелище, сотни людей смотрят испепеляющим взглядом на скамью подсудимых»[28].

Ответ подсудимого Ниси Тосихидэ на вопрос о занимаемой должности вызвал в зале суда смех:

«– Начальник учебно-просветительского отряда отдела 731.

В зале раздается смех, несмотря на кипящее в груди у людей возмущение. Оказывается, при отряде смерти был такой отдел и вот этот бандит возглавлял его. Обвиняемый, как бы торопясь рассеять могущее возникнуть заблуждение, поясняет, что он в то же время являлся начальником одного из филиалов производства бациллы. Он совмещал научно-просветительную работу с практикой. Подсудимый довольно словоохотлив. Ведет он себя так, будто хочет выразить благодарность суду за предоставленную возможность поговорить о любимой профессии, угодливо раскланивается, поспешно отвечает по-русски на вопросы председателя: “Да, правильно”, “Именно так”»[29].

Беспристрастность и отстраненность читаются в облике генерал-майора Кавасимы Киёси, бывшего начальника производственного отдела отряда № 731 Квантунской армии: «Подсудимый Кавасима смотрит поверх очков, сползающих на конец носа, в микрофон, беспрерывно мигает и с подробнейшими деталями рассказывает о своем ремесле убийцы. Трудно прочесть что-либо на его неподвижном мясистом лице. Когда он рассказывает суду о производстве микробов, то впечатление создается такое, словно он докладывает на специальном совещании»[30].

Рогаль подчеркивал, что подсудимые Курусима Юдзи и Кикучи Норимидзу творили свои злодеяния, поскольку их «оболванили шовинистической пропагандой до полного одурения, начинили расистскими бреднями, как блоху чумой»[31]. Малыгин отмечал,

что для некоторых подсудимых убийство стало ремеслом, которое совершенно изгнало из сознания преступников такое понятие, как ценность человеческой жизни: «Перед микрофоном — молодой человек с видом закоренелого преступника. Это подсудимый Хиразакура. Этот бандит занимался разведкой районов, граничащих с Советским Союзом, отравлял водоемы, разводил бациллы. Вот второй экземпляр: преступник Митомо, 1924 года рождения. Толстяк на коротких кривых ногах. Лицо дегенерата. О своих занятиях говорит вполне определенно:

— Изучал способы бактериологической войны и диверсий, а также методы изготовления бактерий. Занимался главным образом культивированием бактерий сапа и экспериментами над живыми людьми, иногда заражал воду.

— Как же испытывали яды? — спрашивает обвинитель.

— Подбрасывал незаметно в пищу подопытным. Кто выживал, того умерщвляли»[32].

На заседаниях Хабаровского процесса присутствовал журналист и художник В. В. Павчинский, который сотрудничал с краевыми газетами («Тихоокеанский комсомолец», «Тихоокеанская звезда», «Тревога») и работал в краевом отделении ТАСС. Павчинский выступал с очерками, публицистическими статьями, фельетонами, работал в печати как художник-график, рисовал карикатуры и политические плакаты на международные темы. Во время процесса он рисовал карикатуры на подсудимых, в том числе на бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямаду. Позднее они были опубликованы в ряде местных и центральных газет.

Хабаровский процесс вскрыл и предал огласке злодеяния японских военных, совершавших чудовищные опыты над беззащитными живыми людьми. В материалах процесса была представлена история деятельности отрядов № 731, 100 и других учреждений японской армии, систематически занимавшихся разработкой и применением бактериологического оружия. Разрабатываемое оружие рассматривалось в качестве стратегического преимущества перед странами — союзницами по антигитлеровской коалиции, которое позволит переломить ход войны в пользу Японии, не обладавшей таким же количеством людских и материальных ресурсов, а также обычных вооружений, как ее противники. Ставка на оружие массового уничтожения была сделана осознанно, и работы японских бактериологов проходили под руководством высшего японского военного командования.

Суд установил, что в результате бесчеловечных экспериментов было жестоко замучено более 3000 человек, которых подвергали заражению вирусами различных смертельных заболеваний. Людям, презрительно именовавшимся «марута» (брёвна), присваивали номера и относились к ним как к расходному материалу для опытов. В ходе экспериментов живые люди подвергались воздействию экстремально низких и высоких температур, на них испытывали действие ядов и химических препаратов, проводились прижизненные хирургические операции по удалению органов и частей тела, исследованию функций организма и т. д. Было установлено, что перед эвакуацией бактериологических отрядов из Маньчжурии была организована ликвидация всех подопытных, сожжение и вывоз секретной документации, уничтожение лабораторного оборудования. Японские бактериологические отряды организовывали заражения смертельно опасными вирусами территории Китая, в т. ч. граничащие с СССР, чем неоднократно вызвали вспышки чумы, сибирской язвы, холеры и других заболеваний.

Вечером 30 декабря был объявлен приговор суда. Все обвиняемые были признаны виновными и приговорены к различным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях. В своей заключительной речи государственный обвинитель предложил приговорить Ямаду, Кадзицуку, Такахаси, Кавасиму и Сато к 25 годам лишения свобо-

ды, Карасаву, Ниси, Оноуэ, Хиразакуру и Митомо — к срокам от 15 до 20 лет, а Кикучи и Курусиму — к 3 годам лишения свободы. Суд удовлетворил требования прокурора. Однако для некоторых из подсудимых приговор суда оказался более мягким. Сато был приговорен к 20 годам, Оноуэ — к 12, Хиразакура — к 10, а Кикучи — к 2 годам. Как писала «Правда», «присутствующими в зале суда представителями трудящихся Хабаровска приговор встречен с огромным удовлетворением»[33].

Лица, осужденные на непродолжительные сроки, отбыли их полностью и были отправлены на родину. Лица, осужденные на длительные сроки, отбывали заключение в тюрьме в Ивановской области в течение только семи лет в достаточно комфортабельных условиях. В 1956 г., в связи с улучшением советско-японских отношений и подготовкой к подписанию мирного договора, они были досрочно освобождены и отправлены в Японию. Возвращаясь на родину, Ямада вел во время многодневного путешествия по СССР дневниковые записи. В них он с грустью вспоминал друзей, с которыми не успел проститься, отмечал сердечность и доброжелательность сопровождавших его сотрудников лагеря и в традиционных японских трехстишиях хокку описывал просторы и достопримечательности Центральной России, Сибири и Дальнего Востока. Уже позже в своих письмах из Японии друзьям, еще остававшимся в заключении, а также сотрудникам НКВД и медперсоналу лагеря он выражал благодарность «за сердечную заботу и помощь», «за любезный, равносильный родственному уход» во время болезни и «за проявленное внимание вплоть до мелочей»[34]. Ни один из вернувшихся в Японию военных преступников не дал «разоблачительных комментариев» по поводу обстоятельств суда над ними и отбывания наказания в СССР, хотя предложения к ним неоднократно поступали. Никто не выступил публично с отказом от своих слов, сказанных на процессе, и не обвинил Советский Союз в жестоком обращении или недопустимых способах ведения следствия.

Общественно-политическая значимость Хабаровского процесса определялась следующими факторами:

1. В ходе процесса были вскрыта сущность японского милитаризма, который был виновен в планировании агрессивных войн, разработке оружия массового уничтожения и проведении бесчеловечных экспериментов над людьми. Материалы процесса помогли мировому сообществу представить те глубинные причины, которые подтолкнули к заключению союза милитаристскую Японию, нацистскую Германию и фашистскую Италию.

2. Хабаровский процесс обратил внимание мировой общественности на то, что США не были заинтересованы в гласном и публичном суде над разработчиками японского оружия массового поражения, предоставив судебный иммунитет военным преступникам, повинным в том числе и в проведении экспериментов над американцами.

3. СССР продемонстрировал, что являлся противником разработки и использования бактериологического оружия, и последовательно проводил линию на его запрет.

4. Была показана опасность, от которой Красная армия в ходе Маньчжурской стратегической наступательной операции избавила не только СССР, но и весь мир, поскольку совершенствование бактериологического оружия Японией и применение его без вступления в войну СССР могло стать фактором, затруднявшим разгром Японии и установление мира.

5. Советский Союз укрепил свой международный авторитет в качестве державы, которая являлась основным центром притяжения сил, заинтересованных в борь-

бе за мир и противодействии развязыванию новых войн, в том числе с применением оружия массового уничтожения.

Зарубежная печать получала информацию о процессе в основном из советских источников. Например, американские газеты печатали сведения о Хабаровском процессе, апеллируя к материалам информационных агентств Associated Press и United Press, аккредитованных в Москве. Газета «Правда» писала, что «американские реакционные круги пытаются замалчивать судебный процесс в Хабаровске. Они понимают, что суд над вчерашними японскими преступниками — это суд и над их сегодняшними последователями»[35]. Несмотря на категоричность этой оценки, она достаточно адекватно отражает освещение Хабаровского процесса в американских газетах. Анализ информации, опубликованной в периодической печати США о Хабаровском процессе, свидетельствует об очень скромном освещении этого события в американском информационном поле. Как правило, это небольшие по объему заметки, сообщающие минимальные сведения о японских военных преступлениях, вскрытых на процессе, иногда сопровождавшиеся краткими выдержками из речей обвиняемых. Некоторые американские газеты сделали акцент именно на опытах японцев над американскими военнопленными, оставив без внимания все прочие преступления[36].

В газетах был опубликован комментарий Макартура агентству United Press, в котором он сообщал, что его штаб провел «полное расследование», но не смог обнаружить каких-либо данных о применении Японией бактериологического оружия. В результате у американских читателей не могло сложиться правильного представления о процессе и вскрытых на нем военных преступлениях. Кроме того, в американскую прессу практически не попали сообщения о прозвучавших в ходе процесса обвинениях США в укрывательстве главных виновников в разработке бактериологического оружия и проведении опытов над людьми. Лишь немногие газеты поместили эту информацию[37].

По сообщению ТАСС, «во всех японских газетах 25 декабря опубликована информация о судебном процессе бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. Газета японских коммунистов «Акахата» («Красное знамя») сообщила, что «вернувшийся в Японию после капитуляции генерал-лейтенант Исии, содержащий сейчас отель в Токио, заявил, что в специальных бактериологических частях японской армии служили также принцы Микаса и Такеда. Такеда служил под именем Спадумята». Также в газете была опубликована беседа с бывшим сотрудником японской специальной строительной компании, рассказавшим о строительстве секретных объектов в Японии и Маньчжурии для организаций, занимавшихся подготовкой бактериологической войны[38].

Китайская газета «Женминь Жибао» откликнулась на Хабаровский процесс статьей, в которой изложила некоторые факты применения бактериологического оружия, выявленные обвинением, и связала их с событиями японо-китайской войны. Оценка суда была вполне однозначной: «Этот суд является мероприятием, направленным на защиту Дальнего Востока и на обеспечение прочного мира во всем мире. Мы, китайский народ, переживший 8 тяжелых лет войны с японцами, одобряем этот справедливый акт со стороны нашего великого дружественного соседа — Советского Союза. Мы требуем, чтобы фашистские военные преступники были сурово наказаны. <...> Этот суд над военными преступниками, ведущийся советским военным трибуналом, является выражением дружбы советского народа по отношению к китайскому народу. Он служит предостережением англо-американским поджигателям войны, пытающимся

применить бактериологическое оружие и поставить под угрозу мир на Дальнем Востоке и во всем мире»[39].

С целью популяризации материалов Хабаровского процесса они были изданы. 28 января 1950 г. Государственное издательство политической литературы получило указание от Политбюро ЦК ВКП(б) о подготовке к изданию материалов Хабаровского судебного процесса в виде отдельной брошюры, а Государственному издательству иностранной литературы было поручено издать брошюру с аналогичным содержанием на китайском, корейском, английском, французском и немецком языках, обеспечив высокое качество перевода[40]. Тираж книги на русском языке составил 50 тысяч экземпляров.

В июне 1950 г. было выпущено издание на английском языке под названием: «Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия». В состав сборника вошли документы предварительного следствия (обвинительное заключение, некоторые документальные доказательства и протоколы допросов по основным моментам обвинения) и опубликованные по официальной стенограмме процесса материалы судебного разбирательства (показания и последние слова подсудимых, показания свидетелей на судебном следствии, заключение экспертизы, речи государственного обвинителя и защиты)[41].

На сигнальном экземпляре, вышедшем на английском языке, стоит помета В. М. Молотова: «Надо, чтобы наша печать (+ за границей) популяризировала это издание — против воинствующих поджигателей войны — бактериологов и др.». В соответствии с поручением В. М. Молотова книга была разослана «для докладчиков и лекторов» по линии Совинформбюро в 38 стран, Всесоюзного общества культурной связи с заграницей — в 53 страны. Значительное число экземпляров направило за границу внешнеторговое объединение «Международная книга». Сравнительно широкое распространение издание получило в Японии; во многих библиотеках (университетов и т. д.) хранятся материалы Хабаровского процесса, изданные в СССР в 1950 г. на японском языке, либо их поздние переиздания. Наиболее крупные тиражи были у книг на японском и корейском языках.

Вскоре после окончания Хабаровского процесса советская сторона рассматривала вопрос об организации нового международного суда над японскими военными преступниками. По итогам Хабаровского процесса советское правительство направило ноту правительствам Великобритании, США и Китая, в которой предлагало организовать международный процесс (со ссылкой на Женевский протокол от 25 июня 1925 года). 3 февраля 1950 г. нота была опубликована в газете «Правда». В ней указывалось на необходимость наказать «других главных организаторов и вдохновителей этих чудовищных преступлений», которые были названы поименно: император Хирохито (по его указу «на территории Маньчжурии был создан центр японской армии по подготовке бактериологической войны и применению бактериологического оружия»), генерал-лейтенант Исии Сиро, генерал-лейтенант Китано Масадзи (начальник отряда № 731 с августа 1942 г. по март 1945 г.), генерал-майор Вакамацу Юдзиро (начальник отряда № 100 в 1941–1945 гг.), генерал-лейтенант Касахара Юкио, начальник штаба Квантунской армии. Однако советская нота не получила удовлетворения — в ответной ноте США указывалось на нецелесообразность организации нового международного суда[42].

В условиях роста международной напряженности на Корейском полуострове и начавшейся войны в Корее, в ходе которой СССР и США поддерживали разные противоборствующие стороны, организация нового международного процесса стала и во-

все невозможной. По данным, приведенным Мао Цзэдуном в письме И. В. Сталину от 21 февраля 1952 г., американцы использовали японские разработки бактериологического оружия во время войны в Корее: «Из числа видных японских военных преступников бактериологической войны, которые были упомянуты в ноте советского правительства от 1 февраля 1950 г., три человека, а именно Исии Сиро, Вакамацу Юдзиро и Китано Масадзи, в настоящее время находятся в Корее. Они взяли с собой все оборудование, необходимое для ведения бактериологической войны, в том числе бациллоносителей холеры и чумы и газы, действующие разрушающе на кровь человека, а также различное оборудование для распространения бациллоносителей. Японские военные преступники бактериологической войны с ведома американцев используют китайских и корейских военнопленных для испытания бактериологического оружия... Еще в марте 1951 г. начальник отдела санитарного благосостояния при Главном штабе войск ООН бригадный генерал Семс на бактериодесантном судне № 1091 прибыл в порт Гензан, а затем он посетил остров Киосейто, где под его наблюдением и руководством производились испытания бактериологического оружия на китайских и корейских военнопленных... На этот раз действия противника, направленные на распространение бациллоносителей, схожи с действиями и методами, которые применялись военными преступниками бактериологической войны Исии Сиро и другими японскими военными преступниками бактериологической войны в период японо-китайской войны». Таким образом, материалы Хабаровского процесса приобретали новую актуальность в условиях развития новых конфликтов, возникавших в период холодной войны[43].

Советский Союз стал единственным государством, которое в ходе открытого судебного процесса осудило японских военных преступников, виновных в разработке бактериологического оружия. Сотрудники «отрядов смерти», за исключением тех, кто попал в руки СССР, избежали ответственности за свои преступления. Многие из тех, кто равнодушно и жестоко препарировал живых людей, стали в послевоенной Японии деканами университетов, медицинских училищ, академиками, бизнесменами. По сведениям, приведенным в книге японского писателя и исследователя истории отряда № 731 Моримуры Сэйити, около 450 бывших сотрудников отряда 731 и других подобных формирований в начале 1980-х гг. занимали видные посты в японской науке, медицине, промышленности. Среди них называли Р. Найто — президента фармацевтической компании «Грин кросс», в которой впервые была создана искусственная кровь; одного из ведущих экспертов по проблеме выносливости человека в условиях холода Х. Иосимуру; губернатора Токио С. Судзуки и других[44]. Принц Такеда (двоюродный брат императора Хирохито), который инспектировал спецотряд, тоже не понес наказания и даже возглавил японский Олимпийский комитет в преддверии Игр 1964 года. Генерал-лейтенант Исии, идеолог и злой гений «отряда 731», работал научным сотрудником в одной из американских секретных лабораторий и безбедно жил в Японии. Он умер своей смертью в 1959 г.[45]

Хабаровский процесс не имел международного характера, но стал логическим продолжением Нюрнбергского и Токийского процессов. В ходе процесса были доказаны преступные замыслы и деяния японских военных, совершавших бесчеловечные опыты над живыми людьми, изготавливавших и применявших бактериологическое оружие массового поражения. На новом уровне были доказаны агрессивные замыслы и действия Японии в отношении СССР, направленные на подготовку войны с целью отторжения от Советского Союза Дальнего Востока. Материалы Хабаровского процесса и мировой общественный резонанс, вызванный его проведением, повлияли на развитие международного движения, на запрет разработки, испытания и применения бак-

териологического оружия. Современный уровень развития науки и техники, прогресс в области биотехнологий, достигнутый более чем за 70 лет со времени проведения Хабаровского процесса, является не только несомненным благом, но и несет в себе угрозу использования научных данных с целью разработки бактериологического оружия массового поражения как отдельными государствами, так и террористическими организациями. Уроки Хабаровского процесса сегодня не менее актуальны, чем в середине XX столетия.

С. В. Сливко,
кандидат исторических наук, доцент,
Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

[1] *Малова К.В.* Концепции паназиатизма в Японии // Известия Восточного института Дальневосточного государственного университета. Владивосток, 1996. № 3. С. 110.

[2] *Внотченко Л.Н.* Победа на Дальнем Востоке. М.: Воениздат, 1971. С. 22.

[3] *Савин А.С.* 102-томный труд об участии Японии во Второй мировой войне // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 207–215.

[4] *Сливко С.В.* Слово историка // Шкулин. Маньчжурская операция: Каталог выставки. Хабаровск: Двоичный кот, 2020. С. 3–10.

[5] Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь // Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андронников, П. Д. Буриков. М.: Вече, 2010. С. 547–548.

[6] *Внотченко Л.Н.* Победа на Дальнем Востоке. С. 22.

[7] Тень Цусимы длиною в век // Российская газета. 2005. 2 сент. (№ 3864).

[8] *Катасонова Е.Л.* Токийский Нюрнберг [Элект. ресурс]. URL: https://mil.ru/winner_ may/history/more.htm?id=12101798%40cmsArticle (дата обращения: 25.11.2021).

[9] *Алепко А.В.* Хабаровский процесс 1949 г. и нечеловеческие эксперименты над людьми в бактериологическом отряде № 731 японской Квантунской армии // Культура и наука Дальнего Востока. 2019. № 1 (26). С. 64.

[10] *Юдин Б.Г.* Из истории биомедицинских исследований на человеке: Хабаровский процесс 1949 г. // Вопросы истории естествознания и техники. 2009. № 4. С. 110.

[11] *Романова В.В.* Хабаровский судебный процесс 1949 г.: как это было // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 4 (48). С. 139.

[12] Там же.

[13] *Романова В.В.* От Токийского суда к Хабаровскому: из истории подготовки судебного процесса над японскими военными преступниками-бактериологами // История медицины. 2015. Т. 2. № 1. С. 77.

[14] Там же.

[15] *Рогаль Н.* Чумные бациллы империализма // Литературная газета. 1950. № 2 (2593). 4 янв.

[16] *Романова В.В.* Хабаровский судебный процесс 1949 г.: как это было // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 4 (48). С. 139

[17] *Катасонова Е.Л.* Токийский Нюрнберг [Элект. ресурс]. URL: https://mil.ru/winner_ may/history/more.htm?id=12101798%40cmsArticle (дата обращения: 25.11.2021).

[18] *Звягинцев А.Г.* Палачи ада. М.: РИПОЛ классик, 2021. С. 121–122.

[19] УК РСФСР 1926 г. Офиц. текст с изм. по состоянию на 1 марта 1957 г. [Элект. ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/901757374 (дата обращения: 27.11.2021).

[20] Первая попытка кодификации уголовного законодательства на основе УК РСФСР 1926 г. была предпринята в Китае в 1957 г. и не увенчалась успехом. Первый уголовный кодекс КНР был принят только в 1979 г. и вступил в силу с 1 января 1980 г.

[21] *Романова В.В.* Хабаровский судебный процесс 1949 г.: как это было. С. 140.

[22] *Пермяков Г.* Зона смерти // Тихоокеанская звезда. 2000. 11 фев. [Элект. ресурс]. URL: https://toz.su/special_issues/arkhiv/2000_02_11_zona_smerti/ (дата обращения: 25.11.2021).

[23] *Малыгин В.* Из зала суда // Правда. 1949. 27 дек.

[24] Там же.

[25] Там же.

[26] Там же. 30 дек.

[27] *Рогаль Н.* Чумные бациллы империализма // Литературная газета. 1950. 4 янв.

[28] *Малыгин В.* Из зала суда // Правда. 1949. 30 дек.

[29] Там же.

[30] Там же. 27 дек.

[31] *Рогаль Н.* Чумные бациллы империализма // Литературная газета. 1950. 4 янв.

[32] *Малыгин В.* Из зала суда // Правда. 1949. 30 дек.

[33] Приговор бывшим военнослужащим японской армии, обвиняемым в подготовке и применении бактериологического оружия // Правда. 1950. 1 янв.

[34] *Кузнецов Д.В.* Оружие дьявола: Разработка и применение оружия массового уничтожения во время агрессии Японии против Китая (1931–1945 гг.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 161.

[35] Грозное предостережение поджигателям новой войны // Правда. 1950. 2 янв.

[36] Russia plays up guinea pig case // Washington observer. 1949. 27 december.

[37] Reds say germ war trial was warning to imperialists // St. Petersburg Times. 1950. 1 january.

[38] Отклики в Японии на судебный процесс над бывшими военнослужащими японской армии // Правда. 1949. 31 дек.

[39] Китайская газета о судебном процессе по делу бывших военнослужащих японской армии // Правда. 1950. 1 янв.

[40] *Ким С.П.* Японские военнопленные на территории Советского Союза (1945–1956 гг.). Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2016. С. 207.

[41] Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М.: Госполитиздат, 1950. 538 с.

[42] *Тужилин С.В.* «Совершенные преступления являются громадным злодеянием против человечества» // Военно-исторический журнал. 2020. № 12. С. 23.

[43] *Романова В.В., Шулатов Я.А.* После Хабаровского процесса 1949 г.: СССР, США и попытка организации нового трибунала на Дальнем Востоке в условиях «холодной войны» // История медицины. 2017. Т. 4. № 3. С. 313.

[44] *Сэйити Моримура.* Кухня дьявола. М.: Прогресс, 1983.

[45] *Алепко А.В.* Хабаровский процесс 1949 г. и нечеловеческие эксперименты над людьми в бактериологическом отряде № 731 японской Квантунской армии // Культура и наука Дальнего Востока. 2019. № 1 (26). С. 64.

АРХЕОГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник документов «Хабаровский процесс. Документальные свидетельства» подготовлен в рамках всероссийского научно-просветительского проекта «Без срока давности». Он представляет собой научно-популярное издание, адресованное не только специалистам, но и широкому кругу читателей.

В сборнике содержатся документы судебного процесса Военного трибунала Приморского военного округа, состоявшегося в Хабаровске 25–30 декабря 1949 г., над японскими военными преступниками, причастными к созданию и применению бактериологического оружия. В ходе открытого судебного процесса стало известно о военных планах милитаристской Японии как союзника Германии по ведению войны против СССР. Мир впервые узнал о готовившейся Японией бактериологической войне, которой помешало стремительное наступление Красной армии в Маньчжурии.

В сборник вошло 73 документа из 4 ведомственных архивов: Центрального архива Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ России), архива Управления ФСБ РФ по Хабаровскому краю, архива Управления ФСБ РФ по Ивановской области, а также Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), входящего в Историко-документальный департамент Министерства иностранных дел Российской Федерации. В сборник включены фотоматериалы Хабаровского краевого музея им. Н. И. Гродекова и Государственного архива Хабаровского края (ГАХК).

В настоящем издании представлены документы, созданные на русском и японском языках, в том числе трофейные, из 5 архивных фондов и 2 коллекций. Публикуемые документы полностью рассекречены.

Хронологические рамки документов, включенных в издание, охватывают период с августа 1938 г. по декабрь 1950 г.: от планов войны против СССР до инициатив советского правительства по созыву международного трибунала по обвинению политического и военного руководства Японии в подготовке бактериологической войны. В сборник вошло несколько протоколов допросов свидетелей, относящихся к началу 1950 г., поскольку продолжалась работа по подготовке нового международного процесса.

Сборник состоит из трех разделов. В первый раздел включены документы об агрессивной политике Японии по отношению к СССР и подготовке к войне, проводившейся в нарушение договора о нейтралитете между СССР и Японией, подписанного 13 апреля 1941 г.

Во второй раздел сборника вошла переписка МИД СССР, МВД СССР и ЦК ВКП(б), связанная с принятием решения о предании суду военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. Раздел завершает постановление Военной прокуратуры Приморского военного округа от 1 ноября 1949 г. о принятии дела в отношении 12 военнослужащих японской армии к своему производству.

Третий, наиболее объемный, раздел издания содержит материалы предварительного следствия над японскими военными преступниками, составившие его доказательственную базу, материалы судебных заседаний и документы, связанные с усилиями советской стороны по организации нового международного трибунала по фактам подготовки Японией бактериологической войны. Третий раздел включает 3 подраздела: 3.1. Протоколы допросов и показания подсудимых; 3.2. Показания свидетелей и заключения экспертов — участников процесса; 3.3. Итоговые документы и результаты Хабаровского судебного процесса. Протоколы допросов и показания подсудимых (подраздел 3.1) распределены по 4 тематическим группам: «Бактериологическое оружие — разработка и факты применения»; «Маньчжурия — центр разработки бактериологического оружия»; «Концлагерь для русских пленных "Приют" — путь в отряды смерти»; «Опыты над людьми — преступления против человечности».

В процессе проведения следственных действий были собраны многочисленные доказательства, по которым суд определял общественную опасность деяний и виновность лиц, совершивших эти деяния. В качестве доказательств в соответствии с уголовным правом суду были предоставлены: показания свидетелей, показания обвиняемых, заключения судебно-медицинской экспертизы, протоколы следственных действий и другие документы.

Все подсудимые в предъявленных им обвинениях признали себя полностью виновными. Ямада Отодзо перед оглашением приговора сказал: «Я признаю свою ответственность в деле усиления боевой готовности по подготовке к бактериологической войне... Я признаю свою вину за все злодеяния...»*. В заключительном слове Кавасима Киоси отметил: «Совершенные мною преступления позорны не только для меня одного, но позорны для всей моей страны, ... совершенные преступления являются громадным злодеянием против человечества»**. Кикучи Норимицу: «Сожалею, что на скамье подсудимых не сидят главные преступники, главные организаторы и вдохновители бактериологической войны»***.

Для установления фактических данных и обстоятельств, выявленных в ходе следствия, по материалам уголовного дела военным прокурором Приморского военного округа было назначено проведение судебно-медицинской экспертизы. Перед ней был поставлен ряд вопросов: 1) соответствовала ли техническая оснащенность и практическая деятельность отрядов водоснабжения и профилактики №№ 100, 731 и 164 одним лишь целям противоэпидемической работы в обслуживаемых частях японской армии; 2) в каком направлении производилась экспериментальная и производственная работа отрядов №№ 100 и 731; 3) каковы масштабы этих экспериментальных работ, их уровень и материальное обеспечение; 4) какова потенциальная опасность бактериологических средств, имевшихся в распоряжении трех отрядов и их филиалов; 5) могло ли данное бактериологическое оружие являться средством бактериологической войны.

В заключении судебно-медицинской экспертизы от 1 ноября 1949 г. сделаны следующие выводы: «...Техническая оснащенность и практическая деятельность отрядов 100 и 731 не соответствовала одним лишь целям противоэпидемической работы»; «...экспериментальная работа отрядов №№ 731 и 100 по своему специфическому характеру и особому содержанию могла быть направлена только на изыскание и производство бактериологического оружия, на разработку методов его практического применения

---

* Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия. М., 1950. С. 517–518.

** Там же. С. 516–517.

*** Там же. С. 519–520.

и определение эффективности этого оружия»; «...деятельность отрядов была направлена на разработку и производство бактериологического оружия, а также изучение методов его применения, в частности, с использованием для этой цели насильственного заражения живых людей»; «...масштабы проводимых экспериментальных работ, а также тесно связанные с ними производственные работы и материальное обеспечение были весьма велики», «...огромные массы болезнетворных микробов, в числе которых были возбудители чумы, холеры, брюшного тифа и других, предназначались для производства бактериологического оружия с целью массового истребления людей»; «...такие болезни, как легочная чума, приводят к смерти всех ею заболевших. Другая форма чумы — бубонная — также дает большую смертность. Это же самое можно сказать о холере и сапе, а в отношении животных — сибирской язве и чуме рогатого скота..., брюшной тиф надолго выводит из строя заболевших» (см. док. № 61).

Военный трибунал Приморского военного округа 30 декабря 1949 г. признал всех обвиняемых виновными в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г. «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников». Все обвиняемые были приговорены к лишению свободы на различные сроки от 2 до 25 лет (см. док. № 65).

Ход Хабаровского процесса широко освещался в советских средствах массовой информации. В частности, в газетах «Правда» и «Известия» публиковались стенограммы судебных заседаний, обвинительное заключение, приговор, а также статьи о преступных замыслах японской военщины.

В 1993–1994 гг. Главная военная прокуратура Российской Федерации в связи с обращением Японской ассоциации бывших военнопленных рассмотрела архивное уголовное дело № Н-20058 и вынесла постановление о том, что все лица, проходящие по нему, осуждены обоснованно и реабилитации не подлежат.

Определением Верховного Суда Российской Федерации от 15 декабря 1994 г. приговор военного трибунала Приморского военного округа от 30 декабря 1949 г. оставлен в силе.

Внутри разделов документы располагаются в хронологическом порядке.

Структура сборника позволяет проследить историю создания и применения бактериологического оружия японской армией начиная с середины 1930-х годов и до капитуляции Японии в августе 1945 г. В документах отражены не только преступления, но и последовавшее за ними заслуженное наказание. В сборник также помещены документы, характеризующие твердую и последовательную позицию Советского Союза в отношении других военных преступников, избежавших наказания и взятых под защиту США.

1 февраля 1950 г. советское правительство проинформировало правительство США о результатах гласного судебного процесса, проходившего в г. Хабаровске, на котором было установлено, что японские правящие круги во главе с императором Хирохито на протяжении многих лет тайно готовили против СССР, Китая, США и Великобритании бактериологическую войну — одно из самых бесчеловечных орудий агрессии. В ноте указывалось, что данными, установленными на судебном процессе, доказано, что в подготовке и осуществлении бактериологической войны ведущая роль принадлежала не только уже ранее осужденным японским военным преступникам, но и императору Японии Хирохито, а также генералам японской армии Исии Сиро (бывший начальник отряда № 731), Китано Масадзо (также бывший начальник отряда № 731), Вакамацу Юдзиро (бывший начальник отряда № 100) и Касахаре Юкио (бывший начальник штаба Квантунской армии). Правительство СССР предложило провести специ-

альный Международный военный суд над вышеуказанными лицами как изобличенными военными преступниками (см. док. № 69). Правительство СССР трижды направляло ноты правительству США, однако позиция, занятая Государственным департаментом США, не позволила положительно разрешить данный вопрос (см. док. №№ 69, 71, 73).

В издание вошли документы МИД СССР и МВД СССР, японских органов государственного, военного и полицейского управления — Центрального комитета обороны, штаба Квантунской армии, управлений жандармских отрядов, расположенных в Маньчжурии (см. док. №№ 1–7).

Подавляющее число документов публикуется впервые. Несколько документов были опубликованы сразу же по окончании процесса в сборнике «Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия» (М., 1950). Тогда же Государственным издательством иностранной литературы аналогичное издание было выпущено на английском языке (см. док. № 70).

Часть выявленных, но не вошедших в данное издание документов использована в предисловии и комментариях.

Археографическая подготовка документов и составление научно-справочного аппарата произведены в соответствии с принятыми правилами публикации документов. При подготовке издания составители также руководствовались методическими рекомендациями Росархива и ВНИИДАД «Издание судебно-следственных документов советского периода» (М., 1998).

Текст публикуемых документов передан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, стилистические особенности документов сохранены. Недостатки текста, не имеющие смыслового значения (орфографические ошибки, опечатки и т. п.), исправлены в тексте без оговорок. Пропущенные в тексте документов и восстановленные составителем слова и части слов заключены в квадратные скобки. Тексты документов воспроизводятся с восполнением недостающих союзов и предлогов.

В тексте документов сохранены подчеркивания и выделения прописными буквами в тех случаях, если они несут особую смысловую нагрузку.

Особенности передачи текста (пропуски, невозможность восстановить текст и др.) оговорены в подстрочных примечаниях. Начало и конец объемных зачеркнутых или подчеркнутых частей текста также оговорены в подстрочных примечаниях.

Непонятные места текста, не поддающиеся восстановлению или исправлению, оставлялись без изменений с оговоркой в подстрочных примечаниях: «Так в тексте».

К документам составлены редакционные заголовки, одновременно сохранены и собственные заголовки документов.

При отсутствии даты на документе она установлена составителями и помещена в квадратных скобках.

Пометы-грифы «Секретно» и «Совершенно секретно» воспроизводятся в правом углу перед текстом документа. Подписи под всеми архивными документами сохраняются. В случае невозможности прочтения подписи в текстуальных примечаниях делается оговорка: «Подпись неразборчива».

Делопроизводственные отметки, а также адресаты рассылки при публикации документов не сохранялись.

Большинство документов публикуются полностью. В извлечениях публикуются обширные документы, часть содержания которых не относится к теме настоящей публикации. Это, например, материалы Международного военного трибунала для Дальнего Востока по делу главных военных преступников 1948 года, а также трофейные документы японской армии и жандармерии.

Если документ публикуется в извлечении, то в заголовке присутствует предлог «Из», а в тексте документа пропуск обозначается отточием в квадратных скобках.

Текст каждого документа сопровождается легендой, в которой указывается архив, номер фонда или коллекции, описи, дела и листов, а также подлинность или копийность документа. Здесь же указываются предыдущие публикации документа, если таковые имелись.

В случае, когда текст документа публикуется не по оригиналу, а по переводу, близкому по дате к моменту создания документа, в верхнем правом углу после заголовка в соответствии с текстом перевода воспроизводится отметка переводчика, например: «Перевод с японского языка», а в конце документа воспроизводится дата и авторство перевода, если таковое имеется.

Способ воспроизведения по умолчанию машинописный, все остальные способы воспроизведения оговариваются.

В состав научно-справочного аппарата сборника документов входят историческое и археографическое предисловия, текстуальные примечания, примечания по содержанию (комментарии), именной комментарий, список сокращений, именной и географический указатели, а также приложения.

В раздел «Примечания» включены материалы информационно-аналитического обзора «Разработка, испытание и применение Японией бактериологического оружия против СССР, Китая и других стран (1936–1945 гг.)», подготовленного П. П. Щелчковым.

Географические наименования даются в соответствии с их наименованием и административно-территориальной принадлежностью на период их упоминания в документах.

Основная масса сокращений и сокращенных слов раскрыта в списке сокращений.

В приложениях даны 6 структурных схем подразделений японской армии, занимавшихся разработкой, испытаниями и применением бактериологического оружия, а также карта их расположения.

Примечания подготовлены В. В. Мясниковым, Н. В. Низовой, А. И. Шишкиным; именной и географический указатели, список сокращений — Н. А. Ивановым (мл.), О. С. Смирновой; именной комментарий — Н. А. Ивановым (мл.), О. С. Смирновой, А. И. Шишкиным; приложения — Ю. Ю. Стебеньковой и П. П. Щелчковым.

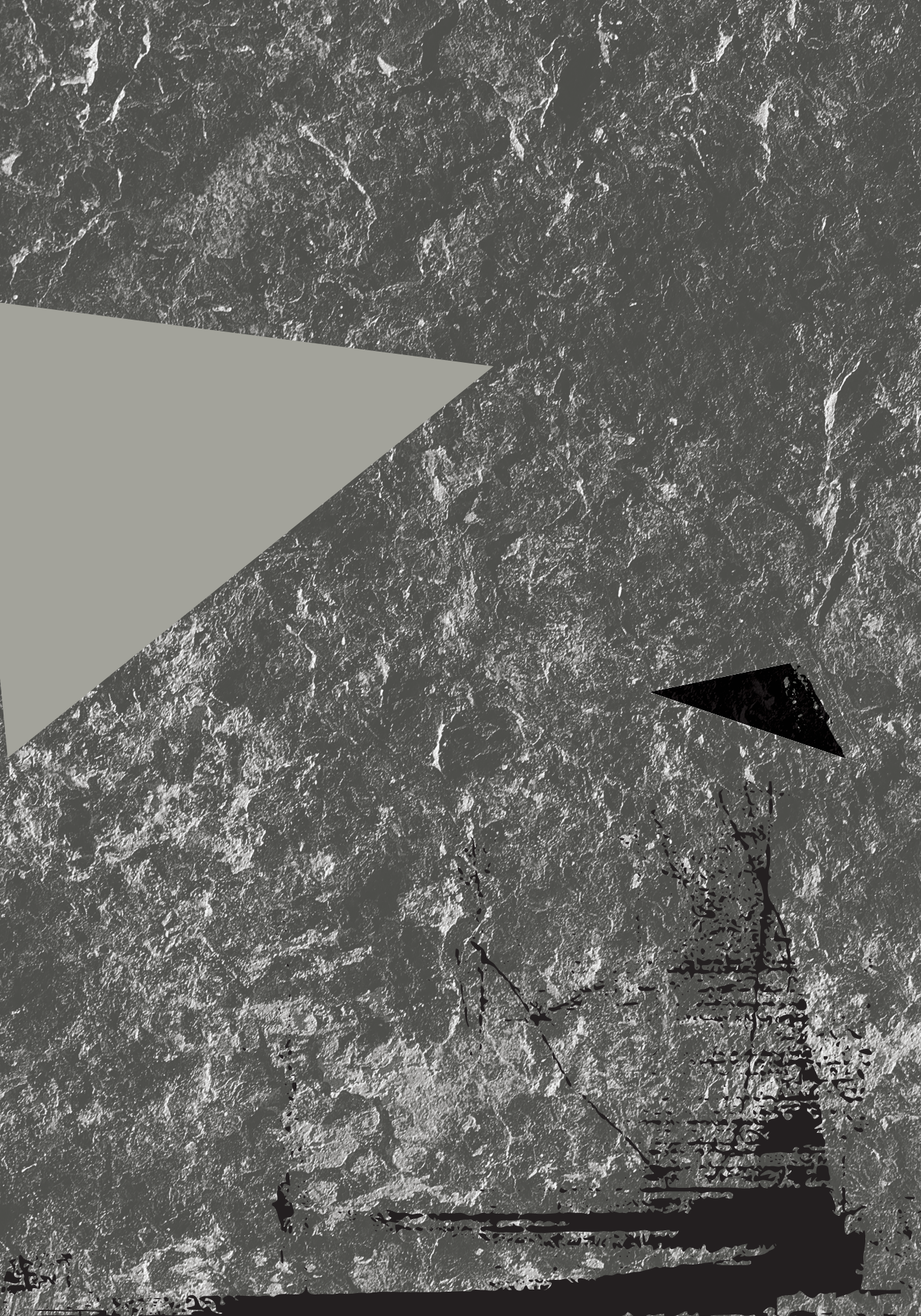
Коллектив составителей выражает благодарность Г. Н. Антошкиной, Е. А. Васильковой, А. Л. Емашевой, О. М. Лапиной, Е. В. Перегудовой, осуществлявших компьютерный набор текста документов.

В памяти коллег навсегда останется имя ушедшего от нас товарища, внесшего весомый вклад в подготовку настоящего издания, генерал-майора в отставке П. П. Щелчкова.

А. И. Шишкин

РАЗДЕЛ I

ПОДГОТОВКА ЯПОНИИ К ВОЙНЕ ПРОТИВ СССР – НАРУШЕНИЕ ДОГОВОРА О НЕЙТРАЛИТЕТЕ МЕЖДУ СССР И ЯПОНИЕЙ[1]



№ 1. Оперативный приказ № 70 3-й Квантунской армии об усилении готовности японской армии к войне против Советского Союза

9 августа 1938 г.

ЛИСТ 123

Документально
Перевод с японского
Совершенно секретно

Оперативный приказ
3-й армии
№ 70
«НАКАЯМА» /печать лица, отправившего документ/

ШТАМП: «Получено 12.08.1938 г.»

ЧИТАЛИ: Нач. Квантунской жандармерии СИРОКУРА ИОСИЭ
/личная печать/
Нач. общего отдела САТО
/личная печать/
Нач. отдела МАЦУУРА
/личная печать/
Ответ. исполнитель КОБАЯСИ
/личная печать/
Исполнитель ИСИДОРИЯ
/личная печать/
Нач. отдела полицейской службы КАДЗИ
/личная печать/
Сотрудники, имеющие отношение к делу: СИКАТА
/личная печать/
/сбоку красным карандашом написано: «Остальным на просмотр не давать». — *пер.*/

/На полях красным карандашом написано: «В Муданьцзянский Жандармский отряд отправлено». — *пер.*/

ПРИКАЗ 3-Й АРМИИ

Эхо. Штаб армии. 9 августа. 23-00.

1. Войска Квантунской армии для усиления готовности к войне против Советского Союза частью сил выдвигаются для сосредоточения в район восточной границы[2].

Перечисленные ниже части поступают в распоряжение командующего 3-й армией:

7-я дивизия,
11-й полевой зенитный арт[иллерийский] отряд,
12-й полевой зенитный арт[иллерийский] отряд,
8-й временный автоотряд /штаб и три роты/.

11-й авиаполк развертывается в Туаньшаньцзы, 1-я эскадрилья 16-го авиаполка в Тайпинлин, с задачей прикрывать переброску 2-й и 7-й дивизий и сбивать самолеты противника, препятствующие этому.

ЛИСТ 124

2. Армия имеет задачу, сохраняя за собой положение, дающее ей возможность действовать в любой момент в соответствии с обстановкой, частью сил выдвинуться

для сосредоточения в район южнее Сяосуйфын и в район между Силиньхэ и Мулин и тем самым усилить готовность к войне против Советского Союза.

3. Командиру 2-й дивизии к 11 августа перебросить части, расположенные в Муданьцзяне и в Нинъане /Нингута/ в район между Силиньхэ и Мулин и энергично проводить боевую подготовку, находясь в состоянии готовности к выступлению в любой момент.

ПРИМЕЧАНИЕ: Около одного батальона пехоты по-прежнему оставить гарнизоном в Эхо.

Кроме того, разрешается часть личного состава и имущества оставить в прежних гарнизонах.

4. 7-я дивизия с прибытием на ст. Муданьцзян поступает в мое распоряжение. Дивизии к 13 августа перебросить главные силы, ориентировочно в район между Сяосуйфын и Цзиньчан и находиться в состоянии готовности к выступлению в любой момент.

ЛИСТ 125

5. 11-й и 12-й полевые зенитные артотряды с прибытием на ст. Муданьцзян поступают в мое распоряжение. 11-му полевому зенитному артотряду занять позиции в окрестностях Дунин и главным образом обеспечивать противовоздушную оборону полевых складов боеприпасов в этом районе. 12-му артотряду занять позиции в районе ст. Сяофуйфын и главным образом обеспечивать противовоздушную оборону этой станции и полевых складов боеприпасов в этом районе.

6. 1-му временному отряду связи продолжать выполнение поставленной ранее задачи и, кроме того, немедленно обеспечить связь штаба армии со штабом 2-й дивизии /в районе Сяченцэм/, штабом 7-й дивизии /в районе Цаиньчан/, 11-м полевым зенитным артотрядом /в районе Дунин/, 12-м полевым зенитным артотрядом /в районе Сяочуйфын/.

ЛИСТ 126

Отряду связи придается 70 человек во главе с капитаном ЯМАДЗАКИ.

7. 8-й временный автоотряд с прибытием на станцию Муданьцзян поступает в мое распоряжение.

По прибытии в Сяосуйфын отряду поступить в распоряжение командира 2-го автополка.

8. Командиру 2-го автополка принять командование над 8-м временным автоотрядом, продолжать выполнение ранее поставленной задачи и, кроме того, обеспечить переброску частей и в дальнейшем оказывать помощь в их снабжении.

9. Остальным соединениям и частям продолжать выполнение ранее поставленных задач.

10. Частям армии и частям, поступившим в мое распоряжение, собирать сведения, необходимые для авиации, и своевременно информировать 11-й авиаполк /находится в Туаньшаньцзы/, 1-ю эскадрилью 160-го авиаполка /находится в Тайпинлин/, 11-й полевой зенитный артотряд /находится в Дунин/, 12-й полевой зенитный артотряд /находится в Сяофуйфын/.

11. Подробные указания будут даны начальником штаба армии.

ЛИСТ 127

12. Остальные детали должны быть согласованы между командирами соответствующих частей.

13. Я нахожусь в Эхо.

КОМАНДУЮЩИЙ 3-й АРМИЕЙ
Генерал-лейтенант ЯМАДА

Способ доставки: Краткое содержание приказа сообщить телеграфно:

8-й дивизии,
12-й дивизии,
7-й пехотной бригаде,
3-му полевому жандармскому отряду,
4-му полевому жандармскому отряду,
4-му отдельному полку горной артиллерии,
12-му отдельному полку горной артиллерии,
9-му полку полевой тяжелой артиллерии,
2-му автополку,
Части КАВАХАРАДА.

Сообщить устно:

2-й дивизии,
Временному отряду связи.

После чего перечисленным выше частям, а также 5-му танковому отряду вручить в отпечатанном виде.

7-й дивизии,
11-му полевому зенитному автоотряду,
12-му полевому зенитному автоотряду,
8-му временному автоотряду — вручить в момент их поступления в мое распоряжение.

Доложить: Командованию Квантунской армии.

Информировать:

4-ю дивизию,
19-ю дивизию,
Хуньчуньский гарнизон,
4-й отдельный полевой жандармский отряд,
2-й отдельный полевой жандармский отряд,
4-й железнодорожный отряд,
3-й железнодорожный отряд,
3-й полевой телеграфный отряд,
1-й автоотряд,
Управление артиллерии,
2-ю авиагруппу,
8-ю авиабригаду,
11-й авиаполк,
16-й авиаполк,
Штаб Квантунской жандармерии,
Муданьцзянский жандармский отряд,
Отделение интендантского управления
Квантунской армии в Муданьцзяне,
Отделение складов Квантунской армии,
Муданьцзянский арсенал,
Дуннинский арсенал,
Управление полевой железной дороги,
Отделения полевой железной дороги,

Противоэпидемическое управление Квантунской армии[a],
Противоэпизоотическую базу Квантунской армии[b],
Харбинскую ЯВМ,
Пограничненскую ЯВМ,
Минаньскую ЯВМ,
Муданьцзянский военный госпиталь,
Мулинский военный госпиталь,
Дуннинский военный госпиталь,
Пограничный военный госпиталь,
Эрдаоганский военный госпиталь,
Отделы штаба армии.

Перечисленным выше частям вручить в отпечатанном виде. Советнику 6-й армии сообщить устно.

ЛИСТ 128

Указания начальника штаба, данные на основании оперативного приказа 3-й армии № 70, не приложены.

Указания разосланы всем частям, за исключением:
2-й дивизии,
7-й дивизии,
8-й дивизии,
12-й дивизии,
2-го автополка,
8-го временного автоотряда,
11-го полевого зенитного артотряда,
12-го полевого зенитного автоотряду,
Муданьцзянского отделения складов Квантунской армии,
Командования Квантунской армии,
Отделов штаба армии.

«ИКЕДА» /печать лица, разослaвшего указания, – *пер.*/

Перевела: ст. переводчик МВД СССР
капитан Подпалова

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 44. Л. 1–5.
Пер. с яп. яз. Публикуется впервые.

[a] Выделено синей ручкой на полях.
[b] Выделено синей ручкой на полях.

№ 2. Стенографическая запись 10-го заседания Центрального комитета обороны Японии о подготовке к диверсии

10 июня 1942 г.

Документально
Перевод с японского
Секретно

ЛИСТ 140
Центральный комитет обороны

СТЕНОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ
10-го заседания Центрального комитета обороны

ЛИСТ 142
Лица, присутствовавшие на 10-м заседании Центрального комитета обороны:
председатель комитета ЙОСИОКА;
члены комитета:
НАГАТОМО, ФУДЗИМУРА, ГО/КАКУ/, МАЦУГИ, ВАН/О/, ТАНИГУТИ, ГЭНДА, ИИНО, ФУДЗИИ, СУГАВАРА, ВАН/О/, КАММОРИ /КАМИМОРИ/, КОДЗАВА /ОДЗАВА/, САТАКЕ, КОТОКУ /ОТОКУ/, НАКАИ, ИТО, ОЦУРУ, начальник Оружейного управления, начальник Военно-медицинского управления, начальник Ветеринарного управления, начальник Управления юстиции, вице-министр развития сельского хозяйства, вице-министр экономики, заместитель начальника Верховной прокуратуры, начальник Информационного управления (Маньчжоу-го), советник Главного колонизационного управления, советник Хинганского бюро, управляющий делами Маньчжурского общества Красного Креста, управляющий делами Женского общества обороны;
старший секретарь КАТАКУРА;
секретари: ИСИКАВА, КАНАДЗАВА, ЯМАДЗАКИ, ОКАБЭ, ИТО.
Кроме того, в качестве гостей присутствовали:
Представитель от старшего офицера Генштаба при 1-м отделе штаба Квантунской армии, представитель от начальника Квантунской жандармерии, представитель от начальника Штаба полевой железной дороги.
Заседание посетил также командующий Квантунской армией обороны.
(Часть отчета, не относящаяся к делу, опускается. Ниже дается перевод 5-го пункта в окончательной редакции, по которому возникли далее приводимые прения. — *пер.*)

ЛИСТ 150
«5. Препятствия действиям противника. Если не удалось захватить или убить проникших на нашу территорию авиадесантников, то, для того чтобы воспрепятствовать их действиям, нужно не дать им возможности получать продовольствие, питьевую воду, одежду и т. д., а также средства передвижения, как то: телеги, лошади и т. п. Ночью необходимо ограничивать движение, устраивать на важнейших путях сообщения контрольные посты для опроса и проверки прохожих и вообще ПРИНИМАТЬ ВСЕ ВОЗМОЖНЫЕ МЕРЫ, ПРЕПЯТСТВУЮЩИЕ НЕЗАМЕТНОМУ ПРОНИКНОВЕНИЮ ДЕСАНТНИКОВ, И, КРОМЕ ТОГО, СТРЕМИТЬСЯ К ПОДАВЛЕНИЮ ИХ ОСОБЫМИ СРЕДСТВАМИ».
(Часть отчета, не имеющая отношения к делу, опускается. Ниже приводятся прения, возникшие в связи с редакцией 5-го пункта. — *пер.*)

ЛИСТ 175
Член комитета НАГАТОМО: «...Относительно пункта “5. Препятствия действиям противника” из раздела “4. Нападения” части “Тэй” (ссылка на обсуждавшийся коми-

тетом проект «Меры по обновлению и усовершенствованию системы обороны против воздушных десантов». Часть «Тэй» проекта озаглавлена: «Население». — *пер.*) я хочу сказать следующее. Нам нужно подумать также и о диверсии с применением ядов. Мы сейчас говорили о диверсионной деятельности противника, и в этой связи перед нами встал вопрос о том, что мы можем противопоставить партизанской войне. *Конечно, бывает необходимым применять и такие прямые действия, как наступление и оборона, однако я думаю, что здесь нужно прибегать к диверсионным мерам. Можно, например, заманив 5–6 человек противника, накормить их отправленными пирожками или отравить колодец*[a]. Я думаю, что таким мероприятиям следует обучать еще с мирного времени, в особенности переселенцев-колонистов, и соответственно руководить ими. Поэтому я предлагаю в конце 5-го пункта после слов "принимать все возможные меры (препятствующие незаметному проникновению десантников)" добавить фразу: "и, кроме того, следует подумать и о диверсиях с применением ядов"».

ЛИСТ 176

Старший секретарь КАТАКУРА: «...Господин ТАНИГУТИ, может быть, Вы выскажетесь относительно сделанного сейчас предложения о ядах по пункту 5?»

Член комитета ТАНИГУТИ: «Да, я думаю, что на это следует обратить внимание, но ведь это связано с вопросом об обучении в мирное время. Кроме того, я сомневаюсь, следует ли о таких вещах так откровенно говорить в печатном документе».

Старший секретарь КАТАКУРА: «А что, если об этом сказать такими не бросающимися в глаза словами, как "для предотвращения их незаметного проникновения и для борьбы против диверсии"?»

Член комитета ТАНИГУТИ: «Да, что-нибудь в этом духе».

Старший секретарь КАТАКУРА: «Может быть, записать так: "для предотвращения их проникновения и для борьбы против диверсионных действий принимать все возможные меры", т. е. исправить так, чтобы не упоминать ядовитых веществ. Хорошо будет, если мы запишем: "для предотвращения их проникновения и для борьбы против диверсионных действий и т. д. принимать все возможные меры"».

Член комитета НАГАТОМО: «Речь идет не об обороне против диверсионных действий противника, а о том, что мы будем совершать диверсионные акты. Хотя, разумеется, маньчжурская сторона прибегает к диверсии в целях обороны».

Старший секретарь КАТАКУРА: «Разве Вы говорите не о том, что противная сторона будет пользоваться ядами?»

Член комитета НАГАТОМО: «Нет, говорю, что мы будем пользоваться ядами».

Старший секретарь КАТАКУРА: «Но ведь неловко сказать, что мы будем делать это».

Член комитета НАГАТОМО: «Но это самое лучшее для таких случаев, как высадка авиадесанта противником».

Старший секретарь КАТАКУРА: «Но это несколько неудобно. Нельзя же написать, что мы будем так поступать. Ведь слова "принимать все возможные меры, препятствующие незаметному проникновению десантников" включают в себя и это. Я прошу Вас согласиться с тем, что это понятие — как понятие о "всех средствах" — сюда включается».

Член комитета НАГАТОМО: «Согласен, если сюда включается идея предложения».

---

[a] Текст, отмеченный *...*, отчеркнут вертикальной чертой на полях.

Старший секретарь КАТАКУРА: «Неудобно здесь писать о том, что мы будем кормить отравленными пирожками. Но если уж писать, то не лучше ли выразить это какими-нибудь более безобидными словами?»[b]

Член комитета НАГАТОМО: «Убивать можно и дубиной, и прочим. Но ведь нельзя же действовать так напролом!»

Старший секретарь КАТАКУРА: «Значит, нужно действовать ядом?»

Член комитета НАГАТОМО: «Да».

Старший секретарь КАТАКУРА: «Но как же так? Ничего здесь не вписав, мы будем считать, что отравленные пирожки и прочее включаются в понятие "все возможные меры", а проводить эти меры будут полиция, жандармерия и другие органы. Если исходить из такой концепции, то при неосторожности будет перебито население. Поэтому если не продумать все как следует заранее, то это превратится в самоубийственное средство».

(Несколько выступлений, не относящихся к вопросу о диверсии, опускаются. — *пер.*)

ЛИСТ 180

Член комитета НАГАТОМО: «Может быть, это покажется навязчивым с моей стороны, но я снова хочу вернуться к 5-му пункту, т. е. к вопросу о противодействии противнику. Что, если нам записать примерно так: "Принимать все возможные меры, препятствующие незаметному проникновению (десантников), и, кроме того, прибегать к диверсионным средствам"? То, что имеется здесь (в проекте резолюции. — *пер.*) не носит диверсионного характера, здесь нет ничего партизанского. Поэтому я и думаю, что можно включить эти слова».

Старший секретарь КАТАКУРА: «В таком случае не написать ли нам так: "принимать все возможные меры (препятствующие незаметному проникновению десантников), и, кроме того, стараться подавлять их особыми средствами". Лучше, сославшись на "особые средства", по возможности не писать, что мы сами будем прибегать к диверсии. Напишем: "Принимать все возможные меры, препятствующие незаметному проникновению десантников, и, кроме того, стремиться к подавлению их особыми средствами". Как Вы на это смотрите? Это имеет тот же смысл, но, составляя документ, не хочется писать о том, что мы со своей стороны будем совершать диверсионные акты».

Член комитета НАГАТОМО: «Так будет хорошо. Кроме того, мне еще хочется немного остановиться на вопросе о жандармерии. Она тоже будет заниматься не только борьбой против диверсии, разведкой и розысками, но и в случае необходимости переходить в наступление. Поэтому я предлагаю написать так: "Жандармерия, кроме военных дел, в случае необходимости назначается на ведение наземного боя"».

Старший секретарь КАТАКУРА: «Хорошо, я внесу это исправление».

(Остальное, не имеющее отношения к делу, опускается. — *пер.*)

Примечание переводчика: Из стенографической записи видно, что настоящее заседание проходило 10 июня 1942 г.

Перевела: старший переводчик МВД СССР
капитан Подпалова

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 237–241.
Пер. с яп. яз. Публикуется впервые.

[b] Абзац отчеркнут вертикальной чертой на полях.

№ 3. Отчет начальника Муданьцзянского жандармского отряда о работе отряда с июня 1941 г. по июнь 1942 г.

20 июня 1942 г.

Документально
Перевод с японского

ЛИСТ 178

МУДАНЬЦЗЯНСКИЙ ЖАНДАРМСКИЙ
О Т Р Я Д
20 июня 1942 года

«ВАТАНАБЭ» (печать лица, отправившего документ, — *пер.*)

О Т Ч Е Т
о состоянии и работе отряда
(Текст доклада отпускается. — *пер.*)

ЛИСТ 231
Приложение. Таблица № 7

ИТОГИ АКТИВНОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ С ИЮНЯ 1941 ГОДА ПО ИЮНЬ 1942 ГОДА
(Начало таблицы опускается. — *пер.*)

1. Причина ареста и обнаружения

Агенты советской разведки (агенты-радисты), обнаруженные в результате перехвата подозрительных волн оперативной группой, высланной воинской частью № 86 (особый жандармский отряд в Синьцзине, занимавшийся разведкой, пеленгацией и прочими видами разведки и контрразведки с применением технических средств, — *пер.*).

2. Фамилия, имя и возраст арестованных, место приписки, место жительства и род занятий

1) ЧЖАН ВЕНЬ-ШАНЬ (по-японски Тё Бун-Дзен — *пер.*), 20 лет, г. Муданьцзян, улица Симуданьцзе, извозный промысел.

2) ЧЖАО ЮН-ЦИН (по-японски Тё Эй-Кэй — *пер.*), 42 года, г. Харбин, Мадзягоу, улица Сюаньженьцзе, чернорабочий.

3) ВАН ЧЕНЬ ЛИНЬ (по-японски О СЭЙ-РИН — *пер.*), 31 год, станция Харбин, товарная станция, плотник.

4) ЧЖУ ЧИН-МЭН (по-японски СЮ СИ-МО — *пер.*), 25 лет, Муданьцзян, управление железной дороги, служба тяги, ремонтный рабочий.

5) У ДЯНЬ-СИН (по-японски ГО ДЭН-КО — *пер.*), 27 лет, г. Муданьцзян, район Хайлан, плотник.

6) СУН ЧЖАО-СЯН (по-японски СОН ТЁ-Ё — *пер.*), 40 лет, Муданьцзян, железнодорожное управление, техническая служба, плотник[a].

3. Когда произведен арест

С 16 по 21 июля 1941 года.

4. Принятые меры

1) ЧЖАН ВЕНЬ-ШАНЯ начали перевербовывать, но он покончил с собой.

[a] Абзац отчеркнут вертикальной чертой слева на полях синими чернилами.

2) Остальные пять человек отправлены в Харбин в порядке «спецотправки» (Токуи-Сёбун)[b].

5. Описание деятельности арестованных

1) ЧЖАН ВЕНЬ-ШАНЬ получил специальную подготовку по радиоделу в Москве. В январе 1936 года перешел в Маньчжурию[3] и стал заниматься шпионажем в пользу СССР. За время с февраля 1939 г. по 1941 год он проживал в Муданьцзяне и за это время около девяти раз передавал по радио военную информацию, собранную подчиненными ему агентами, непосредственно в штаб Дальневосточной армии г. Хабаровск.

Он получил 1500 гоби на оперативные расходы и по 350 гоби вознаграждения в месяц.

2) Остальные под руководством главаря представляли ему военную информацию на основании того, что видели и слышали каждый на своем месте работы[c].

(Конец таблицы опускается. — *пер.*)

Перевела:
ст. переводчик МВД СССР
капитан Подпалова

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 219–220.
Пер. с яп. яз. Публикуется впервые.

№ 4. Донесение начальника Дунаньского жандармского отряда о представлении материалов по истории жандармерии в Маньчжурии

23 февраля 1943 г.

Арх. дело № 664
листы дела 206–208, 213
Подшивка входящих и исходящих документов за 1943 г. Из дел штаба Квантунской жандармерии

Документально
Перевод с японского

ЛИСТ 206

ДУНАНЬСКИЙ ЖАНДАРМСКИЙ ОТРЯД НАЧАЛЬНИК ОТРЯДА 23 февраля 1943 г. № 74-общ.	Печать: ШТАМП: Читали:	«ШТАБ КВАНТУНСКОЙ ЖАНДАРМЕРИИ. Получено 3 марта 1943 г.» «Получено 3 марта1943 года» Нач. Квантунской жандармерии (печати нет) Нач. общего отдела (печати нет) Ответ. исполнитель ХАРА Горо (личная печать) Сотрудник исполнитель (печати нет) Нач. отдела полицейской службы (печати нет) Сотрудники, имеющие отношение к делу: КИТАДЗОГО (личная печать) ИСИИ (личная печать)»

[b] Абзац отчеркнут вертикальной чертой слева на полях синими чернилами.

[c] Абзац отчеркнут вертикальной чертой слева на полях, выполненной синими чернилами.

ГОСПОДИНУ НАЧАЛЬНИКУ КВАНТУНСКОЙ ЖАНДАРМЕРИИ

Донесение по вопросу о представлении материалов
по истории жандармерии в Маньчжурии

На основании распоряжения штаба Квантунской жандармерии от 12 декабря за № 1003, при сем представляю материалы по указанному в заголовке вопросу.

ЛИСТ 207

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЖАНДАРМЕРИИ
В МАНЬЧЖУРИИ
ДУНАНЬСКИЙ ОТРЯД

ЛИСТ 208

СВОДНАЯ ТАБЛИЦА ВАЖНЕЙШИХ ПРИМЕРОВ ИЗ РАБОТЫ ОТРЯДА
С 1938 ПО 1942 ГОД (ПО КОНТРРАЗВЕДКЕ)

Год и месяц	Краткое описание дела
Декабрь 1938 г.	Хутоуским отделением отряда было задержано два человека, имевшие поддельные виды на жительство и являвшиеся агентами советской разведки: ЦАЙ ФЫН-ЧУНЬ (по-японски Сай-Фу-Сюн — *пер.*), 21 года и НЮ ШУНЬ-ЦАЙ (по-японски Гю Дзюн-Сай — *пер.*), 34 лет. Было установлено, что по заданию штабов Иманского и Бикинского отрядов пограничной охраны они перешли по льду р. Уссури через границу в Маньчжурию для создания агентурной сети в Боли. ЦАЙ отправлен в порядке «Спецотправки» (Токуи — Ацукаи), а НЮ передан Мишаньской ЯВМ, был ею перевербован и переброшен в СССР, но обратно не вернулся. (Часть таблицы опускается. — *пер.*)[a]

ЛИСТ 213

Январь — июнь 1941 г.	За этот период был арестован 31 агент советской разведки, в том числе СЮЙ ЦЗЯНЬ-ЮАНЬ (по-японски Кё Кэн-Ган — *пер.*), ВАН ЧЖЭНЬ-ДА (по-японски О Син-Тацу — *пер.*), ЧЖАН ЦЗИН-ЧАН (по-японски Тё Кэй-Сё — *пер.*), ШЭНЬ ЮН-СЯН (по-японски Син Жй-Сё — *пер.*), ВАН ЧАН-ШЭН (по-японски О Тё-Сэй — *пер.*) и другие, что принесло прекрасные результаты в деле борьбы со шпионажем. В частности, 17 июня контрольная группа Линькоуского отделения задержала ВАН ЧАН-ШЭНА (41 год), имевшего при себе поддельный вид на жительство, составленный от имени Мишаньского отряда пограничной полиции. Поскольку он не представлял ценности для использования, его направили в порядке «спецотправки» (Токуи — Ториацукаи). (Конец таблицы опускается. — *пер.*)[b]

[a] Абзац отчеркнут вертикальной чертой слева на полях, выполненной синими чернилами.

[b] Абзац отчеркнут вертикальной чертой слева на полях синими чернилами.

Перевела: старший переводчик МВД СССР
капитан Подпалова

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 230–232.
Пер. с яп. яз. Публикуется впервые.

№ 5. Донесение начальника Муданьцзянского жандармского отряда о предоставлении материалов по истории жандармерии в Маньчжурии

25 февраля 1943 г.

Арх. дело № 664
листы дела 59, 60, 69, 70
Подшивка входящих и исходящих документов за 1943 г.
Из дел штаба Квантунской жандармерии

Документально
Перевод с японского
Секретно

ЛИСТ 59

СУНЬУСКИЙ ЖАНДАРМСКИЙ ОТРЯД
НАЧАЛЬНИК ОТРЯДА
25 февраля 1943 г.
№ 68-общ.

«УТИМИТИ» (печать лица, отправившего документ, — *пер.*)

ШТАМП:
Читали:

«Получено 12.3.1943 года»
Нач. Квантунской жандармерии (печати нет)
Нач. общего отдела (печати нет)
Нач. отдела (печати нет)
Ответ. исполнитель ХАРА Горо (личная печать)
Сотрудник исполнитель САКАМОТО (личная печать)
Нач. отдела полицейской службы (печати нет)
Сотрудники, имеющие отношение к делу: ИСИИ (личная печать)
КИТАДЗОГО (личная печать)

ГОСПОДИНУ НАЧАЛЬНИКУ КВАНТУНСКОЙ ЖАНДАРМЕРИИ

Донесение по вопросу о представлении материалов по истории жандармерии в Маньчжурии

На основании распоряжения штаба Квантунской жандармерии от 12 декабря 1942 года за № 1003-общ. при сем представляю нижеследующие материалы по указанному в заголовке вопросу:

1. История штаба жандармского отряда в Суньу.
2. Сводная таблица важнейших из примеров работы отряда с 1937 по 1942 г.

ЛИСТ 60

ЖАНДАРМСКИЙ ОТРЯД В СУНЬУ

Секретно

Сводная таблица важнейших примеров
из работы отряда с 1937 по 1942 гг.

(Начало таблицы опускается. — *пер.*)

ЛИСТ 68

Январь 1941 г.

Операция по обратному использованию вооруженного агента советской разведки ЧЖАО ДЯНЬ-СЯН (по-японски Тё Дэн-Кйо — *пер.*).

ЛИСТ 70

...В феврале 1941 года ему дали возможность перейти в СССР, а при его возвращении в Маньчжурию в пункт перехода границы был послан оперативный работник, который, узнав полученные им задания и проч[ее], снова продолжал слежку. Когда же были выяснены все обстоятельства этого дела, 14 марта того же года его арестовали и после строго[го] допроса, в результате которого была установлена истина, отправили в порядке «спецотправки» (Токуи — Ацукаи).

(Конец таблицы опускается. — *пер.*)

Перевела: старший переводчик МВД СССР капитан Подпалова

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 224–225.
Пер. с яп. яз. Публикуется впервые.

№ 6. Уведомление начальника отдела полицейской службы штаба Квантунской армии о категориях лиц, направляемых в порядке «спецотправок»[4]

12 марта 1943 г.

Арх. дело № 864
листы дела 245, 246
Подшивка «Разная переписка»
1-го отдела штаба Квантунской
жандармерии за 1943 г.
Документы относятся к вопросам
организации, комплектования,
обучения и т. д.

Документально
Перевод с японского
Сов. секретно
Копия

ЛИСТ 245

Штаб Квантунской жандармерии
Отдел по особо важным делам
12 марта 1943 года
№ 120[a]

ЧИТАЛИ: ФУДЗИСИГЕ (личная печать)
ХАРА ГОРО (личная печать)
ИСИИ (личная печать)[b]

[a] Текст, выделенный *...*, дописан простым карандашом под строкой.

[b] Строка отчеркнута вертикальной чертой слева, выполненной синими чернилами.

От начальника отдела полицейской службы
штаба Квантунской жандармерии

УВЕДОМЛЕНИЕ
ПО ПОВОДУ «СПЕЦОТПРАВОК»
(Токуи — Ацукаи)

На основании приказа довожу до сведения, что, хотя в данном вопросе следует руководствоваться документом № 59 отдела полицейской службы штаба Квантунской жандармерии от 26 января 1938 года, тем не менее при отборе желательно придерживаться норм, изложенных в нижеследующем приложении.

Разослано: всем начальникам отрядов Квантунской жандармерии (включая начальников отдельных жандармских отделений и исключая начальников 86-го и учебного отрядов).

Перевела:
ст. переводчик МВД СССР
капитан Подпалова

ЛИСТ 246
ПРИЛОЖЕНИЕ

	Характер преступления	**Прочие дополнительные условия**			
		Факты из биографии	**Характеристика лица**	**Наши расчеты**	**Другие мотивы**
РАЗВЕДЧИКИ (ДИВЕРСАНТЫ)	Состав преступления дает основание предполагать, что при передаче дела в суд лицо будет приговорено к пожизненной каторге *или смертной казни*[c]			Если оно не представляет ценности для перевербовки и обратной заброски	
	В качестве разведчика или диверсанта лицо неоднократно переправлялось в Маньчжурию и до последнего момента занималось этой деятельностью		Если оно просоветски или антияпонски настроено	Если оно не представляет ценности для перевербовки и обратной заброски	
	*Состав преступления дает основание предполагать, что при передаче дела в суд лицо будет оправдано или осуждено на короткий срок и вскоре выйдет из тюрьмы	Если это бродяга, не имеющий постоянного места жительства и родственников	Если лицо просоветски или антияпонски настроено. Нелояльные элементы	Если лицо не проявляет чувства раскаяния и есть серьезная опасность, что оно снова повторит преступление*[d]	
	Лицо занималось этой деятельностью в прошлом	Если лицо было партизаном или совершало подобные вредоносные действия		Если нет надежд на его перевоспитание	

[c] Текст дописан простым карандашом.

[d] Строка в таблице отчеркнута вертикальной чертой слева, выполненной синими чернилами.

	Характер преступления	Прочие дополнительные условия			
		Факты из биографии	**Характеристика лица**	**Наши расчеты**	**Другие мотивы**
	Лицо было связано с другими видами оперативной деятельности или же его существование весьма невыгодно для армии и государства, в связи с осведомленностью в важных секретных вопросах[e]				
	Единомышленники лиц, подпадающих под категорию «спецотправки» (Токуи — Ацукаи)				Если, несмотря на незначительность преступления, освобождение их нежелательно
ИДЕЙНЫЕ ПРЕСТУПНИКИ (преступники, связанные с национальным и коммунистическим движением)	Состав преступления дает основание предполагать, что при передаче дела в суд лицо будет приговорено к смертной казни или пожизненной каторге				
	Лицо было связано с другими видами оперативной деятельности или же его существование весьма невыгодно для армии и государства в связи с осведомленностью в важных секретных вопросах				

ПРИМЕЧАНИЕ: Начальники жандармских отрядов при определении того, как поступить, исходя из перечисленных выше норм, с тем или иным лицом, должны тщательно учесть с точки зрения внутренней обстановки в Маньчжоу-го, как это отразится на государственной политике, на обществе, на общественной морали, и, взвесив все это, с полной решимостью могут *ходатайствовать перед начальником Квантунской жандармерии о применении «спецотправки» (Токуи — Ацукаи)*.

[e] Здесь и далее текст, отмеченный *...*, отчеркнут вертикальной чертой слева, выполненной синими чернилами.

ПЕРЕВЕЛА: старший переводчик МВД СССР
капитан Подпалова

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 214–216.
Пер. с яп. яз.
Опубл. в сб.: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии... М., 1950. С. 161–162.

№ 7. Основные положения допроса военнопленных (из Руководства по службе «секретной войны»)

[1945 г.]

Документально
Перевод с японского
Сов. секретно

ЛИСТ 90
ВОЕННО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

Печать: «Муданьцзянская ЯВМ.
получено 14.06.45 г.
Вх. № 9»

Перепечатано частью
№ 471 — МАНСЮ

Р У К О В О Д С Т В О
ПО СЛУЖБЕ СЕКРЕТНОЙ ВОЙНЫ

ЛИСТ 112
Приложение

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДОПРОСА ВОЕННОПЛЕННЫХ

ЛИСТ 113

Общие положения

1. В настоящих положениях предусматриваются случаи производства допроса в целях сбора информации, но сюда не включается допрос преступников.

2. Лица, сдавшиеся в плен, перебежчики, захваченные шпионы противника, нарушители границы, экипажи самолетов, совершивших вынужденную посадку, или кораблей, вынужденно приставших к наших берегам, бежавшие из плена лица, служившие в нашей армии, население вновь оккупированных нами районов, а также бежавшие к нам мирные жители из сферы влияния противника также допрашиваются, за исключением особых вопросов, применительно к методам допроса и изучения военнопленных[a]...

ЛИСТ 124

62. Иногда, в зависимости от обстановки, выгодно применять пытку, но нередко это может вызвать вредные последствия, и поэтому, прежде чем применять ее, необходимо тщательно взвесить вопрос — следует или нет это делать. Вместе с тем

[a] Опущены пп. 3–61.

пытка должна производиться таким образом, чтобы это не имело для нас дурных последствий.

ЛИСТ 125

63. Пытка, причиняя физические страдания, должна поддерживаться и продолжаться таким образом, чтобы не было иных способов избавиться от страданий, кроме дачи правдивых показаний.

Пытка является выгодной с точки зрения скорости, с которой сравнительно легко можно заставить лиц со слабой силой воли дать правдивые показания, но при этом имеется опасность, что допрашиваемый, чтобы избежать страданий, наоборот, исказит истину или [будет] стара[ться] угодить допрашивающему[b].

У лиц с сильной волей пытка может усилить волю к сопротивлению, а после удачного допроса оставить озлобление против империи.

64. В отношении лиц со слабой силой воли пытка обычно применяется в тех случаях, когда даже при наличии улик допрашиваемый не говорит правду, но имеются полные основания полагать, что этот человек в случае применения пытки будет говорить откровенно.

65. Необходимо иметь в виду, что способы пытки должны быть такими, чтобы их было легко применять, чтобы можно было без чувства жалости поддерживать страдания и чтобы в результате их не оставалось ни ран, ни шрамов. Однако в тех случаях, когда необходимо вызвать чувство опасения за жизнь, можно не считаться с причинением допрашиваемому вреда, однако в этих случаях необходимо делать это так, чтобы не лишиться возможности продолжать допрос.

Можно привести следующие примеры пыток:

1. Заставлять сидеть прямо и неподвижно.

2. Заложив между пальцами по карандашу, недалеко от оснований пальцев, связать концы пальцев веревкой и шевелить их.

3. Положив допрашиваемого на спину (ноги рекомендуется положить немного выше), капать воду одновременно в нос и в рот.

4. Положив допрашиваемого, топтать ему внешнюю щиколотку.

5. Ставить под полку, находящуюся на такой высоте, чтобы под ней допрашиваемый не мог стоять прямо.

66. В том случае, если допрашиваемому случайно нанесено ранение, необходимо, учитывая общую обстановку и пользу родине, принимать решительные меры, беря за это на себя ответственность.

67. При получении показаний в результате применения пыток следует проверить, не являются ли эти показания результатом стремления избежать мучений и с этой целью угодить допрашивающему, в этих случаях необходимы какие-либо подтверждения правдивости показаний.

ЛИСТ 126

68. После применения пытки необходимо убедить лицо, подвергнутое пытке, в том, что применение к нему пытки было вполне естественной мерой, или же принять такие меры, чтобы он из чувства самолюбия, из чувства чести и т. п. не сказал об этом впоследствии. В отношении же лиц, от которых нельзя этого ожидать, принимать такие же меры, как указано в отношении случаев случайного нанесения ранений.

---

[b] Слово «допрашиваемому» исправлено на «допрашивающему» карандашом.

69. О применении пыток не должен знать никто, кроме лиц, имеющих к этому отношение, особенно нельзя, чтобы об этом знали другие плененные. Очень важно принимать меры к тому, чтобы не были слышны крики.

(Остальное опускается. — *пер.*)

Перевела: старший переводчик МВД СССР
капитан Подпалова

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 269–271.
Извлечения. Пер. с яп. яз.
Опубл. в сб.: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии... М., 1950. С. 231–232.

№ 8. Протокол допроса начальника Харбинского лагеря «Хогоин» майора японской армии Иидзима Иосио о проведении им разведывательной деятельности против Советского Союза

30 июня 1948 г.

Протокол допроса

30 июня 1948 г. г. Хабаровск

Я, следователь УМВ по ХК Писарев, с участием помощника военного прокурора войск МВД Хабаровского округа капитана юстиции тов. Евдокимова допросил обвиняемого Иидзима Иосио (установочные данные в деле имеются).

Допрос начат в 12 часов 00 минут.

Допрос ведется на японском языке через переводчика оперативного отдела УПВИ МВД по ХК Раздобреева Георгия Петровича, который об ответственности за неточность и неправильность перевода предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись)

Вопрос: Вам предъявлено постановление о предъявлении обвинения от 29/VI 48 г. в преступлении, предусмотренного статьями 58-6 часть 1 и 136 п. «а» УК РСФСР. Признаете ли себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Ответ: Виновным себя в предъявленном мне обвинении, как в проводимом мною против СССР шпионаже, так и расстрелах советских граждан, признаю полностью. Значение статей 58-6 ч. 1 и 136 п. «а» УК РСФСР мне разъяснено.

Вопрос: В чем конкретно признаете себя виновным?

Ответ: Признаю себя виновным в том, что, будучи помощником начальника Трехреченской ЯВМ, с февраля 1941 г. по январь 1945 г. руководил работой этой миссии по подготовке разведчиков и диверсантов на случай военных действий Японии против Советского Союза.

Помимо этого, я повседневно руководил работой агентурного отделения Трехреченской ЯВМ, которым производилась вербовка, подготовка и засылка на территорию СССР японской агентуры для сбора разведывательных данных об экономическом, политическом и военном положении Советского Союза. Работникам агентурного отделения лично я давал указания по вопросам: какого агента, в какой район территории СССР и с каким заданием перебросить. Так, в соответствии с моими указаниями с различными заданиями и в разные периоды на территорию СССР были переброшены следующие агенты Трехреченской Японской военной миссии: белоэмигранты Золотовский Иннокентий, Золотовский Петр, Черепанов Анатолий, Романов Анатолий,

Баженов Евгений, Филиппов, житель Маньчжурии Андреев Михаил и разоблаченные японской пограничной полицией советские разведчики, ЯВМ перевербованные Лончаков Михаил, Морозов и другие. Все эти агенты по выполнении данных им заданий с советской стороны благополучно возвращались. В отдельных случаях некоторыми агентами задания выполнялись не полностью, о чем я уже говорил в своих показаниях.

Признаю себя виновным в том, что, будучи начальником особого исследовательского отдела Харбинской ЯВМ (лагеря «Хогоин») с января по 18 августа 1945 года, также продолжал разведывательную деятельность против Советского Союза. В моем подчинении имелось агентурно-следственных работников 12 человек во главе с моим заместителем Ямагиси. Как я уже показывал раньше, в лагере «Хогоин» содержались перебежчики из СССР, разоблаченные советские агенты и другие гражданские лица. Эти группы содержались друг от друга отдельно.

Как разоблаченные советские агенты, так и перебежчики из СССР указанным выше следственным аппаратом систематически допрашивались с целью получения разведывательных данных о Советском Союзе. Помимо этого, во время допросов ставилось целью разоблачение содержащихся в лагере в принадлежности к советской разведке.

Мне было известно, что отдельные следователи при допросах применяли к допрашиваемым физические меры, вернее избивали, и в частности жандарм Сиода. В таких случаях я вызвал следователя к себе и запрещал избивать допрашиваемых, так как на это я имел прямые указания из Харбинской ЯВМ, о чем я показывал на предыдущих допросах.

Дисциплина и режим в лагере были строгие, заподозренных в подготовке и попытке к побегу из лагеря, в соответствии с указаниями Харбинской ЯВМ и на основании инструкции штаба Квантунской армии, направляли в отряд № 731 для уничтожения[a]. Мне было известно от руководителей Харбинской ЯВМ, что уничтожение людей, поступавших в 731-й отряд, происходило путем производства над ними различных бактериологических смертоносных экспериментов.

За период моей работы начальником особого исследовательского отдела (лагерь «Хогоин») Харбинской ЯВМ мною было направлено в отряд 731 для уничтожения 40 человек, из которых 35 человек являлись разоблаченными нами советскими агентами, большинство из них в принадлежности к советской разведке признались при допросах в японской пограничной полиции или в лагере «Хогоин». О дальнейшей судьбе этих людей я не знаю, так как не проверял, а затем началась война с Советским Союзом. Остальные пять человек были перебежчиками из СССР, а в отряд 731 были направлены за нарушение внутреннего режима лагеря «Хогоин».

Помимо 40 человек, направленных в отряд 731, я должен был направить еще 4 человек, разоблаченных советских агентов, подпадающих под указанную выше инструкцию, но, т. к. эти лица по своим специальностям мне были нужды в лагере «Хогоин», я их временно оставил на месте. 15 августа 1945 г. кончилась война с СССР. В связи с этим я получил от Харбинской ЯВМ указание о роспуске из лагеря всех содержащихся в нем лиц, кроме японцев, обслуживающих лагерь. В это время у меня возник вопрос, как быть с оставшимися в лагере врагами, т. е. 4 советскими агентами. Учитывая, что согласно инструкции они подлежали уничтожению через отряд 731, но в то время этого сделать уже было невозможно, я принял решение о расстреле их, и 16 августа они были расстреляны. О порядке, месте расстрела я давал показания, которые и подтверждаю полностью (подпись).

---

[a] Текст, отмеченный *...*, отчеркнут вертикальной чертой слева на полях, выполненной карандашом.

Вопрос: Чем желаете дополнить свои показания?

Ответ: Дополнить свои показания больше ничем не могу, протокол записан с моих слов правильно и мне прочитан на русском и японском языках (подпись).

Допрос окончен в 14 часов 20 минут.

ДОПРОСИЛИ:

Следователь УМВД по Хабаровскому краю — Писарев

Помощник военного прокурора
войск МВД Хабаровского округа
капитан юстиции — Евдокимов

Переводчик УПВИ УМВД по Хабаровскому краю — Раздобреев

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 115. Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 9. Из приговора Международного Военного Трибунала для Дальнего Востока по делу главных японских военных преступников[5]

1948 г.

ЯПОНСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ СССР
Японская политика по отношению к СССР
Маньчжурия — «жизненная линия» Японии

Установлено, что в течение всего периода, охватываемого доказательствами, представленными трибуналу, намерение вести войну против СССР было одним из основных элементов военной политики Японии.

Военная партия Японии была полна решимости оккупировать дальневосточные территории СССР так же, как и другие части азиатского континента...[a] Маньчжурия (3 северо-восточных провинции Китая) привлекала своими естественными богатствами, возможностью экспансии и колонизации,... как обеспечение плацдарма в планировавшейся войне против СССР...

[...]

Интересно отметить трактовку термина «национальная оборона», данную Араки. Он указывал..., что завоевание соседних стран при помощи силы оружия оправдывается как «национальная оборона».

В 1933 г. Араки, бывший тогда военным министром, ... на совещании губернаторов префектур... сказал: «Япония должна неизбежно столкнуться с Советским Союзом. Поэтому для Японии необходимо обеспечить себя путем военного захвата территории Приморья, Забайкалья и Сибири».

[...]

На тот факт, что политика Японии в отношении СССР была не оборонительной, а наступательной или агрессивной, указывают дипломатические документы, обмен которыми произошел в период 1931–1933 гг. В течение этого периода Советское правительство дважды делало японскому правительству официальное предложение о заключении пакта о ненападении и нейтралитете. В советском заявлении, сделанном

[a] Здесь и далее отточия документа.

в 1931 г. японскому министру иностранных дел Иосидзава и послу Хирота, подчеркивалось, что заключение пакта о ненападении будет служить «выражением миролюбивой политики и намерений правительства, и он был бы особенно кстати теперь, когда будущее японо-советских отношений является предметом спекуляций в Западной Европе и Америке. Подписание пакта положило бы конец этим спекуляциям».

Японское правительство в течение года не отвечало на это предложение. Только 13 сентября 1932 г. советский посол в Японии получил от министра иностранных дел Уцида ответ, в котором предложение отклонялось на том основании, что «...официальное начало переговоров по этому вопросу между двумя странами в данном случае считается несвоевременным».

4 января 1933 г. Советское правительство повторило свое предложение о заключении пакта, указав, что «предыдущее предложение не вызывалось соображениями момента, а являлось результатом его миролюбивой политики и поэтому сохраняет силу и на будущее». Японское правительство в мае 1933 г. еще раз отклонило предложение Советского Союза.

[...]

В секретном меморандуме, написанном начальником бюро европейско-американских дел подсудимым Того в апреле 1933 г., говорилось: «Желание Советского Союза заключить с Японией пакт о ненападении вызвано его стремлением обеспечить безопасность своих дальневосточных территорий от все возрастающей угрозы, которую он испытывает со времени японского продвижения в Маньчжурию».

К декабрю 1933 года Квантунская армия составила планы и продолжала вести подготовку к тому дню, когда Япония использует Маньчжурию в качестве плацдарма для нападения на СССР...

Мы уже рассматривали падение кабинета Окада, вызванное мятежом в армии в Токио 26 февраля 1936 г. Армия была против кабинета за его недостаточно агрессивную позицию.

27 февраля, через день после путча, японское консульство в Амое разъяснило, что целью мятежа была смена кабинета и замена его военным кабинетом и что группа молодых военных стремилась к тому, чтобы Япония заняла весь Китай и подготовилась к немедленной войне с Советским Союзом до победного конца с тем, чтобы Япония могла стать единственной силой в Азии.

[...]

В августе 1936 г. премьер-министр Хирота вместе с министрами иностранных дел, военным..., военно-морским... и финансов сформулировал декларацию о «национальной политике» Японии. Это важный и знаменательный документ, направленный, между прочим, на «обеспечение внедрения (японской) империи в восточный континент, а также на экспансию в район южных морей путем совместных усилий дипломатического искусства и национальной обороны»...

В этой декларации указывалось, что размеры военной мощи должны быть такими, которые необходимы для того, чтобы «противостоять тем военным силам, которые Россия сможет выставить и использовать на Дальнем Востоке».

Особое внимание должно было уделяться упрочению военной мощи в Корее и Маньчжурии с тем, чтобы Япония могла «нанести удар русским в самом начале войны».

...Было постановлено, что рост военных сил должен быть доведен до создания механизированных боевых соединений, достаточно мощных для того, чтобы нанести сокрушительный удар самой мощной армии, которую СССР мог бы развернуть вдоль своих восточных границ.

[...]

Планы, представленные в 1937 г. армией, в соответствии с декларацией «О национальной политике» от августа 1936 г., были... продиктованы ожидавшейся войной против СССР. План развития важнейших отраслей промышленности, изданный в мае 1937 г., предусматривал «успешное развитие, обеспечивающее реальное руководство Восточной Азией»...

К моменту издания планов... 1937 г. была получена рекомендация Тодзио о том, что, принимая во внимание положение в Китае и состояние военной подготовленности против СССР, было бы желательно напасть на Китай для того, чтобы освободить тыл Квантунской армии от угрозы до того, как будут предприняты действия против СССР...

В 1938 г. ... министр просвещения Араки... на заседании политико-экономического общества в Осака сказал, что «решимости Японии воевать до конца с Китаем и Советским Союзом достаточно для того, чтобы вести эту борьбу в течение более десяти лет».

В том же 1938 г. командующий Квантунской армией генерал Уэда, обсуждая положение в Северном Китае, говорил о «быстро приближающейся войне с Советской Россией».

[...]

Желание Японии реализовать свои захватнические планы на континенте стимулировало ее политику, направленную на установление более тесных связей с Германией. Оно нашло свое выражение в союзе трех держав, заключенном 27 сентября 1940 г. ...

Переговоры начались еще в середине 1938 г. В течение полутора лет они не приносили никаких результатов, так как Германия, занятая широкими агрессивными планами в Европе, стремилась к военному союзу, направленному против всех потенциальных противников. Япония, с другой стороны, хотела, чтобы этот союз стал дальнейшим развитием пакта «Антикоминтерн», направленного в основном... против СССР. Принц Коноэ в своих мемуарах, описывая этот более ранний период, указал, что «это был план превращения трехстороннего пакта "Антикоминтерн", который был в то время в силе, в военный союз, направленный в основном против СССР».

Подсудимый Осима, один из самых активных участников переговоров, показал, что инструкции, полученные им от японского генерального штаба в июне 1938 г., предусматривали заключение союза, направленного целиком против СССР...

22 июня 1941 г., т. е. менее чем год... после заключения союза трех держав, Германия вторглась в СССР. Несмотря на Пакт о нейтралитете с Советским Союзом, Япония... оказала помощь Германии, хотя она и воздерживалась от открытой войны против СССР...

После нападения Германии на СССР в июне 1941 г. имели место настойчивые призывы к захвату русских территорий на Дальнем Востоке.

Это нападение Германии... стимулировало захватническую политику Японии против Советского Союза. Японские правящие круги считали победу Германии над СССР неизбежной и быстрой и полагали, что она предоставит Японии удобный случай осуществить на практике свои агрессивные планы против Советского Союза.

Вначале, ввиду первых успехов немцев в... войне против СССР, у японских милитаристов было стремление ускорить нападение на СССР...

Японцы даже опасались..., что Япония может опоздать со своей военной подготовкой к нападению. Подобные опасения были выражены в телеграмме от 31 июля 1941 г. (№ 43) министра иностранных дел Тойода японскому послу в Вашингтон: «Ясно, что русско-германская война предоставила Японии отличную возможность разрешить северный вопрос, и мы действительно продолжали нашу подготовку к тому, чтобы использовать эту возможность... Если русско-германская война будет протекать слиш-

ком быстро, то наша империя неизбежно не будет иметь времени, чтобы предпринять эффективные действия».

Тайное совещание военных и политических лидеров Японии в присутствии императора 2 июля 1941 г. решило: «Хотя наше отношение к советско-германской войне определяется духом оси Рим — Берлин — Токио, однако мы некоторое время не будем вмешиваться в нее, но примем по собственной инициативе меры к тайному вооружению для войны против Советского Союза. Тем временем мы будем продолжать дипломатические переговоры с большими предосторожностями, и если ход советско-германской войны примет благоприятный для Японии оборот, то мы применим оружие для решения северных проблем и этим обеспечим стабильность положения в северных районах».

Это решение говорит о том, что, несмотря на Пакт о нейтралитете с СССР, Япония считала себя связанной с Германией как участник заговора против СССР и выжидала благоприятного момента для того, чтобы воспользоваться им. Во всяком случае, она намеревалась приурочить свое нападение на СССР к наиболее благоприятному моменту в советско-германской войне...

В то время Германия настаивала на том, чтобы Япония как можно быстрее напала на СССР. В своей телеграмме от 10 июля 1941 г., отправленной в адрес германского посла в Токио, Риббентроп заявил: «Кроме того, я прошу Вас продолжать прилагать усилия к тому, чтобы добиться скорейшего участия Японии в войне против России..., используйте все имеющиеся в Вашем распоряжении средства, потому что чем раньше осуществится это участие в войне, тем лучше. Как и прежде, цель, естественно, должна заключаться в том, чтобы Германия и Япония встретились на Транссибирской железной дороге до наступления зимы. В результате краха России позиция держав оси на международной арене настолько гигантски возрастет, что вопрос поражения Англии, то есть полное уничтожение британских островов, станет лишь вопросом времени».

Японское министерство иностранных дел... считало, что японские планы войны против СССР настолько близки к осуществлению, что обсуждало вопрос об удобном предлоге для ее спровоцирования... В своей телеграмме от 1 августа 1941 г. Отт сообщил, что, когда во время беседы в министерстве иностранных дел с Ямамото он «постарался узнать, хочет ли Япония начать свое активное продвижение с предъявления требований Советскому правительству, заместитель министра охарактеризовал этот путь как лучший способ найти оправдательный предлог для начала русско-японских военных действий при наличии соглашения о нейтралитете. Он лично является сторонником таких решительных требований, чтобы Советское правительство не смогло принять их; он... имел в виду требование территориальных уступок».

Провал первоначальной германской кампании против СССР заставил Японию отложить осуществление своей собственной наступательной программы...

Отт в телеграмме от 4 сентября 1941 г., отправленной в Берлин, заявил: «Ввиду сопротивления, оказываемого русской армией такой армии, как немецкая, японский генеральный штаб не верит, что сможет достичь решающего успеха в войне против России до наступления зимы. Сюда также присоединяются воспоминания о Номоганских (Халхин-Голских) событиях, которые до сих пор живы в памяти Квантунской армии»[6]. Ввиду этого «...императорская ставка недавно приняла решение отложить на время действия против Советского Союза».

В телеграмме от 4 октября 1941 г. Отт информировал Риббентропа о том, что «ведение Японией войны против дальневосточной армии, которая все еще считается сильной в боевом отношении, нельзя ожидать раньше весны... Упорство, которое проявил Советский Союз в борьбе с Германией, показывает, что даже нападением Японии в августе или сентябре месяце нельзя открыть дорогу на Сибирь в этом году».

Отложив момент нападения на СССР, Япония, однако, продолжала рассматривать это нападение как одну из основных целей своей политики и не ослабляла ни своей целеустремленности, ни своей подготовки к этому наступлению.

Во время конфиденциальных бесед с германским и итальянским послами 15 августа 1941 г. японский министр иностранных дел, говоря о японо-советском Пакте о нейтралитете и о предположении русских, что Япония не вступит в войну, заявил: «...Ввиду того, что в настоящее время проводится в жизнь подготовка к военной экспансии империи, я считаю, что в существующих в настоящее время условиях вышеупомянутая договоренность с Советским Союзом является лучшим способом сделать первые шаги, направленные на осуществление будущих планов в отношении Советского Союза, которые мы предпримем совместно с германским правительством» и что «это лишь временная договоренность, другими словами — она будет своего рода сдерживающим началом для Советского Союза до тех пор, пока не будет закончена подготовка»...

Тодзио в 1942 г., после его вступления на пост премьер-министра, в беседе с германским послом Оттом заявил, что Япония является смертельным врагом России, что Владивосток представляет собой постоянную угрозу Японии с фланга и что в ходе этой войны (т. е. войны между Германией и СССР) имеется возможность устранить эту угрозу. Он хвастливо заявил, что это нетрудно сделать, т. к. имеется отличная Квантунская армия, состоящая из лучших частей.

[...]

В конце 1942 г., в связи с обстановкой на советско-германском фронте, желание Германии, чтобы Япония вступила в войну с СССР, стало еще более настоятельным.

Во время беседы с Риббентропом 6 марта 1943 г. Осима заявил: «Предложение германского правительства о нападении на Россию детально и исчерпывающим образом обсуждалось на совещании японского правительства с императорской ставкой. В результате было принято следующее решение: «Японское правительство полностью осознает опасность, которая исходит от России, и прекрасно понимает желание своего союзника — Германии, чтобы Япония также вступила в войну против России. Однако, ввиду сложившейся в настоящее время военной обстановки, японское правительство не может вступить в войну. Оно скорее убеждено в том, что в общих интересах не начинать в настоящее время войны против России. С другой стороны, японское правительство никогда не будет игнорировать русского вопроса».

Объясняя это решение, Осима заявил, что он знал, «что с давних пор Япония имела намерение обратить свои силы против России. Но пока она не чувствует себя достаточно сильной, чтобы сделать это. Это было бы возможно при оголении фронта на юге и сдаче нескольких островов противнику с тем, чтобы перебросить все силы на север. Однако это означало бы тяжелое поражение на юге. Одновременное продвижение на юг и на север невозможно для Японии».

[...]

Когда идея о «сфере сопроцветания Великой Восточной Азии» сложилась в качестве эвфемизма для японской гегемонии в Восточной Азии, то создание этой сферы неизбежно предусматривало захват Сибири и советского Дальнего Востока. Это было естественным последствием, вытекавшим из предыдущих целей и планов Японии.

В «плане управления территориями в сфере сопроцветания Великой Восточной Азии», разработанном японским военным министерством и министерством колоний в конце 1941 и начале 1942 г., вскоре после начала войны против Соединенных Штатов Америки и Великобритании, вопрос о захвате территории советского Дальнего

Востока считался уже решенным, оставался только вопрос о том, какая часть территории должна быть захвачена.

В одном из разделов плана, озаглавленном «Будущее советских территорий», указывалось, что, хотя в настоящее время этот вопрос нелегко решить ввиду того, что он должен быть решен в соответствии с «японо-германским пактом», все же при любых обстоятельствах «Приморье должно быть присоединено к Японии; районы, прилегающие к Маньчжурской империи, должны быть включены в сферу влияния этой страны, а Транссибирская железная дорога должна быть отдана под полный контроль Японии и Германии, причем Омск будет пунктом разграничения между ними»...

Общество «Кокусаку-Кенкью-Кай», членами которого были выдающиеся японские политические военные лидеры (включая Того, Кай Муто и Сато) и которое... играло важнейшую роль, если не в формировании, то в продвижении официальной политики, предусматривает в своем «проекте мероприятий по созданию сферы сопроцветания Великой Восточной Азии», опубликованном в мае 1943 г., что «...разумные границы сферы сопроцветания Великой Восточной Азии, наряду с другими составными частями, включают все восточные районы Советского Союза до озера Байкал включительно, ... всю Внешнюю Монголию».

Подобные же устремления Японии обнаружены в работах Института тотальной войны, который был создан императорским указом от 1 октября 1940 г. и непосредственно подчинялся премьер-министру.

Так, первоначальный проект плана создания сферы «сопроцветания Великой Восточной Азии», разработанный Институтом в январе 1942 г., предусматривал, что «центральный район» различных стран, объединенных Японией, должен включать, помимо Маньчжурии и Северного Китая, также советское Приморье и что так называемая «малая сфера сопроцветания», помимо остальной части Китая и Индокитая, должна была включать Восточную Сибирь.

Трибунал считает, что агрессивная война против СССР предусматривалась и планировалась Японией в течение рассмотренного периода, что она была одним из основных элементов японской национальной политики и что ее целью был захват территории СССР на Дальнем Востоке.

ПЛАНИРОВАНИЕ И ПОДГОТОВКА ВОЙНЫ ПРОТИВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Маньчжурия как плацдарм против СССР

Воинственная политика Японии по отношению к СССР нашла свое отражение в японских военных планах. Военные планы японского генерального штаба с начала рассматриваемого периода предусматривают в качестве первых мероприятий оккупацию Маньчжурии. В японских военных планах захват Маньчжурии рассматривался не только как этап в завоевании Китая, но также как средство обеспечения плацдарма для наступательных операций против Советского Союза...

Подсудимые Манами и Мацуи... подтвердили перед Трибуналом, что Маньчжурия рассматривалась как военных плацдарм, необходимый для Японии в случае войны с СССР.

16 марта 1931 г. Хата направил полковника Судзуки в инспекционную поездку по районам Северной Маньчжурии и Северной Кореи с учетом операций, согласно плану «Оцу», направленному против СССР, и плану «Хэй», направленному против Китая.

В секретном докладе, представленном этим офицером в результате... поездки, была дана подробная информация в связи с планом «Оцу», который предусматривал оккупацию советского Приморья.

Захват Маньчжурии в 1931 году обеспечил базы для нападения на СССР на широком фронте с целью захвата всего советского Дальнего Востока.

Касахара Юкио, японский военный атташе в Советском Союзе, в секретном докладе, представленном генеральному штабу весной 1931 г., высказывался за войну с СССР и писал о ее целях следующее: «...мы должны продвинуться по крайней мере до озера Байкал... Если мы остановимся на линии озера Байкал, империя должна будет решиться и быть готовой рассматривать дальневосточные провинции, которые она захватит, как часть собственной территории империи...».

Планы войны против СССР[7]

Стратегия была направлена на подготовку нападения на СССР. Это подчеркивал подсудимый Тодзио в июне 1937 г., бывший в то время начальником штаба Квантунской армии, т. е. непосредственно перед началом нападения на Китай, в телеграмме, присланной вице-военному министру Умедзу и генеральному штабу: «Оценивая настоящее положение в Китае с точки зрения военной подготовки против Советской России, я убежден в том, что, если наша военная мощь позволит, мы должны нанести удар по нанкинскому правительству, чтобы избавиться от угрозы нашему тылу»...

Перед Трибуналом подсудимый Муто признал, что, когда он был начальником первого отдела генерального штаба, он занимался изучением плана 1938 г. Военные планы японского генерального штаба на 1939 и 1941 гг. были направлены на захват советских территорий. Основу военного плана 1939 г. составляла концентрация японских главных сил в Восточной Маньчжурии для осуществления наступательных операций. Квантунская армия должна была оккупировать советские города Ворошилов, Владивосток, Иман и затем Хабаровск, Благовещенск и Куйбышевку.

План 1941 г., составленный до нападения Германии на СССР, предусматривал осуществление тех же целей. На первом этапе войны предполагалось захватить города: Ворошилов, Владивосток, Благовещенск, Иман и Куйбышевку, а на следующем этапе — оккупировать Северный Сахалин, Петропавловск-на-Камчатке, Николаевск-на-Амуре, Комсомольск и Совгавань.

О наступательном характере этих планов и мероприятий свидетельствует секретный оперативный приказ командующего объединенным флотом адмирала Ямамото от 1 ноября 1941 г. ...

Хотя говорилось о том, что эти планы были «обычными» планами «стратегической обороны» и т. д., все же ясно, что они были наступательными, а не оборонительными... Рассмотрение характера этих планов и военной политики Японии в отношении СССР приводит к заключению о том, что эти планы были агрессивными..., а не планами «стратегической обороны»....

Активные приготовления к войне против СССР

В 1936 г. начальник штаба Квантунской армии Тодзио в планах размещения метеорологической службы в Чахаре указал, что целью этой службы было: «обеспечить для Японии и Маньчжурии более точное предсказание погоды и, в связи с этим, укрепление системы аэронавигационной и метеорологической службы в качестве мероприятий по подготовке войны с Советской Россией»...

В январе 1938 г. штаб Квантунской армии, возглавлявшийся Тодзио, разработал «план основных мероприятий по созданию нового Китая». В этом документе, посланном военному министру, указывается, что необходимо убедить местное население «участвовать в проведении подготовки к надвигающейся войне против Советской России»...

План управления оккупированными советскими территориями

Японские руководители считали захват советских территорий в такой степени осуществимыми, что в генеральном штабе и в штабе Квантунской армии был выработан конкретный план по управлению этими территориями. С июля по сентябрь 1941 г. специальная группа офицеров генерального штаба занималась изучением вопроса об оккупационном режиме для советских территорий, которые должны были быть захвачены японскими войсками.

В сентябре 1941 г. в штабе Квантунской армии был создан пятый отдел во главе с генерал-майором Икеда, одним из подчиненных Умедзу, который также занимался изучением вопроса, связанного с оккупационным режимом на советских территориях...

Бывший директор исследовательского Института тотальной войны генерал-лейтенант Мураками Кейсаку показал, что премьер-министр Тодзио дал институту распоряжение разработать проект системы управления территориями Великой Восточной Азии, подлежавшими оккупации японскими войсками.

Во всех работах института вопрос о вторжении на территорию СССР рассматривался как уже решенный. «Планы управления Сибирью, включая также Внешнюю Монголию», опубликованные в сводных ученых записках этого института за 1942 г., содержали правила, которыми должны были руководствоваться японские оккупационные власти. Некоторые из этих правил гласили:

«Все законы и указы должны считаться недействительными. Вместо них будут проводиться в жизнь простые, но сильные военные приказы. Под могущественным руководством японской империи местному населению в принципе не будет разрешаться участвовать в политической жизни. В случае необходимости будут созданы органы самоуправления низшей инстанции. На эти территории будут посланы японские, корейские и маньчжурские колонисты, если в этом возникнет необходимость с точки зрения экономики и национальной обороны.

Если потребуют обстоятельства, будет проведена в жизнь принудительная эмиграция местного населения.

Нашей целью должно быть внедрение нашей мощи, и для этого мы должны приложить все силы, не опускаясь при этом до так называемой отеческой опеки»...

К весне 1942 г. штаб Квантунской армии разработал план военного управления советскими районами, подлежащими оккупации со стороны Японии, и с одобрения Умедзу этот план был передан в генеральный штаб. В него входили такие разделы, как: «администрация, поддержание мира и порядка, организация промышленности, денежное обращение, связь и транспорт».

[...]

Активные приготовления к войне после нападения Германии на СССР

После нападения Германии на Советский Союз Япония усилила общие приготовления к войне против СССР...

Летом 1941 г., согласно плану, была проведена секретная мобилизация, и в состав Квантунской армии было дополнительно включено 300 тыс. человек, приданы две новые дивизии и различные специальные части.

К январю 1943 г. численность Квантунской армии увеличилась до 1 миллиона человек. Квантунская армия получила значительное количество танков, по сравнению с 1937 г. оно увеличилось вдвое, а число самолетов — втрое. Вдоль границы Советского Союза на территории Маньчжурии было развернуто большое количество войск. В предполагавшемся нападении на СССР должны были принять участие, помимо Квантунской армии, армии, находящиеся в Корее и во Внутренней Монголии, а также и войска, находившиеся в Японии. Кроме увеличения личного состава и военной техники была произведена заготовка запасов продовольствия для Квантунской армии.

[...]

В 1942 г. японский генеральный штаб и штаб Квантунской армии разработали новые планы наступательной войны против СССР, которые оставались в силе и на 1943 г. Согласно этим планам война против СССР должна была начаться неожиданно, после сосредоточения в Маньчжурии около 30 дивизий. Эти планы, как и планы, составленные ранее, не были проведены в жизнь. В это время военные перспективы стран оси — Германии, Италии и Японии — стали ухудшаться. Они вынуждены были занимать все более и более оборонительную позицию, и такая авантюра, как намеченное Японией нападение на СССР, становилась все менее возможной, пока, наконец, в 1945 г. державы оси не потерпели окончательного поражения.

Трибунал считает, что, во всяком случае, до 1943 г. Япония не только планировала агрессивную войну против СССР, но также активно продолжала готовиться к такой войне.

ПАКТ О НЕЙТРАЛИТЕТЕ

[...]

Япония проводила в Маньчжурии военные приготовления широкого масштаба и сосредоточила там большую армию, сковывая таким образом на Востоке значительные силы Советской Армии, которые, в противном случае, могли быть использованы в войне против Германии...

Правительства Германии и Японии рассматривали военные приготовления в Маньчжурии именно с такой точки зрения. В своей телеграмме от 3 июля 1941 г., адресованной в Берлин, немецкий посол в Японии сообщил, что «японское правительство не забывает о том, что усиление военных приготовлений проводится, помимо всего прочего,... также для того, чтобы сковать силы Советской России на Дальнем Востоке, которые она могла бы использовать в ее борьбе с Германией»...

Несомненно было установлено, что Япония заключила Пакт о нейтралитете неискренне и в качестве мероприятия, которое помогло бы Японии осуществить свои агрессивные намерения против СССР.

Военные действия в районе озера Хасан[8]

Исходя из доказательств в целом, Трибунал приходит к выводу, что нападение японских войск у озера Хасан было сознательно запланировано генеральным штабом и военным министром Итагаки и было санкционировано по крайней мере пятью министрами, которые участвовали в совещании 22 июля 1938 г. Целью нападения могло быть либо желание прощупать силу Советского Союза в этом районе, либо захватить стратегически важную территорию на гряде, господствующей над коммуникациями, ведущими к Владивостоку и Приморью. Нападение, которое планировалось и было осуществлено с использованием значительных сил, нельзя рассматривать как простое столкновение между пограничными патрулями. Трибунал ... считает установленным, что военные действия были начаты японцами. Хотя военные силы, занятые на этом конфликте, не были весьма значительными, однако вышеуказанная цель нападения и его результаты, если бы оно было успешным, достаточны, по мнению Трибунала, для того, чтобы считать эти военные действия войной. Более того, принимая во внимание действовавшее в то время международное право и позицию японских представителей в предварительных дипломатических переговорах, Трибунал считает, что операции японских сил носили явно агрессивный характер.

Военные действия в районе Номонгана (Халхин-Гол)

Как и во время инцидента в районе озера Хасан, японские войска потерпели полное поражение...

Это были действия широкого масштаба, и они охватывали период времени, превышавший четыре месяца. Ясно, что они были предприняты японцами после тщательной подготовки, как это видно из обращения командующего 6-й армией, и что целью их было уничтожение противостоящего им противника. Поэтому утверждение, сводящееся к тому, что этот инцидент являлся простым столкновением между пограничниками двух сторон, должно быть признано несостоятельным. При этих обстоятельствах Трибунал считает, что военные действия являлись агрессивной войной, проводившейся японцами...

ВЕРНО:
старший помощник Главного военного прокурора
Вооруженных Сил СССР
полковник юстиции Розенблит

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 237–241.
Зав. копия. Извлечения. Пер. с яп.

№ 10. Протокол допроса военнослужащего японской армии Ясуй Такео о его службе в Харбинском лагере «Хогоин» в должности командира охранного взвода

7 июня 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

7 июня 1949 г. г. Хабаровск

Я, ст. следователь оперотдела УПВИ УМВД по ХК ст. лейтенант Дворецкий, допросил арестованного Ясуй Такео, 1918 г. рождения.

Допрос ведется через переводчика японского языка Пахомова на японском языке.

Переводчик Пахомов об ответственности за ложный перевод предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись)

Вопрос: Расскажите, в каких разведывательных органах Японии Вы служили, и Ваша конкретная разведдеятельность против Советского Союза?

Ответ: *В сентябре 1942 года по приказу командира отряда № 490 я был направлен в 345-й отряд Харбинской ЯВМ для прохождения учебы. Этот учебный отряд я закончил в сентябре 1943 года и был оставлен в этом же 345-м учебном отряде в качестве помощника преподавателя русского языка. В этой должности я проработал до 12 августа 1945 года. В мои функции в этот период входило преподавание грамматики русского языка и переводов с русского языка на японский и обратно для младшего класса этого учебного отряда, который готовил квалифицированных разведчиков для разведывательных органов Японии, в частности для Японской военной миссии*[a].

12 августа 1945 года по приказу помощника командира 345-го учебного отряда капитана Сато (имя забыл) я был назначен на должность командира охранного взвода лагеря «Хогоин», в котором содержались советские граждане, задержанные в разное время на территории Маньчжурии.

В мои функции в должности командира взвода охраны входило руководство взводом, который охранял советских граждан, чтобы они не ушли из лагеря.

[a] Текст, отмеченный *...*, подчеркнут карандашом.

Протокол с моих слов записан правильно, мне прочитан на японском языке через переводчика (подпись)

Допросил:
ст. следователь оперотдела УПВИ УМВД ХК
ст. л-т (подпись)

Перевел:
переводчик оперотдела (подпись)

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 206–207. Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 11. Протокол допроса генерал-полковника японской армии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямада Отозоо об усилении готовности японской армии к войне против Советского Союза

10 декабря 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
обвиняемого Ямада Отозоо

10 декабря 1949 года
гор. Хабаровск

Допрос начат в 22 часа.
Допрос окончен в 24 часа.
Допрос произведен через переводчика японского языка Цвирова, который об ответственности по ст. 95 УК РСФСР за заведомо ложный перевод предупрежден (подпись).

Вопрос: Вам предъявляется фотокопия приказа № 1256 командующего Квантунской армией Уэда от 14 января 1938 года. Скажите, какие конкретные мероприятия Вы, как командующий 3-й армией, предприняли в соответствии с этим приказом?

Ответ: В соответствии с этим приказом я отдал приказ частям 3-й армии о приведении их к боевой готовности на случай возникновения военных действий с Советским Союзом.

Вопрос: Вам предъявляется фотокопия Вашего приказа частям 3-й армии от 9 августа 1938 г. № 70. Не свидетельствует ли этот документ о подготовке подчиненной Вам армии к нападению на Советский Союз?

Ответ: Предъявленная мне фотокопия приказа № 70 является точной копией моего приказа, изданного 9 августа 1938 года частям 3-й армии. Этот документ свидетельствует об усилении готовности к войне против Советского Союза.

Вопрос: Докладывал ли Вам Мацумура о применении бактериологической бомбы системы «Исии»?

Ответ: Я не помню, делал ли мне Мацумура такой доклад.

Вопрос: Вам зачитываются показания свидетеля Мацумура от 7 декабря 1949 года о том, что он по поручению Касахара сделал Вам устный доклад о применении бактериологической бомбы системы «Исии» осенью 1944 года в присутствии Касахара, Икэда и Мията. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ: Показания свидетеля Мацумура я не отрицаю, но я не помню, делал ли Мацумура этот доклад в присутствии вышеуказанных лиц или этот доклад он сделал мне одному. Как я уже ранее показал, этот доклад был мной одобрен.

Вопрос: В показаниях от 10 марта 1949 года Вы заявили, что при посещении отряда № 731 в августе 1944 года доклад о деятельности этого отряда Вам сделал генерал-лейтенант Исии. В последующих показаниях Вы заявили, что этот доклад сделал Китано. Уточните Ваши показания.

Ответ: Я просто оговорился. На самом деле этот доклад мне делал Китано.

Вопрос: В показаниях от 9 ноября 1949 года Вы заявили, что генерал-майор Окамото работал в иппоэпизоотическом управлении, однако из материалов дела видно, что начальником иппоэпизоотического управления являлся генерал-майор Вакамацу. Уточните Ваши показания.

Ответ: Я отношу это за счет допущенной мной ошибки. Генерал-майор Окамото никакого отношения к иппоэпизоотическому управлению не имел.

Вопрос: Скажите, кем было санкционировано в 1945 году указание частям Квантунской армии о массовой ловле грызунов военнослужащими отдельных частей и подразделений?

Ответ: По этому вопросу мне ничего не известно.

Вопрос: Вам зачитываются показания свидетеля Мацумура от 7 декабря 1949 года о том, что это указание не могло быть дано без Вашего ведома.

Ответ: Я не помню, чтобы мне кто-либо докладывал по этому поводу.

Вопрос: Скажите, какое действительное наименование имела бригада Сигенобу, о которой имеется запись в Вашем дневнике от 2 ноября 1944 года, и кому она была подчинена?

Ответ: Действительное наименование бригада Сигенобу — «Первая маневренная бригада Квантунской армии», которая была подчинена непосредственно мне как главнокомандующему.

Вопрос: Имеете ли Вы дополнения к своим показаниям?

Ответ: Никаких дополнений к своим показаниям я не имею.

С моих слов записано верно и мне прочитано на понятном японском языке (подпись).

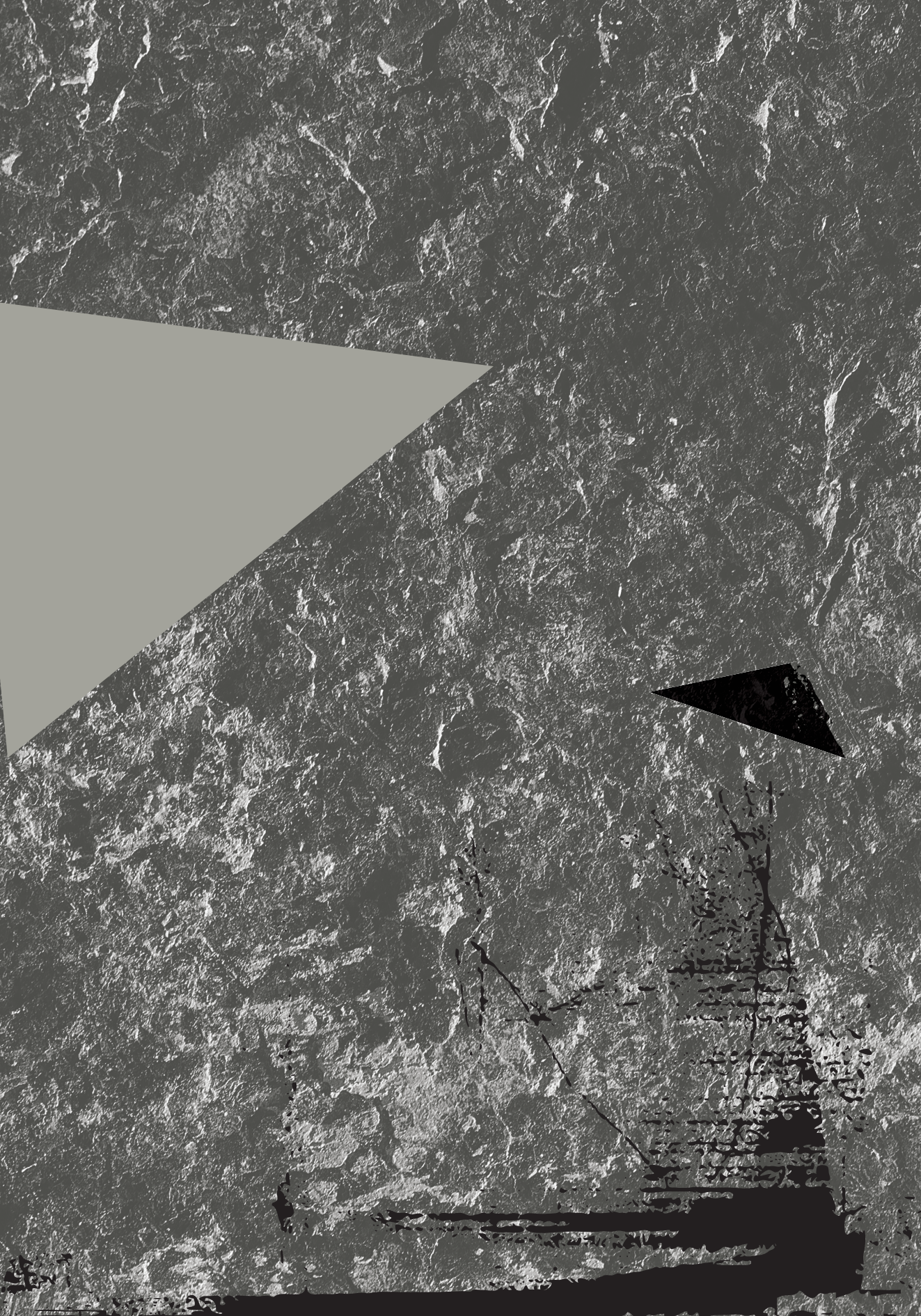
Допросили:
сотрудник УМВД ХК
капитан Гойхман
военный прокурор
подполковник юстиции Базенко
переводчик Цвиров

Верно: сотрудник УМВД ХК (подпись)

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 77–78.
Зав. копия. Публикуется впервые.

РАЗДЕЛ II

ПОДГОТОВКА РЕШЕНИЯ О ПРЕДАНИИ СУДУ БЫВШИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ЯПОНСКОЙ АРМИИ, ОБВИНЯЕМЫХ В ПОДГОТОВКЕ И ПРИМЕНЕНИИ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ



№ 12. Докладная записка начальника договорно-правового отдела МИД СССР С. А. Голунского заместителю министра иностранных дел СССР В. А. Зорину о целесообразности проведения судебного процесса над группой японских военнопленных, принимавших участие в подготовке бактериологической войны

2 августа 1948 г.

Секретно
«2» августа 1948 года
№ 1815/дпу

Тов. ЗОРИНУ В. А.

В Министерство иностранных дел СССР на имя тов. Молотова В. М. поступило от министра внутренних дел СССР тов. Круглова С. Н. письмо, в котором он предлагает провести открытый судебный процесс над группой японских военнопленных, принимавших участие в подготовке бактериологической войны со стороны Японии против СССР.

На этом письме тов. Вышинский А. Я. наложил следующую резолюцию: «Принципиально я “за”. Прошу внимательно рассмотреть с точки зрения доказательственной и дать заключение».

Ознакомившись с указанным письмом и заслушав в дополнение к этому письму устное сообщение сотрудника МВД СССР майора тов. Царева Н. С., Договорно-правовое управление докладывает следующее:

1. Предварительными материалами настоящего дела устанавливается, что в 1936 г. по указу японского императора в составе Квантунской армии был создан специальный отряд № 731, который под видом противоэпидемической работы занимался подготовкой бактериологической войны.

В указанный отряд японской жандармерией ежегодно доставлялось по несколько сот живых людей в целях проведения бактериологических опытов над ними. Основную массу этих людей составляли китайцы и маньчжуры, а несколько десятков человек оказались советскими гражданами, которые или были насильно захвачены японцами во время пограничных конфликтов, или сбежали с территории СССР, или проживали в Харбине и отказывались от сотрудничества с японскими разведорганами.

Названный отряд трижды практически применял бактериологические средства войны:

1) в 1940 г. в районе Шанхая против китайского населения и военнослужащих китайской армии;

2) в 1941 г. в районе Чандэ «с целью нарушить коммуникации китайских войск»;

3) в 1942 г. в районе Чжэган в целях заражения китайской территории, оставляемой японской армией.

2. Основные японские военные преступники, участники подготовки бактериологической войны, бывш. начальник отряда № 731 генерал-лейтенант медицинской службы Исии Сиро и бывш. начальник 4-го отдела того же отряда полковник Оота находятся в Японии. Когда генерал Деревянко на просьбу штаба Мак-Артура к нам — выдать двух японских генералов — потребовал выдачи нам в порядке обмена Исии и Оота, то штаб Мак-Артура уклонился от ответа.

3. Предполагаемый круг обвиняемых по данном делу — 14–15 человек, бывш. японских военнослужащих в ранге от генерал-лейтенанта до ефрейтора включительно, причем половина из них служила непосредственно в отряде № 731, а другая — в ла-

гере «Хогоин», где содержались советские граждане, часть из которых, как указывалось выше, направлялась в названный отряд для производства бактериологических опытов над ними.

4. К настоящему времени допрошена лишь часть предполагаемых обвиняемых по настоящему делу и не в качестве обвиняемых по их собственному делу, а в качестве свидетелей по делу главных японских военных преступников, дело которых слушается в Токио, куда и предполагалось направить эту группу японских военнопленных в качестве свидетелей по вопросам подготовки Японией бактериологической войны. По целому ряду причин отправка этих людей в Токио не состоялась.

5. Таким образом, дело японских военных преступников, участников подготовки бактериологической войны, еще находится в начальной стадии предварительного следствия. По заявлению тов. Царева, потребуется еще около 2 месяцев для того, чтобы МВД СССР смогло полностью закончить все производство по данному делу.

6. Исходя из вышеизложенного, Договорно-правовое управление считает целесообразным дать ответ тов. Круглову С. Н. в том смысле, что МИД СССР в принципе согласен с его мнением о целесообразности проведения открытого судебного процесса над японскими военными преступниками, участниками подготовки бактериологической войны и просит МВД СССР полностью закончить предварительное следствие по настоящему делу; по завершении следствия окончательно решить вопрос о возможности организации открытого судебного процесса над указанной группой японских военных преступников.

В случае Вашего согласия просьба подписать проект ответного письма на имя тов. Круглова С. Н.

С. Голунский

АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 44А. П. 313. Л. 32–36.
Публикуется впервые.

№ 13. Докладная записка А. Я. Вышинского В. М. Молотову о необходимости проведения открытого судебного процесса по делу в отношении японских военных преступников

5 сентября 1949 г.

Надо внести в ЦК, чтобы
обсудить этот вопрос
6.IX.49 г.

Товарищу МОЛОТОВУ В. М.

В апреле-мае с. г. т. Кругловым был поставлен вопрос о проведении открытого судебного процесса над руководителями японского так наз[ываемого] «Противоэпидемического отряда № 731», готовящего бактериологические средства войны.

Тогда же, ознакомившись с присланными т. Кругловым материалами, я высказался за то, что имеется достаточно оснований для проведения такого процесса, но считал целесообразным этот вопрос решить после того, как будет возобновлена репатриация японских военнопленных и когда значительная часть их будет репатриирована в Японию.

Вы предложили тогда вернуться к этому вопросу в июне-июле месяцах.

По данным Уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации, на первое сентября с. г. из СССР в июне репатриировано около 50 тыс. чел., остается еще репатриировать около 54 тыс. чел. Ввиду того, что репатриация должна быть закон-

чена в настоящем году, считаю, что вопрос об организации указанного выше процесса следовало бы решить теперь же.

Прошу Ваших указаний.

А. Вышинский

5 сентября 1949 г.
347-ВК

АВП РФ. Ф. 0146. Оп. 44А. П. 316. Л. 113.
Публикуется впервые.

№ 14. Докладная записка С. Н. Круглова и А. А. Громыко И. В. Сталину с проектом постановления Совета министров СССР об организации в г. Хабаровске открытого судебного процесса над руководящими работниками японского «противоэпидемического отряда № 731»

30 сентября 1949 г.

Секретно

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

В результате агентурно-следственных мероприятий, проводимых МВД СССР по изучению военнопленных японцев, выявлено более 200 бывших работников японского так называемого «Противоэпидемического отряда № 731» и его филиалов, которые занимались изысканием бактериологических средств и способов их применения в войне против СССР и Китая. В числе выявленных руководящих работников отряда № 731 имеются 4 генерала, полковник и два майора. Бактериологические опыты производились как на китайских, так и на советских гражданах, оказавшихся по различным причинам на территории Маньчжурии.

Имеющиеся в распоряжении следственных органов МВД СССР материалы дают достаточные основания для проведения открытого судебного процесса над руководителями «Противоэпидемического отряда № 731».

Исходя из вышеизложенного и учитывая, что репатриации японских военнопленных должна быть закончена в текущем году, МИД СССР и МВД СССР считают, что вопрос об организации указанного выше процесса следовало бы решить теперь же.

Министерство юстиции СССР и Прокуратура СССР против организации процесса возражений не имеют.

Проект Постановления ЦК ВКП(б) прилагается[1].

Просим рассмотреть.

С. Круглов А. Громыко

30 сентября 1949 года
№ 123/ГИ

Секретно
Проект

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
СОВЕТА МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

1. Поручить МВД СССР (т. Круглову), МЮ СССР (т. Горшенину) и Прокуратуре СССР (т. Сафонову) организовать в г. Хабаровске открытый судебный процесс над руководящими работниками японского так называемого «Противоэпидемического от-

ряда № 731», занимавшегося изысканием бактериологических средств и способов их применения в войне против Советского Союза и Китая.

2. Дела рядовых работников «Противоэпидемического отряда № 731» по согласованию с органами Прокуратуры рассматривать на закрытых судебных заседаниях военных трибуналов.

3. Опубликовать в центральной прессе краткий отчет об итогах процесса. В местной прессе публиковать ежедневные отчеты о процессе.

АВП РФ. Ф. 07. Оп. 22А. П. 6. Д. 52. Л. 2–4.
Публикуется впервые.

№ 15. Постановление Военной прокуратуры Приморского военного округа о принятии к производству дела в отношении 12 бывших военнослужащих японской армии

1 ноября 1949 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(О принятии следственного дела к своему производству)

1 ноября 1949 г. г. Хабаровск

Военный прокурор Приморского военного округа полковник юстиции БЕРЕЗОВСКИЙ А., рассмотрев материал следствия по делу военнопленных бывшей японской армии КАДЗИЦУКА Рюдзи, ТАКАХАСИ Такаацу, САТО Сюндзи, КАВАСИМА Киоси и других, поступившие от Оперативно-следственной группы МВД СССР,

НАШЕЛ:

С 1936 года по день капитуляции империалистической Японии на территории Маньчжурии, Центрального и Южного Китая действовали специальные отряды, созданные японским военным командованием для подготовки и ведения бактериологической войны.

Обвиняемые по настоящему делу КАДЗИЦУКА, ТАКАХАСИ, САТО, КАВАСИМА и др. в течение длительного времени занимались изготовлением средств бактериологической войны против СССР, производя преступные опыты по насильственному заражению живых людей из числа китайских, монгольских и советских граждан, а также испытывали выработанное ими бактериологическое оружие в боевой обстановке против китайских войск[2].

Учитывая, что совершенное указанными выше лицами преступление предусмотрено ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19.04.43 г., ввиду чего по делу должно быть произведено предварительное следствие, и руководствуясь ст. 110 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

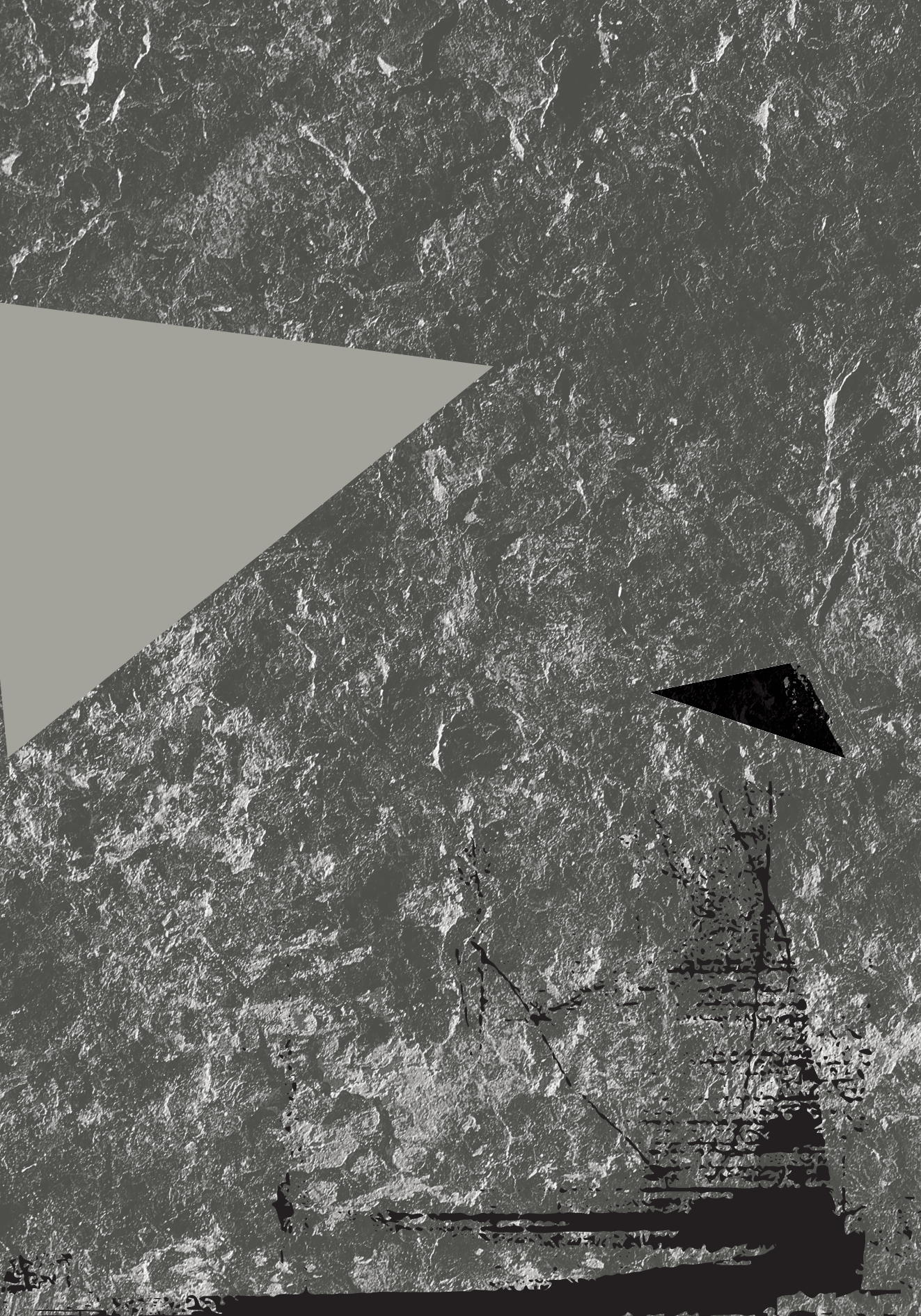
Дело по обвинению военнопленных бывшей японской армии КАДЗИЦУКА, ТАКАХАСИ, САТО, КАВАСИМА и др. принять к своему производству.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР
ПРИМОРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
полковник юстиции А. Березовский
(подпись)

Архив УФСБ России по Ивановской обл. Ф. 6. Гр. 2. Д. 603. Л. 6.
Подлинник. Публикуется впервые.

РАЗДЕЛ III

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ ЯПОНСКИХ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ (г. ХАБАРОВСК)



3.1. ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ И ПОКАЗАНИЯ ПОДСУДИМЫХ

3.1.1. БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ — РАЗРАБОТКА И ФАКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ[1]

№ 16. Протокол допроса Ямамото Сеоэй (Танака Массами) о его службе в должности военного врача в противоэпидемическом отряде № 731

26 декабря 1947 г.

Вопрос: Назовите фамилии, имена и отчества работающих с Вами русских разведчиков.

Ответ: Фамилия, имена и отчества русских разведчиков я забыл.

Вопрос: Укажите, какое число русских разведчиков работало с Вами?

Ответ: Русских разведчиков у меня не было, я знал из русских, проживающих в гор. Харбин, пять человек, фамилий, имен и отчеств их не помню.

Вопрос: Назовите численность состава 731-го батальона.

Ответ: Численность состава 731-го батальона я не знаю.

Вопрос: Назовите аппараты, которыми размножались микробы «паратиф Б».

Ответ: Аппараты, которыми размножались микробы для бактериологической войны, назывались «Фуракки».

Вопрос: Имелась ли при батальоне 731 тюрьма?

Ответ: Наверное, есть, вернее — была такая тюрьма.

Вопрос: Расскажите, как происходило испытание действий микробов на живых людях, доставленных в тюрьму 731-го батальона?

Ответ: Я знаю, что микробы набирали в стеклянные шарики и уносили для испытания, как испытывали их действия, я не знаю.

Вопрос: Почему Вы не даете показания развернутые по делу?

Ответ: Я знаю сидящих всех подсудимых на международном суде в Токио, кроме них знаю других, находящихся в Японии, которые могут[a] перед международным судом по моим показаниям, но как японец я не вправе рассказывать о государственных секретах, поэтому я ничего не говорю (подпись)

Вопрос: Какими языками Вы владеете?

Ответ: Я владею английским, китайским и русским языком.

Вопрос: Где Вы изучали английский и китайский язык?

Ответ: Английский язык я изучал в средней школе. Китайский также изучал в 5-м классе средней школы в течение одного года. Русский язык я изучил во время нахождения в плену в СССР (подпись)

Допросил: ст. следователь ОО по л[агерю] № 34
мл. лейтенант (подпись) Ленсанов

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 217–218. Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

[a] Далее слово написано неразборчиво, возможно — «предстать».

№ 17. Собственноручные показания Ямамото Сеоэй (Танака Массами) о его службе в должности военного врача в противоэпидемическом отряде № 731

18 июля 1949 г.

Собственноручные показания
ЯМАМОТО Сёоэй

В сентябре месяце 1944 г., окончив Токийский мединститут, я получил назначение в императорский университет Тохоку на кафедру терапии в качестве аспиранта, где работал до призыва в армию, т. е. до марта месяца 1945 г. После зачисления в армию меня направили стажироваться в военно-медицинскую школу, где я пробыл всего несколько дней и получил перевод в г. Пейан в военный госпиталь, в заразную палату. В мае 1945 г. мне присвоили звание поручика медслужбы и отправили в командировку в 731-й отряд, где я должен был совершенствоваться в своих знаниях в течение шести месяцев. Однако в июле месяце 1945 года меня отправили работать в больницу г. Суйхуа в качестве заместителя начальника указанной больницы, где я был взят в плен в августе месяце 1945 года.

Впервые я познакомился с генералом Араки Садоо в начале января месяца 1942 года. Однажды вечером, распрощавшись со своим другом Андай Харуо, который был студентом юридического факультета, я сел на скамейку около своего дома и занялся чтением, в процессе которого ко мне подошел человек, лицо которого было знакомым, и как старый знакомый начал расспрашивать меня о том, как я учусь, где я учусь и каково мое материальное положение. В конце указанного разговора он назвал себя и оставил мне адрес, сказавши, что если будет нужда, то я могу обратиться за помощью по оставленному адресу. Человек, разговаривавший со мной, был генералом Араки.

Вскоре после указанного разговора я вместе с несколькими студентами Токийского университета попал в гости к генералу Араки, который беседовал с нами о книге «Набэсима», являющейся одним из лучших произведений японской классической литературы. В последующие посещения Араки рассказывал о захвате Маньчжурии, о борьбе за создание великой восточной Азии, о причинах японской агрессии на юг и о многом другом. В одно из посещений Араки, я встретил у него трех японцев, приехавших из Маньчжурии. Впоследствии, когда я был откомандирован в 731-й отряд, один из них оказывал мне материальную поддержку, заявив о том, что это он делает по распоряжению генерала Араки. Последний раз я был у него в июле месяце 1945 г., когда он предложил мне перейти на положение стипендиата Военного министерства, узнавши о том, что я проявлял большой интерес к туберкулезу. Я, конечно, согласился, и при его содействии получивши две тысячи иен в качестве стипендии, направился на терапевтическую кафедру университета Тохоку повышать свои медицинские знания. В марте месяце 1945 года, когда я получил назначение в военный госпиталь г. Пейан, мне пришло письмо от генерала Араки, в котором было написано о том, что я, находясь по военной службе, должен оправдать доверие, оказанное мне императором и государством. В середине апреля месяца 1945 г. меня вызвали в санитарный отдел штаба Квантунской армии, где меня принял некий майор медслужбы и, поговоривши с кем-то по телефону, отпустил

меня, не[a] пояснив причину вызова. В мае месяце внезапно меня согласно приказу отправили в 731-й отряд. 17 мая я прибыл на Харбинский вокзал, где встретился с капитаном медслужбы по фамилии Симидзу Есисукэ, который тоже направлялся в шестимесячную командировку в 731-й отряд. 18 мая я с ним прибыл в 731-й отряд, где нам для экспериментов отвели лабораторию под номером двадцать шесть. Кроме того, нам дали одного санитара. Я вместе с капитаном Симидзу занимался изучением методов длительного сохранения вирулентных качеств колоний паратифа «В» и туберкулеза, а также исследовал пути усиления вирулентности указанных бактерий. Как я теперь понимаю, в 731-й отряд я был направлен по приказу генерала Араки для того, чтобы участвовать в подготовке бактериологической войны против СССР. Однако 10 июня 1945 г. меня перевели в военный госпиталь г. Суйхуа в качестве заместителя начальника госпиталя, потому что туда привезли шестьдесят пациентов с заболеваниями грудной клетки. В указанном госпитале я пробыл примерно месяц, в течение которого несколько раз приезжал в г. Харбин. В это время ко мне два раза приходил японец по фамилии Окимото, с которым, как описано выше, я познакомился у генерала Араки. Указанный японец два раза передал мне по пятьсот иен денег, сказавши мне о том, что эти деньги от генерала Араки.

Здание, в котором я работал, строго контролировалось специальной охраной, которая тщательно обыскивала нас при входе и выходе. В конце июня месяца 1945 года генерал-лейтенант Исии, проживавший в отеле «Нью-Харбин», вызвал меня[b] к себе и предложил поехать на китайскую[c]. Как я понимаю, Исии в тот период готовился к бактериологической войне против СССР. 13 августа 1945 г. капитан Симидзу предложил мне уехать в Суйхуа, сообщив мне о том, что ходят разговоры о капитуляции. Послушав его совета, я уехал из Харбина и 15 августа вечером прибыл в Суйхуа.

Когда мы прибыли в 731-й отряд, то нас предупредили о том, что в другие комнаты заходить нельзя. Я с капитаном Симидзу поселился в экспериментальном кабинете № 26, который располагался под землей около складов. При этой комнате был устроен небольшой склад необходимых медикаментов, продуктов питания и аппаратуры. В нашем распоряжении было два микроскопа, центрифуга, автоклав и стеклянные пробирки. Запас продуктов был рассчитан на полгода для трех человек. Как я указал выше, мы занимались исследованием способов продолжительного сохранения вирулентности у туберкулезных бактерий и бактерий паратифа «В», а также изучали способы усиления вирулентности указанных бактерий и способы получения высоковирулентных бактерий.

Для получения бактерий паратифа «В» с устойчивой вирулентностью мы изменяли концентрацию водородных ионов с 7,0–7,5 до 6,5–8,5, размножали их в желатиновой культуре и запаивали стеклянную пробирку, в которой они хорошо сохраняют свою вирулентность в течение шести месяцев. Если их через шесть месяцев пустить в какой-либо водоем, то они сохранят свою вирулентность в течение двух лет. При обычном способе выращивания[d] они погибают через 50–70 дней, а пущенные в водоем теряют вирулентность через двадцать дней. Те же бактерии, выращенные на агаровых и желчных культурах, на 60 % теряли устойчивость вирулентности. В отношении туберкулезных бактерий ничего специфичного мы не успели найти.

---

[a] Часть текста зачеркнута.

[b] Слово написано над строкой.

[c] Далее текст зачеркнут.

[d] Далее в тексте несколько слов зачеркнуто.

Этими опытами я помогал генералу Исии подготавливать бактериологическую войну. Отряд Исии главным образом занимался исследованием фильтрующихся вирусов и болезней, связанных с ними. Эти патогенные тельца намного меньше обычных бактерий, почему легко проходят сквозь фильтры, в которых бактерии задерживаются. По указанной причине им дано название фильтрующихся вирусов. Кроме того, их невозможно увидеть под микроскопом и вырастить на чистых культурах. Они обладают громадным сродством с клетками живого организма, внутри которых они размножаются, образуя характерные тельца, вырабатывающие определенный яд, который поступает в кровяную сыворотку. Поэтому при фильтрации не обнаруживается никаких патогенных желез. Кроме того, отряд Исии занимался исследованием риккетсий и всех видов бактерий, добиваясь способов хорошего размножения бактерий и увеличения их вирулентности на возможно более длительный срок. К риккетсиям относится сыпной тиф, распространяющийся через вшей. Известно о том, что если сильного яда принять небольшое количество, то организм не погибнет, но если в организм попадут бактерии, хотя и в небольшом количестве, они быстро размножатся и поразят живые клетки организма, а это может привести к тяжелым последствиям. Бактерии, проникшие в организм, обычно укрепляются в какой-нибудь части организма и начинают выделять яд, который поражает живые клетки организма. При этом бактерии или усиливают свою вирулентность, или понижают ее. Кроме того, можно повлиять на вирулентность бактерий некоторыми видами лекарств так, что их вирулентность сильно возрастет. Вышеуказанные опыты сам я не проводил, но слышал о них от сотрудников 731-го отряда. Кроме того, я могу сказать[e], что отряд Исии занимался размножением чумных бактерий в больших количествах при помощи мышей и блох. Были специальные аппараты, в которых, как я предполагаю, высушивались чумные бактерии, смешанные или с белком, или с кровью.

Я слышал о том, что опыты с бактериями холеры шли неудачно, хотя их проводили на пептоновых культурах. Однако я не могу сказать, насколько это верно. Вполне вероятно, что отряд Исии предполагал использовать бактерии холеры во время войны, заразив все водные источники.

Кроме того, я знаю о том, что в отряде Исии размножали бактерии сапа и сибирской язвы, но как это осуществлялось на практике, я сказать не могу, т. к. сам этим вопросом не занимался. Когда я находился в отряде Исии, капитан Симидзу рассказывал мне о том, что в качестве подопытных животных используют людей, а именно: китайцев, русских и японцев. Японцами были возвратившиеся из СССР пленные, которые попали в СССР во время войны на Халхин-Голе.

В 731-ом отряде людей, на которых производили опыты, называли поленьями, портретом его величества и особым исследовательским материалом. Кроме того, создавались искусственно бактерионосители, т. е. люди, беспрерывно выделявшие патогенные бактерии. Хота, находящийся в 13 л/о, рассказал мне о том, что в отряде Исии проводились исследования, касающиеся взаимосвязи обморожения с (далее неразборчиво). В отряде Исии выделывались специальные бомбы, начинявшиеся блохами, зараженными бактериями чумы. Эти бомбы делались с таким расчетом, чтобы при взрыве блохи не были убиты. Материалом для бомб служил фарфор. Однако я не могу сказать, какую площадь могла поразить такая бомба. Капитан Симидзу рассказывал мне о том, что в отряде Исии выделывались разные предметы, например ручки, карандаши и т. п., которые начинялись бактериями. Такие ручки разведчик мог легко доставить на территорию противника и вызвать эпидемию. Примерно в 1943 г. в Чанчуне

[e] Слово написано над строкой.

возникла эпидемия чумы, вызванная, по словам самого Исии, тем, что он, находясь в Чанчуне, выронил ручку, начиненную бактериями чумы.

Кроме того, бактерии разбрызгивали с самолета в виде дождя.

18 июля 1949 г. Ямамото Сёоэй

Перевел: Протасов

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 226–238. Подлинник. Рукоп. текст. Пер. с яп. яз. Публикуется впервые.

№ 18. Протокол допроса Хотта Реончиро о его службе в должности начальника интендантской части в филиале № 543 противоэпидемического отряда № 731

20 октября 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

20 октября 1949 года г. Хабаровск

Я, сотрудник УМВД по Хабаровскому краю мл. лейтенант Ленсанов, допросил в качестве свидетеля военнопленного

ХОТТА Реончиро, 1920 года рождения, уроженец Японии гор. Кобе, японец, подданный Японии, из торговцев, образование высшее, по профессии экономист, холост, военное звание — поручик.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР предупрежден (подпись)

Переводчик японского языка Медведева об ответственности за неточный перевод и за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР предупреждена (подпись)

Вопрос: Расскажите о своей трудовой деятельности.

Ответ: В сентябре 1943 года я окончил экономический факультет университета «Кейо» в городе Токио. В этом же году я был призван в японскую армию в 39-й стрелковый полк 10-й дивизии, в Маньчжурии. С 1 февраля 1944 года я проходил экономическую переподготовку в городе Цзямусак. 1 июля 1944 года я был направлен в офицерскую интендантскую школу № 815 штаба Квантунской армии. 26 ноября 1944 года я окончил вышеуказанную школу № 815 и получил назначение в город Харбин, отряд № 731. В этом отряде я проработал до 1 августа 1945 года в должности начальника интендантской части. 5 августа 1945 года я был откомандирован в 543-й филиал 731-го отряда в гор. Хайлар на должность начальника интендантской части.

Вопрос: Что Вам известно о 731-м отряде?

Ответ: По прибытии меня в 731-й отряд я прошел недельную подготовку под руководством подполковника Ниси, от которого я узнал, что 731-й отряд являлся бактериологическим отрядом и в его функцию входило вырабатывать бактерии против человеческого организма [для] применении против советских войск в войне с Советским Союзом.

731-й отряд состоял из отряда, расположенного в гор. Харбин, и подчиняющихся ему филиалов: № 543 дислоцировался в городе Хайлар, № 673 — в городе Сонго по-японски, № 162 — Ринько, № 643 — Муданьдзян, № не помню — в городе Дайрен и экспериментальное отделение 731-го отряда — в местечке Аньда. Во всех вышеуказанных филиалах производилось выращивание мышей, крыс и выработка бактерий из болотной воды. Экспериментальное отделение в местечке Аньда занималось экспериментами по испытанию тех или других бактерий над живыми людьми, как советскими гражданами, так и китайцами. Советских граждан в 731-й отряд доставляли из жандармских управлений, военных миссий, которые направляли советских граждан, оказавшихся по различным причинам на территории Маньчжурии. Заключенные, прибывающие в 731-й отряд для экспериментальных опытов, содержались в тюрьме при отряде. Для конспирации лиц, предназначенных для экспериментальных опытов, называли «поленьями», и таких «полен[ьев]» в тюрьме содержалось от 200 до 500 человек. Штаб 731-го отряда имел № 659 и занимался формированием противоэпидемических подразделений при каждой японской дивизии, выбывающей из пределов Маньчжурии. О жизни и деятельности 731-го отряда я подробно узнал от подполковника Ниси и от врача-стажера по фамилии Мэгуро, с которым я работал в одной комнате. В процессе работы все выше рассказанные факты подтвердились на практике. Мне пришлось побывать во всех филиалах и в экспериментальном отделении станции Аньда. В начале мая месяца 1945 года генерал Исии собрал совещание всего офицерского состава отряда, которое проходило в столовой 731-го отряда, где генерал Исии рассказывал о том, что война с СССР будет в июне или в сентябре 1945 года. А поэтому надо принять все меры к тому, чтобы все советские граждане, подлежащие для экспериментальных опытов, не были обнаружены. Далее он говорил, что в экспериментальное отделение будет сосредоточено 200 «поленьев», опыты с которыми проведут специально присланные врачи, которых требовалось обеспечить всем необходимым. Непосредственное выполнение приказа начальника отряда было поручено интендантскому отделу и, в частности, лично мне. Но ввиду дождливой погоды эксперименты на станции Аньда не состоялись, а были перенесены на другое время, когда установится хорошая погода. Вскоре я был переведен в Хайлари, об этих экспериментах мне больше ничего не известно. В беседе с сотрудниками генерал Исии во время обеда заявил, что в медицине точно неизвестны смертельные дозы многих ядов, а в 731-м отряде дозировка разработана точно. Следовательно, генерал Исии говорил, основываясь на результатах каких-то экспериментов. Весной 1945 года[a] один из сотрудников, фамилию которого не помню, интендантского отдела был назначен для привоза специального экспериментального материала, возвратившись назад, он объяснил мне, что специальным экспериментальным материалом являются живые люди. С марта 1945 года 731-й отряд начал усиленно готовиться к эпидемической войне, т. е. по приказанию Исии увеличились штаты вольнонаемного состава, в задачу которых входило разводить мышей. В апреле 1945 года я по приказанию генерала Исии подсчитывал денежные средства, необходимые для разведения 3 миллионов мышей к сентябрю 1945 года. Кроме этого, ежемесячно использовались для проведения экспериментов 600 тысяч мышей. К тому же проводился сбор тарбаганов, которые являются разносчиками чумы. Для производства сыпнотифозной вакцины требовалось большое количество куриных яиц, которые интендантский отдел закупал по всей Маньчжурии. Интендантскому отделу 731-го отряда было приказано закупить 1 500 000 штук, чтобы обеспечить вакциной всю Квантунскую армию. В разговоре со мной майор Сато рассказывал, что генерал Исии, основываясь на оперативных планах Квантунской армии, решил в случае начала войны с Советским Союзом перевести штаб 731-го отряда в город Тунхуа, Ринковский филиал — в Муданьдзян, Сенговское отделение — в гор. Харбин, а Хайларское отделение — в гор. Цицикар.

[a] Далее зачеркнуто «в присутствии всех офицеров».

Ввиду того, что я работал сотрудником интендантского отдела 731-го отряда, мне приходилось ездить по филиалам отряда, где производил инспектирование интендантской работы. При посещении филиалов 731-го отряда я интересовался работой филиалов, хотя это было в строгой секретности, но, несмотря на это, мне сотрудники рассказывали, а иногда и знакомили с филиалами. Так, мне приходилось быть в экспериментальном отделении, находившемся в 20 километрах от станции Аньда. Мое посещение его было связано со службой, чтобы выплачивать сотрудникам деньги. По линии интендантства я был ответственным лицом в экспериментальном отделении, где производил проверки склада. На складе я видел два стальных щита, которые меня заинтересовали. О назначении этих щитов я спросил у сотрудника экспериментального отделения Момидзука, который мне разъяснил, что они используются при взрывных экспериментах на людях. Кроме того, на складе было около 80 одеял, выпачканных человеческой кровью, а поэтому указанные одеяла были сожжены. Здесь же при экспериментальном отделении была лаборатория, при которой содержались заключенные. Заключенные по одному сидели в железных клетках. Иногда мне приходилось летать на самолетах в экспериментальное отделение, а также и улетать обратно. Однажды фельдфебель Кэра меня предупредил, чтобы я не ходил за посадочную площадку, так как там был район, зараженный сибирской язвой. А когда я посещал кабинет майора Нисида, то видел карту, на которой было обозначено рассеивание бактерий после взрыва бомбы. Летом 1945 года я лично видел, как с самолета разбрызгиваются бактерии, это происходило испытание разбрызгивателя новой конструкции. В отряде ходили слухи о том, что однажды было массовое убийство заключенных с помощью ядовитых газов. Такое убийство было вызвано тем, что заключенные взбунтовались, разоружили стражу и хотели бежать.

Вопрос: Что желаете дополнить к своим показаниям?

Ответ: В своих показаниях я все рассказал, что мне известно о 731-м отряде.

Протокол записан с моих слов верно
и мне прочитан вслух через переводчика (подпись)

Допросил:
сотрудник УМВД по Хабаровскому краю
младший лейтенант Ленсанов

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 168–173.
Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 19. Протокол допроса генерал-полковника японской армии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямада Отозоо о деятельности противоэпидемического отряда № 731 и его филиалов

17 ноября 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
свидетеля Ямада Отозоо

17 ноября 1949 года
гор. Хабаровск

Допрос начат в 12 часов, допрос окончен в 16 часов 18 ноября 1949 г.

С перерывом с 17 часов до 21 часа и с 1 часа до 10 часов.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР предупрежден (подпись).

Допрос ведется на русском языке через переводчика японского языка Цвирова Е. В., который за заведомо ложный перевод предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Вопрос: Назовите все подчиненные Вам отряды и учреждения, занимавшиеся изысканиями и массовым производством бактериологического оружия.

Ответ: К числу подчиненных мне частей, занимавшихся изысканиями и массовым производством бактериологического оружия, относятся отряд № 731, отряд № 100 и их филиалы.

Вопрос: Какие цели и задачи стояли перед филиалами отрядом № 731 и № 100?

Ответ: Указанные филиалы занимались противоэпидемической работой. Насколько мне известно, вопросами подготовки бактериологической войны филиалы не занимались.

Вопрос: Вам зачитываются показания обвиняемого Ниси от 14 ноября 1949 года (стр. 4), из которых усматривается, что филиалы 731-го отряда были снабжены необходимым оборудованием для массового производства бактериологического оружия. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ: Зачитанные мне показания обвиняемого НИСИ я считаю правильными. Поскольку филиалы являлись составной частью отряда, они также обеспечивали работу по подготовке бактериологического оружия.

Вопрос: Какие конкретные цели и задачи ставились перед отрядами № 731 и № 100?

Ответ: Основной целью отрядов № 731 и № 100 являлась подготовка бактериологической войны. Кроме того, на эти отряды возлагалась задача проведения противоэпидемической работы и водоснабжение частей Квантунской армии.

Касаясь вопроса о деятельности отрядов № 731 и № 100 по подготовке бактериологической войны, следует отметить, что отряд № 731 занимался изысканием и производством бактериологического оружия, предназначавшегося для массового уничтожения людей. Деятельность отряда № 100 в этом направлении была несколько уже и сводилась к изысканиям и производству бактериологического оружия для осуществления диверсий по уничтожению скота и заражению злаков[a].

Вопрос: Кем осуществлялось практическое руководство работой отрядов № 731 и № 100 по подготовке бактериологического оружия?

Ответ: Непосредственное руководство работами отрядов № 731 и № 100 по подготовке бактериологического оружия осуществлялось Санитарными и Ветеринарны-

[a] Здесь и далее в документе текст, отмеченный *...*, подчеркнут карандашом.

ми управлениями, а также оперативно-стратегическим отделом штаба Квантунской армии.

Вопрос: Кем осуществлялось общее руководство названными выше управлениями и отделом?

Ответ: Общее руководство осуществлялось главнокомандующим Квантунской армией.

Вопрос: Имело ли отношение к вопросам подготовки бактериологической войны Военное министерство и Генеральный штаб Японии?

Ответ: Да, некоторое отношение они, безусловно, имели.

Вопрос: В чем конкретно выражалось руководство деятельностью отряда № 100 и его филиалов Ветеринарного управления Квантунской армии, возглавляемого генерал-лейтенантом ветеринарной службы Такахаси?

Ответ: Генерал-лейтенант ветеринарной службы Такахаси, являясь начальником Ветеринарного управления штаба Квантунской армии, осуществлял руководство деятельностью отряда № 100 в направлении изысканий, экспериментов и массового производства бактериологического оружия.

Вопрос: В чем выражалось руководство деятельностью отряда № 731 по подготовке бактериологической войны со стороны начальника Санитарного управления Квантунской армии генерал-лейтенанта медслужбы Кадзицука?

Ответ: Генерал-лейтенант медслужбы Кадзицука осуществлял руководство научно-экспериментальной работой отряда № 731 по изысканию и массовому производству бактериологического оружия.

Вопрос: Расскажите о роли оперативно-стратегического отдела штаба Квантунской армии по руководству отрядами № 731 и № 100.

Ответ: *Подчиненный мне оперативно-стратегический отдел осуществлял руководство в вопросах производства необходимого количества бактерий, обеспечения техническим оборудованием, а также подготовки квалифицированных кадров для укомплектования штатов отрядов № 731 и № 100*.

Вопрос: В чем заключалась роль оперативно-стратегического отдела в разработке планов применения бактериологического оружия?

Ответ: Я думаю, что штабом Квантунской армии планы по применению бактериологического оружия не составлялись. Во всяком случае, лично мне такие планы не докладывались. Я считаю, что такие планы должны были разрабатываться Генеральным штабом Японии.

Вопрос: Вам зачитываются показания свидетеля Мацумура Томокацу от 16 ноября 1949 года, из которых видно, что производимое бактериологическое оружие должно было быть использовано против СССР. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ: Да, подтверждаю. Однако в своих показаниях генерал-майор Мацумура говорит не о планах, а о методах применения бактериологического оружия, которые исследовались штабом Квантунской армии.

Вопрос: И эти методы должны были быть использованы против СССР?

Ответ: Как я уже сказал ранее, о планах применения бактериологического оружия я осведомлен не был.

*Вопрос: В таком случае, что вы имели в виду, заявив на допросе 3 ноября 1949 года (стр. 2) о том, что подготовка бактериологических средств войны велась главным образом против Советского Союза?

Ответ: Эти показания я полностью подтверждаю, однако я должен пояснить, что подготовка бактериологической войны велась не только против Советского Союза, но и против других государств.

Вопрос: Уточните, какие государства Вы имеете в виду?

Ответ: Главным образом Советский Союз, а также Китай, Монгольскую Народную Республику, Соединенные Штаты Америки и Англию.

Вопрос: Какие конкретные мероприятия были проведены по подготовке бактериологической войны против СССР?

Ответ: Применительно к Советскому Союзу подготовка бактериологической войны сводилась к проведению целого ряда исследований методов применения эпидемических бактерий, массовому производству бактериологического оружия и проведению опытов для установления эффективности действия тех или иных видов бактерий.

Вопрос: Расскажите, какие же были выработаны методы применения бактериологического оружия?

Ответ: Насколько мне помнится, основными и наиболее эффективными методами применения бактериологического оружия являлись: сбрасывание бактерий с самолетов и наземный способ применения бактерий. При помощи самолетов бактерии сбрасывались либо в виде специальных начиненных бомб или распылялись с помощью специальных приспособлений, имевшихся на самолетах. Наземный способ состоял в заражении бактериями водоемов, пастбищ и скота*.

Вопрос: Расскажите о содержании доклада Исии, представленного в штаб Квантунской армии по поводу применения фарфоровых бомб, начиненных бактериями в качестве бактериологического оружия?

Ответ: Я не припоминаю, чтобы я знакомился с таким докладом.

Вопрос: Вам зачитывается выдержка из показаний свидетеля Мацумура Томокацу от 16 ноября 1949 года, из которой видно, что Вы знакомились с содержанием названного доклада Исии. Подтверждаете ли Вы эти показания?

Ответ: Я думаю, что Мацумура ошибается, так как мне не приходилось знакомиться с этим докладом.

Вопрос: Следует ли понимать Ваш ответ в том смысле, что, будучи командующим Квантунской армией, Вы вообще не получали никакой информации по поводу указанного доклада Исии?

Ответ: Я не припоминаю, чтобы я получал такую информацию.

Вопрос: В чем же конкретно выражалось руководство оперативно-стратегического отдела деятельностью бактериологических отрядов № 731 и № 100?

Ответ: Все детали этого руководства мне не известны. Знаю, что общая система руководства была несложной и осуществлялась через отдельных работников оперативно-стратегического отдела, которые имели непосредственную связь с отрядами № 731 и № 100. Я уже говорил, что вся научно-исследовательская работа в отрядах № 731 и № 100 по изысканиям и производству бактериологического оружия проводилась под руководством Санитарного управления, возглавляемого генерал-лейтенантом м/с Кадзицука, и Ветеринарного управления, возглавляемого генерал-лейтенантом в/службы Такахаси. Результаты этой работы докладывались затем в оперативно-стратегический отдел штаба Квантунской армии, где разрешался вопрос о возможности или невозможности применения того или иного вида эпидемических бактерий в качестве оружия бактериологической войны. В зависимости от этого решения оперативно-стратегический отдел через своих соответствующих работников давал указания отрядам по изготовлению тех или иных эпидемических бактерий, которые предполагалось использовать в качестве бактериологического оружия.

Вопрос: Каким образом передавались эти указания?

Ответ: Этих подробностей я не знаю. Думаю, что оперативно-стратегический отдел имел в этих отрядах своих специальных представителей *из числа штаб-офицеров*, которые использовались для связей отдела с отрядами.

Вопрос: Для какой цели в июне 1945 года Вы направили в 731-й отряд начальника отдела кадров штаба Квантунской армии полковника Тамура?

Ответ: В 731-й отряд полковника Тамура я не направлял. Я помню, что он сам обратился ко мне с просьбой разрешить ему посетить отряд по служебным делам, связанным с работой отдела кадров. С какой целью Тамура ездил в 731-й отряд, я не знаю.

Вопрос: Вам зачитывается выдержка из показаний свидетеля Тамура Тадаси от 31 октября 1949 года (стр. 5), из которой видно, что полковник Тамура посетил 731-й отряд не по своей инициативе, а был направлен для выполнения Вашего специального задания. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ: Я этого не помню.

Вопрос: Расскажите содержание письма генерал-лейтенанта Исии, полученного Вами в мае 1945 года?

Ответ: Я не припоминаю, чтобы я получал такое письмо.

Вопрос: Вам зачитываются показания свидетеля Тамура от 31 октября 1949 года (стр. 5) по поводу полученного Вами письма Исии в мае 1945 года и цели поездки Тамура в 731-й отряд. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ: Да, подтверждаю.

*Должен признать, что действительно в июне 1945 года я направлял полковника Тамура в 731-й отряд для ознакомления на месте с положением работы отряда и выяснения вопроса о необходимости увеличения количества специалистов. Полковник Тамура в 731-й отряд мной был направлен в связи с тем, что штабом Квантунской армии было получено указание Военного министерства об увеличении производства бактериологического оружия. Это указание для исполнения было передано начальнику отряда № 731 генерал-лейтенанту Исии, который во исполнение этого указания обратился ко мне с письмом в мае 1945 года и просил увеличить количество необходимых ему специалистов. Кстати, сейчас я вспоминаю, что я действительно имел у себя доклад Исии по поводу бактериологических бомб. И в этой части прошу внести соответствующие изменения в ранее данные мной показаний.

Доклад Исии хранился у меня в сейфе и затем мной был передан начальнику оперативно-стратегического отдела генерал-майору Мацумура Томокацу. Я хорошо помню, что этот доклад был написан на бумаге, разграфленной красными линиями. Я также помню, что доклад имел наименование — «О бактериологической бомбе системы Исии», причем я припоминаю, что при посещении отряда Исии я лично видел образцы бомб, предназначенных для применения блох, зараженных чумой, в качестве бактериологического оружия*.

Вопрос: Вам зачитываются выдержки из показаний свидетеля Сегоси от 12 ноября 1949 года (стр. 2) о производстве в отряде № 731 бактериологических бомб и предъявляется схема с изображением бомбы. Не соответствует ли предъявленная Вам схема описанию бомбы системы Исии?

Ответ: Мне помнится, что такие бомбы я видел в отряде № 731 в момент инспектирования. Эти бомбы изготовлялись отрядом № 731. Количество их я не помню, но оно определялось необходимой потребностью. Изображение бомбы, указанное на предъявленной мне схеме, я видел в упомянутом мной докладе Исии.

Вопрос: Расскажите содержание доклада Исии?

Ответ: Содержание доклада Исии я точно воспроизвести не могу. Припоминаю, что в нем был изложен метод применения бактериологического оружия при помощи специальной бактериологической бомбы системы Исии.

Вопрос: Какое решение Вами было принято по указанному докладу Исии?

Ответ: Решение по докладу Исии было принято моим предшественником генерал-полковником Умедзу, который утвердил предложенный Исии метод применения бактериологического оружия. При передаче доклада Исии начальнику оперативно-стратегического отдела Мацумура я не отменял решения Умедзу и тем самым оставил его в силе.

Вопрос: Таким образом окончательное утверждение того или иного способа применения бактериологического оружия принадлежало командующему Квантунской армией?

Ответ: Для изучения способов применения бактериологического оружия создавались специальные комиссии, в состав которых входили: нач[альник] штаба Квантунской армии, нач[альник] оперативно-стратегического отдела, соответствующий начальник бактериологического отряда № 100 и № 731 и отдельные штаб-офицеры. Председателем этих комиссий был начальник штаба. Командующий Квантунской армией в работе комиссий не участвовал. Решения комиссий по применению бактериологических средств войны представлялись командующему Квантунской армией и после его утверждения докладывались в Генеральный штаб Японии. О принятии того или иного способа на вооружение Генеральный штаб ставил в известность штаб Квантунской армии, в свою очередь штаб Квантунской армии отдавал соответствующее распоряжение отрядам № 731 и № 100 о массовом производстве необходимых эпидемических бактерий. Обеспечение бактериологических отрядов № 731 и № 100 всем необходимым оборудованием, сырьем и материалами осуществлялось Военным министерством Японии в соответствии с требованиями Генерального штаба о производстве того или иного вида бактериологического оружия.

Применение бактериологического оружия и формирование необходимых частей, предназначенных для практического использования бактериологического оружия, планировалось Генеральным штабом Японии на основании соответствующей информации штаба Квантунской армии.

Вопрос: Какие способы применения бактериологического оружия были приняты на вооружение Квантунской армии в период Вашего пребывания на посту главнокомандующего?

Ответ: Все принятые на вооружение Квантунской армии способы применения бактериологического оружия были утверждены до моего назначения на пост главнокомандующего Квантунской армией. Лично я наиболее эффективным считал способ рассеивания бактерий с самолетов, т. к. он давал возможность поражения большой площади.

Вопрос: Какие самолеты предназначались для использования по применению бактериологического оружия?

Ответ: В мирное время в распоряжении отряда № 731 было несколько специальных самолетов. В военное время в случае необходимости могли быть использованы самолеты любой авиации, предварительно оборудованные необходимыми приспособлениями.

Вопрос: В чем конкретно выражалось Ваше личное участие как командующего в руководстве по подготовке бактериологической войны?

Ответ: Я уже говорил о том, что все способы применения бактериологического оружия, которыми располагала Квантунская армия, были рассмотрены и утверждены Генштабом Японии до назначения меня на пост главнокомандующего. Эти способы продолжали оставаться в силе и при мне. Кроме того, я как командующий через подчиненные мне отделы и управления штаба, в соответствии с указаниями Военного министерства и Генштаба Японии, осуществлял руководство деятельностью бактериологических отрядов № 731 и № 100 по изысканию и производству бактериологического оружия. Моя роль как командующего Квантунской армией заключалась также и в том, что я должен был в военное время осуществлять тактическое руководство по применению средств бактериологической войны. В этом смысле, в случае возникновения военных действий, я должен был определить, какими соединениями и на каком направлении должно было быть применено бактериологическое оружие.

Для осуществления бактериологического нападения в распоряжение командующих фронтов и отдельных армий должны были быть выделены специальные бактериологические отряды, созданные на базе отрядов № 731 и № 100 и их филиалов*.

Вопрос: Вы имеете в виду противоэпидемические и иппоэпизоотические отряды?

Ответ: Нет, противоэпидемические и иппоэпизоотические отряды, созданные еще в мирное время на случай войны, должны были осуществлять противоэпидемические мероприятия. В военное время для практического применения бактериологического оружия должны быть созданы специальные отряды, о которых я показал выше. Эти отряды должны были быть созданы по моему приказу. Ответственность за их формирование возлагалась на начальников отрядов № 731 и № 100. Для укомплектования этих отрядов специалистами предусматривалось использовать кадры, подготовленные учебным отделом отряда № 731. В мирное время эти кадры рассредоточивались по филиалам и воинским частям.

*Вопрос: Что конкретно Вами было сделано по увеличению производства бактериологического оружия в соответствии с указаниями Военного министерства?

Ответ: Как я уже ранее показал, в соответствии с указанием, которое исходило от заместителя Военного министра, я санкционировал увеличение производства бактериологического оружия в пределах тех указаний, которые были получены из Военного министерства. Однако на сколько было увеличено производство, я не помню*.

Вопрос: В чем заключалась роль начальников Санитарного и Ветеринарного управлений в свете тех задач, которые стояли перед бактериологическими отрядами № 731 и № 100 в Вашу бытность командующим Квантунской армией?

Ответ: Как начальники Санитарного и Ветеринарного управлений, поддерживая постоянную связь с отрядами и осуществляя непосредственное руководство всей научной работой этих отрядов по изысканиям и подготовке бактериологического оружия, Такахаси и Кадзицука, безусловно, были в курсе всех работ, которые производились в этом направлении в бактериологических отрядах № 731 и № 100.

Вопрос: Расскажите содержание доклада нач. Санитарного управления генерал-лейтенанта Кадзицука, сделанного Вам о работе отряда № 731.

Ответ: В конце июля 1944 года после моего назначения на пост командующего Квантунской армией генерал-лейтенант Кадзицука сделал мне доклад о работе Санитарного управления и отряда № 731. В своем докладе о деятельности отряда № 731 Кадзицука доложил, что 731-й отряд помимо работы по профилактике занимается секретной работой по изысканию и производству бактериологического оружия.

*Вопрос: От кого должно было исходить решение о применении бактериологического оружия?

Ответ: Приказ о применении бактериологического оружия должен был исходить из Императорской ставки*.

Вопрос: Когда был организован Нанкинский бактериологический отряд «Эй» № 1644?

Ответ: Я не помню, был ли такой отряд в составе экспедиционной армии в Центральном Китае, которой я командовал с декабря 1938 по октябрь 1939 года. Я помню, что среди подчиненных мне частей в г. Нанкине был противоэпидемический отряд, который был создан до моего назначения в Центральный Китай. Я припоминаю, что во время моего нахождения в Нанкине мне представлялся Исии, работавший начальником отряда № 731. Насколько мне известно, Исии приезжал в Китай с целью ознакомления с противоэпидемической службой и водоснабжением экспедиционной армии.

Вопрос: Проводилась ли в Нанкинском отряде секретная работа в области бактериологии?

Ответ: Поскольку Нанкинский отряд противоэпидемической службы и водоснабжения был организован на базе отряда № 731, я полагаю, что деятельность этого отряда по своему характеру и задачам была аналогичной деятельности отряда № 731.

С моих слов записано верно, протокол мне зачитан на понятном японском языке, что и подписываю (подпись)

Допросили:
сотрудник УМВД по Хабаровскому краю
капитан Гойхман
военный прокурор
подполковник юстиции Базенко
переводчик Цвиров

Верно:
сотрудник УМВД по Хабаровскому краю (подпись)

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 11–19. Зав. копия.
Опубл. в извлечениях в сб.: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии... М., 1950. С. 91–95.

№ 20. Протокол допроса генерал-полковника японской армии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямада Отозоо о деятельности противоэпидемического отряда № 731 и его филиалов и разработке бактериологического оружия

1 декабря 1949 г.

Протокол допроса
свидетеля Ямада Отозоо

1 декабря 1949 года
гор. Хабаровск

Допрос начат в 18 час. 00 мин.
Допрос окончен в 24 час. 00 мин.

Об ответственности по ст. 95 УК РСФСР свидетель Ямада предупрежден (подпись).

Допрос ведется через переводчика японского языка Цвирова, который об ответственности по ст. 95 УК РСФСР предупрежден (подпись).

Вопрос: *В связи с чем было активизировано производство бактериологического оружия в 1945 году?

Ответ: Производство бактериологического оружия отрядами № 731 и № 100 было активизировано в начале 1945 года в связи с окончанием к тому времени подготовительного периода проводившихся испытаний наиболее эффективных средств бактериологического оружия. Я имею в виду применение бактериологической бомбы «системы Исии», рассеивание блох, зараженных чумой, при помощи авиации и способы наземных бактериологических диверсий, о чем мне было известно из соответствующих докладов генералов Китано, Такахаси и других лиц.

В 1945 году в связи с успешным завершением всех подготовительных работ по усовершенствованию наиболее эффективных способов применения бактериологического оружия наступил период массового производства бактериологического оружия в целях его практического применения в любом направлении по первому указанию императорской ставки. На основании изложенного и в соответствии с указанием заместителя Военного министра Японии весной 1945 года мной было дано распоряже-

ние об увеличении массового производства бактериологического оружия отрядами № 731 и № 100 и в связи с этим об увеличении и усовершенствовании оборудования и доукомплектовании отряда № 731 необходимыми специалистами.

Кроме того, лично я считаю, что увеличение производства бактериологического оружия в 1945 году было связано с ухудшением военной обстановки на различных театрах военных действий. Однако это мое личное мнение, так как официальной информации по этому вопросу я не имел.

Вопрос: Уточните, когда в штаб Квантунской армии поступило указание заместителя Военного министра Японии об увеличении производства бактериологического оружия.

Ответ: Насколько мне помнится, это указание было получено в марте 1945 года*[a].

Вопрос: Расскажите содержание доклада Исии, который он сделал Вам после возвращения из Токио в 1945 году.

Ответ: Я не припоминаю, чтобы Исии мне делал доклад после возвращения из Токио.

Вопрос: Уточните, какие виды бактериологического оружия были приняты на вооружение Квантунской армии к моменту Вашего вступления на пост главнокомандующего.

Ответ: При моем вступлении на пост главнокомандующего Квантунской армией были утверждены и приняты на вооружение три основных метода применения бактериологического оружия, т. е. распыление бактерий с самолета, сбрасывание бактериологических бомб и, наконец, метод диверсий. К этому времени в этом направлении были разработаны наиболее эффективные способы использования бактериологического оружия, проведено усовершенствование различной аппаратуры для распыления бактерий, усовершенствование специальных авиабомб и разработаны различные способы бактериологических диверсий.

*Вопрос: Какие изменения произошли за время Вашего пребывания на посту главнокомандующего Квантунской армией в разработке способов и методов применения бактериологического оружия?

Ответ: Как я уже сказал, основные методы применения бактериологического оружия были приняты на вооружение Квантунской армии и утверждены Генеральным штабом Японии до моего вступления на пост Главнокомандующего, и в этом отношении при мне никаких изменений не произошло. Эти методы мной также были одобрены и остались в силе. Однако за время моего пребывания в Квантунской армии производились работы по усовершенствованию способов применения того или иного вида бактериологического оружия. Эта работа производилась как в отряде № 731, так и в отряде № 100. В частности, при мне был окончательно усовершенствован способ применения блох, зараженных чумой, путем рассеивания их с самолетов с помощью специальных приспособлений и сбрасывания специальных бомб. По поводу этого способа генерал Китано сделал мне специальный доклад.

Вопрос: Какое решение Вами было принято по докладу Исии о бактериологической бомбе.

Ответ: Решение по докладу Исии о применении специальной бактериологической бомбы было принято моим предшественником генералом Умедзу. Я, ознакомившись с докладом Исии, также одобрил этот способ. Никакого специального утверждения по этому вопросу больше не требовалось[a].

Вопрос: Какие же вопросы рассматривались временной комиссией штаба Квантунской армии, относящиеся к подготовке бактериологической войны в 1944–45 годах?

---

[a] Здесь и далее в документе текст, отмеченный *...*, подчеркнут карандашом.

Ответ: Этого я лично не помню. Помню, что в мою бытность Главнокомандующим Квантунской армией был рассмотрен вопрос о применении чумных блох для распространения эпидемии чумы путем распыления с самолетов.

Вопрос: Уточните содержание доклада Китано по вопросу применения чумных блох.

*Ответ: В октябре или ноябре 1944 года генерал Китано сделал мне подробный доклад о результатах опытов по применению чумных блох как средства бактериологической войны. Доклад Китано сопровождался специальным кинофильмом, привезенным из отряда № 731, также схемами, на которых были обозначены участки, на которых производились опыты по рассеиванию блох, зараженных чумой, с помощью авиации. По своему содержанию доклад Китано обобщал все опыты и изыскания, которые производились в этом направлении, и подводил итоги всей работы. Во время доклада он демонстрировал различные таблицы, наглядно показывающие результаты проводимых исследований и испытаний по заражению территорий бактериями чумы. Лично я, считая способ применения блох, зараженных чумой, весьма эффективным, одобрил доклад Китано и предложенный им способ применения бактериологического оружия.

Результаты опытов по применению блох, зараженных чумой, были представлены в Императорскую ставку непосредственно руководством отряда № 731, минуя штаб Квантунской армии.

Вопрос: Ранее Вы показали, что все решения по вопросам изысканий и производству бактериологического оружия утверждались главнокомандующим после рассмотрения этих вопросов Временной комиссией и представлялись в Генеральный штаб и Военное министерство Японии штабом Квантунской армии. Что же в конечном итоге следует считать правильным?

Ответ: Я полностью подтверждаю ранее мной данные показания, и мне кажется, что в моих показаниях никаких расхождений нет. Дело в том, что доклады, о которых я говорил ранее, касались более важных вопросов и, как правило, относились к разработкам методов применения бактериологического оружия или других более актуальных вопросов. Эти доклады в центр направлялись штабом Квантунской армии. Доклады, связанные с разработкой различных частных проблем, вроде изучения эффективности того или иного способа бактериологического оружия, направлялись непосредственно руководством отряда № 731, в зависимости от их содержания, либо в Императорскую ставку, либо в Военное министерство или в Военную медицинскую академию*.

Вопрос: Какие наставления и инструкции были изданы по применению бактериологического оружия?

Ответ: Поскольку вопросы производства и применения бактериологического оружия были весьма секретны и были известны только узкому кругу лиц, штаб Квантунской армии таких инструкций не издавал. Такие инструкции, несомненно, имелись в отряде № 731.

Вопрос: Кем же составлялись эти инструкции?

Ответ: Эти инструкции и наставления предназначались для обучения специальных кадров методам применения бактериологического оружия. Я думаю, что они составлялись в учебном отделе отряда № 731.

*Вопрос: Каким образом финансировалась работа по изысканиям и производству бактериологического оружия?

Ответ: Финансирование изысканий и производства бактериологического оружия производилось Военным министерством Японии через штаб Квантунской армии. Подробно о размерах и способах финансирования мне не известно.

Вопрос: Чем было вызвано размещение отрядов № 731 и № 100 и их филиалов в непосредственной близости от границы Советского Союза?

Ответ: По этому вопросу никаких специальных разъяснений мне никто не давал, но лично я считаю, что это было сделано с целью наиболее удобного и быстрого применения бактериологического оружия против Советского Союза.

Вопрос: Каким образом предполагалось использовать бактериологическое оружие против Англии, США и других стран?*

Ответ: Оперативные замыслы Генерального штаба Японии мне не известны по этому поводу, но совершенно очевидно, что бактериологическое оружие предполагалось применить главным образом против СССР. Свое заявление против США, Англии и других стран я сделал, основываясь на своих личных предположениях. *Я считаю, что бактериологическое оружие было бы применено против США, Англии и других государств в том случае, если бы Советский Союз не выступил против Японии. Вступление в войну против Японии Советского Союза и стремительное продвижение Советской армии вглубь Маньчжурии лишило нас возможности применить бактериологическое оружие против СССР и других стран*.

Вопрос: Откуда поступало оборудование в отряды № 731 и № 100 и их филиалы?

Ответ: Насколько мне известно, все необходимое оборудование поступало из Японии. Было ли оно отечественного изготовления или привозилось из других стран, мне не известно.

Вопрос: Скажите, с какой целью штаб-офицеры Квантунской армии принимали участие в маневрах отряда № 731 и № 100?

Ответ: Насколько мне известно, в маневрах, проводимых отрядами № 731 и № 100, штаб-офицеры Квантунской армии участия не принимали.

Вопрос: Вам зачитываются показания обвиняемого Ниси от 28.10.1949 года о том, что работники штаба Квантунской армии систематически посещали отряд № 731 и присутствовали при проведении специальных маневров. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ: Штаб-офицеры, присутствовавшие на маневрах, направлялись, по-видимому, непосредственно начальником штаба Квантунской армии. Однако показания Ниси не свидетельствуют о том, что эти посещения были систематические.

Вопрос: Вам зачитываются показания обвиняемого Ниси от 15.11.1949 года, из которых видно, что в октябре 1944 года при экспериментах по рассеиванию чумных блох, проводимых отрядом № 731 на полигоне ст. Аньда, присутствовал представитель штаба Квантунской армии подполковник Мията. Скажите, какое отношение имел Мията к работе 731 отряда?

Ответ: Подполковник Мията, он же принц Такеда, был штаб-офицером стратегического отдела штаба Квантунской армии. Цель его посещения отряда № 731 мне не известна. Полагаю, что, будучи в отряде № 731, он выполнял специальное задание начальника Стратегического отдела.

Вопрос: Вам зачитываются показания свидетеля Фукузуми от 25.10.1949 года о том, что в сентябре 1944 года на спец[иальных] маневрах по испытанию различных бактерий, проводимых на полигоне отряда № 731, присутствовали представители штаба

Квантунской армии. С какой целью были направлены представители штаба на указанные маневры?

Ответ: Представители штаба Квантунской армии, о которых говорит в своих показаниях свидетель Фукузуми, были, вероятно, направлены в отряд № 731 начальником штаба.

Вопрос: Не свидетельствуют ли предъявленные Вам показания о том, что штаб Квантунской армии осуществлял постоянный контроль за работой отряда № 731 и № 100 в направлении подготовки бактериологической войны?

Ответ: Направление штаб-офицеров в отряды № 731 и № 100 производилось с целью личного изучения ими тех или иных методов применения бактериологического оружия и эффективности его действия. Эти же офицеры осуществляли непосредственную связь штаба Квантунской армии с отрядами № 731 и № 100 и тем самым контролировали их повседневную деятельность.

Вопрос: Уточните, когда Вам делали устные доклады о деятельности отрядов № 731 и № 100 по изысканию и производству бактериологического оружия начальник санитарной службы Кадзицука и начальник ветеринарной службы Такахаси.

Ответ: Я хорошо помню, что Такахаси и Кадзицука в последних числах июля 1944 года сделали мне доклады: Такахаси, докладывая о работе подчиненной ему ветеринарной службы, одновременно доложил и о деятельности отряда № 100 по подготовке средств бактериологической войны; начальник санитарной службы Кадзицука доложил мне о работе отряда № 731 в том же направлении, т. е. о работе по изысканию и производству бактериологического оружия.

Вопрос: Расскажите подробнее о содержании доклада Кадзицука, сделанного Вам в июле 1944 г.

Ответ: За давностью времени я не помню точного содержания доклада Кадзицука, который он мне делал в конце июля 1944 года. Но я помню, что общий смысл его доклада в части, касающейся деятельности отряда № 731, сводился к тому, что он мне доложил, что 731 отряд проводит секретную работу по изысканиям и производству бактериологического оружия.

Вопрос: Значит, докладывая Вам о состоянии секретной работы, производившейся в отряде № 731 по изысканию и производству бактериологического оружия, Кадзицука был в курсе работ, которые проводились в отряде в этом направлении.

Ответ: Безусловно, что, докладывая мне, Кадзицука был осведомлен о секретной работе, производившейся в отряде № 731 по изысканию и массовому производству бактериологического оружия, иначе и не могло быть, т. к. совершенно естественно, что, не будучи осведомленным, он не мог бы сделать мне доклад.

Вопрос: В чем конкретно заключалось руководство Кадзицука научно-исследовательской работой отряда № 731 по изысканиям и массовому производству бактериологического оружия?

Ответ: Не будучи специалистом-бактериологом, я не знаю конкретной работы Кадзицука в этом направлении. Однако мне известно, что Кадзицука, будучи в курсе всех работ, которые проводились в отряде № 731 по изготовлению и массовому производству бактериологического оружия, осуществлял соответствующее руководство научно-исследовательской работой, связанной с изысканиями и массовым производством бактериологического оружия.

Причем в этой части, в случае необходимости, он сам мог отдавать те или иные распоряжения, которые были направлены на выполнение задач, стоящих перед отря-

дом № 731 в части изысканий и массового производства бактериологического оружия. Я не могу привести какие-либо конкретные примеры, свидетельствующие о конкретных методах этого руководства, т. к. это были специальные научные вопросы, вытекающие из практической деятельности отряда по подготовке бактериологического оружия. Но совершенно бесспорно, что такое руководство со стороны Кадзицука было постоянным.

Вопрос: Каким образом Кадзицука получал информацию о проводившейся в отряде № 731 секретной работе, направленной на изыскание способов и массового производства бактериологического оружия?

Ответ: Эту информацию Кадзицука получал либо непосредственно от начальника отряда № 731 или из оперативно-стратегического отдела, в зависимости от характера того или иного вопроса, по которому представлялась эта информации.

Вопрос: Скажите, требовалось ли Ваше специальное разрешение для того, чтобы Кадзицука имел возможность получать из отряда № 731 или соответствующих отделов штаба всю необходимую для него информацию о работе отряда № 731 по изысканиям и массовому производству бактериологического оружия?

Ответ: Такого разрешения не требовалось, и Кадзицука сам по своему усмотрению мог получать всю интересующую его информацию от начальника отряда № 731 и оперативно-стратегического отдела.

Вопрос: Были ли такие случаи, когда бы Китано или Исии спрашивали у Вас разрешения ознакомить Кадзицука с секретной работой отряда № 731 по изысканиям и производству бактериологического оружия?

Ответ: Нет, такого случая никогда не было, и по существующему, установленному еще до меня порядку такого разрешения вовсе не требовалось. Этот порядок был установлен еще до меня, и я его не отменял. Выше я уже сказал, что Кадзицука по своему служебному положению мог получать всю необходимую информацию о секретной работе отряда № 731 по своему усмотрению. На посещение Кадзицука отряда № 731 никакого специального разрешения командующего не требовалось, и, если ему по делам службы нужно было посетить отряд, он мог это делать без особого затруднения.

Записано с моих слов правильно и мне, через переводчика, прочитано на понятном мне японском языке (подпись).

Допросили:
сотрудник УМВД по Хабаровскому краю
капитан Гойхман
военный прокурор
п/полковник юстиции Базенко
переводчик Цвиров

Верно: сотрудник УМВД по Хабаровскому краю (подпись)

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 48–55. Зав. копия.
Опубл. в извлечениях в сб.: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии... М., 1950. С. 96–98.

№ 21. Протокол допроса Урабэ Курадзи о его службе в общем подотделе 2-го отдела противоэпидемического отряда № 731 и общем отделении филиала № 543 отряда № 731

14 декабря 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1949 года декабря 14 дня гор. Хабаровск

Я, старший оперуполномоченный оперативного отдела лагеря № 16 МВД лейтенант Полушин, с участием через переводчика оперотдела Герцмана И. С. допросил в качестве свидетеля поручика сан. службы бывшей Квантунской армии:

Урабэ Курадзи, 1905 года рождения, уроженец Японии, префектуры Хиросима, уезд Нимокума, дер. Мизунами, из крестьян, женат, беспартийный; японец, подданный Японии, образование восемь классов, со слов ранее не судим. Содержится в лагере вриг. № 16 МВД гор. Хабаровск.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР предупрежден (подпись).

Допрос производится через переводчика оперотдела лагеря № 16 МВД Герцмана Илью Самуиловича, который за неправильный перевод по ст. 95 УК РСФСР предупрежден (подпись).

Вопрос: Скажите, сколько времени Вы работали заместителем начальника общего отделения 2-го отдела 731-го отряда?

Ответ: Заместителем начальника общего отделения 2-го отдела я был с июня 1943 года по октябрь 1944 года.

Вопрос: Скажите, что входило в Ваши обязанности как заместителя начальника общего отделения 2-го отдела?

Ответ: В мои обязанности входило: расстановка кадров 2-го отдела, ознакомление сотрудников с приказами и директивными указаниями штаба отряда, а также с приказами начальника 2-го отдела, составление распорядка дня для сотрудников 2-го отдела, обеспечение канцелярскими принадлежностями, ремонт помещения 2-го отдела.

Вопрос: Чем конкретно занимался второй отдел 731-го отряда?

Ответ: 2-й отдел 731-го отряда занимался расширенными экспериментами, основанными на достижениях 1-го отделения. Указанные эксперименты производились на опытном полигоне 731-го бактериологического отряда, который находился в районе станции Аньда.

Заготовкой и размножением бактерии в массовом масштабе занимался 4-й отдел 731-го бактериологического отряда, указанный отдел поставлял бактерии во 2-й отдел для производства экспериментов.

Вопрос: Конкретно над кем производились опыты 2 отдела 731-го бактериологического отряда?

Ответ: Работая заместителем начальника общего отделения 2-го отдела, мне было известно о том, что в начале 1944 года в районе станции Аньда 2-й отдел совместно с 1-м отделом 731-го бактериологического отряда производил опыты над живыми людьми китайской национальности путем сбрасывания с самолетов бомб, начинен-

ных блохами, зараженными эпидемическими болезнями. Указанным экспериментом руководил начальник 2-го отдела, в то время подполковник Икарии Цунэсиге, который перед капитуляцией Японии получил очередное звание полковника медицинской службы. Где он находится в данное время, я не знаю, но слышал, что в дни капитуляции Японии он совместно с руководителями 731-го бактериологического отряда скрылся в Японии. Мне также известно о том, что китайцы, над которыми производились эксперименты, являлись военнопленными солдатами 8-й Народно-революционной армии Китая.

Вопрос: Откуда Вам известно о проводимых опытах над живыми людьми в районе станции Аньда 2-м отделом 731-го бактериологического отряда?

Ответ: О проведенном эксперименте в районе станции Аньда мне рассказал начальник общего отделения майор медицинской службы Кодама Хироси. Где он находится в настоящее время, мне не известно.

Вопрос: Что Вам известно о деятельности 731-го отряда?

Ответ: 731-й отряд именовался противоэпидемическим отрядом или Управлением водоснабжения и профилактики. В действительности это был бактериологический отряд Квантунской армии, в задачу которого входило путем изыскания бактериологических средств подготавливать бактериологическую войну против Советского Союза. В 731-м бактериологическом отряде я служил до октября 1944 года, а затем по приказу штаба Квантунской армии меня перевели на должность начальника общего отдела Хайларского филиала № 543, где в указанной должности я работал до капитуляции Японии, т. е. до 21 августа 1945 года.

Вопрос: Расскажите назначение 543-го филиала 731-го бактериологического отряда.

Ответ: Назначением филиала в основном являлось выращивание животных и грызунов, как то: морских свинок, крыс, мышей, кроликов, овец и других мелких животных, а с апреля 1945 года было получено указание о выращивании и размножении блох. Из вышеуказанных животных и грызунов 543-й филиал отправлял в 731-й бактериологический отряд, насколько я помню, только крыс и мышей.

Вопрос: Каким путем производилось размножение блох в 543-м филиале?

Ответ: Размножение блох производилось при помощи крыс и мышей, на которых блохи культивировались. Для этой цели были оборудованы специальные помещения, в которых имелись железные ящики. В такие ящики сажались мыши или крысы, а также запускали блох, которые, питаясь кровью грызунов, плодились и выращивались.

Вопрос: Какое количество грызунов — крыс и мышей — было отправлено в 731-й бактериологический отряд за период Вашей службы в 543-м филиале?

Ответ: За период моей службы филиалом 543 было отправлено в 731-й отряд примерно свыше 3000 грызунов — крыс и мышей. Отправкой грызунов руководил начальник материального отделения филиала подпоручик Сэгоси Кеничи, где он находится в настоящее время, мне не известно.

Вопрос: Кто возглавлял руководство 543-м филиалом?

Ответ: Начальником 543-го филиала был майор медицинской службы Като Цунэнори, 43–44 лет[a]. Где он находится в данное время, мне не известно.

Вопрос: Что входило в круг Ваших обязанностей как начальника общего отделения 543-го филиала?

Ответ: В круг моих обязанностей как начальника общего отделения 543-го филиала входило: расстановка кадров филиала, ознакомление начальников отделений и офицерского состава с приказами и директивными указаниями штаба 731-го отряда, а так-

[a] Так в тексте.

же с приказами начальника филиала, учет личного состава, как офицеров и вольнонаемных сотрудников филиала, хранение секретных документов. Кроме этого, в мои обязанности входило составление отчетов на директивные указания и приказы штаба 731-го отряда. Ежемесячно требовал своевременную сдачу отчетов от начальников отделений филиалов для последующей отправки в штаб отряда 731.

Вопрос: Работая в 731-м отряде, а затем в 543-м филиале в должности начальника общего отделения, Вы способствовали подготовке средств для ведения бактериологической войны, направленной против Советского Союза?

Ответ: Да, действительно, я, работая заместителем начальника общего отделения 731-го бактериологического отряда, а затем начальником общего отдела филиала № 543, являлся соучастником в изыскании незаконных средств ведения бактериологической войны, направленной против СССР.

Вопрос: Кого Вы знаете из военнопленных, в прошлом сослуживцев по 731-му бактериологическому отряду или его филиалу 543 [в] гор. Хайлар?

Ответ: Из военнопленных, содержащихся в 16-м лагере, я помню нижеследующих лиц, которые являлись сотрудниками 543-го филиала 731-го бактериологического отряда:

1. Накагоси Дзюничи, сотрудник 1-го исследовательского отделения филиала.

2. Морита Тадао, сотрудник учебной части филиала.

3. Морита Тосими, работал по приему и сдаче корреспонденции в общем отделе филиала.

Фамилии остальных сотрудников в данное время не помню.

Вопрос: Что желает дополнить по существу данного Вами показания?

Ответ: Дополнить больше ничего не имею.

Протокол с моих слов записан правильно и мне зачитан в переводе на японском языке переводчиком Герцманом, в чем и расписываюсь (подпись)

ДОПРОСИЛ:
старший оперуполномоченный оперотдела лагеря № 16 МВД
лейтенант (подпись)

Перевел: переводчик (подпись)

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 295–300. Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 22. Протокол допроса рядового японской армии Хатаки Акира о его работе в должности ассистента-лаборанта в отряде № 100

10 января 1950 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

Допрос начат 10 января 1950 года в 10 часов 15 минут.

гор. Хабаровск

Я, оперуполномоченный оперативного отдела лагеря № 16 МВД младший лейтенант Филонов, допросил в качестве свидетеля военнопленного рядового бывшей японской армии Хатаки Акира, 1924 года рождения, уроженец Японии, префектуры Исикава, уезд Исикава, дер. Асаки, из крестьян, японец, подданный Японии, образование среднее медицинское, холост, со слов ранее не судим. Содержится в лагере военнопленных № 16 МВД г. Хабаровск.

За дачу ложных показаний свидетель Хатаки предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Допрос производится через переводчика японского языка Герцмана, который об ответственности за неправильный перевод по ст. 95 УК РСФСР предупрежден.

Вопрос: Расскажите о своей трудовой деятельности.

Ответ: С августа 1940 года по февраль 1943 года я учился в городе Мацуто, Япония, на ветеринарном отделении сельскохозяйственной школы, после окончания которой по собственному желанию выехал в Маньчжурию и по вольному найму поступил работать в качестве ассистента лаборанта в отряд № 100 Квантунской армии, дислоцировавшийся в городе Чаньчунь, где находился до мая 1945 года. В мае 1945 года я был призван в японскую армию и зачислен в качестве рядового в 752-й пехотный полк в гор. Косюрей, а в июле того же года был направлен на позицию в село Дайкоко провинции Канко, где 20 августа 1945 года и был пленен частями Советской Армии.

Вопрос: Охарактеризуйте, что из себя представлял отряд № 100?

Ответ: Отряд № 100 Квантунской армии назывался «противоэпидемическим». Фактически же он являлся японским бактериологическим отрядом, так как там размножались и культивировались бактерии сапа, сибирской язвы, чумы, т. е. возбудителей эпидемических болезней. В отряде № 100 исследования действия бактерий производились путем экспериментальных опытов над домашними животными и живыми людьми, для чего в отряде имелись лошади, коровы, грызуны и другие животные, а также в изоляторе содержались и живые люди, о чем мне известно, из того что я видел сам лично. Отряд № 100 готовил бактериологическое оружие для ведения войны против Советского Союза и других государств. «Противоэпидемический» отряд № 100 возглавлялся полковником ветеринарной службы Вакамацу Юдзиро.

Вопрос: Ваша практическая деятельность в отряде № 100?

Ответ: После оформления меня на работу в отряд № 100 в течении одного месяца я проходил курсы по ознакомлению с эпидемическими болезнями животных и с бактериологией при 3-м отделе, после чего был переведен во 2-й отдел этого отряда на должность ассистента лаборанта и занимался размножением и культивированием бактерий сапа и сибирской язвы, исследованием силы действия этих бактерий на организм животных путем лабораторного анализа внутренних частей животных (трупов), болевших сапом и сибирской язвой, также приготовлял бактерии в сухом виде. Кроме того, я лично делал уколы животным, как то: белым мышам, морским свинкам, зайцам с бактериями сибирской язвы и сапа. После их смерти вскрывал их трупы и исследовал действия уколов с бактериями на организм подопытных животных. Наряду с этим,

примерно в сентябре 1944 года с группой сотрудников 20-го отдела во главе с майором Ямагучи я выезжал на ст. Аньда, где производились эксперименты над животными с использованием для этих целей самолета. О том, что это были именно эксперименты, я знаю с личных слов Ямагучи, который перед отъездом на ст. Аньда сказал, что отправляется на производство опытов над животными на местности. Находясь в этой экспедиции приблизительно 20 дней, я занимался составлением метеорологической сводки. Примерно через неделю после нашего прибытия на ст. Аньда прилетел самолет, который рассыпал какую-то желтоватую (жидкость) порошкообразную массу, что за состав, я не знаю, над опытным полем и улетел. В это время на опытном поле находилось около 20 коров. Скот, находившийся на этом поле, насколько мне известно, на другой день пал. Я на самом опытном поле не был, а находился от этого опытного поля в отдаленности, в помещении. Помимо этого, в бытность моей работы в отряде № 100 мне приходилось присутствовать, когда «научные» работники отделения совершали эксперименты над двумя русскими и двумя китайцами, фамилии их мне неизвестны, которые содержались в изоляторе под охраной жандармов. Кроме того, с целью дальнейшего опыта этим измученным от опытов людям я, Хатаки, приносил пищу, в которую в присутствии меня научный сотрудник ветеринарный техник Мацуи влил яд в виде белой жидкости. Через два дня эти люди умерли в страшных мучениях. А также мне приходилось закапывать труп расстрелянного, последний являлся подопытным русским, фамилию не знаю. Он был расстрелян жандармом Мизуко в присутствии меня, после того как этот русский был доведен экспериментами до изнеможения.

Вопрос: Каким образом Вы производили изготовление бактерий в сухом виде и каких?

Ответ: Мною изготовлялись не бактерии в сухом виде, как выше я показал, а изготовлялась питательная среда для культивирования бактерий сапа и сибирской язвы, которая состояла из пептона, сыворотки, соли, глицерина, крови. Вся эта смесь застывала и образовывала густую массу.

Вопрос: Брались ли какие-либо подписки с вновь поступивших в отряд № 100 и увольняющих из этого отряда?

Ответ: Насколько мне известно, когда я поступал на работу в отряд № 100, то с меня никакой подписки не отбиралось, а предупреждали меня в устном порядке о строгом хранении тайны отряда, о его целях и задачах, все, что я видел своими глазами.

Вопрос: Назовите фамилии сослуживцев по отряду № 100, содержащихся в плену Советского Союза.

Ответ: Из сослуживцев по отряду № 100 подробно о моей работе в отряде может показать вольнонаемный сотрудник, лаборант отряда № 100 Митому Кацуо, который осужден в Советском Союзе в декабре 1949 года. Других сотрудников, знающих о моей работе в отряде, в плену [в] Советском Союзе не имеется.

Вопрос: Что желаете дополнить по существу дела?

Ответ: Желаю дополнить в том, что в данном протоколе допроса мною указано, что я окончил месячные курсы при 3-м отделе, это неверно, фактически курсы были созданы при специальной учебной части, где готовились кадры для сотого отряда и его филиалов.

Протокол мне зачитан на понятном японском языке через переводчика Герцмана, записано с моих слов верно.

Допрос окончен 10 января 1950 года в 17 часов 10 минут.

ДОПРОСИЛ:
оперуполномоченный оперотдела лагеря № 16 МВД
младший лейтенант Филонов

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 81–87.
Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 23. Протокол допроса Ямамото Сеоэй (Танака Массами) о его службе в должности военного врача в противоэпидемическом отряде № 731

19 мая 1950 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

19 мая 1950 года гор. Хабаровск

Я, следователь оперотдела лагеря № 16 МВД мл. л-т Тувышев, допросил военнопленного

Ямомото Сеоэй, 1922 года рождения, уроженец Японии, г. Канадзава, японец, японский [подданный], образование высшее медицинское, из семьи крупного банкира, беспартийный, не судим, холост.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР предупрежден (подпись).

Допрос производится на русском языке через переводчика японского языка Позднякова А. С., который об ответственности за заведомо ложный перевод по ст. 95 УК РСФСР предупрежден (подпись).

Вопрос: Расскажите о своей службе в японской армии.

Ответ: В японскую армию я был призван в марте месяце 1943 года и направлен в Маньчжурию в город Пейан, где был назначен врачом терапии в 99-й военный госпиталь. 18 мая 1945 года был направлен в 731-й бактериологический отряд. В 731-ом отряде я работал по день капитуляции Японии.

Вопрос: Расскажите о Вашей работе в 731-ом отряде.

Ответ: В 731-ом отряде я работал в лаборатории по исследованию бактерий паратифа «В» и туберкулеза. Работал я в экспериментальном кабинете № 26, который располагался под землей. При этом кабинете был небольшой склад необходимых материалов и медикаментов и аппаратуры. Так, лично в моем распоряжении было 2 микроскопа, центрифуга, автоклав и стеклянные пробирки. Передо мною и капитаном Симидзу была поставлена задача начальником 731-го отряда генерал-лейтенантом Исии Сиро, как мне сказал об этом Симидзу, исследованием установить способы продолжительного сохранения вирулентности туберкулезных бактерий и бактерий паратифа «В», а также установить способы усиления вирулентности указанных бактерий и способы получения высоковирулентных бактерий.

Для получения бактерий паратифа «В» с хорошей вирулентностью я изменял концентрацию водородных ионов от 7,0–7,5 до 6,5–8,5. Размножал их в желатиновой культуре и запаивал стеклянную пробирку, в которой они хорошо сохранялись в течение 6 месяцев. Если их через шесть месяцев пустить в какой-либо водоем, то они сохраняют свою вирулентность в течение 2 лет.

Вопрос: С какой целью Вы изыскивали способы продолжительного сохранения устойчивости бактерий туберкулеза и паратифа «В»?

Ответ: Все исследования с бактериями туберкулеза и паратифа «В», которые я производил лично с участием Симидзу, проводились в целях применения их как оружия в войне против Советского Союза.

Вопрос: Будучи в 731-ом отряде, приходилось ли Вам проводить эксперименты на живых людях с целью испытания действий изысканных Вами бактерий туберкулеза и паратифа «В»?

Ответ: Я на живых людях эксперименты по испытанию бактерий туберкулеза и паратифа «В» не производил.

Вопрос: Чем Вы занимались, будучи в 99-ом военном госпитале?

Ответ: Я в 99-ом военном госпитале работал врачом-терапевтом.

Вопрос: Занимались ли Вы в 99-ом госпитале исследовательской работой бактерий паратифа и туберкулеза?

Ответ: Нет, не занимался. Я, как показал выше, работал врачом, впервые я в 731-ом отряде занимался изысканиями высокой вирулентности бактерий паратифа «В» и туберкулеза.

Вопрос: Что Вы мне желаете дополнить к своим показаниям?

Ответ: Больше дополнить к своим показаниям ничего не имею.

Протокол записан с моих слов верно и мне переведен на японский язык (подпись).

ДОПРОСИЛ:
следователь оперотдела лагеря № 16
мл. л-т (подпись)

Перевел: переводчик оперотдела (подпись)

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 260–262.
Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

3.1.2. МАНЬЧЖУРИЯ – ЦЕНТР РАЗРАБОТКИ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ[1]

№ 24. Протокол допроса генерал-полковника японской армии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямада Отозоо о деятельности противоэпидемического отряда № 731

27 февраля 1947 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
военнопленного генерал-полковника японской армии
бывшего главнокомандующего Квантунской армией
Ямада Отозоо

27 февраля 1947 года
гор. Хабаровск

Вопрос: Отряд № 731 генерала Исии был подчинен Вам как главнокомандующему Квантунской армией?

Ответ: Да. Отряд № 731 во главе с генералом Исии подчинялся мне непосредственно. Этот отряд занимался профилактическим снабжением водой Квантунской армии, и практическое руководство его деятельностью в этом направлении было возложено мною на генерала Кадзицука, моего заместителя по санитарной части.

Вопрос: Следовательно, указания по деятельности этого отряда из Токио поступали лично Вам?

Ответ: Я командовал Квантунской армией год и не помню случая, чтобы из Токио поступали какие-либо указания в отношении отряда № 731. Возможно, что генерал Исии эти указания получал из Токио непосредственно, так как он, как профессор, числился в Военно-медицинской академии и был связан с Военно-медицинским управлением Военного министерства Японии.

Вопрос: Генерал Исии Вам лично докладывал о деятельности отряда № 731?

Ответ: Да, докладывал. Но содержание этих докладов я сейчас не помню. Помню, что был прислан письменный отчет о работе отряда, но я за неимением времени его не читал.

Вопрос: Кто же читал этот доклад?

Ответ: Этого я тоже не помню. Помню, что я передал этот доклад одному офицеру штаба и поручил ему доложить мне свои замечания, но как фамилия этого офицера, я решительно не помню, так как память меня иногда подводит.

Вопрос: Что, у Вас вообще плохая память?

Ответ: Да, я уже неоднократно убеждался в том, что память у меня неудовлетворительная.

Вопрос: Может быть, Вы вспомните, о чем генерал Исии Вам докладывал последний раз?

Ответ: Это я помню. Последний раз 17 или 18 августа 1945 года генерал Исии мне докладывал о выполнении моего приказа об эвакуации отряда № 731 из г. Харбина.

Вопрос: Вы даже помните, что это было 17 или 18 августа 1945 года.

Ответ: Об этом у меня записано в моей личной записной книжке.

Вопрос: Где именно генерал Исии Вам об этом докладывал?

Ответ: В городе Чанчуне.

Вопрос: Генерал Исии Вам доложил об эвакуации отряда № 731, а где он находится сам?

Ответ: Не знаю. Во всяком случае, он был обязан согласно приказу эвакуировать отряд № 731 и убыть с ним вместе.

Вопрос: Какой пункт эвакуации Вами был указан отряду № 731?

Ответ: Точно не помню, кажется, г. Хейдзио в Северной Корее с последующей эвакуацией в зависимости от обстановки вглубь Кореи.

Вопрос: Когда Вы дали приказ об эвакуации отряда № 731?

Ответ: Не помню.

Вопрос: До приказа императора о капитуляции или после?

Ответ: Не помню.

Вопрос: Ваш приказ об эвакуации относился ко всем частям Квантунской армии?

Ответ: Нет, этот приказ об эвакуации относился только к тем частям, которые нельзя было использовать в военных действиях против Красной Армии.

Вопрос: Какие военные действия против Красной Армии Вы имеете в виду, когда 15 августа был приказ о капитуляции, а отряд эвакуировался 17–18 августа?

Ответ: Значит, приказ об эвакуации был мною дан до капитуляции, а 17–18 августа генерал Исии докладывал мне об исполнении этого приказа, следовательно, отряд мог быть эвакуирован несколькими днями раньше.

Вопрос: Вы допускаете возможность докладывать Вам об исполнении Ваших приказов несколькими днями спустя?

Ответ: Тогда была такая неразбериха в обстановке, что я все допускаю.

Вопрос: Прошу Вас ответить, какие части подлежали эвакуации согласно Вашему приказу?

Ответ: Я сейчас не помню. Помню, что в это число входил отряд № 731.

Вопрос: Почему Вам особенно запомнился отряд № 731?

Ответ: Я вспомнил о нем, потому что Вы об этом отряде меня спрашиваете.

Вопрос: Прошу Вас сформулировать задачи и значение отряда № 731.

Ответ: Насколько я знаю, отряд № 731 имел следующее назначение: 1) противоэпидемическая работа среди армии и населения; 2) снабжение водой; 3) в военное время отряд должен был формировать противоэпидемические отряды.

Вопрос: Что еще?

Ответ: Помимо этого, исследовательская работа, имеющая отношение к противоэпидемической работе. Последнее время работа отряда сократилась ввиду нехватки кадров.

Вопрос: Вы делаете оговорку — «насколько я знаю». Как следует понять такую оговорку?

Ответ: Я командовал Квантунской армией один год и не имел возможности подробно вникнуть в деятельность этого отряда.

Вопрос: Из того, что Вы сказали, следует, что отряд № 731 выполнял функции, непосредственно связанные с военными действиями, [такие] как снабжение водой и профилактика. Какая же в таком случае была необходимость в момент военных действий эвакуировать отряд № 731?

Ответ: С начала военных действий отряд № 731 выделил противоэпидемические отряды. Но так как отряд № 731 имел ценное оборудование и вел научную работу, то его следовало эвакуировать.

Вопрос: Что, эта научная работа была очень секретной?

Ответ: Этого я сказать не могу, так как не знаю. Но отряд имел ценное оборудование, которое следовало эвакуировать.

Вопрос: Именно потому, что это оборудование было ценным?

Ответ: Да.

Вопрос: Что Вы имеете в виду — ценным по материальным затратам или по секретности?

Ответ: Я думаю, то и другое.

Вопрос: Вначале Вы сказали, что отряд № 731 был подчинен лично Вам.

Ответ: Да, это так и было.

Вопрос: В таком случае неясно, почему Вы не знаете степень важности отряда № 731.

Ответ: Я мало вникал в работу этого отряда.

Вопрос: Почему?

Ответ: Я был занят другими вопросами.

Вопрос: Но если Вы были так заняты, почему этот отряд подчинили лично себе? Надо полагать, что Вы подчиняли себе наиболее важные объекты.

Ответ: По роду своей работы отряд относился к общевоинскому разряду, т. е. был один в Квантунской армии, и его нельзя было никому подчинить.

Вопрос: По роду названной Вами работы — противоэпидемической — это прямо относится к Санитарному управлению.

Ответ: Поэтому я поручил общее руководство начальнику санитарной службы армии генералу Кадзицука.

Вопрос: Но непосредственное подчинение отряда оставили за собой?

Ответ: Так было заведено до меня, и я не изменял порядка.

Вопрос: Вы не замечаете, генерал, что Вы противоречите себе?

Ответ: Возможно, но добавить ничего к этому не могу.

Вопрос: Скажите, кто автор приказа об эвакуации отряда в Корею?

Ответ: Не помню, один из офицеров штаба, подчиненных генералу Мацумура, так как за работой отряда наблюдала 1-я секция штаба.

Вопрос: Начальник штаба Квантунской армии знал об этом приказе?

Ответ: Да, знал.

Вопрос: И генерал Исии докладывал Вам 17–18 августа об исполнении этого приказа?

Ответ: Да.

Вопрос: А генерал Исии Вам доложил, что было сделано с постройками и помещениями отряда № 731?

Ответ: Согласно моему приказу все постройки и помещения, которые занимал отряд № 731, были разрушены или, вернее, взорваны.

Вопрос: Какими силами отряд произвел разрушение своих помещений?

Ответ: Точно не помню, кажется, в этом помогали саперные части.

Вопрос: Скажите, когда Вы приняли командирование Квантунской армией, генерал Исии докладывал Вам о работе отряда № 731?

Ответ: Да. Во время моей поездки из Чанчуня в Харбин я знакомился со всеми частями, расположенными в Харбине, и в том числе с отрядом № 731.

Вопрос: Когда это было?

Ответ: Это было в конце августа или начале сентября 1944 г.

Вопрос: Кто Вас сопровождал во время поездки в Харбин?

Ответ: Во время моей поездки в Харбин меня сопровождал мой адъютант подполковник Чкара и офицер штаба подполковник Хаара. Во время же поездки в отряд № 731 я ездил без адъютанта, который оставался в Харбине для устройства квартиры.

Вопрос: Где именно был расположен отряд № 731?

Ответ: Помнится, что я ехал туда на машине около 30 минут.

Вопрос: Название пункта, где был расположен отряд, Вы помните?

Ответ: Мне кажется, что отряд был расположен на станции Пинфан.

Вопрос: Вам известно, что отряд № 731 был расположен в 2 пунктах, первый — в Харбине и второй — на станции Пинфан?

Ответ: Да, об этом мне генерал Исии докладывал. Он тогда мне говорил, что ему удобнее по работе, что отряд рассредоточен в двух местах.

Вопрос: Во время посещения Вами отряда генерал Исии Вам докладывал о работе и назначении отряда № 731?

Ответ: Да, докладывал.

Вопрос: Что именно он Вам докладывал?

Ответ: Генерал Исии, как я уже сказал, доложил мне о противоэпидемическом назначении отряда и связанной с этим научно-исследовательской работой.

Вопрос: Сколько времени Вы были в расположении отряда № 731?

Ответ: Я думаю, не более 30 минут. День клонился к вечеру, и я спешил вернуться в Харбин.

Вопрос: Вы осмотрели все отделы отряда?

Ответ: Нет, я прошел по основному корпусу, где был штаб, и остановился около работ по производству фильтров, больше я ничего смотреть не стал.

Вопрос: Научно-исследовательские отделы отряда Вы видели?

Ответ: Нет, не видел.

Вопрос: Разве Вас не интересовал уровень научно-исследовательской работы отряда?

Ответ: Я очень спешил и не мог больше задерживаться.

Вопрос: Осмотр канцелярии отряда Вас удовлетворил?

Ответ: Я уже сказал, что я очень спешил.

Вопрос: Вас предупреждали, что посещение лабораторий небезопасно для жизни?

Ответ: Нет, этого я не помню.

Вопрос: Доклады о работе отряда № 731 в Генштаб Вы подписывали?

Ответ: Нет.

Вопрос: А генерал Исии непосредственно писал о своей работе в отряде в Токио?

Ответ: Этого я не знаю, хотя и допускаю такой случай.

Вопрос: Вы допускаете случай, что через Вашу голову Ваши подчиненные обращались в центр?

Ответ: Для упрощения мои офицеры непрерывно вступали в связь, минуя меня, когда не требовалось моего единоличного решения.

Вопрос: Если правильно Вас понять, Генеральный штаб не имел от Вас сведений о работе отряда?

Ответ: Я уже сказал, что связь была.

Вопрос: Скажите, знали или не знали в Генеральном штабе о работе отряда № 731?

Ответ: Знали, но только не от меня.

Вопрос: Но кто же докладывал о работе отряда в Генштаб?

Ответ: Я знаю, что работой отряда больше интересовалось Военное министерство Японии, которое больше имело отношения к работе отряда.

Вопрос: Кто же докладывал Военному министерству?

Ответ: Этого я не знаю. Начальник штаба генерал Хата и его заместитель генерал Мацумура два раза выезжали в Токио, возможно, что они докладывали об этом.

Вопрос: Вам докладывал генерал Хата о намерениях японского Генштаба на случай применения бактериологических средств?

Ответ: Нет, не докладывал.

Вопрос: И в этом вопросе Вы были в полном неведении?

Ответ: Да.

Протокол с моих слов записан правильно
полный генерал Ямада Отодзоо

Допросил:
капитан Петерс
переводчик Неверов

Копия верна: сотрудник УМВД по ХК
капитан (подпись) Долгих

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 82–88.
Зав. копия. Публикуется впервые.

№ 25. Протокол допроса Ямамото Сеоэй о его службе в должности военного врача в противоэпидемическом отряде № 731

10 февраля 1948 г.

Показания обвиняемого (свидетеля) ЯМАМОТО Сеоэй
от 10 февраля 1948 года

Об ответственности за дачу ложных показаний предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Вопрос: Назовите правильно свою фамилию и имя.

Ответ: Фамилия, под которой я проживаю в 5-м лагерном отделении и проживал в 33-м лагере в городе Черногорске, Ямамото, является моей родной фамилией. Имя, под которым я проживаю, — Сеоэй, является неправильным. *Мое правильное имя Сиро. Именем Сеоэй я назвал себя в момент моего пленения в 1945 году 20 августа в городе Харбине, где я был пленен и направлен в гор. Сийоро*[a].

[a] Здесь и далее в документе текст, отмеченный *...*, подчеркнут карандашом.

Вопрос: Что Вас заставило сменить имя, не заменив фамилии?

Ответ: Фамилию я не заменял потому, что меня очень многие знали из солдат и могли в плену назвать при русских по фамилии, а имя если знали солдаты, то очень немногие, причем моя фамилия — Ямамото — в Японии очень распространенная, и поэтому на случай розыска меня только по фамилии с измененным именем очень трудно разыскать.

Вопрос: Расскажите, в каком полку Вы служили и в качестве кого?

Ответ: *Я служил в 99-ом военном госпитале* в городе Пека вблизи города Харбин в течение 15 дней после окончания трехмесячных курсов военных врачей в гор. Чаньчунь, куда я был направлен немедленно после призыва меня в армию в феврале месяце 1945 года. Медицинский институт я окончил до призыва меня на военную службу в гор. Токио в 1944 году. Из 99-го госпиталя я был переведен в 731-й особый батальон, который находился в 25–28 километрах от города Харбин в местечке Хейбо, где работал в должности врача.

Вопрос: Расскажите, почему 731-й батальон назывался отдельным батальоном?

Ответ: 731-й батальон назывался отдельным потому, что в нем велась научная работа с бактериями.

Вопрос: Какие бактерии разрабатывались в 731-м отряде и для чего?

Ответ: Мне как начинающему работать было поручено лабораторное наблюдение за двумя микробами: паратиф Б и Коха, в этом же 731-м батальоне разрабатывались микробы дизентерии и другие бактерии. Особенно опасные из них бактерии *песто и холера*. Эти бактерии в 731-м батальоне разрабатывались и размножались, так как 731-й батальон был питомником микробов. Целью размножения микробов являлась подготовка Квантунской армии к бактериологической войне, для этой цели в основном размножалось в 731-м батальоне две бактерии — песто и холера.

Вопрос: Расскажите подробно о своей деятельности в 731-м батальоне.

Ответ: Я, как сказал выше, работал в 731-м батальоне очень мало времени, поэтому особых поручений мне не давалось, кроме того, что вел наблюдение за двумя микробами — Коха и паратиф Б, что не являлось особо важным для цели войны, а следовательно? и для батальона. В батальоне были особые микробы холера и песто. Кто работал над этими микробами, я не знаю. Мне известно лишь об этом одно, что микробы холеры и песто размножать лабораторным путем очень трудно, для этого Квантунской армией собирались тяжелобольные по Маньчжурии и доставлялись в 731-й батальон для излечения, а в 731-м батальоне из больных брались микробы, тщательно изучались, а когда излечивался больной, его оставляли в батальоне, при надобности излечившемуся в 731-м батальоне вводились путем уколов микробы холеры или песто, и, когда больной заболевал уже этими болезнями, из его крови извлекались микробы холеры или песто — в зависимости [от того], что ему было привито, причем врачи принимали все меры к тому, чтобы человека излечить от привитой ему болезни. Отдельные из больных не выносили болезни и умирали. Всю работу по прививкам микробов проводил военный врач капитан Танове Синьго. В числе больных в основном доставлялись китайцы, часть была русских и часть корейцев. Фамилий, имен больных, доставленных в госпиталь батальона, я не знаю и не знал ни одного: ни из русских, ни из корейцев, ни из китайцев.

Вопрос: Доставлялись ли в 731-й батальон арестованные?

Ответ: Об этом я сказать ничего не могу, так как мне самому видеть арестованных, доставленных в 731-й батальон, не приходилось, а спрашивать других о чем-либо касающемся батальона воспрещалось, да и если бы кого и спросил, то на вопрос никто бы не ответил, так как это было секретно.

Вопрос: 1 декабря 1947 года Вы в своем показании на допросе сказали, что хорошо знаете генерала Араки Садоо, что Вы впоследствии учились на его средства в медицинском институте гор. Токио. Уточните момент Вашего знакомства с генералом Араки.

Ответ: Я 1 декабря 1947 года на допросе рассказал, что с генералом Араки познакомился на улице. В момент, когда я сидел и читал книгу, генерал Араки подошел ко мне и спросил: «Какую я читаю книгу?» Я дал ему ответ, после чего с ним у меня завязался разговор, и генерал Араки предложил мне заходить к нему на квартиру. В то время генерал Араки был в отставке и проживал в том же квартале, где проживал я. Ему был построен дом правительством как военному поселенцу в отставке. Генерал Араки, находясь в отставке, служил своему правительству — возглавлял разведку. Лично об этом он мне не говорил, но, посещая его дом, я встречал у него разный народ, с которым Араки вел секретные разговоры. Я вначале, посещая дом Араки, не придавал значения посещению его квартиры народом и его секретным разговорам. В 1942 году Араки взял меня под свою опеку, стал платить институту за мое обучение 1000 рублей в год и давать мне лично средства на расходы. Через год после того, как Араки принял меня на свое обеспечение, я был в квартире у Араки, к нему в квартиру в вечернее время пришли три японца. Все мы сидели за столом вместе с генералом, тогда генерал обратился к сидящим трем японцам со словами: «Это мой хороший знакомый мальчик, запомните его», а мне сказал: «Запомни их». Все трое и генерал Араки рассмеялись, а потом генерал Араки при них же сказал, указывая пальцем на каждого по очереди: «Это — 211-й, это — 212-й, это — 213-й — секретные номера». В 1945 году в феврале месяце я получил повестку о призыве меня в армию, с которой пришел к Араки, тогда мне Араки сказал, что Вы будете служить в Маньчжурии. По мобилизации я выехал в Маньчжурию в город Харбин, где был зачислен на трехмесячную подготовку военных врачей как окончивший медицинский институт. После прохождения трехмесячного обучения в городе Харбине я был направлен в 99-й госпиталь для прохождения службы со званием младшего лейтенанта. В 99-м госпитале города Пека я прослужил всего 15 дней и был откомандирован на срок 6 месяцев в 731-й батальон в город Харбин — местечко Хейба в 25 километрах от Харбина. Из Маньчжурии я писал письма генералу Араки, и он писал письма мне в Маньчжурию. В одном из писем Араки мне написал, что во всем мне окажет помощь Сато Юкио. Я не представлял, что это за личность. И когда ко мне на квартиру прибыл в город Харбин Сато Юкио, я узнал в нем того японца, которого полтора года тому назад я видел в квартире генерала Араки, которого Араки называл мне 211-м номером. После посещения меня 211-м номером вскоре мою квартиру посетили номера 212-й и 213-й. Второй раз 211-й номер Сато Юкио посетил мою квартиру через несколько дней, просив меня сходить с ним в кино. В следующее его посещение меня в гор. Харбине 211-й номер пригласил меня в ресторан Фантайде. В ресторане он мне показал китайца и сказал, что это мои работники. В следующее посещение меня 211-м номером я был также приглашен в тот [же] ресторан, и также 211-й показал мне вновь в этом ресторане китайцев, называя их своими работниками. Всего мне было показано 211-м номером шесть человек китайцев. На мой вопрос 211-му номеру, где вы работаете, 211-й номер мне сказал, что он работает в компании...[b], но я в этой компании его не видел. Я заключил, что эти три секретных номера были разведчикам, что это — разведчики, прямо мне не было сказано ни генералом Араки, ни самими секретными номерами, которые посещали меня в Маньчжурии в гор. Харбине. Мне ни генералом Араки, ни секретными номе-

[b] Отточие документа.

рами никаких заданий не давалось. Генерал Араки меня предупреждал только, чтобы я хорошо учился в бактериологическом батальоне. Он говорил мне, что бактериологическая война неизбежна.

Вопрос: Расскажите о своей работе по разведке, какие Вам были даны задания генералом Араки?

Ответ: Я лично разведкой не занимался, но, как близкий к нему, я только знал, что генерал Араки занимается разведкой на пользу японского правительства. 211, 212, 213-й номера я знал как разведчиков, но ни генерал Араки, ни эти три его разведчика не давали мне никаких заданий. Мне хорошо известно, что я генералом Араки готовился быть разведчиком, но это было дело будущего, а не в дни, когда я уходил на службу в армию. Генерал Араки не мог предполагать в то время, что будет война с Советским Союзом и Япония окажется в войне побежденной.

Вопрос: Расскажите, что Вам известно о производстве опытов на живых людях бактериями?

Ответ: Мне известно, что в 731-й батальон доставлялись больные со всей Маньчжурии. В основном доставлялись китайцы, часть была русских и корейцев. На этих больных и делались эксперименты, а также посредством прививок им бактерий холеры и песто размножали эти бактерии, как я сказал раньше. Экспериментами занимался врач стационара капитан Танове Синьго. 731-й батальон являлся секретным, как я уже рассказал. Каждое строение или здание имело свое назначение, и каждое здание было обнесено изгородью. Отдельные здания были отгорожены колючей проволокой, соединенной с электротоком. Несколько зданий были обнесены кирпичной высокой стеной. Кроме наружных часовых, были внутренние часовые на территории 731-го батальона. Вход в каждую секцию батальона был только строго по пропускам. Я в 731-м батальоне работал всего 3 месяца, поэтому много знать не мог. С 9 августа 1945 года — дня объявления войны — 731-й батальон приступил к подготовке линии обороны. С этого дня доставка больных в 731-й батальон прекратилась. 15 августа 1945 года я был откомандирован в город Харбин для оказания медицинской помощи прибывающим в Харбин японцам.

22 августа 1945 года я был взят в плен и направлен в лагерь для военнопленных в город Суйхуа. На вокзале в городе Харбине со мной работали четыре санитара 731-го батальона: Экомато Эйзо, Тани Иосио, Сакай Тецуо и Камахта Фусади. Все эти санитары были взяты в плен вместе со мной и доставлены в Сибирь, [где] находились в 33-м лагере для военнопленных, откуда выбыли на родину.

Вопрос: Назовите фамилию командира 731-го батальона и его помощника.

Ответ: Командиром 731-го батальона был полковник Исии Сиро, повторяю — Исии Сиро, его помощником являлся майор Ида Киоси. Исии Сиро, Ида Киоси по ученой степени были докторами.

Вопрос: Расскажите о круге своих знакомых по 731-му батальону и чем из них каждый в отдельности занимался.

Ответ: Мои знакомые по службе в 731-м батальоне — капитан Симизу Реоске, старший врач-бактериолог, под руководством которого я работал. Кроме Симизу, я знал ст. лейтенанта Сатои, капитана Тагучи, а также знал капитана Мурама, но чем они занимались в 731-м батальоне, я не знаю. Из санитаров я знал по 731-му батальону только перечисленных выше 4 санитаров, с которыми я попал в плен и находился в 33-м лагере.

Вопрос: На допросе 1 декабря 1947 года Вы показали, что Вы занимались разведкой, почему сейчас Вы отрицаете причастие свое к разведке?

Ответ: Я тогда не понимал, о какой разведке идет речь. Считал, что моя работа над микробами есть разведка. О китайцах, которые мне были показаны 211-м номером, я рассказал только потому, что они были связаны с ним, и я знал о них с его слов. 211-й номер был «тантей» по-японски, а по-русски — разведчик. 212, 213-й — это были молодые разведчики. Ранее на допросе я говорил, что я их не знаю фамилий, в действительности я знаю их фамилии и называю. 211-й был Сато Юкио, 212-й — Юма и 213-й — Окито, имен 212-го и 213-го я не знал.

Вопрос: Кого Вы знаете в лагере № 34 из военнопленных, служивших в 731-м батальоне?

Ответ: Я содержусь в 5-м лагерном отделении, в котором знакомых мне по 731-му батальону никого из военнопленных нет. В других лагерных отделениях я не был, поэтому сказать, есть кто-либо из 731-го батальона в лагере № 34 УМВД, я не могу. По 731-му батальону знакомых у меня, которых я знал по фамилиям, было очень мало, я их перечислил в лицо, я знал очень много врачей и санитаров 731-го батальона, но в лагерном отделении № 5 я никого не встречал.

Вопрос: Была ли тюрьма при 731-м батальоне?

Ответ: Я знаю, что на территории 731-го батальона было здание, обнесенное высокой кирпичной стеной, охраняемое часовыми, в котором содержались под стражей арестованные, но являлось это здание тюрьмой или гауптвахтой, я точно не знаю. Кто в этом здании содержался, я сказать не могу, потому что я к этому зданию никакого отношения не имел.

Вопрос: Чем можете дополнить свои показания?

Ответ: Дополнить своих показаний ничем не могу.

Протокол мне прочитан и записан с моих слов правильно (подпись).

ДОПРОСИЛ:
ст. следователь опер. отдела управления
лагеря 34 УМВД по ХК
мл. лейтенант (подпись) Дворецкий

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 219–225.
Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 26. Собственноручные показания Ямасита Киёси о его службе в должности санитара в филиале № 162 противоэпидемического отряда № 731

6 августа 1949 г.

Перевод с японского

Собственноручные показания ЯМАСИТА Киёси

Я поступил в в/часть № 162 в гор. Линькоу в апреле 1944 года. В течение шести месяцев я обучался бактериологии, гигиене и медицине. По окончании учебы я работал в 1-м отделе в качестве ассистента капитана Хосоя и изучал бактерии. Кроме того, я работал в фотографическом кабинете и научился фотографировать. Вся учеба и опыты проводились для нападения на Советский Союз. Штаб 731-го отряда имел своей целью ведение бактериологической войны против Советского Союза. В мирное время проводились занятия по гигиене, бактериологии и медицине и готовились новые кадры. В штабе 731-го отряда было даже около 30 самолетов.

В фотографическом кабинете работали двое — я и ефрейтор Уда, причем последний был ответственным за работу.

Начальником 1-го отдела был капитан Хосоя, а ответственным — ст. унтер-офицер Суга. В 1-м отделе, кроме того, [имелось] около 20 человек солдат, которые были ассистентами у ответственных работников.

Во 2-м отделе имелось две автомашины, оборудованные фильтрами.

Я в течение 6 месяцев обучался следующим дисциплинам.

1. Гигиена и медицина, а также обращение с носилками. В области гигиены (санитарии) обучался оказанию первой помощи, как бинтовать раны. В области медицины изучал строение человеческого тела и как носить больных на носилках.

2. В области бактериологии изучал методы культивирования, как сохранить бактерии. Эти бактерии должны сбрасываться с самолетов или людьми в водоемы или на укрепления и т. д.

3. Инфекционные заболевания. Выезжают машины с фильтрами и проводят профилактические мероприятия.

Перевел: переводчик (подпись) Ким

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 6–7.
Рукоп. текст. Пер. с яп. яз. Публикуется впервые.

№ 27. Протокол допроса генерал-полковника японской армии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямада Отозоо о деятельности противоэпидемического отряда № 731

10 марта 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
военнопленного Ямада Отозоо,
1881 года рождения,
бывшего главнокомандующего Квантунской армией,
полного генерала

10 марта 1949 года
гор. Хабаровск

Статья 95 УК РСФСР мне разъяснена (подпись)

Зам. начальника оперативного
отдела УПВИ УМВД ХК
ст. лейтенант Браве

Вопрос: Сколько раз Вы встречались с генералом Исии и другими сотрудниками 731-го отряда за время Вашей службы на посту главнокомандующего Квантунской армией?

Ответ: С генералом-лейтенантом Исии я встречался всего три раза, включая первую встречу с ним во время посещения 731-го отряда, о которой я показал на предыдущем допросе. С другими сотрудниками 731-го отряда я, кажется, не встречался, но точно этого не помню.

Вторично с генералом Исии я встретился в июле 1945 года в городе Харбине, куда я выезжал для участия в выпуске курсантов одного из воинских учебных отрядов и где в честь моего приезда был организован банкет. На этом банкете был и генерал

Исии, с которым я разговаривал в общей беседе за столом и на общие темы. Делового разговора с ним я на этот раз не имел.

В третий раз с генералом Исии я встретился 11 или 12 августа 1945 года в коридоре штаба Квантунской армии. Там же в коридоре он мне доложил, что согласно моему приказу 731-й отряд будет эвакуирован в Северную Корею, а поэтому он пришел со мной проститься. Я ему пожелал доброго пути, и мы расстались. Эта встреча продолжалась не более двух-трех минут, и с тех пор генерала Исии я не видел.

Вопрос: Кто из сотрудников Военного министерства Японии приезжал в 731-й отряд по делам службы, как часто и кто из них посещал Вас?

Ответ: На этот вопрос я могу ответить только предположительно. Лично ко мне никто из сотрудников Военного министерства по делам 731-го отряда не приходил. Но так как 731-й отряд частично был подчинен непосредственно Военному министру Японии, то, следовательно, офицеры Генштаба 731-й отряд, безусловно, посещали, но точно мне об этом не известно.

Я прошу Вас учесть, что в Маньчжурии я занимал очень высокий пост, и поэтому многих деталей работы моего штаба я не знаю.

Вопрос: На предыдущем допросе Вы показали, что 731-й отряд в основном подчинялся штабу Квантунской армии. Прошу указать, какое участие в бактериологических изысканиях 731-го отряда на основе этого подчинения принимал начальник Санитарного управления Квантунской армии генерал-лейтенант Кадзицка Рюудзи?

Ответ: Начальник Санитарного управления генерал Кадзицка периодически представлял мне специальные доклады о состоянии санитарной работы в Квантунской армии и о противоэпидемических работах. В этих докладах имелись сведения по работе 731-го отряда. Точное содержание этих докладов я сейчас не помню. Мне, как главнокомандующему Квантунской армией, известно, что начальник Санитарного управления был в курсе всех научных бактериологических работ, которые велись в отряде Исии. Генерал Кадзицка знал, что 731-й отряд ведет работы по изысканию и изготовлению новых видов бактериологического оружия наступательного действия и был в курсе этих работ, так как изыскания бактериологического оружия неотделимы от научных работ, связанных с выработкой методов и форм противоэпидемической борьбы, которыми генерал Кадзицка руководил как начальник Сануправления. Вся противоэпидемическая работа, которая велась 731-м отрядом на случай применения бактериального оружия противником, происходила под надзором начальника Санитарного управления Квантунской армии.

Вопрос: Кто из сотрудников штаба Квантунской армии инспектировал 731-й отряд?[2]

Ответ: Точно мне об этом не известно, однако в связи с тем, что 731-й отряд подчинялся отдельным управлениям Квантунской армии (например, в вопросах финансово-хозяйственной деятельности отряда подчинение шло по линии Интендантского управления и т. д.), то инспектирование деятельности 731-го отряда, соответственно, проходило по линии каждого управления в отдельности. Учитывая важность 731-го отряда и секретный характер проводившихся там работ, инспектировать этот отряд могли лично начальники управлений штаба Квантунской армии, а не второстепенные лица.

Вопрос: Какие официальные приказы, директивы или инструкции, касающиеся 731-го отряда, издавались штабом Квантунской армии?

Ответ: За время моей работы на посту главнокомандующего Квантунской армией за моей подписью был издан только приказ об эвакуации 731-го отряда в Северную Корею. Этот приказ я подписал 9 августа 1945 года — в день начала советско-японской войны. Другие приказы, директивы или инструкции по этому вопросу мною не подписывались. Издавались ли такие документы другими сотрудниками штаба, я сказать не могу.

Вопрос: По каким причинам 731-й отряд Квантунской армии был эвакуирован в Корею? Что было сказано в Вашем приказе об эвакуации относительно аппаратуры, выращенных бактерий и других секретных материалов?

Ответ: Большая часть воинских отрядов, непосредственного подчинения штабу Квантунской армии, с началом войны были эвакуированы в более безопасное место. В числе этих отрядов (топографических, научных изысканий и других) эвакуации подлежал и 731-й отряд. Местом эвакуации была избрана западная часть Северной Кореи, поскольку в восточной части советские войска уже начали военные операции. Что касается аппаратуры и других секретных материалов, то они согласно моему приказу были уничтожены на месте с тем, чтобы ценное и секретное оборудование отряда не досталось противнику.

Вопрос: Из Ваших показаний видно, что 731-й отряд нес обязанности по водоснабжению и борьбе с эпидемиями в Квантунской армии. Почему же с началом войны эти обязанности внезапно отпали и отряд по Вашему приказу был эвакуирован в Корею — зону, безопасную от военных действий?

Ответ: Еще задолго до начала японо-советской войны комплектование 731-м отрядом групп по обеспечению водоснабжения и борьбе с эпидемиями в Квантунской армии оказалось невозможным, так как не было людских и материальных резервов. Поэтому в период войны эта работа от 731-го отряда сама по себе отпала.

Уничтожение секретных зданий, оборудования и материалов 731-го отряда и сама эвакуация отряда в Корею объясняется тем, что я не мог допустить наступления угрозы захвата зданий, оборудования и материалов советскими войсками, так как это означало бы получение противником документов о том, что Япония готовила против СССР бактериологическую войну. Вместе с этим я не мог допустить также захват этого отряда американскими войсками и по этим причинам дал указание эвакуировать 731-й отряд в один из городов между Сингисю и Пхейаном (наименование города я сейчас не помню), где, по моему мнению, кадровый состав отряда находился бы в относительной безопасности (подпись).

Перевел:
переводчик оперативного отдела
УПВИ УМВД по ХК (подпись) Пермяков

Допросил:
зам. начальника оперативного отдела
УПВИ УМВД по Хабаровскому краю
старший лейтенант (подпись) Браве

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 99–102.
Подлинник. Публикуется впервые.

№ 28. Протокол допроса генерал-полковника японской армии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямада Отозоо о деятельности противоэпидемического отряда № 731

3 ноября 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
свидетеля Ямада Отозоо

3 ноября 1949 года
гор. Хабаровск

Ст. 95 УК мне разъяснена (подпись).

Допрос ведется на русском языке через переводчика Цвирова, который по ст. 95 УК предупрежден (подпись) Цвиров.

Допрос начат в 0 часов 30 минут.

Допрос окончен в 16 часов 00 минут.

Вопрос: Что представлял собой 731-й отряд Квантунской армии?

Ответ: 731-й отряд Квантунской армии был расположен на ст. Пинфан (на расстоянии около 30 км от гор. Харбина) и занимал очень большую территорию, которая тщательно охранялась. 731-й отряд официально именовался «Управлением профилактики и водоснабжения Квантунской армии», что являлось известным прикрытием действительного назначения отряда. С этой же целью работники 731-го отряда носили общевойсковую форму, без знаков различия медицинской службы. Мы опасались, что большое скопление медицинских работников может вызвать нежелательные подозрения относительно действительного характера работ 731-го отряда.

Мне, как командующему Квантунской армией, было известно, что 731-й отряд в широких масштабах вел изыскания в области исследования и изготовления бактериологического оружия и, наряду с этим, занимался вопросами противоэпидемических мероприятий.

731-й отряд имел в своем распоряжении большое количество служебных зданий, аэродром и другие вспомогательные службы. Из докладов и личных посещений мне известно, что отряд делился на отделы: общий, учебный, производственный, исследовательский и другие, названия которых я сейчас не помню. Фамилии руководящего состава отряда я также забыл, за исключением начальника отряда — генерал-лейтенанта Исии Сироо, с которым я неоднократно встречался по вопросам деятельности отряда. Необходимо отметить, что отряд был укомплектован большим количеством сотрудников из числа офицеров, солдат и вольнонаемных, которые, имея специальную подготовку в области бактериологии, вели в широких размерах научно-изыскательскую и производственную работу по массовому изготовлению бактерий чумы, тифа, паратифа, дизентерии, холеры и других как средства бактериологического оружия.

В августе 1944 года при посещении мною 731-го отряда я лично ознакомился с работой всех отделов, во время осмотра которых мне докладывали о производственных процессах культивирования и массового выращивания бактерий. Помню, что в одном из отделов я видел мощную систему специальной аппаратуры, с помощью которой можно изготавливать большое количество патогенных возбудителей. Начальник отдела мне докладывал цифры производственной мощности отряда, но привести их я сейчас не могу.

Должен сказать, что в этом отделе производство бактерий было налажено в огромном количестве и в таких размерах, которые могли бы обеспечить массовое их применение. В другом отделе отряда, где занимались выращиванием блох — как переносчиков эпидемии чумы, я видел специальные хранилища, в которых содержалось большое количество блох. Сопровождавшие меня сотрудники отряда доложили, что блохи предназначены для заражения чумой и что это является одним из видов бактериологического оружия.

После того, как все отделы отряда мною были осмотрены, я и сопровождающие меня лица поднялись на вышку, которая предназначалась для наблюдения за контрольными опытами по рассеиванию блох с самолетов и с которой я осматривал аэродром. Кто-то из офицеров мне доложил, что блохи, зараженные чумой, являясь одним из видов бактериологического оружия, испытываются на специальном полигоне путем рассеивания их с самолетов. При этом мне привели данные испытаний в различных условиях погоды.

При осмотре 731-го отряда я был крайне поражен размахом исследовательской и производственной деятельности отряда по изготовлению бактериологических средств войны.

Вопрос: Следовательно, 731-й отряд Квантунской армии был организован в целях подготовки бактериологического нападения на Советский Союз?

Ответ: Должен признать, что 731-й отряд, расположенный на территории Маньчжурии, был организован в целях подготовки бактериологических средств войны, главным образом против Советского Союза, а также против МНР и Китая. Прошу отметить, что наряду с этой основной целью 731-й отряд вел также противоэпидемические работы, необходимые для ограждения своих войск от эпидемических заболеваний.

Вопрос: В какой мере 731-й отряд был подчинен штабу Квантунской армии?[a]

Ответ: 731-й отряд был подчинен непосредственно мне как командующему Квантунской армией.

Подчиненность 731-го отряда командованию Квантунской армии была определена приказом Военного министра Японии во время организации отряда.

Тактическое руководство 731-м отрядом, связанное со всеми вопросами производства бактериологического оружия и его применения, принадлежало мне. Это означает, что если бы возникла необходимость в применении бактериологического оружия против войск противника, то приказ об этом должен был исходить только от меня, поскольку 731-й отряд являлся особой войсковой частью моего подчинения[b].

Что касается специальных вопросов по исследованиям в области изысканий новых видов средств бактериологической войны, требующих специальных познаний бактериологии, то в этой части штаб 731-го отряда поддерживал связь с Военно-медицинской академией.

Общее руководство отрядом я осуществлял через соответствующее управление и отделы штаба Квантунской армии.

Начальник 731-го отряда периодически представлял мне письменные и устные доклады о результатах изысканий новых видов бактериологического оружия и массового его изготовления. Доклады 731-го отряда, относящиеся к научно-исследовательской деятельности, я направлял начальнику Санитарного управления Квантунской армии, а имеющие отношение к производству бактериологического оружия мною направлялись начальнику оперативно-стратегического отдела штаба.

---

[a] Здесь и далее текст, отмеченный *...*, отчеркнут на полях карандашом.

[b] Текст подчеркнут красным карандашом.

Устные доклады начальника 731-го отряда в некоторых случаях сопровождались демонстрацией научных кинофильмов, которые содержали в себе объяснения по теме доклада и являлись совершенно секретными. Помню, что в ноябре 1944 года во время одного из докладов генерала Китано относительно действия чумных блох он показал мне кинофильм о развитии процесса заболевания человека, зараженного чумой. Подробности доклада и кинофильма я не помню. Во время доклада и демонстрации кинофильма генералом Китано у меня в кабинете присутствовали начальник штаба генерал-лейтенант Касахара и заместитель начальника стратегического отделения Оперативно-стратегического отдела — принц Такеда (он же подполковник Мията).

Начальники Управлений Квантунской армии и другие офицеры штаба по моему указанию неоднократно инспектировали 731-й отряд, и каждый из них о результатах проверки докладывал мне. Кем инспектировался отряд по линии производства бактериологического оружия, я сейчас не помню, но такие инспекторские проверки, безусловно, имели место.

*Соответствующие Управления Квантунской армии обеспечивали 731-й отряд всеми видами довольствия и в том числе медимуществом, необходимым для изготовления бактериологического оружия; в том случае если отдельных видов медимущества на складах армии не имелось, то его получали непосредственно из Японии, но также через штаб Квантунской армии.

Отдел кадров Квантунской армии ведал вопросами комплектования кадров 731-го отряда наравне со всеми остальными воинскими подразделениями*.

С моих слов записано верно, мне прочитано на понятном японском языке, в чем и расписываюсь (подпись).

Допросили: сотрудники УМВД по Хабаровскому краю
старший лейтенант Браве
старший лейтенант Гойхман
Переводчик: Цвиров

Верно: сотрудник УМВД по Хабаровскому краю (подпись)

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 1–4. Зав. копия.
Опубл. в извлечениях в сб.: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии... М., 1950. С. 86–87.

№ 29. Протокол допроса поручика санитарной службы японской армии Урабэ Курадзи о его службе в общем подотделе 2-го отдела противоэпидемического отряда № 731 и общем отделении филиала № 543 отряда № 731

23 ноября 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

23 ноября 1949 года гор. Хабаровск

Я, старший оперуполномоченный оперотдела Управления лагеря № 16 МВД лейтенант Полушин, с участием пом. военного прокурора войск МВД Хабаровского округа майора юстиции Козина через переводчика Пахомову допросил в качестве свидетеля поручика санитарной службы бывшей японской армии

Урабэ Курадзи, 1905 года рождения, уроженец Японии, префектуры Хиросима, уезд Нимокума, деревня Мизунами, из крестьян, женат, беспартийный; японец, подданный Японии, образование восемь классов, не судим.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР предупрежден (подпись).

Вопрос: На каком языке Вы желаете давать свои показания?

Ответ: Свои показания буду давать на родном японском языке.

Вопрос: В качестве переводчика участвует Пахомова Лидия Николаевна, имеете ли Вы против нее претензии?

Ответ: Против участия на допросе переводчика Пахомовой никаких претензий не имею.

Переводчик Пахомова об ответственности за неправильный перевод по ст. 95 УК РСФСР предупреждена (подпись).

Вопрос: Расскажите о своей трудовой деятельности до призыва в японскую армию.

Ответ: После окончания 8 классов по месту рождения работал в своем хозяйстве совместно с отцом. В январе месяце 1926 года призван в японскую армию.

Вопрос: Расскажите о своей деятельности за период службы в японской армии?

Ответ: В январе 1926 года призван в японскую армию, с февраля 1926 года по июль 1926 года я проходил санитарную подготовку в военном госпитале города Хиросима, после чего служил в разных воинских частях в должности санитара.

Последнее место службы — зенитный полк № 26, где присвоено военное звание подпоручика. В июне 1943 года по приказу штаба Квантунской армии я был переведен в 731-й бактериологический отряд города Харбин.

Вопрос: Вам известно фактическое назначение 731-го отряда?

Ответ: Да, известно, хотя отряд формально и носил название Управления водоснабжения и профилактики, но фактически это название являлось только прикрытием его основного назначения.

731-й отряд — это бактериологический отряд Квантунской армии, где производились различные эксперименты на животных и живых людях, а также занимались размножением различных бактерий — чумы, тифа и других, где также готовились кадры для бактериологической войны против СССР.

Вопрос: Чем конкретно Вы занимались в 731-м отряде?

Ответ: С прибытием в 731-й бактериологический отряд я был направлен в подотдел общих дел 2-го отдела 731-го отряда, где с июля 1943 года по октябрь 1944 года

занимался систематизацией документов, объявлением приказов, касающихся личного состава подотдела, заведовал кадрами подотдела общих дел, получением корреспонденции, ведал пропусками для входа в подотделы 2-го отдела.

Вопрос: Что Вам известно об экспериментах на живых людях в 731-м отряде?

Ответ: По данному вопросу мне известно следующее: 5-й подотдел 2-го отдела на основании лабораторных достижений 1-го отдела производил опыты на живых людях, военнопленных китайцах, которых вывозили на автомашинах на полигон в район станции Анда, где с самолета сбрасывались бомбы, начиненные блохами, зараженными чумой.

Таких опытов мне известно около 2–3 раз в месяц, за период моей работы [опыты] производились примерно над 200 китайцами.

Все это мне известно от вольнонаемного Такасина, сотрудника 5-го подотдела, который занимался оформлением документации о производимых опытах на живых людях, т. к. я с ним работал в одном кабинете. В 731-м отряде я служил по октябрь 1944 года, а затем был переведен в 543-й филиал в город Хайлар.

Вопрос: Расскажите о своей деятельности в 543-м филиале.

Ответ: С октября 1944 года по день капитуляции Японии я работал в 543-м филиале в должности начальника отдела общих дел. В моем ведении находилась вся секретная документация филиала, мобилизационные документы — распределение личного состава на случай возникновения войны; все приказы, поступающие из 731-го отряда в наш филиал, а также внутренние приказы по филиалу и вся корреспонденция.

Вопрос: Охарактеризуйте, чем конкретно занимался 543-й филиал.

Ответ: По распоряжению 731-го бактериологического отряда 543-й филиал занимался поимкой и размножением мышей, крыс, а также разведением животных — кроликов, морских свинок, овец, затем мышей, направляемым в 731-й отряд. В июне 1945 года в филиале занимались разведением блох в инкубаторе, куда для питания подсаживали мышей, подробности данного эксперимента мне неизвестны.

В 543-м филиале имелась одна лаборатория, где имелись приборы для экспериментов: микроскопы, инкубаторы, холодильники, бациллоуничтожатели, фильтры, пробирки, колбы и другие.

Вопрос: Какое количество за период Вашей работы в 543-м отряде было отправлено в 731-й отряд различных животных?

...[a]было отправлено различных животных в 731-й отряд, как то: мышей около 3000 (трех тысяч), морских свинок около 100 штук.

Вопрос: Следовательно, Вы, работая в общем подотделе 2-го отдела 731-го отряда и начальником общего отделения 543-го филиала, занимались подготовкой бактериологической войны против Советского Союза?

Ответ: Да, работая в общем подотделе 2-го отдела 731-го отряда и в 543-м филиале, являясь начальником общего отделения, я способствовал нормальной работе 2-го отдела 731-го отряда, а также оформлял всю документацию 543-го филиала, [занимался] планированием личного [состава] и расстановкой на случай войны, тем самым я способствовал подготовке бактериологической войны против Советского Союза.

Вопрос: Кто из бывших сотрудников 731-го отряда и его филиала № 543 содержится в лагере военнопленных?

Ответ: Из бывших сотрудников 543-го филиала в лагере военнопленных содержатся следующие лица:

1. Ст. унтер-офицер Морита, имя не помню, который работал в 543-м филиале помощником инструктора по санитарной подготовке, знаю его по совместной службе с января 1945 г., содержится в лагере военнопленных № 16 МВД.

[a] Отточие документа.

2. Ефрейтор Вакаэда, имя не помню, который работал в пошивочной мастерской 543-го филиала, знаю его с октября 1949 года, содержится в лагере военнопленных № 16 МВД.

3. Ефрейтор Такунага, имя не помню, в 543-м филиале работал шофером на грузовой машине, знаю его с октября 1944 года, содержится в лагере военнопленных № 16 МВД.

Протокол с моих слов записан правильно, мне прочитан в переводе на японском языке через переводчика Пахомову, в чем и расписываюсь (подпись).

ДОПРОСИЛ:
старший оперуполномоченный оперотдела лагеря № 16 МВД
лейтенант (подпись)
пом. военного прокурора войск МВД Х[абаровского] округа
майор юстиции (подпись)
Перевел: переводчик оперотдела (подпись)

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 291–294. Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 30. Протокол допроса солдата японской армии Иримадзира Минору о его службе в материальном отделении филиала № 162 противоэпидемического отряда № 731

10 декабря 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

10 декабря 1949 года
гор. Хабаровск

Допрос начат в 15 часов 00 минут.

Допрос окончен в 20 часов 00 минут.

Сотрудник УМВД по Хабаровскому краю капитан Хрупков сего числа допросил в качестве свидетеля солдата бывшей японской армии

ИРИМАДЗИРА Минору, 1923 года рождения, уроженца Японии, префектуры Коочи, уезда Аки, дер. Дой, японец, подданный Японии, образование 6 классов начальной школы, холост, из крестьян. В японской армии с января 1944 года. Пленен советскими войсками 17 августа 1945 года на ст. Ханьдаохецзы.

Об ответственности за дачу ложных показаний свидетель ИРИМАДЗИРА по ст. 95 УК РСФСР предупрежден.

Вопрос: На каком языке Вы желаете давать свои свидетельские показания?

Ответ: Свои показания я желаю давать на японском языке.

Вопрос: Ваш допрос будет производиться через переводчика японского языка Перминова. Возражения против переводчика Перминова Вы имеете?

Ответ: Возражений против переводчика японского языка Перминова я не имею.

Допрос производится на русском языке через переводчика японского языка Перминова Германа Павловича, который об ответственности за заведомо ложный перевод по ст. 95 УК РСФСР предупрежден (подпись).

Вопрос: Расскажите о прохождении Вами службы в бывшей японской армии.

Ответ: В японскую армию я был призван 22 января 1944 года, после чего был направлен в 97-й пехотный полк, дислоцировавшийся в городе Харбине. Здесь я проходил общевойсковую подготовку до апреля 1944 года. 12 апреля 1944 года меня перевели для дальнейшего прохождения службы в 162-й филиал Управления профилактики и водоснабжения Квантунской армии, имеющей цифровое наименование «отряд № 731», где я служил до дня своего пленения.

Вопрос: По прибытии в Квантунскую армию Вам разъясняли, против кого готовятся войска к войне?

Ответ: По прибытии в 97-й пехотный полк Квантунской армии инструктор-прапорщик, фамилию которого сейчас не помню, перед строем молодых солдат, где присутствовал и я, неоднократно говорил, что нашим основным врагом является Советский Союз, против которого нами готовится война, а поэтому молодые солдаты должны быстро и хорошо овладеть военным делом. Кроме этого, на занятиях по штыковому бою этот же инструктор-прапорщик учил нас наносить штыковой укол снизу вверх на случай встречи с врагом высокого роста. Из всего этого мне стало ясно, что нас готовят к войне против Советского Союза.

Вопрос: Что Вам известно о деятельности и структуре отряда № 731 и филиала № 162?

Ответ: За период моего пребывания в филиале № 162 я неоднократно слышал от сотрудников этого отряда (фамилии которых не помню), что 731-й отряд и его филиалы проводят подготовку к ведению бактериологической войны против Советского Союза. Структура 731-го отряда мне была неизвестна и тогда, и не совсем ясна сейчас. Что же касается деятельности и структуры филиала № 162, то мне известно, что в основном его деятельность была направлена на выращивание бактерий остроинфекционных заболеваний, на размножение и ловлю мелких животных (кроликов, морских свинок, мышей и др.). Филиал № 162 состоял из 3 отделений: 1-е отделение занималось выращиванием бактерий и их исследованием. При этом отделении была специальная лаборатория, в которой занимались выращиванием бактерий холеры, дизентерии, тифа и др. Этой лабораторией и отделением руководил майор ХОСОЯ Хироси, 2-е отделение занималось вопросами водоснабжения и профилактики. Его начальником был ст. унтер-офицер медслужбы ХИРАКАВА Есито, 3-е отделение занималось размножением мелких животных, а также ловлей грызунов. Руководителем этого отделения был подпоручик медслужбы МАДОКОРО Нобору. Кроме того, при филиале имелись курсы санитаров численностью до 100 человек, начальником которых был поручик ВАТАНАБЭ Макото.

Начальником филиала вначале был майор медслужбы АРАСЭ Сейичи, а затем, с 1945 года, — майор САКАКИБАРА Хидэо. Необходимо указать, что все вновь прибывшие, в том числе и я, в филиале № 162 были предупреждены начальником филиала майором САКАКИБАРА Хидэо, что работа филиала засекречена и лица за разглашение военной тайны будут преданы суду Военного Трибунала.

Вопрос: С какой целью в филиале № 162 размножались и ловились грызуны?

Ответ: Мне было известно, что часть полученных в результате размножения и вылавливания грызунов отправлялась в отряд № 731. Для чего они туда направлялись, я утверждать не могу, но считаю, что они отправлялись для использования в подготовке к бактериологической войне против Советского Союза. Знаю, и мне известно от начальника филиала № 162 майора САКАКИБАРА Хидео, который в июне 1945 года в присутствии всего личного состава отряда заявил, что 162-й филиал в 731-й отряд отправил 20 тысяч грызунов, т. е. больше, чем другие.

Вопрос: Расскажите о Вашей практической деятельности в филиале № 162.

Ответ: По прибытии в филиал № 162 я в течение 5 месяцев обучался на курсах санитаров, по окончании которых, т. е. с сентября 1944 года и по день своего пленения, работал в материальном отделении, где занимался ловлей и разведением грызунов, а также работал на складе, где хранились медикаменты и мединструменты, которыми пользовались сотрудники всех отделений филиала. За время работы в филиале мною

лично было выловлено и получено в результате разведения до тысячи грызунов, которые впоследствии были направлены в 731-й отряд в г. Харбин.

Вопрос: Назовите по фамилии известных Вам сотрудников филиала № 162.

Ответ: Из сотрудников филиала № 162 могу назвать следующих: ТОМИЯТА Соотаро, КУРУСИМА Юуди и ИСИХАРА Осаму.

Вопрос: С какого времени Вы знаете КУРУСИМА Юуди и что Вам известно о его практической деятельности за период службы в филиале № 162?

Ответ: Солдата КУРУСИМА Юуди я знаю с момента прибытия в филиал № 162, т. е. с 12 апреля 1944 года. По окончании курсов санитаров, на которых я вместе с ним учился, КУРУСИМА Юуди был назначен в лабораторию 1-го отделения, где и работал по день своего пленения в должности рядового сотрудника, а также занимался ловлей грызунов. Мне лично 6 апреля 1945 года приходилось вместе с ним выезжать на ловлю грызунов в район Чибури, где за период десятидневного пребывания в поле КУРУСИМА Юуди выловил примерно столько же, сколько и я, т. е. 200–300 грызунов.

Больше по делу показать ничего не могу, протокол прочитан мне на японском языке, с моих слов все записано правильно, в чем и расписываюсь (подпись)

ДОПРОСИЛ:
сотрудник УМВД Хабаровского края
капитан Хрупков

Перевел: Перминов

Верно: (подпись)

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 202–205.
Зав. копия. Публикуется впервые.

№ 31. Протокол допроса Ямамото Сеоэй о его службе в должности военного врача в противоэпидемическом отряде № 731

17 января 1950 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

17 января 1950 года гор. Хабаровск

Допрос начат в 11 часов 15 минут.

Допрос окончен в ___ часов ___ минут.

Я, оперуполномоченный оперотдела лагеря № 16 МВД лейтенант Седых, через переводчика японского языка Воронинова допросил в качестве свидетеля военнопленного бывшей японской армии

Ямомото Сеоэй, 1922 года рождения, уроженца Японии, префектуры Исикава, гор. Каназава, происхождение из банкиров, японец, японский подданный, образование высшее медицинское, в армии с 1945 года, пленен частями Советской армии 15 августа 1945 года в Маньчжурии. Содержится в лагере № 16 МВД.

Об ответственности за дачу ложных показаний предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Переводчик Воронинов за неправильность перевода предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Вопрос: Расскажите о своей трудовой деятельности и службе в японской армии.

Ответ: В сентябре месяце 1944 года я окончил медицинский институт «Тококу» в гор. Токио. После окончания института я стал стипендиатом Военного министерства Японии и поступил учиться в императорский университет в гор. Сэндай (Япония) на кафедру терапии, где обучался по март 1945 года. В марте 1945 года я был призван в армию в гор. Токи и сразу же был направлен в Маньчжурию в гор. Пейан, где был назначен врачом-терапевтом в 99-й военный госпиталь. Так как я являлся стипендиатом Военного министерства Японии во время учебы в университете, то в армию я был призван уже офицером-стажером, а в мае 1945 года во время службы в 99-м госпитале мне было присвоено военное звание подпоручика медслужбы. С 18 мая 1945 года и по день капитуляции Японии, то есть по 13 августа[a] 1945 года, я работал в лаборатории 731-го отряда в гор. Харбине, где работал по исследованию бактерий паратифа «В» и туберкулеза. В 731-й отряд для исследования бактерий я был командирован из 99-го госпиталя на шесть месяцев. Но так как 99-й госпиталь имел много своих филиалов в разных городах Маньчжурии, то, работая в лаборатории 731-го отряда, в июне 1945 года я был назначен заместителем нач-ка филиала 99-го госпиталя в гор. Суйхуа в 100 километрах от гор. Харбина, куда я ездил 1–2 раза в неделю из 731-го отряда для осмотра больных.

Вопрос: Что было Вами достигнуто в плане изучения бактерии паратифа «В» и туберкулеза при лаборатории 731-го отряда?

Ответ: По прибытию на вокзал гор. Харбина, когда я ехал в командировку в 731-й отряд, встретил на вокзале капитана медслужбы Симидзу Рёосуке, который из военного госпиталя гор. Кинсю прибыл также на шесть месяцев в командировку в 731-й отряд. По прибытии в 731-й отряд 18 мая 1945 года нам дали санитара из 731-го отряда ст. ефрейтора Эномото Эйзоо, в одном из помещений в подвале отвели нам с Симидзу комнату № 26, где была у нас лаборатория, склад с медикаментами, продовольствием и другие подсобные помещения. Нас предупредили, что, кроме комнаты № 26, в другие комнаты и здания мы ходить не должны. Наша комната № 26 охранялась специальной охраной и при входе или выходе нас из этой комнаты тщательно обыскивали. Капитан Симидзу от начальника общего отдела 731-го отряда полковника Оота Умёси-Сумиёси получил задание исследовать способ продолжительного сохранения вирулентности у туберкулезных бактерий и бактерий паратифа «В», а также усиление вирулентности бактерий, указанных выше, и способы получения высоковирулентных бактерий. Вместо шести месяцев нашей командировки, в связи с войной Японии с СССР, нам удалось поработать в лаборатории 731-го отряда только три месяца, за этот период в отношении туберкулезных бактерий нам ничего специфического найти не удалось. Но зато в отношении бактерий паратифа «В» мы достигли хороших результатов, а именно: до наших экспериментов бактерии паратифа «В» при обычном способе выращивания могли храниться в течение 50–70 суток, а пущенные в водоем [они] теряют свою вирулентность через 20 суток. Для устойчивости вирулентности мы с Симидзу изменили концентрацию водородных ионов с 7,0–7,5 до 6,5–8,5, размножали их в желативной[b] культуре, в результате чего мы достигли того, что бактерии паратифа «В» могут сохранять свою вирулентность в течение шести месяцев, а еще через шесть месяцев, [если] их пустить в какой-нибудь водоем, то они сохранят свою вирулентность в течение двух лет и смогут действовать на организм человека при употреблении воды из этого водоема в течение всего этого периода, т. е. в течение двух

[a] Так в тексте.

[b] Так в тексте.

лет. Но нами это было доказано с Симидзу только теоретически, на практике же этого применить не удалось.

Вопрос: Вам известно о том, что Вы, изыскивая методы длительного сохранения вирулентности бактерии паратифа «В» и туберкулеза и их длительной действенности, готовили совместно с 731-м отрядом бактериологическую войну против Советского Союза, Китая и Монгольской Народной Республики?

Ответ: Находясь в 731-м отряде, я изыскивал методы длительного хранения и действенности бактерий туберкулеза и паратифа «В», я не знал, что этим самым помогаю в подготовке бактериологической войны, также как я не знал, что 731-й отряд готовил бактериологическую войну. Находясь уже в плену в Советском Союзе, из разговоров сотрудников 731-го отряда и его филиалов я узнал, что в 731-м отряде изучали и готовили различные бактерии, как то: чуму, холеру, сибирскую язву и другие. Тем самым 731-й отряд готовил бактериологическую войну против СССР, Китая и МНР, а поэтому своими действиями, [такими] как изыскания длительного хранения и действенности бактерии паратифа «В» и туберкулеза, я помогал в подготовке бактериологической войны.

Вопрос: Кто являлся начальником 731-го отряда?

Ответ: Начальником 731-го отряда в 1945 году был генерал-лейтенант Исии Сиро, в июне 1945 года, когда я работал в лаборатории 731-го отряда, Исии меня пригласил к себе и принял меня в своем отеле «Нью-Харбин». С какой целью он меня вызывал, для меня неизвестно, но он мне предложил поехать на южный фронт, но направлен туда я не был, очевидно, вызывал он меня с целью личного знакомства.

Вопрос: Как Вы стали стипендиатом Военного министерства Японии?

Ответ: Мой отец был банкир, который умер в гор. Каназава в 1925 году, в 1941 году я с матерью переехал в гор. Токио, и по соседству с генералом Араки Садао [мы] купили себе дом. В то время Араки был советником при императорском дворе, ввиду того, что я жил по соседству с Араки, в 1942 году мы с ним познакомились, и я посещал его квартиру. В 1944 году, когда я окончил мединститут, Араки предложил мне стать стипендиатом Военного министерства и пойти учиться в университет, чтобы по призыву в армию мне пойти не рядовым, а офицером, на что я дал согласие. Пошел учиться в императорский университет, получив 2000 иен стипендии, хотя я в этом и не нуждался, и, действительно, в 1945 году я был призван в армию не рядовым, а офицером-стажером, а через 2 месяца после призыва [мне] присвоили звание подпоручика. Находясь уже на службе в армии в Маньчжурии, Араки присылал мне дважды по 500 иен и от себя лично написал мне письмо, в котором указывалось, что он надеется, что я оправдаю доверие, возложенное на меня правительством.

Вопрос: Где в данный момент находятся Ваши коллеги по 731-му отряду?

Ответ: В 731-м отряде я работал совместно с капитаном мед. службы Симидзу Рёсуке и ст. ефрейтором Энамото Эйзоо, где они находятся в данный момент, для меня неизвестно. По моему предположению, они пленены не были, а уехали в Японию с частью других сотрудников 731-го отряда, т. к. я 13/VIII-45 г. из 731-го отряда выехал в госпиталь в гор. Суйхуа, где и был пленен 15/VIII-45 г.

Вопрос: Назовите фамилии лиц, известных Вам сотрудников 731-го отряда.

Ответ: Мне известно, что подпоручик Хотта Риочиро в 731-м отряде работал интендантом, поручик Сегоси Кениси работал фармацевтом в Хайларском филиале 731-го отряда, но узнал я их и они меня, уже находясь в Советском Союзе в лагере для военнопленных. Раньше в Маньчжурии я их не знал.

Вопрос: Чем желаете дополнить свои показания?

Ответ: Имею поправку в отношении того, что лаборатория в 731-м отряде — ком[ната] № 26 — хотя и была засекречена и кроме нас, работающих в ней, никто не заходил, но нас при входе и выходе не обыскивали, а только при входе и выходе из нее требовали предъявления пропуска, по другим корпусам и комнатам нам также ходить не разрешали, как и другим лицам [заходить] в нашу ком[нату] № 26. В отношении длительного сохранения действенности бактерии паратифа «В» — это достигнуто лично мною, хотя капитан Симидзу Реосуке работал вместе со мной, но здесь добился положительных результатов именно я, и считаю [это] только своей заслугой. Больше по делу дополнить ничего не имею.

Протокол с моих слов записан правильно, мне прочитан на японском языке через переводчика японского языка Воронинова (подпись) Ямамото.

Перевел: переводчик Воронинов

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 253–259. Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 32. Протокол допроса Ямамото Сеоэй о его службе в должности военного врача в противоэпидемическом отряде № 731

27 мая 1950 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

27 мая 1950 года гор. Хабаровск

Я, следователь оперотдела лагеря № 16 мл. л-т Тувышев, допросил

Ямомото Сеоэй, 1922 года рождения, уроженец Японии, город Канадзава, японец, японский подданный, образование высшее медицинское, из семьи банкиров, холост, беспартийный, не судим. Воинское звание подпоручик медицинской службы. Пленен советскими войсками 22 августа 1945 года в городе Суйхуа, Маньчжурия.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР предупрежден (подпись).

Допрос производится на русском языке через переводчика японского языка Кима Виктора, последний об ответственности по ст. 95 УК РСФСР за заведомо ложный перевод предупрежден (подпись).

Вопрос: Расскажите о своей трудовой деятельности.

Ответ: В 1940 году, после окончания средней гимназии в городе Сакаи, в марте 1940 года я выехал в город Токио, где поступил учиться на терапевтическое отделение медицинского факультета государственного университета. В сентябре 1944 года, окончив государственный университет, я поступил аспирантом в государственный медицинский университет в городе Сендай (Япония).

Поработав в университете 6 месяцев, в марте 1945 года я был призван в японскую армию и направлен в санитарный отдел штаба Квантунской армии, откуда получил

назначение на должность врача в военный госпиталь № 99, дислоцировавшийся в городе Пейан (Маньчжурия). В 99-м военном госпитале я работал с марта 1945 года по май 1945 года, а с мая 1945 года работал в 731-м бактериологическом отряде до дня капитуляции Японии.

Вопрос: Чем занимались в 99-м военном госпитале в гор. Пейан?

Ответ: В 99-м военном госпитале я работал врачом-терапевтом, а также работал в должности помощника начальника инфекционного отделения 99-го госпиталя. Как врач-специалист по инфекционным болезням я давал назначения и следил за ходом лечения инфекционных больных.

Вопрос: Какие инфекционные больные находились на излечении в 99-м госпитале и откуда они поступали?

Ответ: В 99-м военном госпитале находились инфекционные больные: туберкулезные, больные паратифом, дизентерийные, брюшным и сыпным тифом. Все больные поступали из частей Квантунской армии.

Вопрос: Что Вам известно о филиале 99-го военного госпиталя в городе Суйхуа?

Ответ: Филиал 99-го военного госпиталя в городе Суйхуа являлся как бы отделением 99-го госпиталя, где находились на излечении туберкулезные больные.

Вопрос: Вы работали в этом филиале?

Ответ: Да, я работал в этом филиале 99-го госпиталя.

Вопрос: Расскажите, что из себя представлял 731-й бактериологический отряд, где Вы работали с мая по август 1945 года.

Ответ: 731-й бактериологический отряд являлся специальным секретным формированием Квантунской армии, который занимался изысканием и производством бактериологического оружия с целью применения его в бактериологической войне против стран, находящихся в состоянии войны с Японией, а также против тех государств, против которых Япония готовила агрессивную войну.

В 731-м бактериологическом отряде производились исследовательские работы по исследованию бактерий чумы, холеры, сибирской язвы, тифа, паратифа, туберкулеза.

Действия этих бактерий изучались на живых людях.

В 731-м отряде производились специальные фарфоровые бомбы, которые начинялись чумными блохами с целью их применения в бактериологической войне. Действие этих бомб, а также действие бактерий остроинфекционных болезней испытывалось на живых людях на специально оборудованном полигоне на станции Аньда.

Вопрос: Значит, 731-й бактериологический отряд занимался изысканием и производством бактериологического оружия с целью применения в бактериологической войне? Так можно Вас понять?

Ответ: Да, 731-й бактериологический отряд занимался изысканием и производством бактериологического оружия с целью применения его в бактериологической войне для массового уничтожения живой силы армии и населения.

Вопрос: Кто Вас направил в 731-й бактериологический отряд?

Ответ: Я официально был направлен в 731-й бактериологический отряд начальником 99-го госпиталя, однако, надо полагать, что я был направлен санитарным отделом Квантунской армии.

Вопрос: Расскажите о своей практической деятельности в 731-м бактериологическом отряде?

Ответ: В 731-й бактериологический отряд [в] местечке Пинфан я прибыл 25 мая 1945 года. По прибытии в данный отряд меня на вокзале станции встретил высланный в качестве представителя из 731-го отряда капитан медицинской службы Симидзу, который привел меня в 731-й бактериологический отряд и определил меня на жительство в экспериментальный кабинет № 26, который располагался под землей

около складов. При этом кабинете был устроен небольшой склад необходимых медикаментов, продуктов питания и аппаратуры. Так, лично в нашем распоряжении, моем и капитана Симидзу, были микроскопы, центрофур[a], инкубатор, стеклянные пробирки.

Передо мною и капитаном Симидзу была поставлена задача начальником 731-го бактериологического отряда генерал-лейтенантом Исии, как мне сказал об этом Симидзу, исследованием установить способы продолжительного сохранения вирулентности туберкулезных бактерий и бактерий паратифа «В», а также установить способы усиления вирулентности указанных бактерий, а также способы получения высоковирулентных бактерий. Для получения бактерий паратифа «В» с хорошей устойчивостью я изменял концентрацию водородных ионов. Бактерии паратифа «В» я размножал в желатиновой культуре и запаивал в стеклянную пробирку, в которой они хорошо сохраняли свою устойчивость в течение 6 месяцев. Если их через шесть месяцев пустить в какой-либо водоем, то они — бактерии паратифа «В» — сохранят свою устойчивость в течение двух лет.

Вопрос: Для какой цели Вы изыскивали способы продолжительного сохранения устойчивости бактерий туберкулеза и паратифа «В»?

Ответ: Все исследования с бактериями туберкулеза и паратифа «В», которые проводил лично я с участием капитана Симидзу, проводились в целях применения их как оружия в войне против Советского Союза, которая, как мне было известно из рассказов капитана Симидзу и других военных чиновников 731-го отряда, которые присутствовали в марте 1945 года на совещании, проводимом генералом Исии, должна [была] начаться в июне месяце 1945 года.

Вопрос: Таким образом, Ваши исследования с бактериями туберкулеза и паратифа «В» были направлены на изыскание секретного бактериологического оружия?

Ответ: Все исследования, которые я проводил по бактериям туберкулеза и паратифа «В», были направлены на изыскание секретного бактериологического оружия для применения его в бактериологической войне, связанной с массовым истреблением живой силы армии и населения.

Вопрос: Занимались ли Вы размножением бактерий паратифа «В» и туберкулеза?

Ответ: В массовом масштабе я не занимался размножением бактерий паратифа «В» и туберкулеза, однако я культивировал эти бактерии в масштабе, необходимом для изучения.

Вопрос: Каким образом Вы испытывали вирулентность бактерий, над которыми работали?

Ответ: Вирулентность бактерий паратифа и туберкулеза, над которыми я работал, на живых людях и животных не испытывалась, а испытание вирулентности этих бактерий проводилось в лабораторных условиях путем математических вычислений.

Вопрос: Не являлся ли филиал 99-го военного госпиталя в гор. Суйхуа, где находились туберкулезные больные, базой, где проводились эксперименты по испытанию вирулентности бактерий паратифа и туберкулеза?

Ответ: Нет, не являлся филиал 99-го госпиталя в гор. Суйхуа базой для экспериментов по испытанию вирулентности бактерий, над которыми я работал. В филиале 99-го госпиталя находились на стационарном лечении туберкулезные больные.

Вопрос: Расскажите о Вашем знакомстве с генералом Араки.

Ответ: Впервые с генералом Араки я познакомился в январе 1942 года, когда я учился в Токийском государственном университете. После непродолжительной беседы о жизни и учебе он назвал себя и оставил мне адрес, сказав при этом, что если будет нужда, то я могу обратиться за помощью по указанному адресу. Вскоре после указанного разговора я вместе с несколькими студентами был приглашен в гости

[a] Так в тексте. Правильно — центрифуга.

к генералу Араки, последний в беседе с нами рассказывал о захвате Маньчжурии, о борьбе за создание Великой Восточной Азии. В одно из посещений Араки я встретил у него 3 японцев, приехавших из Маньчжурии. Впоследствии, когда я был направлен в 731-й бактериологический отряд, один из них оказывал мне материальную помощь, заявив о том, что это он делает по распоряжению генерала Араки.

Последний раз я у генерала Араки был в июне месяце 1944 года, когда он в беседе предложил мне перейти на положение стипендиата Военного министерства, узнав о том, что я проявляю большой интерес к туберкулезу. Я, конечно, согласился и при его содействии, получив 2 тысячи иен в качестве стипендии, направился на терапевтическую кафедру государственного университета повышать свои знания в области медицины по туберкулезным болезням.

В марте месяце 1945 года, когда я получил назначение в военный госпиталь в город Пейан, я получил письмо от генерала Араки, в котором мне были даны наставления о том, что я, находясь на военной службе, должен оправдать [доверие], оказанное мне императором и государством.

Вопрос: Назовите фамилию лица, который Вам оказывал материальную помощь по приказу генерала Араки, где он работал и чем занимался?

Ответ: Материальную помощь по приказу генерала Араки мне оказывал японец по фамилии Акимото, имя не помню.

Записано с моих слов правильно и мне переведено
на родной японский язык (подпись).

Перевел: переводчик оперотдела Ким

ДОПРОСИЛ:
следователь оперотдела лагеря № 16 МВД
мл. л-т (подпись)

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 263–272.
Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 33. Протокол допроса военнослужащего японской армии Ямасита Киёси о его службе в должности санитара филиале № 162 противоэпидемического отряда № 731

30 мая 1950 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

30 мая 1950 года г. Хабаровск

Я, старший оперуполномоченный оперотдела лагеря для военнопленных № 16 МВД старший лейтенант Лещанов, допросил арестованного

ЯМАСИТА Киёси, 1923 года рождения, по национальности японца.

Допрос производится через переводчика японского языка Кима, который за заведомо ложный перевод предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Вопрос: Назовите правильно Вашу фамилию, имя и год рождения.

Ответ: Моя правильная фамилия Ямасита, имя Киёси, год рождения 1923.

Вопрос: Расскажите о Вашей работе в филиале № 162 731-го отряда.

Ответ: В филиал № 162 я был направлен из 97-го пехотного полка 6 апреля 1944 года и находился там до момента пленения меня советскими войсками. В течение первых шести месяцев пребывания в филиале № 162 я проходил обучение на бактериологических курсах, изучая способы культивирования возбудителей инфекционных заболеваний — холеры, тифа, чумы и других, способы обращения с ними и обезвреживания их.

После шестимесячной подготовки на курсах я был оставлен работать при первом отделе филиала, где занимался культивированием возбудителей инфекционных болезней — как бактериологического оружия для военных целей, а также фотографическим фиксированием результатов действия инфекционных бактерий на организм животных.

Наряду с этим, за время работы в указанном филиале несколько раз я участвовал в вылавливании крыс и мышей для использования их как подопытного материала и в диверсионных целях, как распространителей эпидемических болезней.

Протокол мне зачитан через переводчика на понятном для меня японском языке. Все с моих слов записано верно (подпись).

ДОПРОСИЛ:
ст. лейтенант (подпись)
переводчик (подпись)

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–10.
Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

3.1.3. КОНЦЛАГЕРЬ ДЛЯ РУССКИХ ПЛЕННЫХ «ПРИЮТ» — ПУТЬ В ОТРЯДЫ СМЕРТИ

№ 34. Протокол допроса заместителя начальника лагеря «Хогоин» поручика японской армии Ямагиси Кендзи о его службе в лагере

6 января 1948 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
военнопленного японской армии поручика
ЯМАГИСИ Кендзи

6 января 1948 года

Ямагаси Кендзи, 1915 года рождения, уроженец деревни Дзейгон, уезда Карива, префектуры Ниигата, японец, японский подданный, происходит из крестьян, имеет высшее образование, окончил Токийский институт иностранных языков, беспартийный, в японской армии служил с 1938 года. Пленен 22 августа 1945 года вблизи Харбина.

Допрос ведется через переводчика японского языка мл. лейтенанта Шеногина, который об ответственности за точность перевода предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Вопрос: Уточните свои автобиографически данные.

Ответ: В 1933 г. я окончил институт в г. Касивадзани (префектура Ниигата) и поступил учиться в теологический институт Ояма в г. Токио. Область теологии и будущая

работа в этом направлении меня не увлекли, поэтому через год я перешел в институт иностранных языков в г. Токио. В этом институте я учился 4 года и изучил русский и английский языки. В 1938 г. после окончания института я был призван в японскую армию и зачислен в 30-й пехотный полк 15-й пехотной бригады в г. Мулин (Маньчжурия). В октябре 1949 года был направлен в запасное офицерское училище в г. Сендай (Япония), после окончания которого был направлен снова в свою часть в 30-й пехотный полк в г. Мулин, в котором продолжал службу в должности командира взвода. В сентябре месяце 1940 года вместе со своей частью прибыл в г. Харбин в подчинение 28-й дивизии, а в марте 1942 года, получив звание подпоручика, я был направлен в распоряжение командующего *5-й армии в г. Дунань (Маньчжурия), где служил в разведывательно-информационном отделении штаба в должности переводчика русского языка*[a]. В этой должности находился до марта месяца 1943 г.[b] Кроме служебных обязанностей как переводчика *русского языка, я занимался систематизацией и *обработкой разведывательных данных об Иманском укреп[ленном] районе*. Кроме того, во время службы в штабе 5-й армии *я посещал лагерь для русских граждан в г. Дунань*, который находился в подчинении Дунаньской военной миссии. В марте месяце 1943 года я был снова направлен на службу в 30-й пехотный полк 28-й дивизии, в котором служил до *сентября месяца 1943 года* в должности командира взвода. В сентябре месяце 30-й полк был переброшен на о. Окинава (возле Японии), а меня, как знающего русский язык, откомандировали в распоряжение Харбинской военной миссии.

Вопрос: В лагере «Хогоин» на территории Маньчжурии Вы служили?

Ответ: Да, служил, и это умышленно при допросах ранее скрывал.

Вопрос: Расскажите об этом теперь подробно.

Ответ: С периода пленения, т. е. с 22 августа 1945 года, я скрывался в лагерях для японских военнопленных под вымышленной *фамилией Накано*. Будучи разоблаченным в этом, я на допросе 24 февраля 1947 года показал, что, изменив свою действительную фамилию Ямагиси на Накано, я был намерен скрыть свою службу в разведывательном отделе 5-й японской армии и умолчать о своей причастности к работе в *Тоанской военной миссии*, однако это не является существенным. Теперь я желаю свои предыдущие показания дополнить следующим:

С июня 1943 года я являлся сотрудником Харбинской военной миссии и по указаниям этой миссии до дня капитуляции Харбинского гарнизона, т. е. [до] 22 августа 1945 г. выполнял специальные задания в лагере для советских граждан, оказавшихся на территории Маньчжурии по различным причинам и обстоятельствам. В этом лагере (по-японски «Хогоин»), сформированном в конце 1941 года и именовавшемся в целях маскировки «особым исследовательским отделом» Харбинской военной миссии, я исполнял обязанности *начальника агентурно-следственного отделения* и одновременно в период отсутствия начальника этого лагеря майора Иидзима Иосио являлся его прямым первым заместителем. Лагерь «Хогоин» располагался в 10 км южнее г. Харбин, и в нем преимущественно содержались советские военнослужащие, попавшие при различных обстоятельствах на территорию Маньчжурии. В последнее время в этом лагере содержалось до 150 человек советских граждан, военнослужащих, которые поступали в лагерь из пограничных военных миссий: Салалянской, Цземусской, Хаймарской, Дулшаньской и др. *Основной оперативной целевой установкой этого лагеря являлась обработка попавших в этот лагерь советских военнопленных в японском направлении и получение от них максимума известных им данных о структуре, мощи,

[a] Здесь и далее текст, отмеченный *...*, подчеркнут карандашом.

[b] Дата подчеркнута карандашом.

боеспособности и дислокации частей Советской Армии, экономическом и политическом положении Советского Союза, а также получение ряда других разведывательного характера данных, имеющих существенное значение для японской Харбинской военной миссии, в том числе и японской военной разведки*. Тот, кто попадал в «Хогоин», нами, т. е. японской администрацией лагеря, *а в основном мною и подчиненным мне аппаратом следственного отделения, всесторонне изучался*. На лицах, поддающихся воспитанию, отрабатывались прояпонские настроения, воспитывались преданные идеям Японии люди, способные выполнять *в последующем при надобности различные задания в интересах японского военного командования*.

Непокорные нашим японским интересам советские военнослужащие, содержавшиеся в лагере «Хогоин», *физически нами истреблялись, причем такое истребление осуществлялось в 731-м химическом диверсионном отряде, в котором над обреченными на смерть советскими людьми предварительно производились различные опыты в целях испытания действий новых химических отравляющих веществ и бактериологических средств*.

Вопрос: Сколько советских военнослужащих для истребления было направлено в 731-й химический диверсионный отряд за период Вашей службы в «Хогоин», т. е. с июня 1943 г. по день капитуляции Японии 15 августа 1945 года?

Ответ: Точную цифру я назвать не смогу, т. к. не помню, однако, *с моего согласия, совета и моей санкции* в 731-й отряд для истребления было направлено за период моей службы в «Хогоин» *не менее 30 человек советских военнослужащих*, проявляющих себя в лагере *враждебно по отношению к Японии*.

Вопрос: Ваш ответ не точен и не соответствует действительности.

Ответ: Уточняю, что за период моей службы в «Хогоин» до начала войны Японии с Советским Союзом *с моего согласия и с моей санкции в 731-й отряд для уничтожения было отправлено не более 15 человек*. В период войны, приблизительно числа [с] 12 августа 1945 года, в *этот же отряд мною лично и начальником «Хогоин» майором Иидзима Иосио было направлено для исправления, насколько я помню, по списку до 30 человек советских военнослужащих. Таким образом, общая цифра всех отправленных в 731-й отряд для истребления советских военнопленных за период моей службы в «Хогоин» исчисляется примерно в 40–45 человек*.

Вопрос: Охарактеризуйте советских людей, истребляемых Вами в 731-м отряде.

Ответ: Это были наиболее подозрительные, не внушающие нашего японского доверия, люди, отрицательно, враждебно настроенные по отношению к Японии и Маньчжоу-го, а также *разоблаченные нами советские разведчики*.

Вопрос: Кто производил конвоирование в 731-м отряде обреченных на смерть советских людей?

Ответ: Жандарм «Хогоин» старшина Сионо при помощи группы жандармов, вызываемых из жандармского Харбинского управления.

Вопрос: Где находится в настоящее время Сионо?

Ответ: По моим предположениям и по обстановке, существовавшей в Харбине в период капитуляции, он попал в советский плен, однако подтвердить это с точностью не могу, в плену я его нигде не видел. Сионо Сиро особых примет не имеет, возраст его приблизительно 29–30 лет, лицо круглое с выдающимися вперед скулами, голову всегда брил.

Вопрос: Что Вам известно о местопребывании в настоящее время начальника «Хогоин» майора Иидзима?

Ответ: Он находится в советском плену. Вместе с ним я находился в Харбинском сборном пункте для японских военнопленных, а затем мы расстались, т. к. я был взят советскими офицерами для работы как переводчик.

Вопрос: Что было сделано с советскими военнослужащими, находившимися в «Хогоин», после того как японский император 15 августа 1945 года объявил по радио о безоговорочной капитуляции Японии?

Ответ: Лагерь «Хогоин» по указаниям Харбинской военной миссии был немедленно распущен. Большинство содержавшихся в лагере советских военнослужащих получили гражданскую одежду, продовольствие, деньги и, в зависимости от специальности, инструменты и по собственному желанию осели в Харбине или же направились в южную Маньчжурию. Из числа содержавшихся в «Хогоин» советских военнослужащих *я по собственной инициативе устроил на различные работы в управление Маньчжурской железной дороги до 60 человек*, в Харбинское транспортное общество и универмаг «Тюрин» — по 5–6 человек и в Харбинское городское управление — 3–4 человека.

К периоду объявления императором о капитуляции Японии в 731-й химический диверсионный отряд для уничтожения не были отправлены несколько человек советских военнослужащих, которые проявляли себя *резко враждебно по отношению к японским властям*.

Одного такого русского военнослужащего я застрелил лично вблизи лагеря на площади у здания недействующего крематория, а второго в моем присутствии застрелил переводчик Такенака. Трупы расстрелянных были зарыты в землю тут же на месте расстрела. Все личные дела на содержавшихся в лагере советских людей были сожжены.

Вопрос: Вы лично посещали 731-й химический отряд?

Ответ: На территории 731-го химического отряда я никогда не был. Посещение этого отряда было крайне ограниченным, строгим и могло быть осуществлено только с разрешения командующего Квантунской армией. Этот отряд, как мне известно, был расположен в юго-западном направлении, в 15–20 км от г. Харбина, вправо по дороге Харбин-Хейбо. В целях уточнения месторасположения этого отряда прилагаю при этом протоколе моих показаний лично составленные мною две схемы.

Вопрос: Кого Вы знаете из личного состава этого отряда?

Ответ: Из числа личного состава 731-го отряда я никого не знаю и ни с кем из этого отряда знаком не был. Мне лишь известно, что до 1943 г. руководил и командовал этим отрядом генерал-лейтенант Исии — широко популярная и известная личность как в Японии, так и в Маньчжурии. Исии является профессором, имеет научные труды, семья его проживала в г. Токио.

Вопрос: Посещали когда-нибудь Ваш «Хогоин» сотрудники 731-го химического отряда?

Ответ: Я помню лишь один такой случай. В конце 1944 г. или в начале 1945 г. в «Хогоин» из 731-го отряда приезжал один капитан мед. службы по фамилии Хатано, где он находится в настоящее время мне неизвестно, возраст его 33–34 года, особых примет не имеет. Цель его приезда в «Хогоин» заключалась в том, чтобы установить у одного из советских военнослужащих, имеются ли на территории Советского Союза на Дальнем Востоке заводы, изготовляющие агар-агар (желе). Насколько мне известно, Хатано этим интересовался лишь потому, что агар-агар употребляется в лабораториях при размножении бактерий для их питания, и о таких заводах, которые производят агар-агар, ему были необходимы данные на период войны Японии с СССР.

Произведя беседу с одним из советских военнослужащих, содержавшихся в «Хогоин» (фамилию его не помню), и получив интересующие его данные, он уехал, и больше я никогда его не видел. Мне о нем лишь известно, что проживает он с семьей в Харбине, отец его жены Кондо является собственником большого отеля в Харбине под названием «Новый Харбин», расположенного вблизи собора в центре города.

Вопрос: Расскажите о назначении 731-го отряда в мирное время и его действиях во время войны?

Ответ: О назначении 731-го отряда в мирное время мне ничего не известно, а в период войны 731-й отряд предназначался для ведения бактериологической войны с противником.

Вопрос: Руководители Харбинской военной миссии знали о том, что в 731-м отряде проводится истребление советских людей с применением на них различных опытов в целях испытания действий отравляющих веществ и бактерий?

Ответ: Не только знали, а это осуществлялось с прямой санкции руководителей Харбинской военной миссии, в данном случае нач. этой миссии генерал-майора Акигуса Сионо, а до него генерал-майора Дои Акио. Хочу пояснить, что, для того чтобы направить из «Хогоин» *в 731-й отряд для уничтожения советского человека*, существовал следующий установленный вышеуказанной миссией порядок:

За моей подписью, как нач. агентурно-следственного отделения «Хогоин», составлялось мотивированное постановление, в котором указывалась полная характеристика объекта. Такое постановление мною докладывалось нач. «Хогоин», до осени 1944 г. подполковнику Танака, а позже его преемнику майору Иидзима, которые, соглашаясь с мотивировкой постановления, докладывали его нач. Харбинской военной миссии генерал-майору Дои Акио и в последнее время генерал-майору Акигуса Сиону. Последние, утверждая указанный документ, накладывали следующую свою визу: «Направить в 731-й отряд». Таким образом, лишь после этого обреченные на смерть русские люди из лагеря «Хогоин» направлялись в 731-й отряд для истребления.

Вопрос: Японское правительство знало о таком варварском истреблении советских людей?

Ответ: Несомненно, и осуществлялось такое истребление советских людей с ведома и санкции японского правительства, однако доказать это я не в состоянии, т. к. каких-либо правительственных документов по существу в «Хогоин» мы не получали. Подтверждением этого может служить лишь тот факт, что последний глава Харбинской военной миссии генерал-майор Акигуса Сион, а до него генерал-майор Дои Акио, давая указания об уничтожении непокорных японской армии русских военнослужащих, осуществляли это с ведома японских правительственных инстанций, т. к. такие и подобные им действия, затрагивающие международные законы и права, как правило, согласовывались с правительством и осуществлялись с его непосредственного утверждения.

Вопрос: Какое задание перед капитуляцией Японии Вы лично и весь состав лагеря получили от Харбинской военной миссии на случай пленения советскими войсками?

Ответ: Перед капитуляцией японской армии в Маньчжурии в лагерь «Хогоин» из Харбинской военной миссии поступил приказ о немедленной ликвидации лагеря и роспуске содержащихся в нем советских граждан и военнослужащих. Что именно было сделано с этими советскими людьми, я уже дал показания выше. Всему обслуживающему персоналу лагеря «Хогоин» было приказано после ликвидации лагеря явиться в расположение Харбинской военной миссии, что впоследствии 18 августа 1945 г. и было выполнено.

Территорию лагеря «Хогоин» и различное имущество я лично сдал Харбинскому городскому управлению. Будучи уже в Харбинской военной миссии 21 августа 1945 года, меня, как знающего русский язык, назначили в один из штабов Советской армии, и таким образом с этого периода я и стал военнопленным. Других каких-либо заданий в период капитуляции я от вышестоящих инстанций не получал[c].

[c] Так в тексте.

Хочу дополнить, что начальник лагеря «Хогоин» майор Иидзима на одном из совещаний в период ликвидации лагеря предупредил нас всех сотрудников о том, что на случай пленения и допросов мы должны будем скрыть от советских органов свою службу в «Хогоин», а в этих целях изменить свои действительные фамилии, что в последующем многими и было сделано, свою действительную фамилию Ямагиси я изменил на вымышленную Накано, сделали ли подобное остальные сотрудники лагеря «Хогоин», я не знаю.

Вопрос: Имеете Вы желание дополнить свои показания?

Ответ: К своим показаниям я больше ничего добавить не могу.

Протокол с моих слов составлен правильно, мною лично прочитан, т. к. я свободно читаю русский текст. Правильность моих показаний, изложенных в протоколе, подтверждаю своей подписью (подпись).

ДОПРОСИЛИ:
подполковник (подпись)
ст. лейтенант (подпись)

Переводчик японского языка
мл. лейтенант (подпись)

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 13–28. Подлинник. Публикуется впервые.

№ 35. Протокол допроса начальника лагеря «Хогоин» майора японской армии Иидзима Иосио о его службе в лагере

25 июня 1948 г.

Протокол допроса

25 июня 1948 года г. Хабаровск

Я, следователь УМВД по ХК Писарев, допросил в качестве обвиняемого военнопленного японца Индзима Иосио (установочные данные в деле имеются).

Допрос начат в 16 часов 00 минут.

Допрос ведется на японском языке через переводчика оперативного отдела УПВИ УМВД по ХК Раздобреева Георгия Петровича, который об ответственности за неточность и неправильность перевода по ст. 95 УК РСФСР предупрежден (подпись).

Вопрос: Расскажите, какой контингент содержался в лагере «Хогоин», в каком количестве и какие задачи стояли перед лагерем, в котором вы с начала 1945 года являлись начальником.

Ответ: Начальником лагеря «Хогоин», что по-русски называется «Приют», я проработал немного, около семи месяцев с февраля 1945 года и до момента пленения, то есть до 18 августа 1945 года. Лагерь «Хогоин», или как он иначе назывался «Научно-исследовательский отдел», находился в ведении Харбинской военной миссии, начальником которой был генерал-майор Акикуса, его заместителем подполковник Ямасита Цутому.

Лагерь был рассчитан на 150 человек, в лагере содержались одни лишь русские люди, исключительно мужчины-перебежчики из Советского Союза, дезертиры Красной Армии, случайно приземлившиеся на территорию Маньчжурии советские летчики, гражданские советские лица, захваченные на границе японской пограничной полицией, и разведчики советских разведывательных органов.

Лица, содержащиеся в лагере «Хогоин», использовались на разных работах в подсобном хозяйстве лагеря, за исключением разоблаченных агентов советской разведки, нарушителей лагерного режима, которые на работу не выводились, а содержались на строгом режиме.

Учет лагерного населения вел жандарм Сиода, у которого были, кроме списков, и личные дела с полными биографическими данными и обязательно с фотокарточкой[a].

Помимо использования советских граждан в трудовом процессе на пользу Японии начальство Харбинской военной миссии передо мной ставило задачи: через имеющийся следственный аппарат лагеря путем производства допросов выявлять и разоблачать советскую агентуру, получать разведывательные данные о Советском Союзе и о них информировать Харбинскую ЯВМ.

Моим заместителем по следственной работе являлся поручик Ямагиси, занимая фактически должность начальника агентурно-следственного отделения, как иначе называлось информационное отделение.

У Ямагиси в отделении было человек 12 работников японцев — следователей, переводчиков, ему же подчинялся и жандарм Сиода. Фамилии всех следователей назвать затрудняюсь, но некоторых фамилии помню, как-то Танидзаки, Тагучи, Кубо, Сенно Игараси.

В работу каждого следователя в отдельности, кого он допрашивал и по каким вопросам, я не вдавался, это лежало на ответственности Ямагиси. Я лишь от Ямагиси требовал доклад о работе за все отделение и совместно с Ямагиси принимал то или иное принципиальное решение, и всегда у нас с Ямагиси, с которым у меня неприязненных отношений по службе и в быту не было, был полный контакт, единое мнение.

Вопрос: Что это за принципиальные решения, которые вы принимали с Ямагиси?

Ответ: К принципиальным решениям я отношу вопросы, связанные с созданием режима в лагере для разоблаченных агентов, отправка советских агентов, нарушителей дисциплины лагеря, склонных к побегу из лагеря, в специальный 731-й отряд.

Вопрос: Расскажите подробно, что это за отряд, для какой цели в отряд направлялись советские люди?

Ответ: Мне известно от руководства Харбинской ЯВМ, что 731-й отряд штаба Квантунской армии занимался изучением действия смертоносных бактерий на организм человека, которому для производства опытов нужны были живые люди. Жертвами являлись советские люди, отправляемые из лагеря «Хогоин» с ведома Харбинской ЯВМ, где они под опытами умирали.

Всего мною в 731-й отряд из лагеря «Хогоин» на верную смерть было отправлено за несколько раз около 40 человек, фамилии отправляемых я не запомнил, о них должен знать Ямагиси, который на каждого отправляемого составлял заключение, которое я утверждал, ибо иного выхода у меня не было, так как инструкция штаба Квантунской армии ясно определяла, какую категорию людей обязательно нужно отправлять на физическое уничтожение. Говоря об этом, я не думаю снять с себя ответственность за такое гнусное уничтожение советских людей, я виноват и готов нести ответственность перед советским командованием.

Вопрос: Расстрел советских граждан имел место в лагере «Хогоин»?

Ответ: Да, имел за несколько дней до плена. Я по своему личному усмотрению дал распоряжение Ямагиси расстрелять четырех советских разведчиков, фамилию знаю только одного — артиста Смирнова, остальные трое были — русский священник, агро-

[a] Абзац отчеркнут вертикальной чертой слева на полях.

ном и советский моряк, кажется лоцман. Насколько мне известно, приводил в исполнение расстрел советских граждан Ямагиси и Сиода.

Вопрос: Применялись ли следователями во время допроса к советским гражданам меры физического воздействия, избиения и пытки?

Ответ: Я запрещал Ямагиси бить на допросах советских граждан, но слышал, что некоторые следователи, в частности жандарм Сиода и следователи Сенно и Танидзаки, били, лично я этого не видел, так как никогда на допросах не присутствовал. Применял ли меры воздействия при допросах Ямагиси, я не знаю.

Хочу дополнить свои показания о том, что в 1943–44 году, до моей работы в лагере, работники агентурно-следственного отделения жестоко обращались с перебежчиками, били при допросах, пытали, насильно наливали в рот воду в большом количестве, зажимая перебежчику нос, что вызвало боль, но привести конкретные факты, кто это из следователей делал, я не могу, так как сейчас не помню, кто мне об этом рассказывал. Вот все, что могу рассказать.

Протокол допроса с моих слов записан правильно, мне прочитан на русском и японском языке, правильность изложенного подтверждаю (подпись).

Допрос окончен в 19 часов 30 минут.

ДОПРОСИЛ:
следователь УМВД по Хабаровскому краю Писарев

Переводчик оперотдела УПВИ УМВД по Хабаровскому краю Раздобреев

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 110–114.
Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 36. Протокол допроса Ясуй Такео (Касаока Ригоди) о его работе преподавателем русского языка при разведывательной школе № 345, службе в должности начальника охраны лагеря «Хогоин» и участии в расстрелах советских граждан

13 июля 1948 г.

Управление Народного комиссариата внутренних дел по ДВК
Управление государственной безопасности

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

К делу № _____

1948 г. июля мес. 13 дня. Я, ст. оперуполномоченный опергруппы 2-го отделения Гарнышев, допросил в качестве свидетеля

1. Фамилия: Ясуй Такео, он же
2. Имя и отчество Касаока Ригоди
3. Дата рождения: 1918
4. Место рождения: дер. Усио, район Охара, губ. Симанэ, Япония
5. Местожительство: по месту рождения
6. Нац. и гражд. (подданство): японское
7. Паспорт: нет
8. Род занятий: на положении в/пленного
9. Социальное положение: из крестьян
10. –

11. Состав семьи: отец — Ясуй Кумаиы, мать — Ясуй Киено, проживают по месту рождения допрашиваемого

12. Образование (общее, специальное): окончил 9 классов и специальную школу № 345 Японской военной миссии в гор. Харбине

13. Партийность (в прошлом и в настоящем): не состоял

14. Каким репрессиям подвергался: судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что):

а) до революции не арестовывался

б) после революции нет

15. Какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.): орден японского правительства 7-й степени

16. Категория воинского учета запаса и где состоит на учете: невоеннообязанный

17. Служба в Красной армии, когда и в качестве кого: не служил

18. Служба в белых и др. к.-р. армиях (когда в качестве кого): не служил, за исключением до плена в японской армии

19. Участие в бандах, к.-р. организациях и восстаниях: не участвовал

20. Сведения об общественно-политической деятельности

Об ответственности за дачу ложных показаний предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Показания обвиняемого (свидетеля) Ясуй Такао, он же Касаока Ригоди

Допрос начат [в] «12» часов «00» минут.

Вопрос: Скажите, на каком Вы языке желаете давать показания при Вашем допросе?

Ответ: На допросе желаю давать показания на русском языке, так как я свободно им владею.

Вопрос: Расскажите, когда Вы призваны в японскую армию?

Ответ: Я призван в японскую армию в марте месяце 1939 года и был зачислен в 490-й пехотный полк Квантунской ар[мии], где служил рядовым солдатом по август месяц 1939 г., а затем в числе одной роты 490-го пехотного полка был направлен в отделение в Монгольской Народной Республике по охране Штаба генерала Очооу, который является командующим Японскими вооруженными силами. Я в боях в Монгольской Народной Республике непосредственно не участвовал. В вышеуказанной части служил до декабря месяца 1939 г., после чего был обратно направлен в 490-й пехотный полк. 490-й пехотный полк был зашифрован, в действительности эта часть являлась 8-й пограничной дивизией, где я служил в качестве пулеметчика до февраля 1940 года, а затем был направлен в полковую школу в гор. Лодинь (Маньчжурия), где обучался 6 месяцев и был обратно направлен в часть со званием ефрейтора командира отделения. *В августе месяце 1942 года по приказу командования Квантунской армии был направлен в разведывательную 345-ю школу ЯВМ в гор. Харбине, где обучался по 1943 год. После окончания школы я был оставлен в школе в качестве помощника преподавателя школы № 345 ЯВМ в гор. Харбине по русскому языку, где работал по день моего пленения, т. е. до 22 августа 1945 года*[a]. Находясь в лагере в/пленных в гор. Адзо (Маньчжурия), перед отправкой в СССР в целях скрыть свою принадлежность к ЯВМ [я] изменил свою настоящую фамилию на Касаока Ригоди.

Вопрос: Расскажите о Вашей практической деятельности в период работы в 345-й школе ЯВМ в гор. Харбине.

[a] Текст, выделенный *...*, подчеркнут карандашом.

Ответ: Я с 1942 года по 1945 год обучался в 345-й школе ЯВМ в гор. Харбине, где подготавливался стать работником ЯВМ, но я был оставлен в качестве преподавателя русского языка при разведывательной школе низшего класса, где готовили работников Японской военной миссии по разведывательной работе против СССР. Мною лично выпущено курсантов 150 человек с переводом в класс «б». Я, работая при школе № 345 ЯВМ в гор. Харбине, 13 августа 1945 года по приказу начальника школы № 345 капитана Сато был назначен временно командиром взвода охраны лагеря «Хогоин» ЯВМ в гор. Харбине, где содержались советские военнослужащие, а также граждане под арестом, последние в лагерь «Хогоин» поступали из отделения ЯВМ, дислоцировавшегося на границе с СССР, по какой причине были арестованы и задержаны, я об этом не знаю. Но знаю, что некоторые были арестованы за переход японско-советской границы. Арестованных в лагере «Хогоин» в то время, когда я охранял, содержалось около 200 человек. Сотрудники Управления Харбинской военной миссии, кто именно не знаю, подвергали вышеназванных допросу и получали от них сведения шпионского характера, но от кого именно, фамилий я не знаю.

Вопрос: Расскажите о практической деятельности Вашего взвода и личном составе?

Ответ: Состав моего взвода по охране лагеря «Хогоин» составлял примерно 15–20 человек, которые были в составе 3-го отделения. Перед моим взводом была поставлена задача охранять арестованных, содержавшихся в лагере «Хогоин», в целях не допустить побега из лагеря, для чего мною намечено было 4 поста за зоной лагеря и на вышке пост. Мною лично давалось право каждому часовому на посту при попытке к побегу заключенных, т. е. арестованных, применить против русского оружие, но за [время] моей службы в лагере «Хогоин» до 18 августа 1945 года из числа арестованных побегов не было. Помимо этого, моим взводом охранялось особое арестантское помещение лагеря «Хогоин», где содержались арестованные советские граждане и военнослужащие, в каком количестве я не знаю, примерно 2–3 человека, фамилии их не знаю, но знаю, что [они] были арестованы как иностранные агенты Советского Союза [и] разоблачены ЯВМ.

14 августа 1945 года [в] ночь на 15 августа 1945 г. работниками лагеря после объявления по радио о капитуляции Японии 8 человек [было] расстреляно, 10 советских граждан, являющихся агентами Советского Союза, переброшены в Маньчжурию с разведзаданиями, фамилий ни одного из них не помню, некоторые расстреляны и перерублены в лагере «Хогоин», а некоторых увозили за зону лагеря на расстрел[b].

Из числа содержавшихся советских граждан в лагере «Хогоин», которые добровольно перебежали из Советского Союза в Маньчжурию, собралось около 100 человек, им выдано было ЯВМ в гор. Харбине по 200 руб. денег, [они были] переобмундированы, выданы продукты питания и отправлены в гор. Шанхай в Китай, для какой цели, я об этом не знаю. Кроме этого, в арестантском помещении в 4 ч. утра местного времени 15 августа 1945 года сожжено 2 человека арестованных, фамилии которых не знаю, знаю, [что они] являлись переброшенными из Советского Союза с разведывательными заданиями, о других расстрелах я не знаю.

Вопрос: Расскажите, какое Вы непосредственное участие принимали в зверствах над советскими гражданами?

Ответ: Я принимал участия в расстрелах советских граждан. 14 августа [в] ночь на 15 августа как командир взвода охраны лагеря «Хогоин» выводил из арестантского помещения через вахту [из] зоны лагеря «Хогоин» и заводил в машину специальную, на которой их увозили за город Харбин, где для расстрелянных были подготовлены специальные могилы, каждого ставили перед ямой, без моего участия расстреливали. Помимо этого, по приказанию заместителя начальника лагеря «Хогоин» лейтенанта Ямаг[иси] (имя не помню), я дал распоряжение своему заместителю Симоике (имя не помню, в данное время он содержится в 117-м лагерном пункте, скрывается под вы-

[b] Абзац подчеркнут синим карандашом, на полях отчеркнут вертикальной чертой.

мышленной фамилией Минами, имя не помню, работает на общих работах) сжечь арестантское помещение лагеря «Хогоин» вместе с двумя арестованными русскими гражданами[c]. После моего распоряжения мой заместитель Симоике Минами поставил из взвода людей для поджога арестантского помещения (но кого именно, не помню); совместно с работниками лагеря старшиной Ониси (имя не помню, содержался в лагере № 4 МВД [в] 104-м л/пункте), Кобаяси (имя не помню, содержался в 104-м лагерном пункте, скрывается под вымышленной фамилией, настоящая Танехата Сиро), Хояси Тосио (где содержится, не знаю) собрали в арестантское помещение все делопроизводство лагерной канцелярии, письменных столов и других тряпок, облили бензином и сожгли, где сгорело 2 человека арестованных советских граждан.

Вопрос: Расскажите, кто непосредственно участвовал в расстрелах советских граждан в лагере «Хогоин» 14–15 августа 1945 года?

Ответ: 1. Заместитель начальника лагеря «Хогоин» лейтенант Ямагиси[d], имя не знаю точно, но предполагаю, [что] содержится в лагере в[оенно]пленных офицеров японской армии в гор. Хабаровске, который лично при мне расстрелял 5 человек, как фамилии их, я об этом не знаю.

2. Старшина Симомура[e] (имя не знаю) содержался в 126-м лагерном пункте 9-го отделения, скрывается под вымышленной фамилией, настоящая его фамилия Дзим , имя не помню, который расстрелял 2 человек советских граждан, фамилию последних также не знаю.

3. Старшина Онисои[f] (имя не помню) содержался в 1946 году в 1-м отделении в 104-м лагерном пункте, который также несколько человек лично расстрелял.

4. Старшина Кобаяси (имя не знаю), настоящая фамилия Танехата Сиро, содержится в 104-м лагерном пункте, который также участвовал в расстрелах.

5. Старшина, фамилию не помню, был направлен в лагерь «Хогоин» из Управления жандармерии, высокого роста, полный, в возрасте 36–37 лет, (содержался в 104-м лагерном пункте, где содержится в данное время, я не знаю), который лично несколько человек рубил шашкой.

6. Хаяси Тосио содержится в лагере в[оенно]пленных в гор. Хабаровске, который также участвовал в расстрелах.

7. Командиром отделения моего взвода по охране лагеря «Хогоин» работал сержант Яманэ, имя не помню, который охранял советских граждан, содержащихся в лагере «Хогоин», непосредственно со своим отделением участвовал в поджоге арестантского помещения лагеря, где сгорело 2 человека советских граждан. Помимо этого, давал указания часовым своего отделения, стоящим на посту, при попытке побега русских из зоны лагеря применять оружие[g].

8. Командиром отделения моего взвода работал Яно (имя не помню), который содержится в 4-м отделении, в каком лагерном пункте, я не знаю. Участвовал ли он в зверствах, не знаю, но давал распоряжение солдатам своего отделения при попытке к бегству из лагеря применять оружие.

9. Командир моего взвода III отделения Кавамура (имя не знаю), где содержится, я не знаю, но в лагере № 4 МВД, который в зверствах над советскими гражданами не участвовал, но он давал распоряжение солдатам своего отделения при попытке русских к бегству из лагеря применять оружие. Где был в ночь с 14 на 15 августа 1945 года во время зверств над советскими гражданами в лагере «Хогоин», я не помню.

---

[c] Текст ответа подчеркнут красным и синим карандашами, на полях отчеркнут вертикальной чертой.

[d] Фамилия подчеркнута красным карандашом.

[e] Фамилия подчеркнута красным карандашом.

[f] Фамилия подчеркнута красным карандашом.

[g] Предложение подчеркнуто красным карандашом.

10. Пом. ком[андира] моего взвода Сиогоинэ, он же Минами (имя не знаю), который содержится на 117-м лагерном пункте, о его практической деятельности сказал ранее.

11. Солдат моего взвода Сато (имя не помню), который участвовал [в] поджоге арестантского помещения, содержится [в] 46-м лагере в гор. Биробиджане.

12. Икеда (имя не помню) содержится также в 46-м лагере в гор. Биробиджане, который являлся солдатом моего взвода, участвовал в поджоге арестантского помещения лагеря «Хогоин» вместе с 2-мя арестованными советскими гражданами. Других не помню.

Вопрос: Расскажите, чем были вызваны зверства над советскими гражданами в лагере «Хогоин» 14–15 августа 1945 года?

Ответ: 14 августа 1945 года по радио объявили о капитуляции японской армии. [В] 14:00 часов местного времени я, как командир взвода охраны, был вызвал заместителем начальника лагеря «Хогоин» лейтенантом Ямагиси, который мне сказал, что в целях скрытия преступлений, совершавшихся в лагере «Хогоин» японцами над советскими гражданами, надо расстрелять неблагонадежных русских, притом поджечь арестантское помещение. Других причин мне неизвестно.

Вопрос: Имеете ли Вы дополнительные показания по существу допроса?

Ответ: Других показаний по существу допроса я не имею.

Протокол допроса с моих слов записан правильно, мне лично прочитан на русском языке (подпись).

Допросил:
ст. оперуполномоченный
мл. лейтенант (подпись)

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 182–193.
Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 37. Протокол допроса Ясуй Такео (Касаока Ригоди) о его службе в должности начальника охраны лагеря «Хогоин» и участии в расстрелах советских граждан

12 августа 1948 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1948 года августа 12 дня пос. Тырма

Я, ст. оперуполномоченный оперативной группы при 2-м лагерном отделении Ургальского лагеря № 4 МВД мл. лейтенант Горнышев, допросил в качестве свидетеля военнопленного 210-го лагерного пункта

Ясуй Такео, он же Касаока Ригоди, 1918 года рождения, ур. дер. Усио, р-н Охара, губ. Симанэ, Япония, японец, японское подданство, образование 9 классов, беспартийный, до плена работал в ЯВМ в гор. Харбине.

Об ответственности за дачу ложных показаний предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Вопрос: Скажите, на каком языке Вы желает давать показания на допросе?

Ответ: На русском языке, так как я свободно им владею.

Вопрос: Скажите, кого Вы знаете из состава администрации лагеря «Хогоин», в том числе из охраны, были ли они пленены советскими войсками и где содержатся в лагере в/п?

Ответ: 1. Начальником лагеря «Хогоин» Харбинской ЯВМ работал капитан Ито, имя не знаю, который после пленения в 1945 году в гор. Харбин в числе офицеров ЯВМ командованием Советской армии был увезен поездом в гор. Хабаровск в лагерь в[оенно]ленных, но где в данное время находится, для меня неизвестно.

2. Заместитель начальника лагеря «Хогоин» Харбинской ЯВМ — лейтенант Ямагиси, имя не знаю, который совместно с начальником капитаном Ито в числе других в[оенно]пленных также в гор. Харбин после пленения советскими войсками увезен в гор. Хабаровск в лагерь для в[оенно]пленных, где он в данное время находится, для меня неизвестно.

3. Жандарм жандармерии Миноура, имя не знаю, который совместно с нами доехал до гор. Мудзян, где он был переведен в другой батальон, но как работник военной миссии. Свою настоящую фамилию изменил на вымышленную и скрывается где-то в лагере в[оенно]пленных в Советском Союзе. Особые приметы его: полный, ростом 165 см, нос прямой, других примет не помню.

4. Заведующий хозяйственной частью лагеря «Хогоин» Харбинской ЯВМ старшина Танехата Сиро, который содержится в 104-м лагерном пункте 1-го лагерного отделения Ургальского лагеря № 4 МВД, скрывается под фамилией Кобояси, имя не помню.

5. Заведующий огородом лагеря «Хогоин» старшина Симомура, имя не знаю, содержался под вымышленной фамилией в 126-м лагерном пункте, которого недавно этапировали в лагерь в[оенно]пленных в гор. Хабаровск.

6. Следователь лагеря «Хогоин» ЯВМ в гор. Харбин юнкер Ониси, имя не знаю, который скрывается под вымышленной фамилией в Ургальском лагере № 4 МВД, но как его вымышленная фамилия, я не знаю, со слов военнопленного Кобояси, он же Танокота, я слышал, что он в 1946 году содержался в 104-м лагерном пункте.

7. Следователь Хаяси, который скрывается под вымышленной фамилией, настоящей фамилии я не знаю. Хаяси работал переводчиком при штабе 1-го отделения Ургальского лагеря № 4 МВД, а недавно направлен в гор. Хабаровск в лагерь в[оенно]-пленных.

8. Писарь лагеря «Хогоин» Сайто, имя не знаю, в звании мл. унтер-офицер, до весны 1947 года содержался в 104-м лагерном пункте 1-го отделения, куда убыл, для меня не известно.

Других я не знаю по фамилии, но в лицо помню из числа администрации лагеря «Хогоин».

9. Мл. лейтенант Ямада, имя не помню, который работал до меня командиром взвода охраны лагеря «Хогоин», работал только одну неделю, а затем возглавил мой взвод. Ямада в числе других работников ЯВМ был взят в плен советскими войсками в гор. Хабаровске, где содержится [в] данное время, для меня не известно.

10. Помощник командира взвода охраны лагеря «Хогоин» Харбинской ЯВМ унтер-офицер Симоике, имя не знаю, скрывается в 117-м лагерном пункте под вымышленной фамилией Минами, имя также не знаю, он работал 2 недели, т. е. был помощником Ямада, а затем моим.

11. Командир отделения охраны лагеря «Хогоин» унтер-офицер Яманэ, имя не помню, скрывается под вымышленной фамилией в 208-м лагерном пункте.

12. Командир отделения охраны лагеря «Хогоин» унтер-офицер Яно, имя не знаю, где содержится [в] данное время, не знаю, но прибыл в лагерь в[оенно]пленных № 4 МВД в 1945 году.

13. Командир отделения охраны лагеря «Хогоин» унтер-офицер Кавамура, который скрывается под вымышленной фамилией в Ургальском лагере № 4 МВД, но где, я не знаю.

Вопрос: Кто вместе с Вами был [во] вспомогательной охране из числа курсантов и работников 345-й разведшколы по охране лагеря «Хогоин», с какого и по какое время, были ли они пленены и где содержатся?

Ответ: 1. Рядовой Сато, имя не помню, работал охранником лагеря «Хогоин» в моем взводе, находится в плену в СССР в лагере для в[оенно] пленных № 46, до плена он обучался [в] 345-й разведшколе.

2. Рядовой курсант 345-й разведшколы Ито, имя не помню, работал в моем взводе по охране лагеря «Хогоин», содержится [в] 46-м лагере в гор. Биробиджан.

3. Рядовой курсант 345-й разведшколы Иики, имя не помню, работал в моем взводе по охране лагеря «Хогоин», [в] данное время где содержится, не знаю, ранее содержался [в] 46-м лагере.

4. Рядовой курсант 345-й разведшколы Ясуда, имя не знаю, работал в моем взводе по охране лагеря «Хогоин», где содержится, не знаю, ранее содержался в 46-м лагере. Других не помню.

Вопрос: Расскажите о конкретных фактах зверств, расстрелах [и] других пытках советских граждан, где и когда, кто принимал участие в расстрелах, какое количество было расстреляно советских граждан, их фамилии, укажите приметы?

Ответ: 15 августа 1945 года работник администрации лагеря «Хогоин» старшина Таиехата, ныне он Кобояси, меня встретил в зоне лагеря, при беседе сказал, что, поскольку японская армия капитулировала, нам надо содержащихся советских граждан в лагере «Хогоин», которые изменили Советскому Союзу [и] перебежали на нашу сторону, т. е. на сторону Японии, освободить, а некоторых отправить в гор. Шанхай (Китай), а тех, которые являются закордонными[a] агентами СССР и направлены со шпионскими заданиями в Маньчжурию, будем расстреливать.

После этого [в] ночь [с] 16 августа на 17 августа 1945 г. [в] 24 часа местного времени из лагерного гаража вышла машина грузовая, покрытая брезентом, под водительством шофера[b] из числа работавших в лагере «Хогоин», фамилию которого не помню, в машину посадили 7–8 человек, с ними в машину сели зам. начальника лагеря «Хогоин» лейтенант Ямагиси, старшина Микоура, старшина Ониси и Вимэмура, последние с этими людьми выехали за лагерь «Хогоин» около 400 метров, где заранее работниками лагеря «Хогоин» были подготовлены ямы. Этих 7–8 человек привели к ямам и расстреляли, некоторые были лично Ямагаси и Миноурой зарублены шашками по несколько человек. Я лично на месте расстрела не был, об этом слышал после расстрелов со слов Миноура и Симамура. После этого примерно через 1 час вернулись в зону лагеря «Хогоин».

[В] ночь [с] 17 августа 1945 года на 18 августа на этой же машине лейтенант Ямагиси, старшина Симэмура, Миноура и Ониси примерно в[c] часа местного времени из зоны лагеря «Хогоин» Харбинской ЯВМ увезли на прежнее место на расстрел 5–6 человек, точно не помню, которые ими также были некоторые расстреляны, а некоторые шаш-

---

[a] Так в тексте.

[b] Так в тексте.

[c] Далее слово пропущено.

ками зарублены. Всего лейтенантом Ямагиси, старшиной Ониси, старшиной Симэмура и старшиной Миноура за две ночи с 16 по 18 августа 1945 года расстреляно 13 человек советских граждан, содержавшихся в лагере «Хогоин», из них был расстрелян ст. лейтенант Петров, который содержался под следствием в лагере «Хогоин» в течение 6 месяцев, [он] был задержан Японской военной миссией, других фамилий я не знаю. Я не интересовался фамилиями, я вел учет количества, также по приметам не помню. Помимо вышеназванных, утром 15 августа 1945 года зам. нач-ка лагеря «Хогоин» лейтенант Ямагиси меня вызвал к себе в кабинет и приказал произвести чистку, т. е. сжечь все имеющие секретные документы и ценную мебель в целях сокрытия следов преступлений перед советским командованием. Мебель и все документы занести в арестантское помещение в зоне лагеря, чтобы спалить арестантское помещение. После этого приказа я к себе вызвал пом. ком. взвода Симоикэ, он же Миками, командира отделения Яманэ, он же Канго, командира отделения Яно и командира отделения Кавамура, он же Мурояма, которым дал приказ произвести поджог арестантского помещения, для запала тащить документы и мебель, а затем вышел и наблюдал за командирами отделений, которые исполняли мой приказ, т. е. они со своими солдатами притащили в арестантское помещение документы, мебель и сожгли. Тогда нами в арестантском помещении [были] сожжены 2 человека советских граждан из общего количества арестованных лейтенантом Ямагиси ранее советских граждан. Как фамилии, которых мы сожгли, я не знаю. Приметы: были одеты в лагерную форму, лицо я их не видел. Кроме этого, мне известно со слов старшины Симэмура, о том, что еще до войны Советского Союза с Японией Японской военной миссией был арестован агент Советского Союза — переброшенная в Маньчжурию в июне месяце 1945 года девочка 18 лет, красивая, которая была в лагере «Хогоин» отравлена, кем и чем, я об этом не знаю. Других фактов я не знаю.

Вопрос: Скажите, участвовали ли Вы лично в зверствах над советскими гражданами?

Ответ: Я лично участвовал 15 августа 1945 года в поджоге советских граждан, которые содержались в арестантском помещении лагеря, т. е. 15 августа я совместно со своим взводом и при участии командиров отделений Яманэ-Наиго, Минами-Симаикэ, Яно и Кавамура, он же Муроями, в арестантском помещении сожгли 2 человек советских граждан. В расстрелах советских граждан я не принимал участие лично, но я со своим взводом охранял их до момента их расстрела.

Вопрос: Скажите, знаете ли Вы лиц, которые Японской военной миссией были завербованы агентами и отпущены?

Ответ: Я завербованных Японской военной миссией лиц из числа советских граждан не знаю, об этом знает Танехата Сиро, он же Кобояси, который неоднократно ко мне до войны с Советским Союзом приходил на рабочее место в разведшколу и рассказывал нам, что из числа советских граждан, содержавшихся в лагере «Хогоин», имеются их доверенные лица.

Вопрос: Хотите ли Вы дать дополнительные показания по существу Вашего допроса?

Ответ: Дополнительные показания по существу допроса я не имею.

Протокол допроса с моих слов записан правильно, мною прочитан (подпись).

Допросил:
ст. оперуполномоченный
мл. лейтенант (подпись)

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 194–202. Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 38. Собственноручные показания заместителя начальника лагеря «Хогоин», начальника следственного отделения поручика Ямагиси Кендзи о его службе в лагере

3 сентября 1948 г.

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ
военнопленного японца, заместителя начальника лагеря «Хогоин»
поручика ЯМАГИСИ Кендзи

от 3 сентября 1948 г. гор. Хабаровск

В лагере «Хогоин» я около двух лет еще служил в качестве начальника следственного отделения. Ниже на японском языке излагаю различные пункты, на которые еще до сих пор не ответил при допросе советскому следователю. За нижеизложенное я принимаю ответственность и искренно излагаю. От души раскаиваюсь в совершенных мною ранее в японской армии фашистских действиях и вместе с этим, основываясь на новом мировоззрении на будущее и на моей идеологии, горю сильным решением[a], поэтому я с радостью, для устранения прошлых ошибок и преступлений, считаю долгом изложить здесь все правдиво.

Во-первых, пишу об офицере, который являлся сотрудником моего следственного отделения, а в самый последний момент (при окончании войны) был моим заместителем. Его фамилия *Касахара Тозабуро*[b], по званию подпоручик, окончил институт «Харбин Гакуин», уроженец префектуры Ниигата.

О сроке службы и его обязанностях

Касахара прослужил около десяти месяцев в лагере «Хогоин» — с конца 1944 года до окончания войны и все это время работал у меня в качестве сотрудника следственного отделения. Когда Касахара прибыл в лагерь «Хогоин», он стал работать, имея армейское звание стажера-офицера. Как сотрудник следственного отделения он сразу же стал проходить практическую стажировку.

Характер очень серьезный и скромный. Однако из-за того, что он был неопытный для ведения допросов и еще не обладал информационными познаниями[c] в той степени, чтобы самостоятельно проводить следствие, поэтому вначале ежедневно стал изучать информацию. Приходя каждый день в следственное отделение лагеря «Хогоин», он старательно знакомился с разного рода информационными документами (Генерального штаба, второго отдела Квантунской армии, второго отдела и информационного кабинета Харбинской ЯВМ, других отделений ЯВМ, всех штабов армий, отряда № 100, отряда № 800, отряда № 500, Маньчжурского дипломатического отдела, Главного штаба жандармерии и т. д.), постепенно повышая информационные познания. Кроме этого, для усовершенствования знания языка он повседневно разговаривал с перебежчиками (советскими солдатами), проживающими в лагере «Хогоин», занимался повышением квалификации в разговорной речи; одновременно, находясь в близких отношениях с советскими людьми, он старался изучить их характер, настроения, нравы, идеологию и способности. Каждый раз при удобном случае он следил за идеологическим поведением и *старался, основываясь на любезности, по возможности привлечь перебежчиков на сторону Японии*. Хотя Касахара имел низкие информационные познания,

[a] Так в тексте.

[b] Здесь и далее текст, отмеченный *...*, подчеркнут карандашом.

[c] Так в тексте.

но по званию он в следственном отделении следовал за мной, поэтому по штату работал *в качестве моего помощника*. Для Касахара была отведена отдельная комната на одного, он пользовался привилегиями как офицер.

Обязанности Касахара

Касахара в следственном отделении был ответственным сотрудником по сбору информации *(военной информации) о Советской армии*, то есть являлся ответственным сотрудником [по сбору] военной информации, одновременно с этим считался помощником [начальника] следственного отделения.

О допросах и следствии, проводимых Касахара

Касахара, безусловно, неоднократно занимался допросами, но в данное время я не могу вспомнить, кого он допрашивал кроме следующих двух-трех лиц, которых я припомнил.

Перебоев и Кинев. Когда эти лица пытались совершить побег, Касахара обоих сам лично допрашивал об их душевном состоянии. В начале 1945 года, изложив причину побега и свой взгляд на это, он доложил мне.

Касахара также [для сбора] военной информации допрашивал беглого священника Чумаченко и о результате устно доложил мне.

Кроме них, Касахара вместе с фельдфебелем Хаба допрашивал несколько вновь прибывших в лагерь «Хогоин» лиц относительно военной информации, но я из-за забывчивости, кроме вышеназванных, вспомнить [их фамилии] не могу.

К работе Касахара относился серьезно и работал добросовестно. Грубых действий, как то избиений, я ни разу со стороны его не замечал и об этом ничего не слышал. Он был послушным молодым следователем.

Когда в момент окончания войны было решено расстрелять четырех людей, я в тот период времени приказал их расстрелять, передав при этом ему пистолет (так как я был занят другой работой), но Касахара колебался, поэтому я, обратившись к нему вторично, сказал: «В таком случае я пойду сам лично», взял обратно от него пистолет и, выйдя, направился к месту расстрела, следовательно, Касахара в расстреле участия не принимал.

Предполагаю, что он имел одного-двух осведомителей, но фамилии их не помню. На вышеизложенном о Касахаре я останавливаюсь и считаю, что других важных вопросов нет.

О количестве агентов (перебежчиков-солдат),
отправленных в 731-й отряд

За период моей службы, как мне помнится, были направлены следующие лица, безусловно, я не помню точную цифру. *Осенью 1942 года 14 сентября* я прибыл в лагерь «Хогоин». Приблизительно на второй или третий день было направлено в 731-й отряд *12–13 человек*. Впоследствии я слышал о том, что эти лица, сгруппировавшись, замышляли устроить бунт (убить японцев), взять лошадей и убежать. Допрос вел лично подполковник Маеда. Припоминаю, что он сам составлял списки, которые были санкционированы генерал-майором Яначита, бывшим в то время начальником ЯВМ. Подробностей об этом не знаю, так как я в то время только что прибыл в лагерь «Хогоин». Об этом факте хорошо знают бывший в то время заместителем поручик Котозака (ставший впоследствии капитаном), жандармский фельдфебель Такахаси и находящийся в данное время в гор. Хабаровске фельдфебель Аидзива Томодзи. Когда начальником лагеря был подполковник Танака, было всего направлено 5–6 человек шпионов и лиц, пытавшихся совершить побег, но точную цифру я не помню.

Как мне помнится, при начальнике лагеря майоре Иидзима, кроме отправленных агентов и беглецов в количестве тридцати человек в момент окончании войны, до лета 1945 года было отправлено еще один-два человека, однако фамилии их не помню. За мою службу в течение трех лет в 731-й отряд для производства научных экспериментов в этом отряде (какими методами они осуществлялись, об этом я совершенно не знаю) было направлено приблизительно около пятидесяти человек. Со слов моего товарища капитана Ядзава, служившего в штабе Квантунской армии (он один раз был в 731-м отряде), мне известно, что эти люди в течение долгого времени жили в 731-м отряде. Их жизнь в 731-м отряде протекала сравнительно хорошо, они полностью были удовлетворены питанием, и им разрешалось заниматься спортом, игрой в теннис, все они вели радостную жизнь, не позволялся им только свободный выход за пределы отряда. По словам капитана Ядзава, некоторые лица, отправленные из лагеря «Хогоин», из пограничных периферийных ЯВМ и из «отдельного кабинета», в отряде жили даже более года. Капитан Ядзава, встретившись со мной после посещения им отряда № 731, передал мне, что один из находившихся до этого в лагере «Хогоин» попросил его передать привет Ямагиси. Этот человек также год тому назад содержался в лагере «Хогоин». В 731-й отряд направлялись все лица, которых нужно было умертвить, следовательно, когда мы решали направить людей в 731 отряд, безусловно, мы прежде всего знали о судьбе этих людей. К сожалению, я совершенно не знаю, какими способами и какие эксперименты проводились в 731-м отряде. Капитан Ядзава мне говорил о том, что он видел кинокартину об этих экспериментах.

Я вместе с подполковником Танака во время разведывательных маневров Японской военной миссии (во время маневров 150 перебежчиков лагеря «Хогоин» приняли участие в качестве армии сопротивления как военнопленные, они были зачислены во временно созданную неприятельскую армию, им была дана нумерация воинских подразделений и звание — это происходило летом 1944 года), имея различного рода задания, на автомашине проезжал по дороге, проходящей возле 731-го отряда. В то время я видел расположение и здания отряда, но в нем не был. На вход в отряд требовалось разрешение главнокомандующего Квантунской армией.

Мой знакомый офицер 731-го отряда *капитан Хатано* один раз был в лагере «Хогоин». Что он исследовал, я не помню. Переводчик Такенака вместе с ним допрашивал, но так как я при допросе не присутствовал, поэтому о содержании ничего не знаю. Я сейчас по поводу этого желаю сделать исправление в показаниях, которые давал в Министерстве внутренних дел в гор. Казани. Я допустил ошибку, сказав, что капитан Хатано занимался розысками заводов по производству желе (агар-агар), расположением этих заводов занимался специалист 100-го отряда в городе Чуньчунь ветеринарный врач Ида, который вел исследование о производительности заводов по производству желе в Советском Союзе. О содержании исследований капитана Хатано я не осведомлен. Мне известно, что некий майор 731-го отряда был по совместительству и офицером Японской военной миссии, но фамилии его не знаю. Кроме вышеизложенного, я знал, что начальником 731-го отряда был генерал-лейтенант Исии, но лично знаком с ним не был и с ним не встречался.

О количестве расстрелянных

После окончания войны в лагере «Хогоин» было расстреляно только четыре агента — Полунин, Пацация, Чумаченко, четвертого фамилию не помню, и, кроме них, больше никого расстрелянных не было. Однако здесь должен дополнительно написать о двух фактах.

В сентябре, осенью 1942 года, после двух-трех дней с момента моего прибытия в лагерь «Хогоин», около крематория, находящегося в 500–600 метрах от лагеря «Хо-

гоин», были расстреляны двое беглецов лично перебежчиками из Советского Союза, содержащимися в лагере «Хогоин». Я на место казни не ходил и об этом факте подробностей не знаю, помню, что один был по фамилии Кириленко. Об этом хорошо должен знать Андзава Томодзи. Помню еще, что подполковник Маеда сам лично руководил расстрелом. Впоследствии подполковник Маеда стал полковником. В момент окончания войны он должен был быть начальником отряда.

Кроме вышеизложенного об известных мне расстрелянных, я больше ни одного факта не знаю.

После окончания войны в больнице путем вливания была умерщвлена женщина-агент по имени Лиза, которую мы приняли из Сахалянской ЯВМ и которая временно содержалась в лагере «Хогоин». Об этой Лизе я дальше излагаю сохранившиеся в моей памяти данные.

О Лизе

Эта женщина из Сахаляна прибыла приблизительно в начале или же в средних числах марта, *весной 1945 года*. С целью использования ее в Сахаляне она была устроена на работу на спиртовой завод, где проработала более года, но так как ее близкий товарищ-мужчина, по национальности русский, фамилию которого не знаю, убежал из Сахаляна в Советский Союз, поэтому создалась опасность и лично для нее. По мнению начальника миссии, не совсем удобно было ее пребывание в пограничной полосе, как то в Сахаляне, и ее решили направить в тыл. *Временно она была помещена в лагерь «Хогоин»*. Ввиду целесообразности использования было предложено употребить ее в какой-нибудь области. В лагере «Хогоин» ей была отведена отдельная комната, оказан хороший прием, и за это время ее немного допрашивали. Для использования в будущем она всячески изучалась, но так как не было области, где бы ее возможно было использовать, мы, продержав ее около месяца под арестом, освободили и оставили в лагере. Переводчику Такенаки было поручено ухаживать за этой женщиной. Переводчик Такенака очень любезно ухаживал за ней. По вечерам ей предоставляли возможность слушать патефон, продукты питания выдавались ей в достаточном количестве, и с ней обращались сердечно. Приблизительно в средних числах апреля от работника пропагандного[d] отдела *Такая* через начальника ЯВМ поступило указание начальнику лагеря о переводе Лизы на жительство в дом господина Такая. Начальник лагеря посоветовался по этому делу со мной и в конце апреля мы пришли к решению. *Хотя Лиза была направлена на квартиру к господину Такая, но продукты для нее доставляли из лагеря «Хогоин»*. Содержась в качестве прислуги в доме господина Такая, она с удовольствием работала. Один раз вдвоем, я и начальник лагеря Иидзима, будучи приглашены на ужин, посетили квартиру господина Такая. *Лиза при нашем посещении находилась там же, была вполне здорова и работала*. Приблизительно в начале июля по телефону от господина Такая я узнал, что *Лизу по причине заболевания геморроем положили в Харбинский военный госпиталь воинской части № 4*. Около 10–11 августа 1945 года господин Такая позвонил мне и передал следующее: «Я по особому заданию выезжаю вместе с семьей на юг, поэтому в соответствии [с] изменением положения прошу принять меры в отношении Лизы». Из-за сильной занятности и боевой[e] подготовки я не имел времени подумать о Лизе. 15 августа война окончилась. Лагерь «Хогоин» распускался, поэтому я был очень занят, работая два-три дня, не смыкая глаз. О Лизе совершенно забыл. *Выполнив всю работу в лагере «Хогоин», а именно — предав огню документы, поломав решетчатые двери карцера, разрушив проволочное заграждение ограды вокруг лагеря, спалив все документы и вещи, лежащие в военной палатке, пристроив перебежчиков на службу, снабдив приблизительно

[d] Так в тексте.

[e] Слово вписано над строкой.

на десять дней продуктами убегающих на юг, я после обеда 18 августа на автомашине покинул лагерь «Хогоин»*. Прибыв в город Харбин, мы получили комнату на третьем этаже здания ЯВМ, в которой остановились на ночлег работники лагеря «Хогоин» (только военнослужащие, гражданские же работники были распущены). Сейчас я хорошо не помню, но думаю, что приказ о Лизе передали после окончания войны в течение чисел 17, 18, 19, 20, восстановить же точно числа в памяти не могу.

В то время, когда я совершенно забыл о Лизе, жандармский *фельдфебель Сиода или же старший унтер-офицер Симамура, хорошо не запомнил, спросил меня: «Необходимо ли принять быстрые меры к Лизе»*. Я не знал, как лучше поступить, и ничего решить не смог. Помню, что предварительно я доложил начальнику лагеря. Начальник лагеря также забыл о Лизе, создалось такое положение, при котором мы не знали, как лучше поступить. Как мне помнится, переводчик Такенака сказал: «Со слов Такая, в зависимости от изменений войны[f], нужно принять меры, следовательно, вполне естественно, что *Лизу должны умертвить»*. Так как слова Такая были переданы как приказание, поэтому мы немедленно к этому подготовились. Когда господин Такая направлялся на юг, я по телефону слышал о Лизе, но в то время я не подумал, что это приказание. Я лично думал, пусть даже эта женщина раньше была шпионкой, но так как она долгое время прожила в Маньчжурии, стала японофильски настроена, следовательно, необходимости в умерщвлении ее не было. Сказанное не вымысел, а искренность. К тому же в лагере «Хогоин» людей уже не было, поэтому я решил оставить Лизу в госпитале. Начальник лагеря также как будто бы не проявлял особенного интереса к Лизе. Но положение в то время было такое, что все сотрудники предполагали уничтожить всех шпионов, поэтому я в конце концов согласился выполнить слова Такая. Старшему унтер-офицеру Симомура я приказал: «Пойди в госпиталь и передай врачу, чтобы он принял меры к Лизе с помощью какого-нибудь способа». Помню, что Симомура и Киндзё (шофер?) вдвоем направились в госпиталь. Я был в то время занят, и кроме того, дело Лизы для нас не являлось важным вопросом, поэтому я подробностей не запомнил. Все же я помню, что когда Симомура (или Тагучи) и Киндзё вдвоем вернулись из госпиталя, они принесли одежду Лизы и мне сказали, что врач путем укола умертвил Лизу, но во время паники я больше ни о каких подробностях не спросил, и, кроме того, к этому я большого интереса не питал[g]. В этом году, в марте месяце, по дороге из Казани в город Новосибирск я спрашивал Киндзё об этом деле, но подробностей мы не коснулись. Вот все мне известные факты, о которых я написал выше. Подробностей по делу больше написать не могу.

Лиза была красивой, молодой и умной женщиной. Когда я услышал о ее смерти, у меня на душе стало тяжело. Когда она была направлена в дом японца Такая, я, посоветовавшись с своей женой, на память Лизе передал в качестве подарка красивый альбом для фотокарточек, и сейчас это воспоминание остается незабываемым. Я впадаю в мрачное настроение о печальной судьбе человека.

О допросах майором Иидзима

Мне совершенно ничего не известно, чтобы майор Иидзима лично допрашивал сам. *Хотя Иидзима присутствовал во время допросов священника*, однако все же он сам лично не допрашивал. Насколько мне известно, я не помню, чтобы Иидзима лично проводил допрос. Иидзима единственно вместе со мной составлял план мероприятий об изменении и обновлении режима лагеря «Хогоин» и докладывал начальнику миссии генерал-лейтенанту Акикуса. При этом приблизительно в июне 1945 г. была представлена докладная, в которой излагалось, что мы предполагаем в будущем улучшить жизнь для лиц, содержащихся долгое время в лагере «Хогоин», и, если будет возможным, некоторых из лагеря освободить. Заручившись согласием генерал-майора Акиуса,

[f] Так в тексте.

[g] Так в тексте.

мы старались это осуществить. Здесь я хочу написать об этих фактах. Что касается составления плана, то я его писал сам. Начальник лагеря его кое-чем дополнил, и после этого план о реконструкции был изложен. Здесь пишу сокращенно.

О двойном зеркале

Это зеркало было куплено по предложению подполковника Танака и предназначалось для использования во время допросов. Данное зеркало, подвешенное в отдельной комнате на стене, как и обыкновенное, отражало в себе силуэты людей, находящихся в комнате. Если при этом наблюдать с обратной стороны, то, как через обыкновенное стекло, можно было отчетливо видеть людей внутри комнаты, то есть, когда следователь допрашивал русских, можно было из соседней комнаты с обратной стороны зеркала наблюдать за выражением лица допрашиваемого. Видя, как меняется человек, [по] лицу можно было сделать заключение о его душевном состоянии. Данное зеркало было удобно для секретного наблюдения за поведением и выражением лица допрашиваемого в тот момент, когда он находился в комнате один. К сожалению, мы в результате не смогли ни разу применить этого зеркала, так как у нас не было соответствующей комнаты. Зеркало пролежало на складе и по окончании войны его разбили и выбросили.

Кроме зеркала, предполагали купить для следствия следующий аппарат, но война закончилась, и его приобрести мы не смогли.

Измеритель пульса. Для допрашиваемого, как на экзамене, подготовляют несколько вопросов, и когда ему их задают, то при этом измеряют количество [ударов] пульса. С помощью собранных статистических данных нескольких десятков или сотен людей, которые имеются уже, определяют, допустим, что допрашиваемый сказал ложь или показания правдивы.

Кроме того, мной [с] расчетом удобства следствия была составлена следственная картотека. Она имела следующую форму. (Ямагиси в собственноручных показаниях приводит форму карточки, смотрите на странице 11.)[h] На карточке, которая представляла из себя лист толстой бумаги, по краям, как это указано на рисунке, были пробиты отверстия и написаны биографические данные перебежчика. В том случае, когда какому-нибудь следователю требовалась [информация] (желая знать о биографии лица, из числа содержащихся под арестом в лагере «Хогоин», и как можно быстрее и больше собрать сведений о нем), он сразу же с помощью картотеки мог узнать фамилию, то есть, когда требовалось узнать членство в партии, лиц из пехотных воинских частей, специалистов, лиц, не достигших тридцатилетнего возраста из числа советских офицеров, мы при помощи картотеки сразу же могли установить соответствующих лиц. Отверстия на карточке имели номера, например:

Номер 1 означал пехотинец,
—»— 2 —»— артиллерист,
—»— 3 —»— танкист,
—»— 4 —»— авиатор,
—»— 10 —»— член партии,
—»— 11 —»— беспартийный,
—»— 19 —»— офицер,
—»— 20 —»— солдат.

Если данные лица соответствовали номеру, то отверстие на карточке так и оставалось, если же не соответствовали, отверстие раскрывалось так, как указано на рисунке.

Эти карточки в количестве нескольких десятков и сотен были помещены в один ящик. Длинной металлической палочкой, которая пропускалась через требуемое отверстие, карточки вынимались. Таким образом следователь мог установить фамилию.

О других мероприятиях, относящихся к следствию, я не пишу, так как особенной важности они не заслуживают.

---

[h] Форма карточки и рисунки Ямагиси Кендзи, размещенные на с. 11, 12, 13 протокола, в публикации опущены.

О сжигании

После капитуляции было сожжено и разрушено следующее.

В этом списке важные предметы, преданные огню:

1. Различные постановления и документы, касающиеся лагеря «Хогоин».

2. Все информационные документы, а также материалы и карты (оперативного значения).

3. Все фотоснимки и подробные опросные листы перебежчиков.

4. Сожгли решетчатые двери карцера и некоторую часть его.

5. Все вещи, накрытые широкой материей военного образца (ящики от продовольствия и ящики из-под чая).

Разрушены:

1. Наблюдательные вышки охраны.

2. Уничтожено проволочное заграждение, натянутое вокруг ограды (Ямагиси в собственноручных показаниях помещает рисунок, смотрите на странице 12).

3. Аппарат-подслушиватель.

Двойное зеркало.

Телефонная линия (телефон прямого военного сообщения для скорой связи между следственным кабинетом и информационным кабинетом ЯВМ), также была уничтожена обыкновенная телефонная связь.

4. Были разрушены точки для стрельбы, сооруженные временно в земле вокруг лагеря «Хогоин» при начале войны.

5. Кроме того, все вещи военного обихода среди различных вещей, употребляемых повседневно.

Об аппарате-подслушивателе

Аппарат-подслушиватель был прикреплен к комнате одиночного карцера. До этого он был прикреплен к комнате, где проживали перебежчики-офицеры, и велось прослушивание высказываний перебежчиков-офицеров. Однако в 1945 году он был прикреплен только к комнате карцера, к офицерской же комнате не прикреплялся. Место, из которого подслушивали, находилось в общежитии для японцев, и туда вход был строго запрещен, подслушивали секретно. К этому были допущены русские служащие Ивитухин и Кирсанов, которые работали в установленное время посменно. Например, было установлено время для подслушивания после завтрака и обеда, разговоры записывались в тетрадь, и это было дополнительным материалом [для] следствия.

Этот аппарат прикреплялся к потолку комнаты, как указано на рисунке (Ямагиси в собственноручных показаниях помещает рисунок, смотрите на 13-й странице).

Может быть, [ответы] на вопросы я выше изложил кратко и недостаточно полно, поэтому, если будут неясности, я могу еще написать. Я не хочу сейчас ничего скрывать. Я излагаю действительность. У меня в настоящее время нет никакого пессимизма в отношении моей судьбы. На будущее я питаю большие и светлые надежды. Несмотря на мои бедные[j] способности, я долгое время работал в лагере «Хогоин» в качестве начальника следственного отделения. Я полностью признаю, что моя прошедшая работа являлась фашистской деятельностью.

Что же еще я здесь должен дополнить? Обдумывая, я вижу, что сам успокоюсь, когда расскажу обо всем. Сразу сейчас я не смог вспомнить важные вопросы, мне кажется, что я рассказал почти все, если нет необходимости подробно рассказывать,

[j] Так в документе.

как сто двадцать заключенных из лагеря «Хогоин» работали на каменноугольных копях Фусин в Южной Маньчжурии[k]. Перед началом войны мы проводили подготовку по передаче двадцати заключенных этому же предприятию. С этого предприятия приезжал человек для приема этих заключенных в лагерь «Хогоин» и готовил для них обмундирование, но в связи с началом войны людей мы не передали. Как я слышал, те из заключенных, которые имели специальность, например, шофер, работали по своей специальности, а остальные работали на погрузочных и подрывных работах, получали хорошее жалование и довольно хорошо жили. Если бы не было войны, они, как и прежние перебежчики (до 1941 года), проживали бы в Маньчжурии как свободные граждане. В момент начала войны лагерь «Хогоин» их распустил, и очень немногочисленная часть их, как я помню — человек 10–12, вошли в состав четырех строевых отделений под командой начальника лагеря для самообороны вместе с японцами и должны были принимать участие в оборонительных боях за Харбин. Для этого были составлены списки, но дальше этого дело не пошло, и 15 августа война окончилась. Фамилий всех перебежчиков, которые вошли в этот список, я не помню, помню только одну часть их, а именно Талицкий, Воскресенский, Якуменко, Бурстеляк, Лыжин, Мохов, Михота Вырыпаев (Тараканов?)[l] и т. д.

Все остальные лица были освобождены и собирались бежать.

Здесь я дополнительно желаю искренне изложить [информацию] по делу четырех расстрелянных. То, что я не послал в 731-й отряд тех заключенных, на которых была санкция о передаче их в этот отряд, объясняется моим решением использовать их, в частности Полунина, который проник в Маньчжурию, будучи действительным шпионом, но я уже не считал его шпионом, я относился к нему наравне с другими перебежчиками, относился к нему с полным доверием и совершенно не думал его расстреливать. Но в то время я не мог при том положении осуществить свое намерение [и] должен был подчиниться воле большинства, и они в результате были расстреляны. Я до сих пор об этом вопросе не писал. Мне, как бывшему офицеру, стыдно, если подумают, что я хочу избежать ответственности, и поэтому я не писал. Я лично Полунину очень доверял и поэтому купил, например, ему очки с разными стеклами и всячески заботился о нем. По окончании войны лагерь «Хогоин» был распущен, там находился бывший советский разведчик солдат Варакин. Он был передан нам в 1943 году Муданьцзянской ЯВМ, по специальности был сапожник, был очень серьезный и хороший человек. Варакин при роспуске лагеря «Хогоин», взяв кожу и инструменты, остался в городе.

Кроме этого у меня есть вопросы, о которых я мог бы дополнительно написать, но считаю их маловажными и на этом заканчиваю свои показания (подпись)

Показания принял:
следователь УМВМ СССР по Хабаровскому краю — Писарев
3/IX 48 г.

Показания перевел:
переводчик оперотдела УПВИ УМВД по ХК — Раздобреев
11/IX 48 г.

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 45–62. Подлинник. Рукоп. текст. Пер. с яп. яз. Публикуется впервые.

---

[k] Предложение отчеркнуто двумя вертикальными чертами слева на полях.

[l] Так в тексте.

№ 39. Собственноручные показания заместителя начальника лагеря «Хогоин», начальника следственного отделения поручика Ямагиси Кендзи о его службе в лагере

6 сентября 1948 г.

Перевод с японского

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ
заместителя начальника лагеря «Хогоин» и одновременно
начальника следственного отделения поручика японской арии Ямагиси Кендзи

от 6 сентября 1948 года г. Хабаровск

I. Я желаю сделать исправления в прежних моих показаниях по следующим вопросам, вернее, я не написал в своей биографии о нижеследующих двух фактах:

1. О служебной деятельности с марта 1938 года по декабрь 1938 года.

2. О занимаемой должности в военное время с марта по август в 1941 году.

1. Как в МВД города Казани, так и господину следователю я ничего не сказал о периоде с марта по декабрь 1938 года. Я до сих пор об этом не говорил, думая, что нижеписанное не представляет важности, но мне совесть не позволила и вынудила написать обо всем правдиво, что имеется на душе.

Окончив Токийский институт иностранных языков, я в качестве служащего поступил в Управление авиафотоснимков Маньчжурского авиационного акционерного общества в городе Чаньчунь (Маньчжурия), где проработал семь месяцев, то есть до 1938 года, до момента вступления в армию. Причина, из-за которой я до настоящего времени не сообщил об этом, следующая. Я не говорил потому, что скрыл это в городе Казани, а прибыв в Хабаровск, я решил, что новое исправление по данному вопросу вызовет сильное подозрение у следователя, который мог бы подумать, что я еще что-нибудь скрываю. Кроме того, еще одной причиной являлось то, что я не придавал значения нижеписанному. Почему я не ответил справедливо[a] в Казани по этому поводу, хочу сказать следующее. Управление авиафотоснимков авиационного общества помогало оперативной армии, действующей на фронте в Китае, поэтому, желая избежать надоедливого следствия, так как я в этом обществе служил, я по тому вопросу ничего не сообщил.

Главное назначение Управления авиафотоснимков данного общества состояло в следующем.

Цели мирного времени

1. Систематизация земляных пространств Маньчжурии (землемерие).
2. Исследование лесных массивов Маньчжурии.
3. Исследование рудников Маньчжурии.
4. Исследование и фотографирование плана городов Маньчжурии.
5. Исследование и фотосъемка для строительства железных дорог.
6. Исследование и фотографирование следов разрушений от ветра и воды.
7. Археологические исследования.
8. Плановое исследование соляных полей.
9. Исследование и фотографирование плана портов.
10. Другие различные цели.

---

[a] Так в документе.

Цели военного времени

1. Фотосъемка неприятельских позиций на театре военных действий.

2. Фотосъемка при ночных бомбардировках.

Управление авиафотоснимков в гор. Чаньчунь, когда я в нем служил, именовался «Восток». Отделения его находились в городах Пекине (Северный Китай), в Нанкине и Шанхае, а также на юге — на острове Хайнань. Во время войны данное учреждение расширилось и стало проводить работу в странах юга, но подробности мне неизвестны. Если потребуется, то я напишу подробно, сейчас же изложил вкратце.

2. С 3 марта и по конец августа 1941 года я служил в штабе пятой армии в городе Дуньань, Маньчжурия, но до настоящего времени я не сказал о своей должности в то время. Вернее, я говорил до сих пор, что в этом штабе служил просто переводчиком, а в действительности же занимал должность начальника второго военно-полевого информационного отряда, подчиненного пятой армии. Поправка, которую я должен был сделать в моих прежних показаниях, состоит в том, что я скрыл только вышеназванную должность, но сейчас излагаю все правдиво, поэтому должен внести дополнение о «военно-полевом информационном отряде». «Военно-полевые информационные отряды» были сформированы по плану «Кантокуэн». В Квантунской армии имелось восемь «военно-полевых информационных отрядов» за №№ 1–8. В пятой армии было два таких отряда — второй и седьмой. В марте 1941 года, когда из армии демобилизовали бывшего начальника второго «военно-полевого информационного отряда» капитана Маия Масао (мой одноклассник по институту иностранных языков, в настоящее время корреспондент токийской газеты «Асахи Симбун»), я, находясь на службе в 30-м пехотном полку в гор. Харбине, получил назначение на его должность и стал начальником отряда. В данном отряде я прослужил недолго, всего шесть месяцев, о нем пишу то, что уже изложил.

Военно-полевой информационный отряд в военное время предназначался для сбора информации на фронте, в мирное же время его состав под руководством подполковника Ишкава Дзихэй, информационного штабного офицера Главного штаба пятой армии, занимался повышением разведывательных знаний и изучением языка. Он, имея только офицерский штат, именовался «военно-полевым информационным отрядом», в действительности же всех сотрудников в нем было 5 человек, а именно: трое офицеров, один унтер-офицер и один солдат. Седьмой военно-полевой информационный отряд также состоял из пяти человек вместе с начальником отряда. Начальником этого отряда являлся поручик Икекуба Рюдза.

Второй военно-полевой информационный отряд имел следующий штат работников (имея только штат руководства из пяти человек, он должен был в военное время укомплектоваться штатом в количестве пяти-десяти человек):

1) Начальник отряда — подпоручик (в августе получил звание поручика) Ямагиси Кендзи.

2) Подпоручик — Накамори Масао.

3) Подпоручик — Акасе Исао (умер).

4) Старший унтер-офицер — Танака.

5) Ефрейтор — Кадзиура (умер).

31 августа 1941 года закончились маневры «Кантокуэн», и поэтому отряд был распущен. Меня перевели в Харбинскую японскую военную миссию. С 14 сентября я стал работать в лагере «Хогоин», где прослужил до момента окончания войны. Об этом я уже писал и в данной части никаких исправлений не имею. Написав вышеизложенное, хочу окончить свои показания относительно поправок. Относительно того, почему же я не говорил об этом, желаю сказать, что я решил лучше не [отвечать] на надоедливые вопросы, так как думал по возможности избежать следствия и наказания. Сейчас чистосердечно признаю, что поступил неправильно. Рассказав все, что таилось в душе, я почувствовал облегчение.

Разрешите дополнительно сообщить еще о следующем. На предыдущем допросе я показал, что служивший в лагере «Хогоин» Киндзё Горо допрашивал заключенных, и указал 4–5 фамилий, а именно: Гогиляшвили, Женгошвили, Чичинадзе и т. д., но, так как я хорошо не помню, поэтому прошу господина следователя учесть это. Так как моя совесть не позволяет из-за моей плохой памяти причинять беспокойство моим бывшим подчиненным, поэтому я хочу изложить здесь дополнительно[b].

Приношу сердечную благодарность за то, что господин следователь предоставил возможность и время изложить показания (подпись).

Показания принял:
следователь УМВД по Хабаровскому краю — Писарев
6.IX.48 г. в 19 ч. 20 минут

Показания перевел:
переводчик оперотдела УПВИ УМВД по ХК — Раздобреев
14.IX.48 г.

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 72–80. Подлинник. Рукоп. текст. Пер. с яп. яз. Публикуется впервые.

№ 40. Собственноручные показания начальника лагеря «Хогоин» майора японской армии Иидзима Иосио о режиме в лагере и отправках советских граждан в отряд № 731

30 сентября 1948 г.

Перевод с японского языка

Собственноручные показания бывшего начальника Харбинского лагеря «Хогоин» майора японской армии Иидзима Иосио от 30 сентября 1948 года.

Господин следователь, ко всем тем показания, которые я вам давал, я желаю собственноручно изложить о моих служебных обязанностях как начальника лагеря «Хогоин», который находился в Маньчжурии в местечке Кобо (Старый Харбин) и являлся одним из отделов Харбинской ЯВМ.

Начальником лагеря «Хогоин» я был назначен в начале 1945 года. Сдав дела в Трехреченской ЯВМ, я в начале февраля 1945 года прибыл в Харбинскую ЯВМ и был принят начальником миссии генерал-лейтенантом Дои Акио. В процессе разговора Дои кратко ознакомил меня с положением лагеря «Хогоин» и дал следующие наставления в моей работе:

*а) Получать от перебежчиков из Советского Союза сведения по всем вопросам жизни Советского Союза, главным образом о военном положении СССР.

б) Иметь в своем подчинении из числа перебежчиков своих людей-осведомителей и через них ставить задачу выявления и разоблачения лиц, причастных к советским разведывательным органам, выявлять и наказывать нарушителей лагерного режима, лиц, склонных к побегу из лагеря, и тех, кто среди лагерников ведет антияпонскую агитацию*[a].

---

[b] Абзац отчеркнут вертикальной чертой слева на полях.

[a] Здесь и далее в документе текст, отмеченный *...* , подчеркнут карандашом.

в) Перебежчиков, давших согласие японскому разведывательному органу помогать в работе, всячески поощрять, воспитывать в духе лояльности к Японии и антипатии к Советскому Союзу.

г) Через преданных осведомителей, через служащих лагеря «Хогоин» японцев проводить воспитательную работу, разъясняя лагерникам, что у них впереди светлое будущее, если они искренне будут работать на японо-маньчжурские власти. Таким образом, каждый перебежчик из Советского Союза будет признан белоэмигрантом, и он будет освобожден из лагеря «Хогоин» с правом свободного устройства в Маньчжурии своей личной жизни. Такой политикой под флагом внедрения японо-маньчжурских настроений мыслилось обеспечить внутренний порядок в лагере «Хогоин». Я лично также не раз за свою работу в лагере «Хогоин» выступал перед лагерниками с речами воспитательного характера.

Кроме этих основных задач, перед лагерем была поставлена Харбинской ЯВМ задача силами лагерников обработать около 100 гектаров земельных угодий, выращивая овощи. Кроме земли, лагерь имел своих коров, свиней и лошадей в достаточном количестве. Продукция с подсобного сельского хозяйства, как то овощи, картофель, молоко, мясо, в основном шли на нужды лагеря «Хогоин» и частично сотрудникам Харбинской ЯВМ.

Для осуществления задач разведывательного порядка в моем подчинении имелся аппарат в составе двенадцати оперативных работников. Эти оперативные работники находились в непосредственном подчинении начальника агентурно-следственного отделения *поручика Ямагиси Кендзи, который одновременно являлся моим первым заместителем. На обязанности работников следственного отделения и возлагалось разведывательная деятельность о Советском Союзе, нашем будущем военном враге*.

Лично я неоднократно моему заместителю Ямагиси, его помощнику Касахара и всем отдельным работникам следственного отделения предлагал получать от перебежчиков разведывательные данные в первую очередь о военном положении СССР, а именно: о дислокации Красной Армии и пограничных охранных отрядов в районах советско-маньчжурской границы, о родах вооружения армии, о состоянии укрепрайонов, о мобилизации кадров Красной Армии.

Во вторую очередь интересоваться вопросами экономического положения Советского Союза, как то о развитии тяжелой промышленности, об успехах строительства железной магистрали БАМ, идущей от Комсомольска до Ташкента, а также о бытовых условиях граждан Советского Союза.

Наряду с экономическим положением СССР, японский разведывательный орган интересовал также вопрос о политической жизни Советского Союза, поэтому и в этой части ставилась задача получать от перебежчиков во время допроса соответствующие данные.

Из докладов Ямагиси Касахара, других работников следственного отделения я знал, что большинство перебежчиков охотно дают разведывательные данные о Советском Союзе. *За шесть месяцев своей работы в лагере «Хогоин» я один раз был на допросе засланного из Советского Союза шпиона-священника Чумаченко, которого я, Ямагиси и консул Мицуи допрашивали о религии в Советском Союзе, о положении и количестве церквей, об отношении советских властей к религии, о состоянии религиозности среди населения*.

Надо сказать, что кроме работников следственного отделения лагеря «Хогоин» очень часто перебежчиков допрашивали работники Харбинской ЯВМ и штаба Квантунской армии. Фамилии лиц, приезжающих для допросов перебежчиков, я не помню, но в этой части я давал указание поручику Ямагиси оказывать помощь и предоставлять

возможность для допроса перебежчиков. Командированные для допроса лица *исключительно интересовались о советской авиации и об отдельных частях Красной армии*.

Я хочу сказать, что в первый же месяц моего назначения в лагерь «Хогоин» меня постигло несчастье, я серьезно заболел и пролежал в военном госпитале № 7.

В этот промежуток времени вся работа была возложена на поручика Ямагиси и поручика Нува (начальника административно-хозяйственного отделения лагеря «Хогоин»). Вернувшись из госпиталя, я также из-за отсутствия здоровья почти всю работу, которую должен был выполнять лично сам, возложил на их двоих, бывая на работе в неделю всего четыре дня, из-за чего не был в курсе хозяйственной жизни лагеря, но все же *ответственность с себя не снимаю и заявляю, что в 1945 году поручик Ямагиси ни разу не проводил самостоятельно по своей инициативе ни одного важного принципиального мероприятия, все его действия со мной были согласованы*. Были случаи, когда Ямагиси отправлял в Харбинскую ЯВМ добытую разведывательную информацию за своей печаткой, но и в таких случаях я от Ямагиси знал кратко о содержании документа. В большинстве случаев в первый отдел Харбинской ЯВМ секретная информация (показания перебежчиков, агентурные донесения и другого вида информация) направлялись за моей печаткой. Харбинской ЯВМ был установлен такой порядок, что оперативные работники следственного отделения — офицер Касахара (помощник Ямагиси), а также унтер-офицеры и солдаты следственного отделения (фельдфебель Хаба, мл. унтер-офицер Танидзаки, ст. унтер-офицер Тагучи, мл. унтер-офицер Сагито, фельдфебель Сиоде, солдат Сено, ст. унтер-офицер Курода, рядовые Кубо и Танака), хотя по указанию поручика Ямагиси вели следствие, однако не имели права и полномочий заверять информационные материалы своими печатками.

Кроме общей военной информации, в следственном отделении фельдфебель Оониси под руководством поручика Ямагиси, изучая устав Красной Армии и учебники, добывал в качестве подсобной[b] информации сведения о маневрах, команде и о методах Красной Армии, а также язык нецензурной брани в Советском Союзе.

В тех случаях, когда из других ЯВМ поступали новые лагерники, а их в 1945 году прибыло пять человек, они подвергались тщательному допросу независимо от того, допрашивались ли они в военной миссии или в пограничном отряде.

Когда же лагерники совершали мелкие проступки, их направляли в лагерь города Фусин на тяжелые физические работы по добыче угля (летом 1945 года было еще отобрано для отправки в Фусин 15 человек, но из-за войны осуществить это не удалось).

Теперь хочу в нескольких словах остановиться [на] моем преступлении, совершенном в лагере «Хогоин», исключая разведывательную деятельность.

1. Об отправке советских граждан в 731-й отряд

Летом 1945 года я узнал от помощника начальника Харбинской ЯВМ поручика Маэкава, что отряд Исии является отрядом, изучающим микробы, и что в нем производятся исследования и опыты путем ввода в человеческий организм различного рода бактерий, тем устанавливается смертность этих бактерий и время, в течение которого они начинают действовать. Я узнал, что это жестокий, бесчеловечный и ужасный отряд.

Основываясь на постановлениях «особого исследовательского отдела Квантунской армии» и на распоряжении начальника Харбинской ЯВМ генерал-майора Акикуса, мною были отправлены в 731-й отряд для физического уничтожения нарушители лагерного режима беглец *Кузиванов и заподозренные в побеге из лагеря «Хогоин» Канев и Перебоев и 35 человек засланных из Советского Союза шпионов*.

---

[b] Так в документе.

Порядок направления был такой, что из следственного отделения Сиоа или же Ямагиси звонили по телефону в 731-й отряд и договаривались о времени доставки людей в отряд. Из 731-го отряда за людьми приходила автомашина. Я лично при отправке ни разу не присутствовал.

Повторяю, мне было известно, что 731-й отряд занимается бактериологическими исследованиями, поэтому мне (Индзима) было невыразимо больно и тяжело на душе, но так как я руководствовался инструкцией особого исследовательского отдела штаба Квантунской армии, поэтому, как служащий японской армии, сделать ничего не мог.

2. О расстреле советских граждан в лагере «Хогоин»

Примерно числа 14–16 августа 1945 года, после того когда в 731-й отряд были направлены вышеуказанные шпионы, поручик Ямагаси мне доложил, что по ошибке в карцере и в общем бараке остались перебежчики, которые также должны были [быть] отправлены в 731-й отряд, но, так как в 731-й отряд людей уже не принимали, я (Индзима) принял самостоятельное решение и приказал поручику Ямагиси и фельдфебелю Сиода их расстрелять. По прошествии нескольких часов поручик Ямагиси доложил мне, что они из пистолетов расстреляли в стороне от шоссейной дороги в местечке, находящемся в пятистах метрах к западу от лагеря «Хогоин», четырех шпионов.

3. Об убийстве русской женщины

Эта русская женщина по имени Лиза, советская разведчица, была направлена весной 1945 года из Сахалянской ЯВМ в качестве прислуги для сотрудника Харбинской ЯВМ японца Такая (который [собирал] информацию о коммунистической партии), но, так как квартира у Такая не была готова, ее временно устроили в лагерь «Хогоин». Затем, когда Лизу направили на квартиру к Такая, она уже не стала иметь отношения к лагерю «Хогоин». После начала войны я от поручика Ямагиси узнал, что Такая куда-то убежал, а от старшего унтер-офицера Симомура мне стало известно, что Лиза больна аппендицитом и лежит в военном госпитале № 7.

Я (Индзима), на основании общего положения, как в таких случаях поступать с советскими шпионами, принял решение убить Лизу, приказав сотруднику лагеря «Хогоин» ефрейтору Киндзё сходить в военный госпиталь и передать военному врачу, чтобы он принял такие же меры к Лизе, как и к другим тяжелобольным, чтобы они не мешали передвижению госпиталя в тыл. Через несколько часов мне ефрейтор Киндзё доложил, что военный врач госпиталя сделал укол и умертвил Лизу.

4. О содержании шпионов в лагере «Хогоин»

Большая часть шпионов в лагере «Хогоин» содержалась отдельно от остальной общей массы перебежчиков, и им не разрешалось выходить как на работу, так и за пределы лагеря. Во время принятия пищи они кушали в одной и той же столовой, но в столовую приходили строем и не могли ее посещать свободно каждый в отдельности. Дополнительного питания по обменным билетам они не получали, так как не работали. Барак, в котором содержались разведчики, был обнесен оградой, в помещении которого было отхожее место. Все остальные перебежчики свободно ходили по зоне лагеря, работали и получали обменные билеты, по которым могли приобретать дополнительное питание и табак.

Нижеуказанные же перебежчики получали жалование, как служащие ЯВМ, ежемесячно по 100 гоби, в воскресные дни свободно ездили из лагеря в город Харбин, к числу таких людей относились: Галицкий, Мохов, Лыжин, Воскресенский, Парфилов, Касаткин, Пихота, Хабибуллин и Скворцов.

Другие же два перебежчика, Песцов и Кирсанов, жили как русские белоэмигранты, были женаты и работали в лагере «Хогоин» в подсобном сельском хозяйстве.

К шпионам же применяли жестокие бесчеловечные меры, что считаю действительно непростительным делом.

5. О режиме в лагере

Нарушителей лагерного режима строго наказывали содержанием на гауптвахте. Помещение гауптвахты состояло из пяти одиночных камер, *пол был покрыт цементом, кроватей в камерах не имелось. Во время содержания на гауптвахте арестованных в баню не водили, умываться в камере не разрешалось, их не стригли*.

Кроме нарушителей порядка (воров, беглецов), в помещении гауптвахты содержались разоблаченные нами советские разведчики, сидели они в таких условиях от одного месяца и больше до дня решения вопроса о их судьбе.

6. О мерах физического воздействия

От начальника Харбинского ЯВМ я имел строгое запрещение не применять пытки во время следствия, в связи с этим я говорил всем работникам лагеря «Хогоин» не допускать грубых действий к лагерникам не только во время допросов, но и при обращении с ними. Однако признаю, что там, где не усматривал мой глаз, такие проступки имели место. Например, Сено в пьяном виде, придя на гауптвахту, где уже сидели Перебоев и Канев, допустил к ним грубость. Фельдфебель Сиода во время допроса двоих перебежчиков, укравших водку, бил руками. Узнав об этом, я его предупредил.

Изложив выше совершенное мною (Индзима) как начальником лагеря «Хогоин» и спокойно рассудив, *я очень глубоко раскаиваюсь в совершенных мною, как членом агрессивной империалистической армии, действиях, которые являются для человека, хотя и допуская, что это делалось по приказанию, очень позорными, нечеловечными и злокачественными[c] деяниями. Вместе с раскаянием я в душе питаю ненависть к японской военщине и плутократии. Я знаю, что за совершенные мною преступления буду строго наказан, это я принимаю как должное. Я преступник перед Советским Союзом и перед всеми миролюбивыми народами, но я горю желанием смыть вину своей работой, насколько позволят мои силы и моя жизнь*.

Подпись: Иидзима Иосио

Показания принял:
следователь 30/IX 48 г. в 19 ч. 00 м. УМВД по ХК — Писарев
Показания перевел: переводчик оперотдела УПВИ УВД по ХК — Раздобреев
4/X 48 г.

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 127–134. Подлинник. Рукоп. текст. Пер. с яп. яз. Публикуется впервые.

[c] Так в документе.

№ 41. Протокол допроса Ясуй Такео (Касаока Ригоди) о его работе в должности преподавателя русского языка при разведывательной школе № 345, службе в должности начальника охраны лагеря и участии в расстрелах советских граждан

9 июня 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

9 июня 1949 г. г. Хабаровск

Я, ст. следователь оперотдела УПВИ УМВД по Хабар. краю ст. лейтенант Дворецкий, допросил арестованного японца Ясуй Такео, 1918 г. рождения.

Допрос ведется на японском языке через переводчика оперотдела Сторожного, который об ответственности за ложный перевод предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Вопрос: Кого Вы обучали в 345-м учебном отряде ЯВМ?

Ответ: 345-й учебный отряд ЯВМ готовил высококвалифицированных разведчиков Японской военной миссии. Курсантами в 345-м отряде были специально отобранные военнослужащие японской армии, дислоцируемой в Маньчжурии, Северном Китае и Корее. Я в этом отряде работал помощником преподавателя по русскому языку.

Вопрос: На протяжении какого периода Вы работали помощником преподавателя русского языка и сколько Вами подготовлено разведчиков за этот период?

Ответ: Помощником преподавателя русского языка в 345-м учебном отряде ЯВМ я работал с сентября 1943 года по август 1945 года. За этот период было пять выпусков курсантов-разведчиков в количестве около 150 человек, которых я лично обучал русскому языку в младшем классе. Всего же за этот период было обучено больше 1000 чел. Из числа выпускников-курсантов, окончивших низший класс с высокой успеваемостью, в этом же отряде зачисляли на высший курс, или, как их еще называли, старшие классы «А» и «В», в которых происходило обучение еще девять месяцев. Курсанты, которые заканчивали низший класс со средней и плохой успеваемостью, возвращались обратно в свою воинскую часть.

Вопрос: На протяжении какого времени Вы работали командиром взвода охраны лагеря «Хогоин», в котором содержались советские граждане, задержанные на территории Маньчжурии?

Ответ: Начальником или командиром взвода охраны лагеря «Хогоин» я работал с 12 по 17 августа 1945 года.

Вопрос: Какое участие в расстреле советских граждан Вы принимали в августе 1945 года в лагере «Хогоин»?

Ответ: Участие мое в расстреле советских граждан в лагере «Хогоин» заключается в том, что я, работая начальником охраны лагеря, в ночь с 14 на 15 августа 1945 г. выдал из лагеря 7 или 8 человек советских граждан, фамилии их и точное количество не помню. На машине заместитель начальника лагеря поручик Ямагиси заехал в зону и с помощью жандарма Миноура посадили людей — советских граждан и увезли их за [территорию] лагеря, где их убили Ямагиси и Миноура саблями, при убийстве я не присутствовал, об этом слышал я со слов Миноура и других сослуживцев. В ночь на 17 августа 1945 года эта же машина, на которой были поручик Ямагиси, фельдфебель Симамура, Миноура и Ониси, снова прибыла в зону лагеря «Хогоин», где взяли 5–6 человек, точное количество

не помню, которые ими также были увезены за лагерь и убиты из огнестрельного оружия и саблями. Таким образом, за время моего пребывания начальником охраны лагеря «Хогоин» сотрудниками этого лагеря было расстреляно свыше 60 человек, количество точно не знаю, фамилии их никого не знаю, мне известно, то среди выданных мною на расстрел был один советский офицер, фамилии его и звания не помню.

Вопрос: Кроме расстрела и убийства саблями, другие методы уничтожения советских граждан, арестованных в лагере, применялись? И какое участие Вы принимали в них?

Ответ: Мне известно, что кроме этих фактов в лагере была отравлена советская девушка лет 18, как агент Советского Союза, задержанная в июне 1945 года на территории Маньчжурии, фамилии этой девочки и кто ее отравил, я не знаю. Кроме этого, мне известно, что в арестном[a] помещении лагеря было сожжено два советских гражданина, которые являлись советскими агентами. Это помещение сжигали сотрудники лагеря при помощи моего взвода охраны, которым я руководил. Основная цель [под]-жога арестного[b] помещения была замаскировать, скрыть следы преступной деятельности лагеря «Хогоин», так как в этом помещении была сожжена вся документация лагеря и одежда для заключенных.

Вопрос: Что еще хотите добавить к Вашим показаниям?

Ответ: Дополнить я хочу о том, что о факте сжигания двух советских граждан в арестном помещении я только слышал и утверждать, [что было] в действительности, не могу.

Дополнить больше ничего не имею, показания с моих слов записаны правильно, мне прочитаны на русском и японском языке через переводчика (подпись).

Допросил:
ст. следователь оперотдела УПВИ УМВД ХК ст. л-т (подпись)

Перевел:
переводчик (подпись)

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 208–211. Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

[a] Так в документе.
[b] Так в документе.

№ 42. Протокол допроса заместителя начальника лагеря «Хогоин», начальника следственного отделения поручика Ямагиси Кендзи о его службе в лагере

21 октября 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

21 октября 1949 года
гор. Хабаровск

Допрос начат в 19 часов 35 минут.

Допрос окончен в 23 часа 50 минут.

Я, сотрудник УМВД по Хабаровскому краю капитан ПИСАРЕВ, допросил в качестве свидетеля военнопленного поручика бывшей японской армии

ЯМАГИСИ Кендзи, 1916 года рождения, уроженца деревни Дзеигон, уезда Калива, префектуры Ниигата, по национальности японец, японский подданный, с высшим образованием, окончил Токийский институт иностранных языков, осужден 21 октября 1948 года Военным трибуналом войск МВД Дальневосточного округа по ст. 58-6 ч. 1 УК РСФСР на 25 лет лишения свободы, содержится в г. Хабаровске в 3-м лагпункте УИТЛиК.

Об ответственности за дачу ложных показаний предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Вопрос: На каком языке Вы желаете давать показания?

Ответ: Я знаю русский язык, могу читать русский текст, умею писать по-русски, но допрашивать прошу в присутствии переводчика, так как некоторые русские слова я не помню, поэтому трудно мне будет излагать свою мысль.

Вопрос: Допрос будет производиться через переводчика японского языка Негороженко Анатолия Николаевича. Возражений Вы не имеете?

Ответ: Нет, не имею (подпись).

Переводчик японского языка Негороженко А. Н. об ответственности за заведомо ложный перевод предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Вопрос: Расскажите кратко о Вашей трудовой деятельности.

Ответ: По социальному происхождению я из крестьян, до учебы в Токийском институте я проживал вместе с родными, занимался в хозяйстве родителей и одновременно учился в гимназии. С 1935 года по 1938 год проживал в Токио, где и окончил Институт иностранных языков. В 1938 году я был призван в японскую армию и для прохождения службы был направлен в Маньчжурию на станцию Мулин в 30-й пехотный полк в качестве рядового, прослужил до 1941 года. С начала сентября 1942 года я был переведен на работу в Харбинскую японскую военную миссию. Назначен был в качестве переводчика русского языка в Особый исследовательский отряд. Под этим наименованием в ЯВМ значился лагерь «Хогоин», что означает на русском «Приют». В лагере «Хогоин» содержались советские люди, в большинстве своем военнослужащие, оказавшиеся по разным причинам на территории Маньчжурии.

С начала 1944 года я был переведен на должность заместителя начальника лагеря «Хогоин», одновременно руководя информационно-следственным отделением. В задачу

информационно-следственного отделения входило собирать сведения об экономическом, политическом и военном положении СССР, а также выявлять лиц, склонных к побегу, нарушающих лагерный режим и ведущих среди лагерного контингента антияпонскую агитацию. Лиц, враждебно настроенных к Японии, а также тех, которые не желали подчиняться лагерному режиму, я, с согласия начальника лагеря Иидзима, отправлял в 731-й отряд, куда в разное время за 1945 год было отправлено около 40 человек советских граждан.

Говоря об этом, хочу отметить, что в 731-й отряд впервые стали отправлять из лагеря «Хогоин» с начала 1942 года, т. е. с того времени, когда я еще не являлся одним из руководителей лагеря.

Упоминаемый мною отряд № 731 был размещен на окраине города Харбина в местечке «Хейбо» в 15–20 километрах от лагеря «Хогоин».

В 731-м отряде я ни разу не был, один лишь раз осенью 1944 года проезжал мимо территории отряда, но видеть ничего не мог, так как вся территория была обнесена плотным высоким забором. В 200 м от входа на территорию отряда было вывешено объявление, дословное содержание которого сейчас не помню, но смысл сводится к тому, что на территорию отряда заходить имели право лица, имеющие специальное разрешение от командующего Квантунской армией.

От ряда работников 2-го отдела Харбинского ЯВМ, не помню только, от кого персонально, еще в 1942 году я знал, что 731-й отряд, или, как его иначе называли, отряд «Исии», производил выращивание, точнее, изготовление смертоносных бактерий и путем производства опытов проверял действие бактерий над живыми советскими людьми, чего любой организм человека не выдерживал, и в конечном итоге человек умирал.

Несколько позднее, примерно в конце 1944 года или в начале 1945 года, бывая в Харбинской ЯВМ, я от руководящих работников миссии, но от кого именно, сейчас не помню, узнал, что 731-й отряд штаба Квантунской армии изготовляет смертоносные бактерии и ядовитые газы для военных целей [для] поражения армии противника. Противником Японии являлся Советский Союз.

Вопрос: Какой был установлен порядок отправки советских граждан в 731-й отряд?

Ответ: Согласно письменного указания Харбинской ЯВМ за подписью начальника миссии генерала-майора Акикуса, работники информационно-следственного отделения, с моего согласия, составляли по имеющимся компрометирующим материалам списки, которые утверждались начальником лагеря майором Иидзими, последний ставил свою фамильную печатку. Иидзима упомянутый список возил на доклад начальнику миссии Акикуса, последний всегда соглашался с нашим мнением и разрешал отправлять в 731-й отряд на физическое уничтожение намеченных нами советских граждан.

Фамилии всех лиц, отправленных на уничтожение в 731-й отряд, я не помню. До сего времени сохранились в памяти следующие лица: солдат Советской Армии Демченко, который в категорической форме отказался давать какие-либо сведения о Советском Союзе. С моего разрешения к нему применялись меры физического воздействия, его следователи подвергали пытке, подвешивая его за руки, за ноги к балке. Демченко все же показания не давал. Тогда я решил его физически уничтожить и с этой целью отправил его в 731-й отряд. За проводимую антияпонскую агитацию я отправил в отряд «Исии» в июле или в начале августа 1945 года офицера Советской Армии Игнатова. Помимо названных, за попытку убежать из лагеря «Хогоин» на физическое уничтожение в 731-й отряд были направлены советские граждане Канев, Перебоев и Романченко. Надо сказать, одному из лагерников, офицеру Советской Армии Кузеванову, в середине 1945 года удалось убежать из лагеря «Хогоин», но он был вскоре пойман и доставлен в лагерь «Хогоин», а впоследствии с моего согласия был отправлен на физическое уничтожение в отряд «Исии».

Непосредственно отправку советских людей, обреченных на смерть, осуществлял жандарм Сиода, который по телефону договаривался с жандармом 731-го отряда о времени отправки. Всегда 731-й отряд за людьми высылал свой автотранспорт — крытую

автомашину, в которую вмещалось без вещей около 20 человек. Жандарму Сиода, согласно указанию Харбинской ЯВМ, я давал приказания направлять в 731-й отряд людей без их личных вещей. Вещи же направлялись в 4-й отдел Харбинской ЯВМ. А данный отдел вещи, особенно военное обмундирование, использовал для нужд миссии.

В этой одежде засылались японские разведчики на территорию Советского Союза. Об этом мне известно было от сотрудников 4-го отдела. Но от кого именно, сейчас не помню. На всех тех лиц, которых мы отправляли в 731-й отряд, составляли именные списки в двух экземплярах, один экземпляр списка брал с собой сотрудник 731-го отряда, а другой экземпляр оставался в лагере «Хогоин».

Документа о приме людей я лично от работников 731-го отряда не требовал. За все время моей работы в лагере «Хогоин» не было ни одного случая, чтобы из числа направляемых людей кто-либо вернулся бы в лагерь «Хогоин».

Это обстоятельство лишний раз убеждало меня в правоте слышанного о том, что в 731-м отряде советские граждане умирали от производимых над ними опытов [воз]-действия смертоносных бактерий и ядовитых газов.

Вопрос: Чем хотите дополнить свои показания?

Ответ: Дополнить мне больше нечего.

Протокол допроса с моих слов правильно записан и мне прочитан на русском и японском языках, в чем и расписываюсь (подпись).

Допросил: сотрудник УМВД по Хабаровскому краю Писарев
переводчик: Негороженко
Верно: сотрудник УМВД по Хабаровскому краю (подпись)

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 155–158.
Зав. копия. Публикуется впервые.

3.1.4. ОПЫТЫ НАД ЛЮДЬМИ – ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ[1]

№ 43. Протокол допроса генерал-майора медицинской службы, начальника Санитарного управления 1-го фронта Квантунской армии Кавасима Киоси о фактах применения бактериологического оружия японскими войсками на территории Китая[2]

8–20 декабря 1946 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
военнопленного генерал-майора медицинской службы японской армии
бывшего начальника Санитарного управления 1-го фронта
Квантунской армии
Кавасима Киоси

8–12–20 декабря 1946 года
гор. Хабаровск

Предупрежденный по ст. 95 [УК] РСФСР об ответственности за дачу ложных показаний особой подпиской Кавасима Киоси, по национальности японец, 1893 г. рождения, допрошенный в качестве свидетеля показал:

Вопрос: Вы работали в Маньчжурии в противоэпидемическом отряде генерала Исии?

Ответ: Да, в противоэпидемическом отряде генерала Исии, известном под зашифрованным названием «Маньсю», т. е. «Маньчжурский отряд № 731» Квантунской армии, я работал с апреля 1941 года по март 1943 года, т. е. около двух лет беспрерывно.

Вопрос: Какую должность Вы занимали в этом отряде?

Ответ: В начале моей работы в отряде № 731 я совмещал должности начальника общего отдела и начальника 4-го (производственного) отдела, а затем до 1943 года возглавлял только 4-й отдел.

Вопрос: Что Вы делали в 1943 году?

Ответ: В июне 1941 года обязанности начальника [отдела] общих дел я сдал полковнику Имадзу, который в свою очередь в начале 1942 года передал дела полковнику Накотомэ.

В 1943 году я был назначен на должность начальника Санитарного управления 12-й армии в Северный Китай и в связи с новым назначением сдал в марте 1943 года обязанности начальника производственного отдела отряда № 731 полковнику Оота, специалисту-бактериологу.

Вопрос: А до 1943 года Вы знали или не знали полковника Оота?

Ответ: Полковника Оота я впервые узнал после моего прибытия в Маньчжурский отряд № 731 в 1941 году. В этом отряде полковник Оота работал до весны 1942 года в должности начальника 2-го отдела.

Вопрос: Где работал полковник Оота после весны 1942 года?

Ответ: В 1942 году полковник Оота был назначен в г. Нанкин начальником противоэпидемического отряда Центрального Китая, где он работал до 1943 года. Нанкинский отряд был зашифрован литерой «Эй», в переводе «Расцвет», и имел номер, который я сейчас вспомнить не могу.

Вопрос: Кто и когда сменил полковника Оота в должности начальника отряда «Эй»?

Ответ: Полковника Оота в начале 1943 года сменил полковник Сато Сюндзи, впоследствии генерал-майор медицинской службы, специалист-патолог.

Вопрос: Кто из специалистов бактериологов, работавших в отряде «Эй», кроме полковника Оота, Вам известен лично?

Ответ: Я знал еще одного специалиста-бактериолога, работавшего в Нанкинском отряде «Эй», но вспомнить его фамилию сейчас не могу. Знаю, что в начале организации этого отряда в 1939 году начальником его был по совместительству начальник Маньчжурского отряда № 731 генерал Исии, который был в отряде «Эй» в г. Нанкине и в последующие годы, и я знаю, что генерал Исии выезжал в г. Нанкин во главе специальной экспедиции работников Маньчжурского отряда № 731 в июле 1942 года.

Вопрос: Расскажите подробно все, что Вам известно об организации этой экспедиции.

Ответ: В конце мая или в начале июня 1942 года генерал Исии возвратился в Харбин из Токио. Вскоре после этого Исии созвал секретное совещание начальников отряда № 731.

На совещании присутствовали: я, как начальник 4-го (производственного) отдела, начальник отдела общих дел полковник Накатомэ Киидзоо, начальник 1-го отдела полковник Кикучи Хитоси, начальник 2-го отдела полковник Мураками Такаси, начальник учебно-воспитательного отдела полковник Сонода Тароо, начальник отдела материально-технического снабжения полковник Остаци Акира, начальник терапевтического отдела подполковник Нагаяма Тароо и временно исполняющий обязанности начальника 3-го отдела (снабжения водой) ответственный сотрудник этого отдела, фамилию которого я не знаю.

На совещании генерал Исии сообщил, что он был в Генеральном штабе в Токио, где получил указание в ближайшее время командировать часть отряда в Централь-

ный Китай для проведения специальных бактериологических работ, которые будут осуществлены на территории вблизи железнодорожной линии Чжэган, и где будет произведена бактериологическая атака против китайских войск.

В связи с этим на совещании рассматривались вопросы о способах применения различных видов бактерий. В частности, говорилось о применении бактериальных средств без использования самолетов, что для этой цели следует использовать бактерии чумы, холеры, брюшного тифа и паратифа. Кроме того, был рассмотрен проект организации экспедиции.

Подобных совещаний было два или три. Одно из них, организационного характера, было после получения соответствующего приказа из штаба Квантунской армии.

Вопрос: Вам известно содержание приказа командования Квантунской армии, о котором Вы говорили?

Ответ: Да, приказ, полученный из штаба Квантунской армии, мне известен.

Приказ исходил от имени командующего Квантунской армией генерала Умедзу Иосидзиро и предназначался начальнику отряда № 731 генералу Исии.

Приказ генерала Умедзу я читал лично, мне его показывал полковник Накатомэ, причем последний мне рассказывал, что он говорил по телефону со штабом Квантунской армии и ему ответили, что в отряд выслан приказ командующего об экспедиции в Китай и что на этот счет в штабе имеется указание Генерального штаба.

В приказе предлагалось командировать часть сотрудников отряда в Центральный Китай, где они должны поступить в распоряжение командующего экспедиционными японскими войсками в Центральном Китае генерала Хата Сюнроку для оказания помощи в противоэпидемической работе.

Однако в приказе Умедзу ничего не было сказано о фактической цели экспедиции, не было сказано и о подготовке бактериальных материалов в плане «бактериологической атаки» против китайских войск, о которой нам говорил генерал Исии на совещании.

В приказе Умедзу не было указаний о характере экспедиции. Из этого я сделал вывод об особой секретности экспедиции в Китай и предполагаю, что Генштаб Японии и руководство Квантунской армии не хотели оставлять никаких следов этой бактериологической операции против китайских войск.

Общее руководство подготовкой экспедиции генерал Исии возложил на подполковника Мураками Такаси. Затем генерал Исии приказал мне — начальнику производственного отдела — в десятидневный срок изготовить для целей экспедиции возможно большее количество бактерий брюшного тифа, сибирской язвы и паратифа, но в каком именно количестве, я вспомнить не могу. Это хорошо должен знать майор Карасава, сотрудник производственного отдела, которому я передал распоряжение генерала Исии для практического исполнения. Одновременно генерал Исии приказал мне выделить из 4-го (производственного) отдела 10 человек специалистов для участия в экспедиции в Китай.

Среди участников экспедиции, я помню, были подполковник Мураками Такаси, полковник Накатомэ Киндзоо и техник Минато.

Вопрос: Когда экспедиция Маньчжурского отряда № 731 отправилась в Китай?

Ответ: Участники экспедиции под личным руководством генерала Исии отправились в Центральный Китай в июле 1942 года, одни — поездом, другие — самолетом, принадлежащим нашего отряду. Каждая отдельная группа брала с собой необходимые материалы, аппаратуру и питательную среду для выращивания бактерий на месте в г. Нанкине в отряде «Эй». Кроме того, были взяты блохи и бактерии чумы для заражения, а также капсулированные бактерии холеры для культивирования на месте. Блохи и бактерии чумы были получены из 1-го и 2-го отделов отряда.

Все бактериальные материалы, в том числе и бактерии, изготовленные 4-м отделом (производственным), генерал Исии распорядился отправить в г. Нанкин в адрес отряда «Эй», что и было исполнено.

Вопрос: Вам известны возможности отряда «Эй» по культивированию бактерий?

Ответ: Мой подчиненный фельдфебель Хигучи, возивший в г. Нанкин изготовленные Маньчжурским отрядом № 731 бактерии, докладывал мне, что часть бактерий испортилась и культивирование их производили в г. Нанкине, что лаборатории «Эй» меньше нашего отряда, следовательно, в отряде «Эй» хотя и не было такого отличного оборудования, каким располагал наш отряд в Маньчжурии, но все необходимое для культивирования бактерий в отряде «Эй» имелось, и бактерии были там выращены.

Вопрос: Что вы знаете о деятельности экспедиции генерала Исии в Центральном Китае?

Ответ: В конце сентября или начале октября 1942 года в Харбин вернулся полковник Накатомэ, участник экспедиции генерала Исии в Центральный Китай. Накатомэ мне рассказал, что экспедиция свою задачу по практическому применению бактериальных средств войны против китайских войск выполнила.

Как объяснил мне полковник Накатомэ, в этот период командование японскими экспедиционными войсками во главе с генералом Хата Сюнроку проводило в Центральном Китае так называемую Чжеганскую операцию стратегического отступления, и эта операция была использована для заражения бактериями китайской территории, оставляемой японскими войсками. Заражение местности производилось бактериями чумы, холеры, тифа и паратифа для проверки способов применения и эффективности действия бактерий в боевых условиях. Кроме того, в конце августа 1942 года по линии Чжеганской железной дороги в районе китайских городов Цзыньхуа, Цзюйжоу, Юйчиань и других [бактерии] распространялись непосредственно в китайских населенных пунктах, и ими заражались водоемы, колодцы и т. д.

Заражение местности бактериологи экспедиции проводили в момент отступления японской армии и вступления на освобождаемую территорию китайских войск, в связи с чем Накатомэ[a] не мог мне сказать о результатах заражения. В том, что заражение производилось в момент отхода японских войск, мне рассказывал и мой подчиненный, майор Судзуки, участвовавший непосредственно в этой операции по заражению чумой местности. Другой участник этой экспедиции, также мой подчиненный, подпоручик Кабаяси, был оставлен в отряде «Эй» в г. Нанкине как специалист для работы по культивированию бактерий.

Местопребывание Накатомэ, Судзуки, Мураками, Минато и Кабаяси мне в настоящее время неизвестно.

Вопрос: Как оценивали результаты китайской экспедиции в отряде № 731?

Ответ: Я не слышал, чтобы в нашем отряде широко обсуждались результаты этой экспедиции. Как я уже сказал, о действиях экспедиции в Центральном Китае мне было известно от полковника Накатомэ и майора Судзуки.

Поговорить более подробно с генералом Исии на тему о результатах операции мне не удалось, так как генерал Исии по возвращении из г. Нанкина в Харбин был очень занят и вскоре после этого уехал в г. Тайюань в Северный Китай, куда он был назначен начальником Санитарного управления 1-й армии. Однако по отдельным замечаниям, которые я от него слышал, могу утверждать, что генерал Исии расценивал результаты бактериологической операции как отличные — это было его буквальным выражением.

Вопрос: Известны ли Вам аналогичные факты военного применения бактерий японскими войсками?

Ответ: Мне известно, что военное применение бактериологических средств японскими войсками против китайских войск имело место в 1940 году и 1941 году. Об операции, проведенной в 1940 году, я узнал при таких обстоятельствах:

---

[a] Слово дописано ручкой.

После моего назначения в Маньчжурский отряд генерала Исии в 1941 году я исполнял обязанности начальника общего отдела отряда. Однажды я был на докладе у генерала Исии в его кабинете, где в это время находились полковник Оота и еще два офицера, фамилии которых я сейчас не помню. В этот момент генералу Исии на доклад принесли бумаги. Просматривая их, он показал нам статью в китайском медицинском журнале, изданном в 1940 году. В этой статье автор (фамилию которого я сейчас не помню) подробно описывал сильную вспышку эпидемии чумы в районе Нимбо[b], что южнее Шанхая и восточнее Ханьчжоу. В статье было указано, что эпидемия чумы в Нимбо[c] носила крайне необычайный характер. Автор отмечал, что возникновение чумы, как правило, сопровождается эпидемией чумы среди грызунов, а в данном случае этого не было. На этом основании автор статьи делал вывод, что происхождение такой внезапной и сильной вспышки чумы требует специального изучения.

Генерал Исии сказал нам, что эта статья является лучшим подтверждением эффективности проведенного в 1940 году его отрядом и под его руководством опыта по разбрасыванию с самолета блох, зараженных чумой, в районе расположения китайских войск вблизи Нимбо[d]. Из заявления генерала Исии мне стало ясно, что в 1940 году Маньчжурским отрядом № 731 была проведена операция по распространению чумы среди войск и населения Центрального Китая и что этой операцией лично руководил сам начальник отряда № 731 генерал Исии.

О применении японскими войсками бактериологических средств против Китая в 1941 году мне известно следующее.

Летом 1941 года по распоряжению генерала Исии из Маньчжурского отряда № 731 было выделено примерно 50 человек специалистов-бактериологов и технического состава, которые отправились в Центральный Китай во главе с полковником Оота, тогда начальником 2-го отдела нашего отряда. Основное ядро этой экспедиции было сформировано из сотрудников 2-го отдела и частично 1-го отдела.

По возвращении из Центрального Китая полковник Оота мне рассказывал, что над городом Чэнды, что около озера Дунтинху, ими с самолетов были сброшены блохи, зараженные чумой.

Со слов полковника Оота, я вынес впечатление, что город Чандэ в этот период представлял для китайских войск важный путь коммуникаций, нарушение которых для японского командования имело большое значение. Затем я присутствовал при докладе полковника Оота генералу Исии о том, что в результате этой бактериологической операции в районе Чандэ среди китайцев вспыхнула сильная эпидемия чумы.

Вопрос: Где Вы находились в 1940 году?

Ответ: В период 1940 года я находился в Южном Китае в должности начальника санитарного отдела 38-й дивизии японской армии, откуда в 1941 году приказом по Военному министерству Японии был назначен в отряд № 731 Квантунской армии.

Вопрос: Почему не в собственно Японии, а в Маньчжурском противоэпидемическом отряде № 731 Квантунской армии была широко поставлена научно-исследовательская работа, опыты и применения патогенных возбудителей в военных целях?

Ответ: На этот вопрос я могу ответить так: Япония готовила военное нападение на Советский Союз, и в данном случае Маньчжурия являлась военным плацдармом. О подготовке бактериологических средств нападения на СССР на основании каких-либо документов ничего сказать не могу, так как таковых документов в пределах моих служебных обязанностей я не видел. Я могу сказать то, что я видел и слышал. Квантун-

[b] Дописано ручкой.

[c] Дописано ручкой.

[d] Дописано ручкой.

ская армия стояла на Маньчжурских границах с Советским Союзом как армия агрессивных намерений Японии по отношению к СССР. Отряд № 731 генерала Исии является военным учреждением Квантунской армии, которой в последнее время командовали с 1940 года генералы Умедзу Исидзиро и с 1944 г. Ямада Отодзоо, и я считаю существование отряда № 731 самым главным аргументом, говорящим за то, что Япония готова была использовать бактериологические средства войны против Советского Союза. Поэтому отряд № 731 под руководством опытного специалиста, профессора бактериологии генерала Исии и был расположен в г. Харбине, имея филиалы по всей Маньчжурии.

Кроме прямой своей задачи противоэпидемического характера, отряд № 731 имел другую секретную задачу в области изучения и применения бактерий чумы, холеры, тифа, дизентерии и других патогенных возбудителей в военных целях. Эта исследовательская работа в области бактериологии, подкрепленная и подтвержденная многочисленными опытами, имела практическое применение в войне Японии с Китаем, когда специальные экспедиции отряда № 731 в 1940 году, 1941 и 1942 гг. применяли бактериальные средства как военное оружие против китайских войск.

Следовательно, бактериологическое оружие, практически проверенное на противнике в Китае, могло быть с успехом применено и против СССР.

Вопрос: В каких материалах были зафиксированы результаты применения бактериологических средств в войне против Китая в 1940, 1941 и 1942 гг.?

Ответ: За время моей работы с 1941 по 1943 год в Маньчжурском отряде № 731 я не видел материалов, обобщающих результаты опытов применения бактерий как средств войны. Специальные экспедиции Маньчжурского отряда № 731 генерала Исии в Центральный Китай во время войны Японии с Китаем в 1940, 1941, 1942 гг., безусловно, выходили из рамок научно-исследовательской и опытной работы и являлись прямым практическим применением бактерий чумы, холеры, тифа и дизентерии в военных операциях экспедиционных войск против Китая.

Вопрос: На основании чего Вы считаете, что задачей отряда № 731 являлась и задача подготовки бактериологической войны?

Ответ: Свое утверждение о том, что одной из задач Маньчжурского противоэпидемического отряда № 731 снабжения водой Квантунской армии, которым руководил генерал Исии, являлась подготовка бактериологической войны, я основываю на том, что оборудование и специальная аппаратура для культивирования бактерий была слишком мощной для профилактических целей. Специальная аппаратура для выращивания блох в таких больших количествах для научных целей не была нужна. Все оборудование 2-го отдела было создано для проведения широких опытов в полевой, приближенной к боевым действиям, обстановке.

Вся эта специальная аппаратура была предназначена для исследовательской работы по бактериальному оружию. Об этом же говорят три экспедиции в Китай в 1940, 1941–1942 гг. по практическому использованию бактерий в военных целях. Я еще должен указать на небольшую, но существенную деталь, что весь научно-технический состав отряда № 731 носил общевойсковую форму в то время, когда врачи и другие мед. работники Квантунской армии носили отличительный знак принадлежности к медицинской службе. Эта деталь указывала на секретный характер работ, выполняемых отрядом генерала Исии.

Вопрос: Каковая мощность аппаратуры Маньчжурского отряда № 731 по выращиванию блох, зараженных чумой и культивированию бактерий?

Ответ: Вся аппаратура по выращиванию блох, заражаемых чумой, и культивированию бактерий, когда я работал в отряде № 731, по состоянию на 1943 г. представляла собой следующее: во втором отделе имелись специально оборудованные помещения, которые могли вместить примерно 4500 инкубаторов. В каждый инкубатор последо-

вательно в течение месяца менялись 3–4 белые мыши. Мыши заключались в фиксатор, помещаемый в инкубатор, где имелась питательная среда и несколько блох обоих полов. Инкубационный период длится 3–4 месяца. Каждый инкубатор давал около 10 грамм блох за это время. Таким образом, за 3–4 месяца Маньчжурский отряд № 731 выращивал около 45 кг блох, годных для заражения чумой.

Для культивирования бактерий 4-й отдел (производственный) имел специально оборудованное помещение, где были смонтированы две системы. Первая система имела 8 котлов, емкостью в одну тонну каждый, для приготовления питательной среды.

Имелось 14 дезинфекционных аппаратов (автоклавов), две камеры для охлаждения питательной среды на 100 культиваторов, две камеры для посева бактерий, 5 камер культивирования, в каждой из которых помещалось 200 культиваторов системы генерала Исии.

Вторая система имела 4 котла для приготовления питательной среды, емкостью в две тонны каждый, 8 автоклавов, емкостью на 60 «культиваторов Исии» каждый, 2 камеры для посева, 2 камеры охлаждения и 4 камеры для культивирования.

Здание со специальным оборудованием имело транспортеры, облегчающие производственный процесс.

Кроме того, в отряде имелись: водопровод для нужд отряда, оборудование для получения пара, электростанция, оборудование для получения горючего газа, автомобильный парк и авиаотряд.

С каждого культиватора «системы Исии» снимали около 30 грамм бактерий чумы.

Для бактерий тифа требовалось 24 часа, и за это время в каждом культиваторе «системы Исии» выращивалось около 50 грамм бактерий. В срок от 18 до 24 часов выращивалось 60 грамм бактерий холеры. Срок культивирования бактерий сибирской язвы определялся в 48 часов, и за это время выращивалось от 60 до 100 грамм. Бактерии паратифа выращивались за 24 часа в количестве от 40 до 50 грамм.

Все оборудование двух систем при нормальных условиях работы, исходя из расчета 1/5 теоретической мощности специальной аппаратуры, каждый месяц могло дать: 160 кг бактерий чумы, или 320 кг бактерий холеры, или [от] 320 до 540 кг бактерий сибирской язвы, или [от] 210 до 270 бактерий паратифа.

Приведенные мною данные достаточно убедительно говорят, что оборудование отряда № 731 Квантунской армии в Маньчжурии отвечало не только научно-исследовательской работе, но и могло быть использовано и использовалось в военных целях — для бактериологического нападения.

Вопрос: В Маньчжурском отряде № 731 проводились массовые бактериологические опыты над людьми?

Ответ: В целях изучения возможного применения бактерий чумы, холеры, тифа и других видов патогенных возбудителей как боевого средства массового уничтожения людей в отряд № 731 ежегодно доставлялось от 500 до 600 маньчжур и китайцев[e], приговоренных военными властями в Маньчжурии к смертной казни. Людей этой категории, предназначенных для бактериологических опытов отряда № 731, предоставляла японская жандармерия г. Харбина.

Я лично видел, как каждый раз обреченных на смерть привозили целыми партиями. Они содержались в двух отдельных двухэтажных тюремных капитальных зданиях, рассчитанных на одновременное содержание в них от 150 до 200 человек. Оба тюремных корпуса находились во внутреннем дворе центрального здания отряда под охраной часовых. Внутренний двор освещался 4 прожекторами. В тюремных камерах помещалось

[e] Слово дописано ручкой.

от 1 до 4 человек. Пища приготовлялась в кухне тюрьмы и разносилась по казармам. В целях эффективности опыта пища была вполне питательная и достаточная по количеству. В тюремных зданиях были операционные комнаты и рентгеновские кабинеты.

Для каждого вида эпидемического заболевания были выделены отдельные камеры. Лицо, подвергавшееся в специальных лабораториях насильственному заражению одним из видов патогенного возбудителя, водворялось в соответствующую камеру.

В отдельных случаях, в зависимости от обстоятельств, подопытная обработка человека проводилась непосредственно в камере, в которой он содержался.

В камере, кроме спального тюфяка, ничего не было, окна камер были заделаны решетками, дверь запиралась снаружи на замок, и в двери был небольшой врез для наблюдения за поведением заключенного в камере и подачи ему пищи. Заключенные из камеры выводились под охраной и в наручниках. В камере заключенные содержались без наручников. Во внутренних коридорах несла круглосуточное дежурство вооруженная охрана. Охрана состояла из специально подобранных из старослужащих японских солдат и других лиц, заслуживающих доверия. В подборе чинов охраны активное участие принимал брат начальника отряда генерала Исии, чиновник для поручений Исии, имя которого я не помню.

До опыта заражения бактериями заключенным предоставлялась ежедневная тридцатиминутная прогулка во внутреннем дворе, такой же прогулкой пользовались и те лица, которые выздоравливали после опыта заражения.

Опыты массового характера с людьми также производились на полигоне в районе ст. Аньда, в 100 км северо-западнее ст. Пинфан, где испытывались и изыскивались способы боевого применения авиационных бомб, начиненных бактериями.

Авиабомбы с бактериями сбрасывались на полигон, на котором находились заключенные китайцы или маньчжуры, привязанные к столбам.

После опыта оставшиеся в живых доставлялись в отряд и водворялись в тюрьму, о которой я уже говорил.

Вопрос: Что предпринималось[f] в отношении лиц, выздоровевших после бактериологических опытов?

Ответ: Если заключенный, несмотря на заражение его смертоносными бактериями, и выздоравливал, то это не спасало его от повторных опытов, каковые производились, пока не наступала смерть от заражения.

Лиц, оставшихся в живых после первого опыта, вылечивали, усиленно питали и, после того как они набирали достаточно сил, их подвергали следующему опыту заражения, но другим видом бактерий.

Во всяком случае, живым из этой фабрики смерти никто не выходил. Трупы умерщвленных сжигали в крематории отряда.

Вопрос: Какие еще Вам известны факты относительно системы и режима содержания людей во внутренней тюрьме отряда № 731, предназначенных для бактериологических опытов?

Ответ: За время моей службы в отряде № 731 я в трех случаях участвовал с начальником отряда генералом Исии в инспекционных осмотрах разнообразных служб отряда, поэтому мне известны некоторые подробности о системе и режиме во внутренней тюрьме.

Через центральное здание отряда и внутренний его двор проходил закрытый коридор, разделяющий двор на две равные половины, в каждой из которых был тюрем-

[f] Слово дописано ручкой.

ный корпус. К внешним сторонам коридора примыкали канцелярия тюрьмы, помещение охраны и кухня. Стены центрального здания первого этажа, обращенные внутрь двора, окон не имели. В комнатах второго и третьего этажей были специальные лаборатории, куда имел доступ ограниченный круг лиц. На всех окнах, выходивших во внутренний двор, были железные решетки.

Доставка заключенных непосредственно в тюрьму отряда осуществлялась тайным ходом через туннель, сооруженный под фасадом центрального здания.

Жандармская служба отряда № 731 имела в своем распоряжении 2–3 специальные закрытые автомашины, окрашенные в темный цвет, без окон, с отверстием для вентиляции. Я иногда видел, как жандармы в эти машины садились и уезжали в г. Харбин.

Заключенных в автомашинах подвозили к подземному ходу, через который они попадали в тюремные корпуса.

На всех привозимых в отряд жандармерия имела именные списки, по которым и сдавала заключенных в тюремную канцелярию отряда. В канцелярии каждому подопытному заключенному давался номер, который закреплялся за ним до его смерти, неизбежной в результате повторных опытов заражения бактериями.

Содержащиеся во внутренней тюрьме проходили процедуру стрижки и мытья в бане. Обработанных в санитарном отношении переодевали в одежду обычного китайского покроя — в шаровары и блузу «курма» темно-синего цвета, на которой имелся личный номер заключенного.

В списках канцелярии отмечалось, какой номер, в какую камеру и когда водворен. На двери каждой камеры были специальные таблички с номерами заключенных, содержащихся в камере.

Определенное количество заключенных закреплялось для лабораторных бактериологических опытов за одним из научных работников, который с помощью своих лаборантов-ассистентов вел наблюдение и составлял на каждого подопытного медицинский формуляр, где регулярно велись отметки результатов наблюдения за действием бактериальных прививок, сопротивляемости организма и т. д.

Лаборанты-ассистенты, ведущие наблюдение за подопытными заключенными, находились в одном помещении с охраной для обеспечения непрерывного наблюдения за подопытными. В обязанности лаборантов-ассистентов входило следить за температурой, анализом крови, мочи, кала и полного освещения всех явлений, происходящих с зараженным подопытным.

В случае смертельного исхода труп умершего направлялся в анатомический кабинет для вскрытия и полного лабораторного анализа действия бактерий на организм умершего.

Из отдельных частей трупа приготовлялись различные препараты и брались определенные лабораторные пробы, а затем труп передавался в крематорий для сжигания.

В канцелярии тюрьмы в карточке подотчетного заключенного делали отметку, что последний умер такого-то числа.

В крематории отряда учета сжигаемых трупов не было. Операцию сжигания выполняли специально поставленные лица, лично подобранные начальником отряда.

До прибытия в отряд № 731 заключенные, бесспорно, не знали, что они могут быть подвергнуты мучительной смерти через заражение, но, уже поступив в отряд № 731, общаясь с ранее прибывшими и находящимися под опытами, они могли себе ясно представить свою участь, так как этого нельзя было от них скрыть.

Вопрос: Каково общее количество людей, обреченных на смерть, прошло за время существования Маньчжурского отряда № 731 Квантунской армии?

Ответ: Опыты по насильственному заражению людей бактериями чумы, тифа, паратифа, холеры и сибирской язвы производились в отряде № 731 на протяжении ряда лет. Отряд № 731 одно время находился в Харбине, а примерно в 1940 году был переведен в район станции Пинфан.

За пять лет пребывания отряда на станции Пинфан прошло не менее 3000 человек, умертвленных путем заражения их смертельными бактериями. Какое количество людей прошло до 1940 года, когда отряд находился в Харбине, мне не известно.

Вопрос: Производились ли подобные опыты с людьми в филиалах отряда № 731 в Маньчжурии?

Ответ: В филиалах отряда № 731 в Маньчжурии бактериологические опыты над людьми не проводились.

Вопрос: Какие приказы существовали о сохранении в тайне деятельности отряда Исии?

Ответ: Вся деятельность отряда № 731 по подготовке бактериологических средств в военных целях находилась под непроницаемым покровом тайны, соблюдение которой строго требовалось от всех работников отряда.

В отряде № 731 генерала Исии действовали общие приказы по японской армии о сохранении военной тайны, обязательные для сотрудников отряда. Специальные меры по отряду заключались в строгой пропускной системе. В отряд № 731 никто не мог пройти без специального пропуска от командования Квантунской армии. К отряду было прикомандировано подразделение жандармов, несшее охрану территории отряда и выполнявшее другие задания.

В отряде был приказ, исходивший от имени командующего Квантунской армией генерала Умедзу. Номера этого приказа я не помню. В приказе говорилось следующее: что на основании распоряжения командующего Квантунской армией, лица, входящие на территорию отряда без специального разрешения, должны подвергаться строгому наказанию. Об этом была сделана специальная надпись при входе на территорию отряда. В окрестностях отряда радиусом примерно около 2 км местным жителям запрещалось проходить и строить жилища. Об этом повсюду были сделаны надписи.

Здания, оборудование и расположение отряда фотографировать строго запрещалось и над расположением отряда запрещалось пролетать самолетам.

Начальник отряда знакомил с этим приказом каждое вновь прибывшее на службу в отряд лицо. В частности, с приказом был ознакомлен и я, когда в 1941 году был назначен в отряд № 731. Впоследствии я знакомил с этим приказом всех вновь поступавших в мое распоряжение офицеров.

Вопрос: В какое время генерал Умедзу Исидзиро командовал Квантунской армией?

Ответ: Квантунской армией в Маньчжурии с 1940 по 1944 год командовал полный генерал Умедзу Исидзиро.

Вопрос: Следовательно, экспедиции в Центральный Китай в 1940–1941 и 1942 гг. от отряда № 731 Квантунской армии по использованию бактериологических средств в военных целях против Китая санкционировались генералом Умедзу и он не мог не знать о назначении и деятельности отряда № 731, начальник которого генерал Исии ему подчинялся?

Ответ: Отряд № 731, возглавляемый генералом Исии, подчинялся в указанное время китайских экспедиций 1940–1941 и 1942 гг. командующему Квантунской армией генералу Умедзу, раз генерал Умедзу подписал приказ об экспедиции в Центральный Китай в 1942 г., хотя и без указания ее фактического назначения. Однако я полагаю, что он обязан и должен был знать истинные цели экспедиции так же, как и отдельные

офицеры штаба Квантунской армии, *имеющие отношение к работе отряда № 731, в частности полковник Тамура*[g].

Вопрос: Вы встречались с генералом Умедзу?

Ответ: Я дважды, весной 1941 года и весной 1942 года, встречался с генералом Умедзу, когда начальник отряда № 731 генерал Исии выезжал в Токио, я замещал его и присутствовал на совещаниях в штабе Квантунской армии, проводимых генералом Умедзу. В обоих случаях совещания носили общеармейский характер, и вопросы о специальной работе отряда № 731 по культивированию бактерий не затрагивались.

Вопрос: Вы показали, что летом 1942 года экспедиция в Китай была послана по приказу Генерального штаба Японии. Кто являлся начальником штаба в тот период?

Ответ: Когда проводились экспедиции генерала Исии в Центральный Китай, начальником генерального штаба Японии состоял полный генерал Сугияма Ген.

Вопрос: Кто возглавлял Военное министерство Японии в 1940, 1941 и 1942 гг., когда в Китай посылались специальные экспедиции по применению бактериологических средств против китайских войск и населения?

Ответ: В 1940, 1941, 1942 гг., когда из Маньчжурского отряда № 731 в Центральный Китай направлялись специальные экспедиции для применения бактериологических военных средств против Китая, военным министром Японии состоял генерал-полковник Тодзио Хидеки.

Вопрос: Не скажите ли Вы, что распространение бактерий чумы, тифа, холеры в Китае явилось испытанием бактериологического нового вида оружия, принимаемого на вооружение в японской армии?

Ответ: При практическом применении в Центральном Китае патогенных возбудителей экспедициями отряда № 731 в 1940, 1941 и 1942 гг. были достигнуты наиболее полные результаты по распространению бактерий чумы. Что же касается бактерий холеры и тифа, то результаты не были вполне удовлетворительны и поэтому не могли применяться с практическим успехом. Однако несомненно, что по достижении положительных результатов в их применении в будущем они должны были превратиться в оружие японской армии. В частности, по этому вопросу в 1942 году, до экспедиции генерала Исии в Центральный Китай, он мне однажды сказал, что «в Японии недостаточно железа и других материалов, необходимых для ведения войны обычными способами, и поэтому, когда военная обстановка для Японии может сложиться неудачно в связи с истощением материальных резервов, бактериологическое оружие может сыграть очень большую роль».

Вопрос: Экспедиции отряда № 731, направляемые из Маньчжурии в Центральный Китай, поступали в распоряжения командующего японскими вооруженными силами в Китае генерала Хата Сюнроку. Отвечает ли в таком случае Хата Сюнроку за использование бактериологических средств в военных действиях против Китая в 1940, 1941 и 1942 гг.?

Ответ: Экспедиции Маньчжурского отряда № 731 в 1940, 1941 и 1942 гг. поступали в распоряжение командующего японскими войсками в Китае генерала Хата Сюнроку. В Центральном Китае экспедиции во взаимодействии с Нанкинским противоэпидемическим отрядом «Эй» проводили военные диверсионные операции армейского масштаба по заражению бактериями чумы, холеры и тифа месторасположения и коммуникаций китайских войск, в район действия которых попадало и мирное население, о чем, несомненно, не мог не знать генерал Хата Сюнроку.

Вопрос: Возвращались ли из Центрального Китая в Маньчжурию участники экспедиции 1940[h], 1941 и 1942 гг.?

---

[g] Здесь и далее в документе текст, отмеченный *...*, подчеркнут карандашом.

[h] Слово дописано ручкой.

Ответ: Все сотрудники отряда № 731, которые принимали участие в экспедиции в Центральный Китай в 1940, 1941 и 1942 гг., возвращались к месту своей работы в Маньчжурию в отряд № 731 Квантунской армии.

Вопрос: Вы не отрицаете, что Япония, испытывая и применяя в военных целях бактериологические средства, нарушала известные международные соглашения, запрещающие использовать в целях войны подобное опасное оружие массового уничтожения людей?

Ответ: Мне известно о международных соглашениях, запрещающих использование в военных целях таких средств действительно массового уничтожения людей, какими являются бактериологические средства.

Специальная бактериологическая подготовка отряда № 731 Квантунской армии в Маньчжурии и практическое применение бактерий чумы, холеры, тифа и др. видов патогенных возбудителей в целях уничтожения войск и населения Китая японскими войсками явились прямым нарушением Японией международных обязательств и соглашений, запрещающих использовать указанные и им подобные средства в военных целях.

П/п военнопленный генерал-майор японской армии Кавасима Киоси

Допросили:
начальник Управления МВД по Хабаровскому краю
генерал-лейтенант Долгих
полковник Кудрявцев
капитан Петерс

Верно: старший следователь оперотдела УПВИ УМВД по Хабаровскому краю
ст. лейтенант (подпись) Гойхман

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 121–141.
Зав. копия. Публикуется впервые.

№ 44. Протокол допроса подполковника медицинской службы, начальника учебно-просветительного отдела противоэпидемического отряда № 731 Ниси Тосихидэ о фактах применения биологического оружия в отношении граждан Китая и Советского Союза

15–17 января 1947 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
военнопленного подполковника
мед. службы японской армии Ниси Сюньэй (Тосихидэ)
15–17 января 1947 года
гор. Хабаровск

Предупрежденный об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР, допрошенный в качестве свидетеля военнопленный Ниси Сюньэй (Тосихидэ), 1904 года рождения, показал следующее:

Вопрос: С какого времени Вы в японской армии, где и в качестве кого Вы работали?

Ответ: По окончании частного медицинского университета «Нихон» в гор. Токио я в 1927 году добровольно поступил на службу в японскую армию в 1-й гвардейский пехотный полк в чине старшего унтер-офицера. В этом же году был произведен в подпоручики и назначен в 22-й пехотный полк. С этого времени до марта 1940 года я служил врачом в разных частях Токийского гарнизона, получив в 1934 году чин капитана. Одновременно в августе 1935 года был направлен учиться в военно-медицинскую академию слушателем 1-го разряда на бактериологический факультет, который и закончил в следующем, 1936 г.

По окончании военно-медицинской академии я до марта 1940 года продолжал службу в частях Токийского гарнизона, а затем, до января 1943 года, работал в разных частях японских экспедиционных войск в Северном Китае в качестве врача.

В январе 1943 года приказом Военного министерства я был назначен начальником отделения в Суньу и ...[a] начальником учебно-просветительного отдела отряда № 731. В следующем, 1945 году по приказу командования Квантунской армии вновь был назначен по совместительству начальником отделения в Суньу.

17 августа 1945 года в момент, когда я находился в гор. Суньу в должности начальника противоэпидемического отделения № 25205, я был взят в плен советскими войсками.

Вопрос: Изложите кратко функции отделения в Суньу и Вашу деятельность как начальника учебно-просветительного отдела отряда № 731.

Ответ: Подчиненное мне отделение в Суньу отряда № 731 по своему назначению являлось противоэпидемическим отделением. С апреля 1945 года по распоряжению начальника отряда № 731 генерала Исии, полученного мною от него лично, отделение в Суньу начало работу по разведению блох и мышей для опытов по бактериологии.

Учебно-просветительный отдел отряда № 731, которым я руководил, ведал вопросами подготовки кадров для противоэпидемической работы, изданием литературы, брошюр и учебных пособий в этом направлении. И так как существовал порядок, что вновь поступающие в отряд работники, связанные с работой по бактериологическим вопросам, должны были поступать сначала в учебный отдел, где они проверялись по своим знаниям и деловым качествам и проходили инструктаж о порядке работы в отряде и особенно инструктировались в части необходимости сохранения секретности, учебно-просветительный отдел выполнял все эти функции. В связи с тем, что эти работники поступали в разные отделы отряда, я был связан со всеми отделами, так как должен был давать свое заключение о пригодности того или иного работника, вследствие чего я знал многое о деятельности основных отделов отряда, работа которых была засекречена.

Вопрос: Что же Вам известно о секретной работе отделов отряда № 731 и о специальном назначении этого отряда Квантунской армии?

Ответ: Когда я прибыл в Квантунскую армию и начал работу в отряде № 731, я лично убедился, что наряду с разработкой противоэпидемических и профилактических мероприятий отряд № 731 под руководством генерала Исии занимался вопросом создания активных бактериологических средств в военных целях и добился в этом направлении положительных результатов.

К моменту нападения Германии в 1941 году на Советский Союз и сосредоточения Квантунской армии в Маньчжурии на границах Советского Союза в отряде № 731 на-

[a] Так в тексте.

учно-исследовательские работы по созданию эффективных средств бактериологического нападения были в основном решены, и дальнейшая деятельность отряда шла по линии усовершенствования процесса массового производства бактерий и способов их распространения.

Было установлено, что наиболее эффективным средством нападения являются бактерии чумы. В отношении патогенных возбудителей холеры, сибирской язвы, тифа и др. исследовательские работы продолжались с целью усовершенствования способа их применения.

В этом отряде работали видные бактериологи японской армии генералы Кикучи и Кавасима, полковники Оота, Икарии, Масуда и другие.

В отряде имелись лаборатории и прекрасное оборудование по производству бактерий, для чего был сосредоточен значительный запас питательной среды — агар-агар, пептон и другие, исчисляемые тоннами.

Несмотря на то, что отряд назывался противоэпидемическим отрядом по снабжению водой Квантунской армии, фактически это название являлось прикрытием его истинной деятельности, так как отряд № 731 размещался на двух территориях с абсолютно различными функциями отделов отряда.

На первой территории, расположенной на окраине г. Харбина, т. н. «Южном Холме», рядом с 1-м военным госпиталем, находились отделы, занимавшиеся противоэпидемической работой, а на второй территории на ст. Пинфан, что в 40 км от гор. Харбина, находились все отделы, занимавшиеся работой по подготовке бактериологических средств войны. Вся работа в этом направлении была строго засекречена. Отряд имел в своем распоряжении авиацию, большое количество автомашин, электростанцию, мастерские: механические, стеклодувные, столярные, склады с подведенной к ним железнодорожной веткой.

Штат отряда, достигавший примерно 2000 человек, состоял из офицеров, солдат, вольнонаемных сотрудников и рабочих.

Таким образом, в составе Квантунской армии в Маньчжурии на границе с Советским Союзом существовал целый комбинат по производству бактериологических средств вооружения и тактико-техническое соединение по боевому их применению.

Кроме того, ближе к границам Советского Союза отряд имел ряд своих филиалов: в Суньу, которым командовал я, [в] Хайларе, Муданьцзяне, Линькоу и других пунктах, где также производилась некоторая работа по производству бактериоматериала, с возможностью в любую минуту превратить их в боевые единицы в случае возникновения бактериологической войны.

Сам факт существования отряда № 731 с его филиалами в составе Квантунской армии в Маньчжурии является основанием утверждать, что его назначение было направлено на подготовку бактериологических средств нападения на Советский Союз.

Вопрос: Известны ли Вам случаи практического применения бактериологических средств против Советского Союза?[3]

Ответ: Мне известно, что в отряде № 731 проводилась работа с целью создания активных средств бактериологического нападения против Советского Союза.

Во время вооруженного столкновения японских войск с советскими и монгольскими войсками на Халхин-Голе в 1939 году была осуществлена диверсионная операция нападения бактериологическими средствами против Красной Армии. На место военных действий выезжал генерал Исии с экспедицией бактериологов. Вместе с этой экспедицией выезжал отряд «смертников» в количестве 30–40 человек во главе с майором Икарии.

Эта экспедиция, помимо работы по профилактическому снабжению водой действующей японской армии, имела с собой несколько баллонов с бактериями брюшного тифа, паратифа и дизентерии и с помощью отряда «смертников» произвела заражение ими в районе военных действий реки Халхин-Гол.

Об этом мне стало известно при следующих обстоятельствах: в августе 1944 года, когда я принимал дела начальника учебно-просветительного отдела отряда № 731, я в сейфе обнаружил негативы двух документов.

1-й документ был списком отряда «смертников» в количестве 30 или 40 человек, на котором 3 офицера, 5 унтер-офицеров и остальные японцы вольнонаемного состава ставили подпись своей кровью и принимали на себя обязательство при любых условиях выполнить боевое задание отряда по распространению смертоносных бактерий против противника. Первой подписью на этом списке стояла подпись майора Икарии.

2-й документ был кратким планом деятельности этого отряда. В этом плане было сказано, что в случае отступления японских войск отряд «смертников» должен на автомашинах отходить последним и сбросить с целью заражения в реку Халхин-Гол баллоны с бактериями брюшного тифа, паратифа и дизентерии. Этот план был скреплен личной печатью майора Икарии. В этом плане также было сказано о необходимости соответствующего подбора участников экспедиции.

Обнаружив эти два документа, я вернул их майору Икарии, который был очень взволнован моей находкой, и на мой вопрос, каковы были результаты этой операции, майор Икарии мне ответил, что он не может об этом говорить со мной.

Вскоре после этого случая я видел в отряде секретный кинофильм, который демонстрировался в зале совещания для узкого круга работников отряда. Этот кинофильм был заснят на месте деятельности отряда в районе Халхин-Гола и состоял из двух частей: работы отряда по профилактике и действия отряда по заражению местности бактериями. Присутствовавший на просмотре фильма генерал Исии запретил демонстрацию последней части фильма, а сидевший рядом со мной майор Икарии на мой вопрос ответил, что там заснято именно то, что было в документах, фотонегативы которых я видел, т. е. момент заражения местности отрядом «смертников».

Мне также известно, что многие работники отряда № 731 за участие в этой операции были награждены орденами, в том числе и майор Икарии (ныне полковник).

Несколько позже, когда я был в Суньу, вольнонаемный автомеханик японец Ичидзио мне рассказал о своем личном участии в этой экспедиции.

В кабинете генерала Исии я виде фотокопии похвального листа за подписью командующего 6-й армии генерал-лейтенанта Огису Рихей, в котором было написано, что полевой отряд профилактического снабжения водой Квантунской армии своей самоотверженной работой значительно содействовал успеху боевой операции. Похвальный лист был написан тушью, и, так как являлся официальным документом, он был составлен в общих выражениях.

Другие факты практического применения японской армией бактериологических средств нападения против Советского Союза мне не известны.

Вопрос: Чем Вы можете подтвердить Ваше заявление, что в отряде к 1941 году были решены основные вопросы бактериологического вооружения?

Ответ: Об этом мне стало известно после того, как я начал работать в этом отряде, со слов ряда работников отряда, а также из личных наблюдений.

Я знаю, что в мае — июле 1940 года в Центральном Китае, в районе Нимбо, генерал Исии, в то время полковник, руководил операцией боевого применения бактерий чумы против китайских войск.

Об этой операции я лично видел в отряде № 731 кинофильм, заснятый непосредственно в районе боевых действий. На экране я увидел следующие кадры: к самолету прикрепляют специальные сосуды, причем в пояснении говорилось, что в этих сосудах помещены блохи, зараженные чумой, в самолет садятся люди, лиц их не видно, так как они обращены к самолету. Самолет отрывается от земли, а в отдалении стоят люди — участники экспедиции и напутственно машут руками. Самолет снят в воздухе над расположением противника, на земле видно какое-то движение китайских войск и населенный пункт; сосуды под крыльями самолета открываются, из них вылетают блохи в виде небольшого облачка. Самолет возвращается на аэродром. Надпись «операция закончена». Из самолета выходят полковник Исии и майор Икари. Следует надпись «результат». На экране показана китайская газета и японский перевод ее. В китайской газете написано, что в районе Нимбо внезапно вспыхнула сильная эпидемия чумы. Предполагалось, что эта эпидемия возникла по вине японских войск, так как очевидцы видели японский самолет, летевший на небольшой высоте и выпускающий облако, так как было доказано, что в данном случае источником заразы были не грызуны, делается вывод, что эпидемию чумы вызвали японцы искусственно. Далее на экране показан фотоснимок из китайской газеты: китайский противоэпидемический отряд в сопровождении полицейских дезинфицирует местность. Потом показан групповой фотоснимок китайского противоэпидемического отряда, участвовавшего в этой работе.

Кроме того, мне известно об этой экспедиции от ее непосредственных участников. В сентябре 1940 года в г. Пекине я встречался с подполковником Нисимура и майором Сето. Последний рассказал мне о своем участии в этой экспедиции. Как раз в это время в нашу армию Северокитайского фронта прибыла ориентировка о внезапном возникновении у китайцев чумы в районе Нимбо. На мой вопрос подполковник Нисимура ответил, что тут нечего беспокоиться. Это результат работы экспедиции профессора Исии.

В сентябре 1944 года майор Танака, руководитель группы по выращиванию блох, говорил мне о своем лично участии в экспедиции по применению чумных блох против китайцев в Центральном Китае.

Вопрос: Известны ли Вам другие подобные факты?

Ответ: Мне известен ряд других опытов, производившихся отрядом № 731. Основное содержание опытов сводилось к тому, чтобы исследовать способы нападения бактериями чумы, холеры, тифа, паратифа, сибирской язвы и газовой гангрены в условиях военных действий в Маньчжурии и на территории Советского Союза в специфичных климатических условиях. Поэтому опыты отряда производились в Маньчжурии на полигоне Аньда, что в 100 км северо-западнее Харбина, и ряд опытов проводился зимой в условиях сильного мороза.

На одном таком опыте я присутствовал лично. В январе 1945 года на полигоне Аньда был проведен опыт по заражению людей через ранения, наносимые шрапнелью с газовой гангреной. Целью этого опыта являлось выяснить возможность [заражения] в условиях мороза ниже 20 градусов.

Заражение газовой гангреной является смертоносным. Люди, зараженные газовой гангреной, даже при незначительном ранении погибают, если не будут немедленно после ранения приняты меры радикального хирургического вмешательства. Инкубационный период длится не более 4 дней, после чего спасти человека от смерти нельзя.

Этим опытом руководили подполковник Икарии и инженер Футаки из 2-го отдела отряда № 731.

Маньчжуры, доставленные на полигон Аньда под специальной охраной из внутренней тюрьмы нашего отряда в количестве 7 человек, были расположены полукругом и привя-

заны к столбам вокруг бомбы шрапнельного действия на расстоянии 30 м от нее. С тем чтобы эти люди не были сразу убиты, голова и спина защищались металлическими щитами и толстыми ватными одеялами, а ноги и ягодицы оставались незащищенными.

После включения тока бомба разорвалась в воздухе, засыпав площадь, где были размещены люди, шрапнелью с бактериями газовой гангрены.

В результате все заключенные были ранены в ноги или ягодицы, и их увезли обратно в отряд на ст. Пинфан, где они были помещены во внутреннюю тюрьму отряда для дальнейшего наблюдения.

По истечении одной недели я спрашивал подполковника Икарии о результатах опыта. Икарии мне подтвердил, что опыт удался вполне, все заболели газовой гангреной и умерли в тяжелых мучениях.

Участвовавший в этом разговоре инженер Футаки также выразил полное свое удовлетворение результатами опыта.

Необходимо еще указать на то, что опыты по заражению и уничтожению людей бактериями производились не только над китайцами и маньчжурами, но и русскими, доставляемыми для этой цели жандармерией и японской военной миссией.

Вопрос: Откуда Вам об этом известно?

Ответ: Об этом мне было известно от инженера[b] Хамада, который в 1944 году мне рассказывал, что в результате опытов, произведенных 1-м отделом в тюрьме отряда № 731, над китайцами и русскими по заражению их сыпным тифом выяснилось, что русские более восприимчивы к заболеванию сыпным тифом, чем китайцы.

В мае 1943 года я беседовал с врачом внутренней тюрьмы отряда № 731 Исида. Тогда я спрашивал его, люди каких национальностей содержатся в тюрьме, на что он ответил, что, кроме китайцев и маньчжур, в тюрьме содержатся и русские.

Вопрос: Вам известно, сколько в этой тюрьме содержалось русских людей и каким образом они туда попали?

Ответ: В каком количестве были русские в тюрьме, я не знаю. Не знаю также, кто они и каким образом они доставлялись в тюрьму отряда № 731.

Мне лишь известно о том, что врач тюрьмы отряда № 731 Иосида, начальник тюрьмы Исии (брат генерала Исии) в сопровождении жандарма Сакай неоднократно лично выезжали в командировку для отбора людей не только в Харбин, но и в другие города Маньчжурии — Жэхэ, Чандэ, Шайхайгуань, о чем в приказе по отряду говорилось, что они командируются для «отбора особого материала». Не могу вспомнить, от кого именно я слышал, но помню, что по вопросу передачи нам людей для опытов существовала какая-то договоренность с жандармерией, Харбинской военной миссией и другими военными миссиями.

В январе 1945 года я видел другой фильм, показывающий опыты над людьми по обмораживанию[c]. В кинофильме было показано, что люди были выведены в поле на мороз с ветром и их руки были оголены. Лиц этих людей я не видел и поэтому не могу сказать, были ли это русские или китайцы.

Постукиванием палкой по рукам (лицо, которое это делало, в фильме не было показано) проверялось, когда наступает полное обморожение.

Вопрос: Вам известно, какое значение имел этот опыт?

Ответ: Нет, прямого назначения этого опыта я не знал. Думаю, что непосредственного [отнош]ения к разработке бактериологических вопросов опыт не имел, но, несомненно, что он был связан с подготовкой к войне с Советским Союзом, почему я и считаю нужным об этом упомянуть в своих показаниях.

---

[b] Слово дописано карандашом.

[c] Слово дописано карандашом.

Кроме того, считаю необходимым сообщить Вам следующее. В апреле 1945 года во время обеда в офицерской столовой, на котором присутствовали начальники отделов отряда — генерал Кикучи, полковники Оота, Икари, Масуда, Сибано и другие, в числе которых был я, генерал-лейтенант Исии сказал буквально следующее: «Если начнется война с Советским Союзом, наш отряд намерен нападать с помощью бактерий чумы, так как это наиболее эффективное средство. Поэтому необходимо вести усиленную подготовку по разведению чумных блох».

Следом за этим лично я, как начальник отделения отряда в Суньу, получил письменное распоряжение усилить работу по разведению мышей и блох, и в этом приказе генерала Исии говорилось о том, что, ввиду трудностей разведения белых мышей, необходимо широко наладить работу с полевыми мышами.

Во время лично моего доклада генералу Исии в мае 1945 года он особенно подчеркнул необходимость усилить работу по производству бактериологического материала, и в первую очередь по чуме, так как, по его словам, события развиваются так, что в любой день может возникнуть необходимость бактериологического нападения на противника. Генерал Исии, хотя и не сказал мне на этот раз прямо, что речь идет о Советском Союзе, но мне, как начальнику отделения в Суньу, находящемуся непосредственно на границе с Советским Союзом, было ясно, что речь идет о возможности бактериологического нападения на Советский Союз.

Вопрос: Вы выполнили распоряжение генерала Исии об усилении производства бактериоматериала в Суньу?

Ответ: Примерно в апреле 1945 года капитан Канадзава, мой заместитель по отделению в Суньу, начал разведение блох, для чего мною ему была выделена специальная комната, вход в которую был категорически запрещен. Одновременно мы усилили работу по разведению мышей, которых мы систематически направляли, примерно по 100 штук в месяц, в отряд № 731. В отношении разведения блох дело обстояло у нас хуже, так как капитан Канадзава не имел в этом отношении достаточного опыта. Оборудование для этой цели было нами из отряда получено весной 1945 года.

Вопрос: Известны ли Вам другие факты бактериологических опытов над русскими людьми?

Ответ: В ноябре 1943 года я в отряде № 731 видел кинофильм, заснятый в отряде, с опытами над русскими людьми в барокамере. Целью этих опытов было выяснить, какую высоту[d] выдерживает организм человека. Судя по фильму, таких опытов было проведено несколько, так как я видел в отряде три разных фильма о них.

Вопрос: Откуда Вам известно, что испытуемые в барокамере были именно русские люди?

Ответ: О том, что испытуемые были русские, я сделал вывод из того, что эти люди были по лицу европейцами, а раньше от Иосида я слышал, что из европейцев в тюрьме отряда № 731 содержатся только русские.

Кроме опытов над людьми, в отряде № 731 велись опыты по заражению сибирской язвой скота на пастбище или вод[оемов], путем распространения бактерий в сухом виде, а также опыты по заражению хлебных злаков ржи, пшеницы и овощей бактериями, специальных названий которых я не знаю.

Эти опыты производились в районе ст. Пинфан, климатические условия которых подходят к Дальнему Востоку.

По поводу этих опытов я слышал от майора Ягисава, специалиста-ботаника, руководившего этими работами, который мне рассказывал, что достигнут значительный

[d] Так в документе.

успех, позволяющий посредством этих бактерий в течение одного сельскохозяйственного сезона свести на нет урожай целых полей, и что действие этих бактерий может быть особо эффективно в Маньчжурии и на советском Дальнем Востоке, т. е. на севере, где сеют рожь и пшеницу.

Означенное записано мною собственноручно.
П.п. военнопленный подполковник мед. службы Ниси Сюньэй

Допросили:
капитан Петерс
переводчик Пляченко

Верно: сотрудник УМВД по Хабаровскому краю (подпись)

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 142–150.
Зав. копия. Публикуется впервые.

№ 45. Собственноручные показания начальника интендантской части филиала № 543 противоэпидемического отряда № 731 Хотта Рионтиро о фактах применения бактериологического оружия и опытах над людьми

18 июля 1949 г.

Перевод с японского

Собственноручные показания
Хотта Рионтиро
(родился 26 января 1920 года)

26 сентября 1943 года я окончил экономический факультет университета «Кэйо-Гидзю[л]у».

По окончании университета до призыва в армию 1 ноября того же года я в течение месяца проживал у родителей в г. Кобэ (район Фукиаи, улица Кумочи, 2-й квартал, дом 91).

1 ноября 1943 года был призван в армию и зачислен в запасной отряд 39-го пех. полка 10-й дивизии г. Химедзи. 16 ноября того же года я был переведен в 1-ю пулеметную роту того же полка, дислоцировавшуюся в г. Цзимусы Санцзянской провинции (Маньчжурия).

1 февраля 1944 г. я был зачислен кандидатом в офицеры интендантской службы.

1 апреля 1944 г. я был зачислен кандидатом категории «А» в офицеры интендантской службы. 1 июля того же года я поступил в интендантскую школу интендантского управления Квантунской армии в г. Чанчунь, которая обычно именовалась воинской частью № 815.

26 ноября 1944 г. я окончил вышеуказанную школу и получил чин офицера-стажера интендантской службы.

29 ноября того же года я получил назначение в Управление водоснабжения и профилактики (УВИП) Квантунской армии на станции Пинфан. 1 августа 1945 года я получил назначение на должность начальника интендантской службы Хайларского филиала и 5 августа выбыл из гор. Харбина к месту назначения.

20 августа 1945 года я был пленен в гор. Цицикар.

Я происхожу из семьи торговцев.

Давая эти показания, я принял следующее решение. До прибытия в Советский Союз, когда я находился в лагере г. Цицикара, начальник Хайларского филиала майор мед. службы Като Цунэнори сказал, что отряд являлся особым и секретным отрядом, поэтому [информацию] о нем нужно скрывать. После прибытия в СССР и до 1947 г. я выдавал себя за интенданта 83-го военного госпиталя и показания на допросах давал, исходя из этого. Кроме того, я многое не говорил потому, что о тех фактах, которые я слышал от людей, [которые] меня допрашивали, как будто я лично знаю все это[a].

Однако сейчас я как демократ понял, что бесчеловечные действия отряда не заслуживают пощады, и я решил показать все, что мне стало известно за период 8-месячной службы в качестве офицера-стажера интендантской службы. Я напишу все, что сейчас помню, и вместе с этим заявляю, что готов в последующем дополнить свои показания.

В конце ноября 1944 года за 2 дня перед моим выпуском из интендантской школы гор. Чаньчунь командир роты майор Сахаги Хадзима провел церемонию, на которой около 400 человек выпускников получили назначения. До этого [мы] предполагали, что каждого из нас направят по своим частям, и я должен был вернуться в оставшийся в гор. Химедзи отряд, т. к. основные силы полка, в котором я служил, были переведены на южный фронт в августе 1944 года. В связи с этим лицам, возвращающимся в Японию, деньги, оставшиеся от покупки обмундирования, были выданы японскими иенами. Однако из приказа, объявленного на церемонии, стало известно, что 40 с лишним человек, служивших со мной в одной дивизии, почти все получили назначения в воинские части, подчинявшиеся непосредственно штабу Квантунской армии.

На этой церемонии я и Умэоха Такаси (примерно в апреле 1945 г. он получил назначение на должность начальника интендантской службы Суньуского филиала, где и находился в период капитуляции вместе с начальником филиала, подполковником медслужбы Ниси, [который] должен находиться в Советском Союзе), получили назначение в УВИП Квантунской армии.

29 ноября я прибыл в город Харбин и остановился в учебном отряде 731-го отряда. На следующий день в столовой для высших чинов я докладывал о своем прибытии начальнику отдела генерал-майору медслужбы Нитано Масадзи и другим.

Таким образом, в 731-й отряд я был назначен приказом, но не по собственному желанию.

В 731-м отряде я был с 29 ноября 1944 по 5 августа 1945 года (согласно приказу до 1 августа 1945 г.). С 6 августа до капитуляции я был в должности сотрудника Хайларского филиала (543-й отряд). Пленен был 20 августа 1945 г. в г. Цицикаре.

Работа, которую я проводил после назначения на должность, была следующая.

По прибытии к месту назначения я получил приказ пройти недельную подготовку, необходимую для службы в отряде. После этого в течение недели вдвоем с офицером-стажером Умэока изучали правила внутреннего распорядка, свод воинских уставов, слушали беседы о правилах службы водоснабжения и профилактики подполковника медслужбы Ниси, бывшего в то время начальником учебного отдела, иногда осматривали помещения отряда, а в последний день недели осматривали отдельный южный корпус (находился с южной стороны военного госпиталя в районе Мадягоу г. Харбина).

В процессе этой недельной подготовки я впервые услышал от подполковника НИСИ, что кроме работ по водоснабжению и профилактике, являвшихся официальной задачей, проводилась исследовательская работа по бактериям.

---

[a] Так в тексте.

По окончании недельной учебы я был назначен в интендантское отделение общего отдела, где примерно половину месяца проходил стажировку по интендантской работе. Затем я был назначен на должность помощника казначея по обслуживанию полигона ст. Аньда, и, когда у меня не было работы, я в месяц раз или два раза выезжал в командировку на ст. Аньда (срок командировки обычно был трехдневным), где контролировал интендантскую работу, проверял расходно-приходные ордера на деньги, которые возил в штаб и передавал в финансовую часть.

В конце декабря 1944 года я заключил договор с уездным управлением об очистке от снега посадочной площадки полигона на ст. Аньда. Очистка должна была производиться маньчжурцами из соседних деревень. Договор был заключен на 20 000 иен.

Кроме должности пом. кассира по обслуживанию полигона на ст. Аньда, в конце 1944 года, в связи с тем, что сотрудник продфуражновещевой части офицер-стажер интендантской службы Нистесики (в январе 1945 г. произведен в подпоручики) был переведен в Линьхоуский филиал на должность нач. интендантской части, я был назначен на должность сотрудника продфуражновещевой части отряда.

Структура интендантского отделения штаба в то время была следующей:

Начальник интендантского отделения майор инт. службы Сато
- финансовая часть: капитан и/с Кохара (Обара) и офицер-стажер Умэока
- секретариат: по совместительству капитан Кохара (не точно)
- торговая часть: поручик Накомура
- продфуражновещевая часть: подпоручик Ивата и офицер-стажер Хотта

С февраля по март 1945 года в составе интендантской комиссии я выезжал на проверку филиалов в городах Суньу, Муданцзян и Линькоу; я лично осуществлял проверку по линии продфуражновещевого снабжения.

В период с марта по апрель 1945 года, после того как капитан интендантской службы Кохара (Обара) был переведен, офицер-стажер Умеоха был назначен в Суньуский филиал на должность начальника интендантской части, а поручик Оогоси — бывший нач. интендантской части Суньуского филиала был назначен на должность сотрудника торговой части.

В марте 1945 года при очередном повышении чинов подпоручик Ивата получил чин поручика интендантской службы.

В апреле 1945 года структура интендантского отделения имела следующий вид:

Начальник интендантского отделения майор инт. службы Сато
- финансовая часть: поручик и. с. Ивата
- секретариат: поручик и. с. Накомура
- торговая часть: поручик и. с. Оогоси
- продфуражновещевая часть: офицер-стажер Хотта

Деятельность продфуражновещевой части заключалась в следующем.

Проверка отчетов по расходу продовольствия, поступавших из учебного отряда штаба, экспериментальной группы на ст. Аньда и филиалов. После проверки эти отчеты направлялись в интендантское управление Кв[антунской] армии. Делались запросы на вещевые, продовольственные и другие предметы обихода, необходимые для 731-го отряда и его филиалов. Выдача предметов обихода и канцелярские принадлежности по отделениям и отделам штаба. Выдача, ремонт и сохранение теплого обмундирования для работников штаба, включая вольнонаемный состав.

659-й отряд занимался формированием отрядов водоснабжения и профилактики при дивизиях, и в случаях убытия дивизий из Маньчжурии он формировал УВНП. Поэтому при формировании дивизий продфуражновещевым довольствием снабжали мы.

В июне 1945 года я участвовал в формировании отряда водоснабжения и профилактики при 123-й дивизии.

Ниже я пишу то, что мне стало известно за период моей службы, [в] особенности [о] 731 отряде (УВИП).

В качестве экспериментального материала использовали людей. Для этой цели в 2 помещениях содержались заключенные и военнопленные. Я лично этих людей не видел, но об их существовании говорили следующие факты.

Схема 7-го и 8-го корпусов (схема 8-го корпуса не точная, но предполагаю, что он был аналогичен 7-му корпусу).

(Схема)[b]

Пояснение:

1. Все здание было 3-этажным, железобетонным.

а) внутренние углы здания были тупые, а не острые, для того чтобы нельзя было забраться;

б) место стыка с центральным коридором 1-го этажа главного корпуса было закрыто железной дверью, и ход дальше был запрещен (думаю, что для научных сотрудников вход был свободным);

в) главный корпус не был связан с 7-м и 8-м корпусами, и их соединяла только крыша;

г) стоял надзиратель;

д) место, откуда я смотрел (почему я там был, напишу ниже).

2. На внутренних окнах главного корпуса были железные решетки.

О том, что проводятся опыты над живыми людьми, я узнал из «Отчета эксперимента», который однажды принес с собой в комнату, где мы жили, офицер-стажер мед. службы Мэчуро. Отчет был об эксперименте по обмораживанию, и к нему были приложены фотокарточки. На общей фотокарточке было изображено подопытное лицо в шубе и теплой шапке, сидящее в снегу, рядом с ним было что-то похожее на ведро. Другой снимок показывал процесс загнивания, на нем были изображены только ноги человека, лежащего на кровати. Одна нога была забинтована, по лицу нельзя было разобрать, был ли это китаец или маньчжур.

Этот факт свидетельствует о том, что для исследования обмораживания проводились опыты над живыми людьми.

Я слышал, что пищу для этих заключенных готовила русская женщина, белоэмигрантка, имевшая двух детей, она же и стирала им белье.

Говорили, что всего заключенных было 200, некоторые говорили, что их 500, но точной цифры я не знаю.

Продовольствие для них, очевидно, выдавалось отдельно по приказу нач. штаба Квантунской армии, и интендантскому отделению получать по этим документам не приходилось. Очевидно, это делал особый охранный отряд 12-й секции 1-го отдела.

Не помню от кого, но я слышал, что заключенные главным образом состоят из китайцев и маньчжур, а также среди них есть 20 с лишним человек русских.

---

[b] Схема не приводится.

Весной 1945 года, месяца не помню, был приказ о командировании людей в г. Шанхайгуань для получения специального исследовательского материала. Насколько я помню, в приказе было сказано: командировать 5–6 человек, в том числе одного жандарма и одного работника интендантского отделения. Я думал, что они будут получать какое-нибудь имущество, но работник интендантского отделения, вернувшись из этой командировки, рассказывал, что он оказался в затруднительном положении, т. к. «груз» пришлось кормить.

С целью конспирации заключенных называли «бревнами».

В конце апреля или в начале мая 1945 года Исии во время обеда назвал момент вступления Советского Союза в войну против Японии кризисом первой стадии и кризисом второй стадии, пояснив при этом, что решительный бой будет в июне месяце или в сентябре, и поэтому до начала войны с СССР необходимо уничтожить все «бревна». Одновременно он предложил всем секциям доложить необходимое им количество (понимать «бревен» — *от пер.*) и заявил, что в середине мая на полигоне ст. Аньда будут проведены опыты с применением «бревен» в большом количестве (кажется, около 200 человек). Для этого он приказал увеличить количество восьмигранных палаток на ст. Аньда, а также провести соответствующую подготовку в отношении продснабжения.

Однако в то время шли ежедневно дожди, и использовать автотранспорт было невозможно. Первая партия машин, направленная для подготовки лагеря, застряла в пути из-за плохой дороги, а тем временем поднялся вопрос о маневрах «СЭ» (сэго-эньсю), и таким образом, к счастью, использование «бревен» в крупных масштабах не было осуществлено.

Однажды во время обеда Исии, поясняя простые методы испытания ядовитых веществ, сказал, что существующие смертельные дозы ядовитых веществ часто бывают ошибочны, и только его отряд знает точные дозировки. Такое заявление могло быть сделано на основании проведенных экспериментов.

В отряде ходили слухи, что однажды заключенные взбунтовались и вырвались из своих камер, их стали расстреливать из пистолетов, но т. к. усмирить их этим было нельзя, то они были умерщвлены ядовитыми газами. Это был один из фактов массового умерщвления, о котором я слышал в отряде.

Аналогичный случай был в начале лета 1945 года. Однажды после обеда я зашел посидеть в лабораторию, где работал офицер-стажер медслужбы Мэгуро (он позвонил мне по телефону [и сказал], что угостит меня, и когда я пришел к нему, он дал мне желе из агар-агара с глюкозой). В это время начался какой-то шум, и, когда мы спросили, в чем дело, нам сказали, что взбунтовались заключенные. Мы сразу же поднялись на крышу (пункт «а», который указывался мною на схеме 7-го и 8-го корпусов). Выстрелов на крыше слышно не было, лишь видно было, что стоит 2 человека из особого отделения с винтовками и наблюдают за седьмым корпусом, а у входа в 7-й корпус находились 4–5 человек, тоже из особого отделения. Так как ничего особенного я не увидел, то я спустился с крыши и ушел к себе. Как я слышал впоследствии, этот шум был вызван тем, что во время проведения опыта один заключенный ударил по голове экспериментатора спрятанной у него дверной ручкой, после чего выхватил у экспериментатора ключ и открыл все камеры заключенных. Однако те, помня предыдущий случай, не присоединились к нему, и он, привязав к цепи круглый колосник, стал размахивать им и никого к себе не подпускал. Его застрелил какой-то смельчак.

Я слышал также, что заключенные являлись шпионами, задержанными Японской военной миссией или жандармерией. Об этом мне говорил после пленения Окуда Масару, с которым я находился вместе в 18-м лагерном отделении 16-го лагеря.

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 135–140.
Рукоп. текст. Пер. с яп. яз. Публикуется впервые.

№ 46. Собственноручные показания военного врача Ямамото Сеоэй (Танака Массами) о проведении опытов над гражданами Советского Союза, Китая и военнослужащими Японии, попавшими в плен во время боев под Халхин-Голом

23 июля 1949 г.

Собственноручные показания Ямамото Сеоэй

Находясь на службе в 731-м отряде, я знал о том, что в качестве подопытных животных используют людей разных национальностей, среди которых были китайцы, русские и японцы.

Насколько я знаю, японцы представляли собой тех военных, которые были взяты в плен во время боев под Халхин-Голом, а затем возвращены на родину. Семьям было объявлено, что они погибли, а на самом деле их содержали в спецлагере, который находился на территории арсенала Акаба, недалеко от Токио.

23 июля 1949 г. Ямамото Сеоэй

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 251.
Рукоп. текст. Пер. с яп. яз. Публикуется впервые.

№ 47. Собственноручные показания Хатаки Акира о его работе в должности ассистента-лаборанта в отряде № 100

4 октября 1949 г.

Перевод с японского

СОБСТВЕННОРУЧНЫЕ ПОКАЗАНИЯ
Хатаки Акира

Я родился 21 октября 1924 года в дер. Асахи уезда Исикава префектуры Исикава. В 1939 году окончил начальную школу по месту рождения, после чего в течение года занимался земледелием. В мае 1940 года поступил в ветеринарное отделение сельскохозяйственной школы в городе Мацуто. В декабре 1942 года окончил школу и в феврале 1943 года поступил в 100-й отряд в гор. Чанчунь (Маньчжурия). Работал я в качестве вольнонаемного. В течение первого месяца я обучался бактериологии, а затем работал в 3-м отделе 100-го отряда, где производил исследования крови лошадей, а также брал кровь для исследования. В апреле месяце того же года был переведен во 2-й отдел, где занимался культивированием бактерий инфекционных заболеваний, как, например, сапа и сибирской язвы. В отряде бактерии использовались для произведения опытов над животными и живыми людьми.

В июне 1944 года в районе гор. Харбин производился опыт по заражению животных бактериями, которые сбрасывались с самолета. Для этой цели использовались около 20 коров. Я находился метрах в 500 от места, куда сбрасывались бактерии, и видел, как с самолета сбрасывали желтый порошок. Коровы все пали. Во время проведения опыта я под руководством техника Хагихара три раза в день производил метеорологические измерения, т. е. измерял скорость ветра, температуру, влажность и т. д. В тот день, когда производился опыт, на место прибыли человек 5 офицеров — представителей штаба Квантунской армии. От 100-го отряда в опыте участвовали 12–13 человек.

В декабре 1944 года в изолятор 100-го отряда из жандармерии были доставлены четыре человека: двое китайцев и двое русских. Над ними производились опыты по заражению их бактериями инфекционных болезней. Опыты производились поручиком Хирадзакура, вольнонаемным Митомо и другими. Подопытным давали пищу, конфеты, зараженные бактериями. Я сам несколько раз носил им пищу. Русским ежедневно давали молоко. В результате опытов один китаец умер, и труп его был зарыт в поле, а одного русского застрелил из пистолета младший унтер-офицер жандармерии службы — Мидзуно. Я видел лично, как он застрелил его. Что было с оставшимися двумя, я не знаю. Мацуи предупредил меня, чтобы я об этих опытах никому не говорил.

100-й отряд подчинялся непосредственно штабу Квантунской армии и, готовясь к войне против Советского Союза, культивировал бактерии, а также производил опыты по заражению территории, людей и скота. Я работал в этом отряде до мая 1945 года, а затем был призван в армию и зачислен в в/часть 752 в гор. Гунжулин, где служил до момента капитуляции.

4/X 1949 г. Хатаки Акира

Перевел: переводчик Ким

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 88–89. Подлинник. Рукоп. текст. Пер. с яп. яз. Публикуется впервые.

№ 48. Протокол допроса Какемидзу Кадзуёси о его службе в 1-м отделе филиала № 543 противоэпидемического отряда № 731 в должности помощника лаборанта по изготовлению питательной среды для культивации бактерий

23 октября 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

23 октября 1949 года
гор. Хабаровск

Допрос начат в 12 час. 00 мин.
Допрос окончен в 23 час. 00 мин.

Я, сотрудник УМВД по Хабаровскому краю капитан Руденко, допросил в качестве свидетеля военнопленного старшего ефрейтора бывшей японской армии

КАКЕМИДЗУ Кадзуёси, 1921 года рождения, уроженца Японии, префектуры Коочи, уезда Токаока, деревни Беппе, по национальности японца, подданство Японии, происходит из крестьян, образование 8 классов, в японскую армию призван 1 декабря 1941 года, пленен советскими войсками в конце августа 1945 года в г. Цицикар.

Об ответственности за дачу ложных показаний по ст. 95 УК РСФСР и за отказ от дачи показаний по ст. 92 УК КАКЕМИДЗУ предупрежден (подпись).

Вопрос: На каком языке Вы желаете давать свои показания?

Ответ: Свои показания я желаю давать на японском языке.

Вопрос: Ваш допрос будет производиться через переводчика японского языка Рукавишникова Бориса Викторовича. Имеете ли Вы возражения?

Ответ: Возражений против переводчика японского языка Рукавишникова я не имею.

Переводчик японского языка Рукавишников об ответственности за заведомо ложный перевод по ст. 95 УК РСФСР предупрежден (подпись).

Вопрос: Расскажите свою автобиографию.

Ответ: Я родился по вышеуказанному адресу в семье крестьянина, проживал совместно с родителями в 1937 году в деревне Беппе, окончил 8 классов средней школы, после окончания школы проживал дома, 1 декабря 1941 года был призван в армию и для прохождения службы был направлен в Маньчжурию. По приезду в Маньчжурию был зачислен в пехотную воинскую часть № 177 в г. Харбине, где прослужил до марта 1942 года. С марта 1942 года до июня 1942 года служил в 731-м отряде, который находился на ст. Пинфан.

С приходом в 731-й отряд я был зачислен на курсы, где проучился 3 месяца, по окончании которых был переведен в филиал 731-го отряда в г. Хайлар, филиал был под номером 543.

Вопрос: Скажите, кто на курсах Вам преподавал и какие дисциплины?

Ответ: На 3 месячных курсах при 731-м отряде преподавались: общая санитария, основы бактериологии и как культивировать бактерии, эпидемические заболевания и их характерные признаки, очищение воды и работа фильтровального аппарата. Штатными и постоянными преподавателями были капитан Ито, имя не помню, и его помощник старший унтер-офицер Кудзануки, имя также не помню, они преподавали все названные мной дисциплины.

Вопрос: Что Вам известно о 731-м отряде?

Ответ: В период нахождения меня на курсах при 731-м отряде мне было известно только то, что отряд именовался противоэпидемическим, доступа в служебное здание отряда я не имел, мы учились и жили в отдельном помещении, которое находилось от отряда в 1 км.

После окончания курсов нас всех 60 человек распределили по филиалам, я был назначен в 543-й филиал в г. Хайлар, где все время работал помощником лаборанта, в этом филиале я узнал цели и назначения филиала, который был подчинен 731-му отряду.

Вопрос: Расскажите, какое назначение имел 543-й филиал?

Ответ: Хайларский 543-й филиал состоял из 5 отделов: 1-й отдел, в котором работал и я, занимался культивацией бактерий дизентерии, брюшного тифа и чумы; разведением блох, ловлей мышей, крыс, скупкой лошадей, коров, кроликов, морских свинок и других животных, которые в основном направлялись в 731-й отряд; 2-о отдел занимался очисткой воды и водоснабжением воинских частей; общий отдел, интендантский и учебно-просветительный отдел.

Из этого видно, что 543-й филиал имел три функции: водоснабжение армии, культивация бактерий, поставка для 731-го отряда животных и насекомых. 1-й отдел являлся основным отделом, который занимался не только поставкой животных и насеко-

мых для 731-го отряда, но и культивированием бактерий для наиболее эффективного их использования.

Вопрос: Вы присутствовали при производстве опытов, где такие опыты проводились?

Ответ: Летом, месяц не помню, в 1942 году из филиала был я направлен в командировку на ст. Аньда по охране полигона, где проводились опыты. Мы совместно с другими солдатами были расставлены вокруг полигона. После того как охрана была выставлена, через некоторое время над полигоном пролетел самолет, из которого была сброшена бомба, которая, не долетев до земли, в воздухе разорвалась.

В момент, когда бомба была сброшена, на полигоне находились человек 15 китайцев, которые копали землю, там же на полигоне находились 5–6 японских офицеров, которые были одеты в защитные костюмы черного цвета. После взрыва бомбы сразу же китайцев, работавших на полигоне, собрали в одно место, и что с ними делали, мне неизвестно, так как мы с охраны были сняты.

В разговоре с солдатом 731-го отряда, который также охранял полигон, фамилии его не помню, он мне сказал, что бомба была сброшена с зараженными бактериями блохами, которые были сброшены на работавших китайцев. Указанный мной выше опыт производился утром часов в 8.

Больше я не видел, как производились опыты.

Вопрос: Известны ли Вам фамилии офицеров, находившихся в момент указанных опытов на полигоне?

Ответ: Я знаю, что в этот день производились опыты под руководством майора Китано, остальных офицеров я не знаю. Из солдат, охранявших полигон, были ефрейтор Сайто, имя не знаю, солдаты: Фудзивара Масао, Ито Томехару, остальных фамилии не знаю.

Вопрос: Какие, когда давались письменные директивы по вопросам работы филиала, в котором Вы работали?

Ответ: За период работы в 543-м филиале 731-го отряда всего один раз в июле или августе месяце 1943 года начальник 1-го отдела капитан Тори Риппэ собирал нас всех, работников 1-го отдела, и читал нам приказ 731-го отряда, номер его и от какого числа, не помню, кем был подписан приказ, нам не говорили.

Содержание приказа было — увеличить количество всех видов бактерий. После получения указанного приказа в филиале, в котором я работал, резко увеличилось разведение блох и мышей, которые также направлялись в 731-й отряд.

Вопрос: Расскажите о своей практической работе в 543-м филиале.

Ответ: Как я уже сказал выше, после окончания курсов с июня 1942 года и по февраль 1945 года я работал в 1-м отделе 543-го филиала помощником лаборанта по изготовлению питательной среды для культивации бактерий, помогал производить культивацию бактерий, фильтровал-очищал воду и исследовал ее. Исследование воды производилось с целью обнаружения болезненных бактерий и пригодности ее к употреблению.

С февраля 1945 г. и до момента пленения в конце августа 1945 г. в составе 5 человек был прикомандирован к воинским частям, которые работали по сооружению укреплений в районе Хинганских гор.

Наша обязанность была вести противоэпидемическую работу среди японских солдат.

Больше показать ничего не могу, протокол записан и мне прочитан правильно (подпись).

Допросил:
сотрудник УМВД по Хабаровскому краю
капитан Руденко

Перевел:
переводчик Рукавишников

Верно: сотрудник УМВД по Хабаровскому краю (подпись)

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 163–166.
Зав. копия. Публикуется впервые.

№ 49. Протокол допроса Исии Такаясу о его работе в должности плотника на строительстве тюремных зданий на территории противоэпидемического отряда № 731 и его показания о проведении опытов над людьми

29 октября 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

29 октября 1949 года
гор. Хабаровск

Я, сотрудник УМВД по Хабаровскому краю старший лейтенант Буланов, сего числа допросил в качестве свидетеля военнопленного

ИСИИ ТАКАЯСУ, 1920 года рождения, японец, уроженец Японии, префектуры Чиба, уезд Катори, город Токо, японский подданный, беспартийный, с начальным образованием. В армии с февраля 1941 г. Пленен в августе 1945 г. Военное звание — старший унтер-офицер.

Об ответственности за дачу ложных показаний свидетель предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Вопрос: На каком языке Вы желаете давать показания следствию?

Ответ: Я желаю давать показания на родном японском языке.

Вопрос: Ваш допрос будет производиться через переводчика японского языка Иванову, имеете ли Вы против этого какие-либо возражения?

Ответ: Против допроса меня через переводчика японского языка Иванову я никаких возражений не имею.

Переводчик Иванова за неправильность или неточность перевода предупреждена об ответственности по ст. 95 УК РСФСР Иванова (подпись).

Вопрос: Расскажите о своей трудовой деятельности до призыва в армию.

Ответ: После окончания начальной школы с 1935 по 1938 год я работал в хозяйстве отца, учился плотницкому делу. В 1938 году, по предложению моего дяди Исии Кацузи, работавшего чернорабочим на стройке отряда № 731 в городе Харбине, я также устроился на работу в этот отряд в качестве плотника и был там до 20 декабря 1940 года, после чего уволился и уехал к отцу, а в феврале 1941 г. я был призван в армию.

Вопрос: Какие работы Вы выполняли в 731-м отряде?

Ответ: В 731-м отряде, находившемся в Харбинском пригороде Хейбо, я вскоре после своего прибытия был включен в группу плотников, выполнявших внутренние работы в зданиях № 7 и № 8, предназначавшихся для содержания людей в заключении. Вернее, это были тюремные здания, как здание № 7, так и № 8, были совершенно одинаковы, по два этажа в каждом. Каждый этаж имел посередине коридор, по бокам которого были камеры. Двери камер были обиты железом. На каждом этаже было по 7 камер с кроватями для 3–4 человек. Всего камер было около 30. Окна из камер наружу не выходили, так как имелся внешний коридор, опоясывавший каждый этаж. После внутренних работ тюрьмы меня больше к этим зданиям не допускали. Тюрьма находилась внутри основного корпуса отряда, закрывавшего тюрьму со всех 4 сторон.

Затем я был назначен писарем строительного отдела, и последнее время я помогал чертить чертежи в электрическом подотделе строительного отряда.

Вопрос: Кто содержался в тюрьме после ее постройки?

Ответ: На окончание [строительства] тюрьмы были направлены все силы отряда, строилась она спешно. Когда тюрьма была окончена, там содержались люди русской и китайской национальности, которые назывались пленными. Их было много, точно количество назвать не могу. Эти люди расходовались на эксперименты, их заражали различными эпидемическими болезнями, и они помирали[a]. Тюрьма все время пополнялась. Как производились эксперименты, я не знаю, меня туда не допускали.

Вопрос: Кого Вы знаете из руководства отряда № 731?

Ответ: Я помню командира отряда — генерала Исии, начальника особого отдела, ведавшего заключенными в тюрьме и их охраной, это был брат командира отряда Исии Такео, он работал и был известен под фамилией Хосоя, помню инженера, руководившего строительством тюрьмы — Сиоми, начальника строительного отдела — подполковника Като. Других начальников не помню.

Вопрос: Были ли на строительстве отряда китайцы?

Ответ: На строительстве зданий отряда № 731 было много наемных китайцев, более ста человек, точное количество не знаю. Китайцы были все время под охраной, их общение с населением не допускалось.

Вопрос: Куда были направлены китайцы по окончании строительства?

Ответ: Когда я убыл из отряда № 731, то строительство отряда не было закончено и китайцы работали.

Вопрос: Где Вы находились в период событий в районе Халхин-Гола?

Ответ: Когда в районе Халхин-Гола были военные действия, то я был в отряде в Харбине. В то время много сотрудников отряда вместе с генералом Исии убывали на фронт снабжать водой военные части. За операции Халхин-Гола генерал Исии получил орден «За усердие 4-й степени».

Протокол допроса мне переводчиком переведен, зачитан на японском языке, записан с моих слов правильно (подпись)

ДОПРОСИЛ:
сотрудник Управления МВД по Хабаровскому краю
старший лейтенант БУЛАНОВ
переводчик ИВАНОВА

Верно: сотрудник УМВД по Хабаровскому краю (подпись)

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 167–169.
Зав. копия. Публикуется впервые.

[a] Так в тексте.

№ 50. Протокол допроса старшего унтер-офицера японской армии Митомо Кадзуо о его службе в противоэпидемическом отряде № 100 и участии в опытах над людьми

16 ноября 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
обвиняемого МИТОМО Кадзуо

от 16 ноября 1949 года — гор. Хабаровск
Допрос начат в 22 часа

ВОПРОС: На каком языке Вы желаете давать показания?

ОТВЕТ: Свои показания я желаю давать на родном мне японском языке.

ВОПРОС: Вы будете допрашиваться через переводчика японского языка ОГОРОДНИКОВА Бориса Константиновича. Возражений в отношении его не имеете?

ОТВЕТ: Возражений против переводчика ОГОРОДНИКОВА я не имею.

Переводчик японского языка ОГОРОДНИКОВ за заведомо ложный перевод предупрежден [по] ст. 95 УК РСФСР (Огородников)

ВОПРОС: На допросах Вы показали, что, работая в отряде № 100, проводили эксперименты над живыми людьми. Скажите, сколько раз Вы проводили такие опыты?

*ОТВЕТ: Работая в 6-м отделении отряда № 100, я в течение двух месяцев подряд проводил опыты над живыми людьми. Подопытных за это время у меня было 7–8 человек, примерно половина из них были китайцы и половина — русские.

ВОПРОС: Сколько раз каждый из них подвергался опытам?

ОТВЕТ: Примерно, по 5–6 раз каждый из них подвергался опытам.

ВОПРОС: Когда Вы проводили опыты над этими людьми?

ОТВЕТ: Опыты над ними я проводил в августе и сентябре 1944 года.

ВОПРОС: Где Вы проводили эти опыты, в каком помещении?

ОТВЕТ: Опыты проводились в карцере при вахте. Все опыты проводились только в отряде № 100. Вне отряда я опытов не проводил и не слышал, чтобы другие проводили их вне отряда.

ВОПРОС: Где содержались эти люди до проведения над ними опытов?

ОТВЕТ: Они содержались в том же карцере, где над ними проводились опыты. Иногда во время опытов подопытные находились все в одной камере карцера, а иногда оставляли одного и над ним проводили опыты или уничтожали его.

ВОПРОС: Применяя какие яды, оставляли одного человека в камере?

ОТВЕТ: Это делалось в случае применения корейского вьюна для опыта или при уничтожении уколом цианистого калия*[a].

ВОПРОС: Кто вместе с Вами проводил опыты над этими людьми?

ОТВЕТ: В проведении опытов, кроме меня, принимали участие поручик НАКАДЗИМА и лаборант МАЦУЙ.

ВОПРОС: Кто руководил проведением этих опытов?

ОТВЕТ: Научный сотрудник ИДА. Он знал, сколько у нас находится подопытных людей и давал указания, над кем и какие опыты провести.

ВОПРОС: Кому ИДА давал указания?

ОТВЕТ: Такие указания он давал МАЦУЙ, но иногда давал их мне.

ВОПРОС: Какие конкретно Вы получали указания от ИДА о проведении опытов?

---

[a] Здесь и далее в документе текст, отмеченный *...*, отчеркнут чертой на полях.

ОТВЕТ: ИДА дал мне только один раз указания о проведении опыта по применению героина в сигаретах.

ВОПРОС: Кто еще, кроме Вас, в отряде № 100 занимался опытами над живыми людьми?

ОТВЕТ: Я уверен, что, кроме меня, поручика НАКАДЗИМА и лаборанта МАЦУЙ, никто в отряде № 100 не занимался подобными опытами.

ВОПРОС: Почему Вы так думаете?

ОТВЕТ: Во-первых, потому что места не было для проведения их, а во-вторых, людей не было, которые могли бы заниматься подобными опытами, кроме нашего отделения. Наше 6-е отделение было специально создано для изучения диверсионно-бактериологических методов.

ВОПРОС: Занимался ли поручик ХИРАЗАКУРА проведением опытов над живыми людьми?

ОТВЕТ: Нет, не занимался.

ВОПРОС: Вам зачитывается показание свидетеля ФУКУЗУМИ от 12 ноября 1949 года об участии ХИРАЗАКУРА в проведении таких опытов. Подтверждаете эти показания?

ОТВЕТ: Показания ФУКУЗУМИ в той части, где он говорит об участии в опытах над живыми людьми поручика ХИРАЗАКУРА, не подтверждаю. ФУКУЗУМИ в данном случае ошибается. Поручик ХИРАЗАКУРА в это время находился в Хайларе, и в отряде его не было.

*ВОПРОС: Какие Вами применялись яды для проведения этих опытов?

ОТВЕТ: Чаще всего употребляли корейский вьюнок, героин, балбтал[b], зерна касторника и другие, но какие, я не помню.

ВОПРОС: Расскажите подробно, каким образом Вы проводили эти опыты?

ОТВЕТ: Перечисленные яды смешивали с пищей и давали ее подопытным людям, наблюдая, какое действие произведет тот или другой яд, вмешивали яд и в табак сигарет, которые давали курить подопытным.

ВОПРОС: Расскажите, какие яды и в каких дозах Вы подмешивали в пищу?

ОТВЕТ: Героин, балбтал, корейский вьюнок и зерна касторника я подмешивал в суп, куриные яйца, конфеты-карамель, молоко и водку саке. В табак я подмешивал героин и балбтал. В суп я подмешивал корейский вьюнок. Делалось это так: на сто граммов воды положил 10 граммов корейского вьюнка в сухом виде и кипятил до тех пор, пока оставалось всего 10 граммов, и этот раствор полностью вливал в одну порцию супа. В кашу, как правило, подмешивал героин и балбтал в порошке, на порцию каши положил от 0,1 грамма до 0,3 грамма того или другого яда. В молоко подмешивал зерна касторника, на 100 граммов молока положил 10 граммов молотых зерен касторника.

В сырое куриное яйцо я вводил разведенный в воде балбтал. Яйцо прокалывал иголкой и шприцем высыпал часть желтка, а вместо этого шприцем вводил в яйцо балбтал, разведенные в одном грамме воды 0,03 грамма балбтала. Одно такое яйцо мною было сварено, и содержимое яйца окрасилось в красный цвет, это яйцо было выброшено. Приготовленное таким же образом яйцо в сыром виде было дано подопытному человеку.

В конфеты-карамель вводили героин и балбтал в сухом виде, от 0,01 грамма до 0,03 грамма в штуку. Для этого в карамели делалось небольшое отверстие, туда всыпался порошок героина или балбтал, и отверстие заделывалось. В водку саке всыпал порошок героина или балбтал. На 100 граммов саке положил 0,1 гр. порошка.

[b] Здесь и далее так в тексте документа. В других документах имеется написание — болбтал, бактал.

ВОПРОС: Какие наступали последствия от употребления подопытными людьми в пище перечисленных Вами ядов?

ОТВЕТ: Человек, принявший пищу, в которой был подмешан корейский вьюнок, через час или два засыпал и спал от 5 до 6 часов крепким сном.

У человека, принявшего молоко с примесью касторника, наступал понос, и он в течение 2–3 часов имел 3–4 стула.

Человек, принявший 100 граммов водки саке с примесью героина и балбтала, через 10–20 минут после этого засыпал и спал крепким сном половину суток.

В остальных случаях никаких действий не наступало*.

ВОПРОС: Сколько человек умерло в результате проводимых Вами экспериментов?

ОТВЕТ: В результате проводимых мной опытов умер один человек, по национальности китаец.

ВОПРОС: Какое действие на организм человека оказывал героин, балбтал, корейский вьюнок и зерна касторника?

ОТВЕТ: Героин, балбтал и корейский вьюнок оказывали снотворное действие, а зерна касторника — слабительное. Корейский вьюнок действовал более сильно, чем героин и балбтал.

ВОПРОС: Какой яд содержит корейский вьюнок?

ОТВЕТ: Гиостамин[c].

ВОПРОС: Для чего Вы проводили опыты над людьми по применению героина, балбтала и корейского вьюнка, если действие этих ядов как снотворных Вам было известно?

*ОТВЕТ: Действие этих ядов на организм человека как снотворных и доза на одного человека нам были известны, но, проводя эти опыты, мы изучали способы, при помощи которых можно ввести в организм человека эти яды через пищу незаметно для него.

ВОПРОС: Каким образом Вы производили отравление сигарет ядом героина и балбтала?

ОТВЕТ: Из сигарет вынимали две трети табака, одну треть, т. е. половину, вынутого табака, смешивали с героином или с балбталом, и этот табак набивали в середину сигареты, а поверх его набивали чистый табак. Получалось так, что чистый табак находился по концам сигареты, а смешанный с этими ядами между ними. Человек начинал курить хороший табак, незаметно для себя курил отравленный и после этого курил хороший табак. В результате выкуривания такой сигареты, должно было наступить усыпление.

ВОПРОС: Какое действие оказывало курение отравленных Вами сигарет героином и балбталом на организм подопытных людей?

ОТВЕТ: Опыты с отравленными сигаретами я проводил над тремя-четырьмя людьми, давал им курить по одной сигарете, но результатов ожидаемых не наступило, никто из них не уснул*.

ВОПРОС: После применения каких ядов умер подопытный китаец?

ОТВЕТ: Он умер после того, когда скушал гаоляновую кашу, в которую был подмешан мной героин.

ВОПРОС: Сколько Вами положено героина в эту кашу?

ОТВЕТ: Точно не помню, но от 0,5 грамма до 1 грамма.

ВОПРОС: По чьему указанию Вы положили героина такое количество?

ОТВЕТ: Я это делал по указанию МАЦУЙ.

ВОПРОС: Через какое время наступила смерть после употребления этой каши?

---

[c] Так в тексте.

ОТВЕТ: Минут через 30 или через час после того, как китаец скушал эту кашу, он потерял сознание и в таком состоянии находился 15 или 16 часов и, не приходя в сознание, умер.

ВОПРОС: Вскрывался ли труп умершего?

ОТВЕТ: Нет, не вскрывался.

ВОПРОС: Для какой же цели Вы делали этот опыт?

ОТВЕТ: Малые дозы героина никакого эффекта не давали, мы решили увеличить его дозу, но в результате наступила смерть. Зная, что эта доза смертельная, мы решили проверить. Поэтому причина смерти для нас была ясна и мы вскрытия не делали.

ВОПРОС: Где был похоронен труп умершего?

ОТВЕТ: Он был похоронен в зоне отряда на скотном кладбище.

ВОПРОС: Кто закапывал труп?

ОТВЕТ: Я, МАЦУЙ и поручик НАКАДЗИМА.

ВОПРОС: Принимал ли участие в закапывании этого трупа ХАТАКИ Акира?

ОТВЕТ: Не помню.

ВОПРОС: Вам зачитывались показания ХАТАКИ Акира от 15 ноября 1949 года, где он говорит о том, что он закапывал труп умершего китайца. Подтверждаете ли Вы эти показания?

ОТВЕТ: Насколько я помню, труп этого китайца закапывали я, МАЦУЙ и НАКАДЗИМА. Я не припоминаю, чтобы ХАТАКИ был с нами. Я в октябре месяце 1944 года был призван в армию, возможно, он говорит о другом случае, который был без меня. Я хорошо помню, что героин я положил в кашу, а ХАТАКИ говорит, что МАЦУЙ в суп сыпал какой-то порошок. Когда умер мой подопытный китаец, еще было тепло, это было в конце августа 1944 года, а ХАТАКИ говорит, что этот случай был осенью 1944 года, было холодно. Поэтому я думаю, что ХАТАКИ говорит о другом случае, кроме того, когда я уходил в армию, то в карцере находились трое подопытных, два русских и один китаец.

ВОПРОС: Были ли еще смертные случаи в результате проводимых Вами опытов над живыми людьми?

ОТВЕТ: Нет, таких случаев не было. Но был такой случай, над одним русским в течение двух недель в августе месяце 1944 года проводились различные опыты, о которых я Вам уже рассказывал, организм его истощал, и МАЦУЙ дал указание — убить этого русского путем введения в организм цианистого калия. Для того, чтобы было незаметно этому русскому, за три дня до убийства у него вызвали расстройство желудка, потом пытались закрепить желудок, это не помогло, тогда ему сделали укол из раствора столовой соли. На следующий день под видом лечения ему был сделан укол 0,1 грамма цианистого калия, и русский сразу же после укола умер. Укол делал я в карцере, здесь же находились МАЦУЙ и НАКАДЗИМА,

ВОПРОС: Вскрывался ли этот труп?

ОТВЕТ: Да, вскрытие делал я в присутствии МАЦУЙ на скотном кладбище. При вскрытии было обнаружено точечное кровоизлияние на внутренней поверхности сердечной мышцы. После вскрытия МАЦУЙ написал протокол вскрытия, сфотографировал труп и внутренние органы. Вскрытие было проведено неполное, вскрывали только грудь и живот, голову не вскрывали. Труп был закопан на месте вскрытия.

ВОПРОС: Сколько всего было тогда подопытных людей и где они находились, когда Вы делали укол русскому человеку?

ОТВЕТ: Тогда было только два человека, оба русские. И перед тем, как сделать укол, второй был выведен в соседнюю комнату.

ВОПРОС: Вы показали, что опытами над живыми людьми в отряде № 100 в 1944 году занимались Вы, лаборант МАЦУЙ и поручик НАКАДЗИМА. Скажите конкретно, кто из Вас и чем занимался?

ОТВЕТ: Я всегда приготовлял пищу для подопытных людей, примешивая в нее определенное количество ядов. Какие яды, в каких дозах и в какую пищу подмешивались мною, я рассказывал выше. Отравленную пищу подопытным людям носил я, наблюдение за подопытными людьми тоже входило в мои обязанности. Измерял им температуру и данные записывал в температурные листы, а также делал вскрытие трупов.

Поручик НАКАДЗИМА был старшим, и ему подчинялись МАЦУЙ и я. Он занимался вопросами доставки подопытных людей в отряд № 100, их содержанием в карцере, обеспечивал подопытных питанием и давал указания, что делать с каждым из них, он говорил, кого из подопытных надо убить.

МАЦУЙ работал в качестве лаборанта, он давал мне указания, какие яды применять для проведения каждого эксперимента. Он каждый раз говорил, в какую пищу, какой яд и сколько его положить и кому из подопытных эту пищу дать. Сам он ядов в пищу не подмешивал.

Был один случай, когда указания о применении ядов я получил от научного сотрудника ИДА, об этом я показывал выше.

ВОПРОС: Выше Вы показали, что распоряжение убить подопытного человека путем подмешивания в кашу героина Вы получили от МАЦУЙ и второе приказание об убийстве второго подопытного человека путем введения цианистого калия тоже получили от МАЦУЙ, а сейчас Вы говорите, что приказание об убийстве подопытных людей давал только поручик НАКАДЗИМА. Уточните, каким из этих показаний верить?

ОТВЕТ: В обоих случаях я приказания получил лично от МАЦУЙ. Думаю, что МАЦУЙ получил на это указания от поручика НАКАДЗИМА.

ВОПРОС: Кто, кроме Вас, из сотрудников 6-го отделения носил отравленную пищу подопытным людям в карцер?

ОТВЕТ: Отравленную пищу носил только я. В нашем отделении работали ОГИВАРА Киёси и ХАТАКИ Акира. Я помню один случай, когда ОГИВАРА носил отравленную пищу подопытным людям, носил ли ХАТАКИ, я не помню.

ВОПРОС: Вам зачитываются показания свидетеля ХАТАКИ Акира от 15 ноября 1949 года, страница 4-я, где он говорит, что по приказанию МАЦУЙ он носил отравленную пищу в карцер и передал ее младшему унтер-офицеру жандармерии МИЗУНО. Подтверждаете ли Вы эти показания?

ОТВЕТ: Такой случай возможен. Были случаи, что я отсутствовал в 6-м отделении, но тогда пищу всегда носил ОГИВАРА. ХАТАКИ, возможно, говорит о случае, который имел место после моего призыва в армию.

ВОПРОС: Кто из работников отряда № 100 знал о проводимых Вами опытах над живыми людьми?

ОТВЕТ: Об этих опытах знали работники вахты, фамилии которых я не знаю, и некоторые сотрудники лаборатории, в которой я работал, в частности, об этом могли знать ОГИВАРА, ХАТАКИ, ХИРАЗАКУРА. Все они работали в этой лаборатории, где и я. Мог об этом знать научный сотрудник 6-го отделения МИЦУДА и вольнонаемный сотрудник 6-го отделения ФУКУЗУМИ.

ВОПРОС: Откуда знали перечисленные Вами лица о проводимых опытах над живыми людьми?

ОТВЕТ: Работники вахты видели, что в карцере содержатся люди, они видели, как я носил им пищу, и они видели, как туда заходил МАЦУЙ и НАКАДЗИМА, и могли догадываться о том, что над ними проводятся опыты. Научному сотруднику МИ-

ЦУДА об этом мог рассказать МАЦУЙ. ОГИВАРА и ХАТАКИ работали вместе со мной в лаборатории и могли догадываться об этом. ХИРАЗАКУРА я рассказал о проводимых нами опытах, когда он приезжал из Хайлара, а ФУЗУКУМИ я мог рассказать во время выпивки с ним.

ВОПРОС: Вам зачитывались показания свидетеля ФУКУЗУМИ Мицуёси от 25 октября 1949 года, страница 3-я, где он говорит, что летом 1944 года Вы ему рассказали о проведенном Вами эксперименте над одним человеком. Подтверждаете ли эти показания?

ОТВЕТ: Да, показания ФУКУЗУМИ я подтверждаю. Действительно я ему рассказывал во время выпивки об опытах, которые я проводил с отравленными сигаретами, и об уколе цианистым калием, рассказал, по-видимому, и о вскрытии умершего. Оба мы тогда были выпившими, и ФУКУЗУМИ, по-видимому, перепутал факты, что от табака никто не умирал.

ВОПРОС: На допросе 29 октября 1949 года, страница 2-я, на вопрос, рассказывали ли Вы ФУКУЗУМИ о проводимых Вами экспериментах над живыми людьми, Вы ответили, что об этом ему ничего не рассказывали. Которые из Ваших показаний являются правдивыми, сегодняшние или от 29 октября?

ОТВЕТ: Показания, которые я дал сегодня являются правдивыми, после допроса 29 октября сего года я много думал об этом и вспомнил, что ФУКУЗУМИ я действительно об этом рассказывал.

ВОПРОС: Чем занимались в 6-м отделении ОГИВАРА и ХАТАКИ?

ОТВЕТ: Они помогали в выращивании бактерий МАЦУЙ, ХИРАЗАКУРА и мне. В опытах над людьми они участия никакого не принимали.

ВОПРОС: Вы показали, что в августе и сентябре 1944 года проводили эксперименты над 7–8 человеками. О судьбе двух подопытных Вы рассказали нам, какова судьба остальных 5–6 человек?

*ОТВЕТ: Двое русских при мне расстреляны жандармом в начале сентября 1944 года на скотном кладбище и там зарыты в землю каждый в отдельности, они расстреляны по указанию поручика НАКАДЗИМА. Расстреляли их потому, что над ними больше нельзя было проводить опыты, ввиду их истощения и непригодности для дальнейших опытов. Один человек был отправлен в жандармерию, и, когда я уходил в армию, в карцере оставалось 2–3 человека, судьба которых мне неизвестна.

ВОПРОС: Ставились ли на том месте, где зарывались убитые и расстрелянные подопытные люди, какие-либо знаки?

ОТВЕТ: На месте, где закапывались убитые и расстрелянные подопытные лица, мы ставили кусок доски высотой примерно 20–25 сантиметров, на котором ставился порядковый номер и дата убийства. Фамилия убитого не указывалась*.

ВОПРОС: С какой целью это делалось?

ОТВЕТ: Я думаю, что это делалось с целью конспирации, хотя мне об этом никто не говорил.

ВОПРОС: Указывалась ли фамилия подопытного в документах, которые велись в процессе экспериментов?

ОТВЕТ: Нет, фамилия не указывалась ни в одном документе, везде ставился порядковый номер.

ВОПРОС: Записывалась ли где-нибудь в отделении фамилия подопытного?

ОТВЕТ: Фамилии подопытных записывал только МАЦУЙ, и эту книгу вел лично он. Фамилии некоторых подопытных я знал потому, что видел эту книгу и знал, кто в ней записан, но сейчас ни одной фамилии не помню.

ВОПРОС: Какая цель преследовалась тем, что, кроме книги, ни в одном документе не указывалось фамилия подопытного?

ОТВЕТ: Для чего это делалось, мне неизвестно.

ВОПРОС: Кому Вы докладывали о результатах проводимых Вами опытов над людьми?

ОТВЕТ: О результатах каждого опыта я докладывал МАЦУЙ, а он докладывал ИДА, кому он еще докладывал, я не знаю.

ВОПРОС: Во время проводимых Вами опытов над людьми присутствовали ли когда-либо ИДА, ВАКАМАЦУ и ТАКАХАСИ?

ОТВЕТ: Нет, они ни разу не присутствовали.

ВОПРОС: Откуда к Вам поступали люди, над которыми Вы проводили опыты?

ОТВЕТ: Этого я не знаю. Помню только один случай, в августе 1944 года из Мукдена были привезены двое русских. Оба они были в металлических наручниках. Привозили их два японца, но кто эти японцы, я не знаю, одеты они были в гражданское платье, может, это были жандармы или сотрудники военной миссии.

ВОПРОС: Привозили ли к Вам когда-либо людей из жандармерии?

ОТВЕТ: Не знаю.

ВОПРОС: Где содержались люди, над которыми Вы производили опыты?

ОТВЕТ: Они содержались в карцере, который находился в помещении вахты № 100.

ВОПРОС: Вам предъявляется показание свидетеля ХАТАКИ от 15 ноября 1949 года, стр. 7, и план изолятора и проходной вахты отряда № 100, где содержались подопытные люди. Скажите, это — то же самое помещение, в котором содержались люди, над которыми Вы производили опыты?

ОТВЕТ: Предъявленный мне план вахты отряда № 100 подтверждаю. В карцере этой вахты содержались подопытные люди, над которыми я производил опыты.

ВОПРОС: Чем еще Вы занимались, работая в отряде № 100, кроме опытов над живыми людьми?

ОТВЕТ: Кроме опытов над живыми людьми, я, работая в 6-м отделении, занимался выращиванием бактерий сапа.

ВОПРОС: Кто, кроме Вас, в 6-м отделении занимался выращиванием бактерий и каких?

ОТВЕТ: В 6-м отделении было три лаборатории, занимавшиеся выращиванием бактерий. В 1-й лаборатории выращивались бактерии овечьей оспы и чумы рогатого скота. Старшим этой лаборатории был МИЦУДА Масаюки, в этой лаборатории работали поручик САСАКИ, имени не помню, лаборант МАЦУЙ Цунетака и ЕСИКАВА Сатору, технические работники КУРОДА Тосио, ЮДАМА, имени не помню, были и другие сотрудники, фамилии их не помню.

Во 2-й лаборатории выращивались бактерии сибирской язвы и сапа. Главным образом здесь выращивались бактерии сибирской язвы, старшим этой лаборатории был старший лаборант ЯМАГУЧИ ДОМЕНГИ Масур. В этой же лаборатории работал и начальник 6-го отделения ЯМАГУЧИ.

В 3-й лаборатории выращивались главным образом бактерии сапа и в незначительном количестве — сибирской язвы. Начальником этой лаборатории был ИДА Киёси. В этой же лаборатории работали поручик ХИРАЗАКУРА Дзенсаку, я, ОГИВАРА Киёси, ХАТАКИ Акира, СООМА Кадзюки, ЮУКИ Дзинодзё и девушка САСАКИ Хацуко.

В 6-м отделении работало около 40 человек, я назвал только тех лиц, которые имели отношение к выращиванию бактерий, других работников, не имеющих отношения к выращиванию бактерий, я не помню.

ВОПРОС: Посещали ли эти лаборатории начальник отряда № 100 генерал ВАКАМАЦУ и начальник Ветеринарного управления Квантунской армии генерал-лейтенант ТАКАХАСИ?

ОТВЕТ: ВАКАМАЦУ приходил, но сколько раз, я не помню, каждый раз он наблюдал выращивание бактерий, когда заходил в лабораторию, а иногда он только заходил в кабинет к начальнику отделения. Генерала ТАКАХАСИ в 6-м отделении я видел только один раз в 1944 году, но когда это было, я не помню. Вместе с ним приходил начальник отряда № 100 ВАКАМАЦУ и еще несколько человек, но кто они, я их не знаю.

ВОПРОС: Расскажите, как Вы производили выращивание бактерий сапа?

ОТВЕТ: Выращивание бактерий сапа, производилось на питательной среде из мясного бульона или агар-агара с примесью 4 % глицерина в ту и другую среду. Мясной бульон заливался в стеклянные литровые колбы, и туда впускались бактерии сапа при помощи платиновых петель.

Агар-агар наливался в стеклянную пробирку, и бактерии сапа насаждались штрихами при помощи таких же петель.

После того, как бактерии сапа были посеяны на питательную среду, все это помещалось в инкубатор и выдерживалось в нем в течение 48 часов при температуре 37%.

Через 48 часов бактерии, выращенные на агар-агаре, соскабливались теми же петлями, помещались в меньшие колбы и хранились в рефрижераторе при температуре минус 4° в течение 20 дней, и в течение этого времени их должны выращивать вновь, т. к. они теряли свою устойчивость.

Работая в 6-м отделении, я лично занимался выращиванием бактерий сапа. Помню один случай, когда по указанию старшего лаборанта ЯМАГУЧИ я выращивал большое количество бактерий сапа. Тогда я собрал в чистом виде 5 килограммов и передал их ЯМАГУЧИ, что он с ними делал, я не знаю. Это было примерно в июле месяце 1944 года.

ВОПРОС: Как производилось высушивание бактерий сапа?

ОТВЕТ: Я высушиванием бактерий не занимался и не знаю, как это делалось.

ВОПРОС: Кто производил высушивание бактерий сапа и какими аппаратами?

ОТВЕТ: Производилось ли высушивание сапа, я не знаю, но вообще высушиванием бактерий занимался поручик ХИРАЗАКУРА. Я ему помогал высушивать кровь лошадей. Высушивание производили в сушильных аппаратах.

ВОПРОС: Для какой цели производилось выращивание бактерий сапа, сибирской язвы, овечьей оспы и чумы рогатого скота?

ОТВЕТ: Выращивание бактерий чумы рогатого скота и овечьей оспы производилось для испытания на маневрах, которые проводились на станции Аньда. Бактерии сапа и сибирской язвы выращивались для изыскания средств и способов выработки иммунитета против этих заболеваний.

ВОПРОС: Разве эти средства не были известны?

ОТВЕТ: Профилактические средства были известны, а против сапа мы занимались вопросом изыскания этих средств, т. к. они не были известны.

ВОПРОС: На допросах 22 октября 1949 года, стр. 2, 27 октября 1949 г. Вы показали о том, что бактерии этих заболеваний вырабатывались в лаборатории отряда № 100 с целью подготовки и проведения бактериологической войны и диверсий против Советского Союза. Вам зачитываются эти показания. Вы подтверждаете их?

ОТВЕТ: Я подтверждаю эти показания, которые мне зачитаны из 2 протоколов допроса. Но, я хочу внести некоторую ясность. Говоря о подготовке бактериологической войны и диверсий против Советского Союза, я имел в виду сказать, что подготовку бактериологической войны и диверсий против Советского Союза проводил не весь

отряд № 100, как указано мною в зачитанных протоколах, а только 6-е отделение, которое было создано с этой целью в январе 1944 года.

Подтверждением того, что 6-е отделение занималось подготовкой средств бактериологической войны и диверсий против Советского Союза, является и то, что я и еще несколько сотрудников, по приказанию ЯМАГУЧИ, производили выработку бактерий в массовом масштабе с целью проверки производственных возможностей по изготовлению бактерий в 6-м отделении. Правда, до создания 6-го отделения вопросом изысканий в области бактериологических диверсии занималось первое отделение 2-го отдела, но это не было его главной задачей, когда было создано 6-е отделение, оно занималось исключительно изготовлением бактерий с целью диверсии.

ВОПРОС: Откуда Вам известно, что 6-е отделение было создано и занималось изготовлением бактерий для диверсионных целей?

ОТВЕТ: Как я уже показывал ранее, мне об этом говорил МАЦУЙ. Кроме того, те мероприятия, которые проводились 6-м отделением, как то: опыты на станции Аньда, производство бактерий сапа в массовом масштабе, а также наличие в отделении кабинета, в котором находились экспонаты снарядов, пишущих ручек и других предметов, которые должны были снаряжаться бактериями, наличие в этих же кабинетах фотоснимков, показывающих возможность массового производства бактерий, — все это подтверждало сказанное МАЦУЙ о том, что 6-е отделение создано с целью бактериологической войны и диверсий.

ВОПРОС: Когда Вы выезжали в Северо-Хинганскую провинцию в район Трехречья и с какой целью?[4]

ОТВЕТ: Я туда выезжал в 1942 году на так называемые летние особые маневры, которые проходили в июле и августе месяцах. Сами маневры продолжались 25 дней, остальное время были в пути.

ВОПРОС: Сколько человек выезжало на эти маневры и из каких отделов?

ОТВЕТ: Около 20 человек, в основном сотрудники 1-го отделения[d] отряда № 100 и несколько человек из отряда № 2630.

ВОПРОС: Кто возглавлял эту группу?

ОТВЕТ: Майор МУРАМОТО Киня.

ВОПРОС: Назовите фамилии выезжавших на эти маневры?

ОТВЕТ: Из отряда № 100 были сотрудники 1-го отделения ИДА Киёси, МИЦУДА Масаюки, САТО Кая, ИСИКАВА Сабуро, КОДАМА, имени не знаю, из отряда № 2630 — САТО, имени не знаю, старший унтер-офицер ЕСИКАВА Канамэ, кроме того, было два-три солдата, два шофера и другие работники, но фамилии я их не знаю.

ВОПРОС: Что эта группа делала на маневрах?

ОТВЕТ: Маневры заключались в заражении реки Дербул бактериями сапа и стоячих водоемов — бактериями сибирской язвы, а затем дезинфекция зараженных водоемов.

ВОПРОС: Какие бактерии и в каких количествах были взяты на маневры?

ОТВЕТ: Из отряда № 100 мы взяли небольшое количество бактерий сапа и сибирской язвы. В Хайларе остановились в отряде № 2630, пробыли там 10 дней и произвели выращивание бактерий сапа и сибирской язвы, вырастили 400 граммов сапа и 100 граммов сибирской язвы, взяли с собой и уехали на маневры.

ВОПРОС: Разве для выращивания этого количества бактерий потребовалось десять дней?

---

[d] Слово дописано ручкой.

ОТВЕТ: Нет, когда мы приехали в Хайлар, то штаб 6-й армии, находившийся в Хайларе, запротестовал и не давал нам разрешения на выезд в район Трехречья для проведения этих маневров. Четыре дня мы в районе Хайлара подыскивали подходящий участок для проведения маневров, но в это время получили разрешение на выезд в район Трехречья и выехали туда. На изготовление этого количества бактерий мы затратили шесть дней.

ВОПРОС: Почему так много времени Вы затратили на выращивание этого количества бактерий?

ОТВЕТ: Потом что с нами был взят один маленький инкубатор.

ВОПРОС: Отряд № 2630 тоже имел аппаратуру для выращивания бактерий?

ОТВЕТ: Да, отряд № 2630 имел небольшую лабораторию и производил выращивание бактерий сапа и сибирской язвы.

ВОПРОС: Вы производили выращивание бактерий в полевых условиях в районе реки Дербул?

ОТВЕТ: Да, немного выращивали бактерий сапа и сибирской язвы.

ВОПРОС: Выезжая на маневры, Вы брали инкубатор с собой, чтобы выращивать бактерии в полевых условиях?

ОТВЕТ: Инкубатор был взят с собой главным образом для того, чтобы после заражения воды в реке и в стоячих водоемах можно было проверить наличие в ней живых бактерий, а также и для того, чтобы в случае необходимости можно было произвести выращивание новых бактерий.

ВОПРОС: Кто из Вашей группы производил выращивание бактерий в отряде № 2630?

ОТВЕТ: Выращивание бактерий производилось под руководством поручика КАНЭДА Хиротомо, ассистировали ему я, ИСАКАВА Сабуро и КОДАМА.

ВОПРОС: Значит, Вы были в отряде № 2630?

ОТВЕТ: Да. Я находился в это время в отряде № 2630.

ВОПРОС: Почему на допросе 3 ноября 1949 года вы заявили, что в отряде № 2630 никогда не были. Вам зачитываются Ваши показания по этому вопросу на странице 3.

ОТВЕТ: Штаб отряда № 2630 и часть отряда находились вместе с сотым отрядом, вторая часть отряда находилась в Хайларе, я считал, что меня спрашивали, был ли я в штабе отряда № 2630, поэтому сказал, что я в отряде не был.

ВОПРОС: Что из оборудования, кроме инкубаторов, было взято на маневры?

ОТВЕТ: Помимо инкубатора, были взяты дезинфицирующие аппараты, 2 или 3, два микроскопа, различные колбы, пробирки, платиновые петли, набор инструментов для вскрытия животных, стерилизаторов два или три, определитель концентрации водородных ионов, также были взяты три палатки, одна резиновая лодка, из животных было взято три лошади и больше десяти овец, были ли взяты морские свинки, я не помню.

ВОПРОС: Откуда Вам известно, что штаб 6-й армии не разрешал выезд Вашей группы в район реки Дербул для проведения маневров?

ОТВЕТ: Я слышал, как научный сотрудник МИЦУДА об этом говорил офицерам САТО и КАНЭДА.

ВОПРОС: Что Вы лично делали на этих маневрах?

ОТВЕТ: Я лично занимался главным образом проверкой наличия бактерий сапа в реке и сибирской язвы в стоячем водоеме, воду мне приносил научный сотрудник МИЦУДА. Вода была в стеклянной посуде, всего было взято и принесено мне около

десяти сосудов с водой, на каждом из них было указано, на каком расстоянии была взята вода. Кроме этого, занимался выращиванием бактерий сапа и сибирской язвы, которые применялись здесь же для опытов.

ВОПРОС: Чем занимался ХИРАЗАКУРА на этих маневрах?

ОТВЕТ: Он занимался дезинфекцией зараженных мест, вернее, дезинфицировал речную воду и, кажется, стоячий водоем, чем он еще занимался, я не знаю.

ВОПРОС: Какими экспериментами занимался КОДАМА Тоёичи?

ОТВЕТ: Он работал вместе со мной, но не все время.

ВОПРОС: Вам зачитываются показания КОДАМА Тоёичи от 14 ноября 1949 года, страницы 6 и 7, где он говорит о проводимых им опытах по заражению бактериями сибирской язвы отдельных участков земли. Вы подтверждаете это?

ОТВЕТ: Да, я вспомнил, он проводил такие опыты. Помню, что на обратном пути по окончанию маневров он на станции Аньда брал землю для проведения таких опытов в отряде, так как эта земля содержала щелочь.

ВОПРОС: На этих маневрах проверялось действие бактерий сибирской язвы на реке Дербул?

ОТВЕТ: Не знаю.

ВОПРОС: Можете ли Вы изобразить на схеме расположение группы на этих маневрах и места, где заражали бактериями воду?

ОТВЕТ: Да, могу. На изображенной мной схеме показано, где размещался отряд, места, где проводилось заражение воды и где брались пробы воды.

ВОПРОС: С какой целью проводились эти маневры?

ОТВЕТ: Маневры эти проводились с целью изучения способов заражения рек бактериями сапа, а стоячих водоемов — бактериями сибирской язвы для применения их в диверсионных целях против Советского Союза.

ВОПРОС: Откуда Вам известно, что это проводилось в диверсионных целях против Советского Союза?

ОТВЕТ: Под руководством и по приказанию ИДА все офицеры и технические работники три раза участвовали в ночных диверсионных маневрах на реке Дербул. ИДА собрал нас и сказал, что он будет проводить ночные диверсионные маневры для отражения якобы наступающих советских войск с нижнего течения реки Дербул, и мы должны будем заразить реку. Сами эксперименты, которые мы проводили на этих маневрах, носили диверсионный характер.

Дезинфекцию проводили для того, чтобы проверить, как можно обезвредить зараженную местность, если заражение будет применено против нас.

Протокол допроса с моих слов записан верно и мне прочитан на понятном для меня японском языке через переводчика ОГОРОДНИКОВА (подпись).

Допрос окончен в 16 час. 10 м.

19.XI.49 года.

ДОПРОСИЛИ:

сотрудник управления МВД по ХК
ст. лейтенант — Гойхман

военный прокурор
подполковник юстиции — Базенко

переводчик — Огородников

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 18. Л. 119–161.
Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 51. Протокол допроса генерал-полковника японской армии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямада Отозоо о деятельности противоэпидемического отряда № 731 по проведению опытов над людьми

23 ноября 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
свидетеля Ямада Отозоо

23 ноября 1949 года
гор. Хабаровск
Допрос начат в 10 час.

Свидетель Ямада об ответственности за дачу ложных показаний предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Допрос ведется на русском языке через переводчика японского языка Цвирова Е. В., который за заведомо ложный перевод предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Вопрос: Докладывал Вам начальник Ветеринарного управления штаба Квантунской армии генерал Такахаси о деятельности экспедиции отряда № 100, возглавляемой Хиразакура, по изучению возможностей применения эпизоотических бактерий в районе гор. Хайлар в целях совершения диверсий против СССР?

Ответ: Докладывал ли мне Такахаси о деятельности экспедиции Хиразакура, я не помню.

Вопрос: Докладывал ли Вам Такахаси составленный им план диверсий против Советского Союза?

Ответ: Я не помню, чтобы Такахаси докладывал мне о плане диверсий против СССР.

Вопрос: Вам зачитываются показания обвиняемого Такахаси от 21 ноября 1949 года (стр. 10), из которых видно, что Такахаси докладывал Вам о плане диверсий в районе гор. Хайлар. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ: У меня нет оснований отрицать предъявленные мне показания Такахаси, однако должен отметить, что сам факт составления подобного плана Такахаси вызывает у меня сомнение, ибо составление планов диверсий против Советского Союза входило в компетенцию центральной ЯВМ и разведотдела штаба Квантунской армии. Генерал-лейтенант Такахаси, как начальник Ветеринарного управления и непосредственный руководитель отряда № 100, вероятно, докладывал мне разработанные им научно-технические мероприятия по осуществлению плана диверсий, поскольку речь идет о применении эпизоотических бактерий.

Вопрос: Когда Вам впервые стало известно о производстве бактериологического оружия?

Ответ: О производстве бактериологического оружия отрядами № 731 и № 100 Квантунской армии мне впервые стало известно после моего вступления на пост главнокомандующего Квантунской армией в июле 1944 г.

Вопрос: Укажите период Вашего пребывания [на должности] главного инспектора обучения японской армии[a].

Ответ: Главным инспектором обучения японской армии я работал с октября 1939 года по июль 1944 года.

---

[a] Главный инспектор боевой подготовки.

Вопрос: Вам предъявляется фотокопия выдержки из Наставления по бою диверсионных отрядов, составленной инспекцией обучения Генерального штаба, из которой видно, что в качестве диверсионного оружия предлагалось применение бактерий. Наставление составлено в период Вашего пребывания [на должности] главного инспектора обучения. Вы подтверждаете это?

Ответ: Да, подтверждаю. Время составления Наставления действительно относится к периоду моей работы главным инспектором обучения. Наставление было разработано подчиненной мне инспекцией совместно с Разведуправлением Генерального штаба и предусматривало применение бактерий в качестве диверсионного оружия рейдовыми отрядами Квантунской и других японских армий. Подробности составления настоящего Наставления я не помню, однако подлинность его не вызывает у меня никаких сомнений.

Вопрос: Следовательно, будучи главным инспектором обучения, Вы знали о наличии в Квантунской армии бактериологического оружия?

Ответ: Да, судя по предъявленному мне документу, это должно было быть мне известно, но до сих пор я был убежден, что о бактериологическом оружии я узнал после моего приезда в Маньчжурию в июле 1944 года.

Свои показания по этому вопросу дополняю следующим: в Наставлении «по бою рейдовых отрядов» предусматривалось использовать бактерии как диверсионное оружие при проведении местных диверсий мелкими воинскими подразделениями, что отнюдь не свидетельствует о подготовке к массовому применению бактериологического оружия.

Кроме того, в соответствии с указанным Наставлением непосредственное обучение диверсионным действиям осуществлялось разведывательными отделами армий и отделениями Японской военной миссии.

Таким образом, о подготовке бактериологической войны против СССР, Китая, Англии и Соединенных Штатов Америки, осуществляемой отрядами № 731 и № 100, до моего назначения на пост главнокомандующего Квантунской армией мне не было известно.

Вопрос: Каким образом определялась эффективность действия эпидемических бактерий?

Ответ: Эффективность действия эпидемических бактерий определялась проведением различных опытов, как в лабораторных, так и в полевых условиях. Опыты в лабораторных условиях производились над различными животными — грызунами, кроликами и морскими свинками. Над кем производились опыты в полевых условиях, мне неизвестно.

Вопрос: Каково назначение самолетов, приданных отряду № 731?

Ответ: Самолеты, приданные отряду № 731, использовались для производства опытов по испытанию бактериологического оружия, изготовленного данным отрядом, путем бомбометания и распыления бактерий при помощи специальной аппаратуры, установленной на самолетах.

Вопрос: Назовите место, где производились подобные опыты.

Ответ: Место производства опытов в полевых условиях по испытанию бактериологического оружия мне неизвестно.

Вопрос: Принимали ли Вы лично участие в маневрах, проводимых отрядами № 731 и № 100?

Ответ: О маневрах, проводимых отрядами № 731 и № 100, мне ничего не известно.

Вопрос: Расскажите о назначении полигона отряда № 731 на ст. Аньда.

Ответ: На этот вопрос я затрудняюсь ответить, т. к. о наличии полигона 731-го отряда на ст. Аньда мне стало известно во время настоящего следствия.

Вопрос: Разве Вам не докладывали о производстве опытов по определению эффективности применения бактериологического оружия на полигоне 731-го отряда [на] ст. Аньда?

Ответ: Возможно, что и докладывали, но в настоящее время докладов по этому вопросу я не помню.

Вопрос: Знали ли Вы о наличии тюрьмы в 731-м отряде?

Ответ: Нет, не знал.

Вопрос: Разве Вам об этом не докладывали?

Ответ: Нет.

Вопрос: На предыдущих допросах Вы показали, что во время посещения отряда № 731 в августе 1944 года Вы произвели осмотр основных отделов отряда, в том числе производственный, исследовательский и другие. Вы подтверждаете это?

Ответ: Да, подтверждаю.

Вопрос: Вам предъявляется план центрального здания отряда № 731, составленный обвиняемым Кавасима Киёси, из которого видно, что Вы, проходя из штаба отряда в его основные отделы, не могли не пройти через тюремное помещение. Вы подтверждаете это?

Ответ: Да, подтверждаю. Предъявленный мне план соответствует действительному расположению зданий отряда № 731. Исходя из этого, я действительно не мог миновать тюремное помещение при осмотре основных отделов отряда № 731. Однако осматривал ли я здание тюрьмы отряда № 731, я сейчас не помню.

Вопрос: Для какой цели содержались заключенные в тюрьме № 731?

Ответ: Полагаю, что лица, содержавшиеся в тюрьме 731-го отряда, использовались в качестве подопытных при производстве экспериментов по определению действия эпидемических бактерий.

Вопрос: Что Вам известно о производстве опытов над живыми людьми в отрядах № 731 и № 100?

Ответ: О производстве опытов над живыми людьми в отрядах № 731 и № 100 мне ничего не известно, и об этом мне никто не докладывал. Однако считаю, что подобные опыты производились, т. к. без этого невозможно было определить эффективность действия того или иного вида бактерий.

Вопрос: Следует ли считать Ваше заявление о необходимости производства опытов над живыми людьми утвердительным только лишь в части производства опытов в лабораторных условиях?

Ответ: Нет, это в равной степени относится и к опытам в полевых условиях. Как я сейчас припомнил, о производстве опытов на специально оборудованном полигоне 731-го отряда на ст. Аньда мне действительно докладывали. К сожалению, время доклада и его содержание точно не могу вспомнить. Полагаю, что о полигоне на ст. Аньда мне докладывал генерал-майор Китано во время моего посещения отряда № 731 в августе 1944 года или же при докладе того же Китано о применении чумных блох в качестве распространителей чумы, имевшем место в ноябре 1944 года в штабе Квантунской армии.

По докладу помню, что назначение полигона отряда № 731 на ст. Аньда состояло в производстве опытов по массовому применению бактериологического оружия в условиях, приближенных к боевой обстановке. В качестве подопытных использовались животные и живые люди, так как без этого, повторяю, невозможно было бы определить эффективность применения бактериологического оружия.

Вопрос: Укажите категорию лиц, используемых в качестве подопытных.

Ответ: Точно сказать не могу, но, по всей вероятности, они относились к числу содержавшихся в тюрьме отряда № 731.

Допрос прерван в 17 час. (подпись).

Допрос возобновлен в 21 час.

Вопрос: Укажите национальную принадлежность лиц, содержавшихся в тюрьме отряда № 731.

Ответ: Национальная принадлежность лиц, содержавшихся в тюрьме 731-го отряда, мне неизвестна. Полагаю, что в основном это были китайцы.

Вопрос: Кем направлялись люди в отряд № 731 для использования в качестве подопытных?

Ответ: Думаю, что подопытные поставлялись в отряд № 731 тюремной администрацией Маньчжоу-го из числа осужденных преступников.

Вопрос: Вы утверждаете это?

Ответ: Утверждать не могу, т. к. это является моим предположением.

Вопрос: Имело ли место направления в отряды № 731 и № 100 лиц, обреченных на физическое уничтожение путем производства опытов над ними в этих отрядах, подчиненными Вам органами ЯВМ и Квантунской жандармерии?

Ответ: Думаю, что нет.

Вопрос: Вы утверждаете это?

Ответ: Да, утверждаю.

Вопрос: Вам предъявляется фотокопия документа отдела по особо важным делам штаба Квантунской жандармерии от 2 марта 1943 года за № 120 по поводу определения категории лиц, подлежащих «особой отправке». Вы подтверждаете подлинность этого документа?

Ответ: Подлинность предъявленного мне документа подтверждаю, но этот документ не свидетельствует о том, что лица, попадающие под категорию «особых отправок», направлялись для физического уничтожения в отряды № 731 и № 100.

Вопрос: Вам предъявляется фотокопия выдержки из отчета Дайренского жандармского отряда Квантунской жандармерии за сентябрь 1943 года о направлении антияпонски настроенных лиц в порядке «особой отправки» в гор. Харбин. Вы подтверждаете это?

Ответ: Да, подтверждаю. Из предъявленного мне документа видно, что органы Квантунской жандармерии действительно направляли на уничтожение в 731-й отряд антияпонски настроенных лиц китайской национальности.

Вопрос: Продолжаете ли Вы утверждать, что лица, обреченные на физическое уничтожение, направлялись в 731-й отряд судебными органами Маньчжоу-го?

Ответ: Нет. Мое утверждение о направлении людей в 731-й отряд, осужденных судебными органами правительства Маньчжоу-го, лишено всякого основания, в связи с чем прошу внести соответствующее изменение в мои показания.

Вопрос: Вам предъявляется фотокопия из отчета Муданьцзянской жандармерии об «особых отправках» лиц, подозреваемых в принадлежности к органам советской разведки. Вы подтверждаете факт «особых отправок» советских граждан в отряд № 731?

Ответ: Да, подтверждаю. Из предъявленного мне документа видно, что советские граждане, подозреваемые в антияпонской деятельности, направлялись для уничтожения в 731-й отряд.

Вопрос: Расскажите порядок отчетности жандармских отрядов по вопросу «особых отправок»?

Ответ: Полагаю, что жандармские отряды по вопросу «особых отправок» отчитывались перед Главным управлением Квантунской жандармерии.

Вопрос: Вам предъявляется фотокопия донесения начальника отряда жандармерии № 68 города Суньу от 25 февраля 1943 года на имя начальника Квантунской жандармерии, из которого видно, что начальники жандармских отрядов по «особым отправкам» отчитывались непосредственно начальнику Квантунской жандармерии. Подтверждаете ли Вы это?

Ответ: Да, подтверждаю. Отчетность по «особым отправкам» представлялась непосредственно начальнику Квантунской жандармерии.

Вопрос: Кто санкционировал производство опытов над живыми людьми в отрядах № 731 и № 100?

Ответ: На этот вопрос я затрудняюсь ответить. Лично я такой санкции не давал, но поскольку опыты над живыми людьми производились, то я полагаю, что санкция была дана Военным министром Японии или одним из моих предшественников на посту главнокомандующего Квантунской армией.

Вопрос: Кто санкционировал направление заключенных в отряд № 731 для производства опытов над ними?

Ответ: Санкция на отправку заключенных в отряд № 731 для производства опытов над ними могла исходить только от главнокомандующего Квантунской армией. Считаю, что указанная санкция исходила от моего предшественника Умедзу.

Допрос прерван в 1 час 24.11.1949 г. (подпись).

Допрос возобновлен в 10 час. 24.11.1949 г.

Вопрос: Считаете ли Вы возможным направление заключенных в 731-й отряд карательными органами Квантунской армии без ведома главнокомандующего?

Ответ: Считаю это невозможным. Что касается периода моего пребывания главнокомандующим Квантунской армией, то отправки заключенных в 731-й отряд подчиненными мне карательными органами производились без моего ведома.

Вопрос: Вам зачитывается выдержка из показаний обвиняемого Кавасима от 24.10.1949 г. (стр. 1) о том, что заключенные доставлялись в 731-й отряд органами жандармерии с ведома главнокомандующего. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ: Да, подтверждаю, но должен отметить, что поскольку санкция на отправку заключенных в отряд № 731 была дана моим предшественником и мною не отменялась, она автоматически оставалась в действии. На основании этого органы ЯВМ и жандармерии руководствовались ранее данными указаниями.

Вопрос: Кем была подписана директива штаба Квантунской армии о направлении в 731-й отряд на физическое уничтожение советских граждан, оказавшихся на территории Маньчжурии по различным обстоятельствам?

Ответ: Это мне неизвестно.

Вопрос: Вам зачитываются показания свидетеля Иидзима от 24.10.1949 г. (стр. 3–4) о направлении в 731-й отряд советских граждан на основании директивы Центральной Харбинской ЯВМ и штаба Квантунской армии. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ: Да, подтверждаю. Указанная директива, несомненно, исходила от штаба Квантунской армии, но мне об этом не было известно.

Вопрос: Вам зачитываются показания свидетеля Тачибана от 27.10.1949 г. (стр. 2) об особых отправках лиц, не подлежащих суду. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ: Да, подтверждаю. Из предъявленных мне показаний свидетеля Тачибана и других ранее предъявленных показаний и фотокопий подлинных документов ЯВМ и Квантунской жандармерии видно, что для уничтожения в качестве подопытных в 731-й

отряд под видом «особой отправки» подчиненными мне карательными органами направлялись не только китайцы, но и советские граждане. Однако я продолжаю утверждать, что по вопросу «особых поставок» начальники военных миссий и Квантунской жандармерии мне не докладывали.

Мое утверждение основано на том, что мне об этом действительно было неизвестно, а не желанием уклониться от ответственности за подобные противозаконные действия. Лично я считаю, что опыты по определению эффективности бактериальных средств войны над живыми людьми не являются преступлением против человечества, так как в международных законах не сказано о запрещении подобных опытов[b].

Вопрос: Расскажите о содержании доклада полковника Тамура, посетившего 731-й отряд по Вашему заданию.

Ответ: После посещения отряда № 731 в июне 1945 года, в соответствии с моим заданием, полковник Тамура доложил мне о положении [дел] в 731-м отряде в связи с необходимостью увеличения производства бактериологического оружия и доукомплектования отряда офицерскими кадрами.

Вопрос: Разве полковник Тамура не докладывал Вам об опытах над живыми людьми, производимыми в отряде № 731?

Ответ: Нет, об опытах над живыми людьми в отряде № 731 полковник Тамура мне не докладывал.

Вопрос: Вам зачитываются показания свидетеля Тамура Тадаси от 31.10.1949 г. (стр. 7) о том, что Тамура докладывал Вам об опытах над живыми людьми. Вы подтверждаете эти показания?

Ответ: Предъявленные мне показания свидетеля Тамура Тадаси я подтверждаю. При докладе о положении в отряде № 731 полковник Тамура доложил мне также и о том, что испытания действий бактериологического оружия в отряде № 731 производятся над живыми людьми.

Вопрос: Какое решение было Вами принято по докладу Тамура в части производства опытов?

Ответ: Этого я не помню.

Вопрос: Не интересовались ли Вы при докладе Тамура, какие люди используются в качестве подопытных в отряде № 731?

Ответ: Нет, этим я не интересовался.

Вопрос: Когда Вы узнали о производстве опытов над живыми людьми в отрядах № 731 и № 100?

Ответ: О производстве опытов над живыми людьми по определению эффективности применения эпидемических бактерий на полигоне 731-го отряда на ст. Аньда мне стало известно из доклада начальника 731-го отряда генерал-майора Китано.

Время и обстоятельства доклада, как я уже показал, не помню. О производстве подобных опытов в лабораторных условиях мне стало известно из доклада полковника Тамура.

О производстве опытов над живыми людьми в отряде № 100 мне ничего не известно.

Вопрос: Какие доклады и информации об «особых отправках» в отряд № 731 Вы получали от Центральной ЯВМ и Главного управления Квантунской жандармерии?

Ответ: Докладов и информации от Харбинской военной миссии и Квантунской жандармерии по «особым отправкам» я не получал.

Вопрос: Вы утверждаете это?

Ответ: Нет, не утверждаю, но и не помню.

---

[b] Абзац отчеркнут вертикальной чертой на полях.

Вопрос: Каков был общий порядок отчетности Центральной военной миссии о своей практической деятельности?

Ответ: Отчеты Центральной ЯВМ поступали через разведотдел на имя начальника штаба Квантунской армии и в случае необходимости докладывались мне. Устной информации от начальника военной миссии генерал-майора Акикуса я не получал и официальных встреч с ним не имел.

Вопрос: Какие вопросы, относящиеся к деятельности отряда № 731 и № 100, Вы обсуждали с Акикуса во время неофициальных встреч?

Ответ: Неофициальные встречи с генерал-майором Акикуса я имел во время различных приемов, однако при таких встречах деловые вопросы не обсуждались.

Вопрос: Кем из командующих Квантунской армией было санкционировано производство опытов над живыми людьми?

Ответ: Уточняю, что санкция на производство опытов над живыми людьми исходила от моего предшественника генерала Умедзу с ведома Военного министра Японии.

Вопрос: Кто санкционировал отправку заключенных в отряд № 731 для использования их в качестве подопытных в период Вашего пребывания на посту командующего Квантунской армией?

Ответ: Санкция на отправку заключенных в отряд № 731 была дана командующим Квантунской армией и осуществлялась органами ЯВМ и жандармерией с ведома разведотдела штаба Квантунской армии, который, исходя из своих общих задач, безусловно, имел к этому вопросу непосредственное отношение.

Вопрос: Вы знали о том, что опыты над живыми людьми производились в Вашу бытность командующим Квантунской армией?

Ответ: Да, знал. Как я уже показал, мне об этом было известно из доклада генерал-майора Китано и других подчиненных мне лиц, в частности от полковника Тамура.

Вопрос: Вам также было известно о том, что опыты производились над заключенными из числа китайцев, русских, корейцев и других национальностей, содержавшихся в тюрьме отряда № 731?

Ответ: Я не припоминаю, чтобы мне докладывали такие подробности. Все предъявленные мне выдержки показаний и фотокопии официальных японских документов по этому вопросу свидетельствуют о том, что в тюрьме № 731 отряда содержались заключенные из числа китайцев, русских, корейцев и других, которые использовались для производства опытов, чего я, безусловно, не могу отрицать.

Вопрос: Кем санкционировалось производство отдельных опытов и каждые случаи отправок заключенных в тюрьму отряда № 731 для физического уничтожения?

Ответ: В каждом отдельном случае такие санкции не требовались, поскольку санкция Умедзу об отправках заключенных и производстве над ними опытов мной не отменялась, она тем самым продолжала оставаться в силе и неуклонно выполнялась подчиненными мне карательными органами. По всем частным случаям «особых отправок» достаточно было санкции начальника Квантунской жандармерии или начальника Центральной военной миссии. Кроме того, как я уже сказал, «особые отправки» санкционировались также разведотделом штаба Квантунской армии, что мне известно не из конкретных случаев, а исходя из задач этого отдела.

Вопрос: Кого Вы считаете ответственным за производство опытов по исследованию бактериологического оружия над живыми людьми?

Ответ: За производство опытов над живыми людьми я считаю ответственными руководство отрядов № 731 и № 100, Центральной военной миссии и Квантунской жандармерии, но так как эти опыты производились и в мою бытность главнокомандующим

Квантунской армией, я считаю и себя повинным в этом. Если по советским законам это рассматривается как преступление, то я готов понести соответствующее наказание.

Допрос закончен в 17 часов.

С моих слов записано верно, мне прочитано на понятном японском языке (подпись).

Допросили:
сотрудник УМВД по Хаб. краю
капитан Гойхман
военный прокурор
подполковник юстиции Базенко
переводчик Цвиров

Верно: сотрудник управления МВД по Хабаровскому краю (подпись)

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 28–38.
Зав. копия. Публикуется впервые.

№ 52. Протокол допроса генерал-полковника японской армии, бывшего главнокомандующего Квантунской армией Ямада Отозоо о проведении опытов над людьми в противоэпидемическом отряде № 731 и его филиалах

6 декабря 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
обвиняемого Ямада Отозоо

1881 года рождения, уроженца
г. Токио, из семьи в/служащего,
с высшим образованием
6 декабря 1949 года
гор. Хабаровск

Допрос ведется на японском языке через переводчика японского языка Цвирова, который предупрежден об ответственности за заведомо ложный перевод по ст. 95 УК РСФСР (Цвиров).

Вопрос: Понятна ли Вам сущность предъявленного Вам обвинения в соответствии с постановлением от 5 декабря 1949 года по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года?

Ответ: Предъявленное мне обвинение по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года в соответствии с постановлением от 5 декабря 1949 года мне понятно.

Вопрос: Признаете ли Вы себя виновным в предъявленном Вам обвинении по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 19 апреля 1943 года в соответствии с объявленным Вам постановлением от 5 декабря 1949 года?

Ответ: Да, я полностью признаю себя виновным по всем пунктам предъявленного мне обвинения, изложенного в постановлении о предъявлении обвинения от 5 декабря 1949 года.

Вопрос: В чем конкретно Вы признаете себя виновным?

Ответ: Прежде всего я признаю себя виновным в том, что с 1944 года по день капитуляции, являясь главнокомандующим Квантунской армией, я осуществлял непосредственное руководство работой подчиненных мне бактериологических отрядов № 731 и № 100 по изысканиям наиболее эффективных способов применения бактериологического оружия и его массовому производству для военных целей. Другими словами, я признаю себя виновным в том, что я осуществлял непосредственное руководство подготовкой бактериологической войны против СССР, Китая, Монгольской Народной Республики, Англии, США и других стран. Я также должен признать, что в основном эта подготовка была направлена против Советского Союза. Именно этим и объясняется, что бактериологические отряды № 731 и № 100 и их филиалы были расположены поблизости от границы с Советским Союзом.

Конкретно моя практическая деятельность как главнокомандующего японской Квантунской армией в руководстве по подготовке бактериологической войны выразилась в следующем.

С приездом в Маньчжурию после вступления на пост главнокомандующего Квантунской армией из докладов, сделанных мне в июле 1944 года подчиненными мне начальниками Санитарного управления и Ветеринарного управления Кадзицука и Такахаси, я узнал о том, что подчиненные мне бактериологические отряды № 731 и № 100 занимаются изысканием и массовым производством бактериологического оружия.

Несколько позже я лично посетил отряд № 731 с целью инспектирования его работы по подготовке бактериологического оружия. Отряд № 731 я посетил в августе 1944 года и лично ознакомился с работой этого отряда по изысканиям и массовому производству бактериологического оружия. Причем при ознакомлении с работой этого отряда я был поражен размахом работ, которые проводились в направлении производства огромного количества бактерий, предназначенных для использования в качестве бактериологического оружия. После ознакомления с этими работами я их одобрил и тем самым санкционировал дальнейшее проведение. Таким образом, в мою бытность командующим Квантунской армией отряды № 731 и № 100 с моего ведома продолжали работы по изысканиям наиболее эффективных видов бактериологического оружия и массовому производству смертоносных бактерий, предназначенных для применения в качестве боевого оружия. О ходе этих работ я получал информацию от моих подчиненных и таким образом был постоянно в курсе всей подготовки бактериологической войны. Эту информацию я получал от начальников Санитарного и Ветеринарного управлений, о чем я показал выше, от начальника 731-го отряда и от подчиненных мне работников штаба, которые имели непосредственное отношение к деятельности отрядов № 731 и № 100 по подготовке бактериологической войны. Вопросы, связанные с тактическим применением бактериологического оружия, мне докладывались начальником штаба и соответствующими работниками оперативно-стратегического отдела.

Будучи осведомленным о работе этих отрядов, я как командующий принимал все необходимые меры по обеспечению их постоянной боевой готовности.

В июне 1945 года по моему заданию начальник отдела кадров штаба Квантунской армии Тамура инспектировал работу отряда № 731. Это инспектирование было вызвано необходимостью принятия надлежащих мер по обеспечению увеличения производства бактериологического оружия. О результатах этого инспектирования Тамура представил мне подробный доклад.

Будучи главнокомандующим Квантунской армией, я лично одобрил два наиболее эффективных способа применения бактериологического оружия по представленным мне докладам начальника отряда № 731.

В ноябре 1944 года начальник 731-го отряда Китано сделал мне доклад в присутствии начальника штаба Касахара Юкио, начальника оперативно-стратегического отдела Мацумура Тамокацу и штаб-офицера оперативно-стратегического отдела подполковника Мията (принц Такеда).

Доклад Китано состоялся в штабе Квантунской армии. Китано сделал мне доклад, обобщающий результаты опытов по применению в качестве бактериологического оружия блох, зараженных чумой. Доклад Китано сопровождался иллюстрацией различных схем о результатах опытов и просмотром специального кинофильма об опытах по заражению чумой с помощью блох.

Этот доклад мной был одобрен, и предложенный Китано способ применения чумных блох считался принятым для практического использования как один из видов бактериологического оружия.

В том же 1944 году в конце июля я ознакомился с письменным докладом начальника отряда № 731 Исии, в котором излагалось описание бактериологической бомбы системы «Исии» и способа ее применения. Этот доклад мной также был одобрен, и предложенный в нем способ мной был признан эффективным.

Весной 1945 года, после завершения работ по изысканию наиболее эффективных способов применения бактериологического оружия, последовало указание Военного министерства об увеличении производства бактериологического оружия. В связи с этим указанием мной были приняты все необходимые меры по выполнению этого указания.

Я помню, что в связи с этим я поручил начальнику 1-го оперативно-стратегического управления Мацумура принять меры по линии стратегического отдела по обеспечению производства различных бактерий в соответствии с полученным указанием. Одновременно мной было дано указание об укомплектовании отряда № 731 необходимым количеством офицеров-специалистов и обеспечении необходимым оборудованием.

Касаясь работы отряда № 100 по подготовке бактериологической войны, я должен сказать, что на отряд № 100 возлагались задачи по проведению диверсионных мероприятий, т. е. заражению эпидемическими бактериями пастбищ, скота и водоемов. В этой части отряд № 100 в своей работе был тесно связан с разведывательным отделом штаба Квантунской арии. Исходя из общих задач отряда, я знал, что в отряде ведутся соответствующие работы по производству бактериологического оружия, а также изучению способов его применения.

Однако как практически проходили эти работы, я не знал, т. к. всеми этими вопросами непосредственно занимался подчиненный мне разведывательный отдел. В частности, я не помню, чтобы мне докладывали о работе по проведению бактериологической разведки пограничных с Советским Союзом Северо-Хинганских провинций. Я подтверждаю, что все эти работы проводились по указанию штаба Квантунской армии, и в этой части я не снимаю с себя ответственности, т. к. эти действия имели место в мою бытность главнокомандующим Квантунской армией. Я не отрицаю, что отряд № 100, цели и задачи которого заключались также в подготовке бактериологической войны, занимался изысканиями конкретных способов проведения диверсионных мероприятий и вел активную подготовку к проведению этих диверсий против Советского Союза, что прямо вытекало из его практических задач, но в этой части я достаточным образом осведомлен не был.

В целях испытания эффективности производимого в отряде № 731 бактериологического оружия над живыми людьми отрядом производились опыты по применению этого оружия над живыми людьми в лабораторных условиях и в полевых условиях,

приближенных к боевой обстановке. Опыты в полевых условиях производились на специально оборудованном полигоне отрядом № 731 на ст. Аньда.

Об опытах над живыми людьми мне стало известно из докладов Китано и Тамура. Кроме того, из просмотренного мной кинофильма я также знал, что опыты по испытанию действий бактериологического оружия проводились над живыми людьми. Из доклада Китано в ноябре[a] 1944 года я узнал о том, что на полигоне ст. Аньда производятся опыты над живыми людьми. Из доклада Тамура в июне 1945 года я узнал о том, что подопытные люди содержатся в специальной тюрьме отряда № 731.

Опыты над живыми людьми были санкционированы моими предшественниками генералом Умедзу или Уэда. В этой части я признаю себя виновным в том, что я, зная о производстве опытов над живыми людьми, допускал их проведение и тем самым фактически санкционировал насильственное умерщвление китайцев, русских и маньчжур, направленных для производства опытов подчиненными мне органами Квантунской жандармерии и японских военных миссий.

Направление подопытных заключенных для производства опытов, или так называемые «особые отправки», также были санкционированы одним из моих предшественников Уэда или Умедзу. Эта санкция мной также не отменялась, и установленный порядок «особых отправок» продолжал действовать и при мне. Я не знаю, сколько людей было умерщвлено в результате этих опытов, т. к. я этим не интересовался.

В части подготовки специальных кадров, предназначенных для использования при применении бактериологического оружия, я должен сказать, что такие кадры действительно готовились отрядами № 731 и № 100. По мере подготовки эти кадры рассредоточивались по филиалам указанных отрядов и частям и соединениям Квантунской армии. Эти кадры в военное время должны были использоваться для сформирования специальных бактериологических боевых отрядов, предназначенных для практического применения бактериологического оружия. Сколько всего было подготовлено таких кадров, я не знаю, но полагаю, что их было вполне достаточно для практического применения средств бактериологической войны.

С началом военных действий в августе 1945 года в соответствии с моим приказом бактериологические отряды № 731 и № 100 и их филиалы были полностью уничтожены с целью скрытия следов подготовки бактериологической войны. Личный состав указанных отрядов был эвакуирован в Корею.

Вопрос: Каким образом предполагалось практическое применение бактериологического оружия против Советского Союза в случае возникновения военных действий?

Ответ: Вопросы применения бактериологического оружия не включались в оперативные планы. Однако в связи с проводившейся подготовкой применения бактериологического оружия эти вопросы изучались в оперативно-стратегическом отделе штаба.

Лично я, как командующий Квантунской армией, считал, что бактериологическое оружие против Советского Союза должно быть применено в случае возникновения военных действий с Советским Союзом с помощью авиации для заражения тыловых районов Советского Союза и путем проведения диверсионных мероприятий по линии отряда № 100.

Если бы военные действия с Советским Союзом не возникли, то бактериологическое оружие могло быть применено против США и других стран[b].

Вопрос: С какой целью были созданы 97-й и 3-й стрелковые полки?

Ответ: О наличии этих полков в составе подчиненных мне частей я ничего не знаю.

---

[a] Дописано ручкой.

[b] Абзац отчеркнут вертикальной чертой на полях слева.

Вопрос: С какой целью в 1945 году Исии снова был назначен в отряд № 731?

Ответ: Отряд № 731 был детищем Исии, и поэтому в 1945 году он снова был назначен на должность начальника этого отряда. Лично я считаю, что назначение Исии на должность начальника отряда № 731 находилось в прямой связи с задачами активизации работы бактериологических отрядов в это время в связи с указаниями Военного министерства об увеличении производства бактериологического оружия. Но это мое личное мнение.

Больше по существу дела показать ничего не имею, записано с моих слов правильно и мне через переводчика прочитано на понятном мне японском языке (подпись).

Допрос начат в 15:00 6 декабря 1949 года.

Допрос окончен в 3:00 7 декабря 1949 года.

Перерыв допросов с 17:00 до 20:00.

Допросили:
сотрудник УМВД по Хабаровскому краю
капитан Гойхман
военный прокурор
подполковник юстиции Базенко

На допросе присутствовал военный прокурор Приморского в/о
полковник Березовский
переводчик Цвиров

Верно: сотрудник УМВД по ХК (подпись)

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 66–70. Зав. копия.
Опубл. в сб.: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии... М., 1950. С. 37–43.

№ 53. Протокол допроса рядового японской армии Хатаки Акира о его работе в должности ассистента-лаборанта в отряде № 100 и проводимых в отряде опытах над людьми

9 сентября 1950 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

9 сентября 1950 года гор. Хабаровск

Я, следователь оперотдела лагеря для военнопленных № 16 МВД старший лейтенант Лещанов, допросил арестованного

Хатаки Акира, 1924 года рождения, уроженец Японии, префектуры Исикава, уезда Исикава, дер. Асахи, японец, со средним образованием.

За дачу ложных показаний допрашиваемый Хатаки предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Вопрос: На каком языке Вы желаете давать показания?

Ответ: Показания желаю давать на родном мне японском языке.

Вопрос: В качестве переводчика при допросе предлагается Ким Виктор Макарович. Возражений против переводчика имеете?

Ответ: Разговорную речь переводчика Ким на японском языке я понимаю хорошо, возражений против участия его в допросе не имею.

Переводчик японского языка Ким Виктор Макарович за заведомо ложный перевод предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Вопрос: Сколько времени Вы работали в отряде № 100?

Ответ: В отряде № 100 Квантунской армии я работал с февраля 1943 года по май 1945 года.

Вопрос: На что была направлена деятельность отряда № 100?

Ответ: Как мне стало известно впоследствии в процессе работы, отряд № 100 являлся специальным бактериологическим формированием в составе Квантунской армии, сформированным с целью подготовки средств для бактериологической войны против других государств, а в особенности против Советского Союза. Кроме непосредственного участия в работе отряда и личного наблюдения за общим ходом работ в отряде, это можно видеть из того, что отряд был сформирован на территории Маньчжурии, т. е. в непосредственной близости от советских границ. В отряде № 100 производилось исследование возбудителей эпидемических болезней и изучение способов их искусственного распространения. Главным образом в лабораториях отряда культивировались возбудители сапа, сибирской язвы и другие.

Вопрос: Вы лично занимались бактериологическими исследованиями?

Ответ: Да, работая в лаборатории 2-го отдела отряда № 100 под руководством научного сотрудника Митамо Кадчуо, я занимался исследованием сапа, сибирской язвы и других инфекционных болезней путем анализа крови и отдельных органов животных — лошадей, морских свинок и других, содержавшихся при отряде как подопытный материал. Кроме того, я занимался приготовлением питательной среды для культивирования бактерий.

Вопрос: Сколько раз Вы участвовали в проведении опытов над живыми людьми?

Ответ: Непосредственно в проведении опытов над живыми людьми я не участвовал, однако неоднократно доставлял пищу заключенным, содержащимся в специальном изоляторе, над которыми производились опыты. В доставляемую мной указанным людям пищу сотрудник отдела в моем присутствии добавлял нужные для опыта средства; после употребления данной пищи заключенные через некоторое время умирали. Это было зимой в конце 1944 года, точно же время сейчас не помню.

При посещении изолятора я лично видел там два человека русских и двоих китайцев. Что это были за люди, откуда, кем и каким образом доставлялись они в отряд № 100, я не знаю.

Вопрос: В чем конкретно выражалось Ваше участие в производстве экспериментов на полигоне близ ст. Аньда?

Ответ: На ст. Аньда я находился около одного месяца, примерно в сентябре-октябре 1944 года, в составе экспедиции в количестве 20–25 человек под руководством майора Ямагучи. Большинство членов экспедиции ходили на полигон и вели там различную исследовательскую работу. Я лично полигон не посещал, а находился от него в 3–4 километрах в жилом бараке, и под руководством сотрудника отряда Огикара занимался вопросами метеорологии.

Вопрос: Вы имеете специальность метеоролога?

Ответ: Нет, специальности метеоролога я не имею, а мне было приказано помогать в этом Огикара и исполнять его указания.

Вопрос: С какой целью Вы присутствовали при расстреле заключенного?

Ответ: На место расстрела заключенного я был вызван для того, чтобы похоронить его после расстрела.

Вопрос: Кто и какие опыты проводил над указанным Вами заключенным, подвергшимся расстрелу?

Ответ: Кто и какие опыты проводил над данным заключенным, я не знаю, но об этом можно было узнать по виду заключенного и по тому, что расстрел производил жандарм, который заведовал тюрьмой, где содержались подопытные люди.

Протокол мне зачитан через переводчика на понятном для меня японском языке. Все с моих слов записано верно.

ДОПРОСИЛИ:
ст. лейтенант (подпись)
переводчик (подпись)

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 94–97.
Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 54. Протокол допроса рядового японской армии Хатаки Акира о его работе в должности ассистента-лаборанта в отряде № 100 и проводимых в отряде опытах над людьми

14 сентября 1950 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

14 сентября 1950 года гор. Хабаровск

Я, следователь оперотдела лагеря для военнопленных № 16 МВД старший лейтенант Лещанов, допросил арестованного Хатаки Акира, 1924 года рождения.

Допрос производится через переводчика японского языка Ким, который за заведомо ложный перевод предупрежден об ответственности по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Вопрос: Назовите Вашу правильную фамилию, имя и год рождения.

Ответ: Моя правильная фамилия Хатаки, имя Акира, год рождения 1924.

Вопрос: Сколько времени и в качестве кого Вы работали в отряде № 100?

Ответ: В бактериологическом отряде № 100 Квантунской армии я работал с февраля 1943 года до мая 1945 года в качестве ассистента лаборанта.

Вопрос: На допросе 10 января 1950 года Вы показали, что присутствовали при производстве экспериментов над живыми людьми, а на допросе 9 сентября сего года дали показания, что только носили пищу подопытным людям. Внесите ясность в данный вопрос.

Ответ: В протоколе допроса от 10 января сего года при записи моих показаний допущена неточность. По-видимому, переводчик неправильно меня понял. Я действительно давал показания о двоих русских и двоих китайцах, которые содержались в изоляторе и над которыми производились опыты. Но я еще раз поясняю, что видел их не во время производства опытов над ними, а во время доставки им пищи, о чем я показал и на допросе 9 сентября сего года, а также подтверждаю и сейчас.

Вопрос: На предыдущих допросах Вы дали показания о том, что видимые Вами в изоляторе два человека русских и два китайца после употребления выданной им

Вами отправленной пищи вскоре умерли, а в собственноручных показаниях написали, что умер только один, один был расстрелян, а судьба двоих других неизвестна. Чем объяснить наличие противоречий в Ваших показаниях?

Ответ: Я не отрицаю своих показаний о том, что после употребления заключенными выданной мной отравленной пищи последовала смертность. Но я не говорил, что умерли все четыре человека. По-видимому, я также был неправильно понят. Фактически, как мне известно, умер один человек, в похоронах которого я принимал личное участие, один же в моем присутствии был расстрелян жандармом, о чем я показал на предыдущем допросе 9 сентября сего года. Какая судьба постигла остальных заключенных, я не знаю.

Вопрос: Прежде чем быть допущенным к работе в лаборатории отряда № 100, Вы проходили какую-либо специальную подготовку?

Ответ: До поступления в отряд № 100 я окончил ветеринарное отделение трехгодичной сельскохозяйственной школы, а затем, будучи зачисленным в отряд № 100, я дополнительно в течение одного месяца обучался на специально организованных курсах, функционировавших при отряде.

Протокол мне зачитан через переводчика на понятном для меня японском языке. Все с моих слов записано верно (подпись).

ДОПРОСИЛИ:
старший лейтенант (подпись)
переводчик (подпись)

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 98–100. Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

3.2. ПОКАЗАНИЯ СВИДЕТЕЛЕЙ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ ЭКСПЕРТОВ — УЧАСТНИКОВ ПРОЦЕССА

№ 55. Протокол допроса свидетеля Нагами Хачироо о работе Хатаки Акира в должности лаборанта в военно-бактериологическом отряде № 100

13 октября 1949 г.

Протокол допроса свидетеля

1949 года октября 13 дня

Я, оперуполномоченный спецгоспиталя № 4923 лагеря военнопленных № 5 МВД младший лейтенант Гифитдинов, допросил военнопленного японца Нагами Хачироо, 1924 года рождения, уроженец о-ва Хаккайдо, район Илси, дер. Кумаиси, из рабочих, образование среднее, холост, не судим, беспартийный. Содержится в лагере военнопленных № 5, г. Комсомольск.

За дачу ложных показаний об ответственности предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Допрос производится на японском языке через переводчика оперотдела Макушима, последний об ответственности за неправильный перевод предупрежден по ст. 95 УК РСФСР (подпись).

Допрос начат в 11 часов 00 минут.
Допрос окончен в 12 часов 00 минут.

Вопрос: Знаете ли Вы военнопленного японца Хатаки Акира, если да, то расскажите об известной [вам] практической деятельности в японской армии.

Ответ: Военнопленного японца Хатаки Акира я знаю по совместному пребыванию в госпитале № 4923 и о его практической деятельности в японской армии мне известно с его рассказов следующее. Хатаки Акира после окончания ветеринарного техникума по вольному найму работал с февраля месяца 1942 года по май месяц 1945 года в военно-бактериологическом отряде № 100 штаба Квантунской армии, сначала при 3-м отделе, а затем при 2-м отделе, где занимался изготовлением бактерий различных болезней, которые назначались для бактериологической войны с Советским Союзом. Изготовленные бактерии сапа, сибирской язвы и др. испытывались на живых людях, русских и китайцах, путем уколов и отравления пищи, а также испытания производились на скоте — лошади, коровы. Так, например, в июне 1944 года в районе около г. Харбин с самолетов выбрасывались бактерии на определенную площадь, где находились коровы, после чего весь скот пал. В этих опытах Хатаки Акира принимал непосредственное участие. Таким образом, Хатаки Акира служил в 100-м отряде, который готовился к бактериологической войне против СССР.

Протокол записан с моих слов верно и мне прочитан на японском языке.

Допросил:
оперуполномоченный младший лейтенант Гифитдинов

Перевел: Макушима

УФСБ России по Хабаровскому краю. Ф. К-1. Оп. 1. Д. 1. Л. 101–102. Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 56. Протокол допроса свидетеля, заместителя начальника лагеря «Хогоин», начальника информационно-следственного отделения Ямагиси Кендзи о порядке отправки советских граждан в отряд № 731

21 октября 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

город Хабаровск 21 октября 1949 года

Допрос начат в 19 час. 35 мин.
Допрос окончен в 23 час. 50 мин.

Я, сотрудник УМВД по Хабаровскому краю капитан ПИСАРЕВ, допросил в качестве свидетеля военнопленного поручика бывшей японской армии —

Ямагиси Кендзи, 1916 года рождения, уроженца деревни Дзейгон, уезда Калива, префектуры Ниигата, по национальности японец, японский подданный, с высшим образованием, окончил Токийский институт иностранных языков, осужден 21 октября 1948 года военным трибуналом войск МВД Дальневосточного округа по ст. 58-6 ч. 1 УК РСФСР на 25 лет лишения свободы, содержится в гор. Хабаровске в 3-м лаг. пункте УИТЛиК...[a]

ВОПРОС: Расскажите кратко о Вашей трудовой деятельности.

ОТВЕТ: По социальному происхождению я из крестьян, до учебы в Токийском институте я проживал вместе с родными, занимался в хозяйстве родителей и одновременно учился в гимназии.

С 1935 года по 1938 год проживал в Токио, где и окончил институт иностранных языков. В 1938 году я был призван в японскую армию и для прохождения службы был направлен в Маньчжурию на станцию Мулин в 30-й пехотный полк в качестве рядового, прослужил до 1941 года. С начала сентября 1942 года я был переведен на работу в Харбинскую японскую военную миссию. Назначен был в качестве переводчика русского языка в Особый исследовательский отдел. Под этим наименованием в ЯВМ значился лагерь «Хогоин», что обозначает на русском «Приют». В лагере «Хогоин» содержались советские люди, в большинстве своем военнослужащие, оказавшие по разным причинам на территории Маньчжурии.

С начала 1944 года я был переведен на должность заместителя начальника лагеря «Хогоин», одновременно руководя информационно-следственным отделением. В задачу информационно-следственного отделения входило собирать сведения об экономическом, политическом и военном положении СССР, а также выявлять лиц, склонных к побегу, нарушающих лагерный режим и ведущих среди лагерного контингента антияпонскую агитацию. Лиц, враждебно настроенных к Японии, а также тех, которые не желали подчиняться лагерному режиму, я, с согласия начальника лагеря Иидзима, отправлял в 731-й отряд, куда в разное время за 1945 год было оправлено около 40 человек советских граждан.

Говоря об этом, хочу отметить, что в 731-й отряд впервые стали отправлять из лагеря «Хогоин» с начала 1942 года, т. е. с того времени, когда я еще не являлся одним из руководителей лагеря.

Упоминаемый мною отряд 731 был размещен на окраине города Харбина в местечке «Хейбо», в 15–20 километрах от лагеря «Хогоин».

В 731-м отряде я ни разу не был, один лишь раз осенью 1944 года проезжал мимо территории отряда, но видеть ничего не мог, так как вся территория была обнесена

[a] Отточие документа.

плотным высоким забором. Метрах в 200 от входа на территорию отряда было вывешено объявление, дословное содержание которого сейчас не помню, но смысл сводится к тому, что на территорию отряда имели право заходить лица, имеющие специальное разрешение от командующего Квантунской армией.

От ряда работников 2-го отдела Харбинского ЯВМ, не помню только, от кого персонально, еще в 1942 году я знал, что 731-й отряд, или, как его иначе называли, отряд «Исии», производил выращивание, точнее, изготовление смертоносных бактерий и путем производства опытов проверял действие бактерий над живыми советскими людьми, чего любой организм человека не выдерживал, и в конечном итоге человек умирал.

Несколько позднее, примерно в конце 1944 года или в начале 1945 года, бывая в Харбинской ЯВМ, я от руководящих работников миссии, но от кого именно, сейчас не помню, узнал, что 731-й отряд штаба Квантунской армии изготовляет смертоносные бактерии и ядовитые газы для военных целей на поражение армии противников. Противником Японии являлся Советский Союз.

ВОПРОС: Какой был установлен порядок отправки советских граждан в 731-й отряд?

ОТВЕТ: Согласно письменного указания Харбинской ЯВМ за подписью начальника миссии генерал-майора Акикуса, работники информационно-следственного отделения, с моего согласия, составляли по имеющимся компрометирующим материалам списки, которые утверждались начальником лагеря майором Иидзима, последний ставил свою фамильную печатку. Иидзима упомянутый список возил на доклад начальнику миссии Акикуса, последний всегда соглашался с нашим мнением и разрешал отправлять в 731-й отряд на физическое уничтожение намеченных нами советских граждан.

Фамилии всех лиц, отправленных на уничтожение в 731-й отряд, я не помню. До сего времени сохранились в памяти следующие лица: солдат Советской Армии Демченко, который в категорической форме отказался давать какие-либо сведения о Советском Союзе. С моего разрешения к нему применялись меры физического воздействия, следователи подвергали его пытке, подвешивая его за руки и за ноги к балке. Демченко всё же показания не давал. Тогда я решил его физически уничтожить и с этой целью отправил его в 731-й отряд. За проводимую антияпонскую агитацию я отправил в отряд Исии в июле или в начале августа 1945 года офицера Советской Армии Игнатова. Помимо названных, за попытку убежать из лагеря «Хогоин» на физическое уничтожение в 731-й отряд были направлены советские граждане Канев, Перебоев и Романченко. Надо сказать, одному из лагерников, офицеру Советской Армии Кузеванову, в середине 1945 года удалось сбежать из лагеря «Хогоин», но он был вскоре же пойман и доставлен в лагерь «Хогоин», а впоследствии, с моего согласия, был отправлен на физическое уничтожение в отряд Исии.

Непосредственно отправку советских людей, обреченных на смерть, осуществлял жандарм Сиода, который по телефону договаривался с жандармом 731-го отряда о времени отправки. Всегда 731-й отряд за людьми высылал свой автотранспорт — крытую автомашину, в которую вмещалось без вещей около 20 человек. Жандарму Сиода, согласно указанию Харбинской ЯВМ, я давал приказание направлять в 731-й отряд людей без их личных вещей. Вещи же направлялись в 4-й отдел Харбинской ЯВМ, а данный отдел вещи, особенно военное обмундирование, использовал для нужд миссии.

В этой одежде засылались японские разведчики на территорию Советского Союза. Об этом мне известно было от сотрудников 4-го отдела. Но от кого именно, сейчас не помню. На всех тех лиц, которых мы отправляли в 731-й отряд, составлялись именные списки в двух экземплярах, один экземпляр оставался в лагере «Хогоин».

Документа о приеме людей я лично от работников 731-го отряда не требовал. За все время моей работы в лагере «Хогоин» не было ни одного случая, чтобы из числа направляемых людей кто-либо обратно бы вернулся в лагерь «Хогоин».

Это обстоятельство лишний раз убеждало меня в правоте слышанного о том, что в 731-м отряде советские граждане умирали от производимых над ними опытов действия смертоносных бактерий и ядовитых газов.

ВОПРОС: Чем желаете дополнить свои показания?

ОТВЕТ: Дополнить мне больше нечего.

Допросил:
сотрудник УМВД по ХК — Писарев
переводчик — Негороженко

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 43. Л. 142–150.
Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 57. Протокол допроса свидетеля Иинума Хиромото о его службе в должности командира батальона технического учебного отряда в г. Харбине и участии в разрушении сооружений и зданий отряда № 731[1]

22 октября 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

гор. Хабаровск — 22 октября 1949 года
Допрос начат в 16 часов

Я, сотрудник УМВД по Хабаровскому краю капитан Веселов, допросил в качестве свидетеля военнопленного майора бывший японской армии –

Иинума Хиромото, 1907 года рождения, уроженец Японии, провинции Канагава, уезд Нака, деревня Китахазано, местечко Токава, японец, подданный Японии, из крестьян, со средним образованием, по специальности крестьянин, владеющего японским и слабо английским языками, в японскую армию призван в январе 1928 года, командир батальона технического учебного отряда Квантунской армии, воинская часть № 13998. Пленен 22 августа 1945 года в гор. Харбине.

ВОПРОС: Что вам известно о 731-м отряде и где он дислоцировался?

ОТВЕТ: О 731-м отряде мне известно следующее: в Маньчжурии я служил командиром батальона технического учебного отряда в городе Харбине. В разговоре со мной командир моей части подполковник Танигучи рассказывал, что в 20 километрах от г. Харбина в местечке Хейбо (Пинфань) расположен 731-й противоэпидемический отряд, командиром которого являлся генерал-лейтенант Исии (имя не знаю), что филиал этого отряда находился в гор. Ринко. 731-й отряд занимался вопросами водоснабжения и исследованием бактерий.

Кроме того, в августе 1944 года я ездил в гор. Мукден в военный арсенал в служебную командировку. В это время на ст. Мукден я увидел ящики, в которых находились мыши и белки. На ящиках были написаны адреса на 731-й отряд. Везший эти ящики гражданский человек (фамилию не знаю) обратился ко мне с вопросом: как найти расположение 731-го отряда? Объясняя ему, я рассказал, что нужно ехать в гор. Харбин, а оттуда на машинах в местечко Хейбо. По приезде в свою часть я обратился с вопросом к подполковнику Танигучи: «Зачем доставляются в 731-й отряд белки и мыши?» На мой вопрос подполковник Танигучи ответил, что белки и мыши привозятся в 731-й

отряд для того, чтобы на них производить бактериологические опыты. В июне месяце 1945 года командир части подполковник Танигучи рассказывал мне, что в целях самообороны в 731-м отряде изготавливаются фарфоровые бомбы, что эта часть совершенно секретная, куда вход посторонним запрещен. В десятых числах августа 1945 года в р-не Хейбо слышались взрывы и были видны клубы черного дыма. На мой вопрос, что это значит, новый командир части подполковник Кадзиура, назначенный вместо откомандированного на другую работу подполковника Танигучи, пояснил, что это слышатся взрывы в 731-м отряде и виден дым от горящих зданий.

ВОПРОС: Какое принимали участие лично Вы в разрушении сооружений и зданий 731-го отряда Исии?

ОТВЕТ: 13 августа 1945 года утром от командира части подполковника Кадзиура я получил приказ выехать в местечко Хейбо и огнем из мортиры уничтожить остатки зданий и помещений 731-го отряда. Взяв с собой 10 солдат и одну мортиру, я на автомашине выехал в указанное место, куда прибыл примерно в 10 часов 40 минут. Ожидавший нас генерал-лейтенант Исии приказал установить мортиру на аэродроме в 400 метрах от расположения его отряда и лично сам указал точки обстрела. Установив мортиру, я открыл огонь и сделал двадцать выстрелов по остаткам разрушенных зданий с целью окончательного их уничтожения — по котельному цеху и остаткам здания.

Отдавая распоряжение открыть огонь, Исии торопил меня, объясняя свою поспешность тем, что ему нужно видеть результат разрушения и что в 11:00 в Корею в гор. Хейдзё должен отправиться последний эшелон с имуществом его отряда. С каким имуществом, Исии не сказал, и я сам его не видел, поэтому не знаю. В это время на аэродроме находились, кроме солдат и меня, генерал-лейтенант Исии, неизвестный полковник, самолет, автомашина и шофер, которые после нашего ухода в часть оставались на аэродроме.

ВОПРОС: Кого Вы знаете из бывших работников 731-го отряда, содержащихся в лагерях военнопленных?

ОТВЕТ: Из бывших работников 731-го отряда я знаю: Оодзени Сигю, Ватанабе Санио, Накано Теруо и Мурата Минору, которые содержатся в 16-м лагере. Об их службе мне известно из разговоров с ними во время пребывания в лагерях военнопленных в СССР. Чем они занимались в 731-м отряде, я не знаю.

ВОПРОС: Что хотите дополнить к своим показаниям?

ОТВЕТ: Дополнить к своим показаниям ничего не имею.

Допросил: сотрудник УМВД по ХК
капитан Веселов

Переводчик Полуянов

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 26. Л. 155–158.
Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 58. Протокол допроса свидетеля Оосава Мацуо о его службе в Харбинском филиале отряда № 731 в должности санитара и проводимых опытах на людях

23 октября 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

гор. Хабаровск

23 октября 1949 г.
Допрос начат в 15 ч. 10 м.
Допрос окончен в 24 час. 00 мин.

Я, сотрудник УМВД по Хабаровскому краю ст. лейтенант ДВОРЕЦКИЙ, допросил в качестве свидетеля военнопленного бывшей японской армии –

ООСАВА МАЦУО, 1918 года рождения, уроженца Японии, префектуры Канагава, гор. Йокогама, подданного Японии, из торговцев, образование 6 классов, по специальности санитар и портной, владеющий только японским языком. В японскую армию был призван в июле 1941 года. Служил санитаром в Харбинском филиале 731 отряда. Пленен 18 августа 1945 года в гор. Тумыне.

В связи с маневрами Квантунской армии в середине января 1941 года меня снова мобилизовали в армию и направили в г. Токио в тот же 14-й саперный полк, из которого через неделю был переведен совместно с другими военнослужащими в г. Харбин, где был зачислен в филиал 731-го отряда.

В этом же филиале до января 1943 года я служил охранником, нес службу на вахте. В январе 1943 года по приказу начальника филиала майора мед. службы ТАКАЯМА Тосио я был направлен на 6-месячные курсы санитаров, которые были в Харбине при 7-м военном госпитале.

После окончания курсов к концу июня 1943 года мне было присвоено звание ефрейтора. Возвратившись в филиал, я был назначен работать санитаром в лабораторию хирургического отделения этого филиала, где работал до июля 1944 года. В июле 1944 года этот филиал по приказу штаба Квантунской армии должен был направиться на остров Окинава в Тихом океане.

В связи с этим филиал был направлен в гор. Цицикар, а затем Фудзян, где он был расформирован по нескольким частям. Я был зачислен в воинскую часть № 1331, а в мае 1945 года переведен во вновь сформированную часть за № 998, в составе которой и был пленен 18 августа 1945 года в гор. Тумыне.

ВОПРОС: Уточните, где дислоцировался филиал 731-го отряда, в котором Вы служили санитаром, и какой ему был присвоен номер?

ОТВЕТ: Этот филиал был без номера, размещался в г. Харбине около русского кладбища на территории 406-го саперного полка. Территория филиала 731-го отряда была обнесена каменной стеной, поверх которой была колючая проволока с подключенным электротоком высокого напряжения. Вход на территорию филиала был через территорию 406-го саперного полка и охранялся вооруженным охранником.

Кроме того, из территории филиала был второй выход, не через территорию полка, куда обычно выносили трупы умерших людей, подвергшихся экспериментальному исследованию.

ВОПРОС: Расскажите структуру и назначение Харбинского филиала 731-го отряда.

ОТВЕТ: Этот филиал в своем составе имел два отделения: хирургическое и терапевтическое. Для каждого отделения были четырехэтажные здания, два этажа каждого здания были над поверхностью земли, в которых были лаборатории, а два других

этажа каждого здания были в земле, в которых были камеры для содержания людей, предназначенных для проведения над ними экспериментальных исследований.

В хирургическом отделении проводились эксперименты по обмораживанию конечностей и всего тела человека. Кроме того, в хирургическом отделении заготовлялась жидкость, которая, попадая на тело человека, разрушала его.

ВОПРОС: Расскажите о свойствах этой жидкости и способе ее изготовления.

ОТВЕТ: Препарат, который изготовлялся в хирургическом отделении, представлял собой голубоватую жидкость, без запаха, хранившуюся в стеклянной посуде при температуре ниже нуля. Свойство ее заключалось в том, что капля ее, попадающая на тело человека, вызывала раздражение или, вернее, разрушение тела под видом обмораживания.

ВОПРОС: Кто изготовлял эту жидкость?

ОТВЕТ: Эту жидкость изготовляли в лаборатории хирургического отделения филиала 731-го отряда — начальник хирургического отделения поручик мед. службы ИСИКАВА Тацуо и его помощник, поручик мед. службы ТАНАКА Киичи.

ВОПРОС: Вы видели, как они изготовляли эту жидкость?

ОТВЕТ: Нет, не видел.

ВОПРОС: А откуда же Вам известно, что именно эту жидкость изготовляли ИСИКАВА Тацуо и ТАНАКА Киичи?

ОТВЕТ: Об изготовлении этой жидкости я интересовался у ТАНАКА Киичи, он мне ответил, что эта жидкость изготовляется ими в лаборатории. Но как изготовляется, он мне не сказал.

ВОПРОС: Для какой цели изготовлялась эта жидкость?

ОТВЕТ: Эту жидкость испытывали на живых людях в нашей лаборатории, а также на полигоне за Харбином. Судя по тому, что она была строго засекречена, я полагаю, что она должна была использоваться в намечавшейся в то время войне против Советского Союза и других государств.

ВОПРОС: Вы как санитар хирургического отделения принимали участие в проведении экспериментов с применением этой жидкости?

ОТВЕТ: Да, я как санитар принимал участие в проведении экспериментов с применением этой жидкости.

ВОПРОС: Расскажите. Как проводились эти эксперименты на живых людях?

ОТВЕТ: Эта жидкость применялась на испытуемом путем смазывания части тела или же путем вливания шприцем под кожу.

ВОПРОС: Сколько человек Вами было подвергнуто таким испытаниям?

ОТВЕТ: За период моего пребывания в филиале с июля 1943 года по июль 1944 года таким испытаниям или экспериментам было подвергнуто около 130 человек.

ВОПРОС: Какие люди подвергались экспериментальному исследованию в этом филиале?

ОТВЕТ: В филиал для этой цели направлялись органами Харбинской японской военной миссии и жандармерии граждане, которые ими задерживались на территории Маньчжурии как заподозренные в шпионской деятельности против Японии, содействующие народно-революционному движению Китая и другие, которые в основном были гражданами Китая, Кореи и Советского Союза.

ВОПРОС: Расскажите, где содержались люди, предназначенные для экспериментального исследования.

ОТВЕТ: Эти люди при поступлении в филиал помещались в два подземных этажа зданий, о которых я говорил выше, в которых было 32 камеры, в каждую их которых помещалось от 10 до 30 человек, в зависимости от ее размера.

ВОПРОС: На каком положении эти люди находились в подвальных камерах?

ОТВЕТ: Эти люди содержались в подвальных камерах на положении заключенных. Железная дверь камеры всегда была под замком. В двери было отверстие для наблюдения обслугой.

ВОПРОС: Какие еще проводились эксперименты над живыми людьми в этом филиале?

ОТВЕТ: Я лично видел, как в мае 1944 года происходило испытание изобретенной жидкости, упомянутой мной выше, на живых людях за гор. Харбином в поле.

ВОПРОС: Расскажите о подробностях проведения этого эксперимента.

ОТВЕТ: Около 30 человек, содержащихся в камерах, под охраной, вооруженной винтовками, ручными и двумя станковыми пулеметами, вывезли тремя автомашинами на поле примерно 130 км за гор. Харбин. Затем пролетел один самолет и находившихся на поле людей полил вышеупомянутой жидкостью. После этого, примерно через полчаса, поручик мед. службы ТАНАКА Киичи, поручик мед. службы ИСИКАВА Тацуо и я ООСАВА подошли к этим людям, и мы увидели, что 10 человек, пораженных этой жидкостью, были уже умершими, а остальные, тяжело пораженные, лежали около умерших. Трава и другая растительность на поле была почерневшей от этой жидкости, как от огня. Умерших здесь же охрана похоронила, а живых на автомашинах увезли обратно в филиал.

ВОПРОС: Скажите, в какой обуви и одежде были вы и охрана, которая привозила людей на поле?

ОТВЕТ: Все, кто присутствовал при этом эксперименте, кроме испытуемых, были одеты в специальную обувь, рукавицы и накидку, пропитанные специальным раствором, состав которого мне не известен.

ВОПРОС: Большая площадь была поражена этой жидкостью?

ОТВЕТ: Этой жидкостью была поражена площадь примерно 300 метров длины и 300 метров ширины.

ВОПРОС: Кто присутствовал на этом эксперименте из числа сотрудников 731-го отряда, кроме Вас и охраны?

ОТВЕТ: При этом эксперименте присутствовали только врачи ТАНАКА Киичи, ИСИКАВА Тацуо, я — ООСАВА и 12 человек охраны.

ВОПРОС: Как проводились эксперименты [по] обмораживанию тела живого человека в Вашей лаборатории, о которой Вы упоминали выше?

ОТВЕТ: Человек, который назначался для проведения на нем эксперимента, мной и врачом ТАНАКА Киичи усаживался на специально оборудованный стул в лаборатории, закрепленный недвижимо к полу, закреплялся на нем ремнями, а затем пальцы (кисть) одной руки помещались через специальное отверстие в рефрижератор, в котором при помощи электрического мотора понижалась температура до 30–40 градусов ниже нуля. Примерно через 1 час 20 мин. руку из рефрижератора вынимали, и, если пальцы становились почерневшими, ТАНАКА Киичи один из них отрезал хирургическим ножом, а на оставшихся 4 пальцах делал продольные разрезы до кости и из-под кожи вынимал ткань, которая вместе с отрезанным пальцем исследовалась в лаборатории, определялась степень обмораживания и разрушения ткани.

Я кисть руки смазывал специальной жидкостью от обморожения, состав которой мне не был известен, забинтовывал руку бинтом, и этот человек уходил в свою камеру. Через два дня с этой же рукой повторялась прежняя процедура, с той лишь разницей, что на этот раз отрезались все пальцы. Через следующие два дня, т. е. в третий раз, этот человек голый помещался весь в рефрижератор, где постепенно снижалась температура до 30–40 градусов ниже нуля. За человеком можно было наблюдать через стеклянную дверь рефрижератора; примерно через час полуживого человека вынима-

ли из рефрижератора и отрезали ему по колено одну из ног, на груди и спине вырезали клочки ткани (тела) и проводили над ним исследование, определяя степень обморожения и выносливость человека. После этой процедуры изуродованного человека выносили, как труп, а если он был еще живой, то смазывали вышеуказанной мазью от обморожения, забинтовывали бинтом, усиленно кормили, стремясь поддержать организм его живым, а затем, примерно через неделю, его передавали в терапевтическое отделение этого же филиала, где над ним производились дальнейшие эксперименты с применением выращенных там эпидемиологических бактерий, подробности которых мне неизвестны.

ВОПРОС: Сколько человек в день подвергалось таким экспериментам?

ОТВЕТ: Таким экспериментам иногда в день подвергалось два-три человека, но они проводились не ежедневно.

ВОПРОС: Сколько всего такими способами было истреблено людей в этом филиале?

ОТВЕТ: Всего за период моего пребывания в филиале, т. е. за один год, с июля 1943 по июль 1944 года было истреблено свыше 300 человек, учитывая при этом и истребленных изобретенной жидкостью.

ВОПРОС: Расскажите, какие эксперименты производились в терапевтическом отделении этого филиала.

ОТВЕТ: Терапевтическое отделение филиала 731-го отряда в Харбине занималось размножением бактерий (тифа, чумы, паратифа, холеры, малярии) и др. заразных бактерий, эксперименты с которыми проводились на людях и животных. Об этом мне стало известно от поручика ИСИКАВА Тацуо — начальника хирургического отделения этого филиала. Подробности мне неизвестны.

ВОПРОС: Кто был начальником терапевтического отделения этого филиала?

ОТВЕТ: Начальником терапевтического отделения был майор мед. службы ТАКАЯМА Тосио, который также являлся начальником этого филиала.

ВОПРОС: Вам известно, где в настоящее время находится начальник филиала майор ТАКАЯМА Тосио, начальник хирургического отделения ИСИКАВА Тацуо и его помощник ТАНАКА Киичи?

ОТВЕТ: В 1947 году я вместе с ними был в лагере для военнопленных № 4, где они в настоящее время, мне неизвестно.

ВОПРОС: Назовите фамилии лиц, которые были умерщвлены в Харбинском филиале 731-го отряда?

ОТВЕТ: Фамилии этих лиц мне неизвестны.

Допросил: сотрудник УМВД по ХК
старший лейтенант Дворецкий
переводчик Грозин

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 22. Л. 341–350.
Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 59. Протокол допроса свидетеля Тамура Тадаси о его службе в должности начальника отдела кадров Штаба Квантунской армии и посещении отряда № 731

31 октября 1949 г.

Протокол допроса

31 октября 1949 года — город Хабаровск

Допрос начат [в] 16 час. 05 мин.

Окончен [в] 00-45 мин.

Я, сотрудник Управления МВД Хабаровского края капитан Петерс, допросил в качестве свидетеля военнопленного полковника японской армии:

Тамура Тадаси, 1905 года рождения, уроженец Японии, префектура Коочи, уезд Такаока, дер. Огава, японец, из мелких собственников, с высшим образованием. В японской армии на службе с 1920 года. Пленен частями Советской армии в гор. Чанчунь 5 сентября 1945 года, содержался в лагере № 16 МВД СССР.

Вопрос: Вам известно фактическое назначение 731-го отряда?

Ответ: Да, известно. Хотя отряд официально и носил название Управления водоснабжения и профилактики, но фактически это название являлось только прикрытием его основного назначения — специального отряда по подготовке бактериологической войны и массовому производству бактериологических средств нападения и защиты, в чем я убедился лично при своем посещении 731-го отряда.

Вопрос: Расскажите об этом посещении подробно.

Ответ: Должен добавить к своим показаниям, прежде чем рассказать о своем посещении 731-го отряда, что о его назначении я впервые ясно и определенно услышал при моем прибытии [в связи] с назначением начальником отдела кадров Штаба Квантунской армии в декабре 1944 года или, точнее, в первых числах января 1945 года.

Принимая дела и знакомясь с дислокацией частей Квантунской армии, бывший в то время начальник штаба Квантунской армии генерал-лейтенант Касахара мне сказал, что я должен буду относиться с особым вниманием к отряду № 731, поскольку этот отряд, как он мне заявил, прямо занимается подготовкой бактериологических средств нападения и защиты, т. е. готовится к бактериологической войне.

Правда, генерал Касахара мне тогда не сказал, что отряд готовит бактериологическую войну против Советского Союза, но мне это ясно было и без слов, так как я отлично знал назначение всей Квантунской армии в подготовке нападения на Советский Союз.

В личном разговоре с начальником Первого отдела Штаба генерал-майором Мацумура, который состоялся у меня с ним вскоре после моего назначения, генерал Мацумура мне объяснил, что отрядом № 731 и его опытно-экспериментальной работой по боевому применению бактериологических средств войны руководит руководимый им Первый отдел.

В конце мая 1945 года на имя командующего Квантунской армией поступило письмо генерал-лейтенанта Исии Сиро с просьбой ускорить направление в 731-й отряд нужного количества офицеров.

Текстуально содержание этого документа я сейчас не помню, но основной смысл этого документа сводился к тому, что для ускорения производства бактериологических средств войны генералу Исии дополнительно нужны офицеры.

В связи с этим главнокомандующий Квантунской армией генерал-полковник Ямада в начале 1945 года предложил мне лично выехать в 731-й отряд и ознакомиться с фактическим состоянием кадров и отряда в целом.

Данное распоряжение генерал Ямада отдал мне на аэродроме в гор. Харбине, куда я с ним прилетел для присутствия на церемонии выпуска сводных унтер-офицерских учебных отрядов.

На этот же аэродром прибыл встречать нас генерал Исии. Во время разговора с ним генерал Ямада предложил мне выехать в 731-й отряд, что я незамедлительно выполнил, выехав вместе с генералом Исии на его машине в отряд.

По прибытии в отряд я в течение 2 часов подробно ознакомился с положением в отряде с кадрами, осмотрел лаборатории, производственные помещения и тут наглядно лично убедился в том, что отряд № 731 представляет собой большую производственную базу подготовки и массового изготовления средств бактериологической войны.

В беседе с генералом Исии он мне прямо заявил, что отряд готовит бактериологическую войну против Советского Союза, что достигнутые результаты дают основание считать задачу подготовки бактериологических средств выполненной и что производственные возможности дают возможность массового изготовления средств бактериологического нападения.

Генерал Исии мне говорил, что он считает бактериологические средства исключительно сильным оружием в руках Квантунской армии, эффект которого проверен как лабораторным, так и опытным путем на живых людях. Генерал Исии прямо мне заявил, что, если понадобится, отряд в состоянии обрушить на советские города огромную массу бактерий, которые будут распространяться в случае нападения и обороны главным образом путем заброски их в глубокий тыл Советской армии.

Во время посещения лаборатории и производственных помещений отряда, где в огромных аппаратах изготовлялись в массовом количестве смертоносные бактерии, я убедился в правильности слов Исии, говорившего мне, что отряд № 731 может начать активную бактериологическую войну против Советского Союза. Должен прямо сказать, что я был буквально поражен огромным размахом этого смертоносного производства и то, что я увидел, превзошло все мои ожидания.

Я видел в кабинете генерала Исии ряд схем, чертежей и рисунков, размещенных на стенах, иллюстрирующих результаты опытов по разбрасыванию бактерии чумы, холеры и других эпидемических заболеваний через бомбы, гранаты, снаряды и т. д., благодаря которым я имел возможность наглядно убедиться в высокой эффективности бактериологических средств.

В сопровождении генерала Исии и трех офицеров, фамилии которых я сейчас решительно не помню, я осмотрел лаборатории и производственные помещения по производству бактерий. Я не являюсь специалистом-бактериологом и не могу дать квалифицированной оценки всего того, что я видел, но я хорошо помню, как глубоко я был поражен, когда мне называли цифры, помнится, очень большие, заготовленных бактерий эпидемических заболеваний.

При обходе помещения я был сопровожден во внутренний корпус, где содержались в специальных камерах, в каждой из которых в дверях были окна, живые люди, закованные в цепи и используемые, как мне объяснил лично Исии, для опытов смертоносных болезней.

Среди этих подопытных я видел китайцев, европейцев, одну женщину. Как мне лично объяснил генерал Исии, эта женщина и европейцы являются русскими по нацио-

нальности, которые доставлены в отряд жандармерией и военными миссиями Японии в Маньчжурии из числа подлежащих, по мнению карательных органов Японии, уничтожению.

Как я лично заметил, в тех камерах, которые я видел, люди лежали прямо на полу и находились в тяжелом, беспомощном состоянии.

При посещении этого тюремного корпуса я весь его не осматривал, а только посмотрел несколько камер, в которых, помнится, насчитал около 50 человек. После осмотра я еще переговорил с Исии по вопросу о кадрах.

В результате обсуждения вопроса о кадрах мы пришли к выводу, что отряду недостает около 10–15 % нужного состава офицеров, но по общему укомплектованию отряд развернут по мобилизационной готовности. При обсуждении вопроса о кадрах генерал Исии говорил о филиалах наравне с отрядом, считая их одинаково важными, хотя он и подчеркивал необходимость укомплектовать в первую очередь штаб отряда.

Говоря со мной о филиалах своего отряда, генерал Исии высказал мне соображение о необходимости в случае непосредственной близости военных действий подчинить свои филиалы штабам армий фронтов Квантунской армии с тем, чтобы обеспечить, в случае необходимости, армиям возможность боевого использования бактериологических средств.

Эти слова Исии впоследствии оправдались, и, насколько мне помнится, 9 августа 1945 г. был издан приказ главнокомандующего о подчинении филиалов отряда непосредственно армиям фронтов.

После окончания свидания с генералом Исии я выехал на его машине в Харбин, где на следующий день по возвращении из отряда присоединился к свите главнокомандующего.

Вопрос: Вы доложили результат своей поездки в отряд № 731 бывшему главнокомандующему Квантунской армией генерал-полковнику Ямада?

Ответ: Да, доложил.

Вопрос: Что именно Вы доложили генералу Ямада?

Ответ: Представившись генералу Ямада, главнокомандующему Квантунской армией, я обстоятельно доложил ему о всех своих выводах и наблюдениях.

Прежде всего я ему доложил, что отряд № 731 находится в состоянии боевой готовности и может выполнить задание — начать в любое время бактериологическую войну. Вместе с тем, я ему доложил, что генерал Исии настаивает на дополнительном командировании в его распоряжение специалистов и офицеров по материальному обеспечению.

По этому вопросу я высказал Ямада свое мнение, что считаю положение с кадрами вполне благополучным и, ввиду общей нехватки кадров, считаю возможным воздержаться от дополнительного командирования офицеров к генералу Исии, с чем генерал Ямада согласился.

Одновременно с этим я высказал генералу Ямада свое восхищение той богатой оснащенностью и прекрасным оборудованием, которым располагает отряд № 731. По репликам и вопросам генерала Ямада я убедился, что он прекрасно осведомлен о положении в отряде № 731.

Еще когда я был в отряде № 731, генерал Исии мне говорил, что генерал-полковник Ямада лично посетил отряд 731 осенью 1944 года и обстоятельно познакомился с работой, деятельностью и размещением отряда № 731.

Одновременно с тем, что я сказал выше, я доложил генералу Ямада о тех интересных опытах, которые генерал Исии и его сотрудники проводят над живыми людьми, о которых я слышал в 731-м отряде, и рассказал ему о своем посещении тюремного корпуса отряда и все, что я там видел....

Означенное записано с моих слов верно и мне полностью переведено на японский язык (подпись).

Допросил:
сотрудник УМВД по ХК
капитан Петерс

Переводчик Демченко

Присутствовал переводчик
мл. лейтенант Гурьянов

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 26. Л. 74–87.
Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

№ 60. Постановление Военного прокурора Приморского военного округа о назначении судебно-медицинской экспертизы по уголовному делу военнопленных японской армии, обвинявшихся в подготовке бактериологической войны против СССР

1 ноября 1949 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1949 года, ноября, 1 дня гор. Хабаровск

Военный прокурор Приморского военного округа полковник юстиции БЕРЕЗОВСКИЙ, рассмотрев уголовное дело по обвинению военнопленных бывшей японской армии КАВАСИМА Киоси, КАРАСАВА Томио, КАДЗИЦУКА Рюдзи и других, обвиняющихся в подготовке бактериологической войны против СССР, и принимая во внимание, что для полного и всестороннего расследования необходимо заключение лиц, обладающих специальными познаниями, руководствуясь ст. 63 УПК РСФСР, –

ПОСТАНОВИЛ:

Назначить по делу судебно-медицинскую экспертизу.

В качестве экспертов привлечь:

Действительного члена Академии медицинских наук СССР ЖУКОВА-ВЕРЕЖНИКОВА Н. Н.

Эпидемиолога полковника медицинской службы КРАСНОВА В. Д.

Заведующего кафедрой микробиологии Хабаровского медицинского института профессора КОСАРЕВА Н. Н.

Доцента кафедры микробиологии Хабаровского медицинского института ЛИВКИНУ Е. Г.

Начальника военно-ветеринарной лаборатории подполковника ветеринарной службы АЛЕКСАНДРОВА Н. А.

Паразитолога КОЗЛОВСКУЮ О. Л.

На разрешение экспертов поставить следующие вопросы:

Соответствуют ли техническая оснащенность и практическая деятельность 1644, 100 и 731-го отрядов водоснабжения и профилактики одним лишь целям противоэпидемической работы в обслуживаемых ими частях японской армии.

В каком направлении проводилась экспериментальная и производственная работа 731-го и 100-го отрядов.

Каковы масштабы этих экспериментальных работ, их уровень и материальное обеспечение.

Какова потенциальная опасность бактериологических средств, имевшихся в распоряжении 100, 731 и 1644-го отрядов и их филиалов.

Могло ли данное бактериологическое оружие являться средством ведения бактериологической войны.

В распоряжение экспертов предоставить следственное дело по обвинению: КАВАСИМА, КАРАСАВА, ТАКАХАСИ, ХИРАЗАКУРА, МИТОМО, КАДЗИЦУКА, НИСИ, САТО, ОНОУЭ.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР
ПРИМОРСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
полковник юстиции А. БЕРЕЗОВСКИЙ

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 26. Л. 148–149.
Подлинник. Публикуется впервые.

№ 61. Заключение судебно-медицинской экспертизы по уголовному делу военнопленных японской армии, обвинявшихся в подготовке бактериологической войны против СССР

Не позднее 16 декабря 1949 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ ВОЕННОПЛЕННЫХ БЫВШЕЙ ЯПОНСКОЙ АРМИИ ЯМАДА ОТОЗОО, КАДЗИЦУКА РЮДЗИ, ТАКАХАСИ ТАКААЦУ, КАВАСИМА КИОСИ, САТО СЮНДЗИ, КАРАСАВА ТОМИО, НИСИ ТОСИХИДЭ, ОНОУЭ МАСАО, ХИРАЗАКУРА ДЗЕНСАКУ И ДР., ОБВИНЯЮЩИХСЯ В ПОДГОТОВКЕ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ ПРОТИВ СССР

Мы, нижеподписавшиеся: действительный член Академии медицинских наук СССР ЖУКОВ-ВЕРЕЖНИКОВ Н. Н., полковник медицинской службы КРАСНОВ В. Д., заведующий кафедрой микробиологии Хабаровского медицинского института профессор КОСАРЕВ Н. Н., доцент кафедры микробиологии Хабаровского медицинского института ЛИВКИНА Е. Г., подполковник ветеринарной службы АЛЕКСАНДРОВ Н. А. и паразитолог КОЗЛОВСКАЯ О. Л., на основании постановления Военного прокурора Приморского военного округа полковника юстиции БЕРЕЗОВСКОГО А. М. от 1 ноября 1949 года, ознакомившись с материалами предварительного следствия по делу военнопленных бывшей японской армии ЯМАДА Отозоо, КАДЗИЦУКА Рюдзи, ТАКАХАСИ Такаацу, КАВАСИМА Киоси, САТО Сюндзи, КАРАСАВА Томио, НИСИ Тосихидэ, ОНОУЭ Масао, ХИРАЗАКУРА Дзенсаку и др., обвиняющихся в подготовке бактериологической войны против СССР, даем следующее заключение по вопросам, изложенным в указанном постановлении:

I. ВОПРОС: Соответствует ли техническая оснащенность и практическая деятельность 1644, 100 и 731-го отрядов одним лишь целям противоэпидемиологической работы в обслуживаемых ими частях японской армии?

ОТВЕТ: Техническая оснащенность и практическая деятельность 1644, 100 и 731-го отрядов не соответствовала одним лишь целям противоэпидемиологической работы.

Это заключение основывается на следующих данных предварительного следствия:

Во втором отделе 731-го отряда выращивалось огромное количество блох, которые затем заражались чумой. Выращивание такого количества блох с последующим

заражением их чумой не может быть поставлено в связь с какими бы то ни было задачами профилактики заразных болезней.

Оборудование четвертого отдела 731-го отряда позволяло развернуть производство огромного количества живых болезнетворных микробов. Исходя из имеющихся данных о мощности ведущих звеньев оборудования для выращивания бактерий, только в одном 731-м отряде экспертиза определила, что за один производственный цикл это оборудование могло обеспечить выход не менее 30 000 000 миллиардов[a] микробов. Под производственным циклом понимался процесс от момента начала приготовления сред в 6 котлах общей емкостью в 8 тонн до выхода бактериальной массы.

Так как для троекратной вакцинации одного человека против брюшного тифа требуется с округлением 4 миллиарда убитых микробных тел, то из вышеуказанного количества микробов можно было приготовить вакцину на 7,9 миллиона человек. Таким образом, если бы в отряде производилась вакцина, то это оборудование могло бы за 1–2 цикла с избытком покрыть потребность в микробной массе для производства единого вида вакцины для всей японской армии.

Получавшиеся огромные массы микробов не могли производиться с целью изготовления вакцин для нужд армии еще и потому, что японская армия на материке снабжалась вакцинами, производившимися за пределами 731-го отряда. После передачи, в соответствии с приказом Главнокомандующего Квантунской армией от 27/III 1942 года № 660-хэй, медицинской научно-исследовательской лаборатории при Акц[ионерном] обществе] ЮМЖД в подчинение отряда № 731 выработка противоэпидемиологических препаратов, необходимых для обеспечения армии, была передана в эту лабораторию, реорганизованную в Дайренский филиал отряда № 731 с целью разгрузки оборудования и сотрудников отряда № 731 в интересах их «основной работы».

При применении аналогичного расчета мощность 100-го отряда исчисляется как несколько меньшая, чем отряда № 731, но является вместе с тем весьма значительной.

Опыты в отряде № 100 по массовому культивированию возбудителей болезней рогатого скота и лошадей, равно как и опыты по массовому искусственному заражению скота, в частности при помощи распыления микробов с самолета, не могли быть связаны с целями противоэпидемической работы.

Отряд № 1644, как показал об этом бывший его начальник, обвиняемый САТО, почти не занимался производством вакцин и тем не менее обладал значительной мощностью по выращиванию живых бактерий. Это обстоятельство опять-таки не может быть поставлено в связь с противоэпидемической работой в обслуживаемых им частях.

Личный состав филиалов 731-го отряда помимо относительно незначительного участия в профилактической и противоэпидемиологической работе войсковой медицинской службы занимался разведением мышей, ловлей диких грызунов для размножения на них блох, как в самих филиалах, так и в отряде. Эта работа, судя по данным следствия, являлась одной из основных их функций и была в центре постоянного внимания руководства отряда. Необходимо подчеркнуть, что филиалы не занимались проведением каких бы то ни было исследований диких грызунов с целью своевременного обнаружения среди них чумных эпизоотий. Следовательно, работа филиалов по вылову диких грызунов также не может быть поставлена в связь с задачами противоэпидемиологического обеспечения японских войск и гражданского населения района их расположения.

Отряд располагал полигоном, который не может рассматриваться как принадлежность обеспечения научно-исследовательской работы, направленной на мирные цели, так же как и внутренняя тюрьма, которая имелась при отряде.

---

[a] Так в тексте.

Не может быть поставлено в связь с противоэпидемиологическими целями начатое в 1944 году руководством 731-го отряда дополнительное оснащение филиалов бактериологической аппаратурой, предназначенной для массового выращивания микробов. Последнее никоим образом не вызывалось потребностями противоэпидемиологической работы.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, ПРИВЕДЕННЫЕ ДАННЫЕ ХАРАКТЕРИЗУЮТ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ 1644, 731 и 100-ГО ОТРЯДОВ КАК НЕСООТВЕТСТВУЮЩУЮ ОДНИМ ЛИШЬ ЦЕЛЯМ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ В ЧАСТЯХ ЯПОНСКОЙ АРМИИ.

II. ВОПРОС: В каком направлении проводилась экспериментальная и производственная работа 731-го и 100-го отрядов?

ОТВЕТ: Экспериментальная работа 731-го и 100-го отрядов по своему специфическому характеру и особому содержанию могла быть направлена только на изыскание и производство бактериологического оружия, на разработку методов его практического применения и определение эффективности этого оружия.

Это заключение основывается на следующих данных предварительного следствия:

В штатах отряда преобладали бактериологи, а также инженеры-специалисты по разработке технических средств для искусственного распространения болезнетворных микробов и их переносчиков.

Отряды были оснащены специальной бактериологической аппаратурой, предназначавшейся для интенсивного производства больших бактериальных масс в сжатые сроки.

Содержание экспериментальной и производственной работы отрядов состояло в изучении цикла производства и применения бактериологического оружия. Система взаимосвязи между отделами 731-го [отряда] «схематически выражалась следующим образом: первый отдел проводил исследование определенных видов бактерий, изучал способы применения их и испытывал их на живых людях. Испытанные образцы бактерий передавались в четвертый отдел для массового выращивания. Изготовленные бактерии направлялись во второй отдел для испытания их действия на живых людях в полевых условиях. Испытания в полевых условиях производились с целью приближения опыта к боевой обстановке».

В соответствии с этим изучались жизнеспособность и болезнетворность различных микробов в направлении выбора наиболее эффективных для бактериологического нападения видов микроорганизмов. В области изучения способов выращивания микробов работа велась в направлении разработки установок, обеспечивающих выход максимального количества масс микробов в наиболее сжатые сроки. Характерной чертой проектирования этих установок является пренебрежение тщательностью в обеспечении стерильности выращивания микробов, абсолютно необходимой, если бы эти установки проектировались в целях производства вакцин. Эта особенность также характеризует истинное направление экспериментальной работы в этой области.

В части изучения распространения микробов и их переносчиков экспериментальная работа велась в направлении разработки конструкций специальных авиабомб для рассеивания зараженных чумой блох и распыления болезнетворных микробов, изучения способов заражения водоемов, почвы, продовольствия и фуража. При этом освобождение 731-го отряда от производства вакцин и сывороток «дало возможность отряду расширить изыскательские работы в области подготовки бактериологических средств войны».

Все эти изыскания завершались опытами, направленными на оценку эффективности бактериологического оружия. В процессе осуществления этих опытов с бесчеловечной жестокостью производилось насильственное заражение болезнетворными микробами живых людей, сопровождавшееся истязанием их. Среди других материалов экспертизе предъявлено описание этих опытов. Из этих показаний следует, что в конце 1943 года на полигон 731-го отряда было доставлено десять человек, которых при-

вязали к вкопанным в пяти метрах один от другого столбам. В 50 метрах от них была затем с помощью электротока взорвана осколочная бомба. Весной 1944 года таким же способом испытывалось заражение бактериями чумы 10 человек. Далее этот обвиняемый приводит следующие подробности: «Сотрудники, непосредственно участвовавшие в проведении этих опытов, были одеты в резиновые сапоги, халаты и ватно-марлевые маски. После проведения опытов на полигоне специальная одежда сотрудников, участвовавших непосредственно в опыте, там же на полигоне дезинфицировалась фенолом из ручного распылителя. После опыта... сотрудники мыли руки в растворе сулемы». Эти детали дополнительно характеризуют направление экспериментов, осуществлявшихся на полигоне отряда. Использование именно таких защитных костюмов, принятие именно таких мер предосторожности могло иметь место только в том случае, если на полигоне испытывалось бактериологическое, а не какое-либо другое, оружие.

Тот факт, что люди, использовавшиеся в качестве объекта этих опытов, действительно подверглись заражению возбудителями особо опасных инфекций, следует из показаний свидетеля ФУРУИЧИ, согласно которым в камеры тюрьмы, куда помещались эти люди после опытов, сотрудники 731-го отряда входили также в защитных костюмах и масках. Трупы людей, погибших от заражений в камерах и на полигоне, сжигались в специальном крематории.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, ШТАТНЫЙ СОСТАВ ОТРЯДОВ, ОБОРУДОВАНИЕ И САМ ХАРАКТЕР ЭКСПЕРИМЕНТОВ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ, ЧТО ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТРЯДОВ БЫЛА НАПРАВЛЕНА НА РАЗРАБОТКУ И ПРОИЗВОДСТВО БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО ОРУЖИЯ, А ТАКЖЕ ИЗУЧЕНИЕ МЕТОДОВ ЕГО ПРИМЕНЕНИЯ, В ЧАСТНОСТИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДЛЯ ЭТОЙ ЦЕЛИ НАСИЛЬСТВЕННОГО ЗАРАЖЕНИЯ ЖИВЫХ ЛЮДЕЙ.

III. ВОПРОС: Каковы масштабы этих экспериментальных работ, их уровень и материальное оснащение?

ОТВЕТ: Масштабы проводимых экспериментальных работ, а также тесно связанные с ними производственные работы и материальное обеспечение были весьма велики.

Это заключение основывается на следующих данных предварительного следствия:

Штаты отрядов и филиалов были весьма велики и включали большое число бактериологов. Усиленно проводилась подготовка по бактериологии большого количества младшего и среднего персонала. Только в 731-ом отряде и его филиалах насчитывалось свыше 3000 сотрудников.

Оборудование и материальное обеспечение отрядов было рассчитано на большой масштаб изучения и выработки микробиологического оружия. Так, например, производственный отдел 731-го [отряда] имел 6 котлов общей емкостью в 8 тонн для приготовления питательных сред, на которых выращиваются микробы, а также соответствующее количество установок для массового культивирования микробов.

Для размещения отрядов и филиалов были организованы крупные лабораторные городки. На их базе развернулись в широком масштабе экспериментальные и производственные работы. По показаниям обвиняемого КАРАСАВА, часть бактериальной массы, изготовлявшейся в 731-м отряде, направлялась в Дайренский филиал для изготовления вакцин. Однако только в одной упомянутой выше секции четвертого отдела 731-го отряда имеющиеся мощности предусматривали выпуск такого количества бактериальной массы чумных микробов, которое в 60 раз превышало фактическую потребность в этой массе для производства вакцин в Дайренском филиале.

Это количество микробов, учитывая сроки изготовления, следует считать исключительно большим. Такое интенсивное производство привело работников отрядов №№ 731 и 100 к измерению производимой ими бактериальной массы килограммами. Этим и объясняется, что в показаниях обвиняемых фигурирует измерение количества бактерий килограммами, причем речь идет о весе густой сметанообразной бактериальной массы, непосредственно снятой с поверхности плотной питательной среды.

Так, определяя производственную мощность отряда № 731, обвиняемый КАРАСАВА показал: «Производственную мощность отдела по изготовлению бактерий в течение одного месяца можно было довести ... при условии переключения всей аппаратуры ... до 300 килограмм бактерий чумы» (т. 4, л. д. 286). Другой обвиняемый по данному делу КАВАСИМА показал: «Производственный отдел, исходя из наличия производственной аппаратуры и степени ее мощности, действительно мог ежемесячно изготавливать до 300 килограмм бактерий чумы» (т. 3, л. д. 317).

Все эти огромные массы болезнетворных микробов, в числе которых были возбудители чумы, холеры, брюшного тифа и других предназначались для производства бактериологического оружия с целью массового истребления людей.

Что касается масштабов выращивания блох, то они определялись наличием в отряде № 731 4500 блошиных питомников (инкубаторов), предназначенных для разведения блох путем вскармливания их на грызунах. Производственная мощность этих инкубаторов позволяла на протяжении коротких сроков получать, по показаниям обвиняемых, десятки килограммов зараженных чумой блох, которые были предназначены исключительно в качестве бактериологического оружия.

О масштабах этой работы свидетельствует огромное количество грызунов, которое заготавливалось для вскармливания на них блох. Как уже сказано, личный состав филиалов 731-го отряда использовался для массовой заготовки грызунов, отправлявшихся затем в 731-й отряд. Из материалов предварительного следствия видно, что сотрудники филиалов проходили специальную подготовку по разведению блох на базе филиалов. В соответствии с масштабом производства бактериологического оружия производилось и экспериментальное изучение способов его применения. О размахе этой работы может свидетельствовать разнообразие направлений, в которых оно производилось: здесь были и испытания методом распыления микробов, рассеивание зараженных чумой блох, испытания различных бактериологических авиабомб и снарядов, заражение водоемов, пищи, фуража, почвы и пр. В процессе преступного «экспериментирования» над живыми людьми персоналом 731-го отряда было уничтожено не менее 3000 человек. И наконец, в следственном материале приводятся данные о применении вырабатываемого бактериологического оружия в боевой обстановке и для заражения мирного населения.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, ЧИСЛЕННЫЙ СОСТАВ ПЕРСОНАЛА ОТРЯДОВ, НАЛИЧИЕ БОЛЬШОГО КОЛИЧЕСТВА ОБОРУДОВАНИЯ И РАЗНООБРАЗИЕ НАПРАВЛЕНИЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ РАБОТЫ УКАЗЫВАЮТ НА ВЕСЬМА ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ МАСШТАБ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТРЯДОВ В ОБЛАСТИ ПОДГОТОВКИ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ.

IV. ВОПРОС: Какова потенциальная опасность бактериологических средств, имевшихся в распоряжении 100-го и 731-го отрядов и их филиалов?

ОТВЕТ: Бактериологические средства и способы их применения, разрабатывавшиеся отрядами, несомненно, обладали потенциальной опасностью.

Это заключение основывается на следующем:

Отряды изучали и производили бактериологическое оружие, предназначавшееся, по показаниям обвиняемых, для массового истребления людей. Они работали с возбудителями таких опасных инфекционных болезней, как чума, холера, брюшной тиф, паратиф, газовая гангрена, сибирская язва, сап, а также другие болезни человека, животных и растений.

Известно, что такие болезни, как легочная чума, приводят к смерти всех ею заболевших. Другая форма чумы — бубонная — также дает большую смертность. Это же самое можно сказать о холере и сапе, а в отношении животных — о сибирской язве и чуме рогатого скота.

Другие болезни, как, например, брюшной тиф, дающие меньшую смертность, вместе с тем надолго выводят из строя заболевших. Следовательно, в отрядах изучались

с целью использования их в качестве бактериологического оружия возбудители болезней, которые как таковые представляют серьезную потенциальную опасность.

Вне зависимости от того, какие возбудители заболеваний и какие средства их распространения были избраны в качестве оружия отрядами, бактериологическое нападение могло представлять угрозу и прежде всего для мирного населения, а особенно для женщин, стариков и детей. Необходимо подчеркнуть, что некоторые возбудители из числа применявшихся отрядами в естественной обстановке обладают способностью образовывать при определенных условиях более или менее стойкие очаги заразных болезней, которые ныне ликвидированы или ограничены прогрессом науки и которые обвиняемые пытались вновь искусственно насаждать.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ, ВЫРАБАТЫВАВШЕЕСЯ ОТРЯДАМИ, ОБЛАДАЛО ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ОПАСНОСТЬЮ И ПРИ ОПРЕДЕЛЕННЫХ УСЛОВИЯХ МОГЛО УГРОЖАТЬ РАСПРОСТРАНЕНИЕМ ЗАРАЗНЫХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В СТРАНЕ, ПОДВЕРГШЕЙСЯ НАПАДЕНИЮ. СТЕПЕНЬ ЭТОЙ ПОТЕНЦИАЛЬНОЙ ОПАСНОСТИ, ПОМИМО ДРУГИХ УСЛОВИЙ, В ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ МЕРЕ ЗАВИСИТ ОТ ПРОТИВОЭПИДЕМИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВЛЕННОСТИ И САНИТАРНОГО УРОВНЯ ОБЪЕКТОВ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО НАПАДЕНИЯ.

V. ВОПРОС: Могло ли данное бактериологическое оружие явиться средством ведения бактериологической войны?

ОТВЕТ: Разрабатывавшееся отрядами оружие могло быть использовано для бактериологического нападения.

Это заключение основывается на следующих данных предварительного следствия:

Средства, которыми располагали отряды, действительно были способны вызывать искусственное заражение и гибель людей и домашних животных, чему свидетельством являются материалы следствия о преступных опытах отрядов по испытанию бактериологического оружия.

ТАКИМ ОБРАЗОМ, ИСХОДЯ ИЗ МАТЕРИАЛОВ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ, РАЗНОСТОРОННЕ ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОТРЯДОВ, НЕОБХОДИМО ПРИЗНАТЬ, ЧТО БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ ОТРЯДОВ МОГЛО БЫТЬ ИСПОЛЬЗОВАНО ДЛЯ БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОГО НАПАДЕНИЯ, ТАК КАК В УСЛОВИЯХ ПОЛИГОННЫХ ИСПЫТАНИЙ ПРИМЕНЕНИЕ ЕГО ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ПРИВОДИЛО К ДОСТИЖЕНИЮ ПОСТАВЛЕННЫХ ПРИ ЭТОМ ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЕЙ, А ИМЕННО К ИСКУССТВЕННОМУ ЗАРАЖЕНИЮ И ГИБЕЛИ ЛЮДЕЙ И ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЧЛЕН АКАДЕМИИ
МЕДИЦИНСКИХ НАУК СССР ЖУКОВ-ВЕРЕЖНИКОВ

ПОЛКОВНИК МЕДИЦИНСКИХ НАУК[b] КРАСНОВ

ЗАВЕДУЮЩИЙ КАФЕДРОЙ МИКРОБИОЛОГИИ ХАБАРОВСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА ПРОФЕССОР КОСАРЕВ

ДОЦЕНТ КАФЕДРЫ МИКРОБИОЛОГИИ ХАБАРОВСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА ЛИВКИНА

ПОДПОЛКОВНИК ВЕТСЛУЖБЫ АЛЕКСАНДРОВ

ПАРАЗИТОЛОГ КОЗЛОВСКАЯ

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 26. Л. 153–164.
Опубл. в сокращении в сб.: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии... М., 1950. С. 393–402.

[b] Так в тексте.

№ 62. Протокол допроса свидетеля солдата японской армии Фуруичи Есио о его службе в противоэпидемическом отряде № 731 и проводимых опытах над людьми

5 декабря 1949 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

гор. Хабаровск

5 декабря 1949 года
Допрос начат в 11-00
Допрос окончен в 16-45

Сотрудник УМВД по Хабаровскому краю майор КОНОНОВ и Военный прокурор майор юстиции БОГОД сего числа допросили в качестве свидетеля военнопленного солдата бывшей японской армии —

ФУРУИЧИ Есио, 1924 года рождения.

Об ответственности за дачу ложных показаний свидетель ФУРУИЧИ по ст. 95 УК РСФСР предупрежден (подпись).

Переводчик японского языка САНЖАРОВСКИЙ об ответственности за заведомо ложный перевод по ст. 95 УК РСФСР предупрежден (подпись).

ВОПРОС: Расскажите о Вашем участии в опытах, проводимых на полигоне станции Аньда.

ОТВЕТ: Опыты над живыми людьми на полигоне станции Аньда проводились в основном группой сотрудников 2-го отдела отряда № 731 под руководством капитана ТОО. Однако к этой группе было прикомандировано несколько сотрудников 1-го отделения 1-го отдела во главе с капитаном медицинской службы ИВАСАКИ. Я был в их числе.

В мои функции во время этих опытов по опылению местности бактериями тифа с самолетов (путем сбрасывания снарядов) входило: расстановка на подопытных участках размером 50 × 50 метров чаш Петри с питательной средой (для определения распыляемости бактерий), а также дезинфекция зараженной местности, через которую после опыления бактериями с завязанными за спиной руками, под угрозой оружия, проводились группы маньчжуров.

После испытания действенности бактерий тифа на привязанных к столбам людям, возле которых разрывались сброшенные с вышки снаряды, я также участвовал в дезинфекции зараженной местности.

Кроме того, по прибытии в 731-й отряд я следил за течением болезни доставленных туда людей, зараженных при опытах на станции Аньда, некоторая часть из них, в конце концов, умирала.

В иных экспериментах по заражению людей и животных на полигоне станции Аньда — я не участвовал.

ВОПРОС: О каких еще опытах на живых людях, проводимых в отряде № 731, Вам еще известно?

ОТВЕТ: Мне известно, что, начиная с 1941 года, каждую зиму в расположении отряда № 731 производились эксперименты по замораживанию на живых людях, содержавшихся в тюрьме 731-го отряда, сам я участия в этих экспериментах не принимал, но был очевидцем таких опытов, проводимых зимой 1944 года научным сотрудником 1-го отдела (отделение не помню) — ЕСИМУРА.

Практически виденные мной эксперименты проводились так:

Группа русских, маньчжур, китайцев и монголов, с закованными в кандалы ногами, каждый раз в количестве от 2 до 16 человек, выводилась на мороз, где их под угрозой оружия заставляли погружать оголенные руки (иногда по одной, иногда обе сразу) в бочку с водой. Затем оголенные смоченные руки заставляли держать на морозе от 10 минут до 2 часов, в зависимости от температуры воздуха, и, когда наступало обморожение, отводили их (людей) в лабораторию при тюрьме[a].

Там обмороженные руки погружали в воду с температурой примерно +5 градусов, постепенно поднимая температуру, наблюдая при этом, при какой температуре исчезает степень обморожения. Знаю, что у многих в результате этих опытов ампутировали обмороженные руки по локоть. С какой целью проводились эти опыты, я точно не знаю, но от сотрудников 1-го отдела, работавших под руководством ЕСИМУРА, я слыхал, что они проводились с целью изыскания наиболее эффективных лечебных средств против обмораживания.

*Кроме того, аналогичные опыты проводились на людях, руки которых, перед тем как выставить на мороз, покрывались неизвестной мне смазкой (похожей на вазелин). Как я слышал от тех же сотрудников, эти эксперименты проводились с целью изыскания средств против обмораживания.

Также эксперименты я лично наблюдал 12–13 раз в течение декабря 1943 года — января и февраля 1944 года. При мне эти опыты проводились в вечернее время, примерно от 23 и 24 часов. Это время я помню хорошо, потому что обыкновенно с 23 до 24 часов я дежурил по отряду и мог наблюдать над проводимыми экспериментами*.

Знаю, что такие же опыты проводились и в предрассветные часы, но я их не наблюдал.

Кроме того, в 1944–1945 гг. под руководством того же научного сотрудника ЕСИМУРА Есито в 731-м отряде проводились опыты по испытанию на людях нарывного газа.

*Какова была техника испытания этого газа, я не знаю, но я лично видел 6 маньчжур, тела которых в результате применения газов были покрыты гнойными язвами. О том, что на них проводились именно эти опыты, мне рассказали сотрудники 3-го отделения 1-го отдела, их проводившие, фамилии которых я сейчас забыл.

Хочу отметить, что в 731-м отряде был опытный участок посевов размером до ¼ гектара, на котором производились опыты по заражению овса бактериями «пшеничной ржавчины». Опытами этими руководил научный сотрудник 1-го отдела УЭМУРА*.

Какова была техника заражения этих посевов, я не знаю, но я лично видел посевы овса после их заражения. Колосья завяли, зерна были не развиты, этот овес нельзя было использовать даже на фураж.

На мой вопрос одному из сотрудников отряда (фамилию которого забыл), принимавшему участие в этих опытах: «С какой целью проводится заражение посевов?» — он мне ответил: «Для диверсионных целей против противника в военное время». О том, против какого именно противника должны были быть применены эти бактерии, говоривший со мной сотрудник отряда не сказал.

Больше ни о каких испытаниях и фактах применения бактериологического оружия в отряде № 731 я не помню.

ВОПРОС: Расскажите о прохождении Вами службы в качестве военнослужащего японской армии.

ОТВЕТ: В марте 1945 года я в числе 8 вольнонаемных сотрудников 731-го отряда был призван в ряды японской армии и был направлен для прохождения службы в от-

[a] Здесь и далее в документе текст, отмеченный *...*, отчеркнут чертой на полях.

дельный пехотный батальон в г. Учагоу, номера которого я не помню. Здесь до июня 1945 года я проходил общевойсковую подготовку.

8 июня 1945 года, на основании приказа в отношении 643-го филиала 731-го отряда, я в числе других сотрудников отряда был откомандирован в этот филиал, дислоцировавшийся на станции Хайлин Муданьцзянской провинции.

По прибытии в 643-й филиал отряда № 731 я был зачислен в учебное подразделение, где в течение 2 месяцев проходил общесанитарную подготовку. В это время изучали анатомию, уход за больными, оказание помощи и т. д.

По окончании двухмесячной общесанитарной подготовки в августе 1945 года мы перешли к изучению предметов по программе, спущенной управлением водоснабжения и профилактики по плану, разработанному начальником филиала № 643 майором ОНОУЭ — из расчета 3 месячных занятий.

Здесь под руководством младшего унтер-офицера НАКАИ мы начали изучать бактериологию и способы дезинфекции, а также способы применения профилактических мероприятий в водоснабжении.

Однако эту программу не успели пройти, ибо через 10 дней началась война Японии с Советским Союзом, и примерно 12 августа 1945 года личный состав филиала был направлен на фронт.

Помещения филиала и его оборудования были взорваны прибывшими для этой цели саперами. Я лично видел этот взрыв, когда мы на машинах отъехали от помещений филиала.

Личный состав филиала во фронтовых условиях в районе р. Муданьцзян занимался вопросами, связанными с обезвреживанием и фильтрацией воды, которой обеспечивались находившиеся в этом районе войсковые подразделения. Задач по применению бактериологического оружия перед нами не ставили. 17 августа 1945 года в этом районе я был пленен Советскими войсками.

ВОПРОС: Чем занимался 643-й филиал 731-го отряда до начала военных действий против СССР?

ОТВЕТ: Мне известно, что личный состав 643-го филиала занимался размножением и ловлей мышей в большом количестве. Знаю, что мыши эти затем направлялись в 731-й отряд, где, как мне известно, они использовались при размножении блох, необходимых для приготовления бактериологического оружия.

Чем еще занимался филиал № 643, мне неизвестно.

ВОПРОС: Если 643-й филиал занимался только ловлей и выращиванием грызунов, то какая была необходимость его уничтожения?

ОТВЕТ: О причинах, заставивших японское командование взорвать помещения филиала № 643, я не знаю, но предполагаю, что командование хотело этим избежать возможность захвата Советскими войсками данных о тех засекреченных работах, которые производились. Я уверен, ибо по прибытии в филиал нас предупредили о необходимости сохранения в тайне всего того, с чем нам придется встречаться по работе.

Больше по делу ничего показать не могу.

Допросил:
сотрудник УМВД по ХК
майор Кононов
переводчик Санжаровский

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 9. Л. 369–372.
Подлинник. Рукоп. текст. Публикуется впервые.

3.3. ИТОГОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ХАБАРОВСКОГО СУДЕБНОГО ПРОЦЕССА

№ 63. Обвинительное заключение Военной прокуратуры Приморского военного округа по делу военнослужащих японской армии, обвинявшихся в подготовке и применении бактериологического оружия[1]

16 декабря 1949 г.

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ
по делу бывших военнослужащих японской армии Ямада Отозоо, Кадзицука Рюдзи, Такахаси Такаацу, Кавасима Киоси, Ниси Тосихидэ, Карасава Томио, Онсуэ Масао, Сато Сюндзи, Хиразакура Дзенсаку, Митомо Кадзуо, Кикучи Норимицу и Курусима Юдзи, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия, т. е. в преступлении, предусмотренном ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года

На протяжении многих лет империалистическая Япония являлась главным очагом агрессии на Дальнем Востоке. Вступив в преступный заговор с гитлеровской Германией и фашистской Италией, правящая клика империалистической Японии планировала и вела агрессивные войны против миролюбивых народов в целях установления совместного с гитлеровской Германией мирового господства.

Эти агрессивные войны имели целью создание так называемой «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии» — колониального государства под японским господством. В создании такого государства путем насильственного отторжения обширных территорий миролюбивых соседей Японии выражались крайне экспансионистские намерения японских империалистов.

Насколько велики были агрессивные вожделения японской правящей клики, можно судить по целому ряду открытых заявлений ответственных руководителей японской политики.

Один из главных японских военных преступников — идеолог агрессивной японской милитаристской клики ХАСИМОТО Кингоро в статье «Императорская сфера Великой Восточной Азии», опубликованной 5 января 1942 года в газете «Тайо Дайниппон», писал, что в состав этой «сферы» должны будут войти следующие страны: «Япония, Маньчжурия, Китай, Дальний Восток СССР, Малайя, Голландская Индия, Британская Восточная Индия, Афганистан, Австралия, Новая Зеландия, Гавайи, Филиппины и острова Тихого и Индийского океанов». Точно также определялись границы так называемой «Великой Восточной Азии» в планах и разработках подчиненного непосредственно японскому премьер-министру, учрежденного специальным указом японского императора, «Института тотальной войны».

В преступных планах японских империалистов агрессия против Советского Союза рассматривалась как главная задача. В стратегических агрессивных планах японских империалистов СССР обычно назывался «Объект № 1».

Захватническая война против СССР широко пропагандировалась среди японского населения. Эта пропаганда войны велась, в частности, во всех органах японской печати, полностью контролируемой японским правительственным информационным бюро.

Реализуя свои преступные планы, правящая клика Японии совершила ряд актов агрессии: в 1931 году японские вооруженные силы, спровоцировав так называемый «Мукденский инцидент», вторглись в Маньчжурию и оккупировали ее. В 1937 году японские войска вторглись в Китай, спровоцировав так называемый «Инцидент на мосту Марко-Поло». В 1938 году японская военщина напала на СССР в районе озера Хасан, но была разбита Советской Армией. В 1939 году японские империалисты напали на дружественную СССР Монгольскую Народную Республику в районе реки Халхин-Гол, но также были разбиты вооруженными силами МНР и Советского Союза. В конце 1941 года японские милитаристы втянули Японию во Вторую мировую войну на стороне гитлеровской Германии.

Японская агрессия была прекращена лишь в результате капитуляции Японии перед объединенными нациями, последовавшей после решающего разгрома Советской Армией главной ударной силы Японии — Квантунской армии, сконцентрированной в Маньчжурии.

События, связанные с японской империалистической агрессией, были рассмотрены на международном процессе по обвинению главных японских военных преступников в Токио. Международный Военный Трибунал признал полностью установленным, что японская правящая клика совместно с гитлеровской Германией планировала, развязывала и вела агрессивные войны, что она на протяжении многих лет активно готовила агрессивную войну больших масштабов против Советского Союза.

Трибунал установил факты ведения Японией агрессивных войн против СССР в районе озера Хасан в 1938 году и в районе реки Халхин-Гол в 1939 году. Трибунал признал также факт вступления Японии в преступный заговор с гитлеровской Германией и фашистской Италией против мира и человечества.

Трибунал также установил грубое нарушение со стороны Японии законов и обычаев войны, выражающееся в зверском, бесчеловечном обращении японской военщины с военнопленными и мирным населением оккупированных территорий.

Следствием по настоящему делу установлено, что, планируя и готовя агрессивную войну против СССР и против других государств, японские империалисты для достижения своих целей намеревались в широких масштабах использовать и частично использовали преступные средства массового истребления людей — оружие бактериологической войны.

Организация специальных формирований для подготовки и ведения бактериологической войны

Как установлено расследованием, японским Генеральным штабом и Военным министерством вскоре после захвата Маньчжурии на ее территории была организована и включена в состав японской Квантунской армии бактериологическая лаборатория, возглавляемая известным в Японии идеологом бактериологической войны, впоследствии генерал-лейтенантом медицинской службы ИСИИ Сиро, в которой производились изыскания в области использования бактерий острых инфекционных заболеваний для ведения наступательной бактериологической войны.

Согласно показаниям обвиняемого бывшего генерал-майора медицинской службы японской армии КАВАСИМА Киоси, Генеральным штабом и Военным министерством Японии в соответствии с секретными указами императора ХИРОХИТО в 1935–1936 годах на территории Маньчжурии были уже развернуты два совершенно секретных формирования, предназначенные для подготовки и ведения бактериологической войны.

В целях конспирации одному из этих учреждений, организованному на базе лаборатории ИСИИ, было присвоено название «Управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии», другому — «Иппоэпизоотического управления Квантунской армии».

В 1941 году после нападения гитлеровской Германии на СССР эти учреждения были зашифрованы соответственно как «отряд № 731» и «отряд № 100». Во главе «отряда № 731» был поставлен упоминавшийся выше ИСИИ Сиро. Во главе «отряда № 100» — генерал-майор ветеринарной службы ВАКАМАЦУ.

Эти отряды были укомплектованы специалистами бактериологами. Их личный состав насчитывал значительное число научных и технических сотрудников, руководимых виднейшими бактериологами Японии.

Об объеме проводимых бактериологическими отрядами работ свидетельствует, в частности, тот факт, что только в отряде № 731 имелось около 3000 сотрудников. На содержание отрядов, подготавливавших оружие для бактериологической войны, японское командование отпускало весьма значительные суммы; так, для развертывания отряда № 731 в районе ст. Пинфан, расположенной в 20 км от Харбина, к 1939 году был отстроен большой военный городок с многочисленными лабораториями и служебными зданиями. Были созданы значительные запасы сырья.

Вокруг городка в целях обеспечения особой секретности работ была создана запретная зона. Отряд имел свою авиационную часть, а на ст. Аньда — специальный полигон.

Отряд № 100 также располагал обширными помещениями, специальным оборудованием и земельными участками в районе местечка Могатон в 10 км южнее гор. Чанчунь.

Отряды №№ 731 и 100 имели густую сеть филиалов, приданных частям и соединениям японской Квантунской армии, расположенным на основных стратегических направлениях на границе с Советским Союзом (Т. 20. Л. д. 23).

Главная задача филиалов состояла в подготовке к практическому применению в войне бактериологического оружия, вырабатываемого отрядами.

Бактериологические отряды и их филиалы непосредственно подчинялись главнокомандующему японской Квантунской армией. Это, помимо показаний свидетелей и обвиняемых, подтверждается захваченным советскими частями в 1945 году в Маньчжурии секретным приказом бывшего главнокомандующего японской Квантунской армией генерала Умедзу Иосидзиро от 2 декабря 1940 года об организации и дислокации четырех новых филиалов отряда № 731 (Т. 21. Л. д. 21–23).

Сменивший УМЕДЗУ на посту главнокомандующего японской армией ЯМАДА, обвиняемый по настоящему делу, в своих показаниях также подтвердил, что бактериологические формирования подчинялись непосредственно ему (Т. 1. Л. д. 36).

Характеризуя назначение отряда № 731, обвиняемый ЯМАДА Отозоо показал: «Отряд № 731 был организован в целях подготовки бактериологической войны, главным образом против Советского Союза, а также против Монгольской Народной Республики и Китая» (Т. 1. Л. д. 35).

Как показал ЯМАДА, подготовка бактериологической войны велась Японией и против других государств (Т. 1. Л. д. 17).

ЯМАДА также показал, что деятельность отряда № 100 заключалась в производстве бактериологического оружия для бактериологической войны (Т. 1. Л. д. 153).

Помимо этого, на отряд № 100 «...[a]возлагалась задача по проведению диверсионных мероприятий, т. е. заражению эпизоотическими бактериями пастбищ скота и водоемов. В этой части отряд № 100 в своей работе был тесно связан с разведывательным отделом штаба Квантунской армии...» (Т. 2. Л. д. 5).

Бывший начальник ветеринарной службы японской Квантунской армии, обвиняемый генерал-лейтенант ветеринарной службы ТАКАХАСИ также показал, что задачей

[a] Здесь и далее в тексте отточие документа.

«эпизоотических отрядов» являлась подготовка и ведение бактериологической войны и диверсий (Т. 16. Л. д. 127, 253–257).

В отрядах и их филиалах систематически производились изыскания в области бактериологии с целью установления наиболее эффективных видов бактерий, пригодных в качестве бактериологического оружия, а также изыскания способов их массового производства и техники их использования для истребления больших масс людей и нанесения экономического ущерба путем заражения скота и посевов.

В отряде № 731 имелось восемь отделов, из них только один (третий отдел) занимался вопросами водоснабжения и профилактики. Но и в 3-м отделе производственные мастерские, имевшиеся в составе этого отдела, вырабатывали корпуса для специальных бактериологических снарядов, названных «авиабомбами системы ИСИИ». Эти снаряды предназначались для сбрасывания с самолетов блох, зараженных чумой (Т. 6. Л. д. 35–36).

Остальные отделы отряда № 731 целиком занимались вопросами подготовки и ведения бактериологической войны. Материалами предварительного следствия установлено, что отдел № 1 специально занимался исследованием и выращиванием для бактериологической войны возбудителей чумы, холеры, газовой гангрены, сибирской язвы, брюшного тифа, паратифа и других в целях их использования в бактериологической войне.

В процессе этих исследований производились опыты не только над животными, но и над живыми людьми, для чего была организована внутренняя тюрьма, рассчитанная на 300–400 человек.

Второй отдел — так называемый экспериментальный — производил проверку бактериологического оружия в условиях полигона, а также в боевой обстановке. Второму отделу подчинялась специальная авиационная часть с самолетами, оборудованными аппаратурой, и полигон на ст. Аньда. Этому же отделу подчинялось отделение по культивированию и размножению паразитов для распространения эпидемии чумы.

Второй отдел разрабатывал специальные виды вооружения для распространения бактерий: распылители в виде автоматических ручек, тросточек, фарфоровых авиабомб и т. п. Из обнаруженного в японских архивах табеля вооружения диверсионных групп видно, что распылители-авторучки были приняты японцами на вооружение (Т. 22. Л. д. 29).

Один из отделов именовался «учебно-просветительным» и готовил для боевых подразделений японской армии и диверсионных групп специальные кадры, умеющие пользоваться оружием бактериологической войны.

В целях массового изготовления бактерий в количестве, достаточном для обеспечения бактериологической войны, отряд № 731 имел производственный (четвертый) отдел, представлявший из себя, по выражению его начальника обвиняемого КАВАСИМА, «фабрику» по массовому изготовлению различных бактерий. Этот отдел имел мощную аппаратуру, разделенную на две секции, каждая из которых могла самостоятельно производить бактерии. Первая секция имела следующее основное оборудование: 4 котла для приготовления питательной среды для бактерий, емкостью в одну тонну каждый; 14 автоклавов для стерилизации питательной среды, длиной 3 метра и диаметром 1,5 метра каждый. В таком автоклаве помещалось до 30 культиваторов особой системы, изобретенной начальником отряда № 731 ИСИИ.

В первой секции имелись две комнаты для охлаждения питательной среды. В каждой из них могло быть одновременно помещено до 100 культиваторов. В этой же секции имелось 5 термостатов общей емкостью в 620 культиваторов системы ИСИИ.

Вторая секция имела два котла емкостью 2 тонны каждый, 8 автоклавов, вместимостью каждый по 60 культиваторов, и другое оборудование.

В отделе также имелся особый холодильник для хранения готовой «продукции».

Исходя их имеющихся данных о мощности ведущих звеньев оборудования для выращивания бактерий в отряде № 731, экспертиза определила, что за один производственный цикл, длящийся всего несколько дней, это оборудование могло обеспечить выход в одном только отряде № 731 не менее 30.000.000 миллиардов[b] микробов. Экспертиза подчеркивает, что это количество микробов, учитывая срок изготовления, следует считать исключительно большим. Такое интенсивное производство привело работников отряда №№ 731 и 100 к измерению производимой ими бактериальной массы килограммами. Этим и объясняется, что в показаниях обвиняемых фигурирует измерение количества бактерий килограммами. Причем речь идет о весе густой сметанообразной бактериальной массы, непосредственно снятой с поверхности питательной среды.

Так, определяя производственную мощность отряда № 731, обвиняемый КАВАСИМА показал: «Производственный отдел, исходя из наличия производственной аппаратуры и степени ее мощности,... мог ежемесячно изготавливать до 300 кг бактерий чумы» (Т. 5. Л. д. 371).

Другой обвиняемый — КАРАСАВА — дал аналогичные показания: «...производственную мощность отдела по изготовлению бактерий в течение одного месяца можно было довести... при условии переключения всей аппаратуры... до 300 кг бактерий чумы...» (Т. 5. Л. д. 371).

Как установлено следствием и подтверждено экспертизой, все эти огромные массы болезнетворных микробов, в числе которых были возбудители чумы, холеры, брюшного тифа и других, предназначались для производства бактериологического оружия с целью массового истребления людей.

В отряде № 731 и его филиалах производилось также массовое выращивание блох для последующего заражения их бактериями.

Для разведения и заражения блох применялись крысы, мыши и другие грызуны, которые заготовлялись не только личным составом бактериологических формирований, но и специальными командами, выделяемыми линейными частями Квантунской армии.

Что касается масштабов выращивания блох, то они определялись наличием в отряде № 731 — 4500 питомников (инкубаторов), предназначенных для разведения блох путем вскармливания их на грызунах.

Производственная мощность этих инкубаторов позволяла на протяжении коротких сроков получать, как об этом показывают обвиняемые, килограммы блох, зараженных чумой, что соответствует, по исчислению экспертов, многим десяткам миллионов экземпляров этих паразитов, которые были предназначены исключительно в качестве бактериологического оружия.

О масштабах работ по разведению блох свидетельствует хотя бы тот факт, что только в одном филиале № 543 в Хайларе летом 1945 года, по показаниям свидетеля МОРИТА, одновременно содержалось около 13 000 крыс (Т. 3. Л. д. 207).

Как установлено предварительным следствием, такая же подготовка к бактериологической войне велась японскими бактериологическими отрядами, имевшими условные наименования «Нами» и «Эй» в Центральном и Южном Китае, которыми командовал в 1941–1943 гг. обвиняемый генерал-майор медицинской службы САТО.

По личному признанию обвиняемого САТО, отряд «Эй» располагал большой производственной мощностью по выращиванию бактерий для ведения бактериологической войны.

---

[b] Так в тексте.

По заключению судебно-медицинской экспертизы, производственная мощность отрядов №№ 731 и 100 и характер их деятельности были рассчитаны на ведение активной бактериологической войны (Т. 22. Л. д. 153–164).

Как показал обвиняемый ЯМАДА, в японской армии были утверждены и приняты на вооружение три основных метода применения бактериологического оружия, т. е. распыление бактерий с самолета, сбрасывание бактериологических бомб и, наконец, метод диверсий (Т. 1. Л. д. 226).

По планам японских империалистов, специально оборудованные самолеты, особо обученные воинские команды, банды диверсантов должны были распространять на фронте и в тылу противника в больших количествах смертоносные бактерии чумы, холеры, тифа, сапа, сибирской язвы и других острых инфекционных болезней, заражая всевозможными способами населенные пункты, водоемы, колодцы, посевы и скот.

Рассчитывая использовать свойства быстрого размножения смертоносных бактерий, злодейские планы японских империалистов предусматривали распространение среди войск и мирного населения эпидемии холеры, чумы и др., которые по их замыслам должны были повлечь за собой страшный мор, мучительную смерть миллионов людей. Они готовы были применить это бесчеловечное оружие, представляющее собой громадную угрозу не только для населения воюющих стран, но и для нейтральных государств.

Преступные опыты над живыми людьми

Основным методом проверки действия бактериологического оружия являлись преступные бесчеловечные опыты над живыми людьми, проводившиеся систематически и в массовых масштабах.

Преступные опыты производились над китайскими патриотами, участниками движения сопротивления против японских оккупантов и над советскими гражданами, которых органы японской жандармерии обрекли на мучительное уничтожение.

Как установлено следствием, зверское умерщвление людей путем производства над ними преступных опытов производилось работниками японских бактериологических отрядов с ведома и согласия командующего Квантунской армией.

Обвиняемый ЯМАДА признал, что он допускал производство опытов над живыми людьми.

ЯМАДА показал: «...Я... допускал их проведение и тем самым фактически санкционировал насильственное умерщвление китайцев, русских, маньчжур, направленных для производства опытов подчиненными мне органами Квантунской жандармерии и японских военных миссий...» (Т. 2. Л. д. 6).

О производстве опытов по заражению людей тифом показал допрошенный в качестве свидетеля — ФУРУИЧИ. Он показал: «...Примерно в начале 1943 года я впервые принял участие в опытах по заражению тифом людей, содержащихся в тюрьме 731-го отряда. По указанию начальника 1-го отдела ТАБЭИ, я приготовил один литр подслащенной воды, которую заразил бактериями тифа. Этот литр впоследствии был мною разведен водой, которая была роздана примерно 30 заключенным китайцам, насколько я помню, военнопленным, причем только некоторым из них до этого была сделана противотифозная прививка...» (Т. 6. Л. д. 108).

Допрошенный по поводу деятельности первого отдела отряда № 731 обвиняемый КАВАСИМА Киоси показал: «...в 731-м отряде широко применялись эксперименты по действию всех смертоносных бактерий на живых людях. Материалом для этого являлись заключенные китайские патриоты и русские, которых органы японской контрразведки обрекали на истребление...» (Т. 5. Л. д. 60). «...Для размещения и содержания заключенных 731-й отряд имел специальную тюрьму, где в условиях строго режима

и изоляции содержались подопытные, которые сотрудниками отряда в целях конспирации обычно назывались “бревнами”...» (Т. 5. Л. д. 145).

Бесчеловечные опыты над живыми людьми проводились также и [в] полевых условиях, близких к боевой обстановке, на специально оборудованных полигонах. Заключенных привязывали в поле к железным столбам, после чего на них испытывали действие различных бактериологических снарядов.

Обвиняемый КАРАСАВА показал: «...мне лично пришлось дважды присутствовать на полигоне Аньда при производстве испытаний действия бактерий на живых людях в полевых условиях. Первый раз я был на полигоне в конце 1943 года, в этом случае на полигон было доставлено человек 10, которых привязали к заранее вкопанным в землю столбам в пяти метрах один от другого, и в метрах пятидесяти от них была взорвана с помощью электрического тока осколочная бомба. В результате, часть подопытных людей была ранена осколками бомбы и одновременно, как потом мне стало известно, заражена сибирской язвой, так как бомба [была] начинена этими бактериями... Второй раз я присутствовал на полигоне весной 1944 года; было доставлено человек 10, которые, как и в первом случае, были привязаны к столбам, затем был взорван баллон, наполненный бактериями чумы, примерно в 10 метрах от подопытных людей...» (Т. 4. Л. д. 42).

Другой участник аналогичных преступных опытов на полигоне в районе ст. Аньда, обвиняемый НИСИ Тосихидэ показал: «...В январе 1945 года в моем присутствии на полигоне отряда № 731 [на] ст. Аньда начальником второго отдела отряда подполковником ИКАРИ вместе с научным сотрудником того же отдела ФУТАКИ был произведен опыт над 10 военнопленными китайцами по заражению газовой гангреной. Все 10 человек пленных китайцев на расстоянии 10–20 метров один от другого были привязаны к столбам, затем электротоком была взорвана бомба, в результате все 10 человек получили ранения шрапнелью, зараженной газовой гангреной, и через неделю все они умерли в тяжелых мучениях...» (Т. 10. Л. д. 69).

Трупы замученных сжигались в специальном крематории, оборудованном в отряде № 731 в непосредственной близости тюрьмы.

Допрошенные по делу свидетели и обвиняемые показали о бесчеловечных пытках, насилиях и издевательствах, которым подвергались все, кто попадал в качестве «подопытного материала» в застенки внутренней тюрьмы отряда № 731.

Свидетель КУРАКАДЗУ показал: «...На каждом из этажей было по несколько комнат для лабораторий, а в середине размещались камеры, где содержались подопытные люди, или, как мне говорил фельдфебель ТАСАКА, эти люди назывались в отряде “бревнами”... Среди содержащихся в тюрьме людей, кроме китайцев, я хорошо помню, что были и русские люди. В одной из камер я видел женщин китаянок... Все люди, содержащиеся в камерах, на ногах имели кандалы... У трех китайцев пальцы на руках отсутствовали, а у остальных видны были кости пальцев. ИОСИМУРА мне пояснил, что это результат проводимых опытов по обмораживанию...» (Т. 6. Л. д. 135).

Допрошенный в качестве свидетеля бывший заместитель начальника японского лагеря «Хогоин» — ЯМАГАСИ показал: «...Фамилии всех лиц, отправленных на уничтожение в 731-й отряд, я не помню. До сего времени сохранились в памяти следующие лица: ...солдат Советской Армии ДЕМЧЕНКО, который в категорической форме отказался давать какие-либо сведения о Советском Союзе. С моего разрешения к нему применялись меры физического воздействия. Его следователи подвергали пытке, подвешивая за руки, за ноги к балке. ДЕМЧЕНКО все же показаний не давал. Тогда я решил его физически уничтожить и с этой целью отправил его в 731-й отряд» (Т. 9. Л. д. 292).

Об отправке из лагеря «Хогоин» советских людей для уничтожения показал также и свидетель ИИДЗИМА: «...Всего мною за несколько раз из лагеря “Хогоин” на верную

смерть было отправлено около 40 советских граждан, которые под опытами умирали...» (Т. 9. Л. д. 282).

Над заключенными, попавшими в отряд № 731, бесчеловечные опыты продолжались до тех пор, пока не наступала смерть.

«Если заключенный, несмотря на заражение его смертоносными бактериями, выздоравливал, — показал обвиняемый КАВАСИМА, — то это не спасало его от повторных опытов, которые продолжались до тех пор, пока не наступала смерть от заражения. Лиц, подвергавшихся заражению, лечили, исследуя различные методы лечения, нормально питали и после того, как они окончательно поправлялись, их использовали для следующего эксперимента [по] заражению другим видом бактерий. Во всяком случае, живыми из этой фабрики смерти никто никогда не выходил...» (Т. 5. Л. д. 61).

Органы японской жандармерии и японских военных миссий в Маньчжурии, в соответствии с имевшими у них указаниями и по договоренности с начальниками отрядов, направляли в отряды заключенных из числа китайцев, маньчжур и советских граждан, которые и служили в качестве «специального материала» для так называемых «исследований». Для конспирации в официальных жандармских документах был выработан специальный термин — «особые отправки».

Бывший японский советник жандармерии армии Маньчжоу-го свидетель ТАЧИБАНА Такео, показал: «...Была категория таких подследственных, которая по линии особого отдела вверенного мне жандармского управления, подлежала уничтожению. К ним относились... партизаны, лица, резко настроенные против японских властей в Маньчжурии, и др. На этих арестованных дела в суде не оформлялись, так как мы их направляли для уничтожения в 731-й бактериологический отряд...» (Т. 3. Л. д. 168).

Другой свидетель — КИМУРА, бывший адъютант начальника японской жандармерии в г. Харбине, на допросе подтвердил, что в его присутствии начальник отряда № 731 генерал ИСИИ в разговоре с начальником Харбинского управления жандармерии КАСУГА Каору выражал уверенность в том, что и впредь он будет получать для «экспериментов» арестованных таким же образом, как он получал их ранее» (Т. 9. Л. д. 301).

Официальные документы японских жандармских управлений, захваченные советскими войсками в японских архивах в Маньчжурии, подтверждают, что с 1939 года и позже существовали так называемые «особые отправки» заключенных. В частности, был обнаружен приказ № 224 начальника жандармерии Квантунской армии генерал-майора СИРОКУРА об «особой отправке» в 1939 году тридцати заключенных отряду ИСИИ (Т. 2. Л. д. 95–96).

О массовом характере истребления заключенных свидетельствуют показания обвиняемого КАВАСИМА Киоси: «В 731-й отряд ежегодно доставлялось от 500 до 600 заключенных. Я видел, как сотрудники 1-го отдела отряда принимали их от жандармерии целыми партиями» (Т. 5. Л. д. 60).

«На основании известных мне сведений, которыми я располагаю по роду своей службы в отряде, я могу сказать, что в 731-м отряде ежегодно умирало от производства опытов примерно не менее 600 человек» (Т. 5. Л. д. 145).

«...За пять лет пребывания отряда на станции Пинфан, т. е. с 1940 по 1945 год, через эту фабрику смерти было пропущено не менее трех тысяч человек, уничтоженных путем заражения смертоносными бактериями. Какое количество погибло до 1940 года, мне неизвестно» (Т. 5. Л. д. 61–62).

Аналогичные преступления совершались и в отряде № 100, где производством опытов над живыми людьми специально занималось 6-е отделение 2-го отдела. Характеризуя деятельность отряда № 100, лаборант этого отряда, свидетель ХАТАКИ Акиро заявил: «Отряд № 100 Квантунской армии назывался противоэпизоотическим, фактически же он являлся бактериологическим отрядом, т. к. там размножались и культи-

вировались бактерии сапа, сибирской язвы, чумы рогатого скота, т. е. возбудителей эпизоотических болезней. В отряде № 100 исследование действия бактерий производилось путем опытов над домашними животными и живыми людьми, для чего в отряде имелись лошади, коровы и другие животные, а также в изоляторе содержались и живые люди, о чем мне известно из того, что я видел сам лично» (Т. 19. Л. д. 191).

Другой свидетель, ФУКУЗУМИ Мицуёси, служивший в отряде № 100 ветеринарным врачом, показал: «Отряд № 100, как экспериментальный, был укомплектован научными работниками — бактериологами, химиками, ветеринарными врачами и агрономами. Вся работа, проводимая в данном отряде, была направлена на подготовку диверсионно-бактериологической войны против Советского Союза. Сотрудниками данного отряда и его филиалов велась научно-исследовательская работа по изысканию способов массового применения бактерий и остро действующих ядов для массового уничтожения животных и людей».

«...Чтобы устанавливать эффективность действия этих ядов, производились эксперименты над живыми людьми...» (Т. 19. Л. д. 56).

Обвиняемый МИТОМО, служивший в отряде № 100, признал, что лично им был умерщвлен ряд заключенных после производства над ними бесчеловечных опытов (Т. 18. Л. д. 211).

МИТОМО показал: «Был такой случай, над одним русским в течение двух недель в августе месяце 1944 года проводились различные опыты. Организм его истощал, и МАЦУИ дал указание убить этого русского путем введения в организм цианистого калия. Под видом лечения ему был сделан укол цианистого калия, и русский сразу же после укола умер. Укол сделал я в карцере... Двое русских при мне были расстреляны жандармом в начале сентября 1944 года на скотомогильнике и там зарыты в землю. Они были расстреляны по указанию поручика НАКАСИМА. Расстреляли их потому, что над ними нельзя было больше проводить опыты ввиду их истощенности и непригодности для дальнейших опытов...» (Т. 18. Л. д. 107–110).

Помимо преступных опытов по заражению заключенных чумой и другими острыми инфекционными заболеваниями, в отряде № 731 широко производились бесчеловечные эксперименты по обмораживанию конечностей живых людей. Заключенных заставляли держать руки и ноги в специальных ящиках со льдом до тех пор, пока не наступало обморожение конечностей.

Свидетель ФУРУИЧИ показал: «Группа русских, маньчжур, китайцев, монгол с закованными в кандалы ногами, каждый раз в количестве от 2 до 16 человек, выводилась на мороз, где их под угрозой оружия заставляли погружать оголенные руки (иногда по одной, иногда обе сразу) в бочки с водой, затем оголенные смоченные руки заставляли держать на морозе от 10 минут до 2 часов, в зависимости от температуры воздуха, и, когда наступало обмораживание, отводили их (людей) в лабораторию при тюрьме» (Т. 6. Л. д. 119).

В большинстве случаев эти преступные опыты кончались гангреной, ампутацией конечностей и смертью подопытных людей. Целью этих опытов было изыскание способов борьбы с обмораживанием конечностей во время запланированных боевых действий против Советского Союза.

Применение бактериологического оружия для войны против Китая

Готовясь к бактериологической войне в крупных масштабах, японские империалисты уже в 1940 году частично применили бактериологическое оружие в ходе развязанной ими агрессивной войны против Китая.

Летом 1940 года специальная бактериологическая экспедиция, возглавляемая начальником 731-го отряда генералом ИСИИ, была направлена в район боевых действий в Центральный Китай. В районе Нимбо самолеты отряда № 731 произвели заражение

территории противника чумой с помощью чумных блох, в результате чего там вспыхнула эпидемия чумы (Т. 10. Л. д. 58).

Допрошенный по поводу организации указанной экспедиции обвиняемый КАРАСАВА Томио показал: «Во второй половине 1940 года от моего непосредственного начальника майора СУДЗУКИ я получил приказание изготовить 70 кг бактерий брюшного тифа и 50 кг бактерий холеры. При этом майор СУДЗУКИ мне пояснил, что распоряжение об изготовлении бактерий он получил от начальника отряда генерала ИСИИ, который готовился [к] осуществлению специальной экспедиции отряда по применению бактерий против китайской армии... Мною это распоряжение было выполнено. Одновременно, со слов сотрудников 2-го отдела, мне было известно, что для экспедиции генерала ИСИИ 2-м отделом было выращено 5 кг блох, зараженных чумой, как распространителей этой инфекции. В сентябре месяце 1940 года генерал ИСИИ с группой других офицеров отряда выехали в г. Ханчжоу и возвратились обратно в декабре 1940 года. Офицеры, выезжавшие с генералом ИСИИ, по возвращении в отряд рассказывали, что применение блох, зараженных чумой, дало положительные результаты. В результате распространения блох вспыхнула эпидемия чумы. Один из участников этой экспедиции майор НОДЗАКИ в качестве доказательства показал мне китайскую газету, где была помещена статья, в которой указывалось, что в районе г. Нимбо вспыхнула эпидемия чумы. Далее автор статьи делал правильный вывод о том, что виновниками этой вспышки чумы являются японцы, так как очевидцы видели японский самолет, пролетавший в этом районе и что-то сбрасывавший на небольшой высоте. Указанную статью я читал лично сам» (Т. 4. Л. д. 43).

Обвиняемый НИСИ Тосихидэ, лично видевший в отряде № 731 секретный документальный кинофильм, отображавший боевые действия японского бактериологического отряда против китайских войск, показал: «...На экране были показаны следующие кадры: к самолетам прикрепляют специальные сосуды, причем в пояснении говорилось, что в этих сосудах помещены блохи, зараженные чумой... Самолет снят в воздухе над расположением противника. На земле видно какое-то движение китайских войск и населенный пункт...»

Далее НИСИ показал, как на экране демонстрировался момент самой бактериологической атаки и ее окончание: «...самолет возвращается на аэродром. Следует надпись: “Операция закончена”. Из самолета выходит ИСИИ и ИКАРИ. Следует надпись: “Результаты”... На экране показана китайская газета и японский перевод. В китайской газете написано, что в районе Нимбо внезапно вспыхнула сильная эпидемия чумы» (Т. 10. Л. д. 58).

Помимо приведенных выше показаний обвиняемых КАРАСАВА и НИСИ, факт переброски специальной экспедиции в район боевых действий в Центральном Китае подтверждается обнаруженными в архивах японской Квантунской армии документами. В частности, был обнаружен приказ б. командующего японской Квантунской армией генерала УМЕДЗУ от 25 июля 1940 года № 659-ХЭИ, которым начальнику полевой железной дороги Квантунской армии предписывалось произвести переброску в Центральный Китай группы сотрудников отряда № 731 и специального особо секретного груза. Был также найден изданный во исполнение этого приказа приказ начальника полевой железной дороги Квантунской армии генерал-лейтенанта КУСАБА от 26 июля 1940 года за № 178, в котором также была подчеркнута особая секретность груза, ввиду чего предлагалось не вписывать в график его наименования, и был указан маршрут станции Пинфан — Харбин — Мукден — Шанхай — Гуань и Тяньцзинь (Т. 21. Л. д. 59–60, 63–65).

В 1941 году состоялась экспедиция отряда № 731 в Центральный Китай в район гор. Чандэ. Во время этой экспедиции японские самолеты произвели заражение местности чумными блохами.

В 1942 году, в момент отступления японских войск на одном из участков боевых действий в Центральном Китае, отрядом № 731 была организована еще одна экспедиция.

О подготовке этой экспедиции обвиняемый КАРАСАВА показал: «Экспедиция под руководством генерала ИСИИ против китайских войск состоялась в середине 1942 года... Перед этой экспедицией для ее осуществления под моим руководством, по распоряжению того же майора СУДЗУКИ, было изготовлено 130 кг бактерий паратифа и сибирской язвы. Насколько мне известно, в этой экспедиции использовались и блохи, как распространители эпидемии... Для проведения экспедиции генерал ИСИИ с группой выезжал в Центральный Китай, где в это время японские войска отступали. Используя отступление войск, участники экспедиции распространяли бактерии на оставляемой территории для поражения эпидемиями наступающих китайских войск» (Т. 4. Л. д. 44).

Это показание обвиняемого КАРАСАВА полностью подтвердил другой обвиняемый — КАВАСИМА Киоси: «В июле 1942 года, после предварительной подготовки, экспедиция несколькими партиями направилась в Центральный Китай... Способ применения бактериологического оружия в этом случае являлся наземным, и заражение территории производилось по принципу диверсионных действий... Наступающие китайские войска вступали в зараженную зону и подвергались действию бактериологического оружия» (Т. 5. Л. д. 74).

В этой операции, как устанавливается показаниями свидетеля МИСИНА Такаюки, бывшего начальника информационно-разведывательного отдела штаба 13-й японской армии, участвовали также сотрудники бактериологического отряда «Эй» (Т. 15. Л. д. 32–37).

Активизация подготовки бактериологической войны против СССР

В 1941 году после вероломного нападения гитлеровской Германии на СССР японские империалисты, выжидая удобный момент для вступления в войну против Советского Союза, деятельно форсировали развертывание и подготовку в Маньчжурии бактериологических отрядов и их филиалов, созданных для ведения бактериологической войны.

В соответствии с планом «КАН-ТОКУ-ЭН» (т. е. планом развертывания японской Квантунской армии для нападения на СССР, принятым летом 1941 года), отрядами № 731 и 100 была организована специальная подготовка кадров офицеров и унтерофицеров по освоению и применению бактериологического оружия.

Бывший начальник ветеринарной службы Квантунской армии генерал-лейтенант ТАКАХАСИ показал: «После выхода в свет оперативного плана “КАН-ТОКУ-ЭН” при штабе каждой армии, находившейся в Маньчжурии, были созданы “эпизоотические” отряды. Начальниками этих отрядов были врачи специалисты-бактериологи, направленные из отряда № 100... Инициатором создания таких отрядов являлось первое оперативное управление Генерального штаба японской армии... Задачами эпизоотических отрядов являлись подготовка и ведение бактериологической войны и диверсий против Советского Союза» (Т. 16. Л. д. 53).

Обвиняемый КАВАСИМА, касаясь вопроса об усилении Японией подготовки к бактериологической войне в 1941 году, показал: «Летом в 1941 году после начала войны Германии с Советским Союзом в одно из моих посещении генерала ИСИИ в присутствии начальников отделов, подполковника МУРАКАМИ и полковника ООТАНИ Акира, генерал ИСИИ, говоря о необходимости усиления работы отряда, зачитал нам приказ начальника Генерального штаба Японии, который требовал форсировать работы по исследованию бактерий чумы как средства бактериологической войны. В приказе

особо отмечалась необходимость массового выращивания блох — переносчиков чумных болезней» (Т. 5. Л. д. 28–29).

Характеризуя состояние готовности Японии к бактериологической войне к моменту нападения гитлеровской Германии на СССР, бывший начальник учебно-просветительного отдела отряда № 731, обвиняемый НИСИ показал: «К моменту нападения Германии в 1941 году на Советский Союз и сосредоточения Квантунской армии в Маньчжурии на границе Советского Союза, в отряде № 731 научно-исследовательские работы по созданию эффективных средств бактериологического нападения были в основном завершены, и дальнейшая деятельность отряда шла по линии усовершенствования процесса массового производства бактерий и способов их распространения. Было установлено, что наиболее эффективным средством нападения являются бактерии чумы» (Т. 10. Л. д. 188).

В 1942 году отрядами №№ 731 и 100 была произведена специальная разведка пограничных районов Советского Союза для подготовки к ведению бактериологической войны. Еще ранее отрядом № 100 по указанию штаба японской Квантунской армии, систематически направлялись на границы Советского Союза бактериологические группы, производившие на протяжении ряда лет в диверсионных целях заражение пограничных водоемов, в частности, в районе Трехречья.

Факты эти устанавливаются показаниями обвиняемых ХИРАЗАКУРА, МИТОМО, а также свидетелей ЕСИКАВА и др. (Т. 17. Л. д. 67–68, 77; Т. 18. Л. д. 114–117 и 211; Т. 19. Л. д. 105).

В сентябре 1944 года с целью испытания эффективности бактериологического оружия на полигоне отряда № 731 в районе ст. Аньда отрядом № 100 были проведены так называемые маневры с участием представителей штаба Квантунской армии.

Один из участников этих маневров свидетель ФУКУУМИ Мицуёси показал: «Изыскания способов массового применения бактерий производились путем проведения экспериментов на специальных полигонах с применением специальных аппаратов и самолетов. Такие эксперименты в большом размере[c] назывались “маневрами”... Такие “маневры” были проведены в сентябре 1944 года на ст. Аньда... Эксперименты были произведены над стадом в 300 голов рогатого скота и овец. Данный эксперимент показал хороший результат, так как все животные были поражены и пали. На эти маневры на самолете прилетали представители из штаба Квантунской армии» (Т. 19. Л. д. 57).

Второй период особо активной деятельности отрядов №№ 731 и 100 и их филиалов по подготовке бактериологической войны против Советского Союза относится к 1945 году. Обвиняемый НИСИ по этому поводу показал: «В мае 1945 года, во время моего личного доклада генералу ИСИИ, он мне особенно подчеркнул необходимость усилить работу по производству бактериологического материала, и в первую очередь по чуме, так как, по его словам, события развиваются так, что в любой день может возникнуть необходимость бактериологического нападения на противника» (Т. 10. Л. д. 194).

В связи с этими указаниями все филиалы отряда № 731 усилили свою деятельность по массовой ловле и разведению грызунов (мышей и крыс), необходимых для размножения блох, с последующим заражением их чумой. Для этой цели, как в филиалах, так и в воинских частях, создавались специальные команды (Т. 13. Л. д. 116; Т. 7. Л. д. 357).

В тот же период времени усилилась деятельность по экспериментальным работам, была произведена замена оборудования в целях увеличения производственной мощности и создания запасов бактериологических материалов. Бывший главнокомандующий японской Квантунской армией генерал ЯМАДА, допрошенный по поводу производственного потенциала подчиненных ему бактериологических отрядов, признал,

[c] Так в тексте.

что эта мощность являлась настолько значительной, что один только 731-й отряд в необходимых случаях мог бы обеспечить своим оружием японскую армию для ведения бактериологической войны (Т. 2. Л. д. 109 об).

Советский Союз и его вооруженные силы сорвали преступные замыслы правящей клики империалистической Японии по развязыванию бактериологической войны. Вступив на территорию Маньчжурии, советские войска нанесли стремительный парализующий противника удар, в кратчайшие сроки разгромили главную военную силу Японии — Квантунскую армию и принудили империалистическую Японию к безоговорочной капитуляции.

«Вступление в войну против Японии Советского Союза и стремительное продвижение Советской Армии вглубь Маньчжурии, — показал обвиняемый ЯМАДА, — лишило нас возможности применить бактериологическое оружие против СССР и других стран» (Т. 1. Л. д. 228).

Накануне капитуляции, в целях сокрытия следов совершенных злодеяний, японское командование уничтожило здания, оборудование и документы бактериологических отрядов и их филиалов.

Таким образом, предварительным следствием установлено, что направляемая Генеральным штабом Япония и командующим Квантунской армией практическая деятельность бактериологических отрядов №№ 731 и 100 заключалась в подготовке и ведении бактериологической войны и входила составной частью в общий план преступного заговора правящей клики империалистической Японии.

Установлено также, что для достижения своих преступных планов японские милитаристы не останавливались ни перед какими злодеяниями, вплоть до бесчеловечных опытов над живыми людьми и истребления нескольких тысяч заключенных путем насильственного заражения их смертоносными бактериями.

Персональная ответственность обвиняемых

Преступная деятельность каждого из обвиняемых, привлеченных по настоящему делу, конкретно выражалась в следующем:

1. ЯМАДА Отозоо, с 1944 года по день капитуляции японской армии, являясь главнокомандующим японской Квантунской армией, руководил деятельностью специальных отрядов №№ 731 и 100 по подготовке бактериологической войны. На протяжении этого времени ЯМАДА лично и через ответственных штабных офицеров инспектировал эти отряды, неоднократно выслушивал доклады руководителей отрядов и принимал меры к тому, чтобы эти отряды были в состоянии постоянной боевой готовности.

Из личных наблюдений и докладов командования бактериологических отрядов обвиняемый ЯМАДА был в курсе преступных опытов над живыми людьми и поощрял эти злодеяния.

Таким образом, ЯМАДА ответственен за зверские убийства тысяч людей, которые были умерщвлены путем заражения их смертоносными бактериями.

Обвиняемый ЯМАДА, характеризуя свою роль в руководстве отрядом № 731, показал: «Отряд № 731 был подчинен непосредственно мне как главнокомандующему Квантунской армией. Тактическое руководство отрядом № 731, связанное со всеми вопросами производства бактериологического оружия и его применения, принадлежало мне. Это означало, что если бы возникла необходимость в применении бактериологического оружия против войск противника, то приказ об этом должен был исходить только от меня, поскольку отряд № 731 являлся особой войсковой частью моего подчинения» (Т. 1. Л. д. 36).

На тех же основаниях обвиняемому ЯМАДА был подчинен бактериологический отряд № 100 (Т. 1. Л. д. 64 и 97).

2. КАДЗИЦУКА Рюдзи, занимая с 1939 года должность начальника Санитарного управления Квантунской армии, непосредственно руководил работой отряда № 731, осуществлявшего деятельную подготовку к бактериологической войне. КАДЗИЦУКА являлся одним из инициаторов изыскания способов применения бактериологического оружия.

Уже в 1931 году КАДЗИЦУКА активно поддерживал одного из идеологов бактериологической войны ИСИИ Сиро в его требованиях усилить изыскания бактериологического оружия для военных целей.

В 1934–1936 гг., возглавляя отдел Санитарного управления Военного министерства Японии, обвиняемый КАДЗИЦУКА принимал активное участие в создании и комплектовании отряда № 731 соответствующими специалистами и, в частности, способствовал назначению на должность начальника отряда № 731 ИСИИ Сиро.

Допрошенный в качестве обвиняемого КАДЗИЦУКА признал свою полную осведомленность о всей деятельности отряда № 731 и его филиалов, начиная от преступных опытов над живыми людьми и кончая применением бактериологического оружия. «Я был хорошо осведомлен, – заявил обвиняемый КАДЗИЦУКА, – о том, что в целях изыскания наиболее эффективных видов бактериологического оружия в 731-м отряде непрерывно велись опыты над живыми людьми. Я знал, что 731-й отряд применял бактериологическое оружие в 1941–1942 гг. против Китайской армии и мирного населения... Отряды и войсковая медико-санитарная служба, возглавляемая мною, были готовы к бактериологической войне» (Т. 8. Л. д. 115).

КАДЗИЦУКА отрицает свое личное участие в непосредственной практической деятельности по подготовке бактериологической войны против СССР, однако в этом полностью изобличается показаниями обвиняемых ЯМАДА, ТАКАХАСИ и свидетелей КАВАНО Нобукацу и других (Т. 8. Л. д. 245–247; Т. 9. Л. д. 66, 128–130, 150).

3. ТАКАХАСИ Такаацу, занимая с 1941 года по день капитуляции Японии пост начальника Ветеринарной службы японской Квантунской армии и осуществляя непосредственное руководство деятельностью отряда № 100, принимал активное участие в подготовке бактериологической войны.

Касаясь своей роли в деятельности отряда № 100, обвиняемый ТАКАХАСИ показал: «...Я руководил подготовкой бактериологической войны и бактериологических диверсий против Советского Союза... Я приказывал изготовлять и контролировал производство бактерий сапа, сибирской язвы, вирусов чумы рогатого скота в отряде № 100 с целью применения их в бактериологической войне и бактериологических диверсиях против Советского Союза...» (Т. 16. Л. д. 126).

Руководя работой отряда № 100, обвиняемый ТАКАХАСИ постоянно пропагандировал идею бактериологического оружия как одного из наиболее эффективных средств войны (Т. 16. Л. д. 251–257).

4. КАВАСИМА Киоси, с 1941 по 1943 год являлся начальником производственного отдела отряда № 731 и организовывал массовое производство бактериологического оружия.

Обвиняемый КАВАСИМА принимал участие в проводимых отрядом массовых преступных исследованиях и «опытах» над живыми людьми.

По этому поводу обвиняемый КАВАСИМА показал: «...Я сознаю, что применявшиеся нами методы производства опытов над живыми людьми, массовое умерщвление их путем воздействия смертоносных бактерий являются варварскими и преступными против человечества» (Т. 5. Л. д. 146).

В 1942 году обвиняемый КАВАСИМА принял участие в обеспечении боевыми средствами специальной экспедиции, направленной в Центральный Китай для боевого применения там бактериологического оружия (Т. 5. Л. д. 207–212).

5. НИСИ Тосихидэ, занимал с января 1943 по 1945 гг. должность начальника филиала № 673 отряда № 731 в гор. Суньу, руководил всеми работами возглавляемого им филиала по обеспечению отряда № 731 необходимыми материалами для производства бактериологического оружия.

С июля 1944 года обвиняемый НИСИ, являясь по совместительству начальником так называемого учебно-просветительного отдела отряда № 731, руководил подготовкой кадров для специальных подразделений, предназначенных для ведения бактериологической войны.

Обвиняемый НИСИ лично участвовал в преступных бесчеловечных опытах над людьми. В 1945 году, при приближении советских войск, обвиняемый НИСИ для сокрытия следов своей преступной деятельности сжег все служебные помещения и документы возглавляемого им филиала № 673 (Т. 10. Л. д. 181–186).

6. КАРАСАВА Томио, занимая с 1943 по 1945 год должность начальника отделения производственного отдела отряда № 731, являлся одним из активных организаторов массового производства бактериологического оружия.

В 1940–1942 гг. обвиняемый КАРАСАВА принял деятельное участие в обеспечении бактериями специальных экспедиций 731-го отряда, направленных в Центральный Китай для боевого применения бактериологического оружия.

В 1943–1944 гг. обвиняемый КААРАСАВА принимал непосредственное участие в преступных опытах по применению смертоносных бактерий на заключенных (Т. 4. Л. д. 273–278).

7. ОНОУЭ Масао, занимая с октября 1943 года по 1945 год должность начальника филиала № 643 отряда № 731, непосредственно руководил всевозможными изысканиями наиболее эффективных боевых видов бактериологического оружия и способов его массового производства. «...Мне было известно, — показал обвиняемый ОНОУЭ, — что в 731-м отряде производились работы по изысканию и изготовлению в массовом количестве бактериологических средств, предназначенных для бактериологической войны против Советского Союза...».

«В руководимом мной 643-м филиале производилось культивирование грызунов и чумных блох, которые направлялись в 731-й отряд, где они использовались для изготовления бактериологического оружия...» (Т. 13. Л. д. 102).

Под руководством обвиняемого ОНОУЭ имевшийся в филиале учебный отдел систематически готовил специальные кадры для ведения бактериологической войны. В 1945 году в целях сокрытия совершенных преступлений, связанных с подготовкой бактериологической войны, обвиняемый ОНОУЭ уничтожил оборудование филиала и все его документы (Т. 13. Л. д. 187–190).

8. САТО Сюндэи, с 1941 по 1943 год являлся начальником отрядов «Нами» и «Эй», а с 1944 года в качестве начальника Санитарной службы 5-й армии, входящей в состав японской Квантунской армии, руководил деятельностью филиала № 643 отряда № 731.

Возглавляя отряды «Нами» и «Эй», обвиняемый САТО принимал активное участие в изыскании и производстве бактериологического оружия.

Впоследствии, занимая пост начальника Санитарной службы 5-й армии, обвиняемый САТО оказывал активную помощь и поддержку филиалу № 643 в увеличении производства бактериологического материала и отдал специальный приказ частям 5-й армии о заготовке грызунов для этого филиала.

Допрошенный в качестве обвиняемого САТО показал: «...Я, занимая пост начальника отряда “Эй”, возглавлял руководство отряда по изысканию и массовому производству бактериологического оружия. С этой целью нанкинский отряд “Эй” был снабжен мощным оборудованием, укомплектован специалистами бактериологами и в массо-

вом масштабе изготовлял смертоносные бактерии. Действуя под моим руководством, ...учебный отдел готовил кадры бактериологов, ежегодно до 300 человек, с целью использования их в бактериологической войне» (Т. 14. Л. д. 300–301).

Помимо своих показаний, САТО изобличается показаниями обвиняемого ОНОУЭ, свидетелей МИСИНА и других (Т. 15. Л. д. 32–37; Т. 13. Л. д. 91).

9. ХИРАЗАКУРА Дзенсаку, с июля 1942 года до капитуляции Японии, являясь сотрудником отряда № 100, принимал активное участие в изыскании и массовом производстве бактериологического оружия, предназначенного для нападения на Советский Союз. В 1942–1944 гг. обвиняемый ХИРАЗАКУРА во главе разведывательно-диверсионных групп сотрудников отряда № 100 неоднократно принимал участие в специальной разведке против Советского Союза в целях изыскания наиболее эффективных способов применения бактериологического оружия против СССР.

В тот же период он неоднократно в диверсионных целях производил отравление водоемов на границе Советского Союза, в частности в районе Трехречья (Т. 17. Л. д. 131–135).

10. МИТОМО Кадзуо, с апреля 1941 года по 1944 год являлся сотрудником отряда № 100 и принимал активное участие в изготовлении смертоносных бактерий для ведения бактериологической войны и осуществления диверсий против Советского Союза.

МИТОМО принимал личное участие в умерщвлении мучительным способом заключенных, на которых испытывалось действие отдельных видов бактериологического оружия.

В июле-августе 1942 года в составе разведывательно-диверсионной группы сотрудников отряда № 100 обвиняемый МИТОМО принимал участие в диверсионных операциях против Советского Союза в районе Трехречья (Т. 18. Л. д. 102–118, 209–211).

11. КИКУЧИ Норимицу, с апреля 1943 года по август 1945 года служил рядовым в филиале № 643 отряда № 731. С февраля 1944 г. по февраль 1945 г. КИКУЧИ являлся лаборантом 1-го отделения этого филиала и помогал производить изыскание бактериологического оружия, занимаясь культивированием бактерий брюшного тифа и дизентерии. В июне 1945 года КИКУЧИ прошел переобучение на бактериологических курсах при отряде № 731, где готовились кадры для ведения бактериологической войны.

12. КУРУСИМА Юдзи, после получения в октябре 1944 года специальной подготовки, служил в филиале № 162 отряда № 731 и в качестве санитара-лаборанта 1-го отделения филиала принимал участие в культивировании бактерий холеры, тифа и др. КУРУСИМА признал, что он был осведомлен о том, что отряд № 731 готовился к бактериологической войне и производил бактериологическое оружие.

Привлеченные в качестве обвиняемых: ЯМАДА Отозоо, ТАКАХАСИ Такаацу, КАРАСАВА Томио, КАВАСИМА Киоси, ОНОУЭ Масао, НИСИ Тосихидэ, ХИРАЗАКУРА Дзенсаку, САТО Сюндзи, МИТОМО Кадзоу, КИКУЧИ Норимицу и КУРУСИМА Юдзи в предъявленном им обвинении виновными себя признали полностью. Обвиняемый КАДЗИЦУКА Рюдзи виновным себя признал частично.

Помимо личных признаний, виновность всех обвиняемых по делу установлена многочисленными свидетельскими показаниями, документальными доказательствами и заключением судебно-медицинской экспертизы.

На основании изложенного:

1. ЯМАДА Отозоо, 1881 года рождения, уроженец города Токио, генерал, бывший главнокомандующий японской Квантунской армией;

2. КАДЗИЦУКА Рюдзи, 1888 года рождения, уроженец гор. Тадзири, врач-бактериолог, генерал-лейтенант медицинской службы, бывший начальник медицинского управления японской Квантунской армии;

3. ТАКАХАСИ Такаацу, 1888 года рождения, уроженец префектуры Акита, уезда Юри, города Хондзё, химик-биолог, генерал-лейтенант ветеринарной службы, бывший начальник ветеринарной службы японской Квантунской армии;

4. КАВАСИМА Киоси, 1893 года рождения, уроженец префектуры Чиба, уезда Саниму, деревни Хасунума, врач-бактериолог, генерал-майор медицинской службы, бывший начальник производственного отдела отряда № 731 японской Квантунской армии;

5. НИСИ Тосихидэ, 1904 года рождения, уроженец префектуры Кагосима, уезда Сацума, села Хиваки, врач-бактериолог, подполковник медицинской службы, бывший начальник учебно-просветительного отдела отряда № 731 японской Квантунской армии;

6. КАРАСАВА Томио, 1911 года рождения, уроженец префектуры Нагано, уезда Чисагата, деревни Тоёсато, врач-бактериолог, майор медицинской службы, бывший начальник отделения производственного отдела отряда № 731 японской Квантунской армии;

7. ОНОУЭ Масао, 1910 года рождения, уроженец префектуры Кагосима, уезда Идзуми, города Комэноцу, врач-бактериолог, майор медицинской службы, бывший начальник филиала № 643 отряда № 731 японской Квантунской армии;

8. САТО Сюндзи, 1896 года рождения, уроженец префектуры Айчи, гор. Тоёхаси, врач-бактериолог, генерал-майор медицинской службы, бывший начальник санитарной службы 5-й армии японской Квантунской армии;

9. ХИРАЗАКУРА Дзенсаку, 1916 года рождения, уроженец префектуры Исикава, города Каназава, ветеринарный врач, поручик ветеринарной службы, бывший сотрудник отряда № 100 японской Квантунской армии;

10. МИТОМО Кадзуо, 1924 года рождения, уроженец префектуры Сайтама, уезда Чичибу, деревни Харая, старший унтер-офицер, бывший сотрудник отряда № 100 японской Квантунской армии;

11. КИКУЧИ Норимицу, 1922 года рождения, уроженец префектуры Эхиме, образование 9 классов, ефрейтор, бывший санитар-практикант лаборатории филиала № 643 отряда № 731 японской Квантунской армии;

12. КУРУСИМА Юдзи, 1923 года рождения, уроженец префектуры Кагава, уезда Сёодзу, деревни Ноо, образование 8 классов, бывший санитар-лаборант филиала № 162 отряда № 731 японской Квантунской армии –

ОБВИНЯЮТСЯ:

ЯМАДА, КАДЗИЦУКА, ТАКАХАСИ и САТО в том, что они, занимая руководящие посты в японской армии, возглавляли деятельность специальных бактериологических формирований японской армии и направляли эту деятельность на производство бактериологического оружия для подготовки бактериологической войны против СССР и других государств.

Таким образом, эти обвиняемые активно участвовали в реализации преступных планов правящей клики империалистической Японии по развязыванию агрессивных войн и подготовке бактериологического оружия для массового истребления мирного населения.

Кроме того, обвиняемые ЯМАДА, КАДЗИЦУКА и ТАКАХАСИ сознательно допускали производство преступных и бесчеловечных опытов над живыми людьми, в результате которых было умерщвлено мучительным способом не менее 3000 человек, а обвиняемый САТО, руководя отрядами «Нами» и «Эй», лично возглавлял производство в них бактериологического оружия.

Преступные действия ЯМАДА, КАДЗИЦУКА, ТАКАХАСИ и САТО предусмотрены ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года.

КАВАСИМА, КАРАСАВА, НИСИ, ОНОУЭ и ХИРАЗАКУРА — в том, что, являясь ответственными сотрудниками специальных бактериологических формирований японской армии, деятельность которых была направлена на подготовку и ведение бактериологической войны, принимали активное участие в изысканиях и производстве бактериологического оружия для массового истребления людей.

Обвиняемые КАВАСИМА и КАРАСАВА принимали активное участие в ведении бактериологической войны против Китая, а ХИРАЗАКУРА — в бактериологических диверсиях против СССР. Кроме того, КАВАСИМА, КАРАСАВА и НИСИ лично участвовали в преступных, бесчеловечных опытах над живыми людьми.

Их действия предусмотрены ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года.

МИТОМО, КИКУЧИ и КУРУСИМА — в том, что, являясь сотрудниками специальных бактериологических формирований японской армии, созданных для подготовки и ведения бактериологической войны, принимали участие в преступной деятельности этих формирований по производству бактериологического оружия для массового истребления людей.

МИТОМО также и в том, что принимал личное участие в злодейском умерщвлении людей путем производства над ними бесчеловечных опытов и в бактериологических диверсиях против СССР.

Эти преступления предусмотрены ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года.

Все обвиняемые подлежат суду Военного Трибунала.

Военный прокурор
Приморского военного округа
полковник юстиции А. БЕРЕЗОВСКИЙ
«16» декабря 1949 г.

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 44. Л. 62–100. Подлинник.
Опубл. в сб.: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии... М., 1950. С. 5–36.

№ 64. Докладная записка обвинителя от СССР на Токийском процессе А. Н. Васильева министру иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому о предоставлении Международному трибуналу в Токио материалов о подготовке Японией бактериологической войны против СССР

27 декабря 1949 г.

МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СОЮЗА ССР
тов. ВЫШИНСКОМУ А. Я.

По просьбе С. А. Голунского, сообщаю Вам по поводу имевшихся у нас при проведении Токийского процесса материалов о подготовке японской военщиной бактериологической войны против СССР и о решении вопроса о предоставлении этих материалов Международному трибуналу.

Прошу учесть, что это сообщение дается Вам по памяти, вследствие чего я могу быть неточен в отношении дат, фамилий и деталей этих материалов.

Примерно в начале 1947 года мы, будучи в Токио, получили из Москвы несколько протоколов допросов японских военнопленных, находившихся в СССР, по вопросу о подготовке бактериологической войны в частях японской Квантунской армии, находившейся в Маньчжурии. Насколько мне помнится, в этих материалах речь шла также об опытах применения бактериологических средств войны на территории Китая.

С этими материалами был ознакомлен главный обвинитель Джозеф Кинан, который отнесся к ним и к возможности включения этих материалов в обвинение весьма сдержанно и скептически, а затем и явно отрицательно, заявив, что существуют два препятствия для предъявления этих материалов Трибуналу: 1) эти материалы своевременно не были включены в обвинительный акт и, таким образом, по формальным соображениям они на данной стадии процесса не могут быть представлены Трибуналу, и что если и попытаться сделать это в стадии дополнения судебного следствия, то Трибунал может отказать в принятии этих материалов, поэтому Кинан на себя эту миссию не возьмет и поддержку нам не окажет, если мы захотим выступить по этому вопросу перед Трибуналом непосредственно; 2) по существу нет достаточных оснований считать доказанным, что такая подготовка бактериологической войны имела место, ибо показаний военнопленных, по мнению Кинана, недостаточно.

Кинан обещал подумать и сообщить свое окончательное мнение позднее. Впоследствии он подтвердил свою точку зрения, что он считает невозможным представление этих материалов Трибуналу, так как якобы один из американских работников ездил в Китай и пытался раздобыть на месте какие-либо материалы по вопросу о подготовке японцами бактериологической войны, но ничего не смог получить, и, таким образом, подготовка японской военщиной бактериологической войны не нашла своего объективного подтверждения.

По тем материалам, которые мы получили из Москвы, для нас возникла необходимость произвести в Токио ряд допросов лиц, на которых имелись указания в полученных нами материалах. Фамилии этих лиц я сейчас не помню, но, насколько я припоминаю, одним из наиболее видных японских военнослужащих, замешанных в это дело, был генерал-лейтенант японской армии Исии. Американцы длительное время не давали своего согласия на допрос этих лиц, ссылаясь на то, что им необходимо получить на это специальное разрешение от Государственного Департамента из Вашингтона. Затем нам было заявлено, что приехал представитель из Государственного Департамента, в присутствии которого можно произвести допросы. Нами, в частности майором Базенко (он работает сейчас в Главной военной прокуратуре), были произведены эти допросы, в результате которых допрошенные лица не признали факта подготовки бактериологической войны, но в этих допросах заключались подтверждения по поводу существования в Квантунской армии так называемых эпидемиологических отрядов, т. е. как раз тех отрядов, в которых, согласно полученным нами материалам из Москвы, производилась работа по подготовке бактериологической войны против СССР. Эти допросы подтвердили также дислокацию этих отрядов и некоторые другие моменты.

При моем пребывании в Москве в сентябре 1947 г. на заседании Правительственной комиссии под председательством т. Горшенина было решено не представлять материалы о бактериологической войне Трибуналу, учитывая ряд соображений, в том числе отрицательное отношение к этому американцев, и то обстоятельство, что направление в Японию военнопленных, которые дали показания о подготовке бактериологической войны, было признано нецелесообразным (неуверенность в их поведении).

Таким образом, материалы о подготовке бактериологической войны представлены Трибуналу не были (эти материалы находятся в архиве, сданном в Прокуратуру СССР).

Вопрос о возможности представления этих материалов в Трибунал не обсуждался на совещании обвинителей и никакого решения от имени обвинителей всех стран по тому вопросу не принималось. Переговоры по этому вопросу велись с Кинаном и с другими представителями американского обвинения. В судебном заседании Трибунала этот вопрос не ставился и не обсуждался.

Быв. обвинитель от СССР
на Токийском процессе — Васильев
27.XII.49

АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23. П. 34. Д. 50. Л. 3–7.
Подлинник. Публикуется впервые.

№ 65. Приговор Военного трибунала Приморского военного округа по делу японских военных преступников[2]

30 декабря 1949 г.

ПРИГОВОР
ИМЕНЕМ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

25–30 декабря 1949 года Военный трибунал Приморского военного округа в составе: председательствующего — генерал-майора юстиции ЧЕРТКОВА Д. Д. и членов — полковника юстиции ИЛЬНИЦКОГО М. Л. и подполковника юстиции ВОРОБЬЕВА И. Г., при секретаре старшем лейтенанте КОРКИНЕ Н.А. с участием государственного обвинителя — государственного советника юстиции 3-го класса СМИРНОВА С. Е. и защиты — адвокатов: тт. БОРОВИКА Н. К, БЕЛОВА Н. П., САННИКОВА С. Е., ЗВЕРЕВА А. В., БОГАЧЕВА П. Я., ПРОКОПЕНКО Г. К., ЛУКЬЯНЦЕВА В. П. и БОЛХОВИТИНОВА Д. Е. в открытом судебном заседании в гор. Хабаровске рассмотрел дело японских военных преступников, по которому обвиняются:

1. ЯМАДА Отозоо, 1981 года рождения, уроженец г. Токио, японец, генерал, бывший главнокомандующий японской Квантунской армией;

2. КАДЗИЦУКА Рюдзи, 1888 года рождения, уроженец гор. Тадзири, японец, генерал-лейтенант медицинской службы, доктор медицинских наук, бывший начальник санитарного управления японской Квантунской армии;

3. КАВАСИМА Киоси, 1893 года рождения, уроженец префектуры Чиба, уезда Саниму, деревня Хасанума, японец, генерал-майор медицинской службы, доктор медицинских наук, бывший начальник производственного отдела отряда № 731 японской Квантунской армии;

4. НИСИ Тосихидэ, 1904 года рождения, уроженец префектуры Кагосима, уезда Сацума, села Хиваки, японец, подполковник медицинской службы, врач-бактериолог, бывший начальник учебно-просветительного отдела отряда № 731 японской Квантунской армии;

5. КАРАСАВА Томио, 1911 года рождения, уроженец префектуры Нагано, уезда Чисагата, деревни Тоёсато, японец, майор медицинской службы, врач-бактериолог, бывший начальник отделения производственного отдела отряда № 731 японской Квантунской армии;

6. ОНОУЭ Масао, 1910 года рождения, уроженец префектуры Кагосима, уезда Идзуми, г. Комэноцу, японец, майор медицинской службы, врач-бактериолог, бывший начальник филиала № 643 отряда № 731 японской Квантунской армии;

7. САТО Сюндзи, 1896 года рождения, уроженец префектуры Айчи, города Тоёхаси, японец, генерал-майор медицинской службы, врач-бактериолог, бывший начальник санитарной службы 5-й армии японской Квантунской армии;

8. ТАКАХАСИ Такаацу, 1888 года рождения, уроженец префектуры Акита, уезда Юрии, г. Хондзё, японец, генерал-лейтенант ветеринарной службы, химик-биолог, бывший начальник ветеринарной службы японской Квантунской армии;

9. ХИРАЗАКУРА Дзенсаку, 1916 года рождения, уроженец префектуры Исикава, г. Наназава, японец, поручик ветеринарной службы, ветеринарный врач, бывший научный работник отряда № 100 японской Квантунской армии;

10. МИТОМО Кадзуо, 1924 года рождения, уроженец префектуры Сайтама, уезда Чичибу, деревни Харая, японец, старший унтер-офицер, бывший сотрудник отряда № 100 японской Квантунской армии;

11. КИКУЧИ Норимицу, 1922 года рождения, уроженец префектуры Эхиме, японец, ефрейтор, бывший санитар-практикант филиала № 643 отряда № 731 японской Квантунской армии;

12. КУРУСИМА Юдзи, 1923 года рождения, уроженец префектуры Кагава, уезда Сёодзу, деревни Ноо, японец, бывший санитар-лаборант филиала № 162 отряда № 731 японской Квантунской армии;

все двенадцать — в совершении преступления, предусмотренного ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года.

Материалами предварительного и судебного следствия Военный трибунал округа УСТАНОВИЛ:

Правящая клика империалистической Японии в течение ряда лет подготавливала агрессивную войну против Союза Советских Социалистических Республик. На процессе главных японских военных преступников, закончившемся в Токио в 1948 году, было установлено, что агрессивная война против СССР была одним из основных элементов политики японских правящих кругов, ставивших своей целью захват советских территорий. Охваченные бредовой идеей превосходства японской расы и создания под эгидой Японии «Великой Восточной Азии» и поставив себе целью установление совместно с гитлеровской Германией мирового господства путем развязывания агрессивных войн, японские милитаристы не останавливались для достижения этой цели ни перед какими чудовищными преступлениями против человечества. В своих преступных планах агрессивных войн против миролюбивых народов японские империалисты предусматривали применение бактериологического оружия для массового истребления войск и мирного населения, в том числе стариков, женщин и детей, путем распространения смертоносных эпидемий чумы, холеры, сибирской язвы и других тяжелых болезней. В этих целях в японской армии были созданы особые формирования, предназначенные для производства бактериологического оружия, и подготавливались специальные воинские команды и диверсионные банды для заражения бактериями городов и сел, водоемов и колодцев, скота и посевов на территории государств, подвергшихся японской агрессии. Еще в 1931 году после захвата японцами Маньчжурии и превращения ее в плацдарм для нападения на Советский Союз, в составе японской Квантунской армии в целях подготовки бактериологической войны была создана под зашифрованным наименованием «отряд Того», бактериологическая лаборатория под начальством одного из идеологов и организаторов бесчеловечной бактериологической войны ИСИИ Сиро. В 1936 году, когда военные приготовления

Японии к войне против СССР были усилены, по указу императора ХИРОХИТО Генеральный штаб японской армии развернул на территории Маньчжурии два крупных бактериологических учреждения, рассчитанных не только на изыскание способов ведения бактериологической войны, но и на производство бактериологического оружия в размерах, достаточных для полного снабжения японской армии. Учреждения эти были строго засекречены и в целях маскировки получили наименования: «Управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии» и «Иппоэпизоотическое управление Квантунской армии». Впоследствии они был переименованы в отряд № 731 и отряд № 100.

Оба отряда имели многочисленные филиалы, приданные частям и соединениям Квантунской армии и расположенные на направлениях главных ударов, намеченных японским оперативным планом войны против Советского Союза. Эти филиалы являлись фактически боевыми подразделениями, готовыми в любой момент по приказу командования применить бактериологическое оружие.

Отряды № 731 и № 100 вместе со своими филиалами находились в подчинении главнокомандующего Квантунской армией, что подтверждается приобщенным к делу приказом быв. главнокомандующего армией генерала УМЕДЗУ Иосидзиро от 2-го декабря 1940 года о формировании четырех новых филиалов отряда № 731.

Отряд № 731 был размещен в специально выстроенном и строго охраняемом военном городке в районе ст. Пинфан в 20 км от города Харбина и представлял из себя мощный институт по подготовке бактериологической войны со штатом, насчитывающим около 3 тысяч научных и технических работников, и лабораториями, оснащенными новейшей техникой и усовершенствованной аппаратурой.

Назначение этого отряда и его практическая деятельность вытекали из его структуры. Он состоял из нескольких отделов, причем только 3-й отдел, расположенный в гор. Харбине, занимался вопросами водоснабжения армии. В функции 1-го исследовательского отдела входило взыскание и выращивание смертоносных бактерий, наиболее эффективных для использования их в качестве средств бактериологического нападения. Второй экспериментальный отдел занимался проверкой действия выведенных в результате изысканий бактерий на организмы живых людей, разрабатывал образцы снарядов и специальных распылителей, с помощью которых бактерии должны были перебрасывать на сторону противника, и выращивал блох, зараженных чумой, для распространения при их помощи эпидемии чумы на неприятельской территории. В отделе было 4500 питомников (инкубаторов) для разведения блох на грызунах. В этих питомниках в короткие сроки могли быть выращены многие десятки миллионов чумных блох. 2-й отдел имел в своем расположении для проведения преступных экспериментов особый полигон в районе станции Аньда и авиационную часть с самолетами, оборудованными специальной аппаратурой. 4-й производственный отдел был предназначен для размножения выведенных лабораторным путем бактерий и представлял из себя как бы фабрику бактерий острых инфекционных болезней. Этот отряд располагал мощным техническим оборудованием, рассчитанным на массовое размножение бактерий в размерах, необходимых для ведения бактериологической войны.

Производственная мощность отдела давала возможность выращивать до 300 кг бактерий чумы в месяц. В 5-м учебно-просветительском отделе подготавливались кадры, способные применять средства бактериологической войны и путем распространения бактерий вызывать эпидемии чумы, холеры, сибирской язвы и других тяжелых заболеваний. Таким образом, отряд № 731 изготавливал огромное количество бактерий острых инфекционных заболеваний, предназначенных к использованию в каче-

стве бактериологического оружия для опустошения целых районов и умерщвления гражданского населения.

По заключению судебно-медицинской экспертизы, выращивание бактерий в таких размерах было рассчитано на ведение активной бактериологической войны. Отряд № 100 был расположен [в] м. Могатон, в 10 километрах южнее г. Ченчунь, и занимался той же преступной деятельностью, что и отряд № 731. Производственный отдел отряда № 100 имел шесть отделений, которые изготавливали: 1-е отделение — бактерии сибирской язвы, 2-е отделение — бактерии сапа, 3 и 4-е отделения — бактерии, вызывающие иные инфекционные заболевания скота; 5-е отделение занималось изготовлением микробов для заражения хлебных злаков с целью их уничтожения; 6-е отделение — возбудителей чумы рогатого скота.

Как установлено на предварительном и судебном следствии, в японских войсках, действовавших на территории Центрального и Южного Китая, также были созданы два секретных формирования, предназначенные для подготовки бактериологического оружия [и] зашифрованные наименованиями отряд «Эй» и отряд «Нами», деятельность их была аналогична отрядам №№ 731 и 100.

Имея в виду, что при применении бактериологического оружия возникает опасность заражения собственных войск, японское командование создало противоэпидемиологические отряды при всех батальонах и полках с подчинением их начальникам санитарных управлений армий. Это являлось составной частью общего плана подготовки к бактериологической войне.

Изыскания способов и средств ведения бактериологической войны, проводившиеся в отрядах № 731 и № 100, сопровождались преступными, бесчеловечными опытами по проверке действенности бактериологического оружия на живых людях. Во время этих опытов японские изуверы умертвляли зверским способом тысячи попавших им в руки жертв. На протяжении нескольких лет в отрядах № 731 и № 100 производились опыты по заражению выращенными в лаборатории бактериями чумы, холеры, тифа, сибирской язвы, газовой гангрены. Большинство зараженных умирало в страшных мучениях. Те же, кто выздоравливал, подвергались повторным опытам и, в конце концов, умертвлялись. Люди, предназначенные для мучительного истребления, доставлялись в специальную внутреннюю тюрьму, существовавшую в отряде № 731, японской жандармерией, имевшей для подобных операций условное название «особые отправки». Этими жертвами японских изуверов были китайские патриоты и советские граждане, заподозренные в антияпонской деятельности и обреченные на уничтожение. Исключительный цинизм японских убийц выражался, в частности, и в том, что содержащиеся в тюрьме и предназначенные для преступных экспериментов люди условно назывались ими «бревнами». Как установлено показаниями подсудимого КАВАСИМА, только в отряде № 731 ежегодно истреблялись не менее 600 заключенных, а с 1940 года по день капитуляции японской армии в 1945 году было умерщвлено не менее 3000 человек. Преступные эксперименты проводились и над целыми группами заключенных.

На полигоне в районе станции Аньда людей привязывали к железным столбам, а затем в целях их заражения в непосредственной близости от них взрывали бактериологические снаряды, наполненные бактериями чумы, газовой гангрены и других тяжелых болезней.

Так, в конце 1943 года при участии подсудимого КАРАСАВА на полигоне был произведен опыт по заражению сибирской язвой 10 китайских граждан. Весной 1944 года при его же участии группа людей на полигоне была заражена чумными бактериями. В январе 1945 года на том же полигоне подсудимый НИСИ участвовал в заражении 10 человек газовой гангреной. Аналогичные бесчеловечные опыты над живыми людьми

производились в отряде № 100, находившимся под общим руководством подсудимого ТАКАХАСИ. Так, в августе-сентябре 1944 года в отряде № 100 было произведено заражение через пищу 8 китайских и советских граждан, которые вскоре после этого умерли.

Помимо преступных экспериментов по заражению людей бактериями острых инфекционных заболеваний, отряд № 731 производил опыты по обмораживанию конечностей заключенных. Большинство несчастных жертв зверских опытов после заболевания гангреной и ампутации конечностей умирало. Испытание бактериологического оружия не ограничивалось только опытами, производимыми внутри отрядов №№ 731 и 100. Японские империалисты применяли бактериологическое оружие в войне против Китая и диверсионных вылазках против СССР.

В 1940 году специальная экспедиция отряда № 731 под руководством генерала ИСИИ была командирована на место боевых действий в Центральный Китай, где через блох, зараженных чумой и сброшенных с помощью специальных приборов с самолета, возбудила эпидемию чумы в районе Нинбо. Эта преступная операция повлекла за собой тысячи жертв среди мирного китайского населения, была заснята на кинопленку, и этот фильм впоследствии был показан в отряде № 731 представителям высшего командования японской армии, в том числе подсудимому ЯМАДА. Аналогичная экспедиция была направлена отрядом № 731 в 1941 году в район гор. Чандэ, который также был заражен бактериями чумы. В 1942 году бактериологическое оружие было снова применено на территории Китая. В этом случае экспедиция отряда № 731, в подготовке которой принимали участие подсудимые КАРАСАВА и КАРАСИМА, действовала совместно с отрядом «Эй», находившимся одно время под командой подсудимого САТО, и заразила бактериями острых инфекционных заболеваний территорию, которую японские войска были вынуждены оставить под натиском китайской армии. Отрядом № 100 на протяжении ряда лет на границу СССР направлялись бактериологические группы, в состав которых входили подсудимые ХАРАЗАКУРА и МИТОМО. Эти группы производили бактериологические диверсии против Советского Союза путем заражения пограничных водоемов, в частности в районе Трехречья.

Таким образом, предварительным и судебным следствием установлено, что японские империалисты готовились к тому, чтобы, развязав агрессивную войну против СССР и других государств, широко применить в ней бактериологическое оружие и этим ввергнуть человечество в пучину новых бедствий. Осуществляя подготовку к бактериологической войне, они не останавливались ни перед какими злодеяниями, умерщвляя во время своих преступных опытов по применению бактериологического оружия тысячи китайских и советских граждан и распространяя эпидемии тяжелых заболеваний среди мирного населения Китая.

Персонально в отношении подсудимых по настоящему делу Военный трибунал считает установленным следующее:

1. ЯМАДА Отозоо, являясь с 1944 года по день капитуляции Японии главнокомандующим японской Квантунской армией, руководил преступной деятельностью подчиненных ему отрядов №№ 731 и 100 по подготовке бактериологической войны, поощряя проводимые в этих отрядах зверские убийства тысяч людей во время производства всевозможных экспериментов по применению бактериологического оружия. Ямада принимал меры к тому, чтобы отряды №№ 731 и 100 были полностью подготовлены к бактериологической войне и чтобы их производственная мощь обеспечивала потребности армии в бактериологическом оружии.

2. КАВАСИМА Киоси, будучи с 1941 по 1943 года начальником производственного отдела отряда № 731 являлся одним из руководящих работников отряда, принимал участие в подготовке бактериологической войны, был в курсе работы всех отделов отряда и лично руководил выращиванием смертоносных бактерий в количестве, достаточном для полного снабжения японской армии бактериологическим оружием. В 1942 году КАВАСИМА принимал участие в организации боевого применения бактериологического оружия на территории Центрального Китая. На протяжении всего времени своей службы в отряде № 731 КАВАСИМА принимал личное участие в массовом умерщвлении заключенных во внутренней тюрьме при отряде во время преступных опытов по заражению их бактериями тяжелых инфекционных болезней.

3. КАРАСАВА Томио занимал должность начальника отделения производственного отдела отряда № 731. Он был одним из активных организаторов работы по созданию бактериологического оружия и участником подготовки бактериологической войны. В 1940 и 1942 годах КАРАСАВА участвовал в организации экспедиции по распространению эпидемий среди мирного населения Китая. КАРАСАВА неоднократно лично участвовал в опытах по применению бактериологического оружия, в результате которых истреблялись заключенные китайские и советские граждане.

4. КАДЗИЦУКА Рюдзи еще с 1931 года был сторонником применения бактериологического оружия. Являясь в 1936 году начальником отдела Военно-санитарного управления Военного министерства Японии, он способствовал созданию и комплектованию специального бактериологического формирования, во главе которого по его представлению был поставлен полковник, а впоследствии генерал ИСИИ. С 1939 года КАДЗИЦУКА был назначен начальником санитарного управления Квантунской армии и осуществлял непосредственное руководство деятельностью отряда № 731, снабжая его всем необходимым для производства бактериологического оружия. КАДЗИЦУКА систематически посещал отряд № 731, был полностью в курсе всей деятельности, знал о злодейских преступлениях, совершавшихся при производстве экспериментов по заражению людей при помощи бактерий, и одобрял эти злодеяния.

5. НИСИ Тосихидэ с января 1943 года по день капитуляции Японии занимал должность начальника филиала № 673 отряда № 731 в гор. Суньу и лично активно участвовал в изготовлении бактериологического оружия. Будучи по совместительству начальником 5-го отдела отряда № 731, НИСИ подготавливал кадры специалистов по ведению бактериологической войны для специальных подразделений при армейских частях. Он лично участвовал в убийстве заключенных китайских и советских граждан путем заражения их при помощи бактерий остроинфекционными болезнями. В целях сокрытия преступной деятельности филиала и отряда № 731 НИСИ в 1945 году при приближении советских войск к гор. Суньу приказал сжечь все помещения филиала, оборудование и документы, что было выполнено.

6. ОНОУЭ Масао, являясь начальником филиала № 643 отряда № 731 в г. Хайлине, занимался изысканием новых видов бактериологического оружия и подготовкой материалов для отряда № 731. Под его руководством готовились кадры специалистов по бактериологической войне. ОНОУЭ знал о массовых умерщвлениях заключенных в отряде № 731 и своей работой способствовал этим тягчайшим преступлениям. В августе 1945 года в целях сокрытия следов преступной деятельности филиала ОНОУЭ лично сжег все здания филиала, запасы материалов и документы.

7. САТО Сюндзи с 1941 года являлся начальником бактериологического отряда в гор. Кантоне, имевшего условное наименование «Нами», а в 1943 году был на-

значен начальником аналогичного отряда «Эй» в г. Нанкине. Возглавляя эти отряды, САТО принимал участие в создании бактериологического оружия и подготовке бактериологической войны. Будучи впоследствии начальником санитарной службы 5-й армии, входившей в состав Квантунской армии, САТО руководил филиалом № 643 отряда № 731 и, будучи осведомлен о преступном характере деятельности отряда и филиала, оказывал им содействие в работе по производству бактериологического оружия.

8. ТАКАХАСИ Такаацу, будучи начальником ветеринарной службы Квантунской армии, являлся одним из организаторов производства бактериологического оружия, осуществлял непосредственное руководство преступной деятельностью отряда № 100 и несет ответственность за проведение бесчеловечных опытов по заражению заключенных бактериями острых инфекционных болезней.

9. ХИРАЗАКУРА Дзенсаку, являясь сотрудником отряда № 100, лично вел исследования в области выработки и применения специальной разведки на границах Советского Союза в целях изыскания наиболее эффективных способов бактериологического нападения на СССР, при этом производил отравление водоемов, в частности в районе Трехречья.

10. МИТОМО Кадзуо, сотрудник отряда № 100 принимал непосредственное участие в изготовлении бактериологического оружия и лично испытывал действие бактерий на живых людях, умерщвляя их мучительным способом. МИТОМО являлся участником бактериологических диверсий против СССР в районе Трехречья.

11. КИКУЧИ Норимицу, санитар-практикант, работая в лаборатории филиала № 643 отряда № 731, принимал непосредственное участие в работе по изысканиям новых видов бактериологического оружия и культивированию бактерий брюшного тифа и дизентерии. В 1945 году КИКУЧИ прошел специальную подготовку на курсах, готовивших кадры для ведения бактериологической войны.

12. КУРУСИМА Юдзи, работая лаборантом филиала отряда № 731 и имея специальную подготовку, принимал участие в культивировании бактерий холеры, сыпного тифа и других инфекционных болезней и в испытаниях бактериологических отрядов.

На основании изложенного Военный трибунал округа признал виновность всех перечисленных подсудимых в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года, доказанной и, руководствуясь ст. 319 и 320 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, с учетом степени виновности каждого из подсудимых,

ПРИГОВОРИЛ:

ЯМАДА Отозоо на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ лет;

КАДЗИЦУКА Рюдзи на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ лет;

ТАКАХАСИ Такаацу на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ лет;

КАВАСИМА Киоси на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ДВАДЦАТЬ ПЯТЬ лет;

САТО Сюндзи на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ДВАДЦАТЬ лет;

КАРАСАВА Томио на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ДВАДЦАТЬ лет;

НИСИ Тосихидэ на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ВОСЕМНАДЦАТЬ лет;

МИТОМО Кадзуо на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ДВЕНАДЦАТЬ лет;

ОНОУЭ Масао на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ДВЕНАДЦАТЬ лет;

ХИРАЗАКУРА Дзенсаку на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет;

КУРУСИМА Юдзи на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ТРИ года;

КИКУЧИ Норимицу на основании ст. 1-й Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 года заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ДВА года.

Срок отбывания наказания исчислить с зачетом предварительного заключения[3]:

ЯМАДА Отозоо — с 5 декабря 1949 г.
КАДЗИЦУКА Рюдзи — с 24 октября 1949 г.
ТАКАХАСИ Такаацу — с 23 октября 1949 г.
КАВАСИМА Киоси — с 23 октября 1949 г.
САТО Сюндзи — с 23 октября 1949 г.
КАРАСАВА Томио — с 22 октября 1949 г.
НИСИ Тосихидэ — с 23 октября 1949 г.
МИТОМО Кадзуо — с 29 октября 1949 г.
ОНОУЭ Масао — с 22 октября 1949 г.
ХИРАЗАКУРА Дзенсаку — с 30 октября 1949 г.
КУРУСИМА Юдзи — с 10 декабря 1949 г.
КИКУЧИ Норимицу — с 4 декабря 1949 г.

Приговор может быть обжалован в кассационном порядке в Военную коллегию Верховного Суда СССР в течение 72 часов со дня вручения копии его осужденным.

Подлинный за надлежащими подписями.

Верно: Председатель Военного трибунала
Приморского военного округа
полковник юстиции Ильницкий (подпись)

ЦА ФСБ России. Ф. К-72. Оп. 1. Пор. 26. Л. 159–171.
Зав. копия. Рукоп. текст.
Опубл. в сб.: Материалы судебного процесса по делу бывших военнослужащих японской армии... М., 1950. С. 523–536.

№ 66. Письмо Генерального прокурора СССР государственного советника юстиции 1-го класса Г. Н. Сафонова министру иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому и список лиц, изобличенных по материалам Хабаровского процесса в подготовке и применении бактериологического оружия

3 января 1950 г.

Секретно
«3» января 1950 г.
№ 1-242с/241

МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
тов. ВЫШИНСКОМУ А. Я.

Направляю список лиц, изобличенных по материалам Хабаровского процесса в подготовке и применении бактериологического оружия.

Список этот не является исчерпывающим. По получении из Хабаровска данных, основанных на следственных материалах, будут дополнительно сообщены сведения о японцах, причастных к подготовке бактериологической войны.

Главное управление по делам военнопленных и интернированных МВД СССР (тов. КОБУЛОВ) по нашей просьбе проверяет по учетным данным и устанавливает местонахождение перечисленных в списке лиц.

Эти сведения будут Вам также незамедлительно сообщены.

ПРИЛОЖЕНИЕ: список на 4 п/л.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ
1-ГО КЛАССА Г. САФОНОВ

С П И С О К
лиц, изобличенных по материалам Хабаровского процесса
в подготовке и применении бактериологического оружия

№	Фамилия	В чем изобличен	Кто изобличает
1	ХИРОХИТО — японский император[4]	По указам Хирохито были созданы бактериологические формирования японской армии, так называемые отряды №№ 731 и 100, которые готовили бактериологические средства войны и частично применяли бактериологическое оружие в районе реки Халхин-Гол и в Китае, а также осуществили бактериологические диверсии на территории СССР	Показаниями Кавасима и Ямада
2	ИСИИ СИРО — генерал-лейтенант медицинской службы японской армии	Являясь сторонником бактериологической войны, создал по указу Хирохито и планам Генерального штаба Японии бактериологический отряд № 731, который готовил средства бактериологической войны и кадры для применения бактериологического оружия против СССР, МНР, Китая, США и Великобритании; возглавил бесчеловечные опыты	Показаниями Карасава, Кавасима, Ямада, Кадзицука, Ниси, Оноуэ, Кикучи и Курусима, свидетелей — Марито, Хотта, Мацумура, Фуруичи, Тамура, Ямагиси, Иидзимо и др.

№	Фамилия	В чем изобличен	Кто изобличает
		над живыми людьми и является непосредственным виновником злодейского умерщвления свыше 3000 человек; руководил применением бактериологического оружия в Китае, в результате чего были вызваны эпидемии чумы и тифа	
3	УМЕДЗУ ИОСИДЗИРО — генерал, бывш. главнокомандующий Квантунской армией, а с 1944 г. — начальник Генерального штаба	В бытность главнокомандующим Квантунской армией руководил преступной деятельностью бактериологических формирований в Маньчжурии, санкционировал массовое умерщвление людей путем производства над ними бесчеловечных опытов; утверждал образцы бактериологического оружия; организовал бактериологические экспедиции в Китай, вызвавшие эпидемии чумы и тифа	Показаниями Ямада, Кадзицука, Кавасима и Такахаси; свидетелей — Мацумура и Тамура; циркуляром штаба Квантунской армии № 1539 от 30 июня 1938 г.; приказом Умедзу от 25 июля 1940 г. за № 659-Хэй; приказом Умедзу от 2 декабря 1940 г. № 398/1-КО об организации филиалов отряда № 731 в Хайлине, Линькоу, Суньу и Хайларе
4	ВАКАМАЦУ — генерал-майор ветеринарной службы японской армии	Непосредственно возглавлял отряд № 100, который занимался производством бактериологического оружия для бактериологической войны, а также осуществлял бактериологические диверсии путем заражения эпидемическими бактериями водоемов и пастбищ; систематически производил опыты над живыми людьми; по указанию штаба Квантунской армии осуществил ряд бактериологических диверсий в районе Трехречья	Показаниями генерала Ямада, генерал-лейтенанта Такахаси, Хиразакура и Митомо; показаниями свидетелей Хатаки, Акиро, Фукузуми, Сакурасита, Кувабара и др.
5[a]	ИКАРИ — подполковник	Икари, являясь начальником 2-го отдела отряда № 731, совместно с научным сотрудником этого отдела Футаки, в январе 1945 г. на полигоне отряда на ст. Аньда произвели бесчеловечный опыт по заражению газовой гангреной 10 военнопленных китайцев, в результате чего все они умерли через две недели в тяжелых мучениях. Икари являлся участником бактериологической экспедиции в районе Нимбо, которая вызвала эпидемию чумы, а также руководил применением бактериологического оружия в районе реки Халхин-Гол	Показаниями Ниси
7	КАСУГА КАОРУ — начальник Харбинского управления жандармерии	Систематически направлял в отряд № 731 арестованных для умерщвления путем производства над ними опытов по испытанию бактериологических средств войны	Показаниями свидетеля Кимура (адъютант Касуга) и показаниями Кавасима
8	СИРОКУРА — генерал-майор, начальник жандармерии Квантунской армии	В том же	Показаниями Кавасима, документами: приказом Сирокура за № 224; инструкцией штаба Квантунской жандармерии от 2 марта 1942 г. об «особых отправках» и свидетеля Тачибана

[a] № 6 таблицы пропущен. Так в тексте.

№	Фамилия	В чем изобличен	Кто изобличает
9	НАКАСИМА — поручик	В сентябре 1944 г. отдал приказ о расстреле двух арестованных, над которыми в отряде № 100 уже не могли продолжаться опыты	Показаниями Митомо
10	СУДЗУКИ — майор	Являясь начальником отдела отряда № 731, принимал участие в 1940 году в подготовке бактериологической экспедиции в Китай в район Нимбо, где была вызвана эпидемия чумы; отдал распоряжение Карасава изготовить 70 кг бактерий брюшного тифа и 50 кг бактерий холеры; в 1942 г. приказал изготовить 130 кг бактерий паратифа и сибирской язвы для распространения эпидемии в Китае	Показаниями Карасава
11	НОДЗАКИ — майор	Участник бактериологической экспедиции, вызвавшей в 1940 г. эпидемию чумы в районе Нимбо	Показаниями Карасава
12	МУРАКАИ — подполковник	Являясь начальником отдела отряда № 731, принимал активное участие в подготовке средств бактериологической войны	Показаниями Кавасима
13	ООТА АКИРА — полковник	Являясь в 1941 году начальником 2-го отдела отряда № 731, принимал активное участие в подготовке средств бактериологической войны и лично участвовал в1941 г. в применении бактериологического оружия в Китае в районе Чандэ	Показаниями Кавасима, Оноуэ и свид. Озэки
14	ИСИИ (брат генерала Исии Сиро)	Являлся начальником тюрьмы отряда № 731 и ответственен за зверское обращение с заключенными	Показаниями свидетелей Тамура, Куракадзу; показаниями Кавасима
15	КИТАНО — генерал	Одно время непосредственно возглавлял отряд № 731, являющийся основным центром японской военщины по подготовке бактериологической войны. В конце 1944 г. на оперативном совещании высших штабных офицеров Квантунской армии делал доклад о способах применения в качестве бактериологического оружия блох, зараженных чумой	Показаниями Ямада и свидетеля Мацумура
16	ИОСИМУРА — научный сотрудник отряда № 731	Являясь сотрудником отряда № 731, систематически производил преступные опыты над живыми людьми, в частности бесчеловечные опыты по обмораживанию людей	Показаниями свидетелей Куракадзу и Сэгоси; подсудимого Кадзицука
17	ТАБЭИ — начальник 1-го отдела отряда № 731	Принимал активное участие в подготовке средств бактериологической войны; по его указанию Фуруичи заразил воду бактериями брюшного тифа и напоил ею тридцать заключенных китайцев, в результате чего большинство жертв заразилось брюшным тифом и умерло.	Показаниями свидетеля Фуруичи

№	Фамилия	В чем изобличен	Кто изобличает
18	КАСАХАРА Юкио — генерал, начальник штаба Квантунской армии	*В конце 1944 года на оперативном совещании высших штабных офицеров Квантунской армии принимали участие в обсуждении вопроса о применении в качестве бактериологического оружия блох, зараженных чумой. Касахара и Икеда, кроме того, в том, что принимали активное участие в руководстве бактериологическими формированиями (отряды №№ 731 и 100), подготовлявшими и частично применявшими бактериологическое оружие. Такеда неоднократно инспектировал отряд № 731 по производству бактериологического оружия*[b]	Показаниями Ямада и свидетеля Мацумура. *Такеда изобличается показаниями Ямады Карасава и свидетеля Курода*
19	ИКЕДА — генерал, заместитель начальника штаба Квантунской армии (выступал на Токийском процессе защитником Умедзу)		
20	Принц Такеда, *он же подполковник Мията* (двоюродный брат Хирохито) — офицер стратегического отдела штаба Квантунской армии		
21	КИКУЧИ Хитоси — полковник мед. службы	*С 1942 г. являлся начальником 1-го отдела отряда № 731 и руководил экспериментальными работами отдела в целях подготовки бактериологической войны (о функциях 1-го отдела — см. обвинительное заключение и приговор)*	*Изобличается показаниями Кавасима, Оноуэ и свидетеля Хотта*

АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23А. П. 30. Д. 407. Л. 5–9.
Подлинник. Публикуется впервые.

[b] Здесь и далее текст, отмеченный *...*, дописан синими чернилами.

№ 67. Докладная записка заведующего 2-м Дальневосточным отделом МИД СССР Е. Г. Забродина министру иностранных дел СССР А. Я. Вышинскому о мероприятиях в связи с окончанием Хабаровского процесса и список японских преступников, находящихся вне СССР

3 января 1950 г.

Секретно
3 января 1950 года
№ 1/2 ДВО

Тов. ВЫШИНСКОМУ А. Я.

В связи с закончившимся в г. Хабаровске судебным процессом по делу бывших военнослужащих японской армии можно было бы предпринять следующее:

1. Направить за подписью тов. Деревянко письмо Макартуру, в котором после краткого изложения основных выводов судебного процесса заявить, что в ходе процесса было выявлено значительное число военных преступников (приложить список), находящихся ныне в Японии и принимавших участие в изготовлении и применении средств бактериологической войны, потребовав в связи с этим проведения тщательного расследования деятельности этих лиц при участии представителей — членов Союзного Совета для Японии. В частности, можно было бы повторить наше требование о выдаче нам генерал-лейтенанта Исии Сиро.

При этом, однако, не исключено, что Макартур попытается[a] это расследование[b] с тем, чтобы попытаться ослабить значение судебного процесса в г. Хабаровске.

2. Более целесообразно направить в адрес всех государств, с которыми Советский Союз имеет дипломатические отношения, ноту с изложением основных выводов судебного процесса в г. Хабаровске. В этой связи в ноте еще раз обратить внимание правительства (и народа) этих государств на необходимость принятия действенных мер против поджигателей новой войны и повторить наши предложения, которые делегация СССР вносила на Генеральных Ассамблеях ООН[c].

К нотам было бы целесообразно приложить сборник материалов судебного процесса в г. Хабаровске.

3. Издать по линии Министерства юстиции и перевести на основные иностранные языки сборник материалов судебного процесса в г. Хабаровске и организовать широкое распространение этих материалов за границей через ВОКС, «Международную книгу» и др. каналы[5].

Приложение:
Список японских преступников, находящихся вне СССР и упоминавшихся в материалах Военного трибунала в г. Хабаровске в связи с подготовкой бактериологической войны. Список составлен по материалам, опубликованным в нашей печати.

Е. Забродин

С П И С О К
японских преступников, находящихся вне СССР и упоминавшихся в материалах Военного трибунала в Хабаровске в связи с подготовкой бактериологической войны

1. Император Хирохито
2. Исии Сиро — генерал-лейтенант, начальник 731-го отряда

---

[a] Далее зачеркнуто «превратить».

[b] Далее зачеркнуто «в своего рода контрпроцесс».

[c] Абзац отчеркнут вертикальной чертой слева на полях.

3. Вакамацу — генерал-майор, начальник 100-го отряда
4. Умедзу Иосидзиро — генерал, б. главнокомандующий Квантунской армией (умер в январе 1949 года)
5. Футаки — сотрудник второго отдела отряда 731
6. Тасака — фельдфебель, служащий отряда 731
7. Иосимура — врач отряда 731
8. Сирокура — генерал-майор, начальник жандармерии Квантунской армии
9. Касуга Каору — нач. Харбинского управления жандармерии
10. Мацуи — служащий отряда 100, лаборант
11. Накасима — поручик, сотрудник отряда 100
12. Судзуки — майор, один из организаторов бактериологической экспедиции в Китай в 1940 году
13. Нодзаки — майор, участник бактериологической экспедиции в Китай 1940 г.
14. Икарии — полковник, начальник 2-го отдела отряда 731
15. Кусаба — генерал-лейтенант, начальник полевой ж. д. Квантунской армии
16. Мураками — подполковник, начальник отдела отряда 731
17. Оотами Акира — полковник, начальник отдела отряда 731
18. Принц Такэда — офицер стратегического отдела штаба Квантунской армии
19. Иидзима — начальник лагеря «Хогоин»
20. Табэи — начальник 1-го отдела отряда 731
21. Футами — научный сотрудник отряда 731
22. Принц Микаси — офицер
23. Огису Риппо — генерал, командующий японскими войсками под Халхин-Голом
24. Минато — научный сотрудник отряда 731
25. Инженер Танака — конструктор специальной трости с блохами
26. Полковник Оото — (предложил использовать шоколад, начиненный бактериями сибирской язвы)
27. Ногата — генерал-лейтенант, начальник управления Военного министерства
28. Судзуки — начальник 1-го отдела стратегического управления ген[ерал] штаба.
29. Генерал Араки — (Международным Трибуналом приговорен к пожизненному заключению)
30. Ида Коси — научный сотрудник отряда 100
31. Накадзима — поручик отряда 100
32. Мацуи — лаборант отряда 100
33. Мурамато — майор, начальник экспедиции отряда 100
34. Хата — генерал-лейтенант, имел прямое отношение к подготовке бактериологической экспедиции отряда 731
35. Касуга — переводчик, участник экспедиции отряда 731
36. Кани — научный сотрудник отряда 731
37. Исии — вольнонаемный, начальник тюрьмы (старший брат Исии Сиро)
38. Томидзука — вольнонаемный отряда 731
39. Сато Сиего — майор, начальник интендантского отделения отряда 731
40. Хигучи — фельдфебель отряда 731
41. Кимура — сотрудник отряда 100
42. Кобута — сотрудник отряда 100
43. Икада — сотрудник отряда 100
44. Мизуно — жандарм отряда 100
45. Китано — генерал, начальник отряда 731
46. Мацумура — генерал, начальник оперативного отдела штаба Квантунской армии
47. Касахара Юкио — генерал, начальник штаба Квантунской армии
48. Икеда — генерал, зам. нач. штаба Квантунской армии

АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23А. П. 30. Д. 407. Л. 1–4.
Подлинник. Публикуется впервые.

№ 68. Письмо министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского И. В. Сталину с проектом ноты правительства СССР правительству США о выдаче Советскому Союзу для предания суду как военных преступников императора Японии Хирохито и 4-х генералов японской армии

20 января 1950 г.

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

Представляю проект ноты правительству США по поводу выдачи советским властям для предания суду как военных преступников императора Японии Хирохито, генералов японской армии Исии Сиро, Китано Масадао, Вакамацу Юдзиро и Касахара Юкио, которые, по показаниям осужденных Военным трибуналом в Хабаровске обвиняемых, уличаются в подготовке и применении бактериологического оружия.

Копии этой ноты МИД СССР считает целесообразным направить правительствам государств — членов Дальневосточной Комиссии, за исключением Филиппин, с которыми СССР не имеет дипломатических отношений.

Проект постановления ЦК ВКП(б) прилагается[a].

Прошу рассмотреть. (подпись)

20 января 1950 г.

ПРОЕКТ НОТЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА СССР
ПРАВИТЕЛЬСТВУ США

Материалами гласного судебного процесса, происходившего в Военном трибунале Приморского военного округа в г. Хабаровске с 25 по 30 декабря 1949 г., над японскими военными преступниками Ямада, Такахаси, Кадзицука и др. установлено, что японские правящие круги во главе с императором Хирохито на протяжении многих лет тайно готовили бактериологическую войну — одно из самых бесчеловечных орудий агрессии.

В своих преступных планах японские империалисты намечали применение в подготовлявшихся ими агрессивных войнах против миролюбивых народов бактериологического оружия, которое они предполагали применять в массовых масштабах для истребления войск и мирного населения, в том числе стариков, женщин и детей, путем распространения таких смертоносных эпидемий, как эпидемии чумы, холеры, сапа, сибирской язвы и др.

В специально созданных по указам японского императора Хирохито и по заданиям Военного министерства и Генерального штаба Японии бактериологических формированиях японской армии выращивались в огромных количествах смертоносные бактерии чумы, холеры, тифа, сибирской язвы и других опасных эпидемических заболеваний, производились снаряды и приспособления для распространения бактерий, готовились специальные воинские команды для массового заражения населения, водоемов, жилищ, посевов и скота.

Эти формирования были строго засекречены и в целях маскировки именовались «Управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии» и «Иппоэпизоотическое управление Квантунской армии», впоследствии переимено-

[a] Проект постановления ЦК ВКП(б), которым одобряется нота, не приводится. Далее приводится проект ноты.

ваны соответственно в «Отряд № 731» и «Отряд № 100». Оба эти отряда находились в непосредственном подчинении Главнокомандующего Квантунской армией и имели многочисленные филиалы, расположенные на направлениях главных ударов, намеченных японским оперативным планом войны против Советского Союза.

Отряд № 731 был размещен в специально выстроенном городке в 20 км от города Харбина в районе станции Пинфань, и вся территория этого городка была объявлена запретной военной зоной. Штат отряда насчитывал до 3 тыс. научных и технических работников и располагал многочисленными лабораториями и мощным оборудованием для массового производства бактерий в количествах, обеспечивающих возможность ведения бактериологической войны в широких масштабах.

Как установлено на процессе, отряд состоял из пяти отделов, из которых только один — третий отдел занимался вопросами, официально входившими в круг ведения отряда, то есть вопросами водоснабжения армии. Этот отдел был размещен открыто в городе Харбине, за пределами упомянутого выше специально охраняемого военного городка. Все остальные четыре отдела отряда занимались исключительно вопросами, связанными с подготовкой бактериологической войны.

Первый отдел, именовавшийся исследовательским, занимался изысканиями и выращиванием смертоносных бактерий и отбором тех из них, которые признавались наиболее эффективными в качестве бактериологического оружия.

Второй — экспериментальный отдел — занимался проверкой действия различных бактерий на организмах живых людей, а также разрабатывал снаряды и методы заражения бактериями территории противника. В этом отделе было четыре с половиной тысячи специальных питомников для разведения блох, предназначенных для распространения чумной заразы. В распоряжении этого же отдела для производства преступных экспериментов по применению бактериологических средств войны при помощи авиации находились специальный полигон в районе станции Аньда и специальная авиационная часть.

Четвертый, так называемый производственный, отдел был предназначен для производства в массовом масштабе бактерий, отобранных в качестве наиболее эффективных средств бактериологической войны.

Наконец, пятый отдел, именовавшийся «учебно-просветительным», ведал подготовкой кадров для применения средств бактериологической войны.

Функции отряда № 100 были аналогичны функциям отряда № 731 с тем отличием, что в нем вырабатывались бактерии, предназначенные для заражения скота и посевов (бактерии сапа, сибирской язвы и др.).

Как установлено на суде, помимо двух указанных отрядов, расположенных на севере Маньчжурии, на территории Центрального и Южного Китая японцами были созданы два аналогичных секретных формирования, именовавшиеся отряд «Эй» и отряд «Нами».

Готовясь обрушить на народы СССР, Китая, Монгольской Народной Республики, США и Великобритании смертоносные бактерии, японские изуверы испытывали это средство массового уничтожения на тысячах людей, главным образом гражданах Китая и СССР. Только в отряде № 731 было зверски умерщвлено свыше 3000 человек путем производства над ними бесчеловечных преступных опытов.

На процессе было также установлено, что японские агрессоры не только готовили, но и неоднократно применяли бактериологическое оружие при осуществлении своих агрессивных планов: в 1939 г. против Монгольской Народной Республики и СССР в районе реки Халхин-Гол; в 1940–1942 гг. во время войны против Китая, где бактериологические экспедиции японской армии вызвали эпидемии чумы и тифа.

Готовя нападение на СССР, японские агрессоры предусматривали широкое применение бактериологического оружия и с этой целью вели специальную разведку пограничных районов, и осуществили ряд бактериологических диверсий против Советского Союза.

Советский суд осудил 12 японских военных преступников, виновных в подготовке и применении бактериологического оружия.

Было бы, однако, несправедливым оставить безнаказанными других главных организаторов и вдохновителей этих чудовищных преступлений.

К числу таких военных преступников в первую очередь относятся:

1. Хирохито — император Японии. На гласном судебном процессе в Хабаровске установлено, что по специальным секретным указам Хирохито на территории Маньчжурии был создан центр японской армии по подготовке бактериологической войны и применению бактериологического оружия, зашифрованный, как уже было сказано выше, под названиями «Управление водоснабжения и профилактики частей Квантунской армии», а впоследствии «отряд № 731».

В этом секретном формировании в массовых масштабах готовились средства бактериологической войны против СССР, Китая, МНР, США, Великобритании и других государств; этот отряд применял бактериологическое оружие в 1939 г. в районе реки Халхин-Гол против Монгольской Народной Республики и СССР, а в 1941–42 гг. — против Китая.

Генерал Ямада, бывший член Высшего военного совета Японии и Главнокомандующий Квантунской армией, показал, что:

«731-й отряд, расположенный на территории Маньчжурии, был организован в целях подготовки бактериологических средств войны, главным образом против Советского Союза, а также против Монгольской Народной Республики и Китая».

О том, в какой степени была законспирирована деятельность отряда № 731, свидетельствует следующее показание генерала Ямада:

«731-й отряд официально именовался “Управлением профилактики и водоснабжения Квантунской армии”, что являлось известным прикрытием действительного назначения отряда. С этой же целью работники 731-го отряда носили общевойсковую форму, без знаков различия медицинской службы. Мы опасались, что большое скопление медицинских работников может вызвать нежелательные подозрения относительно действительного характера работы 731-го отряда».

Характеризуя подготовку к применению смертоносных бактерий для массового уничтожения людей, Ямада заявил, что «...[b]в 1945 г., в связи с успешным завершением всех подготовительных работ по усовершенствованию наиболее эффективных способов применения бактериологического оружия, наступил период массового производства бактериологического оружия в целях его практического применения в любом направлении, по первому указанию императорской ставки».

Бывший начальник отдела военно-санитарного управления Военного министерства Японии (впоследствии начальник военно-санитарного управления Квантунской армии) генерал-лейтенант Кадзицука Рюдзи показал, что отряд № 731 был сформирован в 1936 г. по специальному секретному указу Хирохито. «Я лично, — показал Кадзицука, — с данным указом и приложенным к нему штатом отряда был ознакомлен под расписку, путем приложения к нему своей собственной печати».

[b] Здесь и далее отточие документа.

Этот отряд в 1939 году был реорганизован: масштабы его деятельности были расширены, и производство бактериологического оружия резко возросло, а численность личного состава увеличена в три раза. Эта реорганизация была также произведена по другому секретному указу Хирохито.

По этому поводу генерал Кадзицука показал следующее. «С этим указом, — заявил Кадзицука, — я был ознакомлен под расписку примерно в феврале 1940 г. в Штабе Квантунской армии. Кроме того, одним или двумя секретными указами императора Хирохито от 1940 г. во второй половине этого года дополнительно было создано четыре филиала отряда № 731...»

Филиалы, о которых говорил на суде ген[ерал] Кадзицука, и как это было документально установлено, в частности приказом бывшего Главнокомандующего Квантунской армией ген[ералом] Умедзу от 2.XII.1940 г. № 398/1-КО, располагались в районах, граничащих с Советским Союзом.

Генерал-майор медицинской службы Кавасима Киоси, начальник отдела отряда № 731, также заявил, что отряд № 731 был организован в 1936 г., а филиалы этого отряда были созданы в 1940 г. по указам императора. Ген[ерал] Кавасима Киоси показал по этому поводу следующее:

«731 отряд был организован по секретному указу императора Японии Хирохито в 1936 г. ... Указ императора я видел сам в делах отряда в период моей работы в должности начальника общего отдела отряда 731 ... Указ императора от 1940 г. предусматривал увеличение штата отряда до 3000 человек, включая сюда и вновь сформированные этим указом филиалы в различных районах Маньчжурии...»

Таким образом, император Хирохито показаниями главных участников подготовки бактериологической войны — бывшим начальником военного санитарного управления Квантунской армии генерал-лейтенантом Кадзицука Рюдзи, генералом Кавасимо Киоси — изобличается как один из главных участников подготовки бактериологической войны.

2. Исии Сиро — генерал-лейтенант медицинской службы.

На судебном процессе была полностью доказана активная организующая роль Исии в преступной подготовке бактериологической войны и практическом применении бактериологического оружия против СССР, Китая и Монгольской Народной Республики.

Исии организовал и возглавил секретный центр японской армии по подготовке бактериологической войны — отряд № 731. Все преступные изыскания в области подготовки бактериологической войны, и в частности все бесчеловечные опыты над живыми людьми, производились под непосредственным руководством Исии.

Исии непосредственно разработал способ применения в качестве бактериологического оружия блох, зараженных чумой; Исии сконструировал специальные керамические бомбы, так называемые «бомбы Исии», для применения с помощью авиации блох, зараженных чумой.

Исии также лично разработал способы культивирования в громадных количествах бактерий с целью ведении агрессивной бактериологической войны (в частности, разработал конструкцию так называемых «культиваторов Исии»).

Как было установлено на судебном процессе в г. Хабаровске показаниями генерал-майора медицинской службы Кавасима Киоси, подполковника Ниси и сотрудника отряда Фуруичи, генерал Исии лично возглавил экспедиции отряда № 731 в Китай в 1940 году, 1941 и 1942 годах. Во время этих экспедиций были применены различные

виды бактериологического оружия и вызваны эпидемии чумы, тифа, паратифа и других болезней, повлекших гибель тысяч мирных жителей Китая.

Свидетель Фуруичи — один из участников экспедиции отряда № 731, в судебном заседании показал, что заражение водоемов различными бактериями, отравление пищи и другие тягчайшие преступления производились по прямому приказанию Исии.

Как установлено показаниями бывш. начальника отдела отряда № 731 подполковника Ниси, по инициативе Исии бактериологическое оружие было применено против СССР и МНР в районе реки Халхин-Гол в 1939 году.

В 1945 году, будучи вторично назначен начальником отряда № 731, Исии подготовлял применение бактериологических средств против СССР, США и Великобритании.

Генерал-майор медицинской службы Кавасима на судебном процессе показал, что летом 1941 года Исии на специальном секретном совещании информировал начальников отделов отряда о том, что деятельность отряда одобрена Генеральным штабом японской армии, который в связи с началом войны гитлеровской Германии против Советского Союза дал указание об активизации и подготовке бактериологической войны и об увеличении производства смертоносных бактерий, что и было осуществлено Исии.

Вся деятельность Исии отличалась особой жестокостью и бесчеловечностью. Им были установлены тесные связи с японской жандармерией и военно-разведывательными органами Японии в Маньчжурии, от которых отряд № 731 получал в порядке так называемых «особых отправок» тысячи людей для производства преступных опытов, неизменно заканчивавшихся смертью этих людей.

Бывший Главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада характеризовал Исии как одного из наиболее деятельных участников преступной подготовки бактериологической войны.

Ямада показал: «Отряд № 731 был детищем Исии, и поэтому в 1945 году он снова был назначен на должность начальника этого отряда..., назначение Исии находилось в прямой связи с задачами активизации работы бактериологических отрядов в это время и в связи с указаниями Военного министерства об увеличении производства бактериологического оружия».

3. Китано Масадзо — генерал-лейтенант медицинской службы, изобличен материалами судебного следствия в том, что, являясь с августа 1942 года по март 1945 года начальником отряда № 731, непосредственно руководил подготовкой к бактериологической войне, а также участвовал в организации применения бактериологического оружия против Китая в 1942 году.

Преступная деятельность Китано полностью была разоблачена показаниями быв. Главнокомандующего Квантунской армией генерала Ямада, генерал-майора медицинской службы Кавасима Киоси, генерал-майора Мацумура Томакацу и генерал-лейтенанта Кадзицука Рюдзи.

Генерал Ямада, который в августе 1944 года инспектировал отряд № 731, показал, что, докладывая о деятельности отряда, Китано указал, что задачей отряда является «...изучение различных вопросов, связанных с подготовкой средств для ведения бактериологической войны... О производственном отделе отряда № 731 генерал Китано мне доложил, что этот отдел занимается изготовлением специальных бактериологических препаратов в больших размерах, достаточных для проведения наступательных операций».

Заслушав доклад Китано и лично ознакомившись с работой отряда № 731, Ямада, по его личному признанию, «был крайне поражен размахом исследовательских работ и колоссальными возможностями отряда по изготовлению бактериологического оружия».

О преступлениях, совершенных Китано, генерал-майор Мацумура показал следующее. «В конце 1944 г., — сказал Мацумура, — в кабинете командующего Квантунской армией состоялся доклад начальника отряда № 731 Китано. Китано делал доклад о способах применения в качестве бактериологического оружия блох, зараженных чумой... Ямада одобрил предложенный Китано способ применения блох, зараженных чумой, как бактериологического оружия».

По этому поводу Ямада показал: «В октябре или ноябре 1944 года генерал Китано сделал мне подробный доклад о результатах применения чумных блох как средства бактериологической войны. Доклад Китано сопровождался специальным кинофильмом, привезенным из отряда № 731, также схемами, на которых были обозначены участки, на которых производились опыты по рассеиванию с помощью авиации блох, зараженных чумой... Во время доклада он демонстрировал различные таблицы, наглядно показывающие результаты проводимых исследований по заражению территорий бактериями чумы. Лично я, считая способ применения блох, зараженных чумой, весьма эффективным, одобрил доклад Китано и предложенный им способ применения оружия. Результаты опытов по применению блох, зараженных чумой, были представлены в императорскую ставку».

Показаниями генерал-лейтенанта медицинской службы Кадзицуки генерал-лейтенант Китано изобличается в том, что он в августе 1942 г. участвовал в организации экспедиции, во время которой было применено бактериологическое оружие против китайцев, а также в проведении бесчеловечных опытов над живыми людьми. Как показал Кадзицука, он в августе 1944 г. при посещении им отряда № 731 заслушал доклад Китано о деятельности этого отряда.

Китано доложил, что «...группа работников отряда № 731 выезжала на китайский фронт в район южнее Шанхая, где с большой высоты сбрасывала на территорию с китайским населением массы блох, зараженных чумой..., и в том месте, где они упали, возникла эпидемия чумы... Кроме того, Китано рассказал мне о том, что в районе ст. Аньда производились опыты с бомбами замедленного действия, начиненными бактериями сибирской язвы. Осколки этой бомбы, ранившие людей и животных, заражали их сибирской язвой».

Преступная деятельность Китано на посту начальника отряда № 731 установлена также показаниями генерал-майора медицинской службы Кавасима, лично участвовавшего в совещаниях, на которых под руководством Китано «обсуждались вопросы, связанные с исследованиями, изготовлением бактериологического материала и его практическим применением на войне».

4. Вакамацу Юдзиро — генерал-майор ветеринарной службы, являлся с 1941 по 1945 гг. начальником отряда № 100, который, как это доказано материалами Хабаровского процесса, занимался производством бактериологического оружия, а также осуществлял диверсии путем заражения водоемов, пастбищ и скота бактериями сибирской язвы, сапа и других эпизоотий. Этот отряд производил также бесчеловечные преступные эксперименты над живыми людьми.

Бывший Главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада признал, что отряд № 100 занимался изысканием методов применения эпизоотических бактерий и их массовым производством. О преступлениях, совершенных Вакамацу, генерал Ямада дал следующие показания: «Назначение и практическая деятельность отряда № 100 были совершенно аналогичны назначению и деятельности отряда № 731 по подготовке бактериологической войны с той разницей, что бактериологическое оружие, изготовленное отрядом № 731, предназначалось для массового уничтожения живой силы

противника, а производство эпизоотических бактерий отрядом № 100 предназначалось для уничтожения скота».

Бывший сотрудник отряда № 100 поручик Хиразакура по поводу участия Вакамацу в активной подготовке бактериологического оружия показал, что Вакамацу в кругу сотрудников отряда № 100 неоднократно говорил: «На случай войны Японии с Советским Союзом отряд № 100 должен стать фабрикой по выпуску в массовом количестве различных бактерий и сильно действующих ядов для ведения диверсионно-бактериологической воны против Советского Союза».

Хиразакура изобличил Вакамацу также и в том, что по его указаниям направлялись специальные разведывательно-диверсионные экспедиции в районы Трехречья и Хайлара, которые изучали возможность производства бактериологических диверсий против СССР и МНР, а также фактически осуществляли такие диверсии. О результатах произведенных изысканий докладывалось генералу Вакамацу, который давал дальнейшие указания по производству диверсий.

В отряде № 100, руководимом Вакамацу, как это устанавливается показаниями на судебном процессе бывш. сотрудников этого отряда Митомо и Хатаки, злодейски умерщвлялись люди путем производства над ними бесчеловечных преступных опытов.

Показаниями быв. начальника ветеринарного управления Квантунской армии генерал-лейтенанта ветеринарной службы Такахаси Такаацу бывш. начальник отряда № 100 Вакамацу изобличен в том, что, будучи тесно связан с разведывательным отделом штаба Квантунской армии, он лично руководил преступными изысканиями бактериологического оружия и подготовкой бактериологических диверсий.

Такахаси изобличает Вакамацу также и в том, что он в 1941 г. участвовал в совещании у бывш. Главнокомандующего Квантунской армией Умедзу, посвященном подготовке бактериологической войны. В ноябре 1944 г. Вакамацу принимал участие в аналогичном совещании, состоявшемся в кабинете бывш. Главнокомандующего Ямада, на котором Такахаси докладывал свои соображения о планах применения бактериологического оружия.

5. Касахара Юкио — генерал-лейтенант, являясь начальником штаба Квантунской армии с 1942 по 1945 год, осуществлял руководство подготовкой бактериологической войны против Советского Союза и принимал непосредственное участие в разработке конкретных методов применения бактериологического оружия.

Активная роль Касахара в подготовке бактериологической войны полностью установлена показаниями генерала Ямада, генерал-майора Мацумура, генерал-лейтенанта ветеринарной службы Такахаси, полковника Тамура и других допрошенных на судебном процессе обвиняемых и свидетелей.

Полковник Тамура, бывш. начальник отдела кадров Штаба Квантунской армии, показал, что при инструктаже, связанном с назначением его на эту должность в первых числах января 1945 года, «...генерал-лейтенант Касахара мне сказал, что я должен буду относиться с особым вниманием к отряду № 731, поскольку этот отряд... готовится к бактериологической войне...».

Касаясь вопроса разработки отдельных способов применения бактериологического оружия, генерал Ямада показал, что «...для изучения способов применения бактериологического оружия создавались специальные комиссии... Председателем этих комиссий был начальник штаба... Решения комиссии по применению бактериологических средств войны представлялись командующему Квантунской армией и после его утверждения докладывались в Генеральный штаб Японии».

Характеризуя деятельность штаба Квантунской армии по подготовке бактериологической войны против СССР, начальник оперативно-стратегического отдела это-

го штаба генерал-майор Мацумура показал: «После получения указаний об увеличении производства бактериологического оружия Касахара мне поручил изучить вопрос о возможности его применения против Советского Союза... Я этот вопрос изучил и сделал соответствующий доклад Касахара, который, как я уже сказал, одобрил мои соображения..., я доложил Касахара о том, что на случай войны с Советским Союзом бактериологическое оружие должно быть применено в районе городов Ворошилова, Хабаровска, Благовещенска и Читы...»

Осенью 1944 года Касахара принял участие в обсуждении вопроса о способах применения бактериологической бомбы «системы Исии».

В ноябре 1944 года Касахара участвовал в работе специального совещания высших штабных офицеров, на котором обсуждался вопрос о результатах бактериологической разведки, проводившейся отрядом № 100 с целью подготовки практического применения бактериологического оружия против СССР.

Изложенное подтверждает, что Касахара являлся одним из организаторов бактериологической войны и непосредственно занимался вопросами применения бактериологического оружия, главным образом против СССР, Монгольской Народной Республики и Китая.

Таким образом, данными, установленными на судебном процессе в Хабаровске, и Приговором Военного трибунала Приморского военного округа доказано, что в подготовке и осуществлении бактериологической войны, являющейся тягчайшим преступлением против человечества, ведущая роль принадлежала не только уже ранее осужденным по приговору Международного Военного трибунала для Дальнего Востока японским военным преступникам и осужденным по приговору Военного трибунала в Хабаровске 12 японским военным преступникам, но и императору Японии Хирохито, а также генералам японской армии Исии Сиро (б. начальник отряда 731), Китано Масадзо (также б. начальник отряда 731), Вакамацу Юдзиро (б. начальник отряда № 100) и Касахара Юкио (б. начальник штаба Квантунской армии).

В соответствии с этим и принимая во внимание,

что Женевским протоколом [от] 17 июня 1925 года запрещено применение бактериологического оружия, уже давно осужденного цивилизованными нациями как тягчайшее преступление, противоречащее чести и совести народов, и что, таким образом, указанные выше преступления являются грубым нарушением законов и обычаев войны и общепризнанных норм международного права;

что союзные державы в решении Дальневосточной Комиссии от 3 апреля 1946 г. квалифицировали нарушение законов и обычаев войны как военные преступления, а в решении от 19 июня 1947 г. установили, что «суровое правосудие должно быть применено по отношению ко всем военным преступникам...»;

что в Потсдамской декларации союзные державы указали, что необходимо навсегда устранить «...власть и влияние тех, которые обманули и ввели в заблуждение народ Японии», и что «новые порядок мира, безопасности и справедливости будет невозможен до тех пор, пока безответственный милитаризм не будет изгнан из мира»;

что, как установлено на процессе в г. Хабаровске, указанные выше преступления были направлены, в первую очередь, против Советского Союза;

что в решении Дальневосточной Комиссии от 19 июня 1947 г. установлено, что военные преступники, о выдаче которых просит любая из Объединенных Наций, должны быть выданы, —

Правительство Союза ССР настаивает на выдаче советским властям для предания суду как военных преступников, изобличенных в совершении тягчайших преступлений

против человечества, — императора Японии Хирохито, генералов Исии Сиро, Китано Масадзе, Вакамацу Юдзиро, Касахара Юкио.

АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23А. П. 30. Д. 407. Л. 56–73.
Подлинник. Публикуется впервые.

№ 69. Нота Правительства СССР Правительству США о предании международному суду как военных преступников императора Японии Хирохито и 4-х генералов японской армии

1 февраля 1950 г.

Сэр,

Я имею честь сообщить, по поручению Советского Правительства, следующее.

Материалами гласного судебного процесса, происходившего в Военном трибунале Приморского военного округа в г. Хабаровске с 25 по 30 декабря 1949 года, над японскими военными преступниками Ямада, Такахаси, Кадзицука и другими установлено, что японские правящие круги во главе с императором Хирохито на протяжении многих лет тайно готовили бактериологическую войну — одно из самых бесчеловечных орудий агрессии.

В своих преступных планах японские милитаристы намечали применение в подготовлявшихся ими агрессивных войнах против миролюбивых народов бактериологического оружия, которое они предполагали применять в массовых масштабах для истребления войск и мирного населения, в том числе стариков, женщин и детей, путем распространения таких смертоносных эпидемий, как эпидемия чумы, холеры, тифа, сапа, сибирской язвы и других.

В специально созданных по указам японского император Хирохито и по заданиям Военного министерства и Генерального штаба Японии бактериологических формированиях японской армии выращивались в огромных количествах смертоносные бактерии чумы, холеры, тифа, сибирской язвы и других опасных эпидемических заболеваний, производились снаряды и приспособления для распространения бактерий, готовились специальные воинские команды для массового заражения населения, водоемов, жилищ, посевов и скота.

Эти формирования были строго засекречены и в целях маскировки именовались «Управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии» и «Иппоэпизоотическое управление Квантунской армии», впоследствии переименованы соответственно в «Отряд № 731» и «Отряд № 100». Оба эти отряда находились в непосредственном подчинении Главнокомандующего Квантунской армией и имели многочисленные филиалы, расположенные на направлениях главных ударов, намеченных японским оперативным планом войны против Советского Союза.

Отряд № 731 был размещен в специально выстроенном городке в 20 километрах от города Харбина в районе станции Пинфань. Штат отряда насчитывал до 3 тысяч научных и технических работников и располагал многочисленными лабораториями и мощным оборудованием для массового производства бактерий в количествах, обеспечивающих возможность ведения бактериологической войны в широких масштабах.

Как установлено на процессе, отряд состоял из пяти отделов, из которых только один — третий отдел занимался вопросами, официально входившими в круг ведения отряда, то есть вопросами водоснабжения армии. Этот отдел был размещен открыто в городе Харбине, за пределами упомянутого выше специально охраняемого военного

городка. Все остальные четыре отдела отряда занимались исключительно вопросами, связанными с подготовкой и проведением бактериологической войны.

Первый отдел, именовавшийся исследовательским, занимался изысканиями и выращиванием смертоносных бактерий и отбором тех из них, которые признавались наиболее эффективными в качестве бактериологического оружия.

Второй — экспериментальный отдел — занимался проверкой действия различных бактерий на организмах живых людей, а также разрабатывал снаряды и методы заражения бактериями территории противника.

В этом отделе было четыре с половиной тысячи специальных питомников для разведения блох, предназначенных для распространения чумной заразы. В распоряжении этого же отдела для производства преступных экспериментов по применению бактериологических средств при помощи авиации находились специальный полигон в районе станции Аньда и специальная авиационная часть.

Четвертый, так называемый производственный, отдел был предназначен для производства в массовых масштабах бактерий, отобранных в качестве наиболее эффективных средств бактериологической войны.

Наконец, пятый отдел, именовавшийся «учебно-просветительным», ведал подготовкой кадров для применения средств бактериологической войны.

Функции отряда № 100 были аналогичны функциям отряда № 731 с тем отличием, что в нем вырабатывались бактерии, предназначенные для заражения скота и посевов (бактерии сапа, сибирской язвы и другие).

Как установлено на суде, помимо двух указанных отрядов, расположенных на севере Маньчжурии, на территории Центрального и Южного Китая японцами были созданы два аналогичных секретных формирования, именовавшиеся «Отряд Эй» и «Отряд Нами».

Готовясь обрушить на народы СССР, Китая, Монгольской Народной Республики и войска США смертоносные бактерии, японские изуверы испытывали это средство массового уничтожения на тысячах людей, главным образом граждан[ах] Китая и СССР. Только в отряде № 731 было зверски умерщвлено свыше 3000 человек путем производства над ними бесчеловечных преступных опытов.

На процессе было также установлено, что японские агрессоры не только готовили, но и неоднократно применяли бактериологическое оружие при осуществлении своих агрессивных планов: в 1939 году против Монгольской Народной Республики и СССР в районе реки Халхин-Гол; в 1940–1942 гг. во время войны против Китая, где бактериологические экспедиции японской армии вызвали эпидемии чумы и тифа.

Готовя нападение на СССР, японские агрессоры предусматривали широкое применение бактериологического оружия и с этой целью вели специальную разведку пограничных районов, и осуществили ряд бактериологических диверсий против Советского Союза.

Советский суд осудил 12 японских военных преступников, виновных в подготовке и применении бактериологического оружия. Было бы, однако, несправедливым оставить безнаказанными других главных организаторов и вдохновителей этих чудовищных преступлений.

К числу таких военных преступников в первую очередь относятся:

1. Хирохито — император Японии. На гласном судебном процессе в Хабаровске установлено, что по специальным секретным указам Хирохито на территории Маньчжурии был создан центр японской армии по подготовке бактериологической войны и применению бактериологического оружия, зашифрованный, как уже было сказано

выше, под названием «Управление водоснабжения и профилактики частей Квантунской армии», а впоследствии «Отряд № 731».

В этом секретном формировании в массовых масштабах готовились средства бактериологической войны против СССР, Китая, МНР, войск США и других государств; этот отряд применял бактериологическое оружие в 1939 году в районе реки Халхин-Гол против Монгольской Народной Республики и СССР, а в 1941–42 годах — против Китая.

Генерал Ямада, бывший член Высшего военного совета Японии и Главнокомандующий Квантунской армией, показал, что «731-й отряд, расположенный на территории Маньчжурии, был организован в целях подготовки бактериологических средств войны, главным образом против Советского Союза, а также против Монгольской Народной Республики и Китая».

О том, в какой степени была законспирирована деятельность отряда № 731, свидетельствует следующее показание генерала Ямада:

«731-й отряд официально именовался "Управлением профилактики и водоснабжения Квантунской армии", что являлось известным прикрытием действительного назначения отряда. С этой же целью работники 731-го отряда носили общевойсковую форму, без знаков различия медицинской службы. Мы опасались, что большое скопление медицинских работников может вызвать нежелательные подозрения относительно действительного характера работы 731-го отряда».

Характеризуя подготовку к применению смертоносных бактерий для массового уничтожения людей, Ямада заявил, что «...в 1945 году, в связи с успешным завершением всех подготовительных работ по усовершенствованию наиболее эффективных способов применения бактериологического оружия, наступил период массового производства бактериологического оружия в целях его практического применения в любом направлении, по первому указанию императорской ставки».

Бывший начальник отдела военно-санитарного управления Военного министерства Японии (впоследствии начальник военно-санитарного управления Квантунской армии) генерал-лейтенант Кадзицука Рюдзи показал, что отряд № 731 был сформирован в 1936 году по специальному секретному указу Хирохито. «Я лично, — показал Кадзицука, — с данным указом и приложенным к нему штатом отряда был ознакомлен под расписку путем приложения к нему своей собственной печати».

Этот отряд в 1939 году был реорганизован: масштабы его деятельности были расширены, и производство бактериологического оружия резко возросло, а численность личного состава увеличена в три раза. Эта реорганизация была также произведена по другому секретному указу Хирохито.

По этому поводу генерал Кадзицука показал следующее. «С этим указом, — заявил Кадзицука, — я был ознакомлен под расписку, примерно, в феврале 1940 года в штабе Квантунской армии. Кроме того, одним или двумя секретными указами императора Хирохито от 1940 года, во второй половине этого года, дополнительно было создано четыре филиала отряда № 731...[a]»

Филиалы, о которых говорил на суде генерал Кадзицука, и как это было документально установлено, в частности приказом бывшего Главнокомандующего Квантунской армией генерала Умедзу от 2.XII.1940 года № 398/1-КО, располагались в районах, граничащих с Советским Союзом.

Генерал-майор медицинской службы Кавасима Киоси, начальник отдела отряда № 731, также заявил, что отряд № 731 был организован в 1936 году, а филиалы этого отряда были созданы в 1940 году по указам императора. Генерал Кавасима Ки-

[a] Здесь и далее в тексте отточие документа.

оси показал по этому поводу следующее: «731-й отряд был организован по секретному указу императора Японии Хирохито в 1936 году... Указ императора я видел сам в делах отряда, в период моей работы в должности начальника общего отдела отряда 731... Указ императора от 1940 года предусматривал увеличение штата отряда до 3000 человек, включая сюда и вновь сформированные этим указом филиалы в различных районах Маньчжурии...»

Таким образом, император Хирохито показаниями главных участников подготовки бактериологической войны — бывшим начальником военного санитарного управления Квантунской армии генерал-лейтенантом Кадзицука Рюдзи, генералом Кавасима Киоси — изобличается как один из главных участников подготовки бактериологической войны.

2. Исии Сиро — генерал-лейтенант медицинской службы. На судебном процессе была полностью доказана активная организующая роль Исии в преступной подготовке бактериологической войны и практическом применении бактериологического оружия против СССР, Китая и Монгольской Народной Республики.

Исии организовал и возглавил секретный центр японской армии по подготовке бактериологической войны — отряд № 731.

Все преступные изыскания в области подготовки бактериологической войны, и в частности все бесчеловечные опыты над живыми людьми, производились под непосредственным руководством Исии.

Исии непосредственно разработал способ применения в качестве бактериологического оружия блох, зараженных чумой; Исии сконструировал специальные керамические бомбы, так называемые «бомбы Исии», для применения с помощью авиации блох, зараженных чумой.

Исии также лично разработал способы культивирования в громадных количествах бактерий с целью ведения агрессивной бактериологической войны (в частности, разработал конструкцию так называемых «культиваторов Исии»).

Как было установлено на судебном процессе в г. Хабаровске показаниями генерал-майора медицинской службы Кавасима Киоси, подполковника Ниси и сотрудника отряда Фуруичи, генерал Исии лично возглавил экспедиции отряда № 731 в Китае в 1940, 1941 и 1942 годах. Во время этих экспедиций были применены различные виды бактериологического оружия и вызваны эпидемии чумы, тифа, паратифа и других болезней, повлекшие гибель тысяч мирных жителей.

Свидетель Фуруичи — один из участников экспедиции отряда № 731 — в судебном заседании показал, что заражение водоемов различными бактериями, отравление пищи и другие тягчайшие преступления производились по прямому приказанию Исии.

Как установлено показаниями бывшего начальника отдела отряда № 731 подполковника Ниси, по инициативе Исии бактериологическое оружие было применено против СССР и МНР в районе реки Халхин-Гол в 1939 году.

В 1945 г., будучи вторично назначен начальником отряда № 731, Исии подготовлял применение бактериологических средств против СССР, США и Великобритании.

Генерал-майор медицинской службы Кавасима на судебном процессе показал, что летом 1941 г. Исии на специальном секретном совещании информировал начальников отделов отряда о том, что деятельность отряда одобрена Генеральным штабом японской армии, который в связи с началом войны гитлеровской Германии против Советского Союза дал указание об активизации и подготовке бактериологической войны и об увеличении производства смертоносных бактерий, что и было осуществлено Исии.

Вся деятельность Исии отличалась особой жестокостью и бесчеловечностью. Им были установлены тесные связи с японской жандармерией и военно-разведыватель-

ными органами Японии и Маньчжурии, от которых отряд № 731 получал в порядке так называемых «особых отправок» тысячи людей для производства преступных опытов, неизменно заканчивавшихся смертью этих людей.

Бывший Главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада характеризовал Исии как одного из наиболее деятельных участников преступной подготовки бактериологической войны.

Ямада показал: «Отдел № 731 был детищем Исии, и поэтому в 1945 году он снова был назначен на должность начальника этого отряда..., назначение Исии находилось в прямой связи с задачами активизации работы бактериологических отрядов в это время и в связи с указаниями Военного министерства об увеличении производства бактериологического оружия».

3. Китано Масадзо — генерал-лейтенант медицинской службы, изобличен материалами судебного следствия в том, что, являясь с августа 1942 года по март 1945 года начальником отряда № 731, непосредственно руководил подготовкой к бактериологической войне, а также участвовал в организации применения бактериологического оружия против Китая в 1942 году.

Преступная деятельность Китано полностью была разоблачена показаниями бывшего Главнокомандующего Квантунской армией генерала Ямада, генерал-майора медицинской службы Кавасима Киоси, генерал-майора Мацумура Томакацу и генерал-лейтенанта Кадзицука Рюдзи.

Генерал Ямада, который в августе 1944 года инспектировал отряд № 731, показал, что, докладывая о деятельности отряда, Китано указал, что задачей отряда является «...изучение различных вопросов, связанных с подготовкой средств для ведения бактериологической войны... О производственном отделе отряда № 731 генерал Китано мне доложил, что этот отдел занимается изготовлением специальных бактериологических препаратов в больших размерах, достаточных для проведения наступательных операций».

Заслушав доклад Китано и лично ознакомившись с работой отряда № 731, Ямада, по его личному признанию, «был крайне поражен размахом исследовательских работ и колоссальными возможностями отряда по изготовлению бактериологического оружия».

О преступлениях, совершенных Китано, генерал-майор Мацумура показал следующее. «В конце 1944 года, — сказал Мацумура, — в кабинете командующего Квантунской армией состоялся доклад начальника отряда № 731 Китано. Китано делал доклад о способах применения в качестве бактериологического оружия блох, зараженных чумой... Ямада одобрил предложенный Китано способ применения блох, зараженных чумой, как бактериологического оружия».

По этому поводу Ямада показал: «В октябре или ноябре 1944 года генерал Китано сделал мне подробный доклад о результатах применения чумных блох как средства бактериологической войны. Доклад Китано сопровождал специальным кинофильмом, привезенным из отряда № 731, а также схемами, на которых были обозначены участки, на которых производились опыты по рассеиванию с помощью авиации блох, зараженных чумой... Во время доклада он демонстрировал различные таблицы, наглядно показывающие результаты проводимых исследований по заражению территорий бактериями чумы.

Лично я, считая способ применения блох, зараженных чумой, весьма эффективным, одобрил доклад Китано и предложенный им способ применения бактериологического оружия. Результаты опытов по применению блох, зараженных чумой, были представлены в императорскую ставку».

Показаниями генерал-лейтенанта медицинской службы Кадзицуки генерал-лейтенант Китано изобличается в том, что он в августе 1942 года участвовал в организации экспедиции, во время которой было применено бактериологическое оружие против китайцев, а также в проведении бесчеловечных опытов над живыми людьми. Как показал Кадзицука, он в августе 1944 года при посещении им отряда № 731 заслушал доклад Китано о деятельности этого отряда. Китано доложил, что «...группа работников отряда № 731 выезжала на китайский фронт в район южнее Шанхая, где с большой высоты сбрасывала на территорию с китайским населением массы блох, зараженных чумой..., и в том месте, где они упали, возникла эпидемия чумы... Кроме того, Китано рассказал мне о том, что в районе станции Аньда производились опыты с бомбами замедленного действия, начиненными бактериями сибирской язвы. Осколки этой бомбы, ранившие людей и животных, заражали их сибирской язвой».

Преступная деятельность Китано на посту начальника отряда № 731 установлена также показаниями генерал-майора медицинской службы Кавасима, лично участвовавшего на совещаниях, на которых под руководством Китано «обсуждались вопросы, связанные с исследованиями, изготовлением бактериологического материала и его практическим применением на войне».

4. Ваканацу Юдзиро — генерал-майор ветеринарной службы являлся с 1941 года по 1945 год начальником отряда № 100, который, как это доказано материалами Хабаровского процесса, занимался производством бактериологического оружия, а также осуществлял диверсии путем заражения водоемов, пастбищ и скота бактериями сибирской язвы, сапа и других эпизоотий. Этот отряд производил также бесчеловечные преступные эксперименты над живыми людьми.

Бывший Главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада признал, что отряд № 100 занимался изысканием методов применения эпизоотических бактерий и их массовым производством. О преступлениях, совершенных Вакамацу, генерал Ямада дал следующие показания: «Назначение и практическая деятельность отряда № 100 были совершенно аналогичны назначению и деятельности отряда № 731 по подготовке бактериологической войны с той разницей, что бактериологическое оружие, изготовленное отрядом № 731, предназначалось для массового уничтожения живой силы противника, а производство эпизоотических бактерий отрядом № 100 предназначалось для уничтожения скота».

Бывший сотрудник отряда № 100 поручик Хиразакура по поводу участия Вакамацу в активной подготовке бактериологического оружия показал, что Вакамацу в кругу сотрудников отряда № 100 неоднократно говорил: «На случай войны Японии с Советским Союзом отряд № 100 должен стать фабрикой по выпуску в массовом количестве различных бактерий и сильно действующих ядов для ведения диверсионно-бактериологической войны против Советского Союза».

Хиразакура изобличил Вакамацу также и в том, что по его указаниям направлялись специальные разведывательно-диверсионные экспедиции в районы Трехречья и Хайлар, которые изучали возможность производства бактериологических диверсий против СССР и МНР, а также фактически осуществляли такие диверсии. О результатах производственных изысканий докладывалось генералу Вакамацу, который давал дальнейшие указания по производству диверсий.

В отряде № 100, руководимом Вакамацу, как это устанавливается показаниями на судебном процессе бывших сотрудников этого отряда Митомо и Хатаки, злодейски умерщвлялись люди путем производства над ними бесчеловечных преступных опытов.

Показания[ми] бывшего начальника ветеринарного управления Квантунской армии генерал-лейтенанта ветеринарной службы Такахаси Такаацу бывший начальник отряда № 100 Вакамацу изобличен в том, что, будучи тесно связан с разведывательным отделом штаба Квантунской армии, он лично руководил преступными изысканиями бактериологического оружия и подготовкой бактериологических диверсий.

Такахаси изобличает Вакамацу также и в том, что он в 1941 году участвовал в совещании у бывшего Главнокомандующего Квантунской армией Умедзу, посвященном подготовке бактериологической войны. В ноябре 1944 года Вакамацу принимал участие в аналогичном совещании, состоявшемся в кабинете бывшего Главнокомандующего Ямада, на котором Такахаси докладывал свои соображения о планах применения бактериологического оружия.

5. Касахара Юкио — генерал-лейтенант, являясь начальником штаба Квантунской армии с 1942 года по 1945 год, осуществлял руководство подготовкой бактериологической войны против Советского Союза и принимал непосредственное участие в разработке конкретных методов применения бактериологического оружия.

Активная роль Касахара в подготовке бактериологической войны полностью установлена показаниями генерала Ямада, генерал-майора Мацумура, генерал-лейтенанта ветеринарной службы Такахаси, полковника Тамура и других допрошенных на судебном процессе обвиняемых и свидетелей.

Полковник Тамура, бывший начальник отдела кадров штаба Квантунской армии, показал, что при инструктаже, связанном с назначением его на эту должность в первых числах января 1945 года, «...генерал-лейтенант Касахара мне сказал, что я должен буду относиться с особым вниманием к отряду № 731, поскольку этот отряд ... готовится к бактериологической войне».

Касаясь вопроса разработки отдельных способов применения бактериологического оружия, генерал Ямада показал, что «...для изучения способов применения бактериологического оружия создавались специальные комиссии ... Председателем этих комиссий был начальник штаба ... Решения комиссии по применению бактериологических средств войны представлялись командующему Квантунской армией и после его утверждения докладывались в Генеральный штаб Японии».

Характеризуя деятельность штаба Квантунской армии по подготовке бактериологической войны против СССР, начальник оперативно-стратегического отдела этого штаба генерал-майор Мацумура показал: «...После получения указаний об увеличении производства бактериологического оружия Касахара мне поручил изучить вопрос о возможности его применения против Советского Союза ... Я этот вопрос изучил и сделал соответствующий доклад Касахара, который, как я уже сказал, одобрил мои соображения, ... я доложил Касахара о том, что на случай войны с Советским Союзом бактериологическое оружие должно быть применено в районе городов Ворошилова, Хабаровска, Благовещенска и Читы...»

Осенью 1944 года Касахара принял участие в обсуждении вопроса о способах применения бактериологической бомбы «системы Исии».

В ноябре 1944 года Касахара участвовал в работе специального совещания высших штабных офицеров, на котором обсуждался вопрос о результатах бактериологической разведки, проводившейся отрядом № 100 с целью подготовки практического применения бактериологического оружия против СССР.

Изложенное подтверждает, что Касахара являлся одним из организаторов бактериологической войны и непосредственно занимался вопросами применения бактериологического оружия, главным образом против СССР, Монгольской Народной Республики и Китая.

Таким образом, данными, установленными на судебном процессе в Хабаровске, и приговором Военного трибунала Приморского военного округа доказано, что в подготовке и осуществлении бактериологической войны, являющейся тягчайшим преступлением против человечества, ведущая роль принадлежала не только уже ранее осужденным по приговору Международного Военного трибунала для Дальнего востока японским военным преступникам и осужденным по приговору Военного трибунала в Хабаровске 12 японским военным преступникам, но и императору Японии Хирохито, а также генералам японской армии Исии Сиро (бывший начальник отряда № 731), Китано Масадзо (также бывший начальник отряда № 731), Вакамацу Юдзиро (бывший начальник отряда № 100) и Касахара Юкио (бывший начальник штаба Квантунской армии).

В соответствии с этим и принимая во внимание,

что Женевским протоколом [от] 17 июня 1925 г. запрещено применение бактериологического оружия, уже давно осужденного цивилизованными нациями как тягчайшее преступление, противоречащее чести и совести народов, и что, таким образом, указанные выше преступления являются грубым нарушением законов и обычаев войны и общепризнанных норм международного права;

что союзные державы в решении Дальневосточной Комиссии от 3 апреля 1946 года квалифицировали нарушение законов и обычаев войны как военные преступления, а в решении от 19 июня 1947 года установили, что «суровое правосудие должно быть применено по отношению ко всем военным преступникам...»;

что Дальневосточная Комиссия 3 апреля 1946 года решила «...принять все возможные меры для того, чтобы выявить, расследовать, арестовать и заключить под стражу всех лиц, подозреваемых в совершении военных преступлений...» и установила, что для рассмотрения дел о военных преступниках на Дальнем Востоке Главнокомандующий Союзных Держав должен «назначать специальные международные военные суды», –

Правительство Союза ССР предлагает назначить в ближайшее время, в соответствии с пунктом «а» статьи 5 решения Дальневосточной Комиссии от 3 апреля 1946 года (документ FEC-007/3), специальный международный военный суд и предать указанному международному суду как военных преступников, изобличенных в совершении тягчайших преступлений против человечества, – императора Японии Хирохито, генералов Исии Сиро, Китано Масадзо, Вакамацу Юдзиро, Касахара Юкио.

Советское Правительство считает необходимым также заявить, что все материалы судебного процесса, происходившего в декабре 1949 года в Хабаровске над японскими военными преступниками Ямада, Такахаси, Кадзицука и другими, изобличающие указанных в настоящей ноте лиц в совершении тягчайших преступлений, будут полностью предоставлены в распоряжение международного военного суда немедленно после его образования.

Примите, Сэр, мои уверения в весьма высоком к Вам уважении

А. Панюшкин

Г-ну Дину Г. Ачесону,
Государственному Секретарю
Соединенных Штатов Америки

АВП РФ. Ф. 192. Оп. 17А. П. 167. Д. 1. Л. 19–57. Подлинник.
Опубл.: Правда. 1950. 3 февр.

№ 70. Письмо министра иностранных дел СССР А. Я. Вышинского министру юстиции СССР К. П. Горшенину о публикации материалов судебных процессов, проводившихся на территории СССР, по делам немецко-фашистских и японских преступников

4 мая 1950 г.

Секретно
«4» мая 1950 года
№ 1103/дпу

МИНИСТРУ ЮСТИЦИИ СОЮЗА ССР
тов. ГОРШЕНИНУ К. П.
на № 13А-13 от 14 апреля с. г.

Министерство иностранных дел СССР согласно с присланным Министерством юстиции СССР перечнем судебных процессов на территории СССР по делам немецко-фашистских и японских преступников, освещавшихся в советской печати. Однако материалы Хабаровского процесса, по мнению МИД СССР, следовало бы опубликовать не только в тех пределах, в каких они были опубликованы в «Правде», но шире, использовав также и недавно выпущенный сборник. Прошу Вас дать указание подготовить материалы указанных процессов для направления через МИД СССР Генеральному Секретарю ООН.

МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР А. ВЫШИНСКИЙ

АВП РФ. Ф. 054. Оп. 36. Д. 644. Л. 139–148.
Подлинник. Публикуется впервые.

№ 71. Нота Правительства СССР Правительству США о предании международному суду как военных преступников императора Японии Хирохито и 4-х генералов японской армии

31 мая 1950 г.

№ 93

Сэр,

1 февраля 1950 года по поручению Советского Правительства посол имел честь направить Вам ноту о результатах гласного судебного процесса, происходившего в Военном трибунале Приморского военного округа в г. Хабаровске с 25 по 30 декабря 1949 года, над японскими военными преступниками Ямада, Такахаси, Кадзицука и другими, где было установлено, что японские правящие круги во главе с императором Хирохито на протяжении многих лет тайно готовили (против СССР, Китая, США и Великобритании) бактериологическую войну — одно из самых бесчеловечных орудий агрессии.

На этом процессе установлено также, что японские военные преступники не только готовили, но и неоднократно применяли бактериологическое оружие при осуществлении своих агрессивных планов: в 1939 г. — против Монгольской Народной Республики и СССР в районе реки Халхин-Гол; в 1940–1942 годах — во время войны против Китая, где бактериологические экспедиции японской армии вызвали эпидемии чумы и тифа.

В упомянутой ноте от 1 февраля указывалось на то, что данными, установленными на судебном процессе в Хабаровске, доказано, что в подготовке и осуществлении бактериологической войны ведущая роль принадлежала не только уже ранее осужденным японским военным преступникам, но и императору Японии Хирохито, а также генералам японской армии Исии Сиро (бывший начальник отряда № 731), Китано Масадзо (также бывший начальник отряда № 731), Вакамацу Юдзиро (бывший начальник отряда № 100) и Касахара Юкио (бывший начальник штаба Квантунской армии).

Исходя из того, что применение бактериологического оружия уже давно осуждено цивилизованными нациями как тягчайшее преступление, противоречащее чести и совести народов, и, как известно, запрещено Женевским протоколом от 17 июня 1925 года, Советское Правительство в своей ноте от 1 февраля предложило назначить в ближайшее время специальный Международный военный суд и предать указанному суду как изобличенных военных преступников императора Японии Хирохито и генералов Исии Сиро, Китано Масадзо, Вакамацу Юдзиро, Касахара Юкио.

Посольство считает необходимым напомнить, что, хотя со времени вручения указанной выше ноты прошло более трех месяцев, ответ на эту ноту до сих пор Посольством не получен. Обращая внимание, по поручению Советского Правительства, на это обстоятельство, Посольство ожидает, что Правительством США будет дан ответ на ноту СССР от 1 февраля в самый непродолжительный срок.

Примите, Сэр, мои уверения в весьма высоком к Вам уважении

Базыкин

Г-ну Дину Г. Ачесону,
Государственному Секретарю
Соединенных Штатов Америки

АВП РФ. Ф. 192. Оп. 17А. П. 167. Д. 1. Л. 104–109.
Подлинник. Публикуется впервые.

№ 72. Докладная записка 1-го заместителя министра иностранных дел А. А. Громыко И. В. Сталину о направлении правительствам США и Великобритании третьей ноты по вопросу о предании международному суду как военных преступников императора Японии Хирохито и 4-х генералов японской армии

6 декабря 1950 г.

Секретно

Товарищу СТАЛИНУ И. В.

1 февраля 1950 года Советское Правительство через своих послов в Вашингтоне, Лондоне и Пекине вручило Правительствам США, Великобритании и Китайской Народной Республики ноту по вопросу о предании международному суду как военных преступников императора Японии Хирохито и четырех японских генералов. Ни Правительство США, ни Правительство Великобритании на эту ноту ответа до сих [пор] не дали.

3 февраля 1950 г. Государственный департамент выпустил сообщение для печати, в котором ни слова не говорится о результатах гласного судебного процесса в Хабаровске над группой японских военных преступников, участвовавших в подготовке бактериологической войны, и утверждается, что основной целью ноты якобы является отвлечь внимание от того факта, что Советский Союз не репатриировал более 370 тысяч японских военнопленных.

30 мая 1950 г. Советское Правительство направило Правительствам США и Великобритании новую ноту по вопросу о привлечении к суду императора Хирохито. На эту ноту, так же как и на первую, ни правительство США, ни правительство Великобритании ответа до сих пор не дали.

1 июня 1950 г. представитель Госдепартамента сообщил корреспондентам о получении новой ноты Советского Правительства относительно Хирохито. При этом было заявлено, что позиция Соединенных Штатов не изменилась со времени первой ноты Советского Правительства от 1 февраля и что Соединенные Штаты по-прежнему возражают против обвинений императора Хирохито.

Копии нот от 1 февраля и от 30 мая были переданы Правительствам Австралии, Бирмы, Голландии, Индии, Канады, Новой Зеландии, Пакистана и Франции, входящим в Дальневосточную Комиссию.

МИД СССР считает целесообразным направить Правительствам США и Великобритании третью ноту по этому вопросу с опубликованием ноты в печати.

С тов. Молотовым В. М. согласовано.

Проект постановления прилагается[a].

Прошу рассмотреть.

А. Громыко

6 декабря 1950 г.
№ 367-ги

АВП РФ. Ф. 07. Оп. 23А. П. 30. Д. 407. Л. 110–111.
Копия. Публикуется впервые.

№ 73. Нота Правительства СССР Правительству США о предании международному суду как военных преступников императора Японии Хирохито и 4-х генералов японской армии

15 декабря 1950 г.

г. Вашингтон, «15» декабря 1950 года
№ 182

Сэр,

Десять месяцев тому назад, 1 февраля 1950 года Советское Правительство направило Правительству Соединенных Штатов Америки ноту о результатах гласного судебного процесса, происходившего в Военном трибунале Приморского военного округа в г. Хабаровске с 25 по 30 декабря 1949 года, над японскими военными преступниками Ямада, Кадзицука, Кавасима и другими, где было установлено, что японские правящие круги во главе с императором Хирохито на протяжении многих лет тайно готовили против СССР, Китая, США и Великобритании бактериологическую войну — одно из самых бесчеловечных орудий агрессии.

В этой ноте указывалось, на основании установленных судом фактов, что император Японии Хирохито показаниями участников подготовки бактериологической войны Кадзицука и Кавасима изобличен как один из главных участников подготовки бактериологической войны. В соответствии со специальными секретными указаниями Хирохито на оккупированной тогда Японией территории Маньчжурии был создан центр японской армии по подготовке бактериологической войны против СССР, Китая, МНР, США и других государств. Подготовка к осуществлению этих преступных замыслов

[a] К докладной записке приложен проект постановления ЦК ВКП(б), в котором одобрено решение о направлении третьей ноты.

японских милитаристов сопровождалась испытаниями действия смертоносных бактерий на тысячах людей, главным образом на гражданах Китая и СССР.

На упомянутом Хабаровском судебном процессе установлено также, что японские военные преступники не только готовили, но и неоднократно применяли бактериологическое оружие при осуществлении своих агрессивных планов: в 1939 году — против Монгольской Народной Республики и СССР в районе реки Халхин-Гол; в 1940–1942 годах — во время войны против Китая, где бактериологические экспедиции японской армии вызвали эпидемии чумы и тифа.

В ноте Советского Правительства указывалось, что злодеяния японских милитаристов и их главного организатора и вдохновителя императора Японии Хирохито являются грубым нарушением законов и обычаев войны, и в частности Женевского протокола от 17 июня 1925 года, запрещающего применение бактериологического оружия, уже давно осужденного цивилизованными нациями как тягчайшее преступление, противоречащее чести и совести народов.

Исходя из Потсдамской Декларации 1945 года, подписанной Соединенными Штатами, Великобританией и Китаем, к которой присоединился СССР, где заявляется, что все военные преступники должны понести суровое наказание, а также в соответствии с пунктом «а» статьи 5 решения Дальневосточной Комиссии от 3 апреля 1946 года, установившей, что для рассмотрения дел о военных преступниках на Дальнем Востоке Главнокомандующий Союзных Держав должен «назначать специальные международные суды», Советское Правительство в своей ноте от 1 февраля 1950 года предложило Правительству США, равно как и Правительству Великобритании, назначить специальный международный военный суд и предать этому суду как военных преступников, изобличенных в совершении тягчайших преступлений против человечества, императора Японии Хирохито и генералов бывшей японской армии Исии Сиро, Китано Масадзо, Вакамацу Юдзиро, Касахара Юкио.

Несмотря на длительный срок, прошедший после 1 февраля 1950 года, и несмотря на то, что Советское Правительство 30 мая сего года направило Правительству США по этому вопросу новую ноту, Правительство Соединенных Штатов Америки до сих пор не дало ответа Советскому Правительству на ноту от 1 февраля 1950 года, что вызывает естественное недоумение также в широких общественных кругах, не могущих мириться с каким-либо послаблением или покровительством в отношении военных преступников, уличенных в подготовке и проведении бесчеловечной бактериологической войны.

Советское Правительство считает нужным сообщить, что Народное Правительство Китайской Народной Республики уже ответило согласием с предложением, сделанным Советским Правительством в ноте от 1 февраля сего года.

Советское Правительство ожидает, что Правительство США, в соответствии со взятыми им на себя обязательствами о предании суду военных преступников, даст ответ на ноту Советского Правительства от 1 февраля 1950 года о предании специальному военному суду императора Хирохито и других указанных выше военных преступников, изобличенных в подготовке бактериологической войны и в применении бактериологического оружия.

Примите, Сэр, мои уверения в весьма высоком к Вам уважении

А. Панюшкин

Г-ну Дину Г. Ачесону
Государственному Секретарю
Соединенных Штатов Америки

АВП РФ. Ф. 192. Оп. 17А. Д. 1. Л. 208–215. Подлинник.
Опубл.: Правда. 1950. 16 дек. (№ 350).

Раздел I. Подготовка Японии к войне против СССР — нарушение договора о нейтралитете между СССР и Японией

[1] Советско-японский Пакт о нейтралитете был подписан в Москве 13 апреля 1941 г. Со стороны Советского Союза договор подписал председатель Совнаркома СССР, народный комиссар иностранных дел В. М. Молотов, со стороны Японии — министр иностранных дел Ёсукэ Мацуока и посол Японии в СССР Ёсицугци Татэкава. Договор был заключен на 5 лет с момента ратификации: с 25 апреля 1941 г. по 25 апреля 1946 г. Предусматривалось, что он продлевался автоматически еще на 5 лет (до 1951 г.) при условии, если одна из сторон не денонсирует его за год до окончания срока.

Согласно пакту о нейтралитете стороны обязывались поддерживать мирные и дружественные отношения, взаимно уважать территориальную целостность, а в случае, если одна из договорившихся сторон оказалась бы объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона должна была соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта.

Реакция на заключенный договор была крайне отрицательной, как в странах гитлеровской коалиции, так и в Великобритании и США.

Несмотря на подписанные договоренности, Япония развернула против Советского Союза необъявленную войну. Совершались различного рода провокации (с июня 1941 г. по август 1945 г. советской стороной зафиксировано более 700 инцидентов, связанных с нарушением сухопутной границы СССР, около 400 нарушений воздушного пространства и более 200 раз японские корабли вторгались в советские территориальные воды), саботировались торгово-экономические договоренности.

5 апреля 1945 г. нарком иностранных дел СССР В. Молотов сделал заявление послу Японии в СССР Наотакэ Сато о денонсации пакта о нейтралитете между СССР и Японией. Было отмечено, что в условиях продолжения Японией войны против союзников СССР он «потерял смысл».

26 июля 1945 г. США, Великобритания и Китай выступили с совместной Потсдамской декларацией, в которой потребовали безоговорочной капитуляции Японии, отметив при этом, что «японский суверенитет будет ограничен островами Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и теми менее крупными островами, которые мы укажем».

8 августа 1945 г., после отказа Японии принять требования США, Англии и Китая, Советский Союз официально присоединился к Потсдамской декларации и объявил войну Японии.

[2] Квантунская армия была создана в 1919 г. как армейский гарнизон для охраны расположенных на Квантунском полуострове (юго-западной части Ляодунского полу-

острова) морских баз и Южно-Маньчжурской железной дороги общей численностью около 15 тыс. человек. Впоследствии он был реорганизован в крупную и боеспособную группировку сухопутных войск Японской империи — Квантунскую армию. В сентябре 1931 г. под командованием генерал-лейтенанта Сигэру Хондзе она провела успешную операцию по захвату Маньчжурии. Личный состав армии составлял более 260 тысяч человек, на вооружении состояло 439 танков, 1193 артиллерийских орудий и 500 самолетов.

В 1936 г. на должность командующего армией был назначен генерал Уэда Кенкити, считавший Советский Союз главным геополитическим противником Японии. Военные столкновения с СССР в 1938 г. у оз. Хасан, а затем в 1939 г. на р. Халкин-Гол завершились поражением частей Квантунской армии и отказом Японии от крупномасштабных боевых действий против Советского Союза.

В период с 1941 г. до середины 1944 г. войска Квантунской армии, в соответствии с планом «Кан-току-эн», были сосредоточены вдоль маньчжурской границы с СССР, а также в Корее. План «Кан-Току-Эн» предполагал вторжение японских войск в СССР и захват Дальнего Востока и Сибири вплоть до Урала, раздел СССР совместно с Германией на две части: европейскую — под протекторатом Германии и восточную — Японии. Численность армии в 1944 г. составляла более 700 тыс., на вооружении состояло 1155 танков, 6260 единиц артиллерийского оружия, 1900 самолетов и 25 боевых кораблей.

Для ведения обороны на границе с СССР было построено 17 укрепленных районов. 10 из 17 укрепрайонов прикрывали Квантунскую армию со стороны Дальнего Востока (фронт около 900 км), а остальные 7 были предназначены для прикрытия оперативных направлений, расположенных вдоль правого берега рек Амура, Аргуна и монгольско-китайской границы (более 3600 км). Укрепленные районы представляли собой сеть долговременных фортификационных сооружений, построенных с учетом рельефа местности — многоярусные доты, дзоты, железобетонные убежища и бронеколпаки. Каждый укрепленный район имел размеры от 40 до 80 км по фронту и на глубину от 15 до 25 км.

Командующему Квантунской армией генералу Ямада Отодзо (назначен в июле 1944 г.) была поставлена задача по активной обороне Маньчжурии и Кореи. Для увеличения численности армии была проведена тотальная мобилизация среди японских колонистов в Китае и Маньчжурии. На момент объявления Советским Союзом войны Японии личный состав Квантунской армии составил более 1 млн военнослужащих, около половины которых были новобранцами. Уровень вооружения и военной техники был ниже, чем у СССР, многие образцы заметно устарели.

После обращения императора Хирохито к подданным о капитуляции Японии главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада 16 августа 1945 г. отдал приказ прекратить вооруженное сопротивление. Советскими войсками на территории Маньчжурии было взято в плен 639 776 военнослужащих Квантунской армии.

[3] Маньчжурия — историческая область в северо-восточной части современного Китая (регион Дунбэй и восточная часть Внутренней Монголии). В XIX в. она стала объектом геополитических конфликтов Китая, России и Японии. Столкновение геополитических интересов Российской и Японской империй привело к Русско-японской войне (1904–1905). По условиям Портсмутского мира (1905) Япония получила от России Ляодунский полуостров и Южно-Маньчжурскую ветвь КВЖД, а также Южный Сахалин.

В 1931 г. Квантунская армия Японии провела успешную военную операцию по захвату Маньчжурии — на ее территории 1 марта 1932 г. было образовано марионе-

точное государство Маньчжоу-го, верховным правителем которого был провозглашен последний китайский император династии Цин — Пу И. Маньчжоу-го признали 23 из 80 существовавших в то время государств. Обеспечение внутренней безопасности и военную защиту новообразованного государства взяло на себя японское правительство. Вся полнота политической власти в Маньчжоу-го принадлежала представителям японских правящих верхов.

Экономика государства была подчинена обслуживанию соединений японской армии, находящихся на ее территории. Были введены система обязательных сельскохозяйственных поставок по низким закупочным ценам, трудовая повинность, создана «Маньчжурская компания тяжелой индустрии», которая вела разработки полезных ископаемых, производила чугун, сталь и прочее для нужд Квантунской армии.

С территории Маньчжоу-го Япония неоднократно устаивала военные провокации против СССР и МНР. Наиболее значимые из них были в районе оз. Хасан (1938) и на р. Халхин-Гол (1939).

После проведения 9 августа 1945 г. советскими войсками успешной наступательной операции Квантунская армия была разгромлена. 18 августа 1945 г. император Пу И отрекся от престола, государство Маньчжоу-го прекратило свое существование.

[4] «Спецотправки» — термин, означающий особое оформление арестованных японскими военными властями в Маньчжурии лиц для пересылки в противоэпидемический отряд № 731, где над ними проводились бактериологические опыты.

Трофейные документы японских военных властей дают представление о широком круге лиц, из которых комплектовались так называемые «спецотправки» и к которым относились китайцы, корейцы, маньчжуры. Особое место среди лиц, включавшихся в «спецотправки», отводилось советским гражданам, уличенным или подозреваемым в связях с советской разведкой, разведчикам и агентам, а также бойцам 8-й Народно-освободительной армии Китая, военнопленным китайцам, захваченным в плен в ходе военных действий, китайским и корейским партизанам, боровшимся против японской оккупации Маньчжурии. Значительное количество отправляемых в отряд № 731 составляли антияпонски настроенные лица и уголовно-криминальный элемент.

Составлением списков лиц, включаемых в «спецотправку», занимались две структуры — ЯВМ и различные формирования жандармерии и контрразведки. Не было ни одного случая, чтобы лицо, внесенное в списки на «спецотправку», исключалось из него при рассмотрении Харбинской жандармерией. Аналогичное положение утвердилось также в Харбинской ЯВМ за тем исключением, что местные ЯВМ могли принимать на этот счет решения самостоятельно. Так, Сахалянская ЯВМ в августе 1945 г. самостоятельно направила в отряд № 731 группу из 5–6 советских граждан, оказавшихся в Маньчжурии. Харбинская ЯВМ в начале августа 1945 г. отправила в этот отряд из лагеря «Хогоин» партию заключенных из 40–50 человек.

В ряде случаев сотрудники жандармского подразделения, входившего в структуру отряда № 731, по указанию его руководителя генерала Исии сами выезжали для отбора «контингента» в те или иные регионы Маньчжурии.

Процедура принятия испытуемых в отряд № 731 была простой: телефонным звонком или нарочным Харбинская жандармерия от имени генерала Исии извещалась о необходимости доставки новой партии испытуемых. Такие потребности в испытуемых выполнялись жандармерией неукоснительно. Отобранная к «спецотправке» партия доставлялась в Харбин. Туда прибывал по телефонному звонку представитель жандармерии отряда № 731 и на специальной автомашине под охраной отвозил лиц, предна-

значенных для испытаний, в тюрьму отряда. Эти люди больше ни в каких документах не значились под своими фамилиями, каждому присваивался номер, под которым он испытывался, умирал и сжигался в крематории.

Формированию и направлению «спецотправок» в отряд № 731 нередко предшествовал приказ командующего Квантунской армией. Так, например, приказом № 204 от 8 августа 1939 г. (обращаем внимание на год издания приказа) начальник Квантунской жандармерии, на тот период генерал-майор Сирокуза, предписал: партию около 90 человек отправить до Харбина в прямое подчинение начальника отряда № 731, при этом 60 человек — до ст. Суньу. Для обеспечения «спецотправки» приказывалось лицам, ее осуществлявшим, иметь при себе десятки веревок, ножных и ручных кандалов. Очевидно, что эти меры были направлены на предотвращение возможных побегов.

Все лица, попавшие в тюрьму отряда № 731 и его филиал в Харбине, содержались в самых ужасных условиях: не было элементарных санитарно-бытовых удобств, все постоянно находились закованными в цепи.

Установить точное количество людей, направленных в лаборатории и на полигоны отряда № 731 и умерщвленных там, не представляется возможным. Пофамильный учет испытуемых и умерщвленных лиц в отряде не велся, а номерной учет был сожжен в августе 1945 г., равно как все сведения, которые имелись в лабораториях и отделах отряда.

Ряд лиц на допросах показывал, что через эту «фабрику смерти» ежегодно проходили 500–600 человек.

Ради объективности надо отметить, что работа «фабрики смерти» нередко приводила к заражению бактериями и смерти самих экспериментаторов. По показаниям начальника учебно-просветительного отдела противоэпидемического отряда № 731 подполковника медицинской службы Ниси от 1 февраля 1949 г., только в 1943–1945 гг. погибли 15–20 японцев от заражения бактериями чумы и сибирской язвы; в общем отделе этого отряда стояли до 60 урн с прахом погибших. Сотрудниками отряда это место называлось музеем, в котором были вывешены для наглядности карты, схемы, диаграммы, другие документы о результатах проводившихся опытов.

Обобщенные количественные данные о смертности «бревен», так называли в отряде испытуемых, имелись в Генштабе японской армии в г. Токио, т. к. туда каждой лабораторией или отрядом направлялись поквартальные и годовые отчеты. Япония эти данные никогда не публиковала.

[5] Международный военный трибунал для Дальнего Востока (Токийский процесс) — суд над японскими военными преступниками, проходивший в Токио с 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г. Для проведения процесса был сформирован специальный судебный орган, в состав которого вошли представители 11 государств: СССР, США, Китай, Великобритания, Австралия, Канада, Франция, Нидерланды, Новая Зеландия, Индия и Филиппины. Процесс возглавлял австралийский судья Уильям Уэбб, главным обвинителем был назначен американский прокурор Джозеф Киннан. Представителем СССР на этом процессе выступил член Военной коллегии Верховного Совета СССР генерал И. М. Зарянов. В качестве дополнительных обвинителей были назначены член-корреспондент Академии наук СССР С. А. Голунский, государственные советники юстиции А. Н. Васильев и Л. Н. Смирнов. В качестве обвиняемых к участию в процессе было привлечено 29 лиц, главным образом из числа высшего военного и гражданского руководства Японской империи. В ходе процесса было проведено 818 открытых судебных заседаний и 131 заседание в судейской комнате; трибунал принял 4356 документальных доказательств и 1194 свидетельских показания, из которых 419 были заслушаны непосредственно трибуналом.

В обвинительном акте трибунала было сформулировано 55 пунктов, содержащих общие обвинения всех подсудимых и виновность каждого в отдельности. Как и на Нюрнбергском процессе, все пункты обвинения были разделены на три категории: A, B и C. Категория A включала в себя обвинения в преступлениях против мира — планировании и ведении агрессивной войны и нарушении международного законодательства. Она применялась только против высшего руководства Японии. Категория B включала обвинения в массовых убийствах. Категория C — обвинения в преступлениях против обычаев войны и преступлениях против человечности, они применялись к японцам любого ранга.

В ходе процесса приводились факты массовых убийств, например Нанкинской резни, в ходе которой было убито более 300 тыс. жителей города и китайских военных. Воспроизводился «марш смерти» на Филиппинах, во время которого погибли десятки тысяч военнопленных и т. д.

Советское обвинение представило трибуналу многочисленные доказательства по разделу «Агрессия Японии против СССР». Одним из доказательств был утвержденный императором в августе 1941 г. план «Кан-Току-Эн», который предполагал вторжение японских войск в СССР и захват Дальнего Востока и Сибири вплоть до Урала, раздел СССР совместно с Германией на две части: европейскую — под протекторатом Германии и восточную — Японии.

[6] Советско-японский конфликт в районе р. Халхин-Гол относится к маю — сентябрю 1939 г., когда советско-монгольские войска отразили агрессию японских захватчиков, вторгшихся на территорию Монгольской Народной Республики в районе р. Халхин-Гол. Боевые действия были прекращены по просьбе Японии 16 сентября 1939 г. Потери Японии составили около 61 тыс., советских войск: безвозвратные — около 8 тыс., санитарные — около 16 тыс. человек. Поражение Японии явилось одной из причин удержания ее от выступления против СССР во Второй мировой войне.

[7] В 1930-е гг. усилились и организационно оформились агрессивные устремления Японии в отношении СССР. В 1934 г. Генштабом японской армии был окончательно доработан план нападения на СССР, а в 1935 г. этот план под названием «Оцу» был утвержден императором. В соответствии с ним Маньчжурии, захваченной Японией в 1931–1932 гг., отводилась роль основного плацдарма сосредоточения японских войск, с территории которого планировалось начать войну против СССР. В пограничных с СССР районах развернулась широкая сеть разведывательных и контрразведывательных структур (жандармерии, полиции, пограничной охраны) при ведущей роли военной разведки и японских военных миссий (ЯВМ).

Императорская ставка и военное руководство Японии допускали, что война с СССР может принять затяжной характер и проходить с переменным успехом. Поэтому было принято решение о применении в ходе кампании бактериологического оружия, которое было оформлено указами императора. Подготовка к ведению бактериологической войны стала стратегическим и оперативно-тактическим курсом японских правящих кругов.

Планами Генштаба Японии предусматривалось, во-первых, применение бактериологического оружия непосредственно в ходе наступательных военных действий против Красной армии с целью вывода из строя ее живой силы; во-вторых, планировалось осуществление этой же цели и при вынужденном отступлении японской армии путем бактериологического отравления оставляемой территории (животного и растительного мира, водоемов и т. п.) с целью организации массовых эпидемий в войсках противника и среди местного населения.

Для реализации плана бактериологической войны на территории Маньчжурии, согласно указам императора, были созданы специальные структуры Квантунской армии, получившие названия «Управление по профилактике» и подчинявшиеся непосредственно императору, Генштабу японской армии и как исполнителю — командующему Квантунской армией. В приказе командующего Квантунской армией от 5 октября 1939 г. № 237–КО указывалось, что такие структуры поступают в непосредственное распоряжение императорской ставки. Первая из этих структур с 1941 г. стала называться отрядом № 731, вторая — отрядом № 100. Обе располагали многочисленными филиалами, созданными по указам императора. Основными задачами новых секретных подразделений являлись лабораторная выработка и производство в больших масштабах бацилл для бактериологического оружия; проверка их эффективности на людях, животном и растительном мире.

[8] Хасан, озеро на юго-востоке Приморского края Российской Федерации у границы с Китаем и Кореей, в районе которого 29 июля — 11 августа 1938 г. произошел военный конфликт между СССР и Японией из-за оспаривания Японией принадлежности территории у озера Хасан и реки Туманная. В результате боев советские войска защитили государственную границу СССР и разгромили части противника. Японцы были вытеснены за линию, обозначенную на карте, приложенной к Хунчуньскому протоколу 1886 г. и фиксирующей границу между Российской империей, а позже СССР, и Маньчжурией.

Раздел II. Подготовка решения о предании суду бывших военнослужащих японской армии, обвиняемых в подготовке и применении бактериологического оружия

[1] Проект постановления ЦК ВКП(б) опущен, в приложении к докладной записке публикуется проект постановления Совета министров СССР, который был принят.

[2] Бактериологическое оружие (биологическое оружие) — вид оружия массового поражения, способный вызывать массовые заболевания или гибель людей, животных и растений с помощью бактериальных (биологических) агентов. Основу поражающего действия бактериологического оружия составляют биологические средства — специально отобранные для боевого применения биологические агенты (вирусы, бактерии, грибки, риккетсии). Наиболее смертоносные бактериальные (биологические) средства вызывают эпидемию чумы, холеры, брюшного тифа, столбняка, сапа.

Бактериологическое оружие включает снаряженные биологическими средствами боеприпасы (боевые части ракет, кассеты и контейнеры, авиабомбы, снаряды стволь-ной и реактивной артиллерии и др.) и несущие средства их доставки (ракеты, самолеты, аэростаты, подводные и надводные корабли, артиллерийские орудия и др.).

Раздел III. Судебный процесс по делу японских военных преступников (г. Хабаровск)

3.1. Протоколы допросов и показания подсудимых

3.1.1. Бактериологическое оружие — разработка и факты применения

[1] Разработка и производство в массовых масштабах бактериологических средств ведения войны осуществлялись отрядами № 731 и № 100 Квантунской армии, которые одновременно занимались и их применением.

Согласно показаниям многих сотрудников бактериологических отрядов и их филиалов, их научно-исследовательская и производственная деятельность в сфере разработки видов бактерий и их выращивания была поставлена на поток.

Так, начальник отделения 4-го (производственного) отдела отряда № 731 Карасава на допросе показал, что только во второй половине 1940 г. подчиненным ему отделением было выращено 70 кг бактерий брюшного тифа, 50 кг бактерий холеры; в середине 1942 г. — выращено 130 кг бактерий паратифа и сибирской язвы. По его показаниям, потенциально можно было вырастить до 300 кг бактерий чумы.

Хиразакура, сотрудник отряда № 100, на допросе показал, что в 1942 г. даже в полевых условиях во время проведения «экспедиций» его лаборатория на месте выращивала 50–60 кг бактерий сибирской язвы. По словам ст. унтер-офицера Митомо, работавшего в 1941–1944 гг. в том же отряде, только за одни сутки выращивалось бактерий чумы, овечьей оспы, сапа и сибирской язвы около 1 кг, которыми можно было заразить 50–60 тысяч единиц скота. Помимо этих бактерий, отряд накапливал также корейский вьюнок, героин и зерна касторника (см. док. № 50).

Объем и виды выращиваемых бактерий, равно как методы их применения, определялись созданным при Комитете обороны Квантунской армии специальным подкомитетом, который возглавлял командующий армией. В него входили: начальник штаба Квантунской армии, его заместители, начальники 1-го и 2-го отделов штаба, первые руководители Ветеринарного, Санитарного и Жандармского управлений, начальники Харбинской ЯВМ, отрядов № 731 и № 100. Подкомитет определял виды бактерий, которые следует выращивать: для заражения людей — бактерии чумы и газовой гангрены; для заражения животных — бактерии чумы, сибирской язвы и сапа; для заражения продовольственных (зерновых) культур — бактерии черной и красной ржавчины. После заражения этими бактериями посевов зерновых колосья не были способны развиваться, зерно нельзя было использовать даже для фуража (об одном из заседаний Центрального комитета обороны Японии — см. док. № 2).

Технология производства бактерий. Отряды №№ 731 и 100, а также некоторые их филиалы, по свидетельству работавших там специалистов-бактериологов, были оснащены самыми современными на тот период приборами и аппаратурой, в значительной части германского производства.

Лаборатории отряда № 100 были оснащены ультракоротковолновым генератором, многочисленными инкубаторами, ректификатором, фотоаппаратурой, дистилляторами, стерилизаторами, определителями водородных ионов, микроскопами, распылителями бактерий, сушилками и т. п. По показаниям Сато от 9 декабря 1949 г., один Нанкинский отряд имел около 200 культиваторов, 40–50 термостатов, 2 автоклава размером 2,5 × 1,5 м каждый, 40–50 стерилизаторов, 40–50 котлов Коха.

Отряд № 731, кроме указанного выше, имел специальные механические, стеклодувные и столярные мастерские по производству бомб, которые взрывались на земле от электротока или сбрасывались с самолетов и взрывались в 100–200 м от земли. В начале бомбы были металлические, потом стали производить фарфоровые и стеклянные. Для этих же целей была установлена печь иностранного производства (15 м длины, 3 м ширины и 2 м высоты) с многочисленными измерительными приборами.

В результате лабораторных исследований и экспериментов в разных погодных условиях, проверки эффективности использования бактерий в закрытых помещениях, полевых и боевых условиях был определен основной переносчик бактерий — блохи. При непосредственном соприкосновении с противником заражение суши и водных источников должно было осуществляться путем прямого рассеивания бактерий в эту

среду; для поражения бактериями зерновых культур — путем рассеивания бактерий «ржавчины» и «мозаики» на посевы.

В уголовном деле имеются свидетельства о технологии производства некоторых видов бактерий. Обвиняемый, сотрудник лаборатории отряда № 100 Митомо, показал, что выращивание бактерий сапа проводилось на питательной среде, состоявшей из мясного бульона или агар-агара с примесью 4 % глицерина. Этот бульон заливался в стеклянные литровые колбы, и туда вбрасывались бактерии. После этого бульон с бактериями сапа помещался в инкубатор на 48 часов, а потом бактерии со стекла колбы соскабливались специальными петлями. Готовый «продукт» помещался в колбу и хранился в рефрижераторе до 20 дней (см. док. № 50).

На поток была поставлена работа по размножению блох — переносчиков бактерий. Лабораторные опыты показали, что основными их производителями могут быть мыши, крысы, морские свинки и другие мелкие животные. Согласно свидетельствам Мадокаро от 24 октября 1949 г., чумными бактериями вначале заражались мыши. Они помещались в сосуд с блохами. Те, питаясь кровью мышей, сами заражались и при укусе человека или животного передавали инфекцию им. Детализируя свои показания, Мадокаро привел пример из своей практики. Вначале он лично взял за основу 50 г зараженных блох, присланных из г. Кобэ. В жестяную банку помещал мышей, туда же забрасывал блох. Мыши кормились овощами и зерном, а блохи — кровью мышей. Мыши через 10 дней погибали, и их заменяли новыми.

Был найден способ длительного хранения бактерий в резервуарах с рисовой шелухой. Только в одном из филиалов отряда № 731 к началу военных действий против СССР в августе 1945 г. имелось 300 банок с блохами, зараженными чумой.

Аналогичным способом выращивались бактерии и производились их носители (блохи) и в других местах.

Начиная с марта 1945 г., когда вступление СССР в войну с Японией стало очевидно и уже назывались сроки, разведение крыс и мышей как производителей блох, их поимка на полях и в других местах с вовлечением воинских частей и семей военнослужащих приобрела невиданно массовый характер. По расчетам японских властей, количество выловленных мышей к сентябрю 1945 г. должно было дойти до 3 млн штук, а количество мышей, непосредственно используемых в выращивании блох и смертоносных бактерий, — до 600 тысяч.

3.1.2. Маньчжурия — центр разработки бактериологического оружия

[1] Центром разработки бактериологического оружия стала Маньчжурия. Именно на ее территории были созданы основные подразделения японской армии, занимавшиеся его разработкой, производством в массовых масштабах и испытаниями. Основными среди них были так называемые противоэпидемические отряды Квантунской армии № 731 и № 100.

Отряд № 731 был сформирован в 1936 г. по указу императора Японии Хирохито и назывался «Управление профилактики Квантунской армии». Инициатором его создания еще в 1932 г., т. е. сразу после захвата Маньчжурии, выступило Санитарное управление штаба Квантунской армии. Первоначально местом его дислокации был г. Харбин («Новый город» или «Южный холм»). Распоряжением № 1539 от 30 июня 1938 г. штаба Квантунской армии отряд был переведен в местечко Пинфан, примерно в 20–25 км от Харбина и в 4 км от станции Пинфан. Место дислокации отряда объявлялось «особой военной зоной», а сведения о нем — государственной тайной. Устанавливались запретная воздушная зона и трасса пролетов гражданской авиации в обход отряда.

В Харбине остались отделы и лаборатории, занимавшиеся в основном лечебно-профилактическими работами в интересах непосредственно японских войск.

В 1939 г. секретным указом императора Японии отряд был реорганизован и получил название «Управление водоснабжения и профилактики», а его штат увеличился до 2000 человек. В свою очередь Военное министерство Японии издало приказ о порядке исполнения императорского указа и наборе кадров.

В 1940 г. указами императора были учреждены четыре филиала отряда с дислокацией в городах Хайларе, Суньу, на станциях Хайлин и Линькоу со штатом до 300 человек в каждом. В том же году Военное министерство в мобилизационном плане на случай войны предусматривало создание подобных филиалов (отрядов) во всех армиях и дивизиях с непосредственным подчинением отряду № 731.

Вначале отряд назывался по имени его начальника — отряд Исии, а в 1941 г. согласно приказу командующего Квантунской армией получил номер 731.

В структуру отряда, которая с момента его создания и вплоть до августа 1945 г. существенно не изменялась, входили следующие подразделения: 1-й отдел (изыскание и выращивание бактерий холеры, чумы и тифа, а также разведение их разносчиков: блох и клещей; в его штаты также входили внутренняя тюрьма, крематорий и анатомический кабинет); 2-й отдел (изыскание вакцин и их изготовление); 3-й отдел (изыскание способов применения бактерий и бацилл); 4-й отдел (культивирование бактерий брюшного тифа, паратифа, дизентерии, холеры, чумы, сыпного тифа и т. п.); фармацевтический отдел (разведение животных и заготовка через них медицинского материала); учебный отдел (подготовка кадров эпидемиологов, охрана «экспериментируемого поля»); клинический отдел (профилактика заболеваний личного состава); секретариат (общая, интендантская, плановая и кадровая службы) (см. Приложения 1 и 2).

Отделы подразделялись на отделения и секции. Во главе каждой исследовательской структуры стоял врач-бактериолог с ученой степенью доктора наук, многие из них ранее проходили зарубежную стажировку, в т. ч. в СССР.

На январь 1941 г. численность отряда составляла 1369 человек, в том числе офицеров — 81, младших командиров и солдат — 81, других военных чинов и вольнонаемных (включая бактериологов) — 1207 человек. Однако, по показаниям Каназавы на допросе 21 октября 1949 г., в 1945 г. фактическая численность отряда доходила до 2000 человек.

В местечке Пинфан отряду был выделен целый комплекс зданий. В середине этого комплекса находились двухэтажная внутренняя тюрьма и крематорий. В комплекс зданий входили также автодорожные, складские строения, мастерские: механические, стеклодувные, столярные. Отряд имел свою электростанцию, водопровод, помещения для содержания животных (коров, овец и грызунов). Рядом с военным городком находился аэродром с парком самолетов, входившим в структуру отряда. От станции Пинфан в расположение отряда была проложена железнодорожная линия.

В 126 км от Харбинской части отряда на станции Аньда располагался полигон по испытанию эффективности бактерий, с охраной по его периметру.

Обе части отряда, расположенные в разных местах, были обнесены рвом, 2 рядами колючей проволоки с электротоком, земляным валом. На всех подходах к ним имелись предупредительные знаки. Вход на территорию осуществлялся по специальным пропускам по личному распоряжению командующего Квантунской армией. Внутри этих объектов дополнительно была размещена внутренняя охрана.

Отряд № 100 был создан в апреле 1935 г. по приказу Военного министерства Японии на базе ветеринарного лазарета и первоначально назывался «Тама», потом — «Эй», а в июле 1941 г. по приказу командующего Квантунской армией ему было присвоено

наименование «отряд № 100». Вначале он дислоцировался в г. Чанчуне, а в 1937–1938 гг. был перемещен в деревню Мокатон, в 8–10 км от Чанчуня.

При создании отряда планировалось, что основная его работа — проведение профилактики заболеваний конского поголовья Квантунской армии. Однако в 1939 г. эта задача дополнилась новыми обязанностями: изысканием новых способов лечения сапа, пироплазмы, воспаления лимфатических желез, сибирской язвы и инфекционного аборта, а также проведение различных опытов по указанной тематике. В последующем круг задач отряда еще более расширился, и он перешел к выработке смертоносных бацилл в промышленных количествах, проведению широкомасштабных экспериментов по испытанию бактерий как оружия, главным образом в природной среде, над животными, а потом и над людьми. Постепенно отряд приобрел характер структуры, осуществлявшей также организацию и проведение диверсионных актов в отношении военных противников, прежде всего СССР и Китая.

Отряд занимал несколько строений, где находились многочисленные лаборатории, общежития, учебные классы (см. Приложения 5 и 6). Имелись также конюшни на 800 лошадей, скотный двор (100 коров, 30 овец, 50 свиней, более 200 зайцев, 2000 свинок, 3000 крыс), электростанция и т. п.

Территория была огорожена забором высотой до 2 м, осуществлялась внешняя и внутренняя охрана, соблюдался строгий пропускной режим. Подопытные люди размещались в тюрьме, которая называлась «изолятор».

Персонал отряда состоял из военнослужащих и вольнонаемных сотрудников. После июня 1941 г. личный состав насчитывал порядка 500 человек: офицеров — до 35, научных работников — 15–20, младшего командного состава — 5–6.

Территориальная сеть филиалов. Придавая большое значение роли бактериологических средств в военных действиях, правящие круги Японии, в том числе императорская ставка с ее Генштабом, всемерно укрепляли материально-техническую и исследовательскую базу отряда № 731, обеспечивали его научно-техническим персоналом.

Наряду с этим увеличивалось количество структурных звеньев — филиалов отряда № 731. В Маньчжурии они учреждались на основных направлениях планировавшихся наступательных операций: Читинском, Благовещенском, Хабаровском, Владивостокском, Ворошиловском (Уссурийском). Приказом Квантунской армии от 2 декабря 1940 г. № 598/1-КО отряду № 731 предписывалось создать филиалы в Дуннине, Дальнем, Дуньяне и Муданьцзяне, а в 1942 г. — филиал в г. Кокузан (см. Приложение 7).

О материально-техническом оснащении филиалов и их личном составе можно составить представление на примере филиала № 162 в г. Линькоу. По показаниям санитара Ямаситы от 30 октября 1949 г., филиал № 162 располагался в 12 зданиях, обнесенных колючей проволокой. В них размещались штаб, лаборатория, проверочное помещение, водокачка, гараж, казарма, караульное помещение, склады, мастерские, помещения для содержания и размножения животных (морских свинок, кроликов, мышей, крыс) и т. п. В филиале работали 3 врача, 63 вольнонаемных специалиста-бактериолога, 4 офицера и порядка 150–160 солдат.

Каждый отряд имел свою научно-производственную и экспериментальную направленность. Основной сферой деятельности отряда № 731 являлась разработка способов выращивания смертоносных бактерий с прямым воздействием на человека и проверка их эффективности на людях. Перед отрядом № 100 стояла по существу та же задача: выращивание, производство и применение бактериологического оружия для поражения живой силы противника через животный и растительный мир, водную среду.

Отряд № 731 специализировался в основном на производстве и испытаниях бактерий сибирской язвы, холеры, чумы, в начальный период — газовой гангрены и на-

рывного газа. Отряд № 100 имел основную специализацию по производству овечьего сапа, чумы рогатого скота и «пшеничной ржавчины».

Наиболее активно деятельность специально созданных бактериологических отрядов и их филиалов осуществлялась против Китая в 1940–1942 гг.; «эксперименты» над живыми людьми и апробация способов заражения животного и растительного мира активно практиковались в 1941–1945 гг., проведение диверсионных актов — в 1944–1945 гг.

[2] Командующий Квантунской армией генерал Ямада был хорошо осведомлен о предназначении и деятельности отрядов №№ 731 и 100 и их филиалов из периодических устных и письменных докладов их руководителей, фотоснимков, кинофильмов и др. В августе 1944 г. по указанию Генштаба Японии он провел личную инспекцию деятельности отряда № 731. Инспекционная поездка осуществлялась не только с целью активизации приготовлений к бактериологической войне против СССР, но и с целью изучения возможностей поражения войск на Тихом океане, в основном «против США, Англии и других стран».

3.1.4. Опыты над людьми — преступления против человечности

[1] Материалы уголовного дела японских военных преступников позволяют составить достаточно полную картину проводимых ими экспериментов по проверке эффективности производимого оружия. Эту сторону деятельности можно подразделить на три части: первая — все, что осуществлялось в стенах отрядов и их лабораториях; вторая — так называемые «эксперименты» за стенами отрядов, на полигонах; третья — испытание эффективности бактериологических средств через проведение экспедиций («маневров») в полевых и боевых условиях.

Проверка эффективности применения бактерий в лабораторных условиях. В отряд № 731 и его лаборатории направлялись на эксперименты люди, которых в целях конспирации называли «бревнами»; в лаборатории отряда № 100 — в основном животные (лошади, овцы, коровы и т. п.), а также некоторое количество испытуемых людей.

Каждому человеку, попавшему в камеру, откуда никто живым не выходил, методично ежедневно измеряли температуру, на каждого велся дневник специального наблюдения, так называемые «истории болезни». После смерти проводилось вскрытие трупов, вырезались внутренние органы и отправлялись на исследования, выяснялась причина смерти.

Содержание и методы проведения опытов были разнообразными, во многом зависевшими от бактерий и запланированных целей. Отряд № 731 специализировался в основном на производстве и испытаниях бактерий сибирской язвы, холеры, чумы, в начальный период — газовой гангрены и нарывного газа.

Вот некоторые примеры, описываемые в показаниях экспериментаторов.

Оосава, служивший санитаром в отряде № 731, на допросе 23 октября 1949 г. дал описание методов проведения опыта над людьми путем обморожения. По его показаниям, испытуемый усаживался на специальный стул, закреплялся на нем ремнями, а затем пальцы или полностью кисть руки помещались в отверстие рефрижератора, в котором поддерживалась температура ниже 30–40 °С. Примерно через 1 час 20 минут пальцы (кисть руки) вынимались и, если они оказывались почерневшими, отрезались. По возращении в камеру тюрьмы проводилось лечение неомертвевших пальцев (или части кисти рук). Через несколько дней испытуемый вновь доставлялся в лабораторию, закреплялся на стуле и прежняя процедура повторялась или подопытный в голом виде полностью помещался в рефрижератор. Примерно через час он вынимался

оттуда в полуживом состоянии, отрезалась по колено одна из ног, на груди и спине вырезались клочки кожи. Если испытуемый оставался в живых и после этого, он передавался в терапевтическое отделение. Там проводились исследования на выживаемость уже путем применения смертоносных бактерий. По показаниям Оосавы, одновременно такие опыты проводились на двух-трех лицах (см. док. № 58).

Другой японец, Фуруичи, в 1941 г. был очевидцем проведения подобных опытов над испытуемыми в количестве 2–16 человек. Он показывал, что группы из русских, китайцев, маньчжуров и монголов с закованными в кандалы ногами выводились из камер тюрьмы отряда № 731 на мороз, их оголенные руки погружались в бочку с водой, держались там от 10 минут до 2 часов, после чего испытуемые возвращались в камеры тюрьмы. Там обмороженные руки помещались в теплую воду, а подвергшиеся омертвлению части рук ампутировались до локтя (см. док. № 62).

Опыты по обморожению людей проводились также с предварительным нанесением специальной мази на части тела испытуемых. Ему лично пришлось участвовать в таких опытах 12–13 раз. Все обмороженные «бревна» потом умерщвлялись в камерах с применением смертоносных бактерий.

На допросе 5 декабря 1949 г. Фуруичи показал, что в 1944–1945 гг. отряд № 731 проводил опыты над людьми по применению к ним нарывного газа. Ему пришлось видеть тела 6 маньчжуров, покрытых гнойными язвами (см. док. № 62). Эти показания косвенно подтвердил на допросе 21 ноября 1949 г. заместитель начальника лагеря «Хогоин» Ямагиси (см. док. № 42, 56).

В лабораториях отряда № 100 довольно распространенными являлись опыты над живыми людьми с применением корейского вьюнка, героина, балбтал (бактал) зерен касторника. Митомо являлся непосредственным участником 7–8 экспериментов с применением таких средств. По его показаниям, эти средства вводились в организм людей путем добавления в их пищу (в карамельные конфеты, шоколад, водку сакэ), героина — в табак, балбтал (бактал) впрыскивался в сырые куриные яйца и т. п. (см. док. № 50).

В результате подобных экспериментов некоторые испытуемые умирали; другие, сделавшись калеками, из-за непригодности для дальнейших опытов подвергались расстрелу, убийству путем впрыскивания цианистого калия, в отдельных случаях их умерщвление проводилось жандармерией отряда.

По свидетельству Оосавы, хирургическое отделение Харбинского филиала отряда № 731 проверяло эффективность воздействия на человека какой-то жидкости голубоватого цвета, изготовленной в лаборатории филиала. Даже одна ее капля, попадавшая на тело человека или впрыскиваемая шприцом под кожу, полностью разрушала пораженный участок. Он же показал, что эта жидкость широко применялась не только в лабораторных условиях, но и за их пределами.

Только в этом филиале таким опытам подверглось от 300 до 900 человек: китайцев, русских и корейцев (за период с июля 1943 г. по июль 1944 г. — около 130 человек).

Начальник учебно-просветительного отдела отряда подполковник медицинской службы Ниси показывает, что в числе «научных» фильмов, которые демонстрировались в отряде № 731, была кинокартина, посвященная опытам над живыми людьми, помещенными в барокамеру. Натурные съемки для этого фильма сделаны с «подопытных» заключенных.

Опыты с применением смертоносных бактерий в лабораторных условиях не нашли достаточно полного отражения в уголовном деле. К их проведению привлекался очень ограниченный и засекреченный круг бактериологов, избежавших пленения в 1945 г. в связи с их бегством в Южную Корею и потому не оказавшихся на скамье подсудимых в 1949 г. Однако имеющиеся материалы позволяют утверждать, что такие опыты там проводились.

Ни один человек, попавший в тот или другой отряд, не оставался, трупы после анатомирования сжигались в крематории отряда № 731. По оценке самих японцев, было уничтожено порядка 3 тысяч человек, не считая тех, кто погиб от бактериологических средств во время экспедиций («маневров») в полевых и боевых условиях.

Эксперименты по испытанию бактериологических средств производились и на полигонах.

На них основным способом испытания было рассеивание бактерий с помощью взрывных устройств и бомб, как на земле, так и при сбрасывании с самолетов.

Из тюрьмы отряда № 731 доставлялись 10–15 человек. Они расставлялись полукругом, привязывались к врытым в землю столбам. Посреди них помещалась бомба, начиненная блохами, зараженными бактериями. Эта бомба электродетонатором взрывалась, испытуемые через органы дыхания и пораженные бомбами участки тела, а также от укусов блох заражались бактериями.

Такие эксперименты, по оценкам японских должностных лиц, хотя и были эффективными, но оказались трудновыполнимыми в боевых условиях. Поэтому перед руководством отряда № 731 была поставлена задача усовершенствовать данный способ применения бактерий. Во исполнение этого приказа отрядом № 731 были изготовлены бомбы из фарфора (упоминается также способ изготовления их из стекла) для выброски с самолета и взрывом в 100–200 м от земли. Предполагалось осколками бомб поражать тела людей, а облако зараженных бактериями блох, освобождавшихся из этих бомб, падало на пораженные участки кожи. Количество экспериментов только за 24 дня октября дошло до 5–6.

Отрядом № 731 испытывалась эффективность применения таких бактерий, как сибирская язва, сап, чума, тиф, паратиф, холера, газовая гангрена, отрядом № 100 — красной ржавчины.

Помимо указанных выше бактерий, испытывались и другие смертоносные средства, применялись иные методы экспериментов. Весной 1944 г. на полигоне проводились эксперименты по применению на людях бактерий бубонной чумы, признаком заражения которой являлись нарывы на кожном покрове человека. Технология испытаний состояла во взрывах баллонов с бациллами непосредственно на земле.

По показаниям Оосавы от 23 октября 1949 г., ему известен случай, когда на доставленную по указанию Харбинской ЯВМ группу из 30 человек под охраной (с тремя ручными и двумя станковыми пулеметами) была вылита из самолета какая-то жидкость. В результате 10 человек через 30 минут погибли непосредственно на полигоне, остальные оказались тяжело пораженными ею. Трава почернела как после пожарища (см. док № 58).

По показаниям генерал-майора медицинской службы, начальника Санитарного управления 1-го фронта Квантунской армии Кавасимы от 11 августа 1946 г., летом 1941 г. 25–30 подопытных вывозились в район г. Цицикара. Опыт состоял в том, что все они загонялись в танки, которые забрасывались гранатами, начиненными газом цианом. Результатом явилась смерть всех подопытных. Тот же японец показал, что зимой подобные опыты проводились на льду в районе г. Харбина. Разница состояла лишь в том, что обстрел «бревен» проводился артиллерийскими снарядами, начиненными тем же газом. Как свидетельствовал Кавасима, весной 1942 г. опыты над «бревнами» (30 чел.) проводились в их разном положении: одни — стоя, другие — сидя, а некоторые — за укрытиями от взрывной волны.

Летом 1942 г. на полигоне Пинфан за опытами наблюдал полномочный представитель ставки — бактериолог, специально приехавший из Токио. «Опыты» состояли

в обстреле «бревен» артиллерийскими снарядами весом 25–100 кг, наполненными бактериями.

К деятельности отрядов №№ 100 и 731 могут относиться две эпидемии «кровоточащей лихорадки», возникшие среди местного населения Маньчжурии в 1938 г.: одна — в районе Суньу — Сахалян, другая — Хулин — Дуньхуа. Все заболевшие умирали через 3–7 дней.

Сотрудник отряда № 731 подполковник медицинской службы Ниси на допросе 1 февраля 1949 г. показал, что на полигоне этого отряда проводились над испытуемыми и такие опыты: бактериологические средства применялись в условиях, приближенных к климату Сибири и Забайкалья. В январе 1945 г. при температуре ниже 20 °С, использовались, например, бомбы шрапнельного типа, начиненные бактериями газовой гангрены, поражающим фактором которых являлись зараженные осколки, попадавшие на незащищенные части тела (кроме головы и спины). По свидетельству Ниси, раненых возвращали в тюрьму отряда № 731, где они в течение недели умирали в тяжелых мучениях.

Этот полигон являлся основным, но не единственным. По показаниям ряда японцев, отряд № 731 имел еще один полигон, расположенный в 2 км от отряда и в 3–4 км от Пинфаня. На нем проводили эксперименты филиалы отряда, в частности Харбинский, имевший свою внутреннюю тюрьму.

По показаниям очевидца опытов Оосавы от 23 октября 1949 г., проведение экспериментов на этом полигоне не отличалось от тех, которые были выработаны и проверены отрядом № 731. На доставленных из «подвала» филиала людей выливалась с самолета какая-то жидкость, от которой на месте умирало большинство испытуемых, а оставшиеся в живых возвращались в «подвал», где после дополнительных экспериментов умирали. Оосава свидетельствовал, что только этим филиалом в ходе опытов было умерщвлено более 300 человек (за период с июля 1943 г. по июль 1944 г. — около 130 человек). Об использовании данного полигона дали также показания Кавасима (24 октября 1949 г.) и Курусима (9 декабря 1949 г.).

[2] Первая бактериологическая атака на Китай состоялась в 1940 г., когда отряд № 731 сбросил с самолетов в районе Нимбо Южнее Шанхая в расположение китайских войск и на местное население бактерии чумы. Одновременно осуществлялось применение бактерий путем заражения водоемов, колодцев и других водных источников. Результатом явилась эпидемия в городах Цзиньхуа, Изьечжоу, Юйшань, на ликвидацию которой китайскими властями были привлечены значительные противоэпидемические силы. 8-я Народно-освободительная армия Китая издала специальное указание о мерах борьбы с ней, увязав возникновение эпидемии с деятельностью японского командования. Руководство отряда, в т. ч. генерал Исии, заявляло о своих успехах и прямо утверждало, что эпидемия является следствием операции отряда. Исии получил «похвальную грамоту» от командующего Квантунской армией. Вся операция снималась на кинопленку, которая многократно демонстрировалась в кругу руководителей отряда.

Вторая операция, называвшаяся экспедицией или «маневрами», относится к лету 1941 г. Она проводилась в Центральном Китае, в местах сосредоточения китайских войск. В ее проведении участвовали около 100 сотрудников отряда № 731, в т. ч. 30 бактериологов. Суть экспедиции состояла в сбрасывании с самолета блох, зараженных бактериями чумы, над г. Чандэ около озера Дунтинху. Цель состояла в том, чтобы путем организации эпидемии вывести из строя китайские войска и нарушить коммуникации. По словам начальника 2-го отдела отряда № 731 полковника Сота, операция была «весьма эффективной», среди китайцев возникла массовая эпидемия.

По указанию Генштаба японской армии и согласно приказу командующего Квантунской армией, летом 1942 г. была организована и проведена еще одна экспедиция («маневр»), и снова в Центральном Китае. Местом ее проведения стал важный железнодорожный узел Чжеган. По словам Исии, бактериологическая атака осуществлялась путем рассеивания бактерий чумы, холеры, брюшного тифа и паратифа для создания эпидемической обстановки среди населения и приведения в небоеспособное состояние китайских войск.

Другой целью японцев было уничтожении Чанчуньского лагеря китайских военнопленных в районе городов Чжеган и Даньси, а также американских авиабаз в этом районе. Под натиском китайских войск и при поддержке американской авиации японская армия вынуждена была отступать. Для решения военной задачи были привлечены бактериологические отряды. Тактика состояла в том, чтобы, с одной стороны, оставляемую при отступлении японских войск территорию Китая заразить смертоносными бактериями путем рассеивания их с самолетов, с другой стороны — использовать метод наземных диверсионных действий (пруды, водоемы, колодцы и т. п. в районах городов Цзиньхуа и Юйшань). Оба способа были использованы, и, по оценке начальника отряда № 731, результаты оказались «значительными».

В 1942 г. отрядом № 731 проводилась еще одна экспедиция в район г. Нанкин (Нанкинская, или «маневры Хого»). Объектами бактериологической атаки снова являлись китайские войска, а заражение их на этот раз осуществлялось бактериями не только чумы, паратифа, брюшного тифа, дизентерии, но и сибирской язвы. Экспедиция была снабжена 130 кг бактерий сибирской язвы и паратифа. В районе Нанкина возникла новая вспышка эпидемии.

По показаниям многих японцев, перечень приведенных выше экспедиций («маневров») является далеко не полным. Они организовывались и позднее, однако конкретных свидетельств этому в уголовном деле нет.

[3] Речь идет об экспедиции во главе с начальником отряда № 731 Исии 1939 года, которая выезжала в район военных действий на р. Халхин-Гол. Официальной задачей этой экспедиции являлась защита японских войск, пользовавшихся водой из рек, колодцев и других источников, от бактериологического заражения. Однако действовало утвержденное Генштабом японской армии «Наставление по бою рейдовых отрядов», которым разрешалось использование бактериологического оружия воинскими частями в виде совершения «местных диверсий». Это «Наставление» открывало возможность начальнику отряда № 731 Исии применять бактериологическое оружие по своему усмотрению, поскольку для этого была основа — ведение военных действий. Были использованы взятые с собой, еще при организации экспедиции, 30–40 смертников, давших клятву выполнить любое задание отряда, жертвуя своей жизнью. В их распоряжение предоставлялось несколько баллонов с бактериями брюшного тифа, паратифа и дизентерии.

По показаниям Ниси на допросе 1 февраля 1949 г., Каназавы и др., при отступлении японских войск бактерии, содержавшиеся в этих баллонах, были вылиты в р. Халхин-Гол. Целью этой диверсии было вызвать эпидемию в войсках Красной армии, а также среди монгольских скотоводов. Как утверждали некоторые японские офицеры, цель была достигнута. Однако реагирования с советской стороны на этот диверсионный акт не последовало.

[4] Трёхречье — исторический район Северной Маньчжурии (Северо-Хинганская провинция Китая), занимающий бассейн трех рек — правобережных притоков реки Аргунь: Гана, Дербула и Хаула. Площадь территории примерно 11,5 тыс. км^2. В настоящее время район входит в состав Китайской Народной Республики.

Коренное население области — монголы, однако с конца XIX века после окончания строительства КВЖД область начали осваивать забайкальские казаки, количество которых возросло в 20-е годы XX века после окончания Гражданской войны в России.

В 1932 г., после оккупации Маньчжурии Квантунской армией Японии, по указанию Японской военной миссии было создано «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии» (БРЭМ). Многие руководители и участники БРЭМ сотрудничали с японской разведкой, вступали в созданные японцами воинские формирования, занимались шпионской, диверсионной и террористической деятельностью против СССР.

Территория Трехречья в 1942–1945 гг. использовалась японскими военными как полигон для испытания и применения бактериологического оружия против Китая и Советского Союза. В июле 1942 г. в этот район на границе с СССР была направлена экспедиция для проведения «летних особых маневров», которая длилась 25 дней. Это вторая после 1939 г. акция по применению бактериологического оружия против СССР. Основные испытания проводились около г. Хайлара, у р. Тербур, в 60–80 км от ее впадения в пограничную с СССР р. Аргунь. Ответственным за ее проведение являлся отряд № 100 во взаимодействии с Хайларской ЯВМ.

Поэтапно проверялась эффективность бактерий в проточной, стоячей воде и на суше. Проточной водой являлась р. Тербур, куда из баллонов выливались бактерии сапа; в качестве стоячей воды использовалось расположенное вблизи озеро, в него вливались бактерии сибирской язвы; опыты на суше состояли в заражении местности бактериями чумы и сибирской язвы путем распыления их с самолета и артиллерийскими снарядами. В результате экспериментов на суше морские свинки погибли от бактерий на 4-й день, а овцы — на 7–10-е сутки. Японские бактериологи, участвовавшие в данной экспедиции, пришли к заключению, что наиболее эффективным является способ применения бактерий на суше, а опыты в проточной и стоячей воде «не дали ожидаемых результатов».

По показаниям участника экспедиции Митомо, *трижды* были осуществлены диверсионные ночные вылазки к устью р. Тербур и делалось выливание бактерий в ее воды.

Очередная экспедиция отряда № 100 в район Трехречья по приказу командующего Квантунской армией была направлена в начале 1944 г. В задачу экспедиции входило изучение мест передвижения скота в близлежащей к Хайлару местности в разные периоды времени с тем, чтобы в случае возникновения войны с СССР подвергнуть ее заражению инфекционными болезнями. Наряду с этим проводились эксперименты по применению бактерий сибирской язвы к овцам.

Такахаси на допросе 17 ноября 1949 г. утверждал, что в результате деятельности «экспедиции» возникла вспышка эпидемии сибирской язвы. Он же на предыдущем допросе 10 ноября 1949 г. показал, что данная экспедиция продолжала исследования вплоть до 1945 г., и дал пояснения, что по планам штаба Квантунской армии часть этой территории будет оставлена в ходе военных действий и поэтому она вместе со скотом должна быть заражена эпидемическими бактериями.

Зимой 1944/45 года отряд № 100 получил новое задание: вернуться в этот район, закупив 10 голов рогатого скота и 20 овец. Цель «маневров» состояла в проведении «экспериментов» в зимних условиях. В них участвовало более 20 сотрудников отряда, в ходе «опытов» заражались бактериями снежный покров и корм для скота. В результате все животные погибли на 7–10-й день.

В марте 1945 г., основываясь на результатах прежних опытов, группе сотрудников отряда № 100 было дано задание выявить в Северо-Хинганской провинции Китая количество содержавшегося у населения скота, дислокацию зимних и летних пастбищ, наличие водоемов, а также произвести закупку скота. Как свидетельствовал Хиразакура

на допросе 27 октября1949 г., в случае войны с СССР надлежало произвести заражение закупленного скота: рогатого — бактериями сибирской язвы, лошадей — сапом, овец — оспой, а пастбища — смертоносными бациллами с самолетов. Было закуплено: овец — 500, коров — 100, лошадей — 90. Весь зараженный скот планировалось оставить в тылу Советской армии и там вызвать массовые эпидемии. Заражению подлежал также скот местного населения, находившийся на пастбищах от Хайлара до Хинганского хребта.

Одновременно в ходе «экспедиций» определялись способы применения бактериологических средств. Основным из них значилось рассеивание бактерий при помощи авиации, а закупленный скот подлежал заражению посредством впрыскивания под кожу смертоносных составов.

Заслуживают внимания показания и других лиц, свидетельствующие не только о подготовке, но и о фактах применения бактериологических средств против Красной армии.

Так, по показаниям Асады от 23 октября 1949 г., при подходе советских войск в августе 1945 г. к г. Кокузан все лошади, находившиеся в распоряжении филиала № 2680 были заражены бактериями и выпущены из конюшен. Кувабара, сотрудник филиала № 2630 отряда № 100, на следствии показал, что 20 августа 1945 г. были заражены сапом (им сделаны уколы) и распущены 60 лошадей.

Капитан Советской армии свидетель П. К. Иванкин 30 октября 1949 г. показал, что ему в сентябре 1945 г. по приказу санитарного управления Забайкальского фронта пришлось со своей обмывочно-дезинфекционной ротой в срочном порядке выехать в г. Ванемяо (Китай), где уже функционировала чрезвычайная комиссия фронта. Она проводила мероприятия по ликвидации эпидемии чумы, от которой уже погибло около 300 местных жителей. Со слов местных врачей-специалистов, эпидемия чумы в городе была вызвана японскими бактериологами при отступлении японских войск.

3.2. Показания свидетелей и заключения экспертов — участников процесса

[1] Советской армии и ее разведке не удалось захватить документы и материальные доказательства ведения Японией разработки, испытаний и применения бактериологического оружия. Здания бактериологических отрядов вместе с их содержимым были уничтожены дотла, главным образом путем организации взрывов и пожаров. По свидетельству очевидцев, уже 11–12 августа 1945 г. пожарища были видны с расстояния многих километров. Начальник отряда № 731 генерал Исии, обнаружив, что не все здания оказались полностью разрушенными, вызвал подразделение одной из воинских частей. Батальон, возглавляемый Х. Иинумой, из мортиры прямой наводкой произвел 20 выстрелов по остаткам зданий (см. док. № 57). Генерал Исии незадолго до этого говорил: «Если начнется война с Советским Союзом, наш отряд намерен нападать с помощью бактерий чумы».

Объясняя причины уничтожения зданий отрядов и филиалов и их содержимого, заместитель начальника штаба Квантунской армии генерал-майор Мацумура на допросе в 1949 г. дал такое объяснение: «...все оборудование отрядов было секретным, и его нельзя было оставлять в руках неприятельской армии. Сами работы, проводящиеся в отрядах, были также секретными. Поэтому надо было принять меры к сокрытию фактов этих работ, другими словами — уничтожить следы той работы, которая проводилась в отрядах по подготовке бактериологической войны и опытов над живыми людьми. Стремительное наступление частей Советской армии не дало возможности эвакуировать эти отряды в полном составе с имуществом и бактериями вглубь Маньчжурии или в какое-либо другое место».

Решение об уничтожении следов преступлений по применению бактериологического оружия обусловливалось не в последнюю очередь еще и тем, что к ним имели непосредственное отношение лично император Хирохито, его семья и императорская ставка. Этот вопрос для Японии был настолько актуальным, что уже 9–10 августа он рассматривался в Токио, а главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада получил на этот счет прямые указания. Вот о чем он писал в своем дневнике 14 августа 1945 г.: «Секретное предписание Военного министерства № 119 приказывает сжечь полностью все совершенно секретные и секретные документы».

В соответствии с этим приказом Ямадой были отданы распоряжения. Во-первых, вывезти в Южную Корею наиболее ценное оборудование для дальнейшей транспортировки его в Японию и отправить туда же многих видных бактериологов.

Во-вторых, 10–11 августа 1945 г. Ямада через голову начальников Санитарного и Ветеринарного управлений Квантунской армии направил в отряды и некоторые филиалы шифровку за своей подписью о немедленном уничтожении всех зданий, сооружений, бактерий, блох, питательной среды, лошадей, овец, мелких животных.

В-третьих, как показывают свидетели, в Суньунском отряде, распущенном после его уничтожения, сотрудникам выдавался цианистый калий для совершения актов самоубийства, чтобы не оказаться плененными Советской армией и исключить разглашение сведений о производстве, испытаниях и применении бактериологического оружия. Цианистым калием воспользовался лишь один сотрудник филиала.

За исполнением указаний главнокомандующего был установлен строгий контроль, возлагавшийся лично на начальников отрядов и их филиалов. Некоторое оборудование отряда № 731 японским военным удалось вывезти в Южную Корею, а затем в Японию.

3.3. Итоговые документы и результаты Хабаровского судебного процесса

[1] Впервые опубликовано в газете «Правда» 24–25 декабря 1949 г.

[2] Впервые опубликовано в газете «Правда» 1 января 1950 г.

[3] Осужденные отбывали наказание в лагере для военнопленных № 48 МВД СССР, созданном в мае 1943 г. в 28 км от г. Иваново и вошедшим в систему Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД-МВД СССР. Лагерь размещался на территории б. помещичьей усадьбы Дедловых, после революции перестроенной под санаторий для железнодорожников. Помимо немцев, в нем содержались пленные военачальники союзных Германии государств. С июля 1943 г. по август 1944 г. здесь находился сдавшийся в плен в Сталинграде генерал-фельдмаршал германской армии Ф. Паулюс. За время существования лагеря в нем содержалось около 400 немецких, австрийских, румынских, итальянских, венгерских и японских генералов.

В марте 1950 г. для отбывания наказания сюда были доставлены генералы и старшие офицеры японской армии. Среди них главнокомандующий Квантунской армией Ямада, а также офицеры разведки, бывшие полицейские чины, члены так называемой бактериологической группы, осужденные в период с 1947 по 1950 г. по ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., а также по ст. 58 УК РСФСР и на момент прибытия в лагерь для военнопленных уже перешедшие в категорию осужденных к отбыванию наказания в исправительно-трудовом лагере военных преступников.

Статус плененных генералов и старших офицеров определялся постановлением СНК СССР от 1 июля 1941 г. № 1798-800с «Об утверждении положения о военнопленных», которое гарантировало достойное обращение с ними, медицинскую помощь,

возможность переписки и получения посылок. Генералы и старшие офицеры могли привлекаться к труду только на добровольных началах.

Осужденные японцы участвовали во внутренних хозяйственных работах, занимались садоводством и огородничеством. Им была предоставлена возможность отправления религиозных обрядов и самостоятельной организации досуга и прогулок. На высоком уровне в лагере было поставлено медицинское обслуживание и обеспечение лекарственными препаратами. Рацион солдат хозяйственной роты и персонала лагеря из числа военнослужащих Советской армии был значительно беднее рациона питания военных преступников и военнопленных, содержавшихся в «генеральском» лагере. Часть помещений лагерной столовой была приспособлена под клуб: в гостиной стоял рояль, имелся бильярд, рядом находились библиотека и кинозал. В середине 1950-х гг. лагерь неоднократно посещали различные японские делегации.

Двое осужденных на Хабаровском процессе умерли во время отбывания наказания: Такахаси Такаатцу от инсульта в сентябре 1951 г.; Томио Карасава покончил жизнь самоубийством в октябре 1956 г. Двое осужденных — Норимицу Кикути и Курусима Юдзи — были освобождены за отбытием сроков заключения и вернулись в Японию в 1951 и 1953 гг. Генерал Ямада был помилован Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 25 февраля 1956 г. и досрочно освобожден.

После подписания 19 октября 1956 г. Советским Союзом и Японией совместной декларации о прекращении состояния войны и восстановлении дипломатических отношений 13 декабря 1956 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ «Об амнистии японских граждан, осужденных в Советском Союзе». Он предписывал, руководствуясь принципом гуманности, освободить из мест заключения всех осужденных японских граждан и разрешить им возвратиться на родину.

В середине декабря 1956 г. оставшиеся 7 осужденных (Кадзицука Рюдзи, Кавасима Киоси, Ниси Тосихидэ, Оноуэ Масао, Сато Сюндзи, Хирадзакура Дзэнсаку и Митомо Кадзуо) были доставлены пассажирским поездом из Иваново в Москву. Их обеспечили продуктами и одеждой, вернули все изъятые и описанные при аресте личные вещи. По просьбе репатриантов для них организовали экскурсию по Москве. В составе последней группы японских военнопленных 23 декабря 1956 г. они были отправлены из СССР в Японию. На родине ни один из японских генералов, причастных к разработке бактериологического оружия, не написал мемуаров о «сталинских застенках», несмотря на предлагаемое солидное вознаграждение. В 1957 г. лагерь был расформирован.

[4] Император Японии и его семья начиная с 1936 г. принимали непосредственное участие в организации разработок, производства и испытаний бактериологического оружия, в том числе в организации проведения «экспериментов» над живыми людьми, «бактериологических атак» в Китае, диверсионных актов против СССР.

Определяющую роль в проведении этих акций играла Императорская ставка и Генеральный штаб японской армии. Командующие Квантунской армией генералы Умедзу, а затем Ямада осуществляли операции и «эксперименты» согласно указаниям и распоряжениям Императорской ставки и Генштаба Японии.

Существенную роль играли личные доверительные связи командующих Квантунской армией с императорской семьей. За два года (1944–1945) Ямада из восемнадцати членов императорской фамилии встречался с одиннадцатью из них; имели место неоднократные деловые контакты с самим императором. Между ними поддерживалась секретная связь через курьеров, а также принца Такеду, который числился в штабе Квантунской армии в звании штаб-офицера и выступал под вымышленной фамилией Мията (выехал из Маньчжурии 23 июля 1945 г.).

Фактически Такеда являлся заместителем начальника 1-го (оперативно-стратегического) отдела и непосредственно ведал вопросами разработки планов начала и ведения войны против СССР. После согласования с Ямадой он лично отвозил планы в Токио на утверждение императора и его ставки или Генерального штаба армии. Он также занимался организацией и проверкой состояния мобилизационной работы в Маньчжурии, Корейской и Северо-Китайской японских армиях. Роль Такеды, пользовавшегося авторитетом у императора Хирохито, проявилась также в первые дни войны 1945 г. Именно через него 17 августа 1945 г. передавались последние указания императорской ставки.

Императорская семья была полностью осведомлена о целях, характере «производственной» деятельности и проводимых бактериологическими отрядами акциях. Принц Такеда, с согласия Ямады, посещал отряд № 731 и его лаборатории, лично участвовал в проводившемся им 2 августа 1944 г. инструктаже диверсионной бригады, а 4 ноября присутствовал на маневрах этой бригады.

Другие члены императорской семьи также были вовлечены в сферу военных действий в Китае и подготовку войны против СССР. Наиболее активную роль в этом играли принц Микаса Такахето — брат императора и принц Канин Харухето (Канина Котохето) — сын начальника Генштаба японской армии. Первый, находясь в Маньчжурии, знакомился в полном объеме с «производственной» деятельностью отряда № 731 и проводимыми «экспериментами» над людьми. Второй вместе с Такедой в августе 1944 г. посетил Муданьцзян, где располагался филиал отряда № 731.

Однако члены императорской семьи получили иммунитет от судебного преследования.

[5] Ход судебного процесса освещался в центральной печати в газетах «Правда», «Известия», где были опубликованы основные документы, а также фрагменты стенографических записей заседаний. В 1950 г. в Госполитиздате вышел сборник материалов Хабаровского судебного процесса, который в июне 1950 г. Государственным издательством иностранной литературы был выпущен на английском языке. Тогда же всесоюзным объединением «Международная книга» за рубеж были отправлены издания на немецком, французском, английском, корейском и японском языках.

ИМЕННОЙ КОММЕНТАРИЙ

Акикуса Сюн (Шун), 1894 г. р, японский военный деятель, генерал майор (1943). В 1918–1919 гг. участвовал в оккупации Японией советского Дальнего Востока. В 1932 г., после оккупации Маньчжурии Квантунской армией, принимал непосредственное участие в создании «Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии». Организатор переброски разведчиков и диверсантов на территорию СССР. С 1936 г. — помощник начальника русского отделения 2-го (разведывательного) отдела Генштаба японской императорской армии. С сентября 1942 г. — начальник 4-го пограничного отряда в Маньчжурии. Глава японской военной миссии в г. Харбине. 24 августа 1945 г. арестован опергруппой СМЕРШ Дальневосточного фронта, 14 октября 1945 г. доставлен в Москву и помещен во внутреннюю тюрьму на Лубянке. В мае 1947 г. переведен в Лефортовскую тюрьму. 30 декабря 1948 г. по ст. 58-6, 58-11 УК РСФСР решением Особого совещания при МВД СССР заключен в тюрьму сроком на 25 лет. 22 марта 1949 г. умер во Владимирской тюрьме особого назначения МГБ СССР. Похоронен в г. Владимире.

Араки Садао, 1877 г. р., урож. г. Комаэ (Япония), государственный и военный деятель, генерал, с 1931 по 1936 г. — военный министр Японии, с 1937 по 1939 г. — министр образования Японии. В 1948 г. по приговору Международного военного трибунала осужден к пожизненному тюремному сроку. В 1955 г. освобожден из заключения по состоянию здоровья. Умер в 1966 г.

Ачесон Дин Гудерхем, 1893 г. р., урож. г. Мидлтауна, штат Коннектикут (США), американский политик-демократ, занимал пост государственного секретаря США в администрации президента Гарри Трумэна, являлся одним из инициаторов создания НАТО. В 1953 г. покинул государственную службу. Умер в 1971 г.

Вакамацу Юдзиро, генерал-майор ветеринарной службы японской армии, в 1941–1945 гг. — начальник отряда № 100, занимавшегося производством смертоносных бацилл в промышленных количествах, проведением широкомасштабных экспериментов по испытанию бактерий как биологического оружия, главным образом в природной среде, а впоследствии и над людьми.

Васильев Александр Николаевич, 1902 г. р., урож. г. Астрахани, доктор юридических наук, профессор, В 1942 г. назначен зам. прокурора РСФСР, в 1944 г. — прокурором г. Москвы. Сменил С. А. Голунского на процессе главных военных японских преступников в г. Токио в качестве государственного обвинителя от СССР. В 1960 г. — заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета МГУ им. Ломоносова. Умер в 1985 г.

Вышинский Андрей Януарьевич, 1883 г. р., урож. г. Одессы. С 1913 г. занимался литературной и педагогической деятельностью. С февраля 1917 г. — председатель Якиманской районной управы г. Москвы. В 1918–1924 гг. работал в Наркомате продовольствия РСФСР. С 1923 г. — прокурор уголовно-судебной коллегии Верховного суда СССР. В 1925–1928 гг. — ректор МГУ. В 1928–1931 гг. — чл. коллегии Наркомата просвещения

РСФСР, заведующий Главным управлением профессионального образования. С 1931 г. — заместитель Прокурора СССР. С марта 1935 г. по май 1939 г. — Прокурор СССР. В мае 1939 г. — мае 1944 г. — зам. председателя СНК СССР, одновременно в 1940–1949 гг. — зам. народного комиссара (министра) иностранных дел СССР. В марте 1949 г. — марте 1953 г. — министр иностранных дел СССР и постоянный представитель СССР в ООН. Скончался от сердечного приступа в 1954 г.

Голунский Сергей Александрович, 1895 г. р., урож. г. Москвы. В 1917 г. окончил юридический факультет МГУ. С 1939 г. — помощник Прокурора СССР А. Я. Вышинского. В 1949–1952 гг. — начальник договорно-правового отдела НКИД-МИД СССР. Участвовал в работе Потсдамской конференции в качестве эксперта и переводчика. Выступал в качестве государственного обвинителя от СССР на процессе главных военных японских преступников в г. Токио. В 1947–1949 гг. входил в Постоянную комиссию по проведению открытых судебных процессов по наиболее важным делам бывших военнослужащих германской армии и немецких карательных органов, изобличенных в зверствах против советских граждан на временно оккупированной территории Советского Союза. В 1952–1953 гг. — член Международного суда ООН. В 1954–1958 гг. — директор Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики. Чл.-корр. АН СССР. Умер в 1962 г.

Горшенин Константин Петрович, 1907 г. р., урож. г. Алатыря Симбирской губ., занимал должности Прокурора СССР (1943–1946), Генерального прокурора СССР (1946–1948) и министра юстиции СССР (1948–1956). Действ. государственный советник юстиции (1944). С 1948 г. возглавлял Постоянную комиссию по проведению открытых судебных процессов по наиболее важным делам бывших военнослужащих германской армии и немецких карательных органов, изобличенных в зверствах против советских граждан на временно оккупированной территории Советского Союза. Участвовал в организации процессов над немецкими и японскими преступниками. Умер в 1978 г.

Громыко Андрей Андреевич, 1909 г. р., урож. Могилевской губ., дипломат. В 1944 г. как посол СССР в США возглавлял советскую делегацию на Международной конференции в США по проблеме создания ООН. Участвовал в подготовке Тегеранской конференции, подготовке и проведении Ялтинской и Потсдамской конференций. В 1950 г. — 1-й зам. министра иностранных дел СССР. С 1952 г. — посол СССР в Великобритании. С 1957 г. по 1985 г. — министр иностранных дел СССР. В 1985–1988 гг. — председатель Президиума Верховного Совета СССР. Умер в 1989 г.

Деревянко Кузьма Николаевич, 1904 г. р., урож. Киевской губ., генерал-лейтенант. Во время Великой Отечественной войны — начальник штаба нескольких армий (53-й, 57-й, 4-й гвардейской). Участник Курской битвы и битвы за Днепр. Участвовал во взятии Будапешта и Вены. В августе 1945 г. назначен представителем Главного командования советских войск на Дальнем Востоке при Штабе американского генерала Д. Макартура. 2 сентября 1945 г. от имени советского правительства подписал акт о капитуляции Японии. Несколько раз посещал подвергшиеся атомной бомбардировке города Хиросиму и Нагасаки. Отчет о поездках представил в Генштаб и лично И. В. Сталину. В послевоенный период служил в разведывательном управлении Генштаба Советской армии. В 1954 г. умер от рака, вызванного лучевой болезнью. Имя Деревянко увековечено в названии одного из островов Курильской гряды.

Дои Акио, 1896 г. р., генерал-лейтенант, с марта 1943 г. — начальник японской военной миссии в г. Харбине. В 1945 г. назначен начальником штаба 13-й армии в Шанхае. После капитуляции Японии перешел на службу к китайскому правительству. В 1948 г. вернулся в Японию. С 1951 г. по 1976 г. являлся директором Института континентальных проблем. Умер в 1976 г.

Долгих Иван Ильич, 1904 г. р., урож. Орловской губ., генерал-лейтенант, с 1943 г. по 1949 г. занимал должность начальника УНКВД-УМВД Хабаровского края. В 1943–1949 гг. — министр внутренних дел Казахской ССР. В 1949–1954 гг. — начальник ГУЛАГ МВД СССР (в 1952–1954 — Министерства юстиции СССР). В феврале 1956 г. уволен в связи с «фактами дискредитации». В 1956 г. лишен воинского звания на основании Постановления Совета министров СССР № 798-444с. Умер в 1961 г.

Икэда Дзиро, 1893 г. р., генерал-майор, с 31 марта 1945 г. — командир 88-й пехотной бригады 117-й пехотной дивизии Квантунской армии. В августе 1945 г. взят в плен войсками Забайкальского фронта в г. Чанчунь. Умер в лагере военнопленных 2 февраля 1946 г.

Итагаки Сэйсиро, 1885 г. р., урож. префектуры Иватэ (Япония), генерал японской армии, министр армии. В 1939–1941 гг. возглавлял штаб Экспедиционной армии в Китае. Поражение японских войск в боях на Халхин-Голе нанесло сильный удар по его репутации, он был переведён на тыловой пост командующего японскими силами в Корее. В результате ухудшения общей военной ситуации японские войска в Корее в 1945 г. были преобразованы в 17-й фронт, и Итагаки стал его командующим. В апреле 1945 г. переведён на пост командующего 7-м фронтом, размещавшимся в Сингапуре, сдался англичанам после капитуляции Японии. На Токийском процессе был обвинен в совершении военных преступлений и приговорен к смертной казни. Повешен в токийской тюрьме Сугамо 23 декабря 1948 г.

Зорин Валериан Александрович, 1902 г. р., урож. г. Новочеркасска. В 1941 г. поступил на службу в Народный комиссариат иностранных дел СССР. В 1945–1947 гг. — посол СССР в Чехословакии. В 1947–1955, 1956–1960, 1963–1965 гг. — зам. министра иностранных дел СССР. Одновременно в 1949–1952 гг. — руководитель Комитета информации при МИД СССР (внешняя разведка Советского Союза). В 1960–1963 гг. — постоянный представитель СССР при ООН и в Совете безопасности ООН. Умер в 1986 г.

Исии Сиро, 1892 г. р., урож. префектуры Тиба (Япония), микробиолог, генерал-лейтенант императорской армии Японии (1945). В 1940 г. назначен начальником Управления биологического оружия Квантунской армии, также служил в бактериологическом департаменте Военно-медицинской академии. В 1942–1945 гг. — главный военный врач 1-й японской армии. С марта по август 1945 г. — начальник отряда № 731. В конце Второй мировой войны арестован американцами. В 1946 г. по ходатайству генерала Макартура оккупационные власти США предоставили ему иммунитет от уголовного преследования в обмен на данные об исследованиях биологического оружия, основанных на экспериментах над людьми. В итоге Исии не предстал перед Токийским судом и не понес наказания за военные преступления. В 1950–1952 гг. Исии, Вакамацу Юдзиро и Китано Масадзи, находясь на территории Кореи, с ведома американского командования испытывали оборудование для ведения бактериологической войны, в том числе бациллоносители холеры и чумы, а также газы, разрушающе действующие на кровь человека. В качестве подопытного материала для испытания бактериологического оружия использовались китайские и корейские военнопленные. Умер в 1959 г.

Кавабэ Торасиро, 1890 г. р., урож. префектуры Тояма (Япония), генерал, зам. начальника Генерального штаба императорской армии Японии. В 1938 г. был военным атташе в Берлине и Будапеште в течение двух лет. В начале 1941 г. вошел в руководство Главного командования обороны. В 1943 г. стал командующим 2-й воздушной армии. В апреле 1945 г. назначен зам. начальника Генерального штаба императорской армии Японии. Возглавлял японскую делегацию в Манилу для переговоров о капитуляции Японии с генералом Дугласом Макартуром. Умер в 1960 г.

Кавасима Киоси, 1893 г. р., урож. префектуры Чиба (Япония), генерал-майор медицинской службы японской армии. В 1939–1941 гг. возглавлял 1-й отдел (исследования инфекционных заболеваний), в 1941–1945 гг. — 4-й (производственный) отдел отряда № 731 Квантунской армии. В 1945 г. возглавил медицинскую службу Квантунской армии. Принимал участие в подготовке бактериологической войны, лично руководил выращиванием смертоносных бактерий в производственных масштабах. В 1942 г. принимал участие в организации боевого применения бактериологического оружия на территории Центрального Китая. В период службы в отряде принимал участие в массовом умерщвлении заключенных путем заражения их бактериями тяжелых инфекционных болезней. 20 августа 1945 г. взят в плен частями Советской армии. Содержался в спецлагере № 45 (г. Хабаровск), откуда 28 декабря 1946 г направлен в г. Владивосток для допросов представителями советского обвинения на Международном военном трибунале (Токийский процесс). 30 декабря 1949 г. Военным трибуналом Приморского военного округа по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., приговорен к 25 годам ИТЛ. Наказание отбывал в лагере для военнопленных № 48 (с. Чернцы Лежневского р-на Ивановской обл.). В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1956 г. репатриирован на родину через порт Находка 23 декабря 1956 г.

Кадзицука Рюдзи, 1888 г. р., урож. г. Тадзири (Япония), генерал-лейтенант медицинской службы японской армии. В 1933–1937 гг. возглавлял санитарный отдел медицинской службы Военного министерства Японии. Один из организаторов исследований по созданию бактериологического оружия. В 1937 г. назначен начальником медицинской службы Китайской армии Японии (затем 2-й армии). В 1938 г. переведен в Корею, назначен начальником медицинской службы гарнизонной армии. В 1939 г. занял пост начальника Санитарного управления Квантунской армии. Прямой начальник подразделений Квантунской армии, осуществлявших разработку, производство и испытания бактериологического оружия на китайской территории. Взят в плен 1 сентября 1945 г. 30 декабря 1949 г. Военным трибуналом Приморского военного округа по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., приговорен к 25 годам ИТЛ. 27 февраля 1950 г. направлен для отбывания наказания в лагерь для военнопленных № 48 (с. Чернцы Лежневского р-на Ивановской обл.). В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1956 г. освобожден 23 декабря 1956 г. и передан представителю японских властей в порту Находка. Умер в 1976 г.

Карасава Томио, 1911 г. р., урож. префектуры Нагано (Япония), майор медицинской службы японской армии, начальник отделения производственного отдела отряда № 731 Квантунской армии. В 1940–1942 гг. участвовал в организации «экспедиций» по распространению эпидемий среди мирного населения Китая. Неоднократно лично участвовал в опытах по испытанию бактериологического оружия на заключенных китайских и советских гражданах. Взят в плен 1 сентября 1945 г. 28 декабря 1946 г. направлен в г. Владивосток для допросов представителями советского обвинения на Международном военном трибунале (Токийский процесс). 30 декабря 1949 г. Военным трибуналом Приморского военного округа по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., приговорен к 20 годам ИТЛ. Наказание отбывал в лагере для военнопленных № 48 (с. Чернцы Лежневского р-на Ивановской обл.). 20 октября 1956 г. покончил жизнь самоубийством (повесился). Похоронен на кладбище в с. Чернцы Лежневского р-на Ивановской области.

Касахара Юкио, 1889 г. р., урож. г. Сендай (Япония), генерал-лейтенант японской армии. В 1937–1938 гг. служил в Маньчжоу-го в качестве заместителя начальника штаба Квантунской армии. В 1939–1941 гг. был начальником штаба Северокитайского фронта, в 1941–1942 гг. — командующим 12-й дивизией, в 1942–1945 гг. — начальником штаба Квантунской армии, с апреля 1945 г. — командующим 11-й армией. Умер в 1988 г.

Кикучи Норимицу, 1922 г. р., урож. префектуры Сайтам (Япония), ефрейтор японской армии, санитар-практикант филиала № 643 отряда № 731 Квантунской армии. Принимал непосредственное участие в работе по изысканию новых видов бактериологического оружия и культивированию бактерий остроинфекционных заболеваний. Взят в плен 17 августа 1945 г. 30 декабря 1949 г. Военным трибуналом Приморского военного округа по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., приговорен к 2 годам ИТЛ. Отбывал наказание в лагере для военнопленных № 48 (с. Чернцы Лежневского р-на Ивановской обл.), откуда 4 декабря 1951 г. убыл на родину по истечении срока наказания.

Кикучи Хитоси, один из руководителей работ по созданию бактериологического оружия, генерал-майор медицинской службы. В 1941–1945 гг. занимал должность начальника 1-го отдела отряда № 731 Квантунской армии, который занимался разработкой и производством бактериологического оружия.

Кинан Джозеф, 1888 г. р., урож. г. Потакета (США), политический деятель США. Служил в администрации Франклина Рузвельта и Гарри Трумэна. В Международном военном трибунале для Дальнего Востока являлся главным прокурором, руководил расследованием преступлений, совершенных во время Второй мировой войны японскими лидерами, и судебным преследованием военных преступников Японии. Умер в 1954 г.

Китано Масадзи, 1894 г. р., урож. префектуры Хёго (Япония), врач, микробиолог, генерал-лейтенант японской армии. С августа 1942 г. по март 1945 г. — начальник отряда № 731. На этой должности он сменил Исии и продолжил работу по постановке опытов на людях. В апреле 1945 г. был произведен в генерал-лейтенанты и назначен командиром 13-го армейского медицинского корпуса. После капитуляции Японии в августе 1945 г. был помещен в лагерь для военнопленных в Шанхае. Репатриирован в Японию в январе 1946 г. Работал в японской фармацевтической компании Green Cross. Умер в 1986 г.

Круглов Сергей Никифорович, 1907 г. р., урож. дер. Устье Зубцовского уезда Тверской губ. С декабря 1930 г. по ноябрь 1931 г. занимал должность старшего инструктора-механика учебно-опытного зерносовхоза на станции Тогузак Кустанайский округа; с ноября 1931 г. по март 1934 г. — секретарь партячейки факультета Индустриального педагогического института им. К. Либкнехта. С 28 февраля 1939 г. по 25 февраля 1941 г. — начальник отдела кадров НКВД СССР. С 25 февраля 1941 г. по 30 июля 1941 г. — 1-й зам. наркома внутренних дел СССР; с 5 июля по 10 октября 1941 г. — член Военного совета Фронта резервных армий; с 30 июля 1941 г. по 26 апреля 1943 г. — зам. наркома внутренних дел СССР; с 10 октября 1941 г. по 1942 г. — член Военного совета Западного фронта; с 26 апреля 1943 г. по 29 декабря 1945 г. — 1-й зам. наркома внутренних дел СССР; с 29 декабря 1945 г. по 5 марта 1953 г. — нарком-министр внутренних дел СССР; с 26 июня 1953 г. по 31 января 1956 г. — министр внутренних дел СССР. С 13 февраля 1956 г. по 1957 г. — заместитель министра строительства электростанций СССР; с августа 1957 г. по июль 1958 г. — заместитель председателя Кировского СНХ. С июля 1958 г. на пенсии. Умер в 1977 г.

Курусима Юдзи, 1923 г. р., урож. префектуры Когива (Япония), рядовой японской армии, санитар-лаборант филиала № 162 отряда № 731 Квантунской армии. Принимал

участие в культивировании бактерий остроинфекционных болезней и в испытаниях бактериологических снарядов.

30 декабря 1949 г. Военным трибуналом Приморского военного округа по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., приговорен к 3 годам ИТЛ. Наказание отбывал в лагере для военнопленных № 48 (с. Чернцы Лежневского р-на Ивановской обл.).

Ольга Липчанская, историк, хранительница краеведческого музея в селе Чернцы, рассказывала: «Кроме генералов, в лагере в Чернцах был и бывший молодой санитар-лаборант Курусима Юдзи — он был одним из тех стажеров, способных юношей, которых привлекали к работе в отряде. Он был совершенно фанатично настроен. В его обязанности входило изучение поражающей способности бактерий, распылявшихся с самолета. Для этого раскладывали манекены, намазанные чем-то липким. И Юдзи скрупулезно подсчитывал, сколько блох, зараженных чумой, могло попасть на эти манекены, а значит, на человека. Но вскоре вместо манекенов японцы стали использовать живых людей. И Юдзи добросовестно работал, ему было неважно, кого считать — блох или же трупы, которые остались после эксперимента».

После отбытия наказания 28 ноября 1953 г. репатриирован в Японию через порт Находка.

Кусаба Тацуми, 1888 г. р., урож. префектуры Сига (Япония), генерал-лейтенант японской армии, начальник железнодорожного сообщения Маньчжоу-го. В августе 1945 г. взят в плен войсками Забайкальского фронта. В январе 1946 г. отобран свидетелем обвинения от СССР для участия в Международном военном трибунале в г. Токио. 13 августа 1946 г. доставлен в Японию, 17 сентября 1946 г. — в Токио. 20 сентября 1946 г. покончил жизнь самоубийством, выпив цианистый калий в тюрьме Сугамо (г. Токио).

Макартур Дуглас, 1880 г. р, урож. г. Литтл-Рок, штат Арканзас (США), генерал армии США. С 1941 по 1942 г. командовал вооруженными силами США на Дальнем Востоке. С 1942 по 1951 г. занимал должность командующего союзными войсками в юго-западной части Тихого океана, одновременно с 1945 г. являлся командующим оккупационными войсками в Японии. В 1950–1951 гг. руководил операциями американских и южно-корейских вооруженных сил в войне в Корее. Вопреки требованиям ряда высокопоставленных лиц, в том числе президента США Трумэна, отказался отдать под суд японского императора Хирохито, настояв на том, чтобы Хирохито оставался главой государства. Умер в 1964 г.

Мацумура Томокацу, 1899 г. р., урож. префектуры Фукуи (Япония), генерал-майор японской армии, с 1 марта 1945 г. — второй зам. начальника штаба (начальник 1-го оперативного отдела) Квантунской армии. 17 сентября 1946 г. был доставлен из Владивостока в Токио как свидетель на Международном военном трибунале. 20 июня 1949 г. арестован в лагере военнопленных. 25 августа 1949 г. Военным трибуналом войск МВД СССР по 58-6 УК РСФСР приговорен к 25 годам ИТЛ. В декабре 1956 г. освобожден. Умер в 1979 г.

Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович, 1890 г. р., урож. Вятской губ. Участник революции 1905–1907 гг. В 1912 г. — секретарь редакции газеты «Правда». Принимал активное участие в работе думской фракции большевиков. В марте 1921 г. — декабре 1930 г. — секретарь ЦК РКП(б). Одновременно в 1928–1929 гг. — первый секретарь Московского городского комитета ВКП(б). В мае 1941 г. — августе 1942 г. — зам. председателя СНК СССР. В годы Великой Отечественной войны — зам. председателя Государственного комитета обороны СССР, член Ставки Верховного Главнокомандования. В марте 1946 г. — июне 1957 г. — первый зам. председателя Совета министров СССР, одновременно в марте 1953 г. — июне 1956 г. — министр иностранных дел СССР. В 1957–

1960 гг. — посол СССР в Монгольской Народной Республике. В 1960–1962 гг. — глава Советского представительства в МАГАТЭ (г. Вена). Умер в 1986 г.

Митомо Кадзуо, 1924 г. р., урож. префектуры Исикао (Япония), ст. унтер-офицер японской армии, сотрудник отряда № 100 Квантунской армии. Принимал участие в изготовлении и испытании на живых людях бактериологического оружия. Непосредственный участник бактериологических диверсий в районе Трехречья (КНР) на границе с СССР. Пленен в августе 1945 г. 30 декабря 1949 г. Военным трибуналом Приморского военного округа по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., приговорен к 15 годам ИТЛ. Отбывал наказание в лагере для военнопленных № 48 (с. Чернцы Лежневского р-на Ивановской обл.). В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1956 г. 23 декабря 1956 г. репатриирован на родину через порт Находка.

Мураками Кэйсаку, 1888 г. р., генерал-лейтенант японской армии (октябрь 1939), командующий 3-й армией 1-го фронта Квантунской армии. Взят в плен 20 августа 1945 г. В январе 1946 г. отобран свидетелем обвинения от СССР для участия в Международном военном трибунале в г. Токио. 13 августа 1946 г. доставлен в Японию, после чего возвращен в СССР. 21 сентября 1948 г. умер в лагере военнопленных № 27 МВД СССР в Красногорске (Московская обл.).

Ниси Тохсихидэ, 1904 г. р., урож. префектуры Кагосима (Япония), полковник медицинской службы японской армии. С января 1943 г. — начальник филиала № 673 отряда № 731 в г. Суньу, по совместительству начальник 5-го (учебно-просветительного) отдела отряда № 731. Активно участвовал в изготовлении бактериологического оружия, убийствах заключенных путем применения бактерий остроинфекционных болезней и подготовке кадров для спецподразделений армейских частей для ведения бактериологической войны. В 1945 г. в целях сокрытия преступной деятельности филиала и отряда № 731 отдал приказание сжечь все помещения, оборудование и документы филиала. 18 августа 1945 г. взят в плен частями Советской армии. 30 декабря 1949 г. Военным трибуналом Приморского военного округа по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., приговорен к 18 годам ИТЛ. Отбывал наказание в лагере для военнопленных № 48 (с. Чернцы Лежневского р-на Ивановской обл.). В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1956 г. освобожден 23 декабря 1956 г. и передан представителю японских властей в порту Находка.

Оноуэ Масао, 1910 г. р., урож. префектуры Кагосима (Япония), майор медицинской службы японской армии, начальник филиала № 643 отряда № 731 Квантунской армии. Занимался изысканиями новых видов бактериологического оружия. Под его руководством готовились кадры специалистов по бактериологической войне. В августе 1945 г. для сокрытия следов преступной деятельности филиала сжег все здания, запасы материалов и документы филиала. Взят в плен 17 августа 1945 г. 30 декабря 1949 г. Военным трибуналом Приморского военного округа по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., приговорен к 12 годам ИТЛ. Отбывал наказание в лагере для военнопленных № 48 (с. Чернцы Лежневского р-на Ивановской обл.). В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1956 г. освобожден 23 декабря 1956 г. и передан представителю японских властей в порту Находка.

Огисо Рихей (Риппо), 1884 г. р., урож. префектуры Айти (Япония), генерал-лейтенант японской армии. В октябре 1933 г. получил звание генерала. В 1937 г. состоял в долж-

ности начальника штаба Тайваньской армии. Возглавлял японские войска в боях на Халхин-Голе. В начале 1940 г. отозван в Японию и отправлен в отставку. Умер в 1949 г.

Отт Ойген, 1889 г. р., урож. г. Роттенбург-ам-Неккар (Германия), немецкий военный и дипломатический деятель, генерал-майор. В октябре — ноябре 1936 г. принимал участие в переговорах, завершившихся подписанием Антикоминтерновского пакта между нацистской Германией и Японией. С 28 апреля 1938 г. по 31 декабря 1942 г. — посол нацистской Германии в Японии. Уволен с должности из-за скандала с арестом советского разведчика Рихарда Зорге. До конца Второй мировой войны оставался в Пекине как частное лицо. Умер в 1977 г. в Баварии.

Принц Коноэ, 1891 г. р., урож. г. Токио (Япония), премьер-министр Японии. Лидер партии сторонников и инициаторов территориальной экспансии Японии в ходе Второй мировой войны. После капитуляции Японии был включен в список военных преступников, подлежащих суду Международного трибунала, и должен был стать одним из главных обвиняемых на процессе. В ночь на 16 декабря 1945 г., за несколько часов до истечения срока добровольной явки в тюрьму, Коноэ покончил жизнь самоубийством, приняв яд.

Пу И Айсиньцзюэло, Айсин-Гиоро Пуи (по-маньчжурски Айсин Гиро — «золотой род»), 1906 г. р., урож. г. Пекина (Китай). 12-й представитель династии Цин, последний император Китая (1908–1912 гг.), сохранял титул как нецарствующий император (до 1924 г.). Отрекся от престола 12 февраля 1912 г. в результате начавшейся Синьхайской революции. В марте 1932 г., после вторжения японской армии в Маньчжурию и создания на ее территории марионеточного государства Маньчжоу-го, стал главой государства, а 1 марта 1934 г. — императором Маньчжоу-го. Реальной властью не обладал, был исполнителем приказов командования Квантунской армии. 16 августа 1945 г. захвачен советскими войсками в самолете, вылетавшем в Японию, доставлен в Читу, затем перемещен под Хабаровск, где содержался в лагере для высокопоставленных военнопленных «Спецобъект-45». Участвовал в качестве свидетеля в Токийском процессе 1946–1948 гг. 31 июля 1950 г. передан советскими властями КНР и помещен в Фушуньскую тюрьму для военных преступников в Ляонине. В 1959 г. освобожден как «перевоспитавшийся», поселился в Пекине, работал в Пекинском ботаническом саду. В 1960 г. выпустил книгу воспоминаний «Первая половина моей жизни», в которой, в частности, раскаивался в своих преступлениях и выражал преданность коммунистическому Китаю. Умер в 1967 г.

Сато Сюндзи, 1896 г. р., урож. префектуры Анчи (Япония), генерал-майор медицинской службы японской армии. С 1941 г. начальник бактериологического отряда в г. Кантоне (отряд «Нами»), а в 1943 г. — начальник отряда в г. Нанкине (отряд «Эй»). Впоследствии, будучи начальником санитарной службы 5-й армии, входившей в состав Квантунской армии, руководил филиалом № 643 отряда № 731. Взят в плен 19 августа 1945 г. 30 декабря 1949 г. Военным трибуналом Приморского военного округа по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., приговорен к 20 годам ИТЛ. Отбывал наказание в лагере для военнопленных № 48 (с. Чернцы Лежневского р-на Ивановской обл.).

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1956 г. репатриирован на родину 23 декабря 1956 г. через порт Находка. Умер в 1977 г.

Сафонов Григорий Николаевич, 1904 г. р., урож. Ярославской губ. С декабря 1939 г. — зам., а затем первый зам. Прокурора СССР (с 1946 г. — Генерального прокурора СССР). С 1947 г. состоял членом Постоянной комиссии по проведению открытых судебных процессов по наиболее важным делам бывших военнослужащих германской армии и немецких карательных органов, изобличенных в зверствах против советских

граждан на временно оккупированной территории Советского Союза. С февраля 1948 г. до июня 1953 г. — Генеральный прокурор СССР. Государственный советник юстиции 1-го класса. С 1968 г. на пенсии. Умер в 1972 г.

Такахаси Такаацу, 1888 г. р., урож. префектуры Акита (Япония), генерал-лейтенант ветеринарной службы японской армии, начальник Ветеринарной службы Квантунской армии. Осуществлял непосредственное руководство деятельностью отряда № 100, в том числе по заражению заключенных опасными инфекционными болезнями. Взят в плен 19 августа 1945 г. 30 декабря 1949 г. Военным трибуналом Приморского военного округа по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., приговорен к 25 годам ИТЛ. Отбывал наказание в лагере для военнопленных № 48 (с. Чернцы Лежневского р-на Ивановской обл.), где 24 сентября 1951 г. умер от кровоизлияния в мозг. Похоронен на кладбище в с. Чернцы Лежневского р-на Ивановской области.

Тодзио Хидэки, 1884 г. р., урож. г. Токио (Япония), военачальник и политический деятель Японской империи. Принимал активное участие в оккупации Маньчжурии в должности начальника контрразведки и позже — штаба Квантунской армии сухопутных войск. Премьер-министр Военного кабинета в 1941–1944 гг. Принимал активное участие в обсуждении развязывания войны на Тихом океане и в Юго-Восточной Азии. На Токийском процессе в 1946 г. признан военным преступником высшей категории. Приговорtн к смертной казни, приговор приведtн в исполнение в декабре 1948 г.

Тоёда Тэйдзиро, 1885 г. р., урож. в префектуры Вакаяма (Япония). В 1905 г. окончил Военную академию императорского флота Японии и в 1911–1914 гг. за отличные успехи в учtбе проходил стажировку в Оксфордском университете. В 1919 г. завершил обучение и был принят на работу в Министерство флота Японии. В 1923 г. получил звание капитана 2-го ранга и был назначен военным атташе в Великобританию. После возвращения в Японию в 1927 г. был членом японских делегаций на Женевской (1927) и Лондонской (1930) конференциях, посвящtнных сокращению вооружений военно-морских сил ведущих стран мира. В 1940 г. стал вице-министром Министерства флота. В апреле 1941 г. был повышен до адмирала и возглавил Министерство торговли и промышленности. Тогда же начал работу в Министерстве иностранных дел Японии, отвечал за переговоры с США. В конце 1941 г. назначен директором государственного металлургического предприятия «Сталеплавление Японии». К 1942 г. он смог решить проблему нехватки рабочих рук путtм привлечения к производству школьников и женщин, но качество изделий падало из-за недостатка ресурсов. В 1945 г. возглавил Министерство военных нужд и Министерство транспорта и коммуникаций, получил кресло в Палате пэров Парламента Японии. Однако в результате поражения Японии во Второй мировой войне лишился всех званий и не мог заниматься государственной или общественной деятельностью. В 1956 г. после снятия запрета стал директором японского филиала бразильской металлургической компании «Узиминас». Умер в 1961 г.

Умэдзу Ёсидзиро, 1882 г. р., урож. префектуры Оита (Япония), генерал японской армии во время Второй мировой войны. С сентября 1939 г. являлся главнокомандующим Квантунской армией. В июле 1944 г. назначен начальником Генерального штаба императорской армии Японии и членом Высшего военного совета. В августе 1945 г. выступал против капитуляции Японии. Император Хирохито лично приказал ему от имени вооруженных сил Японии подписать 2 сентября 1945 г. акт о капитуляции, и таким образом он оказался старшим представителем армии во время церемонии капитуляции на линкоре USS Missouri. После войны был арестован, на Токийском процессе Международного трибунала для Дальнего Востока в 1948 г. приговорен к пожизненному заключению. Умер в тюрьме Сугамо (Япония) в 1949 г.

Уцида Косай, 1865 г. р., урож. префектуры Кумамото (Япония), государственный служащий, дипломат. С 1911 г. по 1912 г. занимал должность министра иностранных дел. Некоторое время работал послом в Российской империи, затем вернулся в Японию и с 1918 г. по 1923 г. занимал должность министра иностранных дел. Дважды исполнял обязанности премьер-министра. В 1930 г. вошел в Палату пэров — верхнюю палату японского парламента. В 1931 г. стал президентом Южно-Маньчжурской железной дороги. Во время третьего срока на посту министра иностранных дел в 1932–1933 гг. способствовал дипломатическому признанию Маньчжурского государства и выходу Японской империи из Лиги Наций. Умер в 1936 г.

Уэда Кэнкити, 1875 г. р. урож. префектуры Осака (Япония), генерал японской армии. Служил в 9-й кавалерийской бригаде 18-й дивизии, затем был переведен в 16-ю дивизию. В 1924 г. получил звание генерал-майора и возглавил 3-ю кавалерийскую бригаду, в 1928 г. получил звание генерал-лейтенанта, в 1929–1930 гг. возглавлял Гарнизонную армию в Китае. В 1930–1932 гг., являясь командиром 9-й дивизии, принимал участие в боях с армией Китая в ходе борьбы с повстанческим движением в Маньчжурии. 29 апреля 1932 г. во время взрыва потерял ногу и вернулся в Японию. В 1933–1934 г. занимал различные посты в Генеральном штабе Японии, включая пост заместителя начальника штаба. В 1932 г. стал командующим Корейской армией, в 1935 г. получил звание генерала, в 1936–1939 гг. занимал должность командующего Квантунской армией. Одновременно в 1939 г. являлся послом Японии в Маньчжоу-го и членом Высшего военного совета Японии. Умер в 1962 г.

Хата Сюнроку, 1879 г. р., маршал японской армии. Принимал участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. В марте 1912 г. стал военным атташе в Германии, во время Первой мировой войны оставался в Европе в качестве военного наблюдателя. В 1921 г. командовал 16-м полевым артиллерийским полком, в 1926–1927 гг. возглавлял 4-ю бригаду тяжелой полевой артиллерии. В 1927–1931 гг. — начальник японской военной разведки в Маньчжурии. В августе 1931 г. произведен в генерал-лейтенанты и стал главным инспектором артиллерийской подготовки. В 1932 г. возглавил жандармерию Квантунской армии. В августе 1933 г. назначен командующим 14-й дивизией. В декабре 1935 г. возглавил ВВС императорской армии Японии, а в августе 1936 г. — Тайваньскую армию. В мае 1939 г. стал ст. советником императора, в июле 1939 г. возглавил Министерство армии. В марте 1941 г. принял командование над японскими войсками в Китае. 2 июня 1944 г. произведен в маршалы. 6 августа 1945 г. находился в Хиросиме в момент ее атомной бомбардировки и чудом выжил. По окончании Второй мировой войны был арестован американскими властями и обвинен в совершении военных преступлений. Предстал перед судом Токийского международного трибунала для Дальнего Востока, 12 ноября 1948 г. приговорен к пожизненному тюремному заключению. В 1955 г. был помилован. Умер в 1962 г.

Хиразакура Дзенсаку, 1916 г. р., урож. префектуры Исикао (Япония), поручик ветеринарной службы японской армии, бывший научный работник отряда № 100 Квантунской армии. Проводил исследования в области выработки и применения бактериологического оружия, неоднократно принимал участие в спецразведке на границе Советского Союза в целях изыскания наиболее эффективных способов бактериологического нападения на СССР, при этом производил отравление водоемов, в частности в районе Трехречья (КНР) на границе с СССР. Взят в плен 18 августа 1945 г. 30 декабря 1949 г. Военным трибуналом Приморского военного округа по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., приговорен к 10 годам ИТЛ. Отбывал наказание в лагере для военнопленных № 48 (с. Чернцы Лежневского р-на Ивановской обл.). В соответствии с Ука-

зом Президиума Верховного Совета СССР от 13 декабря 1956 г. освобожден 23 декабря 1956 г. и передан представителю японских властей в порту Находка.

Хирохито, 1901 г. р., урож. г. Токио, 124-й император Японии. В 1908–1914 гг. проходил обучение в школе для детей высшей аристократии (кадзоку), в 1914–1921 гг. — в специальном Институте наследного принца под руководством профессоров Токийского университета и высших военных чинов, где получил гражданскую специальность биолога. С 1921 г. в связи с болезнью своего отца, императора Ёсихито, являлся принцем-регентом. В декабре 1926 г. вступил на престол. До 1945 г. согласно Конституции Мэйдзи (1889) обладал абсолютной властью в стране — законодательной, исполнительной, судебной, военной, почитаясь японцами как божество. Увеличил военные ассигнования. Будучи формально противником военной экспансии, не вмешивался в агрессивную политику кабинета премьер-министра Тодзио Хидэки.

Император Японии и его семья начиная с 1936 г. принимали непосредственное участие в создании, организации производства и испытаний бактериологического оружия.

После атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки 15 августа 1945 г. Хирохито принял решение о безоговорочной капитуляции. Американская оккупационная администрация решила сохранить монархию в Японии, демократизировав ее. По инициативе американских военных властей вместе с другими членами императорской семьи Хирохито был освобожден от уголовной ответственности. В 1946 г. издал рескрипт «Нингэн-сэнгэн», воспринятый многими как отречение императора от божественной природы и происхождения. Новый статус императора был зафиксирован в Конституции 1947 г., по которой император провозглашался «символом государства и единства народа». Умер в 1989 г.

Ямада Отодзо, 1881 г. р., урож. г. Токио, из семьи военнослужащего. В сентябре 1898 г. поступил в Центральный кадетский корпус Военного министерства г. Токио, который закончил в 1901 г. Карьеру военного выбрал по примеру отца (самурая, к тому времени военнослужащего японской армии в чине капитана). После 6-месячной стажировки в 3-м кавалерийском полку поступил в Военно-офицерское училище. По окончании училища в 1902 г. был направлен в 3-й кавалерийский полк на должность офицера-стажера. В июне 1903 г. произведен в чин подпоручика. С мая по сентябрь 1904 г. участвовал в Русско-японской войне в должности командира кавалерийского подразделения. За участие в боях был награжден орденами «Золотого коршуна» 5-й степени и «Восходящего солнца» 6-й ст., а также медалью за участие в боях с Россией. В феврале 1905 г. был произведен в чин поручика. В 1909–1912 гг. учился в Военной академии Генерального штаба, по окончании которой в чине капитана назначен в прежний кавалерийский полк. В 1913 г. — сотрудник отдела связи транспортного управления Генштаба, где занимался разработкой плана обеспечения армии различными видами связи. В 1918 г. в чине майора был направлен инструктором в кавалерийское училище г. Токио (преподавал тактику). В 1922 г. произведен в чин подполковника, зачислен вторым зам. начальника кавалерийского отдела Главной инспекции обучения японской армии. В 1924 г. назначен командиром 26-го кавалерийского полка в г. Тоехаси. В 1925 г. произведен в полковники, в начале 1926 г. назначен на должность штаб-офицера японской армии в Корее, фактически исполнял обязанности зам. начальника штаба армии по линии стратегии и тактики.

В августе 1927 г. назначен на должность начальника отдела связи Управления транспорта Генштаба Японии, занимался разработкой планов по линии связи и коммуникации армии, готовил офицеров-связистов, разрабатывал уставы и готовил приказы по линии коммуникации. В 1930 г. произведен в генерал-майоры и назначен на долж-

ность старшего инструктора кавалерийского училища, в котором возглавлял учебный отдел. В 1931 г. назначен командиром 4-й кавалерийской бригады в г. Тоехаси. В 1932 г. назначен начальником Военной школы связи в г. Токио, подчиненной непосредственно Главной инспекции обучения. Будучи начальником Военной школы связи и начальником III управления Генерального штаба Японии в 1933 г. руководил подготовкой и переподготовкой кадров офицеров-разведчиков, возглавляя научно-исследовательскую работу в области усовершенствования радиоаппаратуры для подслушивания радиостанций СССР. На посту начальника III (транспортного) управления Генштаба Ямада занимался материальным обеспечением радиоразведки по линии СССР, США, руководил практическим использованием радиопеленгаторов контроля радиостанций СССР, Китая и других стран.

В августе 1934 г. произведен в чин генерал-лейтенанта и возглавил секретариат Генштаба: руководил кадрами, включая работу по назначению начальников штабов и командующих армий, занимался подборкой квалифицированных разведчиков для отправки в СССР, разрабатывал секретные мобилизационные планы японской армии и планы военных формирований. С 1934 г. по 1935 г. санкционировал засылку в СССР дипломатических курьеров и под вымышленными фамилиями 14–15 офицеров-разведчиков Разведывательного управления Генштаба.

В 1935 г. переведен начальником Военно-офицерского училища в Токио. В марте 1937 г. назначен командиром 12-й дивизии в Муданьцзяне. В январе 1938 г. получил повышение и был назначен командующим 3-й армией Квантунских вооруженных сил, находясь по-прежнему в Муданьцзяне. В боях между СССР и Японией в 1938 г. в районе оз. Хасан участия не принимал. Лично разработал оперативный план вторжения на советскую территорию с целью захвата сопредельных районов советского Приморья. Разведывательные сведения для данного плана поступали в штаб 3-й армии из Разведывательного управления Квантунской армии, а также собирались силами разведгруппы 3-й армии.

В декабре 1938 г. назначен на пост командующего экспедиционной армией Японии в Центральном Китае со штаб-квартирой в Нанкине. В октябре 1939 г. переведен из Китая в Японию с назначением на пост главного инспектора обучения Императорской ставки: руководил обучением всех родов войск, кроме авиации. В августе 1940 г. присвоено звание полного генерала. Находился на равном положении с военным министром и начальником Генерального штаба Японии.

Как главный инспектор обучения трижды посещал Квантунскую армию (апрель 1940 г., сентябрь 1942 г., июнь 1944 г.). В его обязанности входила в том числе организация обучения «отрядов смертников», которые использовались в войне с СССР.

Будучи главным инспектором по обучению войск, в течение 4 месяцев (сентябрь–декабрь 1941 г.) состоял главнокомандующим общей охраной императорской ставки, с октября 1939 г. по июнь 1944 г. входил в Верховный военный совет Японии при императоре Хирохито, был военным советником императора по всем важнейшим вопросам командования сухопутными вооруженными силами. В Совет входили высокопоставленные военные чины: начальник Генштаба, военный министр, начальник Главного управления вооружения, главный инспектор по обучению авиации, главнокомандующий Экспедиционной армией Южного фронта Восточной Азии. Заседания Совета проводились 2–3 раза в год в присутствии императора. На них разбирались вопросы реорганизации родов войск, пересмотра уставов вооруженных сил и др. В обязанности членов Верховного совета входило также инспектирование от имени императора военных училищ и армейских частей, наблюдение за маневрами и учениями армий с последующим докладом лично императору.

В июле 1944 г. был переведен из Японии в Маньчжурию на должность командующего Квантунской армией. В августе 1945 г., после начала японо-советской войны, одновременно командовал и японской армией в Корее, поэтому должность именовалась «главнокомандующий». На посту главнокомандующего Квантунской армией, с июля 1944 г. по август 1945 г., руководил подготовкой маньчжурского плацдарма для нападения на Советский Союз и всей разведывательной деятельностью японских разведорганов в Маньчжурии. В его подчинении находились разведотдел Квантунской армии, Японская военная миссия, Главное управление жандармерии, Особое управление радиоразведки и др. военные органы. Руководил созданием и подготовкой специальных диверсионных отрядов для совершения актов в тылу Советской армии, как на территории Советского Союза, так и Маньчжурии. В августе 1944 г. по его приказу была сформирована и находилась в его непосредственном подчинении так называемая «I маневренная бригада» — особый диверсионный отряд с задачами совершения крупных диверсионных операций на территории СССР и ведением разведки против Советского Союза. Первоочередной задачей бригады являлось выведение из строя железной дороги Чита — Хабаровск, главным образом на участке Чита–Свободный, и воспрепятствование ее восстановлению. Командный состав бригады был укомплектован опытными офицерами-разведчиками по линии СССР. Все кадровые назначения утверждались лично Ямадой. Он утверждал учебные планы бригады, оперативные планы диверсионных действий против СССР. Все разведданные по Советскому Союзу передавались в бригаду через разведывательный отдел штаба Квантунской армии. Офицеры бригады направлялись в Советский Союз с разведзаданиями под видом дипломатических курьеров. Так, в декабре 1944 г. был направлен в СССР под видом дипкурьера майор Морита Макото — начальник штаба I маневренной бригады — с заданием разведать участок железной дороги Чита — Благовещенск (район предполагаемых диверсионных действий бригады). Бригада предназначалась для совершения диверсионных операций в тылу Советской армии по подрыву и поджогу важнейших военно-промышленных объектов, а также уничтожения небольших подразделений Советской армии и ее боевой техники. Особое значение придавалось уничтожению командного состава Советской армии. По приказу Ямады опыт подготовки к диверсионным действиям в маневренной бригаде был распространен на все подразделения Квантунской армии. Наряду с обучением личного состава, бригада готовила кадры инструкторов-диверсантов для формирования диверсионных батальонов, которые были созданы при всех бригадах и дивизиях Квантунской армии. Лично Ямадой была составлена инструкция «Методы диверсионных действий в тылу Советской армии», которая была разослана всем частям Квантунской армии. В результате диверсионных действий бригады было убито более тысячи советских солдат и офицеров, подорвано несколько десятков танков, автомашин и тягачей, два железнодорожных и два шоссейных моста.

На посту главнокомандующего Квантунской армией руководил разработкой оперативно-стратегического плана нападения на СССР, предусматривавшего применение бактериологического оружия.

Пост главнокомандующего совмещал с должностью чрезвычайного и полномочного посла японского императора в марионеточном государстве Маньчжоу-го, являясь полновластным диктатором Маньчжурии. Трижды в месяц посещал императора Маньчжоу-го Пу И, докладывал ему о международной обстановке, отношениях с союзными Японии странами, отношениях с СССР. По показаниям бывшего императора Маньчжоу-го, Ямада запугивал его силой Квантунской армии (например, осенью 1944 г. говорил, что Квантунская армия справится с любым противником, тем более с «Се-

вером», — т. е. с СССР, что после построения «сферы сопроцветания Восточной Азии» возникнет необходимость решать вооруженной силой судьбу северо-востока России).

По приказу императора Хирохито 3 сентября 1945 г. сдался в плен вместе с войсками Квантунской армии. 30 декабря 1949 г. Военным трибуналом Приморского военного округа по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 19 апреля 1943 г., приговорен к 25 годам ИТЛ. 27 февраля 1950 г. направлен для отбывания наказания в лагерь военнопленных № 48 (с. Чернцы Лежневского р-на Ивановской обл.). Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 25 февраля 1956 г. помилован с освобождением от дальнейшего наказания. 6 июня 1956 г. передан представителю японских властей в порту Находка для репатриации на родину. Умер в 1965 г.

Ямамото Исороку, 1884 г. р., урож. префектуры Ниигата (Япония), адмирал, главнокомандующий Объединенным флотом Японской империи во время Второй мировой войны. Занимал несколько важных постов во флоте и провел ряд реформ, повлиявших на развитие японской военно-морской авиации. Автор планов таких боевых операций, как нападение на Пёрл-Харбор и Мидуэйское сражение. Погиб в 1943 г. во время инспекционного вылета на фронтовые позиции на Соломоновых островах, когда его самолет был сбит американскими истребителями.

Янагита Гэндзо, 1893 г. р., урож. с. Катаока уезда Хагаситикума префектуры Нагано (Япония), военный деятель. Окончил военную академию в Токио (1922). С 1933 г. — японский военный атташе в г. Варшаве и г. Бухаресте. С 1938 г. — зам. начальника 11-й армии. В августе 1941 г. возглавил Японскую военную миссию в г. Харбине, одновременно являлся помощником начальника военной разведки Квантунской армии. В 1942 г. получил звание генерал-лейтенанта. С 1943 г. — командир 33-й дивизии (г. Бирма). В 1944 г. назначен на должность начальника гарнизона г. Порт-Артур, с 1945 г. — командующий Силами обороны Квантунской области. В августе 1945 г. взят в плен войсками Забайкальского фронта. Арестован органами военной контрразведки СМЕРШ, осужден Военным трибуналом как организатор переброски разведчиков и диверсантов на территорию СССР. В 1952 г. умер в лагере для военнопленных от отека мозга.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

автоотряд	автомобильный отряд
АН	Академия наук
артотряд	артиллерийский отряд
арх.	архивный
БАМ	Байкало-Амурская магистраль
б., бывш.	бывший
ВВС	Военно-Воздушные силы
В/О	военный округ
в/пленный	военнопленный
в/службы	военной службы
в/часть	войсковая часть
ВОКС	Всесоюзное общество культурной связи с заграницей
вриг.	временно интернированные граждане
г.	год, город
га	гектар
гор.	город
губ.	губерния
ДВК	Дальневосточная комиссия, Дальневосточный край
действ.	действительный
дер.	деревня
зам.	заместитель
и/с, инт. сл.	интендантская служба
инж. сл.	инженерная служба
ИТЛ	исправительно-трудовой лагерь
Кв. армия	Квантунская армия
кг	килограмм
км	километр
коп.	копейка
корр.	корреспондент
л	литр
л-нт	лейтенант
л/о	лагерное отделение
МГБ	Министерство государственной безопасности
МГУ	Московский государственный университет
мед. работники	медицинские работники
мед. сл.	медицинская служба
МИД	Министерство иностранных дел
мл.	младший
МНР	Монгольская Народная Республика
м-ц	месяц

нач., нач-к	начальник
НКВД СССР	Народный комиссариат внутренних дел СССР
НКИД	Народный комиссариат иностранных дел
обл.	область
ОО	оперативный отдел
ООН	Организация Объединенных Наций
ОПВИ	отдел по делам военнопленных и интернированных
опергруппа	оперативная группа
оперотдел	оперативный отдел
ОУВС	окружное управление военного снабжения
пер.	перевод, переводчик
пех.	пехотный
пом.	помощник
п/п	подлинно подписано
р.	река
р-н	район
руб.	рубль
с. г.	сего года
сан. сл.	санитарная служба
СМЕРШ	Управление контрразведки «Смерть шпионам»
СНХ СССР	Совет народного хозяйства СССР
Сов. Союз	Советский Союз
спецлагерь	специальный лагерь
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
ст.	станция, старший, статья
стр.	страница
США	Соединенные Штаты Америки
т., тов.	товарищ
т. е.	то есть
тыс. чел.	тысяч человек
УВИП	Управление водоснабжения и профилактики
УИТЛиК	Управление исправительно-трудовых лагерей и колоний
УК РСФСР	Уголовный кодекс Российской Советской Федеративной Социалистической Республики
УМВД	Управление Министерства внутренних дел
УНКВД	Управление Наркомата внутренних дел СССР
УПВИ МВД по ХК	Управление по делам военнопленных и интернированных Министерства внутренних дел по Хабаровскому краю
урож.	уроженец
УФСБ	Управление Федеральной службы безопасности
ХК	Хабаровский край
ЦК ВКП(б)	Центральный комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)
ЮМЖД	Южно-Маньчжурская железная дорога
ЯВМ	Японская военная миссия
яз.	язык
яп.	японский

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Аидзива (Андзава) Томодзи, фельдфебель — 150, 152
Акасе Исао, подпоручик — 158
Акикуса Сюн (Акигуса Сион), генерал-майор — 138, 153–154, 161, 167, 214, 225, 318
Александров Н. А., подполковник ветеринарной службы — 27, 235–236, 241
Андай Харуо, студент юридического факультета — 84
Андреев М., агент Трехреченской ЯВМ — 62
Араки Садао (Садоо), генерал — 84–85, 114, 129, 318
Арасэ Сейичи, майор — 126
Ачесон Д. Г., государственный секретарь США — 293, 295, 297, 318

Б

Баженов Е., белоэмигрант, агент Трехреченской ЯВМ — 62
Базенко, военный прокурор, подполковник юстиции — 26, 74, 96, 101, 207, 215, 219, 263
Базыкин В. И., советник посольства СССР в США — 295
Белов Н. П., адвокат — 26, 264
Березовский А., военный прокурор Приморского военного округа, полковник юстиции — 80, 219, 235–236, 262
Богачев П. Я., адвокат — 26, 264
Богод, военный прокурор, майор юстиции — 242
Болховитинов Д. Е., адвокат — 26, 264
Боровик Н. К., адвокат — 26, 264
Браве, зам. начальника оперативного отдела УПВИ УМВД по Хабаровскому краю, старший лейтенант — 117, 119, 122
Буланов, сотрудник УМВД по Хабаровскому краю, старший лейтенант — 195–196
Бурстеляк, перебежчик из СССР — 156

В

Вакамацу Юдзиро, генерал-майор ветеринарной службы — 27, 33–34, 40, 74, 105, 203–204, 247, 273, 277–278, 283–286, 291–293, 295, 297, 318, 320
Вакаэда, ефрейтор — 125
Ван Чан-Шэн (О Тё-Сэй), агент советской разведки — 54
Ван Чень Линь (О Сэй-Рин), агент советской разведки — 52
Ван Чжэнь-Да (О Син-Тацу), агент советской разведки — 54
Ван/О/, член Центрального комитета обороны Японии — 49
Варакин, советский разведчик, солдат — 156
Васильев А. Н., обвинитель от СССР на Токийском процессе — 18, 21, 262, 264, 301, 318
Ватанабэ Макото, поручик — 52, 126
Вимэмура, старшина — 147
Воробьев И. Г., подполковник юстиции, член Военного трибунала Приморского военного округа — 26, 264
Воронинов, переводчик — 127, 130
Воскресенский, перебежчик из СССР — 156, 162
Вырыпаев М., перебежчик из СССР — 156
Вышинский А. Я., министр иностранных дел СССР — 24, 77–79, 262, 272, 276, 278, 294, 318–319

Г

Галицкий, перебежчик из СССР — 162
Гарнышев (Горнышев), ст. оперуполномоченный, мл. лейтенант — 141, 145
Герцман И. С., переводчик — 102, 104–106
Гифитдинов, оперуполномоченный спецгоспиталя № 4923 лагеря № 5 МВД, младший лейтенант– 223
Го (Каку) член Центрального комитета обороны Японии — 49
Гогиляшвили, заключенный лагеря «Хогоин» — 159
Гойхман (Гохман), сотрудник УМВД по Хабаровскому краю, капитан — 74, 96, 101, 122, 179, 207, 215, 219
Голунский С. А., начальник договорно-правового управления МИД СССР — 18, 77–78, 262, 301, 318–319
Горшенин К. П., министр юстиции СССР — 25, 79, 263, 294, 319
Грозин, переводчик — 231
Громыко А. А., 1-й зам. министра иностранных дел СССР — 79, 295–296, 319
Гэнда, член Центрального комитета обороны Японии — 49

Д

Дворецкий, старший следователь оперотдела УПВИ УМВД по Хабаровскому краю, старший лейтенант — 72, 116, 164, 228, 231

Демченко, солдат Советской армии — 167, 225, 251
Демченко, переводчик — 235
Деревянко К. Н., генерал — 22, 77, 276, 319
Дзим (Симомура), старшина — 144, 153, 162, 146
Дои Акио, начальник ЯВМ, генерал-лейтенант — 138, 159, 319
Долгих, начальник УМВД по Хабаровскому краю, генерал-лейтенант — 179, 320
Долгих, сотрудник УМВД по Хабаровскому краю, капитан — 112

Е

Евдокимов, помощник военного прокурора войск МВД Хабаровского округа, капитан юстиции — 61, 63
Есикава, свидетель — 256
Есимура Есито, научный сотрудник 1-го отдела отряда № 731–242–243

Ё

Ёсицугци Татэкава, посол Японии в СССР — 298

Ж

Женгошвили, заключенный лагеря «Хогоин» — 159
Жуков-Вережников Н. Н., действительный член Академии медицинских наук СССР — 236, 241

З

Забродин Е., заведующий 2-м Дальневосточным отделом МИД — 276
Зарянов И. М., член Военной коллегии Верховного суда СССР, генерал — 18, 301
Зверев А. В., адвокат — 26, 264,
Золотовский белоэмигрант, агент Трехреченской ЯВМ — 61
Зорин В. А., заместитель министра иностранных дел СССР — 77, 320

И

Иванкин П. К., капитан Советской армии — 314
Иванова, переводчик — 195–196
Ивасаки, капитан — 242
Ивата, подпоручик, поручик интендантской службы — 188
Ивитухин, служащий — 155
Игнатов, офицер Советской армии — 167, 225
Ида Коси (Киёси), научный сотрудник отряда № 100–151, 197–198, 201, 203, 205, 207, 277
Ида Киоси, помощник командира отряда № 731, майор — 115
Иидзима (Индзима) Иосио, начальник лагеря «Хогоин», майор — 61, 135–136, 138–139, 151–153, 159, 162–163, 167, 212, 225, 251, 272, 277
Иики, рядовой-курсант специальной школы № 345 ЯВМ в Харбине — 147
Иино, член Центрального комитета обороны Японии — 49
Икада, сотрудник отряда № 100–277
Икари (Икарии) Цунэсиге, начальник 2-го отдела отряда № 731, полковник — 103, 181–185, 251, 254, 273, 277, 346
Икеда, генерал — 48, 70, 275, 277
Икеда, солдат — 145
Икекуба Рюдза, поручик — 158
Икэда Дзиро, генерал-майор — 73, 320
Ильницкий М. Л., полковник юстиции, член Военного трибунала Приморского военного округа — 26, 264, 271
Имадзу, полковник — 169
Иосида, врач тюрьмы отряда № 731–184–185
Иосидзава, министр иностранных дел Японии — 64
Иосимура, научный сотрудник отряда № 731–34, 251, 274, 277
Йосиока, председатель Центрального комитета обороны Японии — 49
Иримадзира Минору, солдат — 125
Исидория, сотрудник Квантунской жандармерии — 45
Исии Кацузи, дядя Исии Такаясу — 195
Исии Сиро (Сироо), генерал-лейтенант армии Японии — 19–22, 27, 32–34, 40, 53, 55–56, 74, 77, 85–88, 92–93, 95, 97, 101, 107–111, 115, 117–118, 120, 129, 132, 137, 151, 168–173, 175, 177–178, 180–185, 190, 196, 217, 219, 225–227, 232–234, 246–248, 252–256, 258, 263, 265, 268–269, 272, 274, 276–278, 281–282, 285–286, 289–290, 293, 295, 297, 300, 306, 311–312, 314, 320, 322
Исии Такаясу, военнопленный, старший унтерофицер — 195
Исии Такео, брат генерала Исии Сиро, начальник тюрьмы — 95, 175, 184, 195–196, 277
Исихара Осаму, сотрудник филиала № 162 отряда № 731–127
Итагаки Сэйсиро, генерал, министр армии Японии — 71, 320
Ито Томехару, солдат — 194
Ито, начальник лагеря «Хогоин» Харбинской ЯВМ, капитан — 146, 193
Ито, рядовой-курсант специальной школы № 345 ЯВМ в Харбине — 147
Ито, член Центрального комитета обороны Японии — 49
Итода, начальник интендантской части филиала № 673, поручик — 348
Ичидзио, вольнонаемный — 182
Ишкава Дзихэй, подполковник — 158

К

Кабаяси, подпоручик — 171
Кавабэ Торасиро, заместитель начальника Генерального штаба императорской армии Японии — 320
Кавамура (Мурояма), командир отделения лагеря «Хогоин» — 144, 147–148
Кавано Нобукацу, свидетель на Хабаровском процессе — 258
Кавасима Киоси (Киёси), генерал-майор медицинской службы, подсудимый на Хабаровском процессе — 20–21, 24, 27, 29–30, 39, 80, 168, 179, 181, 210, 212, 235–236, 240, 245–246, 250,

252, 255, 258, 260–262, 264, 267, 269–275, 281–283, 288–291, 296, 310–311, 321
Кадзи, начальник отдела полицейской службы Квантунской армии — 45
Кадзиура, ефрейтор — 158
Кадзицука (Кадзицка) Рюдзи (Рюудзи), начальник санитарной службы Квантунской армии, генерал-лейтенант — 20, 27, 30, 80, 91–92, 95, 100–101, 108, 110, 118, 216, 235–236, 258, 260–261, 264, 269–274, 278, 280–283, 286, 288–291, 293–294, 296, 316, 321
Кайя, член общества «Кокусаку-Кенкью-Кай» — 68
Какемидзу Кадзуёси, японский военнопленный, старший ефрейтор — 192–193
Камахта Фусади, санитар отряда № 731–115
Каммори (Камимори), член Центрального комитета обороны Японии — 49
Канадзава К., заместитель начальника отряда № 731, капитан — 185, 348
Канадзава, секретарь Центрального комитета обороны Японии — 49
Канев, заключенный лагеря «Хогоин» — 161, 163, 167, 225
Кани, научный сотрудник отряда № 731–277
Карасава Томио, майор, подсудимый на Хабаровском процессе — 20–21, 25, 27, 29, 31, 170, 235–236, 239, 245, 249, 251, 254–255, 259–262, 264, 267–269, 271–272, 274, 304, 316, 321
Касаткин, перебежчик из СССР — 162
Касахара Тозабуро, подпоручик, сотрудник лагеря «Хогоин» — 149–150
Касахара Юкио, генерал — 33, 40, 69, 73, 122, 217, 232, 275, 277–278, 284–286, 292–293, 295, 297, 322
Касахара, офицер — 161
Касуга Каору, начальник Харбинского управления жандармерии — 252, 273, 277
Касуга, переводчик, участник экспедиции отряда № 731–277
Катакура, старший секретарь Центрального комитета обороны Японии — 49–51
Като Цунэнори, начальник Хайларского филиала отряда № 731 майор — 103, 187
Като, подполковник — 196
Кикучи Норимицу, начальник 1-го отдела отряда № 731, генерал-майор, подсудимый на Хабаровском процессе — 26–27, 29, 31, 39, 181, 185, 245, 260–262, 265, 270–272, 316, 322
Кикучи Хитоси, генерал — 169, 275, 322
Ким В.М., переводчик — 117, 130, 133, 192, 219–221
Кимура, адъютант начальника японской жандармерии в г. Харбине — 252, 273
Кимура, сотрудник отряда № 100–277
Кинан Джозеф, представитель американского обвинения — 18, 263–264, 301, 322
Киндзё, ефрейтор — 162
Кириленко, заключенный лагеря «Хогоин» — 152
Кирсанов, заключенный лагеря «Хогоин» — 162
Кирсанов, служащий — 155
Китадзого, сотрудник штаба Квантунской жандармерии — 53, 55
Китано Масадзо (Масадзе), генерал — 19, 40, 74, 96–98, 101, 122, 194, 210, 213–214, 217–218, 274, 277–278, 282–283, 285–286, 290–291, 293, 295, 297
Кобаяси (Танехата Сиро), старшина — 45, 144, 146, 148
Кобулов А.З., первый заместитель и исполняющий обязанности начальника Главного управления по делам военнопленных и интернированных МВД СССР — 272
Кобута, сотрудник отряда № 100–277
Кодама Хироси, начальник общего отделения отряда № 731, майор — 103
Кодзава (Одзава), член Центрального комитета обороны Японии — 49
Козин, помощник военного прокурора войск МВД Хабаровского округа, майор юстиции — 123
Козловская О.Л., паразитолог — 27, 235–236, 241
Коки Хирота, премьер-министр Японии — 64
Кононов, сотрудник УМВД по Хабаровскому краю, майор — 242, 244
Коркин Н.А., старший лейтенант, секретарь Военного трибунала Приморского военного округа — 26, 264
Косарев Н.Н., профессор, заведующий кафедрой микробиологии Хабаровского медицинского института — 27, 235–236, 241
Котозака, поручик — 150
Котоку, член Центрального комитета обороны Японии — 49
Кохара (Обара), капитан — 188
Краснов В.Д., эпидемиолог, полковник медицинской службы — 27, 235–236, 241
Круглов С.Н., министр внутренних дел СССР — 21, 24–25, 77–79, 322
Кубо, рядовой — 161
Кубо, сотрудник лагеря «Хогоин» — 140
Кудзануки, старший унтер-офицер — 193
Кузиванов, советский военнопленный — 161
Курода, старший унтер-офицер — 161, 203, 275
Курусима Юдзи (Юуди), сотрудник филиала № 162 отряда № 731, подсудимый на Хабаровском процессе — 26–27, 29, 31, 127, 245, 260–262, 265, 270–272, 311, 316, 322–323
Кусаба, генерал-лейтенант, начальник железнодорожного сообщения Маньчжоу-го — 254, 277, 323
Кэра, фельдфебель санитарной службы — 89

Л

Ленсанов, сотрудник УМВД по Хабаровскому краю, младший лейтенант — 83, 87, 89
Лещанов, старший оперуполномоченный оперативного отдела лагеря № 16 МВД СССР, старший лейтенант — 133, 219, 221
Ливкина Е.Г., доцент кафедры микробиологии Хабаровского медицинского института — 27, 235–236, 241
Лиза, советская разведчица — 152–153, 162
Лончаков М., советский разведчик — 62
Лукьянцев В.П., адвокат — 26, 264
Лыжин, перебежчик из СССР — 156, 162

М
Мадокоро Натору (Нобору), подпоручик — 126
Маеда, полковник — 150, 152
Маия Масао, капитан — 158
Макартур Д., генерал армии США — 17–18, 23, 32, 276, 319–320, 323
Макушима, переводчик — 223
Манами, подсудимый Токийского трибунала — 68
Масуда Читэй, начальник 4-го отдела отряда № 731, полковник фармацевтической службы — 181, 185, 346
Мацуги, член Центрального комитета обороны Японии — 49
Мацуи, служащий отряда № 100, лаборант — 68, 106, 192, 197–203, 205, 253, 277
Мацумура Томокацу (Тамокацу, Томакацу), зам. начальника штаба Квантунской армии, генерал — 73–74, 91–93, 110, 112, 217, 272–275, 277, 282–285, 290, 292, 314, 323
Мацуока Ё., министр иностранных дел Японии — 298
Маэкава, поручик — 161
Медведева, переводчик — 87
Мидзуно, младший унтер-офицер жандармерии — 192
Мизуко, жандарм — 106
Минато, научный сотрудник отряда № 731–170–171, 277
Миноура, жандарм — 146–148, 164
Мисина, свидетель на Хабаровском процессе — 255, 260
Митамо Кадчуо, научный сотрудник отряда № 100–220
Митомо Кадзуо, лаборант отряда № 100, подсудимый на Хабаровском процессе — 25, 27, 30–31, 106, 192, 197, 236, 245, 253, 256, 260–262, 265, 268, 270–271, 273–274, 284, 291, 304–305, 309, 313, 316, 324
Мицуи, консул — 160
Молотов В. М., первый зам. председателя Совета министров СССР — 24–25, 33, 77–78, 296, 298, 323
Момидзука, сотрудник экспериментального отделения отряда № 731–89
Морита Тадао, старший унтер-офицер санитарной службы — 104, 124, 249
Морита Тосими, сотрудник филиала № 543 отряда № 731–104
Морозов, советский разведчик — 62
Мохов, перебежчик из СССР — 156, 162
Мураками Кейсаку (Кэйсаку), генерал-лейтенант — 70, 324
Мураками Такаси, полковник, начальник отдела отряда № 731–169–171, 255, 277
Мурама, военнослужащий отряда № 731, капитан — 115
Мурамато, майор, начальник экспедиции отряда № 100–205, 277
Мурата Минору, сотрудник отряда № 731–227
Муто, член общества «Кокусаку-Кенкью-Кай» — 68–69
Мэчуро (Мэгуро), офицер-стажер — 88, 189–190

Н
Нагами Хачироо, японский военнопленный — 223
Нагатомо, член Центрального комитета обороны Японии — 49–51
Нагаяма Таро (Тароо), начальник терапевтического отдела, подполковник — 169, 346
Накагоси Дзюничи, сотрудник филиала № 543 отряда № 731–104
Накадзима, поручик отряда № 100–198, 200–202, 277
Накаи, младший унтер-офицер — 244
Накаи, член Центрального комитета обороны Японии — 49
Накамори Масао, подпоручик — 158
Накасима, поручик, сотрудник отряда № 100–253, 274, 277
Накатомэ Киидзоо, начальник отдела общих дел, полковник — 169–171
Накаяма, военнослужащий Квантунской армии — 45
Накомура, поручик — 188
Неверов, переводчик — 112
Негороженко А. Н., переводчик — 166, 168, 226
Ниси Сюньэй (Тосихидэ), начальник учебно-просветительного отдела отряда № 731, полковник медицинской службы, подсудимый на Хабаровском процессе — 23–24, 27, 29, 31, 87–88, 90, 99, 179, 186–187, 236, 245, 251, 254, 256, 259–262, 264, 267, 269, 271–273, 281–282, 289, 301, 309, 311–312, 316, 324, 346, 348
Нисида, сотрудник 2-го отдела отряда № 731, майор — 89
Нисимура, подполковник — 183
Нистесики, офицер-стажер интендантской службы — 188
Нитано Масадзи, начальник отдела, генерал-майор — 187, 320
Ногата, генерал-лейтенант, начальник управления Военного министерства Японии — 277
Нодзаки, майор — 254, 274, 277
Нува, начальник административно-хозяйственного отделения лагеря «Хогоин», поручик — 161
Ню Шунь-Цай (Гю Дзюн-Сай), агент советской разведки — 54

О
Огикара, сотрудник отряда № 100–220
Огису Риппо, генерал, командующий японскими войсками под Халхин-Голом — 277
Огисо Рихей, генерал-лейтенант — 182, 324
Огородников Б. К., переводчик — 197, 207
Окабэ, секретарь Центрального комитета обороны Японии — 49
Окада, премьер-министр Японии — 64
Окамото, генерал-майор — 74
Окимото, японский разведчик — 85
Окито, японский разведчик, номер — 116
Окуда Масару, японский военнопленный — 191
Ониси, следователь лагеря «Хогоин», старшина — 144, 146–148
Оноуэ Масао, начальник филиала № 643 отряда № 731, майор, подсудимый на Хабаровском

процессе — 25, 27, 31, 236, 244–245, 259–262, 265, 269, 271–272, 274–275, 316, 324
Оогоси, сотрудник торговой части отряда № 731–188
Оониси, фельдфебель — 161, 164
Оосава, очевидец опытов над людьми на полигоне Харбинского филиала — 228, 230, 308–311
Оота (Оотами) Акира, полковник, начальник отдела отряда № 731–255, 274, 277, 346
Оота Киёси (Киоси), полковник — 22, 77, 169, 172, 181, 185
Оота Умёси-Сумиёси, полковник — 128
Осима, подсудимый — 65, 67
Остаци Акира, полковник — 169
Отт Ойген, военный и дипломатический деятель Германии — 66–67, 325
Оцуру, член Центрального комитета обороны Японии — 49
Очооу, генерал — 142

П

Парфилов, перебежчик из СССР — 162
Панюшкин А. С., посол СССР в США — 293, 297
Паулюс Ф., генерал-фельдмаршал германской армии — 315
Пахомова Л. Н., переводчик — 72, 123, 125
Пацация, заключенный лагеря «Хогоин» — 151
Перебоев, военнопленный, заключенный лагеря «Хогоин» — 150, 161, 163, 167, 225
Перминов Г. П., переводчик — 125, 127
Пермяков, переводчик — 119
Песцов, перебежчик из СССР — 162
Петерс, капитан — 112, 179, 186, 232, 235
Петров, старший лейтенант, расстрелян в лагере «Хогоин» — 148
Писарев, следователь УМВД СССР по Хабаровскому краю — 61, 63, 139, 141, 156, 159, 163, 166, 168, 224, 226
Пихота, перебежчик из СССР, служащий ЯВМ — 162
Пляченко, переводчик — 186
Подпалова, переводчик, капитан — 48, 51, 53, 55–57, 59, 61
Поздняков, переводчик — 107
Полунин, агент советской разведки — 151, 156
Полушин, старший оперуполномоченный оперативного отдела Управления лагеря № 16 МВД СССР, лейтенант — 102, 123
Принц Коноэ, премьер-министр Японии — 65, 325
Принц Микаси, офицер — 32, 277, 317
Принц Такэда (Такеда) (Мията), офицер стратегического отдела штаба Квантунской армии, подполковник — 32, 34, 73, 99, 122, 217, 275, 277, 316–317
Прокопенко Г. К., адвокат — 26, 264
Протасов, переводчик — 87

Р

Раздобреев Г. П., переводчик — 61, 63, 139, 141, 156, 159, 163
Риббентроп, министр иностранных дел Германии — 66–67
Розенблит С. Я., старший помощник главного военного прокурора, полковник юстиции — 72
Романов А., белоэмигрант, агент Трехреченской ЯВМ — 61
Руденко, сотрудник УМВД по Хабаровскому краю, капитан — 192, 195
Рукавишников Б. В., переводчик — 193, 195

С

Сагито, младший унтер-офицер — 161
Сайто, ефрейтор — 194
Сайто, писарь лагеря «Хогоин», младший унтер-офицер — 146
Сакай Тецуо, санитар отряда № 731–115
Сакай, жандарм — 184
Сакакибара Хидэо, майор — 126
Сакамото, сотрудник лагеря «Хогоин» — 55
Сакурасита Киёси, сотрудник отряда № 100–273
Санжаровский, переводчик — 242, 244
Санников С. Е., адвокат — 26, 264
Сатаке, член Центрального комитета обороны Японии — 49
Сато Наотакэ, посол Японии в СССР — 298
Сато Сиего, майор, начальник интендантского отделения отряда № 731–188, 277
Сато Сюндзи (Сюиндзи), полковник, подсудимый на Хабаровском процессе — 24–25, 27, 30–31, 45, 68, 72, 80, 88, 169, 236–237, 245, 249, 259–261, 265, 268–271, 304, 316, 325
Сато Юкио, японский разведчик, номер 211-й — 114, 116
Сато, начальник специальной школы № 345 ЯВМ в Харбине, капитан — 72, 143
Сато, рядовой — 145, 147
Сатои, военнослужащий отряда № 731, старший лейтенант — 115
Сафонов Г. Н. государственный советник юстиции 1 класса — 25, 79, 272, 325
Сахаги Хадзима, командир роты, майор — 187
Сегоси Кениси, поручик — 93, 129
Седых, оперуполномоченный оперативного отдела лагеря № 16 МВД СССР, лейтенант — 127
Сенно Игараси, сотрудник лагеря «Хогоин» — 140–141
Сено, сотрудник лагеря «Хогоин» — 161, 163
Сето, майор — 183
Сибано, полковник — 185
Сивано Кейго, начальник материально-производственного отдела отряда № 731–346
Сиката, военнослужащий Квантунской армии — 45
Симамура, старший унтер-офицер — 147, 153, 164
Симидзу Есисукэ, капитан — 85–86
Симизу (Симидзу) Реоске (Рёосуке), старший врач бактериолог, капитан — 107, 115, 128–130, 132
Симоике (Минами), заместитель командира взвода охраны лагеря «Хогоин» — 143–144, 146, 148
Симомура (Дзим), старшина — 144, 146
Симомура, старший унтер-офицер — 153, 162
Сиогоинэ (Минами), помощник командира взвода — 145–146

Сиода, жандармский фельдфебель — 62, 140–141, 153, 161–163, 167–168, 225
Сиоми, руководитель строительства тюрьмы лагеря «Хогоин» — 196
Сионо Сиро, жандарм «Хогоин», старшина — 136
Сирокура Иосиэ, генерал-майор, начальник жандармерии Квантунской армии — 45, 252, 273, 277
Скворцов, перебежчик из СССР — 162
Смирнов, советский разведчик — 140
Смирнов Л. Н., государственный советник юстиции — 18, 26–27, 301
Смирнов С. Е., государственный советник юстиции 3-го класса — 264
Сонода Тароо, начальник учебно-воспитательного отдела отряда № 731, полковник — 169
Сталин И. В. — 17, 24, 34, 79, 278, 295, 319
Сторожной, переводчик — 164
Суга, ст. унтер-офицер — 117
Сугавара, член Центрального комитета обороны Японии — 49
Сугияма Ген, полный генерал японской армии — 178
Судзуки, майор — 68, 171, 254–255, 274, 277
Сун Чжао-Сян (Сон Тё-Ё), агент советской разведки — 52
Сэгоси Кеничи, начальник материального отделения филиала № 543 отряда № 731, подпоручик — 103, 274
Сюй Цзянь-Юань (Кё Кэн-Ган), агент советской разведки — 54

Т

Табэи, начальник 1-го отдела отряда № 731–250, 274, 277
Тагучи, сотрудник лагеря «Хогоин» — 115, 140, 153, 161
Тадамичи Е., начальник противоэпидемического отдела филиала № 673–348
Такасина, вольнонаемный — 124
Такахаси Такаацу, генерал-лейтенант ветеринарной службы, подсудимый на Хабаровском процессе — 24, 30, 80, 91–92, 95–96, 100, 203–204, 208, 236, 245, 247, 255, 258, 260–261, 265, 268, 270–271, 273, 278, 284, 286, 292–294, 313, 316, 326
Такахаси, жандармский фельдфебель — 150
Такая, сотрудник пропагандистского отдела лагеря «Хогоин» — 152–153, 162
Такенака, переводчик — 137, 151–153
Такунага, водитель, ефрейтор — 125
Талицкий, перебежчик из СССР — 156
Тамура Тадаси, начальник отдела кадров Штаба Квантунской армии, полковник — 92–93, 178, 213–214, 216, 218, 232, 272–273, 284, 292
Танака Масами (Ямамото Сеоэй), японский военнопленный — 83–84, 87, 107, 112–113, 127, 130, 191
Танака, инженер — 183, 277
Танака, подполковник, начальник лагеря «Хогоин» — 138, 150–151, 154
Танака, рядовой — 161
Танака, старший унтер-офицер — 158
Танехата Сиро (Кобаяси), заведующий хозяйственной частью лагеря «Хогоин», старшина — 45, 144, 146, 148
Тани Иосио, санитар отряда № 731–115
Танигути, член Центрального комитета обороны Японии — 49–50
Танидзаки, сотрудник лагеря «Хогоин» — 140–141, 161
Танове Синьго, военный врач, капитан — 113, 115
Тасака, фельдфебель, служащий отряда № 731–251, 277
Тачибана Такео, полковник жандармерии — 212, 252, 273
Того, член общества «Кокусаку-Кенкью-Кай» — 64, 68
Тодзио Хидэки (Хидеки), генерал-полковник — 178, 326, 328
Тодзио, премьер-министр Японии — 16, 65, 67, 69–70
Тойода, министр иностранных дел Японии — 65
Токумицу А., начальник материально-производственного отдела филиала № 673–348
Томидзука, вольнонаемный отряда № 731–277
Томията Соотаро, сотрудник филиала № 162–127
Тоо, капитан — 242
Тори Риппэ, начальник 1 отдела филиала № 543, капитан — 194
Тувышев, следователь, младший лейтенант — 107, 130

У

У Дянь-Син (Го Дэн-Ко), агент советской разведки — 52
Уда Есио, фотограф, ефрейтор — 117
Уильям Уэбб, австралийский судья — 18, 301
Умэдзу (Умедзу) Ёсидзиро (Иосидзиро), генерал-полковник, главнокомандующий Квантунской армией — 69–70, 93, 97, 170, 173, 177–178, 212, 214, 218, 247, 254, 266, 273, 275, 277, 281, 284, 288, 292, 316, 326
Умсока (Умэока), офицер-стажер — 187–188
Умэоха Такаси, начальник интендантской службы Суньуского филиала отряда № 731–187
Урабэ Курадзи, японский военнопленный — 102, 123
Уцида, министр иностранных дел Японии — 64, 327
Уэда Кэнкити (Кенкити), командующий Квантунской армией, генерал — 65, 73, 218, 299, 327
Уэмура Цуёси, подполковник — 243

Ф

Филиппов, белоэмигрант, агент Трехреченской ЯВМ — 62
Филонов, оперуполномоченный оперативного отдела лагеря № 16 МВД СССР, младший лейтенант — 105–106
Фудзивара Масао, солдат — 194
Фудзии, член Центрального комитета обороны Японии — 49
Фудзимура, член Центрального комитета обороны Японии — 49

Фудзисиге, сотрудник штаба Квантунской жандармерии — 56
Фукууми (Фукузуми) Мицуёси — 202, 253, 256
Фуруичи (Фуручичи) Есио, сотрудник отряда № 731–239, 242, 250, 253, 272, 274, 281–282, 289, 309
Футаки, сотрудник 2-го отдела отряда № 731–183–184, 251, 273, 277
Футами, научный сотрудник отряда № 731–277

Х

Хаба, фельдфебель — 150, 161
Хабибуллин, перебежчик из СССР — 162
Хагихара, техник — 192
Хамада, инженер — 184
Хара Горо, ответственный исполнитель штаба Квантунской жандармерии — 53, 55–56
Хасимото Кингоро, идеолог японского милитаризма — 245
Хата Сюнроку, генерал-лейтенант — 17, 68, 112, 170–171, 178, 277, 327
Хатаки Акира, рядовой, ассистент лаборанта отряда № 100–105–106, 191–192, 200–203, 219, 221, 223, 252, 273, 284, 291
Хатано, капитан — 151
Хатано, офицер отряда № 731, капитан — 137
Хаяси Тосио, японский военнопленный — 144, 146
Хигучи, фельдфебель отряда № 731–171, 277
Хиразакура (Хирадзакура) Дзенсаку (Дзэнсаку), сотрудник отряда № 100, поручик, подсудимый на Хабаровском процессе — 25, 27, 30–31, 198, 201–204, 207–208, 236, 245, 256, 260–262, 265, 270–271, 273, 284, 291, 304, 313, 316, 327
Хиракава Есито, старший унтер-офицер — 126
Хирота, посол Японии в СССР — 64
Хирохито, император Японии — 18–19, 27, 34, 40, 246, 266, 272, 276, 278, 280–281, 285–289, 293–297, 299, 305, 315, 317, 323, 326, 328–329, 331
Хосоя Хироси, майор — 116–117, 126, 196
Хотта (Хота) Рионичиро (Реончиро, Риочиро), японский военнопленный — 86–87, 129, 186, 272, 275
Хотта, офицер-стажер — 188
Хояси Тосио, военнослужащий в лагере «Хогоин» — 144
Хрупков, капитан — 125, 127

Ц

Цай Фын-Чунь (Сай-Фу-Сюн), агент советской разведки — 54
Царев Н. С., сотрудник МВД СССР, майор — 77–78
Цвиров Е. В., переводчик — 73–74, 90, 96, 101, 120, 122, 208, 215, 219

Ч

Черепанов А., белоэмигрант, агент Трехреченской ЯВМ — 61
Чертков Д. Д., генерал-майор юстиции — 26, 264
Чжан Вень-Шань (Тё Бун-Дзен), агент советской разведки — 52–53
Чжао Дянь-Сян, агент советской разведки — 56
Чжан Цзин-Чан (Тё Кэй-Сё), агент советской разведки — 54
Чжао Юн-Цин (Тё Эй-Кэй), агент советской разведки — 52
Чжу Чин-Мэн (Сю Си-Мо), агент советской разведки — 52
Чичинадзе, заключенный лагеря «Хогоин» — 159
Чумаченко, священник — 150–151, 160

Ш

Шеногин, переводчик, младший лейтенант — 134
Шэнь Юн-Сян (Син Жй-Сё), агент советской разведки — 54

Э

Эномото (Энамото) Эйзоо, старший ефрейтор — 128–129
Эгучи Хокэцу, начальник 3-го отдела отряда № 731–346

Ю

Юма, разведчик, номер 212–116

Я

Ягисава, специалист-ботаник отряда № 731, майор — 185
Ядзава, капитан — 151
Якуменко, перебежчик из СССР — 156
Ямагаси (Ямагиси) Кендзи, лейтенант, заместитель начальника лагеря «Хогоин» — 62, 140–141. 144–145, 147–149, 151, 154–155, 157–158, 160–162, 164, 166, 224, 251, 272, 309
Ямагаси Накано (Кендзи), японский военнопленный — 134–135, 139
Ямагучи, майор — 106, 203–205, 220
Ямада Отозоо (Отозо, Отодзо), генерал — 26–31, 39, 47, 73, 90, 96, 108, 112, 117, 120, 173, 208, 215, 233–234, 236, 245, 247, 250, 256–258, 260–261, 264, 268, 270–275, 278, 280, 282–284, 286, 288, 290–294, 296, 299, 308, 315–317, 328–330
Ямадзаки, капитан — 46
Ямадзаки, секретарь Центрального комитета обороны Японии — 49
Ямамото (Ямомото) Сеуэй (Сёуэй, Сёоэй, Сеоэй, Сиоей, Сеэй, Сиро), японский военнопленный — 83–84, 87, 107, 112–113, 127, 130, 191
Ямамото, адмирал — 69, 331
Яманэ (Наиго), командир отделения, сержант — 144, 147–148
Ямасита Киёси, японский военнопленный — 116, 133
Ямасита Цутому, подполковник — 139
Янагита, начальник ЯВМ, генерал-майор — 331
Яно, командир отделения охраны лагеря «Хогоин» — 144, 147–148
Ясуда, рядовой-курсант специальной школы № 345 ЯВМ в Харбине — 147
Ясуй Киено, мать Ясуй Такео — 142
Ясуй Кумаиы, отец Ясуй Такео — 142
Ясуй Такео (Касаока Ригоди, Риуди), японский военнопленный — 72, 141–142, 145, 164

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Австралия — 18, 23, 245, 296, 301
Адзо г., Маньчжурия — 142
Айчи, префектура Японии — 261, 265
Акита, префектура Японии — 261, 265, 326
Амое г., Китай — 64
Англия — 23, 66, 92, 99, 216, 298, 308
Аньда ст., Маньчжурия — 88–89, 99, 102–103, 106, 131, 175, 183, 188, 190, 194, 204, 207, 209–210, 213, 218, 220, 242, 247–248, 251, 256, 266–267, 279, 283, 287, 291, 306, 345
Асаки дер., уезд Исикава, префектура Исикава, Япония — 105
Афганистан — 245

Байкал оз. — 68–69
Беппе дер., уезд Токаока, префектура Коочи, Япония — 192–193
Берлин г., Германия — 66, 71, 320
Биробиджан г., Еврейская автономная обл. — 145, 147
Благовещенск г. — 69, 285, 292, 307, 330

Великобритания — 17, 33, 67, 279–280, 282, 289, 295–298, 319, 326
Владивосток г. — 17, 67, 69, 71, 321
Ворошилов г. — 69, 285, 292
Восточная Сибирь — 68

Гавайи — 245
Германия — 16–17, 31, 38, 65–71, 180, 245–247, 255–256, 265, 282, 289, 299, 302, 315, 325, 327
Гуань ст., Маньчжурия, Китай — 254
Гунжулин г., Маньчжурия — 192

Дайкоко с., провинция Канко, Маньчжурия — 105
Дайрен г., Маньчжурия — 88
Дальний Восток — 15, 17–19, 21, 26, 28, 31–32, 34, 42, 64–65, 67–69, 71, 137, 185–186, 245, 285, 293, 297, 299, 301–302, 318–319, 322–323, 326–327
Дзейгон дер., уезд Карива, префектура Ниигата, Япония — 134, 166, 224
Дой дер., уезд Аки, префектура Коочи, Япония — 125
Дунань (Дуньань) г., Маньчжурия — 53–54, 135, 158
Дунин р-н, г. Муданьцзян, Маньчжурия — 45–48, 52–53, 55, 59, 181, 211, 307, 317, 329
Дунтинху оз., Китай — 172, 311

Европа — 29, 65, 327

Жэхэ г., Маньчжурия — 184

Иман г., Маньчжурия — 69
Индия Голландская — 245
Индия Британская Восточная — 245
Индокитай п-ов — 68
Исикава префектура, Япония — 105, 127, 191, 219, 261, 265
Италия — 31, 71, 245–246

Кагава префектура, Япония — 261, 265
Кагосима префектура, Япония — 261, 264–265, 324
Каназава г., префектура Исикава, Япония — 127, 129, 261
Касивадзани г., префектура Ниигата, Япония — 134
Кинсю г., Япония — 128
Китай — 16, 18–19, 23–24, 27–28, 30, 33, 40, 42, 63–65, 68–69, 79–80, 92, 95, 103, 121, 129, 143, 157, 168–173, 177–179, 191, 209, 216, 229, 245–247, 253–255, 258, 262–263, 268, 272–274, 277, 279–282, 285, 287–290, 292, 294, 296–301, 303, 307–308, 311–314, 316–317, 321, 325, 327, 329
Китайская Народная Республика — 18, 25, 295, 297, 312
Кобе г., Япония — 87
Комсомольск г. — 69, 160, 223
Комэноцу г., уезд Идзуми, Япония — 261, 265
Корея — 15–16, 19, 26, 33–34, 64, 70, 109–110, 119, 164, 218, 227, 229, 299, 303, 320–321, 323, 328, 330
Косюрей г., Маньчжурия — 105
Куйбышевка (Белогорск) г., Амурская обл — 69
Кумаиси дер., р-н Илси, о-в Хаккайдо, Япония — 223
Кумочи ул., г. Кобэ, Япония — 186

Лагерь «Хогоин», Маньчжурия — 61–62, 72, 78, 134–141, 143–168, 224–225, 251, 277, 300
Линькоу г., Маньчжурия — 116, 181, 188, 273, 306–307, 345
Лодинь г., Маньчжурия — 142

Мадягоу р-н, г. Харбин, Маньчжурия — 187
Малайя — 245
Маньчжоу-го — 16, 19, 49, 58, 211, 252, 300, 322–323, 325, 327, 330
Маньчжурия, Китай — 15–16, 18–19, 21, 30, 32–33, 38–39, 53–57, 63–64, 68–72, 79–80, 84, 87–88, 99, 105, 107–108, 113–114, 118, 127–131, 133, 135, 137–139, 143, 147–148, 153, 156–157, 159–160, 164–166, 168, 171–174, 177–181, 183–184, 186, 189, 193, 209, 212, 216, 220, 224, 226, 229, 234, 246, 252, 255–257, 263, 265–266, 273, 279–282, 287–290, 296, 299–300, 302–303, 305, 307, 311, 313, 317–318, 326–327, 330
Мацуто г., Япония — 105, 191
Мизунами дер., уезд Нимокума, префектура Хиросима, Япония — 102, 123
Могатон мест., Маньчжурия, Китай — 247, 267
Монгольская Народная Республика — 28, 92, 129, 142, 216, 246–247, 279–281, 285, 287–289, 292, 294, 297, 302, 324
Муданьдзян г., Маньчжурия — 88

Мудзян г., Маньчжурия — 146
Мулин г., Маньчжурия — 46, 135
Мукден г., Маньчжурия, Китай — 226, 254

Нагано, префектура Япония — 261, 264, 321
Нанкин г., Китай — 95, 158, 169–171, 270, 312, 325, 329
Находка г. — 321, 323–325, 328, 331
Николаевск-на-Амуре г. — 69
Нимбо г., Центральный Китай — 23, 172, 182–183, 253–254, 273–274, 311
Ниньань (Нингута) г., Маньчжурия — 46
Новая Зеландия — 245, 296, 301
Новосибирск г. — 153
Ноо дер., уезд Сёодзу, Япония — 261, 265

Окинава о-в, Япония — 135, 228
О-ва Тихого и Индийского океанов — 245

Пейан г., Маньчжурия — 84, 107, 128, 131, 133
Пека г.г. Харбин, Маньчжурия — 113–114
Пекин г., Китай — 158, 183, 295, 325
Петропавловск-на-Камчатке г. — 69
Пинфан ст., Маньчжурия — 111, 120, 175, 177, 181, 184–186, 193, 247, 252, 254, 266, 279, 286, 305–306, 310–311, 345

Рим г., Италия — 66
Ринко (Ринько) г., Северная Корея — 88, 226

Сайтама префектура, Япония — 261, 265
Сакаи г., Япония — 130
Северный Китай — 65, 68, 158, 164, 169, 171, 180
Северный Сахалин о-в — 28, 69
Северо-Хинганские провинции, Маньчжурия Сендай г., Япония — 130, 135, 322
Сийоро г., Маньчжурия — 112
Силиньхэ г., Маньчжурия — 46
Синьцзин г., Маньчжурия — 52
Совгавань г. — 69
Сонго г., Маньчжурия — 88
Суйхуа г., Маньчжурия — 84–85, 115, 128–129, 130–132
Суньу г., Маньчжурия — 55–56, 180–182, 185, 188, 212, 259, 269, 273, 301, 306, 311, 324, 348
США — 17–19, 21–23, 31–33, 40–41, 99, 216, 218, 272, 278–280, 282, 286–289, 294–298, 301, 308, 318–320, 322–323, 326, 329
Сэндай г., Япония — 128
Сяосуйфын ст., Маньчжурия — 46
Сяченцэм г., Маньчжурия — 46

Тадзири г., Япония — 260, 264, 321
Тайпинлин г., Маньчжурия — 45–46
Тайюань г., Китай — 171
Ташкент г., Узбекистан — 160
Тоёхаси г., Япония — 261, 328–329
Тоёсато дер., уезд Чисагата, Япония — 261, 264
Токи г., Япония — 128
Токио г., Япония — 18–19, 21, 23, 26, 32, 64, 66, 78, 83, 87, 97, 108, 111–114, 128–130, 134–135, 137, 166, 169, 178, 180, 191, 215, 224, 228, 246, 260, 262–265, 301, 310, 315, 317–319, 323–326, 328–329, 331
Токо г., уезд Катори, префектура Чиба, Япония — 195
Тояма г., Япония — 320
Трехречье обл., Внутренняя Монголия, Маньчжурия — 16, 70, 299
Туаньшаньцзы г., Маньчжурия — 45–46
Тунхуа г., Маньчжурия — 88
Тяньцзинь г., Китай — 254

ул. Сюаньженьцзе, г. Харбин, Маньчжурия — 52
Усио дер., р-н Охара, губ. Симанэ, Япония — 141, 145
Уссури р., Маньчжурия — 54
Учагоу г., Маньчжурия — 244

Филиппины — 245, 278, 302
Фусин г., Маньчжурия — 156, 161

Хабаровск г. — 7, 23–28, 32, 35, 38, 40, 53, 61, 69, 72–73, 79–80, 87, 90, 96, 102, 105, 107–108, 117, 120, 123, 125, 127, 130, 133, 139, 144, 146, 149–150, 157, 164, 166, 168, 179, 192, 195, 197, 208, 215, 219, 221, 224, 226, 228, 232, 235, 242, 264, 272, 276, 278, 280–281, 285–287, 289, 292–296, 303, 321, 330
Хайлар (Халар, Ханларт) г., Маньчжурия — 87–88, 104, 124, 181, 193, 198, 202, 205–206, 208, 249, 273, 284, 291, 306, 313–314, 347
Хайнань о-в, Китай — 158
Хайлин мест., Маньчжурия — 273, 345, 347
Халхин-Гол (Номонган) р., Монголия — 16, 182, 246, 272–273, 279–280, 282, 287–289, 294, 297, 300, 302, 312
Ханьдаохецзы ст., Маньчжурия — 125
Ханьчжоу г., Китай — 172
Харая дер., уезд Чичибу, Япония — 261, 265
Харбин г., Маньчжурия — 17, 20, 27, 52–53, 77, 83, 85, 87–88, 109, 111–115, 117, 120, 123, 126–128, 134–137, 142–143, 145–146, 153, 156, 158, 162, 167, 171, 173–174, 176–177, 181, 183–184, 186–187, 192–193, 195–196, 211, 223–224, 226, 228–231, 233–234, 247, 252, 254, 266, 279, 286, 300–301, 305, 310, 318–319, 331, 345
Хасан оз., Маньчжурия — 16, 28, 71, 246, 299–300, 303, 329
Хасунума дер., уезд Саниму, Япония — 261
Хейбо р-н, г. Харбин — 113–114, 137, 167, 196, 224, 226–227
Хейдзио г., Северная Корея — 109
Хиваки село, уезд Сацума, Япония — 261, 264
Химедзи г., Япония — 186–187
Хиросима г., Япония — 123, 319, 327–328
Хондзё г., Япония — 261, 265

Центральный Китай — 23, 80, 95, 169–173, 177–179, 182–183, 249, 253–255, 258–259, 267–269, 279, 287, 311–312, 321, 329
Цзимусы г., Санцзянская провинция, Маньчжурия — 186
Цзиньчан г., Маньчжурия — 46
Цзыньхуа г., Китай — 171
Цзюйжоу г., Китай — 171
Цзямусак г., Маньчжурия — 87
Цицикар г., Маньчжурия — 88, 186–187, 192, 228, 310

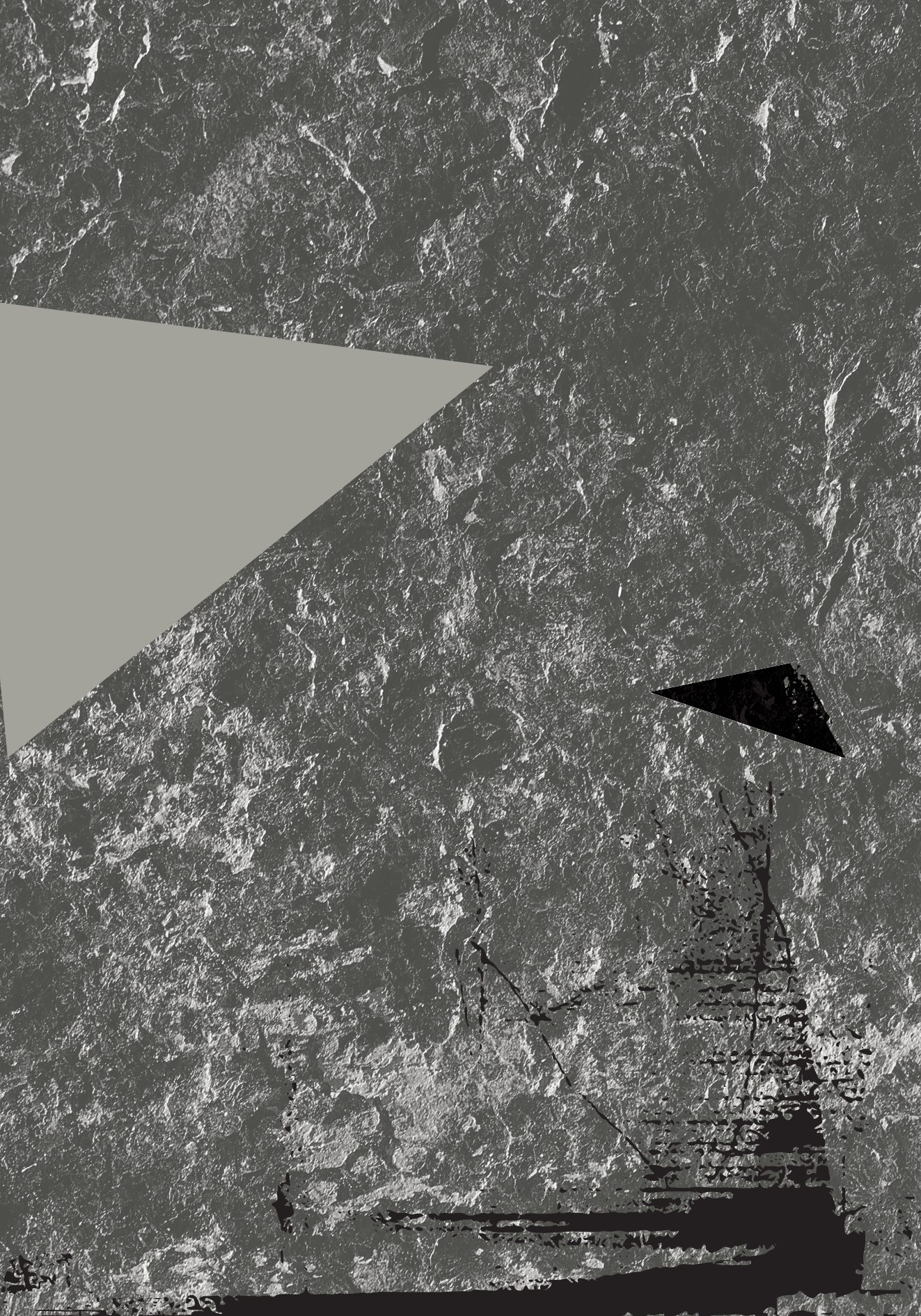
Чандэ г., Китай — 77, 172, 184, 254, 268, 274, 311
Чанчунь (Чаньчунь) г., Маньчжурия — 27, 86–87, 105, 109, 111, 113, 157–158, 186–187, 191, 232, 247, 307, 320, 350
Черногорск г., Хакассия — 112
Чжэган г., Маньчжурия — 77, 170
Чиба префектура, Япония — 195, 261, 264, 321
Чита г. — 330

Шайхайгуань г., Маньчжурия — 184
Шанхай г., Китай — 77, 143, 147, 158, 172, 254, 319, 322

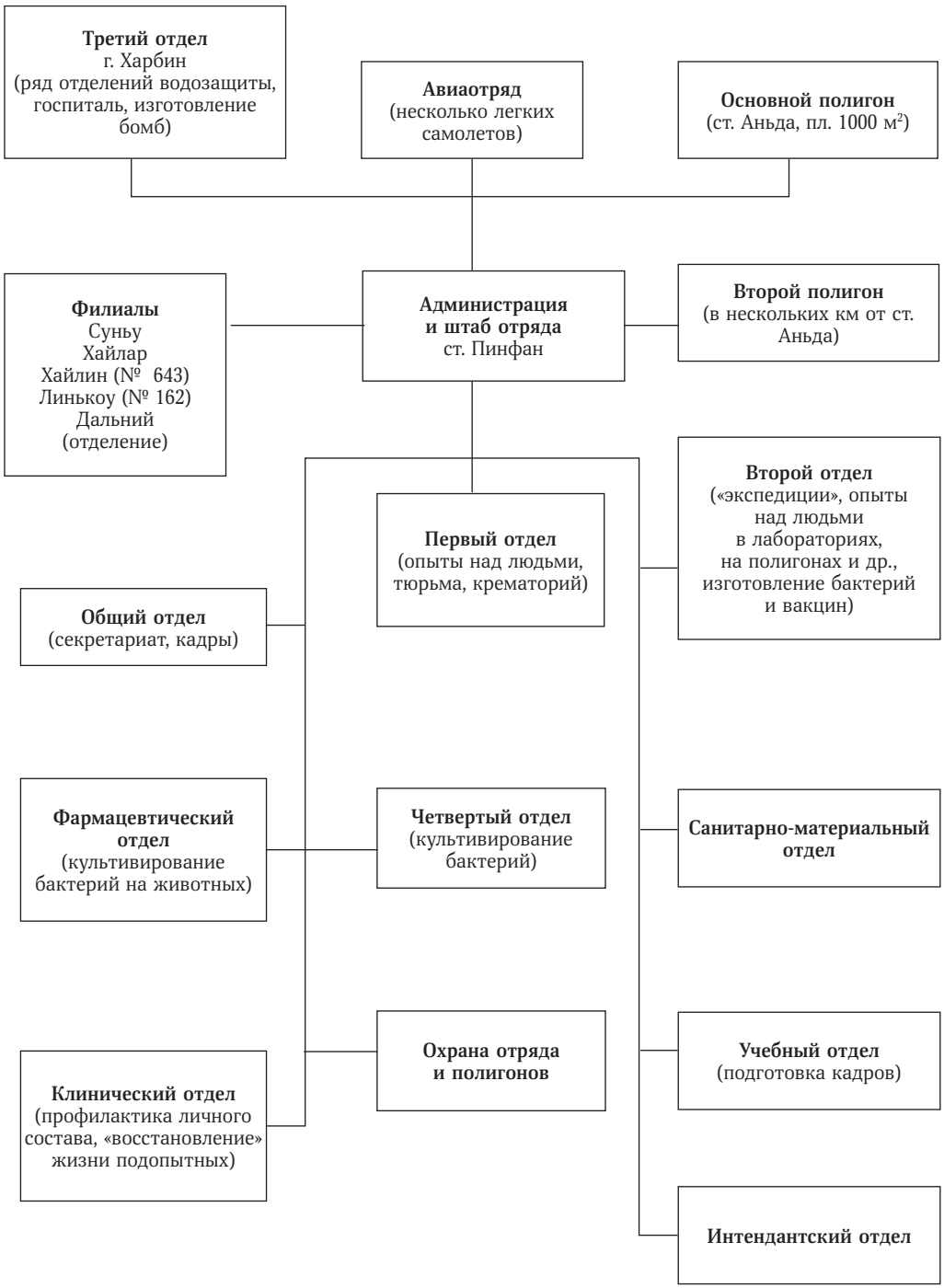
Эхиме префектура, Япония — 261, 265

Юри уезд, Япония — 261, 265

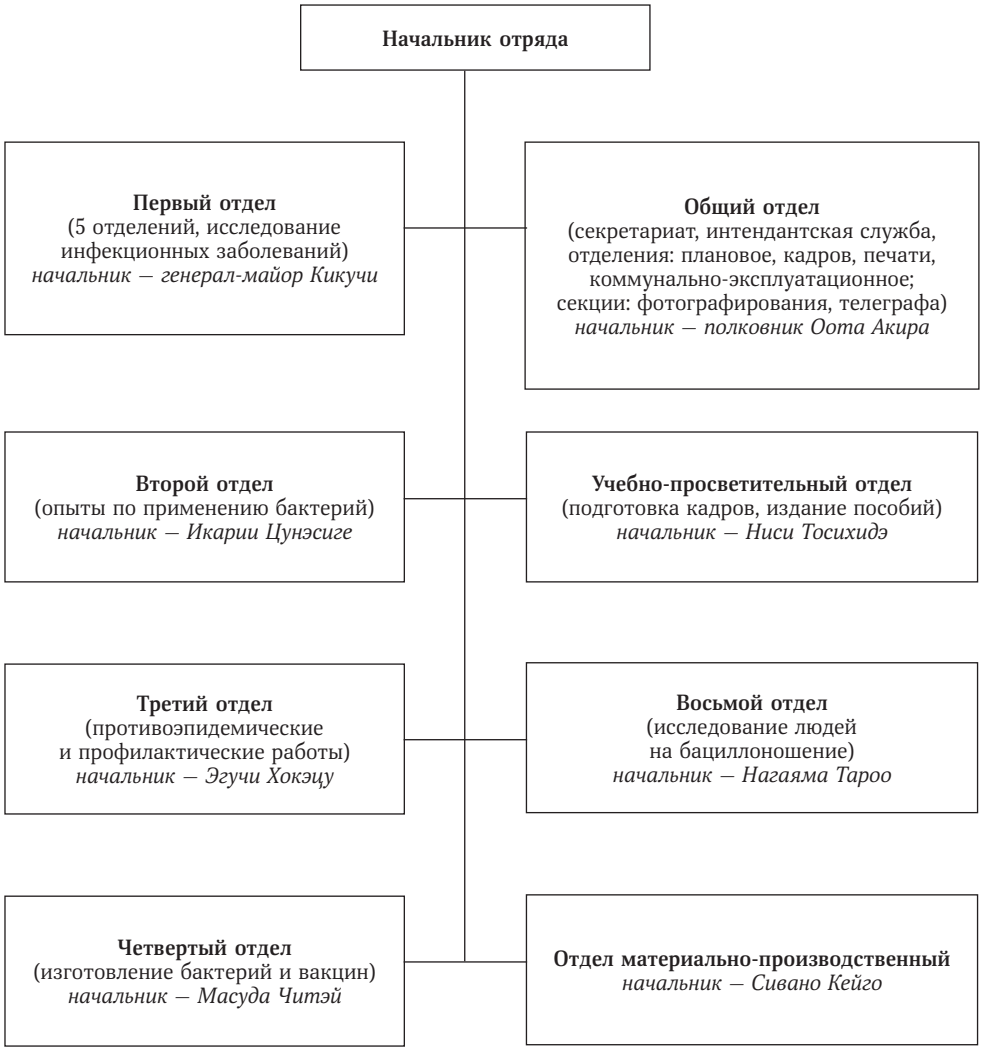
ПРИЛОЖЕНИЯ



Структура отряда № 731 на 1939 г.



Структура отряда № 731 на август 1945 г.

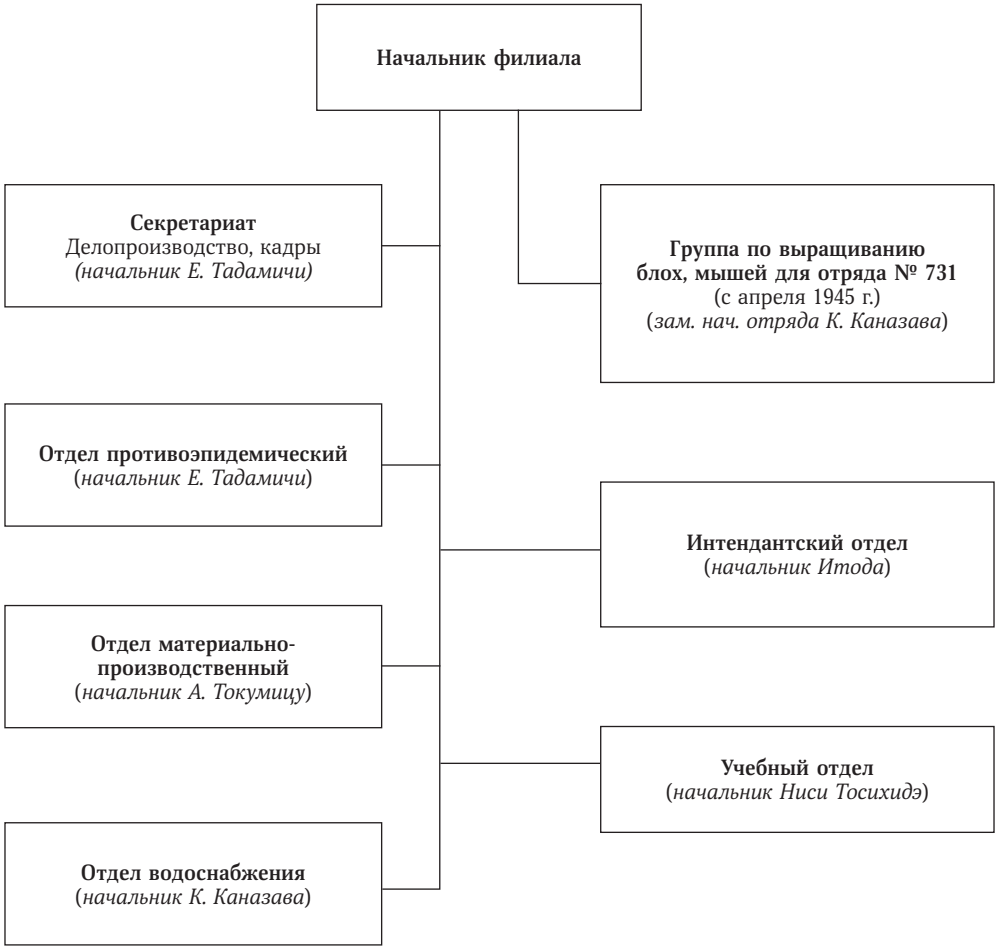


Структура отряда № 643 (филиал отряда № 731) в 1941–1945 гг.

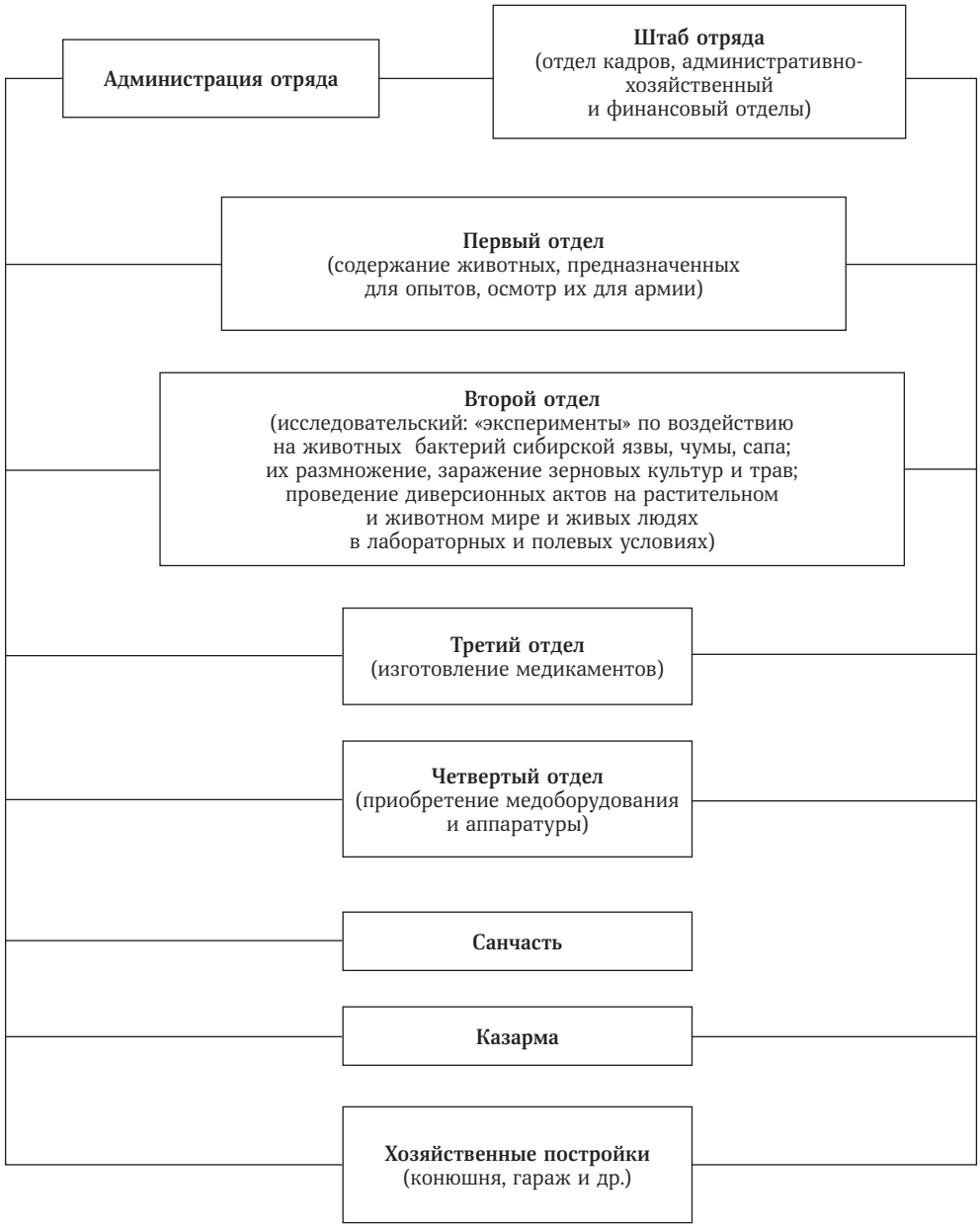
Основан по указу императора в 1941 г.
Расположение: мест. Хайлин в 800 м от Хайлара

Структура отряда № 673 в г. Суньу (филиал отряда № 731) на август 1945 г.

Организован в 1941 г. согласно плану «Кан-Току-Эн»



Структура отряда № 100 в 1936–1942 гг.



Структура отряда № 100 в 1943–1945 гг.

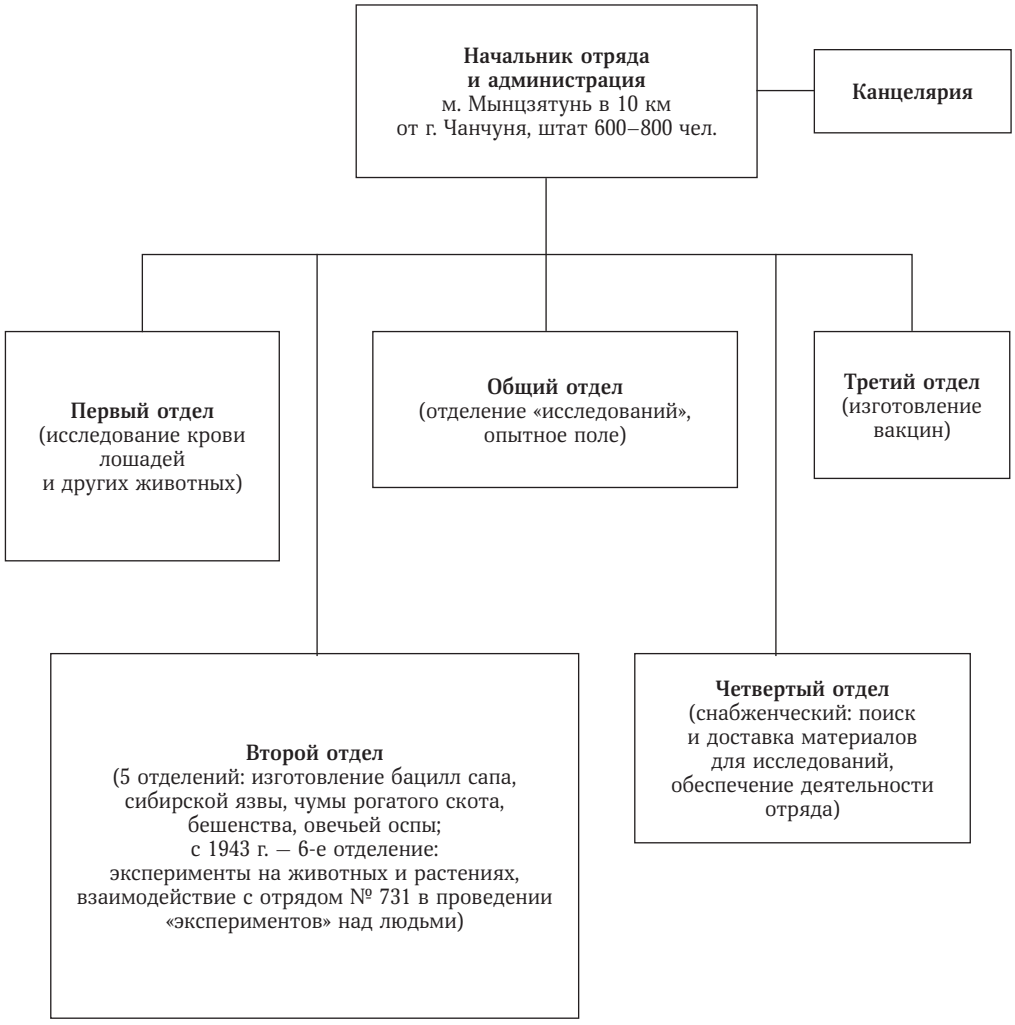
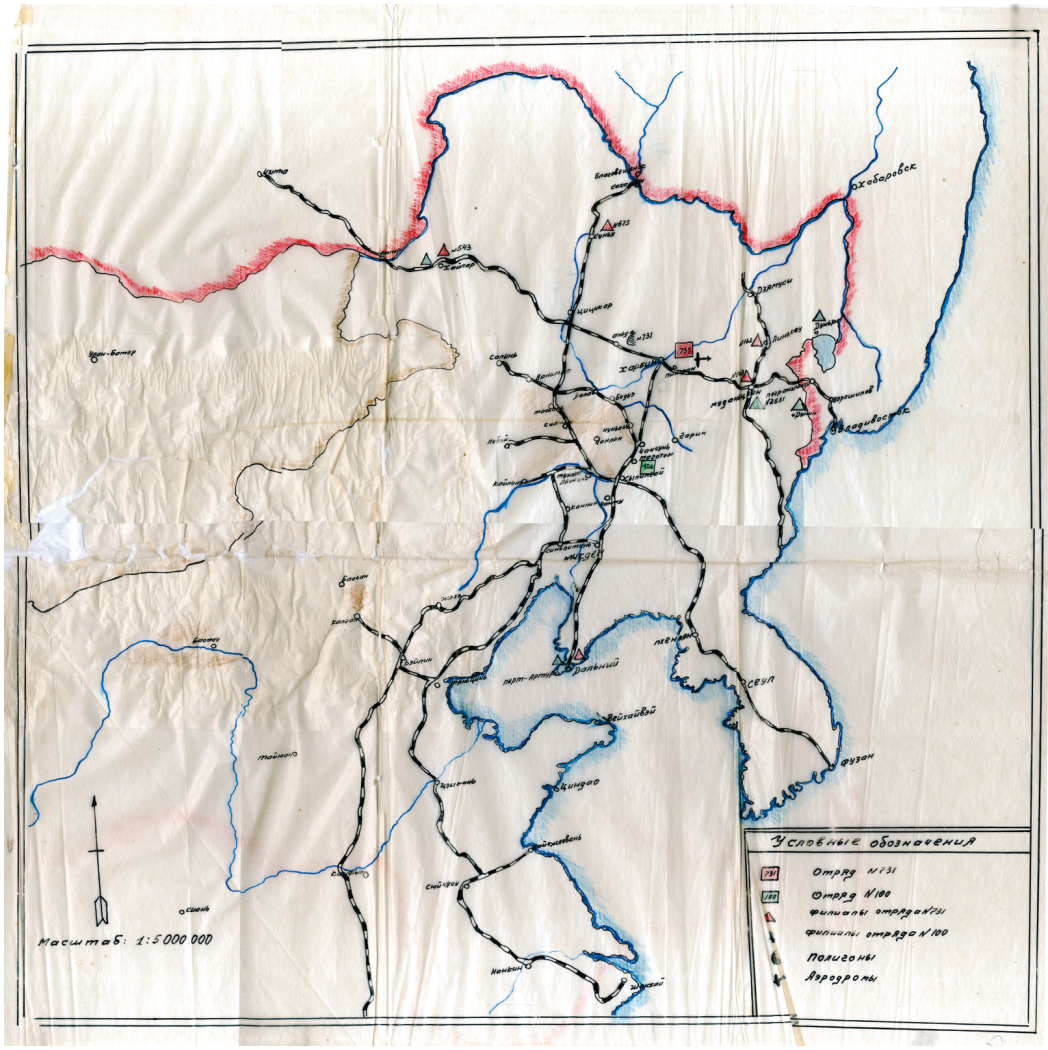


Схема расположения бактериологических отрядов №№ 731 и 100 и их филиалов. 1945 г.



Научное издание

БЕЗ СРОКА ДАВНОСТИ.
ПРЕСТУПЛЕНИЯ НАЦИСТОВ И ИХ ПОСОБНИКОВ
ПРОТИВ МИРНОГО НАСЕЛЕНИЯ В ПЕРИОД
ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

ХАБАРОВСКИЙ ПРОЦЕСС
Сборник документов

Оригинал-макет подготовлен
Фондом «Историческая память»

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ
ФОНД СОДЕЙСТВИЯ АКТУАЛЬНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ ИССЛЕДОВАНИЯМ

Художественное оформление: *М. Левыкин*
Верстка: *А. Григорьев*
Корректор: *Н. Моисеева*
Подготовка иллюстраций: *М. Рогожкина*

Фонд «Историческая память»
119002, г. Москва, Гагаринский пер., д. 35, оф. 8
www.historyfoundation.ru

Подписано в печать 16.12.2021
Формат 70×100 1/16
Усл. печ. л. 28,12
Тираж 500 экз. Заказ № 096.

ISBN 978-5-9990-0085-9

Отпечатано в типографии АО «Ридо»,
603074, Россия, г. Нижний Новгород,
ул. Шаляпина, д. 2а.